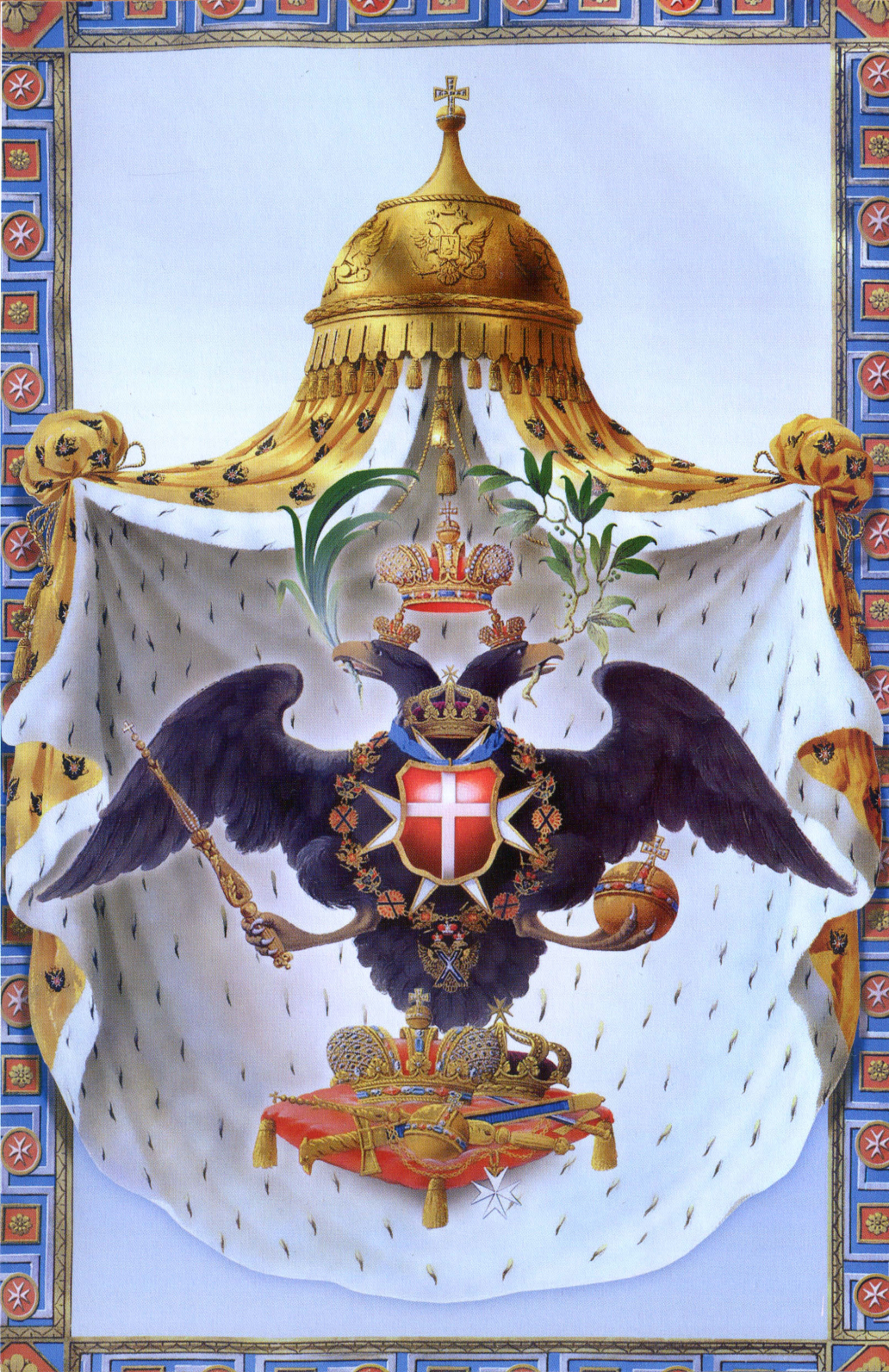

В.А. Захаров В.Н. Чибисов

ОРДЕН ГОСПИТАЛЬЕРОВ

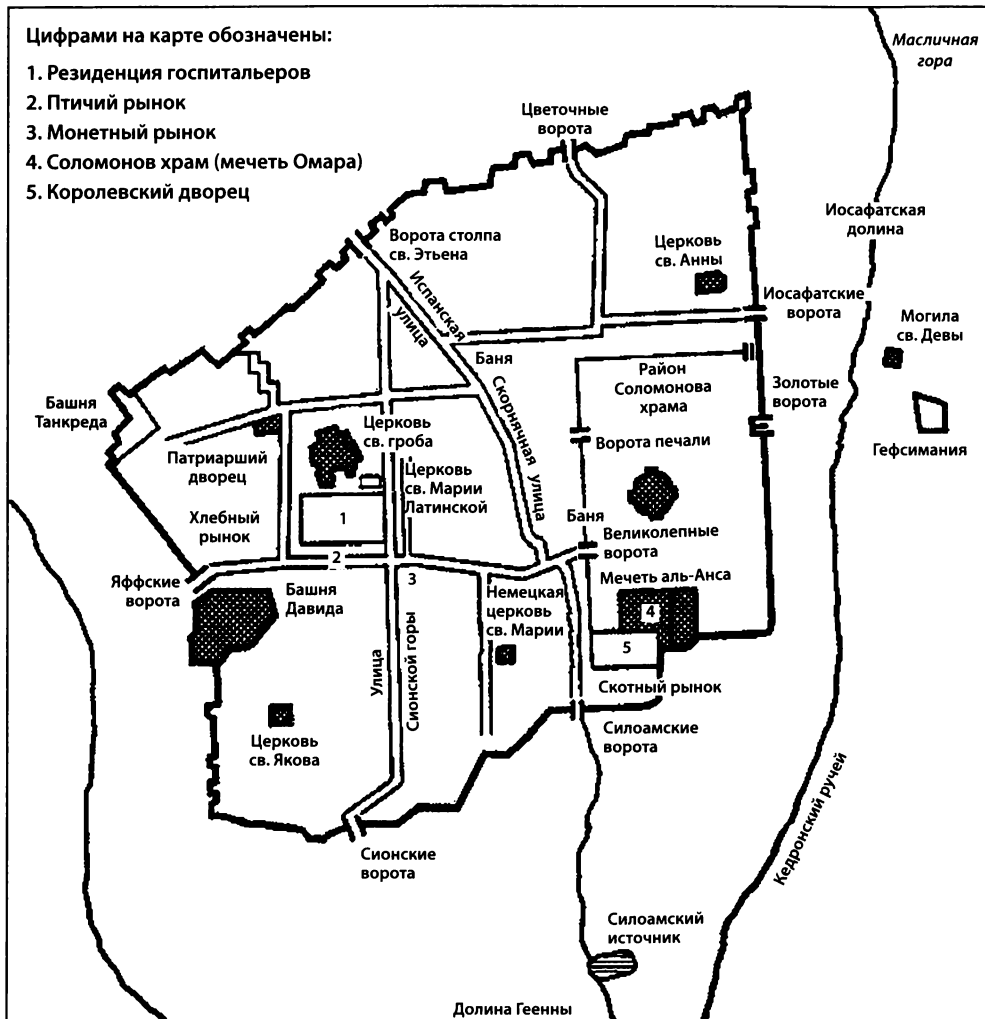

ИСТОРИЧЕСКАЯ
КНИГА

Иерусалим при крестоносцах

Цифрами на карте обозначены:

1. Резиденция госпитальеров
2. Птичий рынок
3. Монетный рынок
4. Соломонов храм (мечеть Омара)
5. Королевский дворец

НАУЧНО-КООРДИНАЦИОННЫЙ СОВЕТ
ПО МЕЖДУНАРОДНЫМ ИССЛЕДОВАНИЯМ МГИМО (У) МИД РОССИИ
ОБЩЕСТВО РУССКО-МАЛЬТИЙСКОЙ ДРУЖБЫ

В.А. Захаров, В.Н. Чибисов

О Р Д Е Н ГОСПИТАЛЬЕРОВ

УДК 272-789
ББК 86.375
3-38

Рецензенты:

В. В. Дегоев, доктор исторических наук, профессор
С. Л. Дударев, доктор исторических наук, профессор

Захаров В. А., Чибисов В. Н.

3-38 Орден госпитальеров / В. А. Захаров, В. Н. Чибисов. — СПб. : Алетейя, 2009. — 464 с.

ISBN 978-5-91419-244-7

В книге впервые комплексно исследуется история одного из древнейших духовно-рыцарских орденов Католической церкви — Ордена госпитальеров, или иоаннитов. Ныне он широко известен под именем Мальтийского Ордена. Его судьба переплелась не только с историей Палестины, Византийской Империи, многих государств Западной Европы, но в конце XVIII века и с судьбой Российской Империи, когда российский император Павел I стал 72-м Великим Магистром Державного Ордена св. Иоанна Иерусалимского. Совсем недавно в Европе прошли торжества, посвященные 900-летию Ордена госпитальеров, но выясняется, что он имеет более древнюю историю. В отечественной исторической литературе эта тема поднимается впервые.

Книга предназначена специалистам, студентам и аспирантам гуманитарных факультетов вузов, а также широкому кругу читателей, которых она познакомит с неизвестной стороной истории Востока, Византии и Запада.

УДК 272-789
ББК 86.375

ISBN 978-5-91419-244-7

9 785914 192447

© В. А. Захаров, 2009
© В. Н. Чибисов, 2009
© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2009
© «Алетейя. Историческая книга», 2009

ВВЕДЕНИЕ

Орден госпитальеров или иоаннитов, который ныне больше известен под именем Мальтийского ордена, имеет многовековую историю. Она имеет свои периоды взлета и падения и напрямую относится к наиболее важным событиям истории европейского Средневековья и Переднего Востока, включая Византийскую империю.

Достижения ордена госпитальеров в области благотворительности и военно-морского дела до сих пор поражают всех, кто знакомится с ними. Не менее важную роль играла международная, охватывавшая всю римско-христианскую Европу орденская структура. Трудов об истории ордена госпитальеров на русском языке пока что еще немногочисленны, но в то же время существует обширная литература об общей орденской истории, вышедшая за рубежом¹.

Разнообразные ассоциации возникают у современного читателя при произнесении слов «Мальтийский орден». Для кого-то это название является экзотическим словосочетанием, кто-то представляет рыцаря в черном плаще с белым крестом на его левой стороне. Вспоминают русского императора Павла I, который был Великим Магистром ордена. Но в то же время в печати можно прочесть немало выдумок, вроде такой, например, журналиста А. Рожинцева, что после избрания в 1806 г. нового Великого Магистра Мальтийского ордена «союз с масонами становится все более очевидным. Ныне Суверенный орден окончательно утратил свою независимость и пал под натиском масонов. От Христианского рыцарского духа, которым так восторгался император-мученик Павел I Петрович, не осталось и следа»². Ну а членами этого ордена у нас в России

¹ См.: *Захаров В. А.* 1) История Мальтийского Ордена. Библиографический указатель. — М.: «Русская панорама», 2002. — 126 с. [Посольство Мальты. Институт Европы РАН]; 2) Мальтийский Орден. Библиография. М.: Издательство «Огни», 2003. 237 с.

² <http://rozhintsev.narod.ru/czar/pamjat/pavel1.htm>

делали и М. Горбачева, и Б. Ельцина и Б. Березовского, да и всех вообще демократических политиков современной России.

Все эти утверждения в принадлежности самого ордена к масонству, а его членов к тайным правителям мира, как и к членству в нем различных российских политиков, не более чем вымысел.

Ныне Мальтийский орден — это не просто наградной крест рыцарской структуры. Так называется современное европейское государствовподобное образование, называющее себя «суверенным государством». Оно находится в Италии, а его руководство утверждает, что оно имеет экстерриториальный статус. Возраст Мальтийского ордена или, как его еще называют, ордена св. Иоанна Иерусалимского перевалил за девять столетий, его история замысловатым образом перекликается с прошлым Святой Земли, Средиземноморья, России и связана с настоящим Европы.

Это образование с полным правом можно назвать единственным в мире, внешне сохранившим в почти неизменном виде свое исконное государственное устройство. Ныне это государствовподобное образование известно под именем «Суверенный Рыцарский Госпитальерский орден Святого Иоанна Иерусалимского, Родоса и Мальты» (сокращенно — Суверенный Мальтийский Орден, Мальтийский орден)¹. Его современное официальное название на английском языке: The Sovereign Military Hospitaller Order of Saint John of Jerusalem of Rhodes and of Malta, отсюда и его аббревиатура — S. M. O. M. Но если брать историческую основу, то правильно название ордена должно быть таким: «Суверенный рыцарский орден госпиталя во имя святого Иоанна Крестителя, что в Иерусалиме, рыцарей Родоса и Мальты».

Несмотря на все исторические перипетии, происшедшие с орденом святого Иоанна Иерусалимского, до недавних пор его членами — рыцарями, были исключительно потомки старинных дворянских родов. Только с начала 60-х гг. XX века членом ордена могут стать и лица не дворянского происхождения, но, как правило, это люди очень состоятельные или занимающие видное положение в современном обществе.

Феномен Мальтийского ордена объясняется тем, что, во всем мире до сих пор считается престижным быть членом этого прославленного в веках духовно-рыцарского ордена, ныне превратившегося в элитарное международное объединение. И хотя с течением времени многое изменилось на карте Европы, Мальтийский орден пытается старательно сохранять свои традиции.

¹ Именно так он назван в Конституциях 1961 и 1997 гг. в статье 1, параграфе 3. См.: Constitutional Charter and Code of the Sovereign Military Hospitaller Order of St. John of Jerusalem of Rhodes and Malta. Rome, 1998. P. 9.

«Мальтийскими» рыцари ордена святого Иоанна Иерусалимского стали называться лишь со времени их появления на острове Мальта. Пребывание это длилось недолго — всего 268 лет из более чем 750 лет его тогдашнего или 900 лет его нынешнего существования. На протяжении своей многовековой истории орден не раз вынужден был менять свое местонахождение.

Вначале они были «рыцарями-госпитальерами» или «рыцарями-иоаннитами», с 1291 г. они стали «рыцарями Кипра», с 1306 г. «рыцарями Родоса». А когда получили во владение (1530 г.) от императора Священной Римской империи германской нации Карла V острова Мальту, Гоцо и Комино и город Триполи на севере Африки, стали «рыцарями Мальты». Впрочем, и позднее орден продолжали называть «орденом иоаннитов», «орденом госпитальеров» или «орденом святого Иоанна Иерусалимского». Все эти наименования сохранились до сих пор, хотя словосочетание «Мальтийский орден» — самое популярное.

Данное исследование посвящено начальной истории Мальтийского ордена, тому времени, когда орден еще назывался орденом госпитальеров или иоаннитов.

В течение прошедшего XX в. границы многих европейских государств не раз меняли свое очертание. Но Мальтийский орден, заняв еще в 1834 г. дом на виа Кондотти и дворец на Авентинском холме в Риме, до сих пор существует в своем прежнем виде. На первый взгляд даже кажется, что за стенами дворца Великих Магистров ничего не произошло. Но эта тишина оказывается иной раз обманчива. А за внешним блеском мальтийских рыцарей, за расшитыми золотом или строгими черными облачениями рыцарей, с накинутым на плечи черным плащом, скрываются интриги и сложные переплетения человеческих судеб.

И прошлое и современное устройство Мальтийского ордена — монархия. Его главой является Великий Магистр, имеющий титул Князя Священной Римской Империи. Полный титул Великого Магистра на латинском языке: *Dei gratia Sacrae Domus Hospitalis Sancti Johannis Hierosolymitani et Militaris Ordinis Sancti Sepulchri Dominici Magister humilis pauperumque Jesu Christi custos*, который переводится так: Божией Милостью Священного Странноприимного Дома Святого Иоанна Иерусалимского и Рыцарского ордена Святого Гроба Господня Смиренный Магистр и убогих во Христе Иисусе Охранитель. Часть этого титула знаменует пожалование Великому Магистру Пьеру д'Обюссону магистерства в Ордене святого Гроба, сделанное папой Иннокентием VIII в 1489 г., носившее временный характер.

Обладая рангом кардинала и принца королевской крови так же, как и достоинством князя Священной Римской империи и в прошлом

правлящего князя Родоса, а затем Мальты, Великий Магистр пользуется как титулом Высокопреосвященства, так и титулом «*Eminentia*» т. е. «Высочества», точнее «Высокопреосвященнейшего Высочества». Он признаётся на международном уровне главой государства, пользуясь соответствующими суверенными почестями¹.

У современного Суверенного Мальтийского ордена нет парламента в привычном для нас смысле. Великий Магистр управляет орденом при содействии Суверенного Совета, который он сам возглавляет и который состоит из четырех высших должностных лиц Великого Магистерства, избираемых Генеральным Капитулом: Великий Командор, Великий Канцлер, Великий Госпитальер и Держатель Общего Казначейства, а также из шести членов Совета. Обладатели этих должностей выбираются из числа рыцарей, принесших обеты, и, в виде исключения, из числа рыцарей послушания (профессов)². Папа римский назначает своим представителем при Суверенном Мальтийском ордене Кардинала Римской Церкви. Он именуется *Cardinalis Patronus* (Кардиналом-Покровителем) и пользуется помощью Прелата ордена, который также утверждается папой. Прелат ордена — это церковный руководитель орденового духовенства и помощник Великого Магистра в его попечении о духовном благополучии ордена. Иными словами, Прелат занимается духовным окормлением рыцарей.

Жизнь и деятельность современного Суверенного Мальтийского ордена регулируются Конституцией, утвержденной папой, и Кодексом (Сводом законов). Последняя редакция этих основополагающих документов была утверждена папой Иоанном-Павлом II в 1998 г.³

В то же время в законодательстве Мальтийского ордена традиционно используется «Кодекс де Рогана», изданный Великим Магистром де Роганом еще во второй половине XVIII в.⁴ Кодекс сохраняет свою действенность как дополнительный правовой источник в тех случаях, когда его положения применимы и не противоречат двум другим вышеуказанным источникам права. Юридические вопросы и проблемы, имеющие для ордена интерес и значение, разбираются Консультативным Юридическим Советом, назначаемым Великим Магистром с согласия Суверенного Совета.

¹ *Annuaire Orde Souverain Militaire Hospitalier de Saint-Jean de Jerusalem de Rhodes et de Malte* 1998/1999. Roma, 1998. P. VII.

² *Constitutional Charter and Code of the Sovereign Military Hospitaller Order of St. John of Jerusalem of Rhodes and of Malta*. Rome, 1998. P.31. Существует термин «обетный» рыцарь.

³ *Ibid.* P. 1.

⁴ *Codice del Sacro Militare Ordine Gerosolimitano Riordinato Per Comandamento Del Sacro Generale Capitolo Celebrato Nell' Anno MDCCLXXVI Sotto Gli Auspicj di Sua Altezza Eminentissima il Gran Maestro fra Emanuele de Rohan*. Malta, 1782.

Нынешний Мальтийский орден имеет собственные суды первой инстанции и апелляционные суды с председателями, судьями, блюстителями юстиции и ассистентами с правом совещательного голоса Суверенного Совета, назначенными Великим Магистром. Апелляции по приговорам орденских судов могут подаваться и в Кассационный Суд Государства Ватикан, который в таких случаях, действуя по доверенности от имени ордена, исполняет функции Верховного Суда. Коллегия Аудиторов, избираемых Генеральным Капитулом, контролирует доходы и расходы ордена. Генеральный Капитул состоит из руководителей региональных подразделений ордена, разбросанных по всему земному шару: Приорств, Командорств, Ассоциаций.

У Мальтийского ордена существует герб, флаг и гимн. Имеется и денежная единица: тари—грани—скудо — золотые, серебряные и никелевые монеты, но имеют хождение они только на территории здания, расположенного в Риме на виа Кондотти № 68. Орден выпускает почтовые марки, и даже подписал почтовые соглашения с более чем 60 государствами. Правда, письма с орденскими марками пересекают границы в одном большом конверте, оплаченном почтовыми знаками Италии или Ватикана. Придя в страну, с которой имеется соглашение, пакет вскрывается на международном почтамте, письма вынимают и затем рассылают по указанным на них адресатам. Да, это больше экзотика, чем реальность. Но кому-то это нравится.

И хотя в последние 40 лет XX века Мальтийский орден был признан частью мирового сообщества как субъект международного права, но у него отсутствуют самые главные признаки государства. Он не имеет территории и населения. Свои суверенные функции он проявляет только в установлении дипломатических отношений. Несмотря на то, что на сегодняшний день уже свыше 100 стран установили дипломатические отношения на уровне Чрезвычайных и Полномочных Послов, назвать его полноправным государством невозможно. Следует отметить, что до сих пор у ордена нет дипломатических отношений с крупными государствами (Великобританией, Германией, Францией, Швецией, США, Канадой, Японией, Китаем и др.), хотя во многих из них активно действуют ассоциации мальтийских рыцарей.

Однако даже получение статуса постоянного наблюдателя при ООН было дано Мальтийскому ордену не как государству, а как общественной организации — «Суверенному ордену Госпитальеров святого Иоанна Иерусалимского» (о чем орден дипломатично умалчивает), показывает, что интерес к нему со стороны мировой общественности имеется немалый.

В 1992 г. между Мальтийским орденом и Российской Федерацией были восстановлены дипломатические отношения на уровне Чрезвычайных и Полномочных Послов, при этом имелось в виду, что межгосударственные

отношения существовали еще во времена императора Павла I. Однако полноправного посольства в России в то время не было открыто. Дипломатическим представителем Суверенного Мальтийского ордена была и остается до сих пор Миссия. Тогда объяснялось это тем, что представительство Ватикана, под которым в то время находился орден, тоже имело статус миссии. Прошло уже свыше 15 лет, Ватикан получил статус посольства, а Миссия Мальтийского ордена остается в неизменном виде.

В Риме, в особняке на виа Кондотти, регулярно проходят заседания правительства ордена и раз в несколько лет собирается Генеральный Капитул, здесь проходят официальные встречи с главами других государств и обмен верительными грамотами. Время от времени послы при Мальтийском ордене меняются. При отъезде послы и чиновники посольств получают красивые орденские награды. Как правило им вручают орден «Pro Merito Melitensi», который имеет много степеней. Этот орден получают и многие государственные деятели, главы правительств тех стран, куда с официальным визитом прибывает Великий Магистр. Но этот наградной орден не является знаком принадлежности к членству в Мальтийском ордене.

В 1999 г. во многих европейских государствах устраивались празднества по случаю 900-летия Мальтийского ордена. Начались они на Мальте, в ее столице Валетте, на том самом острове, который до 1798 г. принадлежал ордену. Но с тех пор как Мальта была сдана Наполеону, Мальтийский орден оказался без территории. Первоначально его приютил Павел I, но после убийства русского императора штаб-квартира ордена находилась в разных городах Италии, пока он не обосновался с 1834 г. в Риме.

Хотя Мальтийский орден и имеет все признаки государства, однако таковым не является. Почему?

Вопрос о суверенитете Мальтийского ордена вставал неоднократно, но решить эту проблему ордену пока не удалось. Авторы специальной монографии по международным правовым проблемам считают, что субъектом международного права является носитель таких прав и обязанностей, «возникающих в соответствии с общими нормами международного права либо предписаниями международно-правовых актов»¹. В течение времени происходили значительные изменения в этом понятии².

¹ Международное право / Под ред. Ю. М. Колосова и В. И. Кузнецова. М.: «Международные отношения», 1995.

² Термин «суверенитет» появился в политической и правовой практике в период становления абсолютных монархий и использовался королевской властью в борьбе против феодальной раздробленности. Первоначально носителем суверенитета считался абсолютный монарх, поскольку его личность отождествлялась с личностью государства (согласно известной формуле Людовика XIV «государство — это я»). И лишь с ликвидацией феодализма в качестве носителя суверенитета государство стало рассматриваться как таковое.

В XX в. признание за тем или иным субъектом суверенитета имеет две точки зрения. Согласно декларативной теории, которая в большей степени отвечает реальностям международной жизни, признание не сообщает дестинатору соответствующего качества, а лишь констатирует его появление и служит средством, облегчающим осуществление с ним контактов <...> Однако в тех случаях, когда признают субъектом международного права такие образования, которые объективно не могут быть ими (например Мальтийский орден), признание приобретает конститутивный или, точнее, квазиконститутивный характер, придавая видимость приобретения качества, которое признающий желает видеть у дестинатора»¹.

Авторы обращают внимание на определенную специфику, которую имеет вопрос о международной правосубъектности Ватикана и Мальтийского ордена.

Если относительно Ватикана (Святейшего Престола), можно сказать, что он внешне обладает почти всеми атрибутами государства — небольшой территорией, органами власти и управления и даже населением, то относительно Мальтийского ордена точка зрения авторов совершенно определена. Они пишут: «Мальтийский орден в 1889 году был признан суверенным образованием. Местопробывание ордена — Рим. Его официальная цель — благотворительность. Он имеет дипломатические отношения со многими государствами. Ни своей территории, ни населения у ордена нет. Его суверенитет и международная правосубъектность — правовая фикция»².

Необычность и даже уникальность феномена существования нынешнего Мальтийского ордена требует не только объяснения, но и дает возможность проводить анализ в двух плоскостях: исторической и политической. Здесь можно говорить о некоей горизонтали (о месте и значении данного государства в современной жизни и политике) и о вертикали (т. е. о его месте в многовековой традиции, о его связи с прошлым). Современность и традиция, политика и история — эти понятия постоянно переплетаются в жизни ордена.

Если вспомнить, как о Мальтийском ордене писали в советской исторической литературе, то мы увидим, что за орденом «госпитальеров» тогда была закреплена далеко не лестная оценка. Его считали клерикальной подрывной организацией, связанной со спецслужбами Запада.

Так, Р. Ю. Печникова в своей книге «Мальтийский орден в прошлом и настоящем», подводя итоги своему исследованию, пишет: «Не следует

¹ Международное право... С. 67.

² Там же. С. 63–64.

забывать, что определенная часть госпитальеров сосредоточила свои усилия на совершенно ином поприще. Рыцарское братство превратилось в часть буржуазного «истеблишмента» и выполняет строго отведенные ему функции: используя филантропию, успешно действовать там, куда вход более одиозным организациям по тем или иным причинам затруднен».

И далее автор отмечает, что «тайные операции орденой верхушки не должны заслонять от нас того факта, что Мальтийский орден, благополучно пережив бурные исторические перипетии, сумел утвердиться в мировом сообществе в первую очередь благодаря тому, что провозгласил своей целью и воплощает в жизнь извечную человеческую ценность — милосердие и заботу о ближнем»¹.

Действительно, госпитальерская служба Мальтийского ордена, возобновленная в середине XIX в., активно развивалась во время военных действий, как первой, так и второй мировых войн. Несколько затихшая в период орденового кризиса 50–60-х гг. XX в., она вновь возобновилась в 70-е годы и активно действует в наши дни.

Говоря о Мальтийском ордене, мы должны особо отметить, что именно он оказался тесно связан с историей России. Наибольшая активность взаимоотношений этих двух государств падает на время царствования императора Павла I, внесшего неопределимый вклад в дальнейшую судьбу ордена. Ведь это Павлу I принадлежит заслуга восстановления государственности ордена, его суверенитета.

* * *

Вопрос о хронологическом разделении истории ордена госпитальеров поднимался в 80-х годах XX века известным советским медиевистом М. А. Заборовым. Он назвал 5 главных фаз истории Мальтийского ордена:

1. Период крестовых походов (до 1291 года).
2. Поселение на Кипре (1291–1310).
3. Родос (1310–1522).
4. Мальта (1530–1798).
5. С 1834 года по наше время².

С предложенным хронологическим разделением можно было бы вполне согласиться, однако в нем имеются некоторые лакуны. Так, отсутству-

¹ Печникова Р. Ю. Мальтийский орден в прошлом и настоящем. М.: «Наука», 1990. С. 165.

² Заборов М. А. Мальтийские рыцари. // Религии мира. М., 1984. С. 150–151.

ет небольшой в хронологическом исчислении, но весьма значительный в истории Мальтийского ордена, промежуток времени между 1798 и 1834 г. А в пятый раздел М. А. Заборов объединил слишком большой промежуток времени. В 2003 году В. А. Захаров предложил следующую общую хронологию истории Мальтийского ордена:

1. Предыстория: от возникновения до конца крестовых походов (с VI в. до сдачи Аккона 8 мая 1291 г.).
2. Госпитальеры на Кипре (1291–1310 гг.).
3. Государство госпитальеров на Родосе (1310–1522 гг.).
4. Орден на Мальте (1530–1798 гг.).
5. Петербург — Рим (1798–1803 гг.).
6. Мессина — Рим (1803–1834 гг.).
7. Рим (1834–1879 гг.).
8. Восстановление Великого Магистерства до первой мировой войны (1879–1914 гг.).
9. От первой Мировой войны — до начала 50-х гг. (1914–1951 гг.).
10. Кризис в Мальтийском ордене (1951–1962 гг.).
11. Мальтийский орден в Риме с 1962 г. по настоящее время¹.

В 2005 г. Ю. В. Яшневу и И. А. Настенко предложили свою хронологию общей истории Мальтийского Ордена, в которой они выделили шесть основных и четыре промежуточных периода:

- A) период крестовых походов (1198–1291);
a-b) поселение на Кипре (1291–1308);
- B) пребывание на Родосе (1308–1522);
b-c) поиски пристанища (1522–1530);
- C) пребывание на Мальте (1530–1798);
- D) пребывание в России, затем в Мессине (1798–1805);
d-e) правление Лейтенантов (1805–1879);
– деградация (1805–1834, Мессина Катанья, Феррара),
– возрождение (1834–1879, в Риме на виа Кондотти);
- E) правление Великих магистров (1879–1951);
e-f) кризис в 1950-х (1951–1962);
- F) обновленный орден (с 1962 г. по настоящее время)².

¹ Захаров В. А. 1) Суверенный Мальтийский Орден в конце XIX–XX вв. и его положение в системе европейских государств. Диссерт. на соискание уч. степени кандидата историч. наук. М., 2003. С. 9–10; 2) Мальтийский орден: история и современность. М.: «ОГНИ», 2003. Кн. 1. С. 13–14.

² Настенко И. А., Яшневу Ю. В. История Мальтийского ордена: В 2-х кн. Книга 1. М.: «Русская панорама», 2005. С. 11.

При этом авторы с удивлением отметили, что «известный специалист по истории Мальтийского ордена XIX–XX вв. В. А. Захаров разбивает период с 1803 г. (?) на 5 периодов».

Предложенная нами хронология не просто дробное разделение истории ордена госпитальеров, по нашему мнению, каждая дата является определенным кардинальным этапом в его существовании. Предложенная нами хронология позволяет более конкретно охватить все основные этапы истории ордена святого Иоанна Иерусалимского и дает возможность лучше отразить определенные социально-политические и экономические предпосылки и условия его развития, характерные для каждого из перечисленных отрезков времени. То же самое, по сути, сделали Ю. В. Яшнев и И. А. Настенко, только основные периоды заменили — на промежуточные.

В то же время, история ордена в эпохи Средневековья и раннего Нового Времени, с точки зрения военно-политических событий, может быть разделена на четыре временных отрезка, выражающихся и в переносе орденской резиденции:

До 1187 г. Иерусалим, 1190–1206 гг. замок Маргат, до 1288 г. Аккон, 1292 г. Лимассол (Кипр), 1310–1522 гг. Родос, и после многократного переноса в пределах Апеннинского полуострова получение с 1530 г. Мальты. Однако по нашему мнению, такое дробное разделение вряд ли оправданно, в то время как обозначить нахождение ордена на Кипре, Родосе и Мальте должно быть обязательным.

* * *

В истории Мальтийского ордена, уходящей в глубокую древность, немало тайн, загадок и вымысла. Данная работа представляет собой первую в отечественной исторической науке попытку проанализировать его историю от появления в Палестине странноприимных братств до получения острова Мальты. Мы пытаемся сделать это без идеологических штампов и домыслов, а основываться на исторически достоверных источниках. Автор рассматривает свою скромную работу как первую попытку в этом направлении, ни в коем случае не претендуя на полноту и исчерпывающее изложение заявленной темы.

В заключении мы хотели бы специально отметить, что в отечественной исторической литературе имеются многочисленные статьи, в которых орден госпитальеров под разными названиями: иоаннитов, св. Иоанна Иерусалимского или Мальтийский орден, — упоминается в той или иной связи. Но попыток написать исторический очерк появления и жизни ордена госпитальеров в течение примерно пяти–шести веков, до 1530 года, никогда

в нашей стране не предпринималось. Авторы отдают себе отчет, что в этом первом историческом исследовании немало недостатков, но в то же время понимают, что теперь последующим исследователям есть что критиковать, и есть над чем работать. Эту книгу можно рассматривать и как серию отдельных очерков, связанных общей темой последовательного изложения истории госпитальеров на фоне мировой истории. Поэтому в некоторых главах можно встретить незначительные повторы.

Считаем необходимым еще раз отметить, что хронологически работа посвящена лишь первым трем периодам предложенной нами хронологии истории ордена госпитальеров, а также начальному этапу четвертого. Авторы понимают, что данное исследование затрагивает не только историю самого ордена госпитальеров, но приходится касаться самых разнообразных фактов в истории европейско-азиатского мира за длительный, многовековой промежуток времени.

В 2006 г. в издательстве «Вече» вышло исследование одного из авторов, посвященное русско-мальтийским отношениям XVI–XIX вв.¹ Оно затрагивает частично 4, полностью 5 и 6 пункты предложенной нами хронологии истории ордена.

Нам хочется искренне поблагодарить Игоря Александровича Савкина за то, что он не побоялся издать эту монографию, пусть и не совсем совершенную, но начало изучения истории ордена госпитальеров положено.

¹ *Захаров В. А.* История Мальтийского ордена в России. М.: Вече, 2006. 528 с. с илл.

Глава 1

Возникновение духовно-рыцарских орденов

Распространение христианства, признание его государственной религией внесло в жизнь верующих благоговейное отношение к восточным святыням, к тем местам, за которыми закрепилось одно название — Святая Земля, Палестина, те земли, где жил, проповедовал, творил чудеса и был распят на кресте Христос. Особое почитание этих мест старательно культивировалось, и уже в III–IV вв. верующие начинают совершать паломничества в эту далекую землю, откуда начинают привозить святыни, частички мощей, даже куски земли из этих мест¹. Для паломников начинают создавать своеобразные путеводители. Одним из самых ранних и знаменитых был Бордоский итинерарий. Он содержит описание путешествия из Бордо (Бурдигалы) до Иерусалима по святым местам (333 г.). Известны «Свод сведений об Иерусалиме», составленный в V/VI вв., «О положении Святой Земли» («De situ Terrae Sanctae») Феодосия и приписываемый Антонину из Плаценции. Этот итинерарий представляет описание паломничества в Иерусалим, совершенного около 570 г. Особое место занимает итинерарий

¹ Как писал Филипп Шафф в своей книге «История христианской Церкви» (Глава VIII, §§ 87, 88): Первые признаки поклонения мощам известны уже во II веке, в Антиохийской Церкви, где кости епископа и мученика Игнатия (умер в 107 г.) сохранялись как бесценное сокровище; и в Смирне, где наполовину сожжённые кости Поликарпа (умер в 167 г.) считались «более ценными, чем драгоценные камни и золото высшей пробы». Автор «Апостольской Конституции» (6 книга, относящаяся к концу III в.) призывает почитать мощи святых, которые находятся вместе с Богом живых, а не мёртвых, приводя такие примеры, как чудо оживления костей Елисея, почитание Иосифом останков Иакова, перенесение костей Иосифа в землю обетованную Моисеем и Иисусом Навином. Евсевий утверждает, что епископский престол Иакова Иерусалимского сохранился до его времени, почитаясь, как святыня. См.: *Schaff Philipp*. Geschichte der alten Kirche. Bd. II. Leipzig: J. C. Hinrichs, 1867.

Эгерии. Такие итинерарии представляют собой важный документ для изучения ментальности населения того времени и паломнического движения вообще, а также содержат ценнейшие сведения по географии, топографии и археологии Палестины.

Но далеко не все просто было в судьбах паломников, их поджидали опасности по всему пути, а начавшееся вскоре арабское нашествие не оставило пыл верующих, а лишь раззадорило многих из них. Желание любым путем попасть в Иерусалим стало еще сильнее, популярность паломничества только возросла. И тут на помощь пилигримам пришли воины.

Западной христианской Церкви было вовсе не чуждо взятое из Ветхого Завета крылатое выражение «Жизнь человека есть борьба». В переводе Священного Писания на латинский язык, сделанном в IV в. н. э. (так называемой «Вульгате»), слово «борьба» переведено словом *militia*.

Слово «*militia*» в его латинском значении не имеет ничего общего с аналогичным по звучанию современным русским словом «милиция» и никак не связано с какой-либо правоохранительной деятельностью. Русское слово, несомненно, имеет латинское происхождение и родственно связано с оригиналом, но сегодня это два разных существительных с совершенно разным смыслом. Итак, латинское «*militia*» происходит от слова «*miles*», что в античное время означало свободного воина, добровольца, участника ополчения, а позднее рыцаря. В Средние века этим словом стали называть рыцарей, которые также участвовали в военных предприятиях как свободные воины, в отличие от рекрутированных подневольных крестьян и наемных регулярных войск. В буквальном смысле слово «*miles*» означало «рать», «воинство», «ополчение». Таким образом, главное в этом понятии — это принцип добровольности участия¹.

¹ Его аналог имеется в древнерусском языке, где слово «рать» имело два значения «битва», например, «не хвались идучи на рать...», но в то же время и «войско» (во время Отечественной войны 1812 года русские ополченцы именовались «ратниками»). В Новое время, латинским словом «*militia*» стали называть любое ополчение, добровольно собравшееся, чтобы защищать свои интересы перед лицом неприятеля. Сегодня в большинстве европейских языков существуют слова, производные от этого латинского оригинала, именно со значением «ополчение» (английское «*militia*» — «народное ополчение», немецкое «*Miliz*», с тем же значением, французское «*milice*», итальянское «*milizia*» и т. д.). В эпоху Нового времени и христиане, вынужденные с оружием в руках отстаивать свою жизнь и веру, также не раз собирались в дружины, которые назывались *militia christiana* («христианское ополчение»). Можно привести и еще один пример, относящийся к началу XX века. Вооруженные силы Приамурского Собора генерала М. К. Дитерихса в 1920–1922 гг. носили официальное название — «Земская Рать» и т. д. См.: Акунов В. В., Захаров В. А. Духовно-рыцарские ордены // Рыцарский клуб. Сб. исследований и материалов. Вып. 1. М.: Русская панорама, 2002. С. 6–10.

Жан Флори, занимаясь проблемой идеологии средневекового дворянства, сделал несколько интересных выводов, которые относятся непосредственно к сути нашего исследования. Анализируя слова, обозначающие самоназвание рыцарей, он отметил, что еще с начала Крестовых походов как к «мирским» солдатам, так и к крестоносцам стало применяться для их обозначения слово *militia*. Тогда же оно стало употребляться и к членам военных орденов — госпитальерам и тамплиерам, и даже к монахам и епископам, которые часто именовались *milites Dei* или *milites Christi* и даже просто *milites*. Но уже к XII веку, словом *militia* стали называть только рыцарей¹.

Из незнания этих фактов произошла позднейшая ошибка, столь часто встречающаяся в наши дни. В современном английском названии Суверенного Мальтийского ордена: *The Sovereign Military Hospitaller Order of Saint John of Jerusalem of Rhodes and of Malta*, слово «*Military*» ошибочно переводят как «военный». В то время как правильно его надо переводить как «рыцарский». Именно так он переводится, например, на немецкий язык: «*Der Souveräne Malteser-Ritter-Order*».

Однако первые христиане вели «духовную брань» и бились исключительно «духовным мечом», ибо руки их были нередко в оковах. Но вели они, хоть и духовную, но все же брань, и, видимо, потому Св. Бенедикт Нурсийский, основатель западноевропейского монашества, назвал в 543 г. монастырскую жизнь «духовной ратной (т. е. военной) службой», а монахов, оставляющих мир и все, что в миру, ради Господа — «ратью Христовой» или «Христовым воинством» (*militia Christi*).

Известный русский историк и философ Л. П. Карсавин в своей книге, посвященной истории христианского монашества, писал: «Братство стремящихся к Богу представляется Бенедикту в виде военного отряда — *schola* <...> Поэтому и деятельность монаха выражается словом *militare* — «служить»; и устав не что иное, как *lex, sub qua militare vis* — закон нерушимый и непреложный, как непреложен закон воинской дисциплины. Святой устав содержит все нужное для воина Господня; это — «устав-наставник». И само послушание — дисциплина монастыря — и неограниченная власть аббата превращают братство в воинство Христово². Итак, образ христианина как воина Божия присутствует в Церкви с самого момента ее основания и является неотъемлемой частью христианской традиции.

По мере возрастания хаоса в Европе, подвергавшейся с начала Средневековья нападениям бесчисленных полчищ враждебных христианству варварских народов — венгров (мадьяр), аваров, норманнов, куманов

¹ Флори Жан. Идеология меча. Предыстория рыцарства. СПб.: Евразия, 1999. С. 23.

² Карсавин Л. П. Монашество в средние века. М., 1992. С. 58.

и многих других, Римская Церковь была вынуждена, наряду с духовным мечом, вооружиться и мечом вполне земным, железным, выпавшим из ослабевших рук светской власти. А уже концу XI — началу XII вв. Западная Церковь меняет свое отношение к войне. Появляются представления о том, что война ни в коем случае не противоречит христианской этике, а наоборот, может быть «Священной войной». Все это способствовало возникновению особого склада ума, особого типа мышления средневекового человека, названного немецким историком XX века К. Эрдманом «крестоносным мышлением», посвятившем этой проблеме прекрасную книгу¹. Ну а поскольку война может быть священной, если она идет на пользу Церкви, то Церковь может не только благословлять такую войну, но и призывать к ней. Отсюда, как справедливо писал Хартмун Бокман, «до появления воинского монашеско-рыцарского братства — рукой подать, и сделать это тем проще, что перемена в отношении христианской религии к войне превращала воинское ремесло в ремесло христианское, порождало новое рыцарство с одному ему присущей этикой»².

Действительно, вскоре в средневековой Европе возникает идеал христианского рыцарства. Образ рыцаря (*miles*) в сознании людей и донине ассоциируется с благородством и бесстрашием. Его миссия заключается в защите тех, кто сам по каким-либо причинам не способен постоять за себя. Л. П. Карсавин по этому поводу замечает: «Не будучи еще аскетическим и не сливаясь еще с монашеским, рыцарский идеал был уже идеалом христианским. Рыцари — «те, кто служит Богородице, преданные от всего сердца», были, по мысли идеологов, защитниками слабых и безоружных, вдов и сирот, защитниками христианства против неверных и еретиков»³. Так появились религиозные структуры, которые сочетали в себе идеалы христианской аскезы и воинского служения. Им, конечно, приходилось сражаться за веру и с оружием в руках. И вопреки существующим сегодня представлениям, это вовсе не противоречило сути христианства. «Нет такого закона, — писал св. Бернард Клервосский, — который бы запрещал христианину поднимать меч. Евангелие предписывает воинам сдержанность и справедливость, но оно не говорит им: «Бросьте оружие и откажитесь от воинского дела!». Таким образом, рыцари-крестоносцы стали символом самоотверженного служения Богу и Церкви, и этот благородный образ долгое время служил знаменем всей средневековой Европы. Многие святые: св. Петр Амьенский, св. Бернард

¹ *Erdman C.* Die Entstehung des Kreuzzugsgedankens. Stuttgart, 1935. Эта книга много раз переиздавалась.

² *Бокман Х.* Немецкий орден. Двенадцать глав из его истории. М.: «ЛАДО-МИР», 2004. С. 20.

³ *Карсавин Л. П.* Монашество в средние века... С. 114.

Клервосский, св. Адьютор Вернонский, бл. Урбан II и другие явились инициаторами и активными участниками движения христианского рыцарства к освобождению Святой Земли.

Св. Франциск Ассизский в начале своего пути тоже мечтал стать рыцарем Церкви, хотя и избрал впоследствии другую форму служения Богу. «Появилось новое рыцарство — воинство Божие (*militia Dei*), — пишет в своей книге Карсавин. Ему не нужны женственные наряды мирского рыцарства. Новое рыцарство заперло двери своих домов для мимов, магов и скоморохов; оно презирает игры, страшится охоты. Редкие часы досуга посвящаются починке одежды и оружия. Молитвы наполняют день, и взрывы смеха сменились святым пением псалмов»¹.

Любопытно, что еще римский папа Григорий VII Гильдебранд (1073–1085) во время похода на норманнов, снабжал все свои послания обязательной припиской: «Из военного стана». Ему, кстати первому, принадлежит идея крестовой войны против неверных. Произошло это буквально в первые годы его понтификата, после того, как в 1071 году Иерусалим, которым до этого владела Византия, попал в руки турок-сельджуков. Но лишь его борьба за примат римского первосвященника, а затем за инвеституру, которой он посвятил почти все годы своего правления, не дали осуществиться этим планам.

Вообще римским папам в то время постоянно приходилось заботиться не только о духовном воспитании людей, не менее важной была забота о сохранении и приумножении богатств, о сохранении подвластных им территорий. Все это приводило к мысли иметь не просто наемную армию, но как-то организовать существующих в значительных количествах монахов в своеобразную армию. Церковь всерьез задумывается над богословским обоснованием идеи рыцарства. Но только в 1145 году папой Евгением III была выпущена специальная булла, посвященная христианскому рыцарству, которая так и называлась — «*Militia Dei*». Итак, все было подготовлено к официальному утверждению того, что существовало полулегально.

Приведем еще одно размышление Хартмуна Бокмана. В главе, посвященной учреждению духовно-рыцарских орденов, своей книги о Немецком ордене, он пишет буквально следующее: «Похоже, переход от рыцаря-христианина к рыцарю-монаху, соблюдавшему монашеский устав, но взявшему в руки оружие, уже назрел»².

Вооруженное монашество уже существовало, и вопрос о его официальном признании был лишь делом времени. Помогла цепь случаев, которые,

¹ Карсавин Л. П. Монашество в средние века... С. 116.

² Бокман Х. Немецкий орден... С. 20.

по сути, стали закономерностью. И хотя произошло это не сразу и далеко от Рима, в далекой Палестине, тем не менее, начало было положено в 1118 году официальным признанием первого духовно-рыцарского ордена — «Ордена Храма».

Их предшественниками, как мы уже сказали, были военизированные братства, появление которых относится ко времени Константина Великого (305–337), когда его мать царица Елена начала активно искать следы пребывания Христа в Святой Земле. Слава об этом разнеслась по всему тогдашнему миру. В правление Константина произошло не только официальное признание в 313 году христианства, но начался процесс, который венгерский историк папства Е. Гергей очень метко охарактеризовал следующими словами: «Христианская церковь уплатила за свою свободу и за союз с властью большую цену: ей пришлось пойти на службу властям империи, в связи с чем, императоры стали вмешиваться в церковные и религиозные вопросы. В результате смыкания государства и христианства возникла общность их судеб. Благодаря этому с помощью государства возрастало могущество церкви, но за это власть неоднократно брала верх над церковью»¹.

Итак, непрекращающийся поток пилигримов в Палестину требовал охраны путешественников. Еще до крестовых походов эту работу стали выполнять члены военизированных братств, появившихся в Святой Земле. Они оказывали помощь паломникам, занимались уходом за больными, а также их защитой от грабителей и мусульман, что в ту эпоху было немаловажно.

Их не только можно сравнивать с появившимися, спустя несколько веков, духовно-рыцарскими орденами, но и утверждать, что именно они явились их прообразом. Одним из отличий этих братств от военно-духовных орденов было в том, что некоторые из них, например, братство св. Георгия в Лидде и Вифлееме, объединяли в своих рядах не только «латинян» (т. е. исповедников западного христианского обряда), но и восточных христиан — несториан, мелкитов, яковитов, маронитов, а в Эдесском графстве и армян-григориан. Постепенно военные братства превращались в монашеские общины, жившие по установленным им самими правилам, которые даже не всегда были преобразованы в устав. Христианизация Европы на государственном уровне, шедшая от Константина Великого претерпевала разнообразные коллизии. Его последователи не всегда ее последовательно продолжали, известны случаи отчуждения от христианства и усвоение языческого мировоззрения, что было, как мы помним, при

¹ Гергей Е. История папства / Пер. с венгерск. М.: Изд-во «Республика», 1996. С. 29–30.

императоре Юлиане (Отступнике). Но следует обратить внимание на следующий, весьма знаменательный, пример, позволявший привлекать к любому вероучению значительное число сторонников. Речь идет об известном письме Юлиана к верховному жрецу Галатии по имени Арсакий, написанном в 362/3 г., в котором, в частности, имеются следующие строки:

...В каждом городе устрой достаточное число странноприимных домов, чтобы чужеземцы воспользовались нашим гостеприимством, и не только те, которые принадлежат к нашей вере, но все, кто нуждается в помощи. Мною приняты меры относительно средств к содержанию. Ежегодна на всю Галатию будет отпускаться 30 000 модиев жита и 60 000 ксестов вина; пятая доля из этого назначается для бедных и для служащих при жрецах, остальное в пользу иностранцев и нуждающихся¹.

В средневековье усиливается религиозный характер путешествий, который некоторые советские атеисты неверно именовали «массовым религиозным фанатизмом». Религиозные убеждения, искренняя вера в Бога, побуждали миллионы верующих, приверженцев различных религиозных учений, совершать паломничества к святыням: мусульман в Мекку, христиан — в Иерусалим и Рим. Путешественников принимали в гостиницах, но больше в монастырях и странноприимных домах, которые представляли собой разновидность гостиниц и содержались религиозными структурами.

Подобную «миссионерскую» тактику активно использовали впоследствии христиане не только в Святой Земле, но и во многих регионах средневековой ойкумены. Несмотря на сложности жизни Палестины, переход ее из одних рук в другие, христианские странноприимные дома продолжают существовать, они находятся в руках небольших общин не всегда монашеских. Позже они стали подчиняться капитулам, существовавшим при многочисленных епископах Палестины.

В течение XI–XIV вв. возникли пятнадцать крупнейших духовно-рыцарских орденов, составлявших основную ударную военную силу западных христианских народов в борьбе с мусульманами и язычниками. В отличие от крестоносных ополчений светского рыцарства, которые по завершении очередного «паломничества» возвращались домой, рыцари-монахи постоянно оставались на «фронте» борьбы с антихристианскими силами.

Мы хотим обратить внимание на интересную и немаловажную для историков статью Ю. В. Яшнева «Духовно-рыцарские ордены»², в которой автор

¹Цит.: Успенский Ф. И. История Византийской империи VI–IX вв. М.: «Мысль», 1999. С. 83.

²Яшнев Ю. В. Духовно-рыцарские ордены (Очерк истории явления. XII–XIII вв.) // Сборник Русского исторического общества. Т. 9 (157). Мальтийский орден и Россия / Под ред. В. А. Захарова. М.: «Русская панорама», 2003. С. 33–41.

хотя и кратко, но скрупулезно и аналитически подошел к заявленной проблеме, как к объективному историческому явлению того времени.

В то же время, Ю. В. Яшнев обратил внимание на то, что процесс изучения духовно-рыцарских орденов до сих пор имеет свои сложности, из которых на первом месте стоит легендарность и фантастичность сведений, приводимых многими авторами. Так, Ю. В. Яшнев сообщает, что известный английский историк Алан Фори указал, что уже в первой такой энциклопедической работе, вышедшей в 1603 году, содержалось немало вымысла¹.

Еще больше выдумок было в книгах А. Фавина и М. Маркюза², сведения о никогда не существовавших орденах, придуманных ими, кочуют из издания в издание, вот уже без малого три века.

Главный вывод Ю. В. Яшнева, что «духовно-рыцарские ордены, несмотря на иногда отмечаемое сходство со средневековыми военными организациями некоторых стран Востока <...> имеют, безусловно, католическое происхождение и возникли именно в условиях европейской христианской военной экспансии под духовным предводительством Римской Церкви в XI–XIII вв. Два направления этой экспансии — крестовые походы в Святую Землю и испанская Реконкиста — дали жизнь практически всем духовно-рыцарским орденам» — безусловно справедлив³.

Среди посвященных истории духовно-рыцарских орденов исследований западноевропейский ученых, появившихся в начале XX века, следует назвать труд Хенрика Прутца⁴, и хотя эта книга несколько устарела, но автор обобщил весь существующий на то время материал и критически его рассмотрел. Если мы составим перечень главных военно-монашеских орденов средневековья, то увидим, что все они хорошо известны как современникам, так и историкам:

1) Орден Храма, храмовников, или тамплиеров («Орден бедных рыцарей Христа и Храма Соломонова») — этот первый официально зарегистрированный орден, созданный исключительно в военных целях — для вооруженной защиты паломников к святым местам. Он был основан около 1120г.; позднее он дал начало испанскому ордену Монтезы и португальскому ордену Христа;

2) Орден иоаннитов, или госпитальеров (странноприимцев) — от слова «госпиталь», т. е. «странноприимный дом». Значение «военная больница» данное слово приобрело позднее, поскольку орден был создан между

¹ *Mennenius F. Deliciae equestrum sive militarium ordinum. 1603. См.: Forey A. J. The Emergence of the Military Order in Twelfth and Thirteenth Century // Journal of Ecclesiastical History, XXXVI. Cambridge University Press, 1985.*

² *Яшнев Ю. В. Духовно-рыцарские ордены... С. 33, прим. 1.*

³ Там же. С. 33.

⁴ *Prutz H. Die geistlichen Ritterorder: Ihre Stellung zur kirchlichen, politischen, gesellschaftlichen und wirtschaftlichen Entwicklung des Mittelalters. Berlin, 1908.*

1050 и 1080 гг. в качестве братства по уходу за голодными и усталыми паломниками, и лишь шесть десятилетий спустя орден взял на себя также функции военного рыцарского ордена;

3) Орден Святого Гроба, или Гроба Господня, основан в 1120 г. для охраны этой главнейшей святыни всего Христианского мира. Он отличался от тамплиеров, иоаннитов и других учрежденных в Палестине военно-духовных орденов тем, что с самого дня своего основания подчинялся не римскому папе, а латинскому патриарху Иерусалимскому. После ликвидации Иерусалимского королевства в связи с невозможностью охранять далее Гроб Господень орден потерял былое значение, но сохранился до наших дней и, между прочим, имеет православную ветвь;

4) Орден Святого Лазаря (точный год основания неизвестен), чьи рыцари (кавалеры), преимущественно итальянского происхождения, носившие черную одежду с белой каймой и зеленым восьмиконечным крестом, наряду с ратной службой, лечили больных паломников (поэтому орденская больница называлась «лазарет»). Позднее орден Святого Лазаря перешел исключительно на лечение прокаженных (избирая себе даже магистра из числа рыцарей, зараженных проказой¹), а уход за другими больными взяли на себя госпитальеры;

5) Орден Святого Духа, учрежденный в 1190 г. также для ухода за больными и ранеными пилигримами;

6) Орден Святого Бенедикта Авизского (Эворы) — основан в 1145 г. для борьбы с мусульманами (маврами), главным образом в Португалии;

7) Орден Алькантары — основан в 1157 г., как и следующие три ордена, для борьбы с маврами, также главным образом в Испании;

8) Орден Калатравы (или Сальватьерры) — основан между 1158 и 1163 гг.;

9) Орден Крыла св. Архангела Михаила — основан в 1167 г.;

10) Орден св. Иакова и Меча (Сантьяго) — основан в 1160–1170 гг.;

11) Орден Лилии (точный год основания неизвестен);

12) Орден святого Лаврентия (до нас дошло только его название);

13) Орден Монжуа — основан в 1180 г.;

14) Тевтонский, или Немецкий, орден (полное название: «Орден Немецкого госпиталя святой Марии что в Иерусалиме», позднее — «Тевтонский Орден святой Марии», «Орден рыцарей Дома святой Марии Тевтонской» и др.) — основан в 1190 г.²;

15) Орден гладиферов или братьев-меченосцев, основан в 1202 г

¹ Проказа — так в древности назывались разные виды кожных заболеваний.

² См. *Машке Э.* Немецкий орден. СПб.: Евразия, 2003; *Бокман Х.* Немецкий орден: Двенадцать глав его истории. М.: «Ладомир», 2004, там же большая иностранная библиография.

16) Добринский (Добжинский) орден (основан в 1228 г.)¹.

Первые двенадцать из вышеперечисленных духовно-рыцарских орденов были основаны представителями романских народов — французами, итальянцами, португальцами, испанцами. Следующие два ордена — «немцами» (в тогдашнем смысле этого слова — подданными Священной Римской Империи германской нации), последний — поляками (хотя его костяк составляли также немецкие рыцари).

Однако широкую международную известность было суждено снискать только трем интернациональным по составу военно-духовным орденам — храмовникам, госпитальерам, да еще Тевтонскому (или Немецкому) ордену. Судьба прочих, более мелких «национальных» орденов чаще всего была аналогична судьбе их стран, и они, подобно своим государствам, были вынуждены признать над собой верховную власть местного короля или же были распущены таковым. В 1312 г. такая судьба постигла даже самый могущественный и богатый военно-духовный орден храмовников.

Состоявшие из немцев Добринский орден и Орден меченосцев были поглощены Тевтонским орденом, первый из них в 1235, а второй в 1237 г. (с тех пор он существовал на правах филиала, но, вопреки широко распространенному заблуждению, отнюдь не под названием «Ливонского ордена»).

Итак, как и многие другие рыцарские Ордены, Орден госпитальеров, родился в Палестине, задолго до первых Крестовых походов и разделения церквей, и, как считают некоторые исследователи, еще в IV веке.

На протяжении многовековой истории Орден вынужден был менять свое местонахождение и поэтому рыцари назывались по географическому признаку («рыцари Кипра», «рыцари Родоса», а затем они стали «рыцарями Мальты»), оставаясь при этом до сегодняшнего дня «рыцарями-иоаннитами», «рыцарями-госпитальерами» или «Орденом святого Иоанна Иерусалимского».

Но мы считаем крайне необходимым остановиться на вопросе, что же такое рыцарский Орден и при каких условиях он может появиться на свет?

Проблема эта не нова, она нашла освещение в значительном списке литературы, как у нас в стране, так и за рубежом. Наиболее последовательное отражение мы находим в книге Ж. Ж. Руа «История рыцарства»². Не меньший интерес представляет исследование известного швейцарского историка Жана Флори³.

¹ *Акунов В., Захаров В.* Краткая история военно-духовных рыцарских орденов // Тайны, скрытые забралом: Энциклопедический путеводитель по истории рыцарства. М.: Современник, 2002. С. 287–288.

² *Руа Ж. Ж.* История рыцарства. М.: Алетейя, 2001.

³ *Флори Жан.* Идеология меча. Предыстория рыцарства. СПб.: Евразия, 1999. С. 23.

Начиная с VII в. наибольшую угрозу для христианской цивилизации Западной Европы стал представлять ислам, называемый по имени своего основателя также магометанством. С одной стороны мусульмане вполне доброжелательно относились к иноверцам, какими они считали христиан, совершавших паломничество к святым местам Палестины. Об этом красноречиво свидетельствует в своих записках монах Аркулф, побывавший там в 670 г., он не нашел никакого повода упрекнуть «неверующих»¹. С другой стороны, после смерти халифа Му'авии начавшиеся междоусобицы, перешедшие в гражданские войны, положили начало идеологическому расколу в исламе, за которым последовало разделение халифата на ряд государств. Изменилось и отношение к христианам.

К 732 гг., мусульмане отняли у христианского мира полностью христианизированные за много веков до того территории Северной Африки и Западной Азии, за исключением Малой Азии. Но к 1000 году мусульмане уже завоевали большую часть Малой Азии и попытались, используя свое превосходство на море, покорить также средиземноморские христианские страны Западной Европы. Правда, прочно закрепиться им удалось только в Испании.

Эта череда мусульманских завоеваний в VII, VIII и особенно в XI вв. поставила христианскую Церковь на грань катастрофы, лишив ее больше половины окормляемых земель, причем наиболее процветающих, богатых и культурных.

Наконец, христиане, собравшись с силами, в период 1096–1291 гг. (в так называемую эпоху крестовых походов) отвоевали и долго удерживали Сирию и Палестину — Святую Землю, с главнейшими святынями христианского мира. Тем самым они вогнали клин между мусульманскими державами Азии и Африки, вступившими в период внутренних конфликтов, что привело к ослаблению их стремительной наступательной мощи, которой обязаны громадные исламские завоевания предыдущих столетий.

Крестоносцы (называвшие себя пилигримами или паломниками в Святую землю) во главе с рыцарями, то есть конными ратниками (по-латыни «*militia armata*», ибо латинское слово «*miles*» — «воин», «ратник» к тому времени стало обозначать исключительно рыцаря), шли на брань под знаменем Креста, с боевым кличем «*Deus vult!*» («Так хочет Бог!»)².

В то же время, под влиянием аскетических идей, уже в IV веке в Западной Европе, а затем в Северной Африке, появляется совместная

¹ *Большаков О. Г.* История Халифата. 3. Между двух гражданских войн (656–696). М.: «Восточная лит-ра», 1998. С. 176.

² *Захаров В., Акунов В.* Краткая история военно-духовных рыцарских орденов... С. 286–287.

жизнь епископа со своим клиром. Она напоминала жизнь монашеских общин, а пресвитеры и диаконы образовывали что-то напоминающее римский сенат. Имена совместно живущих вносились в особую «*matricula*» (также называемую «каноном»), и жизнь их получила наименование «*vita canonicæ*», а сами они стали называться «канониками» (*canonici*).

Обыкновенно эти лица составляли конгрегацию (собрание, союз, братство), которая позже стала равнозначна термину «орден». Для поддержания порядка в конгрегации составлялся устав, в основу которого чаще всего брался уже проверенный на практике в течение нескольких веков устав августинцев. Все члены подобного объединения были подчинены местному епископу. В период крестовых походов такие объединения стали существовать независимо от монастырей и каноников конгрегации. Часть из таких братств присоединилась к «рыцарствующим орденам».

Интересно, что уже в VI–VII в. во время общих молитв, собраний, совместной трапезы монашествующих клириков (каноников) читались главы (*capitula*) их устава, отчего каноники стали называться капитулами. Но даже такое подчиненное положение каноников своему настоятелю не мешало им обладать личной собственностью, а порой распадаться на группы по своему духовному сану и административному положению в капитуле. С IX века начинается деление доходов капитула на часть, идущую епископу, на часть предназначенную капитулу и на доходы, отдаваемые отдельным членам капитула.

Следует оговориться, что термин «орден» (от латинского «*ordo*», т. е. «порядок») для обозначения новых монашеских, а позже военно-монашеских союзов устоялся далеко не сразу. Долгое время эти ордены назывались также «*fraternitas*» («братствами»), «*liga*» («лигами») и даже «*religio*» («религиями» в том же значении «объединений»). Зачастую и по сей день ведутся споры о том, чем являлись те или иные из них. Дело в том, что наряду с духовно-рыцарскими орденами в XII и XIII вв. в Святой Земле возникли близкие по своему характеру к орденам военно-религиозные объединения христианских горожан, также именовавшиеся братствами, и позднейшие историки часто путали их друг с другом. Известно семь таких ополченческих братств, возникших во второй половине XII в.:

- 1) братство Святого Андрея, обосновавшееся в Акке (Акко, Акконе, Сен Жан д'Аккре);
- 2) братство Святого Петра в том же городе;
- 3) братство пизанцев (граждан итальянского города Пизы) в Святой Земле;
- 4) общетальянское братство Святого Духа;
- 5) испанское братство Святого Иакова;

- 6) английское братство, названное именем короля Эдуарда Исповедника;
- 7) братство Святого Георгия в городах Лиде и Вифлееме.

Главное различие между этими военными братствами и военно-духовными орденами заключалось в следующем. Братства представляли собой не постоянные, а временные милиционные ассоциации, включавшие в свой состав земляков-пилигримов, главным образом купцов и ремесленных мастеров (кузнецов, оружейников, каменщиков, плотников, шорников, столяров, ювелиров и проч.), прибывавших по своим делам в Иерусалимское королевство и другие государства крестоносцев на Востоке, и вынужденных, иногда в силу обета, но чаще — в силу обстоятельств, принимать участие в вооруженной борьбе с сарацинами (т. е. мусульманами) — так, например, ректорами, т. е. предводителями итальянского братства Святого Духа, были два золотых дел мастера.

Одними из первых объединений монахов, организованных по этим принципам, и было братство госпитальеров, посвящавших себя заботам о больных в монастырских и городских госпиталях¹. Это объединение позже стало называться орденом.

Однако внутренняя жизнь этих монашеских общин резко отличалась оттого, что происходило за стенами монастыря или госпиталя. В ходе так называемой «священной войны» монахам-госпитальерам удалось, наконец, преодолеть противоречия между службой Богу и ратной службой. Поэтому возникшие в эпоху Крестовых походов рыцарские, или военно-духовные, союзы или братства — ордены², были полностью уравнены в правах с возникшими несколько ранее монашескими орденами. Отныне рыцари, сражавшиеся с мечом в руке, могли одновременно принять монашеский постриг и носить поверх брони рясу с крестом.

Так возникло новое «Христово воинство» («*militia Christi*» в буквальном смысле слова), признававшее над собой только власть римского папы, правда первоначально между ним и папой попытался встать патриарх Иерусалимский.

Официально термин «орден» («*ordo*») стал употребляться для обозначения новых военно-монашеских союзов только после IV-го Латеранского (1215 г.) и II-го Лионского (1274) соборов. Тогда стало необходимым особое папское утверждение братств в орден. Так, среди этих орденов Западной

¹ Карсавин Л. Монашество в Средние века. СПб., 1912. С. 27.

² Хотя и следует говорить именно «орден», если имеется в виду монашеский или духовно-рыцарский союз, и «ордена», когда речь идет о наградных знаках, несмотря на то, что эти два понятия взаимосвязаны, в данной работе сохраняется единое написание.

Церкви появились и рыцарские ордена (*ordines militares, regulares militares*). Первыми в рыцарские ордена преобразовались ордена храмовников (более известных под именем тамплиеров) и госпитальеров¹.

Следует остановиться ещё и на термине госпиталь, который понимается сегодня всеми как военная больница или больница для раненных во время военных действий. Сейчас это чисто медицинское учреждение, а в те времена оно имело более широкое понятие. Латинское слово «*hospes*» переводится, как «гость», прилагательное от него — *hospitalis*. Госпиталь того времени представлял собой гостиницу или приют, где путник мог получить весь комплекс услуг, в которых он нуждается (ночлег, питание, лечение, отдых, защиту, безопасность, религиозные требы), причем в значительной мере бесплатно.

Помощь в госпитале оказывалась раненым и больным любого вероисповедания, что приносило госпиталю не только славу, но и немало доходов от благодарных пациентов. В последующие годы под эгидой ордена иоаннитов были основаны госпитали для паломников в Европе, в основном, в портовых городах Сант-Гилесе, Асти, Пизе, Бари, Отранто, Таранто и Мессине. В этих госпиталях пилигримы могли приготовиться к паломничеству, дожидаться корабля и подготовиться к долгому и опасному путешествию через Средиземное море, а затем после паломничества перед возвращением домой отдохнуть.

¹ *Захаров В., Акунов В.* Краткая история военно-духовных рыцарских орденов... С. 287–288.

Глава 2

Орден госпитальеров в отечественной и зарубежной историографии

История ордена госпитальеров, как правило, рассматривается в исследованиях, посвященных общей истории Мальтийского ордена. Она нашла отражение в огромном списке литературы, изданной, в основном, в странах Западной Европы. Русская и советская историография этой темы практически отсутствует. Но если говорить опять-таки об общей истории ордена, специальных книг с конца XVIII до начала XXI в. вышло в России не более десяти. Статей о тех или иных проблемах Мальтийского ордена, несколько больше. В то же время в сотнях статей содержится упоминание о Мальтийском ордене, прежде всего, в связи с принятием в 1798 г. Российским Императором Павлом I титула Великого Магистра Мальтийского ордена. Но, к сожалению, они повторяют в разных вариантах одни и те же всем известные факты.

Издан в 1800 г. перевод знаменитого Кодекса де Рогана. Книга имеет характерное для XVIII века длинное и несколько вычурное название: «Уложение Священного Воинского Ордена Иерусалимского, вновь сочиненное по повелению Священного Генерального Капитула, собранного в 1776 году под начальством Его Преимуществованного Высочества Великого Магистра брата Еммануила де Рогана, в Мальте 1782 года напечатанное; ныне же по высочайшему Его Императорского Величества Павла Первого повелению с языков италийского, латинского и французского на российский переведенное, Ему же Государю Императору яко вернейшему онаго Ордена Великому Магистру всеподданнейше посвящается. Печатано в Императорской типографии».

В этом издании имеются документы, относящиеся к интересующему нас до мальтийскому периоду истории ордена госпитальеров. Они немногочисленны и в основном представляют собой папские буллы, некоторую

официальную переписку, но основную часть «Кодекса Рогана» составляют документы, принятые орденом в XVII и XVIII вв.

Первая книга, в которой схематически отражена история ордена госпитальеров, появилась в 1799–1801 гг. Это был вышедший в Петербурге пятитомник А. Ф. Лабзина и А. Вахрушева «История Ордена святого Иоанна Иерусалимского»¹. Интересуемому периоду посвящены первые два тома. За этот труд статский советник Коллегии Иностранных дел А. Ф. Лабзин личным Указом Павла I от 1 января 1801 г. был пожалован титулом «историографа державного ордена, с жалованием по шестисот рублей из орденских доходов»².

В 1803 г. в Воронеже было опубликовано двухтомное сочинение И. Черенкова «История Державного ордена святого Иоанна Иерусалимского»³. В его основу был положен пятитомник А. Ф. Лабзина и А. Вахрушева. Вполне естественно, что содержание этих книг заканчивалось правлением Павла I.

Спустя столетие, в 1914 году в Москве, вышла книга И. К. Антошевского «Державный Орден Святого Иоанна Иерусалимского, именуемый Мальтийским в России», тиражом 500 экземпляров⁴. В ней всего несколько страниц было посвящено истории ордена до его переселения на Мальту, и опубликован устав госпитальеров Раймонда де Пюи. В основном же, написанный автором малоинтересный исторический очерк о Мальтийском ордене вряд ли представляет собой веху в историографии данной темы. В 2001 г. эта книга была переиздана Государственной публичной исторической библиотекой России⁵. Однако удивительно, что автор предисловия А. И. Серков не удосужился ее прокомментировать, исправить ошибки И. К. Антошевского и дополнить новыми сведениями. Подобную небрежность можно объяснить отсутствием интереса к данной теме, но нам кажется, что в данном случае налицо недостаток опубликованных в России документальных материалов.

После выхода в 1914 г. книги И. К. Антошевского наступило молчание на долгие десятилетия.

¹ Лабзин А. Ф., Вахрушев А. История Ордена святого Иоанна Иерусалимского. СПб., 1799–1801. Т. I–V.

² РГАДА, ф 28, д. 3, л. 148.

³ Черенков И. История державного ордена святого Иоанна Иерусалимского. В 2-х томах. Воронеж, 1803.

⁴ Антошевский И. К. Державный Орден Святого Иоанна Иерусалимского, именуемый Мальтийским в России. М., 1914.

⁵ Антошевский И. К. Державный Орден Святого Иоанна Иерусалимского, именуемый Мальтийским в России. — Орден Мартинистов/Предисл. А. И. Серкова/ Гос. публ. ист. б-ка России. М.: ГПИБ, 2001. 115 с.

Не баловала изучением историю ордена госпитальеров и советская историческая наука. Небольшие заметки об ордене госпитальеров или иоаннитов, помещенные в разных изданиях Большой Советской энциклопедии или в различных справочных изданиях вряд ли, могут быть подвергнуты анализу, поскольку содержали кратчайшие и чисто информативные сведения. Первой обобщающей работой следует назвать небольшую статью М. А. Заборова «Иоанниты»¹. А затем его же более пространную статью «Мальтийские рыцари: историческая эволюция ордена иоаннитов», опубликованную в ежегоднике «Религии мира. История и современность»².

В 1990 г. в издательстве «Наука» вышла книга Р. Ю. Печниковой «Мальтийский орден в прошлом и настоящем». Данная работа представляла собой исторический очерк с элементами литературно-художественного и публицистического повествования, поэтому, строго говоря, назвать ее историческим исследованием весьма сложно. В ней совершенно отсутствуют какие бы то ни было библиографические ссылки, хотя в конце книги и приведен список литературы на русском и иностранных языках.

К более серьезным исследованиям следует отнести вышедшую в 1991 г. в Москве в издательстве «Международные отношения» книгу П. В. Перминова «Под сенью восьмиконечного креста (Мальтийский орден и его связи с Россией)»³. Однако это историческое исследование имеет хронологические рамки. Пребыванию ордена в Палестине, на Кипре и Родосе посвящено несколько страниц. В основном автор охватывает период истории Ордена с конца XVII в., времени появления на Мальте боярина Б. П. Шереметева и заканчивает свое повествование началом XIX в. Исследованию предпослана небольшая глава, посвященная истории Мальтийского Ордена с момента его возникновения, до конца XVII в.

Мы специально опускаем некоторые статьи о Мальтийском ордене, появившиеся в конце XX века только потому, что к нашей теме они не имеют никакого отношения. В них, как правило, повествуется о не менее интересной истории Мальтийского ордена, связанной с периодом великого магистерства Российского императора Павла I.

В 1999 г., в соавторстве с А. Р. Андреевым и И. А. Настенко, автором настоящего исследования была выпущена книга «История Мальтийского

¹ Заборов М. А. Иоанниты // Вопросы истории, 1984, № 9. С. 92–108.

² Заборов М. А. Мальтийские рыцари: Историческая эволюция ордена иоаннитов // Религии мира. История и современность. Ежегодник. М., 1984. С. 150–174.

³ Перминов П. В. Под сенью восьмиконечного креста (Мальтийский орден и его связи с Россией). М.: Международные отношения, 1991. С. 139–140.

ордена»¹. И хотя в ней была лишь небольшая глава, посвященная начальному периоду истории ордена, тем не менее, эта книга пробила брешь многолетнего молчания. В рецензии А. Люсого, напечатанной вскоре после ее выхода, отмечалось, что эта книга «живописует основные этапы деятельности госпитальеров, как поначалу называли мальтийцев, на фоне поворотных событий европейской и российской истории»². Это издание переписывалось в таком большом количестве статей, что перечислять их вряд ли представляется возможным.

В 2002 г. Армавирский педагогический институт выпустил учебное пособие С. Л. Дударева и Т. Н. Лёсиной (Шалдуновой) «С крестом и мечом», посвященное истории крестоносного движения, в котором имеется глава, посвященная госпитальерам³.

Немало статей появилось за последнее десятилетие в «патриотической» печати, как периодической, так и в книгах, где Мальтийский орден упомянут в контексте с масонством, с оккультными силами. В них орден характеризуется весьма отрицательно, его называют не иначе, как «тайная масонская ложа» или как структура «Нового мирового правительства»⁴. Но ничего общего с историей эти публикации не имеют. А вымыслы о том, что Мальтийский орден до сих пор скрывает некие тайны, полученные рыцарями еще в Палестине, не стоят того, чтобы серьезно к ним относиться.

Как уже указывалось, значительное число литературы о Мальтийском ордене опубликовано за границей. Перечислить все общие работы просто невозможно, поскольку их несколько тысяч, но и тех, которые относятся к начальной истории ордена госпитальеров, тоже немало. Мы считаем возможным, говорить о них в каждой конкретной главе. Здесь же следует отметить лишь те издания, в которых содержатся сведения о раннем периоде истории «ордена госпитальеров», которые вышли в XVI, XVII, XVIII вв.

¹ Андреев А. Р., Захаров В. А., Настенко И. А. История Мальтийского Ордена. М.: SPSP «Русская панорама», 1999. С.454–461.

² Люсий Александр. Ордена, которые не награды // «Ex libris НГ», 1999, 2 сент.

³ Дударев С. Л., Лёсина Т. Н. С крестом и мечом: очерки истории крестоносного движения. Армавир, 2002. С. 25–45.

⁴ Воробьевский Ю. Путь к апокалипсису: Стук в Златые врата. М.: ТКВ, 1997; Замойский Л. Магистр собирает батальоны // Лит. газета. 1983. 21 сент.; Замойский Лоллий. Масонство и глобализм. Невидимая империя. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001; Курков К. Н. «Мальтийские братья» в России // Воробьевский Юрий. Путь в Апокалипсис. Падут знамена ада. М., 2000. С.445–455; Масонство в системе современного империализма. За кулисами видимой власти. М., 1984; Мосякин Александр. Невская ложа. Из истории олигархов в России // Бизнес & Балтия. 2000. 21 сент.

К таким работам следует отнести книгу Жака де Бурбона, напечатанную в Париже в 1525 году¹.

Не менее интересны книги вице-канцлера Мальтийского Ордена Джулельма Каурсина², и труд Джакомо Босио «История о св. братстве и знаменитом воинстве св. Иоанна Иерусалимского», изданный в Риме в 1594–1602 гг.³, а так же другие его книги⁴.

Но самым известным изданием остается Кодекс де Рогана, напечатанный на Мальте в 1782 г., содержащий подборку всех законодательных актов ордена св. Иоанна Иерусалимского за более чем 500 предыдущих лет⁵.

Исторических работ, появившихся в XX в., носящих характер научного исследования было немало, но большинство из них носят ярко выраженный апологетический характер.

В XX в. вышли серьезные исследования профессора Лондонского Университета Е. Кинга⁶, охватывающие весь период истории ордена. Следует назвать двухтомник французского исследователя, рыцаря Мальтийского Ордена, Мишеля Пьередона «Политическая история Суверенного Мальтийского Ордена»⁷. М. Пьередон проделал критический анализ найденных источников и дал довольно объективную характеристику разным историческим этапам в жизни Мальтийского Ордена.

¹ *Bourbon Jacques de*. La grande et merveilleuse et très cruelle oppugnation de la noble citté de Rhodes. Paris, 1525.

² *Caoursin Guillelmus*. 1) Guillelmi Caoursin Rhodiorum Vicecancellarii Obsidionis Rhodie urbis descriptio. Ulm, 1496; 2) Der vermaledigsten unfrommen Türgge Anschlag und fürnemen wider die heiligen Christenheid. Straßburg, 1502; 3) Historia von Rhodis. Strassburg, 1513.

³ *Bosio Giacomo*. Istoria della sacra religione ed illustre milizia di S. Giovanni gerosolimitano. Tt. 3. Rom, 1594–1602.

⁴ *Bosio G.* 1) Dell'istoria della sacra religione et illustrissima militia di San Giovanni Gierosolimitano. V. 2. Rome, 1629; 2) Les Vies des saints et des saints de l'ordre de Saint Jean de Hierusalem... Paris, 1648.

⁵ Codice del Sacro Militare Ordine Gerosolimitano Riordinato Per Comandamento Del Sacro Generale Capitolo Celebrato Nell' Anno MDCCLXXVI Sotto Gli Auspicj di Sua Altezza Eminentissima il Gran Maestro fra Emanuele de Rohan. Malta, 1782.

⁶ *King E. J.* 1) The Knights Hospitallers in the Holy Land. London, 1931; 2) The Seals of the Order of St. John of Jerusalem. London, 1932; 3) The Rule, Statutes and Customs of the Hospitallers 1099–1310. London, 1934; 4) The Knights of St. John in the British Empire. London, 1934.

⁷ *Pierredon Comte Michel de*. Histoire politique de l'Ordre Souverain des Hospitaliers de Saint-Jean de Jérusalem dit de Malte depuis la chute de Malte jusqu'à nos jours, publiés avec notices descriptives d'après les documents officiels du Grand-Magistère. (Ordre de Malte de 1789 a 1955). 2 Vol. Paris, 1956; 1963. Его первая книга вышла еще в 1925 г.: *Pierredon Comte Michel de*. L'Ordre Souverain et Militaire des Hospitaliers de Saint-Jean de Jérusalem (Malte). Paris, 1925.

И, тем не менее, начальному периоду истории ордена госпитальеров там уделено слишком мало места.

В 60-е годы XX века профессор университета штата Мэриленд (США) Гаррисон Смит и писатель историк Джозеф Е. Сторейс выпустили обобщающую книгу «Орден Святого Иоанна». Авторы серьезно подошли к работам своих предшественников и в своем исследовании постарались с возможной полнотой использовать сотни вышедших до них работ. Профессор Г. Смит продолжал собирать материалы и после выхода в свет первого издания книги, это позволило ему при переиздании исправить немало ошибок. Наиболее полным является последнее по времени, 3-е издание ¹.

В середине 90-х годов в Лондоне вышел в свет прекрасно иллюстрированный труд профессора современной истории Оксфорда Генри Сира «Рыцари Мальты»². И хотя начальному периоду истории ордена госпитальеров уделено всего три страницы, книга является последним итоговым изданием, в котором автор по крупицам восстанавливал многие историко-культурные аспекты жизни ордена мальтийских рыцарей.

В 1988 г. в Кёльне Мальтийская служба помощи Германии выпустила объемистый сборник «Орден Иоаннитов и Мальтийский Орден»³. В этой книге были собраны статьи, охватывающие весь период истории ордена госпитальеров), начиная от его возникновения в Палестине в XI веке до 80-х годов XX века.

В 1993 г. на Мальте вышел сборник статей «Мальтийские госпитальеры 1530–1798», в котором приняли участие крупнейшие современные специалисты по истории Мальтийского ордена из университетов Мальты, Ливерпуля, Лейдена, Сорбонны и других⁴. В нем, кроме одной статьи профессора Лондонского университета и Королевского Нового Колледжа Бедфорда и Головея Энтони Т. Лутрелла «Мальта и Родос: Госпитальеры и жители», больше нет ни одной статьи по интересующей нас теме.

Следует назвать еще один сборник статей, подготовленный и выпущенный Великим Приорством Австрийским к 900-летию юбилею ордена — «Суверенный Мальтийский Орден в Австрии»⁵.

¹ *Smith Harrison, Storace Joseph E. Order of Saint John of Jerusalem. 3rd Edition, The Netherlands, 1977.*

² *Sire H. J. A. The Knights of Malta. London: Yale Univ. Press. New Haven, 1994.*

³ *Der Johanniterorden der Malteserorden. Der ritterliche Orden des hl. Johannes vom Spital zu Jerusalem. Seine Geschichte, seine Aufgaben. Köln: Wienand Verlag, 1988.*

⁴ *Hospitaller Malta 1530–1798. Studies on Early Modern Malta and the Order of St John of Jerusalem. Edited by Victor Mallia-Milanes: Mireva Publications, 1993. 789 p.*

⁵ *Der Souveräne Malteser-Ritter-Orden in Österreich. Im Auftrag des Großpriorates von Österreich hrsg. v. Christian Steeb und Birgit Strimitzer. Graz: Leykam, 1999.*

В нем, наряду с рассмотрением различных аспектов истории Великого Приорства Австрийского, являющегося составной частью Мальтийского Ордена, имеются две статьи Хервига Эбнера и статья Роберта Даубера¹, посвященные начальному периоду истории ордена, о которых будет сказано в соответствующих главах настоящего исследования.

В 2003 году издательство «Русская панорама» выпустила очередной 9 том Сборника Русского исторического общества, посвященный Мальтийскому ордену. В нем, интересующей нас теме посвящено несколько публикаций. Это статья Ю. В. Яшнева, посвященная общей истории духовно-рыцарских орденов², и первая на русском языке подборка документов ордена госпитальеров, переведенных В. В. Акуновым³. Там же помещен перевод дарственной грамоты императора Священной Римской Империи Карла V ордену госпитальеров на острова Мальту, Гозо и Комино и текст присяги госпитальеров вице-королю Сицилийскому 1530 г.⁴

¹ *Ebner Herwig*. 1) Von der Gründung des Jochaaiterordens bis zum Ende des Ordensstaates auf Rhodos 1522 // Der Souveräne Malteser-Ritter-Orden in Österreich... S. 13–38; 2) Überblick über den Ordensbesitz in den ehemaligen habsburgischen Erbländen von den Anfängen bis zur frühen Neuzeit // Der Souveräne Malteser-Ritter-Orden in Österreich... S. 39–50; *Dauber Robert L.* Militia und Türkenabwehr der Johanniter / Malteser-Ritter zu Lande und zu Wasser // Der Souveräne Malteser-Ritter-Orden in Österreich... S. 51–73.

² *Яшнев Ю. В.* Духовно-рыцарские ордены. (Очерк истории явления. XII–XIII вв.) // Сборник Русского исторического общества. Т. 9 (157). Мальтийский орден и Россия / Под ред. В. А. Захарова. М.: «Русская панорама», 2003. С. 33–41.

³ *Документы по древней истории рыцарского Ордена госпитальеров Св. Иоанна Иерусалимского.* / Публ., перевод и коммент. В. В. Акунова. Там же. С. 42–61.

⁴ *Грамота Карла V от 24 марта 1530 г. Ордену Св. Иоанна и присяга иоаннитов вице-королю Сицилийскому.* / Публикация и комментарии В. А. Захарова. Там же. С. 62–62.

Глава 3

Предыстория Палестины. Братство госпиталя св. Иоанна до начала Крестовых походов

Богатая переменами история ордена госпитальеров относится к наиболее важным периодам истории европейского Средневековья, истории Переднего Востока и Византии. До сих пор большое впечатление производят достижения госпитальеров в области благотворительности и военного дела, и здесь важную роль играла международная, охватывавшая всю римско-христианскую Европу структура, созданная госпитальерами.

Наше исследование не затрагивает период пребывания госпитальеров на Мальте, превращение его в орден **мальтийских рыцарей**. В предлагаемой работе мы коснемся этого периода истории ордена только в его начальной стадии — получение Мальты госпитальерами в дар от императора Священной Римской Империи германской нации и их первоначальное обустройство на острове. Дальнейшее изложение является темой специального исследования.

В монографии профессора Университета штата Мэриленд (США) Гаррисона Смита и писателя-историка Джозефа Е. Сторейса «Орден святого Иоанна Иерусалимского» история возникновения ордена госпитальеров сведена к фразе: «Истоки ордена св. Иоанна Иерусалимского не вполне ясны»¹. Им вторит и профессор современной истории из Оксфорда Генри Сир, уделивший менее двух страниц этому периоду в истории госпитальеров².

Но еще российские историки ордена конца XVIII в. А. Ф. Лабзин и А. Вахрушев, обратились к этой теме с несколько других позиций. Они,

¹ *Smith H., Storace J. E. Order of Saint John of Jerusalem. The Netherland, 1977. P. 5.*

² *Sire H. J. A. The Knights of Malta. London: New Haven: Yale Univ. Press, 1994. P. 7–8.*

прежде всего, рассмотрели общую ситуацию, сложившуюся в Палестине на протяжении первых веков после Рождества Христова. Конечно, сделано это было, как уже отмечалось, в конце XVIII века, когда историческая наука находилась в зачаточном состоянии, что, вполне естественно, наложило и свой отпечаток на указанное исследование.

Действительно, нельзя приступать к изложению истории ордена госпитальеров, не сказав о геополитической ситуации того времени, о Крестовых походах, которые вмешались в ход исторического развития не только всех государств Европы, но и огромной территории Малой Азии и Северной Африки.

Так называемые Крестовые походы можно назвать крупнейшим совместным предприятием, в котором участвовали почти все государства Западной Европы. Они не были колыбелью ордена госпитальеров, но оказали решающее влияние на его превращение в военный духовно-рыцарский орден.

В нашем исследовании термин орден применяется и к первоначальному объединению братству монахов, которые занимались госпитальерской (или как долгое время называли «странноприимной») деятельностью. Предметом его забот были паломники, бедные и больные не только в Иерусалимском госпитале (странноприимном доме) и во многих других странноприимных домах, расположенных, главным образом, вдоль паломнических путей к Святой Земле и в Европе, равно как и в портах Средиземноморья, откуда паломников доставляли в Святую Землю.

Итак, основанный небольшой группой монахов в качестве благочестивого сообщества для ухода за паломниками и больными, он, через несколько столетий, превратился в рыцарский орден, главной задачей которого стала длившаяся на протяжении столетий борьба против исламских завоевателей, нападавших на христианские государства, образовавшиеся в ходе Крестовых походов. В этой связи необходимо вкратце коснуться вопроса исторического развития территорий, завоевание которых являлось целью Крестовых походов.

Нам, прежде всего, необходимо ознакомиться с ходом истории на Переднем Востоке. Это и краткая история возникновения будущей христианской цивилизации, появившейся первоначально на дальних задворках Римской Империи, в далекой Палестине. Это ее взаимоотношение с зародившимся в VI в. новым религиозным учением — исламом). Историография этого вопроса обширная как у нас в стране, так и за рубежом¹. И поскольку

¹ *Медников Н. А.* Палестина от завоевания ее арабами до крестовых походов. т. 1–4. СПб., 1897–1903; *Клейн Ш.* История исследования Палестины в еврейской и всеобщей литературе. Иерусалим, 1937; *Крымский А. Е.* История мусульманства. Изд-е третье, переработанное и дополненное в соответствии с замечаниями автора.

эта тема не является объектом нашего исследования, мы лишь кратко охарактеризуем интересующую нас ситуацию.

В 63 г. н. э. Палестина была завоевана Римом, но стала римской провинцией только к концу 135 г., после подавления восстания Бар-Кохбы. В 395 г. она перешла под власть Византии.

Эпоха римского императора Константина I Великого (323–337) совпала со временем упадка как самой Италии, так и Рима. Константин строит новую столицу на берегу Босфора. В 330 году Новый Рим — Константинополь, столица восточных христиан был торжественно освящен. В этот период времени Малая Азия и северное побережье Африки начинают играть заметную роль не только в экономике и политике, но и в культуре, просвещении. А Иерусалим становится местом поклонения, куда стекаются христиане-паломники из многих мест Европы и Африки. Больше того, каждый христианин почитал своей обязанностью побывать в тех местах, где проходила земная жизнь Спасителя, Божией Матери, Апостолов, поклониться сохранившимся святыням. Паломничества начались еще в самую раннюю эпоху существования христианства. Паломники прибывали из всех стран, где только существовали христианские общины. На территории Святой Земли строились новые храмы, рядом с которыми стали появляться небольшие гостиницы — странноприимные дома, предназначенные исключительно для паломников.

Как пишет известный французский историк Палестины Жан Ришар в своем исследовании «Латино-Иерусалимское королевство», паломничество к Святым местам было очень близко сердцу каждого средневекового европейского человека: «Это благоговение перед восточными святынями, Святой Землей, где проповедовал сам Христос во время своей телесной жизни, местами, где зародилось христианство, и где разворачивались события, о которых повествовалось в Библии и Евангелии, не было «изобретено» в средние века... Великое переселение народов не оставило это движение, которому развившийся культ реликвий только прибавил популярности: описания о путешествиях гасконцев, бургундцев или англичан дошли до нас со времен Меровингов»¹.

Дальность и трудность путешествия приводила к тому, что многие паломники прибывали в Иерусалим тяжелобольными. И вот уже с IV века

М.; Жуковский: «Кучково поле», 2003; Лившиц Г. М. Классовая борьба в Иудее и восстания против Рима. К проблеме социально-экономического строя римских провинций. Минск, 1957; Parkes J. W. A history of Palestine. London, 1949 и др.

¹ Ришар Жан. Латино-Иерусалимское королевство. СПб.: Евразия, 2002. С. 25.

заботу о них взяли на себя члены братства, устроившие небольшой госпиталь недалеко от храма Гроба Господня. Они назовутся госпитальерами, но как сами они называли себя в те далекие времена, осталось неизвестным. Второе наименование ордена «иоанниты» появилось позже, но известно, что даже в XII веке оно еще не употреблялось.

Огромное значение для всего христианского мира имело паломничество святой Елены, матери императора Константина Великого. Царица Елена не только посетила все места земной жизни и проповеди Христа, но и немало способствовала почитанию святых мест. Она была, так сказать, самым удачливым археологом античного мира, ибо в поисках подлинных реликвий Страстей Господних по ее приказанию была раскопана Голгофа и удалены все постройки, закрывавшие Гроб Господень. Дело в том, что император Адриан, подавив второе антиримское восстание иудеев (132–135 гг. н. э.), приказал насыпать поверх Голгофы террасу и построить прямо над Святым Гробом языческий храм Афродиты. Но проживавшая в Иерусалиме христианская община не забыла, где расположено место, на котором разыгралась Божественная драма. Благодаря тому, что эта изустная традиция оказалась сохраненной, святая Елена смогла произвести свои раскопки в нужном месте. Чтобы сделать Святой Гроб доступным взорам всех христиан, Константин повелел построить над Святым Гробом молитвенный дом, позднее превратившийся в Храм Гроба Господня. Невзирая на все превратности судьбы, Храм Святого Гроба на протяжении тысячелетий остается главной святыней всех христиан мира. Не удивительно, что именно ему в первую очередь и стремились поклониться пилигримы, отправлявшиеся в Святую Землю.

Однако Елена обрела еще и другую обладавшую величайшей ценностью в глазах всех христиан реликвию — Святой Крест. Недалеко от скального грота были найдены три креста с гвоздями. Нашедшие их не сомневались в том, что обрели в их числе Истинный Крест. Радость обретших их была поистине неопикуемой, тем более, что они были уверены, что определили среди трех крестов Истинный. Все это легенды. Исторические корни обретения Святого Креста скрыты во мраке времен. Но известно, что императрица Елена послала частицу Истинного Креста своему сыну в Константинополь, а большую часть Креста, оправив ее в серебро, отдала на сохранение в храм Святого Гроба. С тех пор эта реликвия, наряду с самим храмом Святого Гроба и с другими святынями, стала предметом особого почитания и поклонения всех христиан Востока и Запада. В истории Крестовых походов эта святыня играла особую, выдающуюся роль. В решающей битве при Хиттине епископ Акрский нес

ее перед всем христианским войском, пока она не попала в руки мусульман после поражения армии крестоносцев.

Конец VI — начало VII вв. на Аравийском полуострове стали временем активной деятельности религиозного реформатора Мухаммада (570–632). Ее результатом было не только появление нового вероучения, названного впоследствии исламом, но и возникновение в конце 20-х годов VII в. на территории Аравии нового государства — Халифата¹.

В VII в. территория западной части Азии была сферой интересов двух великих государств: Византийской империи и Персидского царства. Однако внутри этих государств происходили сложные процессы. С одной стороны — постоянные дворцовые интриги, время от времени выплескивавшиеся наружу. С другой стороны — время от времени возникали разногласия в вопросах веры, которые становились поводом к борьбе за престол, убийствам и совершению самых ужасных злодеяний. Но именно в это время в пустынных территориях Аравийской земли многочисленные кочевые племена, доселе слабые и постоянно враждовавшие между собой, вдруг объединились под знаменем новой, неведомой веры. Они составили грозную силу, которая появилась на мировой арене, положила конец Персидскому царству, а Византийская империя лишилась своих лучших провинций.

В 637 г. когда сарацины (этим именем в Европе называли всех мусульман)², отняли у Византии Палестину, паломничества к святым

¹ Истории Халифата посвящена большая литература. Мы обращаем внимание на последнюю по времени великолепную работу петербургского востоковеда О. Г. Большакова. См.: *Большаков О. Г. История Халифата*. В 4 т. М.: Вост. лит., 2002–2004, библиография в каждом томе.

² Этноним «сарацин» впервые появился в труде известного римского историка греческого происхождения Амиана Марцелина, жившего в IV в. Сарацинами он называл одно из арабских племен, проживавших в Аравийской пустыни, с его легкой руки всех арабов, а затем и мусульман стали называть сарацинами. Термин «сарацин» был известен и на Руси. В путешествии черниговского игумена Даниила в Святую Землю в 1104–1106 гг., он писал, что встретил «Моамеда, жреца срацинского». Он же пишет о путешествии в Акру, под охраной большого отряда, сопровождавшего паломников, что «Акра же град есть срацинский, ныне же фязи держать». См.: *Памятники литературы древней Руси. XII век*. М.: «Худ. лит-ра», 1980. С. 102. С конца XII в. этимологию этого слова связывали с именем курдского полководца султана Египта Саладина (Салах-ад-Дина), который в 1187–1192 гг. возглавил борьбу мусульман с крестоносцами. См.: *Lane-Poole S. Saladin and the fall of the Kingdom of Jerusalem*. L.; N. Y., 1926; *Семенова Л. А. Салах ад-дин и Мамлюки в Египте*. М., 1966. Но, скорее всего правильная этимология этого слова следующая: сарацины (Sarraceni) от византийско-греческого Σαρακηνός или средневековая латинского saracenus. Saracenum, Saraceni восходит

местам не прекратились. Правда, мусульмане переделали некоторые церкви в мечети и подвергли христианский культ определенным ограничениям, однако они не чинили никаких препятствий христианским паломникам.

По существующему преданию, восходящему к свидетельствам всех ранних историков и биографов Мухаммада, якобы в конце 628 – начале 629 гг. он обращается с посланиями к правителям всех соседних государств. Среди них называют Византийского императора Ираклия I, персидского царя Хосрова II, негуса, гассанидского эмира, наместника Египта ал-Мукаукиса, «царя» Омана, «царя» Йемена, правителей Бахрейна и Йамамы. Всем им было предложено подчиниться новому вероучению.

Как считал известный российский византист Ф. И. Успенский, «если это предание и не имеет под собой реальной почвы, то, во всяком случае, характеризует настроение первоначальных деятелей и политическую миссию мусульманства»¹.

О. Г. Большаков, разбирая ситуацию с этими письмами, замечает что как бы скептически мы ни относились к достоверности сообщений средневековых историков, «приходится признать по крайней мере один случай несомненного серьезного контакта с правителем страны за пределами Аравии — с «ал-Мукаукисом», наместником Египта Георгием»².

Даже если посчитать, что послание Мухаммада было отправлено Ираклию, тот оставил его без ответа. Но уже через несколько лет Византийский император явственно ощутил мощь мусульманской армии.

Летом 629 г. Ираклий с большим войском прибыл в Сирию с целью наведения порядка в освобожденных от персидской оккупации районах. Тогда же на храме Гроба Господня состоялось торжественное водружение креста. Из Иерусалима были изгнаны все евреи, которым было запрещено проживать в радиусе трех миль от него. Казалось бы, порядок восстановлен. Палестина вновь под властью Византии.

к арабскому *ṣaḡījījīn* т. е. 'те, кто на востоке'. См.: *Менгес К. Г.* Восточные элементы в «Слове о полку Игореве». М., 1979. С. 74. По отношению к мусульманам, с отрицательной характеристикой, византийцами уже с VII–IX вв. употребляется три термина: «сарацины» — т. е. потомки жены Авраама Сарры, «агаряне» — потомки наложницы Агари, прогнанной Авраамом, «исмаилиты», потомки сына Агари Исмаила. Прилагавшиеся первоначально к арабам, эти термины в XI в. были перенесены также на принявших ислам тюрок-сельджуков. См.: *Литаврин Г. Г.* Некоторые особенности этнонимов в византийских источниках // Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев. (Методология и историография). М., 1976. С. 215.

¹ *Успенский Ф. И.* История Византийской империи VI–IX вв. М.: «Мысль», 1999. С. 530.

² *Большаков О. Г.* История Халифата. В 4 т. Т. 1. М.: Вост. лит., 2002. С. 155.

Но именно в это время Мухаммад изменил отношение к «людям Писания», под которыми подразумеваются иудеи и христиане, религии которых пользовались, до этого, уважением Мухаммада.

По мнению О. Г. Большакова, произошло это после завершения хаджа 9 г. хиджры (630 г.). Тогда-то и появились айаты, призывающие бороться с ними как с язычниками. Так в суре 9 «ат-Тауба («Покаяние») читаем буквально следующее:

29. Сражайтесь с теми, которые не веруют в Аллаха и в Последний день, которые не считают запретным то, что запретил Аллах и Его Посланник, которые не исповедуют истинную религию, пока они не станут собственноручно платить дань, оставаясь униженными.

В следующих двух айатах с осуждением излагается вероучительная система иудеев и христиан, хотя и весьма примитивно, но, видимо, понятная для окружения Мухаммада:

30. Иудеи сказали: «Узейр (*Ездра*) — сын Аллаха». Христиане сказали: «Мессия — сын Аллаха». Они произносят своими устами слова, похожие на слова прежних неверующих. Да погубит их Аллах! До чего же они отвращены *от истины!*

31. Они признали господами помимо Аллаха своих первосвященников и монахов, а также Мессию, сына Марьям (*Марии*). А ведь им было велено поклоняться только одному Богу, кроме которого нет иного божества. Он превыше того, что они приобщают в сотоварищи!¹

Так был дан толчок к борьбе с христианским миром, с Византийской Империей. Спокойствие оказалось кажущимся. Уже в 636–641 гг. византийские провинции на Востоке были захвачены арабами, а император Ираклий I не смог остановить мусульман. Началась долгая и кровопролитная война между византийскими христианами и мусульманами, которых, как мы уже писали, называли общим именем — сарацинами, впоследствии это название перешло и на турок-сельджуков.

О. Г. Большаков создал великолепный аналитический очерк истории этого значимого геополитического региона. С момента вхождения Мухаммада в историю разительно изменился облик Переднего Востока. Ислам наложил на все предшествовавшие ему древние культуры и народности

¹ Мы приводим тексты Корана по последнему, официальному переводу, выполненному в Комплексе им. Короля Фахда по изданию священного Корана. См.: Священный Коран. Смысловый перевод на русский язык. / Пер. с арабск. Э. Кулиева. Медина: Комплекс им. Короля Фахта, 1425 г. х. С. 230–231. Большаков приводит 29 и 31 айаты в несколько другом переводе, смысл которого не меняется. См.: Большаков О. Г. История Халифата. В 4 т. Т. 1. С. 177.

Востока, включил их в свой состав и, после утверждения своего господства над ними, дал им новый Закон, изложенный в Коране. К моменту смерти Мухаммада (632 г.), он был уже господином всей Аравии. Его войска устремляли свои взоры на Запад, намереваясь нести учение своего пророка и туда.

Это дело продолжил Омар (Умар), друг и советник Мухаммада, который в 638 г. вступил в Иерусалим. Через двадцать лет после смерти Мухаммада Халифат полностью поглотил сасанидский Иран и значительную часть Византийской империи. К 700 году вся римская Африка оказалась под властью арабов. Через 11 лет они захватили часть Испании, а в 20-е гг. VIII столетия их держава уже простиралась от Пиренеев до Индии.

Завоеватели столкнулись в покоренных странах с высокоразвитыми культурами, которые были ими сохранены и использованы себе на потребу. Это были древнейшие культуры в мире, слившиеся воедино благодаря влиянию древних греков и римлян, позднее заложивших фундамент христианско-западноевропейской культуры. Существовало два важнейших и крупнейших культурных центра, один из которых был расположен между Тигром и Евфратом, а другой — в Египте. То, что было расположено между ними, являлось яблоком раздора между господствовавшими державами.

Такое состояние могло оказаться для них чрезвычайно опасным в случае, если бы оба соседних государства, объединенные в одних руках, проводили единую политику. Во все времена, как тогда, так и ныне, Палестина в такой ситуации оказывалась как бы между двумя жерновами. Сегодня мы даже не можем представить себе, насколько богатой и процветающей была эта страна, поскольку ее находившееся под плохим управлением хозяйство пришло за последние столетия в глубокий упадок, причем оказалась практически уничтоженной древняя оросительная система, а население почти полностью вымерло. В позднеримскую эпоху в этой сегодняшней пустыне существовало бесчисленное множество древних городов с сотнями тысяч жителей. Уже тогда в них находились блестящие университеты — центры утонченного позднеантичного образования. Даже земли вокруг нынешнего Багдада были населены христианами и относились к числу самых древних христианских земель.

Хотя исламское завоевание порой не обходилось без жестокостей, новые владыки быстро приспособились к изменившейся ситуации, а через несколько поколений полностью растворились в местном населении. До самого начала эпохи Крестовых походов на Среднем Востоке существовало бесчисленное множество мелких государств, не имевших между собой ничего общего, кроме магометанской веры и арабского языка. Этот государственный и священный язык, на котором велось судопроизводство

и был записан Коран, объединял все исповедовавшие ислам народы от Индии до Испании. У мусульман было то, чего тогда так не хватало Западу — чувство единства и относительно спокойного существования. На протяжении столетий мирной жизни во многих мусульманских землях культура достигла высочайшего расцвета. Жители мусульманских городов — потомки арабских завоевателей, слившиеся с местным населением — стали настолько изнеженными, что стали вести военные действия руками наемных солдат.

Если попытаться вкратце описать повседневную жизнь мусульман Переднего Востока в IX–XI вв., в период, предшествовавший Крестовым походам, то есть в то самое время, когда в Палестине активно появляются военные братства, основывающие странноприимные дома (госпитали), то перед нами предстает картина, повторяемая во многих исторических исследованиях.

Каждый юный мусульманин той эпохи, достигший семилетнего возраста, обязан был посещать бесплатную начальную школу при местной мечети, обучение в которой длилось 5 лет. Причем существовали и отдельные начальные школы для девочек. После окончания начальной школы ученик мог продолжать учебу в средней школе. Обучение в ней также было бесплатным. При соответствующих талантах молодые люди продолжали обучение в одной из высших школ, наиболее престижными из которых считались университеты Багдада и Каира. Обучение в этих университетах значительно облегчалось наличием превосходных библиотек. Административные органы, требовавшие многочисленных высокообразованных чиновников, например, налоговая служба, здравоохранение, палаты мер и весов, почтовое ведомство и др. не испытывали недостатка в квалифицированном персонале, рекрутировавшемся из выпускников исламских высших учебных заведений¹.

Особо важным достижением тогдашних мусульманских государств являлась высокоразвитая система здравоохранения. Ее наличие было абсолютно необходимым для таких огромных городов, как Каир или Багдад. Но и в других мусульманских государствах той поры имелись больницы, странноприимные дома, сиротские приюты, дома престарелых и даже лечебницы для душевнобольных. При этом все социальные заведения были устроены отдельно для женщин и для мужчин. В них царил образцовый порядок. Врачи, имевшие законченное образование, ежедневно посещали

¹ *Большаков О. Г.* Византия и Халифат в VII–X вв. // Византия между Западом и Востоком. Опыт исторической характеристики. СПб.: «Алетейя», 1999. С. 354–379; *Кривов М. В.* Византия и арабы в раннем средневековье. СПб.: «Алетейя», 2002.

больных. В перерывах между визитами врачей о пациентах заботился санитарный персонал. О больных пациентках заботились женщины-врачи, также имевшие специальное образование, и квалифицированные санитарки. У каждого больного имелась собственная койка. Уже в 923 г. один из сарацинских министров распорядился открыть ведомственную больницу специально для служащих своего министерства. Труд врачей облегчался ярко выраженным стремлением тогдашних мусульман к чистоте и гигиене. Так, по сообщения арабского писателя Ибн Джебейра, жившего в Дамаске в эпоху Саладина, «в этом городе имеется около 100 общественных бань, а в пригородах — более 40 зданий для совершения омовений. Все они снабжены проточной водой»¹.

В эти густо населенные земли постоянно совершали вторжения чужеземные завоеватели, приходившие чаще всего из глубин Азии. Однако, осев на завоеванных территориях, они в скором времени утрачивали свой воинственный дух. Тем не менее, у жителей Переднего Востока было прекрасное вооружение, и это не удивительно, ведь они были знакомы со всеми видами металлов и металлообработки. Им давно был известен и порох, хотя они еще не использовали его для стрельбы. Подобно западным рыцарям, сарацинские воины носили панцирные рубашки, под которые поддевали куртки из двух слоев фетра. Огромной популярностью пользовались спортивные состязания всех видов, упражнения с оружием, скачки и поединки между всадниками, одетыми в панцири.

Несколько слов следует сказать о взаимоотношениях, которые складывались между местными христианами и мусульманскими завоевателями. Чем дальше последователи этих двух религий жили бок о бок друг с другом, тем большую терпимость они проявляли друг к другу. Дело зашло так далеко, что практически все государственные должности (кроме должности «кадия», то есть судьи, остававшейся привилегией исключительно мусульман) оказались доступными для исповедующего любую религию. Мусульманские владыки имели даже визирей (первых министров), исповедывавших иудейскую веру. Поэтому поток христианских паломников в Иерусалим, не иссякавший никогда, всегда был желанным для мусульман — прежде всего из-за денег, получаемых ими от паломников. В XI в. христианские святыни Иерусалима посещало до 20 000 паломников ежегодно. Порой в магометанских городах даже строили новые христианские церкви. Многие христианские монастыри пользовались среди мусульман большой популярностью, поскольку монастырские виноделы

¹ Кабищанов Ю. М. Особенности исламской цивилизации на периферии // Очерки истории распространения исламской цивилизации. В двух томах. Т. 1. М.: издательство «Росспэн», 2002. С. 202–252.

занимались распивочной торговлей запрещенным для магометан вином. С другой стороны, мусульмане нередко также совершали паломничества и посещали христианские церкви, чтобы поклониться выставленным там реликвиям.

Если сравнить ситуацию, существовавшую в Святой Земле до начала эпохи Крестовых походов, с положением в Центральной Европе, то Европа окажется отнюдь не в выигрышном положении. Городов в Европе почти не было. А те немногие города, которые сохранились там с античных времен, насчитывали не более 10 000 жителей каждый. Единственными сохранившимися оазисами культуры были монастыри, хотя далеко не все их обитатели умели читать и писать. Библиотеки даже старейших и крупнейших монастырей редко могли похвастаться более чем несколькими сотнями томов. До нас дошла дарственная грамота норманнского короля Англии Вильгельма II, выданная им в 1091 г. одному из английских монастырей. Сам король, его герцоги и другие вельможи, в том числе и архиепископ, вместо подписей поставили под дарственной грамотой кресты, под которыми составитель дарственной подписал имена дарителей.

Для сравнения приведем любопытный, и весьма характерный пример, о котором пишут практически все византинисты. Согласно воспоминаниям дочери византийского императора Анны Комнины, она в том же самом 1091 г., т. е. еще за пять лет до начала Первого крестового похода, на досуге развлекалась чтением Платона и Аристотеля¹. Вот какой контраст наблюдался в то время между цивилизациями Запада и Востока².

Итак, с первой четверти VII в. началось постепенное завоевание мусульманами Сирии и Палестины.

В 638 г. осаде подвергся Иерусалим, который «и по своему укрепленному положению, и по своему исключительному значению в христианском мире составлял предмет особенного внимания со стороны арабов и потому, что как место Гроба Господня он имел священное значение и для мусульман», — писал Ф. И. Успенский³. Только голод принудил жителей города к переговорам с халифом Омаром, которые начал иерусалимский патриарх Софроний.

Анализируя последствия взятия Иерусалима Ф. И. Успенский отмечал, что сдача города произошла на весьма выгодных условиях для христиан,

¹ Анна Комнина. «Алексиада». СПб.: «Алетейя», 1999.

² Более подробно см. одну из последних работ на эту тему: Самодурова З. Г. Роль византийской школы в организации системы обучения в окружающих империю странах в VII–XII вв. // Византия между Западом и Востоком. Опыт исторической характеристики. СПб.: «Алетейя», 1999. С. 160–192. Там же большая библиография вопроса.

³ Успенский Ф. И. История Византийской империи VI–IX вв. С. 533.

но понять все подробности нелегко, так как известный акт, излагающий привилегии, предоставленные Омаром Иерусалиму, вряд ли можно считать подлинным документом Омара. В то же время не подлежит сомнению то, что сам Омар присутствовал при заключении договора с христианами. Предание повествует, что патриарх Софроний поставил непременным условием сдачи Иерусалима личное присутствие наместника пророка, и что Омар, якобы его согласился исполнить. Простота в общении и суровый образ жизни халифа произвели большое впечатление на христиан города, когда они увидели, как Омар — повелитель сильного государства — путешествует на верблюде, довольствуясь самым необходимым для удовлетворения своих потребностей: мешок с рисом и финиками и сосуд с водой. Омар посетил Иерусалим и сделал распоряжение о постройке знаменитой мечети на месте прежнего храма Соломона. Тогда же патриарх Софроний получил письменное ручательство (актинамэ).

Спор о подлинности этого документа идет давно. Некоторые западные историки, как писал автор интереснейшего дореволюционного исследования «Латинская иерусалимская патриархия эпохи крестоносцев» А. П. Попов, «не приводя достаточных оснований, высказывают сомнение относительно подлинности грамот Омара и самого Магомета. Но в пользу подлинности этих грамот говорит признание их всеми последующими арабскими халифами и турецкими султанами, о даровании этих грамот говорят сами арабские историки и, наконец, в пользу подлинности, — по мнению А. П. Попова, — свидетельствует и полное соответствие содержания грамот положению христиан того времени»¹.

Известный российский ориенталист Н. А. Медников также считал, что версия с приездом Омара в Палестину специально для подписания договора с Иерусалимом по просьбе осажденных — тоже следствие какого-то позднего переосмысления событий². Современный историк халифата О. Г. Большаков так же отмечает, что эта версия давно признана несостоятельной³.

Даже если предположить, что актинамэ Омара легендарно, тем не менее, мы считаем вполне возможным привести его текст полностью. Да, оно могло быть составлено значительно позже. В таком случае, оно представляет еще больший интерес как одна из многочисленных подделок средневековья, изготовленная, скорее всего, в Византии. Этот документ нужен

¹Цит.: Попов А. П. Латинская иерусалимская патриархия эпохи крестоносцев. Т. I–II. СПб., 1903. С. 147–149.

²Медников Н. А. Палестина от завоевания ее арабами до крестовых походов по арабским источникам. Т. 1. Исследования// Православный палестинский сборник, 1903, вып. 50. С. 510–511.

³Большаков О. Г. История Халифата. Т. II. М.: Вост. лит., 2002. С. 70.

был для обоснования международного значения власти иерусалимского патриарха именно восточного (православного), не западного (католического) исповедания. Трудно установить дату создания этого документа, мы не решаемся даже давать ее предположительные хронологические рамки, но то, что надобность в нем появилась после прихода к власти новой мусульманской династии, ужесточившей жизнь христиан в Палестине, не вызывает никакого сомнения. Сделать это было не трудно, поскольку в памяти сохранялось предание о существовании некоей договоренности Омара с иерусалимским патриархом. Мы приводим текст актинамэ Омара по переводу, помещенному в книге А. П. Попова:

Во имя Бога Всемилоственного и Всемилосердного!

Омар сын Хаттаба

Благодарение Богу, соделавшему нас славными чрез ислам (богопреданность), и почтившему чрез веру, и помиловавшему чрез пророка Его Магомета, — да прославится в нем Бог, мир да будет с ним! — и приведшему нас от язычества, и собравшему нас чрез него от рассеяния, и соединившему наши сердца, и давшему нам победы на врагов, и утвердившему нас над городами и соделавшему нас совозлюбленными братьями. Итак, возблагодарите Бога, рабы Божии, за столь великую милость.

Это — моя грамота, Омара, сына Хаттаба, и дана досточтимому и уважаемому патриарху царского народа Софронию на горе Елеона, в месте святого Иерусалима, как договор и обещание, имеющие в виду подданных — иереев, иноков и инокинь, где бы и когда бы они ни находились, чтобы они имели от нас обеспечение, ибо так как подданный несет податные повинности, то нужно, чтобы они имели от нас охрану и покровительство, от нас — верных и от тех, которые после нас будут царствовать; чтобы отняты были от них поводы к притеснению их, ради того повиновения и послушания, которые они проявили; чтобы это было обеспечением для них и для церквей их, и для монастырей их и для всех подведомственных им остальных мест поклонения, в самом Иерусалиме и вне его находящихся, таких как Камами¹ и в Вифлееме великая церковь Рождества Иисуса, — да будет с Ним мир! — и пещера, имеющая три двери, южную, северную и западную; чтобы это было обеспечением и для остальных, находящихся там, христианских народов: грузин, абиссин и тех, которые приходят для поклонения, франков, коптов, сирийцев, армян, несториан, яковитов и маронитов, подведомственных означенному патриарху, и он да будет предстателем и вождем для них:

¹ Так до сих пор называется все место Голгофы и Гроба Господня. Арабы и в XX веке еще называют храм Воскресения, обнимающий эти места, вместо киами — Воскресение словом Камами, что переводится как «груда обломков» или «груда мусора». Это местное название и восходит ко времени Адриана, когда Голгофа и Гроб Господень были засыпаны мусором. — *Прим. А. П. Попова.*

так как награждены были милостью от честного и возлюбленного пророка, от вышнего Бога посланного, и осчастливлены печатью его руки, в оной (грамоте)¹ повелел он, что бы мы имели благосклонность к ним и оказывали покровительство. Точно так же и мы — верные благодетельствуем им, ради милости и чести облагодетельствовавшего их. А по сему: да будут они свободны от хараджа, от кафари и избавлены от всех притеснений и повинностей как на суше, так и на море, и входящие в Камаме и в остальные места поклонения ничего да не платят. Остальные же из назарян (христиан), приходящих в Камаме для поклонения, должны давать каждый из них патриарху одну драми серебра и одну треть драми.

Всякий верный, всякая верная да блюдет то, что мы повелели в настоящей грамоте, царь ли то будет, судья ли, или вождь, власть имущий на земле, богатый ли, бедный ли из правоверных мужей и жен. Дано же им настоящее наше ручательство в присутствии собрания досточтимых друзей: Абдаллы, Османа — сына Аффана, Саеда — сына Зеида, Абдиррахмана — сына Ауфа и остальных братий и уважаемых друзей.

И так, да уверится каждый в написанном в настоящей нашей грамоте и поступает по сему, оставляя ее опять в руках их.

Да будет же восхвален Бог и да дарует Он мир господину нашему Магомету, роду его и сподвижникам его! Благодарение Богу, Господу миров! Всесильный Бог — наш наилучший заступник.

Дано в 20-й Реби-уль-евела 15-го Геджры.

Всякий, кто будет читать настоящее наше ручательство и преступит его, тот от ныне и до судного будет преступником против завета Бога и ненавистен возлюбленному посланнику Его².

Согласно этому актинамэ халифа Омара основные права были переданы греческому иерусалимскому патриарху, отсюда именно все последующие греческие иерусалимские патриархи, становились главами всех местных и приходящих восточных (православных) и неправославных христиан, которые в пределах Палестины становились подвластными ему, а он их главой и покровителем.

Текст актинамэ, как мы видим, недвусмысленно утверждает права именно греческого патриарха не только на все главные святыни: храм Гроба Господня в Иерусалиме и Рождества Христова в Вифлееме, но и на все другие подвластные патриарху храмы и монастыри не только в самом Иерусалиме, но и за его пределами. Кроме того, все принадлежащие другим, перечисленным в грамоте, народам (грузинам, абиссинам, фран-

¹ Имеется в виду грамота, данная монахам св. горы Синая самим Магометом. — *Прим. А. П. Попова.*

² Цит.: *Попов А. П.* Латинская иерусалимская патриархия эпохи крестоносцев... С. 147–149.

кам, коптам, сирийцам, армянам, несторианам, яковитам и маронитам) храмы и монастыри также признавались неприкосновенными.

Иерусалимская церковь получает свободу от податей «хараджа» и «кафари», а так же и от всех притеснений и повинностей как на суше, так и на море. Освобождаются от всяких поборов со стороны мусульман и все паломники, прибывающие к св. Гробу. Последний обязуются лишь давать патриарху одну драму серебра с третью, что было, скорее всего, необходимо, для того, чтобы в иерусалимском первосвященнике все видели хозяина святых мест и осознавали во время пребывания в святом городе и на земле Палестины не только свою духовную зависимость от него, но и материальную.

Ф. И. Успенский также считал, что приведенное выше актинамэ не подлинное, но видимо Омар все-таки заключил с Софронием какой-то письменный договор, текст которого до нас не дошел. Именно его содержание давало христианам в Святой Земле многочисленные привилегии, которые сохранялись в течение многих столетий. Так, христианам сохраняют жизнь и имущество, «храмы их являются неприкосновенными, они пользуются свободой исповедания своей веры, но не препятствуют из своей среды переходить в мусульманство. Как подданные калифа они должны платить наложенную на них подать. В сущности, это весьма важные привилегии, гарантирующие жизнь и свободу вероисповедания, на основании которых впоследствии христиане могли приобрести себе и некоторые гражданские права»¹.

В. В. Бартольд высказывал некоторое сомнение в правдивости мусульманских преданий о действиях в Иерусалиме халифа Омара, ссылаясь на тот факт, что после смерти Софрония иерусалимский престол оставался вакантным в течение 29 лет. И только с воцарения в 661 г. халифа Му'авии (661–680) им был назначен первый после Софрония иерусалимский патриарх². Однако, легенда о договоре Омара оказалась не только передаваемой из поколения в поколение, но и весьма действенной, не раз спасавшей христиан Иерусалима от мусульманских притеснений.

В известной арабской хронике XIV в. «Мутир аль Джираб», опубликованной Ги Ле Странжем в 1890 г., приводится описание общения Омара с иерусалимским патриархом:

... Когда халиф Омар завоевал Святой город <...>, он сказал патриарху: «проводи нас к храму Давида». Патриарх согласился. Тогда Омар,

¹ Успенский Ф. И. История Византийской империи VI–IX вв... С. 533–534.

² Бартольд В. В. Рец. на книгу А. А. Васильев. Лекции по истории Византии // Бартольд В. В. Работы по истории ислама и Арабского халифата. М.: Вост. лит., 2002. С. 582.

препоясанный мечом, и четыре тысячи соратников <Пророка>, которые прибыли вместе с халифом в Иерусалим, также вооруженные мечами, пошли впереди, а мы все — арабы, достигшие Святого города, последовали за ними, и никакого оружия, кроме мечей, не было на нас. И патриарх шел впереди Омара вместе с соратниками, а мы шли позади халифа. Так мы вошли в Святой город.

Патриарх привел нас в Церковь и сказал: «Это храм Давида». Омар посмотрел вокруг и задумался, затем он сказал патриарху: «Ты лжешь, Пророк описывал мне храм Давида, и это не он». Тогда патриарх повел нас в Сионскую церковь и снова сказал: «Вот храм Давида». Но халиф отвечал ему: «Ты лжешь». Тогда патриарх повел нас дальше, пока мы не подошли к Хорам а-Шарифу¹ и не достигли ворот, названных позднее Ворота Мухаммада. Ступени этих ворот, как и все пространство Хорам а-Шарифа, были покрыты нечистотами, заполнявшими даже улицу, на которую выходили ворота. Патриарх сказал Омару: «Дальше можно только ползти на локтях и коленях», и он первым опустил на колени, за ним последовал Омар и мы все поползли за ними, пока не добрались до Харам а-Шарифа <...>. Омар огляделся вокруг и погрузился в глубокое: размышление. Затем он сказал: «Клянусь именем Того, в чьих руках пребывает душа моя, — это то место, которое описывал мне Посланник Бога».

<...> Рассказывают также, что халиф сам поднялся туда <на Храмовую гору> и вместе с ним был Кааб аль-Ахбар². Омар сказал Каабу: «О, Абу-Исхак, знаешь ли ты где находится Скала?»³ Кааб ответил ему: «Отмерь от источника в долине Те бен-Хинном столько-то локтей, там начни копать и ты найдешь ее», и добавил: «Сейчас это место покрыто нечистотами». Они стали копать и обнаружили Скалу. Тогда Омар спросил Кааба: «Где, по-твоему, нам следует построить святилище?» Кааб ответил: «Отведи место для него позади Скалы, и тогда ты совместишь две киблы: и Мусы и Мухаммада»⁴. Омар ответил ему: «Ты все еще тянешься к евреям, о,

¹ Харам а-Шариф (араб., букв. «благородная святыня») — арабское название Храмовой горы.

² Перешедший в ислам еврей, состоявший в свите Омара.

³ Скала (Святая скала) — так арабы называют «Камень основания», с которого, по еврейским представлениям, началось сотворение мира и на нем же был воздвигнут Иерусалимский храм.

⁴ Кибла (араб.) — направление молитвы; евреи молятся, обратившись к Храмовой горе, к тому месту, где некогда находился Иерусалимский храм (т. е. к Скале), мусульмане обращаются во время молитвы к Мекке; если бы мечеть была построена по совету Кааба на Храмовой горе к северу от Скалы («позади Скалы»), то молящиеся мусульмане обращались бы одновременно и к Скале (как евреи), и к Мекке. Муса — Моисей.

Абу-Исхак. Но мы поставим святилище перед Скалой». Так была воздвигнута мечеть <Аль-Акса> в передней части Харам а-Шарифа¹.

Как видим, рассказ о встрече Омара с патриархом Софронием существовал и в изустной и в письменной традиции, которая оказалась зафиксированной в разных летописных источниках, как латинских, так и арабских.

И все-таки враждебное настроение к христианству, привело к сокращению числа паломников, которым стало опасно находиться в Палестине вне защищенных стен своих гостиниц, многие из которых были захвачены новыми владельцами или попросту разрушены. Правда, еще в середине VI в. римский папа Григорий Великий послал в Святую Землю аббата Проба. Ему было поручено восстановление старых и постройка новых странноприимных домов для паломников, поток которых в Иерусалим стал постепенно увеличиваться.

В VII в. о паломниках-христианах из Египта позаботился Александрийский патриарх Иоанн II Милостивый (609–619/20 гг.), который впоследствии был причислен к лику святых. Им был приобретен небольшой участок земли, через столетия перешедший к госпитальерам. На нем была построена церковь, освященная во имя св. Иоанна Крестителя, небесного покровителя патриарха, при храме был построен госпиталь для больных. Этот факт впоследствии ввел в заблуждение многих историков Мальтийского ордена, которые стали утверждать, что орден госпитальеров якобы избрал своим покровителем св. Иоанна Милостивого.

Споры о том прав ли хронист Вильгельм Тирский в том, что будущие госпитальеры-иоанниты получили свое название от Иоанна Милостивого или, как считали позднейшие историки, от Иоанна Крестителя, думаем, не столь существенны. А. П. Попов, разбирая эти две противоположные точки зрения, заметил, что обвинение французскими историками хрониста в ошибке на том основании, что амальфийские купцы не могли устроить госпиталь и церковь в честь Иоанна Милостивого, поскольку последний «не был в большом почитании на западе», слишком слабо, чтобы подорвать достоверность рассказа архиепископа Вильгельма.

Действительно, благотворительная деятельность александрийского патриарха была широко известна в византийском мире. Он потратил огромные по тем временам деньги на реставрацию храма Воскресения Христова в Иерусалиме, он раздавал все свое состояние бедным, за что

¹ *Strange G. Lx. Palestine under the Moslems. London, 1890. P. 179.*

и получил прозвище Милостивого. На Востоке его почитали даже больше, чем на Западе.

Кроме того, не следует забывать, что все эти события происходили еще до разделения церквей на Западную и Восточную. Вполне естественно, что имя почитаемого в Палестине александрийского патриарха Иоанна, прославившегося своими благотворительными деяниями, было для жителей и прибывающих паломник весьма значимо. Тем более что госпитальеры продолжали то благое дело, которое на этом же месте ранее совершал патриарх Александрийский. «Очень целесообразно — творить милость в дому и церкви Иоанна Милостивого», — считал А. П. Попов¹.

Вероятно, по прошествии нескольких столетий и после разделения Церквей имя Иоанна Милостивого забылось, но, скорее всего, было вытеснено из обихода. Однако не подлежит сомнению, что святым покровителем александрийского патриарха был св. Пророк и Предтеча Иоанн, названный Крестителем. Во всяком случае, уже в XII веке своим покровителем госпитальеры считали именно его. Это подтверждают и позднейшие папские буллы. Так, папа Каликст II писал в 1120 году главе госпитальеров Герарду: «Учрежденный тобою госпитий в городе Иерусалиме, вблизи церкви Иоанна Крестителя, утверждаем» («institutum a te in civitate Jerusalem juxta ecclesiam S. Ioannis Baptistae xenodochium»)².

Как видим, папа ничего не говорит о прежней гостинице, стоявшей на месте гостиницы Иоанна Милостивого, рядом с монастырем de Latina, а говорит о новом госпитале около церкви Иоанна Крестителя. И тут, скорее всего, прав А. П. Попов, высказавший следующую точку зрения: Герард, «задумав основать новое общество, приобрел другое место, оставив прежнее монастырю de Latina, и устроил независимый от последнего госпитий подле церкви Иоанна Крестителя, от которого и получили свое название иоанниты»³.

Тем не менее, в течение нескольких веков госпиталь при храме св. Иоанна Крестителя, как, кстати, и все другие подобные странноприимные дома, находился под покровительством патриарха Иерусалимского, возглавлявшего, как мы знаем, всю христианскую общину в Святой Земле, даже когда эта территория находилась под властью мусульман.

К 640 г. Палестина была окончательно завоевана арабами и вошла в состав Арабского Халифата в качестве военных округов Джунд-Фалас-

¹ Цит.: Попов А. П. Латинская иерусалимская патриархия эпохи крестоносцев... С. 66.

² Там же.

³ Там же.

тин и Джунд-Урдуин. Пришедшая к власти династия Аббасидов начала активно заниматься экономическим закабалением населения, а вскоре и христиане на деле почувствовали ухудшение своего правового положения. Все это привело к активной арабизации и исламизации местных жителей. И хотя знаменитый халиф Харун-ар-Рашид (763 или 766–809), позволил «латинским христианам в Иерусалиме основать пристанище для своих единоверцев, но как по смерти халифа и первых его преемников, наследники Карла Великого чрез слабость духа и оружия потемнили славу немецкого престола, то уважение Восточных государей к Западным уменьшилось в той же мере, в какой оно прежде возрастало» — заметили А. Ф. Лабзин и А. Вахрушев¹.

Как считал Жан Ришар, Карл Великий добился формального покровительства над Святыми местами. Возможно, поэтому в Палестине осели представители христианской церкви запада, «епископы и монахи так и остались в греческих монастырях Иерусалима и всего региона»². Однако французскому историку, вероятно, были неизвестны работы российского ориенталиста В. В. Бартольда, опубликованные в начале XX в., в которых он убедительно доказал, что никакого покровительства над Святыми местами со стороны Карла Великого не существовало.

Жан Ришар повторяет точку зрения западноевропейских историков XVIII–XX вв., согласно которой между Харуном ар-Рашидом и Карлом Великим якобы был осуществлен обмен посольствами. Так считал и российский византист А. А. Васильев³, однако исследования В. В. Бартольда развеяли этот миф⁴. Скорее всего рассказы о Харун ар-Рашиде, добродетельном султани, были навеяны среди европейцев сказками «Тысячи и одной ночи». Они стали необыкновенно популярными уже в XVIII веке, и, в какой-то степени, придали восточный колорит многим историческим исследованиям, в том числе и на, посвященный правлению Харуна ар-Рашида, раздел в книге А. Ф. Лабзина и А. Вахрушева.

Многие российские дореволюционные историки привели документальные свидетельства, которые развеяли еще один миф: о том, что

¹ Лабзин А. Ф., Вахрушев А. История Ордена святого Иоанна Иерусалимского. Ч. 1. СПб., 1799. С. 4.

² Ришар Жан. Латино-Иерусалимское королевство... С. 25.

³ Васильев А. А. Карл Великий и Харун-ар-Рашид // ВВ. Т. XX, вып. I. СПб., 1913. С. 63–11.

⁴ Бартольд В. В. Карл Великий и Харун ар-Рашид. // Бартольд В. В. Сочинения. Т. 6. М., 1966. С. 342–364.; Бартольд В. В. К вопросу о франко-мусульманских отношениях // Там же. С. 432–461. 6 том сочинений В. В. Бартольда был переиздан под названием «Работы по истории ислама и Арабского халифата». М.: Вост. лит-ра, 2002.

мусульманское правительство строго следило за сношениями своих христианских подданных с иностранными государями. Так, И.И. Соколов писал, что Иерусалим даже при мусульманском владычестве «не прерывал канонического общения с автокефальными православными церквями»¹.

Известно также, как писал Б.Мелиоранский, что «восточные христиане, и в VIII веке и позднее, часто взывали к византийскому императору как к своему законному государю, т.е. смотрели на сарацинскую власть как на временное попущение Божие»; так относились «иногда даже к государям неправославным, если надеялись на их обращение»². Тем не менее ситуация в Палестине на протяжении VI – IX вв. была далека от идеальной³. Вот как ее описывал Вильгельм Тирский:

Горожанам же помощи ждать было неоткуда: смерть преследовала их каждый день, и что ещё более прискорбно – они несли на себе всю тяжесть немилосердного рабства. Наконец, чтобы довести до крайней степени их несчастья, с величайшим трудом сохраняемые и восстановленные христианские церкви каждый день подвергались жестокому нападению. В то время, когда происходило богослужение, неверные, распространяя среди христиан страх, неожиданно врываются внутрь церкви, и входят даже в алтари, не делая никакого различия между всяким местом в храме; они переворачивали чаши, топтали ногами предназначенные для богослужения вазы, разбивали мрамор, покрывали духовенство оскорблениями и ударами. Даже с самим владыкой – патриархом, они поступали как с самым низким и ничтожным человеком; его таскали за бороду и за волосы, скидывали с высоты его кафедры и повергали на землю. Часто они хватали его и обращались с ним как с самым ничтожным рабом – владыку без всякого повода бросали в самую глубь тюрьмы, желая утратить, таким образом, народ страданиями его пастыря»⁴.

После распада Аббасидского халифата Палестина последовательно переходила под власть египетских династий Тулунидов, Ихшидов, Фатимидов. В IX–XI вв. Палестина переживала экономический подъем. Обработывались большие земельные массивы, Иерусалим, считавшийся религиозным центром иудаизма, христианства и ислама, насчитывал в XI в. до 40 тыс. жителей. Такие города, как Акка, Кесария, Аскалон, Газа, вели оживленную торговлю. Тем не менее, как писали А. Ф. Лабзин и А. Вахру-

¹ Соколов И.И. Иерусалимская церковь // Православная Богословская Энциклопедия. Т. VI. СПб., 1905. Стбц. 294.

² Мелиоранский Б. Георгий Киприянин и Иоанн Иерусалимлянин, два малоизвестных борца за православие в VIII в. СПб., 1901. С. 45.

³ Соколов И.И. Иерусалимская церковь... Стбц. 628.

⁴ http://vostlit.narod.ru/Texts/rus/Giiom_Tir/text1.htm.

шев, «вскоре подданных римского императора лишили всех прежних привилегий». Их выселили из Иерусалима, и только за очень высокую плату они могли лишь в течение дня находиться в городе. Ночевать же в Иерусалиме им запрещалось: «Магометане по природе имели столько отвращения к имени христиан, что не давали им в домах своих убежища, а греки, со времени разделения обеих церквей, не меньше арапов и сарацин их ненавидели»¹.

Мнение А. Ф. Лабзина и А. Вахрушева опровергают исследования позднейшего российского историка В. В. Бартольда. С одной стороны, А. Ф. Лабзина и А. Вахрушева трудно назвать историками в полном смысле этого слова. С другой, написанный ими текст объясним, ведь они пользовались работами по истории Ордена св. Иоанна, написанными католиками. Вот почему их компилятивный труд, написанный в самом конце XVIII века (!) можно считать первоисточником только в той его части, которая посвящена российско-мальтийским отношениям в XVIII в. В 5 томе их исследования опубликовано немало документов из российских архивов.

Итак, с точкой зрения А. Ф. Лабзина и А. Вахрушева трудно согласится, прежде всего потому, что вышеприведенная цитата не датирована, но по косвенным свидетельствам можно предположить, что речь идет о событиях начала IX в., последовавшим в 809 г. после смерти Харун ар-Рашида. В это время в Арабском халифате наступил период смут и безвластия, от которого страдало все население.

Как писал византийский историк Феофан, мусульмане в Сирии, Ливии и Египте убивали и грабили как друг друга, так и подчиненных им христиан. Феофан прибавляет, что в Иерусалиме, «в священном городе Господа нашего Христа опустели церкви, также два больших монастыря, монастырь свв. Харитона и Кириака и монастырь св. Саввы, и остальные киновии свв. Евфимия и Феодосия»². И, видимо, в этой связи Карл Великий издал в 810 г. указ об отправлении милостыни в Иерусалим «для восстановления церквей Божьих»³.

Посетивший между 860 и 870 гг. Иерусалим монах Бернгард сообщает о «гостинице славнейшего императора Карла» и о созданной его усердием библиотеке при церкви св. Марии Латинской. Той самой церкви, вокруг которой как раз и объединились госпитальеры. Этой церкви принадлежала

¹ Лабзин А. Ф., Вахрушев А. История Ордена святого Иоанна Иерусалимского. Ч. 1... С. 5.

² Цит.: Бартольд В. В. Карл Великий и Харун ар-Рашид... С. 362.

³ Бартольд В. В. К вопросу о франко-мусульманских отношениях // Бартольд В. В. Сочинения. Т. 6. М., 1966. С. 458.

и значительное недвижимое имущество в долине Иоасафата, а гостиница госпитальеров владела прилегавшей к ней торговой площадью, получая с каждого торговца по два динара. Как замечает В. В. Бартольд, ссылаясь на работу французского историка церкви Леона Брейера: «Католические авторы полагают, что церковь св. Марии Латинской была разрушена в 1009 г., одновременно с церковью св. Воскресения, что в половине XI в. в Иерусалиме никаких латинских учреждений не было и что церковь, может быть, была восстановлена после разрушения купцами из Амальфи; они же в 1080 г. вновь выстроили гостиницу.

Однако постройки Карла были настолько забыты уже в XII веке, что Вильгельм Тирский знал только церковь *Sanctae Mariae de Latina* только как *monasterium Amalfitanorum* (т. е. монастырь амальфийцев. — *Авт.*)»¹.

Вот как описывает Вильгельм Тирский повседневный быт пилигримов в Святой Земле:

Большое количество греков и латинян, невзирая на все опасности того бедственного века, приходили с паломничеством к святым местам. Но, даже избегнув тысячей возможностей погибнуть, после пересечения вражеских стран, тот, кто приходил к воротам города, не мог попасть туда, не заплатив некоторого количества золота, требуемого в качестве подати. Истратив в дороге все состояние, с большим трудом сохранив самую жизнь свою и достигнув города в крайней нужде, они не могли выплатить положенную сумму. В результате тысячи и тысячи паломников, собранные воедино в окрестностях города, ожидали разрешения войти туда и скоро доходили до степени полного обнищания, изнемогая при этом от голода и жажды. Живые или мертвые — они были невыносимым бременем для несчастных христиан Иерусалима. С трудом они могли обеспечить живых достаточным количеством какой-либо пищи; и их ещё вынуждали прилагать новые усилия для того, чтобы дать мертвым последний приют; все эти действия были выше их сил. Тот, кто мог выплатить пошлину, получал разрешение на вход в город и становился предметом новых забот для своих братьев. Ходивших по городу для посещения святых мест паломников беспрестанно предупреждали, чтобы они соблюдали величайшую осторожность — в противном случае они могли быть избиты, ограблены или даже тайно убиты или задушены. Движимые желанием предотвратить эти несчастия и наполненные братской любовью, христиане беспрестанно ходили по путям паломников для того, чтобы убедиться в их невредимости

¹Цит.: Бартольд В. В. К вопросу о франко-мусульманских отношениях... С. 459, сноска 126.

и защитить их от всех возможных несчастий. В городе находился монастырь Амальфитов, сегодня также называемый монастырём Марии Латинской, а рядом с ним находился постоянный двор¹.

Приведенное выше мнение В. В. Бартольда нуждается в некоторых комментариях. Итак, по свидетельству двух средневековых историков-хронистов XII–XIII вв. — Вильгельма Тирского² и Иакова Витрийского³,

¹ http://vostlit.narod.ru/Texts/rus/Giom_Tir/text1.htm.

² Вильгельм Тирский — родился с Сирии в 1130 г., получил воспитание в Антиохии и Иерусалиме, но в 1160 г. выехал на учебу в Европу, учился в Италии и во Франции. Затем вернулся в Иерусалим, где приобрел расположение короля Амальрика, который в 1167 г. сделал его архидиаконом Тира и назначил учителем своего сына — наследника Балдуина. Став королем, Балдуин IV в 1173 г. сделал его архиепископом Тирским. Из двух его больших исторических сочинений «Деяния восточных государей» и «История священной войны» — первое не дошло до нас. Второе содержит историю крестовых походов с 1100 по 1184 гг. Хроника Вильгельма Тирского известна в рукописи, которую проиллюстрировал прибывший из Парижа после 1276 г. художник, живший в Акре. Его называли «Мастер-Госпитальер», потому, что одним из главных его заказчиков был орден св. Иоанна. См.: Вильгельм Тирский // Православная Богословская Энциклопедия. Т. III. СПб., 1905. Стб. 482; *Фолда Ярослав*. Искусство Латинского Востока 1098–1291 // История крестовых походов / Под ред. Дж. Райли-Смита. / Пер. с англ. Е. Дорман. М.: КРОН-ПРЕСС, 1998. С. 184, 188.

³ Иаков Витрийский — епископ Акинский, знаменитейший из проповедников крестовых походов. Происходит из города Витри (в Лотарингии к югу от Дуэ). В 1213 г. он отправился в северную Францию проповедовать поход против альбигойцев, но потом стал призывать к походу против мусульман, за что аккинский соборный капитул избрал его епископом. Однако Иаков уехал к Иннокентию III с целью склонить его учредить посольство от Франции при крестоносцах. В Перуджу, где находился папа, он приехал на другой день после его смерти (16 июля 1216 г.). Новый папа Гонорий III это желание Иакова не утвердил, но 31 июля он лично посвятил его в епископа г. Акры (по тогдашнему наименованию Акка). В ноябре, после длительного и бурного плавания, Иаков прибыл в Акру. С 1217 г. он проповедовал в местностях, находящихся под властью христиан и принимал самое активное участие в походах крестоносцев. 5 ноября 1219 г. Иаков, находясь в лагере при осаде Дамьетты начал писать исторический труд «*Historia orientalis*» или «*Historia Hierosolymitana abbreviata*». Первый том содержит историю Святой Земли от Мелхиседека до мира 1211 г., но, как считают историки, в этом сочинении он интересен только при описании событий 1184–1211 гг., т. е. свидетелем чему он сам был. Все содержание предшествующей части он переписал у Вильгельма Тирского. В 1228 г. личный друг Иакова — папа Григорий IX — призвал его на должность кардинала и епископа Тускулского (Тускулум — город недалеко от Рима, к югу). См.: Иаков Витрийский // Православная Богословская Энциклопедия. Т. VI. СПб., 1905. Стб. 158; *Полов А. П.* Латинская иерусалимская патриархия эпохи крестоносцев... Т. I. С. 19–20, 260, 267, 327, 329, 339, 342, 351, 361–366, 369. Т. II. С. 47, 50–51, 93, 116–118, 133, 193.

этот госпиталь был основан в Иерусалиме в то время, когда египетские халифы завладели Палестиной, и первоначально он находился в зависимости от церкви *Magia Latina*, построенной латинянами, так тогда называли всех итальянцев.

Известно, что в 969 г., когда власть над Египтом и всей Палестиной перешла к халифам династии Фатимидов, последние стали препятствовать паломничеству христиан в Святую Землю. Христиан начали притеснять, угнетать, а с паломников к святым местам взимать специальный налог. Затем положение христиан снова несколько облегчилось, но только на время, пока из Центральной Азии в Палестину через Багдад не вторглись туркмены, именовавшиеся, в честь своего первого предводителя, турками-сельджуками. Их появление в Святой Земле и связанные с ними сложности, возникшие перед паломниками, послужили непосредственным поводом к началу Крестовых походов.

«Тем не менее, — как пишет В. В. Бартольд, — христианские святые места и в эту эпоху могли принимать жертвоприношения от иностранных государей и князей; нет никаких известий о том, чтобы для принятия такого жертвоприношения требовалось разрешение от фатимидского правительства. К числу наиболее известных жертвоприношений в пользу св. Гроба и монастыря св. Марии Латинской относится дар тосканского маркиза Гюга и его жены Жульетты в 993 г.; такие же жертвоприношения делались и норманнскими герцогами; в Руан ежегодно приезжали монахи из Палестины и возвращались туда с подарками»¹.

Это свидетельство, отмеченное В. В. Бартольдом, взятое из сведений хронистов и дополненное мусульманскими источниками, чрезвычайно интересно для нашего исследования. Оно подтверждает факт существования братства госпитальеров уже в X веке. Дело в том, что храм св. Марии Латинской все хронисты связывают только с их деятельностью, да и все позднейшие западноевропейские историки ордена св. Иоанна единогласно утверждают, что этот храм принадлежал госпитальерам, правда, датируют их появление в нем серединой XI в.

Приведенный выше факт доказывает, что церковь во имя св. Марии Латинской была построена еще до X в. Следовательно, и братство госпитальеров, состоявшее из христиан латинского обряда (скорее всего из жителей разных районов Италии), существовало в Иерусалиме задолго до XI века. Да, они подчинялись православному патриарху Иерусалима, но тогда никто не видел вероисповедных различий. Как видим, тогдашние

¹ Цит.: Бартольд В. В. К вопросу о франко-мусульманских отношениях... С. 453.

госпитальеры жили спокойно и безбедно, получая щедрые пожертвования и подарки и из Европы и из Византии.

* * *

Прежде чем говорить о монахах госпитальерах, следует более подробно остановиться на некоторых аспектах повседневного религиозного бытия многочисленных церковных и околоцерковных групп в Святой Земле, о которых мы уже упоминали.

В Палестине существовало большое число епархий, их возглавляли епископы и архиепископы, которые в свою очередь имели еще и своих суффраганов. Таких суффраган-епископов каждый из них имел от одного до четырех. Каждый член этого значительного штата высшего духовенства имел еще и свое личное окружение — капитулы, чем-то напоминавшие папскую курию. Члены капитулов назывались канониками, и каждый из них считал себя лицом весьма значимым, особо приближенным и особо доверенным. Они находились на содержании, которое получали с церковных имений. Со временем их значение резко возрастает, поскольку они получают права избирать епископов, а в случае его отсутствия капитул управляет не только всеми церковными делами данной епархии, но и церковными именами. Количество каноников было в каждой епархии строго ограничено, и они тщательно следили, чтобы в их рядах не появлялся ни один новый член. С канониками считался даже папа. Известны папские буллы, обращенные к архиепископу или патриарху Иерусалимскому и капитулу. Каноники ставили свои подписи под различными документами, благодаря этому имеется возможность увидеть, что их число было значительным. Каноники были людьми светскими, и такое положение поддерживалось в Святой Земле не одно столетие.

Каноники постоянно заботились о своем личном благополучии. Материальные заботы у них стояли на первом месте и поэтому они выпрашивали разнообразные привилегии у каждого новопоставленного епископа. Кроме того, многие из них вели жизнь далекую не только от монашеской, но и вообще от идеалов духовного подвига. Многие из них не подчинялись правилам общежития, жили в собственных домах, проводили время в веселье и празднословии. Слухи об этом доходили и до Рима. Папы не раз вынуждены были писать иерусалимскому патриарху об этих нарушениях.

Первоначально именно из таких каноников состояли и братства при госпиталях и странноприимных домах, где вместе с монахами там проживали и люди светские, но занимающие определенное высокое положение в капитулах. Именно в них необходимо видеть прообраз будущих рыцарей-

монахов различных орденов, появившихся после завоевания крестоносцами Палестины.

В 1112 году при патриархе Арнульфе, избранному на первосвященнический иерусалимский престол после смерти своего предшественника патриарха Гибелина, начались серьезные реформы. Арнульф слишком хорошо знал слабые стороны своих бывших сослуживцев, ведь он свыше десяти лет лично служил вначале главным распорядителем, а затем и архи-диаконом при главной святыне христианства. Практически все светские канонники, назначенные при его предшественнике для отправления церковных служб при Гробе Господнем, по образу своей жизни никак не соответствовали тому положению, которое налагалось на священников этого храма. И в 1114 году, с согласия иерусалимского короля Балдуина, патриарх Арнульф издает постановление, которым заменяет светских каноников на монахов.

В документе, составленном Арнульфом, ссылаясь на необходимость восстановления духовно-нравственных основ, дается характеристика деятельности предыдущих каноников: «Древний враг, как лев рыкающий, тысячами средств старается напасть на стадо Господне... новых членов, забывающих заповедь Господню, со дня на день больше и больше развращать... Он подошел к клиру и, действуя на него своим лукавством, завладел теми, кто должен быть более предан Богу и подавать добрый пример меньшей братии. О, горе! Клир служит похотям плотским и невероятным образом запятнал свою честь. Всеблагий Господь, который оком милосердия благостно смотрит на место своего погребения, в то же время изволил со всею строгостью исправить нечестие клира. После смерти моего предшественника, господина Гибелина, я, Арнульф, смиреннейший из всех иерусалимлян, избранный королем, клиром и народом в пастыря и возвеличенный патриаршею честью, боясь гибели своей души и желаю уврачевать души их (клириков. — *Авт.*), не могу больше снисходить преступлениям клириков, которых много раз отечески увещевал, чтобы они исправили свою жизнь. Поэтому, предписываю, чтобы клирики, живя вместе, проводили апостольскую жизнь и в своей жизни канонически управлялись правилами блаженного Августина. Так как одни из клириков, по внушению Божию, примут эти спасительные советы, другие же, по наущению диавола, откажутся от них, то первых я приказал вновь принять, как слуг Христовых, в церковь Святого Гроба, других же, как не повинующихся и противящихся монашеским правилам, удалить из этой церкви»¹.

¹ Попов А. П. Латинская иерусалимская патриархия эпохи крестоносцев... С. 60–61.

Первыми канониками, которые или приняли монашество или были заменены на монахов, стали каноники храма Гроба Господня. Они-то и стали членами первого официально зарегистрированного духовно-рыцарского ордена, известного под именем «ордена Храма», «храмовников», «рыцарей храма», «войнства храма Соломона» или тамплиерами. За храмовниками вскоре произойдет и официальное утверждение братства, существовавшего при госпитале св. Иоанна в Иерусалиме.

* * *

Однако вернемся к более ранним событиям в жизни Иерусалима. О большой веротерпимости в Фатимидском государстве свидетельствует, немало фактов. В 869 г. иерусалимский патриарх Феодосий писал константинопольскому патриарху Игнатию о мусульманах: «Они справедливы и ничем нас не обижают»¹. Небезынтересен и тот факт, что в начале XI в. в Иерусалиме основывается грузинский монастырь св. Креста².

В период правления халифа Мутеваккиля (847–861), для всех христиан Палестины и Сирии наступают тяжелые времена. Причины этого В. В. Бартольд видит «в повышении уровня образованности среди мусульман», в результате чего правительство все меньше нуждается в «услугах христиан для различных отраслей государственной службы»³. Но уже к X в. положение христианского населения начинает медленно выправляться. Как считает британский ученый Стивен Рансимен:

Южная Сирия и Палестина перешли под власть Фатимидов, халифов Египта, проявлявших, за исключением сумасшедшего халифа Хакима, терпимость и дружелюбие по отношению к христианским купцам и паломникам, приносящим немалый доход. На восточных землях появляются колонии итальянских купцов... С каждым годом все больше западных христиан отправлялись в Святую Землю на поклонение святыням⁴.

Однако, в 1009 г. в Иерусалиме произошел инцидент, который привел в ужас и трепет всех христиан. По приказу халифа Хакима (Гекама), основателя религии друзов⁵, был осквернен храм Гроба Господня. В храме

¹ Цит.: Бартольд В. В. К вопросу о франко-мусульманских отношениях... С. 460.

² Марр Н. Я. Предварительный отчет о работах на Синае, веденных в сотрудничестве с И. Джаваховым, и в Иерусалиме, в поездку 1902 г. (апрель – ноябрь) // Сообщение Императорского православного Палестинского общества. Т. XXIV, ч. II. СПб., 1903. С. 46.

³ Бартольд В. В. К вопросу о франко-мусульманских отношениях... С. 460–461.

⁴ Рансимен Р. Восточная схизма. Византийская теократия... С. 37–38.

⁵ Бурлуцкая Л. Тайные общества, или Кто правит миром! М.: РИПОЛ КЛАСИК, 2003. С. 92–93.

молодой халиф приказал убить своего дядю по матери, патриарха Иерусалимского Феофила и весь клир, он разрушил внутренний притвор и купол над Гробом Господним¹. Это надругательство хотя и не имело длительных последствий, «но оно показало, что жизненному укладу, который воцарился на Востоке, может прийти конец»².

Эти события вызвали в христианском мире реакцию неотвратимых карательных мер, которые выражались в антимусульманских выступлениях церковнослужителей.

Известен рассказ Вильгельма Тирского о событии 1063 г., когда население Иерусалима получило от фатимидского правительства приказание укрепить город. На христиан была возложена четвертая часть этой работы, которая из-за больших поборов, разоривших христианское население города, не могла быть выполнена. И тогда христиане обратились к византийскому императору с просьбой о финансовой помощи. Император посоветовал христианам получить от своего государя указ, по которому внутри стен, построенных на средства императора, могли бы жить только христиане. И горожанам удалось получить такой документ от халифа Мустансира. «Вследствие этого, христиане, с иерусалимским патриархом во главе, получили в свое исключительное распоряжение четвертую часть города, и такой порядок застали в Иерусалиме в 1099 г. крестоносцы» — писал В. В. Бартольд³.

К началу второго тысячелетия существования христианства на европейском континенте утихло так называемое великое переселение народов. Осевшие племена сформировали самостоятельные государства, вскоре ставшие оплотом европейского христианского мира. Этой христианской цивилизации активно противостоял, как мы видим, Арабский халифат, состоявший из нескольких отдельных государств. Но именно в это время европейское мореплавание начинает играть особую роль в развитии средневекового общества. Больше того, как отметил еще Ф. Ф. Мартенс, итальянские купцы в XI — начале XII в. стали первыми заключать «тракаты... как с сарацинами, так и с греческою империею»⁴.

Купцы-мореходы из городов-республик Амальфи, Венеции, Генуи создавали средиземноморский рынок, и обосновывались на землях, занятых мусульманами. Вполне естественно, что главное внимание было обращено на Святую Землю, на те города и поселения, которые были

¹ *Муравьев А. Н.* Письма с Востока в 1849–1850 годах. Ч. 2. СПб., 1851. С. 228–229.

² *Ришар Жан.* Латино-Иерусалимское королевство. СПб.: Евразия, 2002. С. 25.

³ *Бартольд В. В.* К вопросу о франко-мусульманских отношениях... С. 454.

⁴ *Мартенс Ф. Ф.* О консулах и консульской юрисдикции на Востоке. СПб., 1873. С. 61–63.

связаны с евангельской историей. На эту заметную роль купцов-мореходов обратили внимание еще А. Ф. Лабзин и А. Вахрушев. В своей книге авторы отмечали:

Купцы сии были из Амальфи, одного городка в королевстве Неаполитанском, находившегося тогда под властью греческих Императоров. Обширные торги заставляли их ежегодно путешествовать в Египет. Драгоценные товары и разные искусные изделия, привозимые ими из Европы, скоро открыли им вход ко двору халифа. Разными дорогими подарками приобрели они столь благосклонности его, что он без затруднения дал им, наконец, позволение построить в Иерусалиме недалеко от Гроба Господня особенную гостиницу для латинских христиан¹.

Обратимся к повествованию Вильгельма Тирского:

В городе находился монастырь Амальфитов, сегодня также называемый монастырём Марии Латинской, а рядом с ним находился постоянный двор, основанный в честь Элемона (Иоанна Милостивого. — *Авт.*) — патриарха александрийского, где была небольшая часовня и который был поручен аббату этого монастыря. В этом месте несчастные путешественники получали некоторую милостыню, обеспечиваемую частью монастырём, а частью великодушием христиан. На тысячу паломников едва лишь один мог достаточным образом удовлетворить свои нужды, остальные же расходовали свою провизию и все свои запасы во время путешествия, с большим трудом сумев сохранить свою жизнь, подвергнувшись по пути многим опасностям и лишениям².

Итак, первые, кто решились устроить госпиталь в Иерусалиме, как мы уже писали, были купцы из города Амальфи в Италии. Они, приезжая на восток по торговым делам, посещали святой город и на самом деле видели, какую нужду терпят христианские купцы и паломники, не имея приюта в Иерусалиме. Амальфийские купцы решились просить египетского халифа разрешить им устроить приют в самом городе.

Мусульманское правительство согласилось на просьбу купцов и отдало место для устройства приюта в христианском квартале вблизи Гроба Господня, на расстоянии брошенного камня (*quantum vix lapidis jactus est*). На отведенном месте вскоре была устроена церковь во имя приснодевы Марии, и были пристроены к ней помещения для монахов и странников. Этот приют получил название монастыря *de Latina*, потому что начало ему положили латины (т. е. итальянцы). С течением времени женщины отделились от мужчин и рядом устроили небольшой монастырь с церковью

¹ Лабзин А. Ф., Вахрушев А. История Ордена святого Иоанна Иерусалимского. Ч. 1... С. 7.

² http://vostlit.narod.ru/Texts/rus/Giiom_Tir/text1.htm.

во имя св. Марии Магдалины. Для большего удобства в жизни монахов и монахинь было выстроено отдельное помещение для паломников и больных с церковью во имя Иоанна Милостивого. На содержание этих зданий и живущих в них братьев деньги собирались амальфийскими купцами и ежегодно посылались в Иерусалим¹.

Это свидетельство средневекового хрониста, прокомментированное А. П. Поповым, имеет реальное подтверждение. Действительно, в начале XI в. богатый гражданин из Амальфи, некий ди Мавро (Мауро) построил в Иерусалиме, на месте старого странноприимного дома времён аббата Проба, рядом с храмом во имя св. Иоанна Крестителя, новый дом для больных паломников. Позднее, дело ди Мавро продолжил его сын Панталеон (Пантелеймон). К 1052 г. он заново отстроил госпиталь² и установил дружественные отношения с мусульманским главой Иерусалима.

«Сверх того, правительство должно было отвести им там земли столько, чтоб они могли построить собственную церковь для отправления богослужения. Сию последнюю потом назвали святою Латинскою Церковью Пресвятой Девы Марии для отличия от церквей греческих. Отправление богослужения было поручено бенедиктинцам». Недалеко от монастыря амальфийцев в Иерусалиме «построены были еще другие два здания под гостиницы для пилигримов обоего пола, в которые принимались как больные, так и здоровые. Каждое из сих зданий имело после особенную церковь, из которых одна посвящена была св. Иоанну Милостивому, другая св. Магдалине», — писали Лабзин и Вахрушев, повторяя сведения Вильгельма Тирского, приведенное в книге аббата Верто³.

Амальфийцы собирали в итальянских городах пожертвования, которые передавали бенедиктинцам. Так продолжалось около двадцати лет. Интересен и еще один факт, о котором забыли. Именно амальфийцы привезли на Святую Землю изображение креста, ныне всем известного под названием «мальтийского». Дело в том, что именно такой крест носили граждане города-республики Амальфи⁴, а его изображение постоянно помещается на монетах города Амальфи в IX–XI вв. Символически мальтийский крест стал толковаться следующим образом: четыре конца креста символизируют христианские добродетели, а восемь углов — добрые качества

¹ Цит.: Попов А. П. Латинская иерусалимская патриархия эпохи крестоносцев... С. 65.

² Hoade Eugene Fr. O. F. M. Guide to the Holy Land. 4th ed. Jerusalem, 1962. P. 131–132.

³ Лабзин А. Ф., Вахрушев А. История Ордена святого Иоанна Иерусалимского. Ч. 1... С. 7. Авторы делают типичную ошибку. Церковь была освящена не в память Иоанна Милостивого, а в честь Иоанна Крестителя.

⁴ Перминов П. Под сенью восьмиконечного креста ... С. 13.

христианина. Белый цвет креста символизирует безупречность рыцарской чести на кровавом поле войны¹.

Встает естественный вопрос: почему именно монахам-бенедиктинцам передавались пожертвования? Дело в том, что монастыри именно этого ордена находились в Амальфи и располагались поблизости на юге Италии². В Иерусалиме амальфийцы создавали структуры, которые им были близки, с которыми они сотрудничали уже много десятилетий. Вот почему мы не без основания считаем, что именно амальфийцы принесли в основанный ими в Святой Земле монастырь и устав бенедиктинцев. Почему нами делается такое утверждение?

* * *

Развитие монашества, как на Западе, так и на Востоке, проходило свои этапы. На Востоке основателем монашества («киновийной», общинной жизни), стал святой Пахомий (292–348), египтянин родом, принявший христианство во время военной службы при Лицинии около 314 г. После кратковременного опыта отшельнической жизни Пахомий основал в 322 г. в Фиваиде, на берегу Нила, первую киновию, куда принял около сотни учеников. Чтобы лучше дисциплинировать их совместную жизнь, он составил краткие «Правила». Мистическая ориентация монашества первых времен доминирует в этих «Правилах». Но вырисовывается также и некая элементарная форма кооперации с выделением различных занятий, предназначенных для поддержания жизни монахов, под руководством настоятеля. На Западе подобное совершил бл. Августин (354–430)³. Но проходит не более ста лет, и на смену более ранним представлениям, изложенным блаженным Августином в начале V в., приходят более совершенные. Уже в VI в. большое распространение приобретает устав, созданный Бенедиктом Нурсийским (480–543/547). Сведения об этом христианском подвижнике во многом легендарны, но его появление оказалось связано с общим положением христианства в Европе. Диспуты V в. по поводу двойственной природы Христа, так и не выясненной соборами в Никее и Константинополе, дали Риму последнюю возможность непосредственно воздействовать на восточных епископов. Центром этой распри оказалось соперничество

¹ См.: Der Johanniterorden / Der Malteserorden. Der ritterliche Orden des hl. Johannes vom Spital zu Jerusalem. Seine Geschichte, seine Aufgaben. Herausgegeben von Adam Wienand in Verbindung mit Carl Wolfgang von Ballerstrem und Albrecht von Cossel. Köln, 1988. S. 25.

² Щербатов Алексей, кн. Поездка на Афон. 2001 год. / Публ. Л. Криворучкиной-Щербатовой // «Новый Журнал» (НьюЙорк). 2005, № 238.

³ Гревс И. М. Августин // Христианство. Энциклопедический словарь. Т. I. М., 1993. С. 16–17.

александрийской теологической школы, которая стремилась выделить единственную, божественную природу Христа (монофизитское течение), и константинопольской, которая подчеркивала его человеческую природу (несторианское течение).

Как писал известный итальянский историк церкви Амброджо Дони-ни, в период великих теологических распрей василианские монахи (речь идет о последователях Василия Кесарийского. — *Авт.*), беглецы или ссыльные, распространили на Западе нормы восточного аскетизма. В IV и V вв. в Италии, Галлии, Африке и Испании широко распространились киновии, небольшие монастыри. Недоставало, однако, общей модели, которая помогла бы привести к единообразию их жизнь. Только в начале VI века в центре готской оккупации возникает бенедиктинское монашество, которое добавляет к молитве труд как выражение божественного волеизъявления¹. Это было страшное время войн, голода, эпидемий, усугублявших эксплуатацию населения, на долю которого выпали основные тяготы кризиса.

Впервые о Бенедикте вспоминает папа Григорий Великий (590–604) во 2-й книге своих «Диалогов». Его легендарная биография, написанная через сто лет после кончины Бенедикта, малодостоверна, хотя известно, что Бенедикт учился в Риме, но совершенно неизвестны мотивы, побудившие его удалиться в Чочарию, где он, руководил небольшой монастырской общиной в Виковаро, а затем — в ущелье Аньене, близ Субиака.

Как считает Арнольд Джозеф Тойнби, жизнь св. Бенедикта Нурсийского совпала с предсмертной агонией эллинистического общества. Получив образование, он вскоре восстал против столичной жизни и удалился в пустыню, где в течение трех лет жил в полном одиночестве, однако поворотным пунктом в его судьбе стало возвращение в общество по достижении совершеннолетия, когда он встал во главе монашеской общины. Он создал новую систему образования взамен старомодной, отвергнутой им еще в детстве².

Вместе с группой учеников, среди которых были Мавр и Плацид, Бенедикт, согласно преданию, основал вокруг Субиака 12 монастырей, пока ревность местного клира не вынудила его перебраться в Кассино, где на суровом холме он основал самое значительное аббатство бенедиктинского ордена, пережившее средневековье и уцелевшее до нашего времени. Он учредил также и центр затворничества для женщин, который поручил сестре Схолостике.

¹ Доници А. У истоков христианства: от зарождения до Юстиниана. М.: Политиздат, 1979. С. 305–306.

² Тойнби А. Дж. Постигание истории. Сборник. / Пер. с англ. Е. Д. Жарковой. М.: Айрис-пресс, 2004. С. 271.

Община бенедиктинцев стала матерью монастырей, быстро распространившихся по всему западному миру. Больше того, именно монашеский орден св. Бенедикта лег в основу социальной структуры западного христианства, выросшей на руинах эллинистического мира. Именно социальное служение бенедиктинцев стало затем основополагающим занятием госпитальеров вначале в Иерусалиме, а затем стало распространяться по всему средневековому миру.

Для основанного в Монте-Кассино монастыря Бенедикт написал специальный устав, «*Regula Benedicti*», сформулировавший основные принципы монашеского общежития и во многом определивший строй жизни западного монашества на многие века¹. Правда, на первых порах кроме соблюдения этого устава бенедиктинские монастыри не имели другой связи, т. е. были лишены такого централизованного управления, такой организации, которая только через несколько веков стала именоваться орденом. В течение столетий все бенедиктинские монастыри оставались по отношению друг к другу вполне автономными².

В монастырях бенедиктинцев сложился своеобразный синтез физической и интеллектуальной деятельности. Они стали оазисами науки и передовой сельскохозяйственной практики. Монахи этого ордена строили водяные и ветряные мельницы, а цистерианцы — одно из ответвлений бенедиктинцев — были известны своей успешной борьбой с малярией. Бенедиктинцы, судя по всему, создали продуманную и глубокую технологию хозяйствования. Сам св. Бенедикт считал, что трудовая деятельность человека имеет важный и глубокий смысл — она помогает воссоздать Эдем (название рая) на месте дикой природы.

Французский историк Жан Ришар называет эти первые монашеские структуры бенедиктинцев не орденами, а аббатствами, некоторые из которых, как он пишет, возникли, достаточно рано³. Бенедиктинские аббатства или братства начинают распространяться по всей территории Италии и даже за ее пределами. В Амальфи и окрестностях города бенедиктинцы пользовались наибольшей популярностью, и когда купцы этого города-республики отстроили свои представительства в Палестине, естественно, первыми насельниками подведомственных им монастырей были бенедиктинцы. Вскоре основанные амальфийцами два монастыря: женский, его возглавила знатная римлянка Агнесса, и мужской, во главе которого стоял

¹ Память в Католической церкви 11 июля и 21 марта, в Православной — 14 (27) марта.

² Малицкий Н. В. Бенедиктинцы // Христианство. Энциклопедический словарь. Т. 1. М., 1993. С. 195.

³ Ришар Жан. Латино-Иерусалимское королевство... С. 125.

Герард (Жерар), о котором мы расскажем в следующей главе, стали самыми известными в Святой Земле. Кстати, именно Агнессу — начальницу женского монастыря — нашли крестоносцы в Иерусалиме, когда взяли город, и возглавляемый ею монастырь не был в подчинении монастыря, возглавляемого Герардом.

К сожалению, по длинный текст бенедиктинского «Устава», который мог бы послужить драгоценным первоисточником, утрачен. Похоже, что он был составлен на крайне упрощенном, народном латинском языке. Язык этого документа был впоследствии изменен, при многочисленных переписываниях начиная с VIII в., чтобы придать ему стиль, соответствовавший настроениям каролингского Возрождения¹.

Анализируя основные черты этого «Устава», Д. Донини обращает внимание на тот факт, что, несмотря на существование строгой дисциплины сплочения обитателей монастыря в одну большую семью, которой руководил один настоятель — аббат, основные положения Устава характеризуются отсутствием крайнего аскетического ригоризма («ничего слишком резко, ничего слишком тягостно»). Вводится обязательный труд («молитва и труд»), которому необходимо было первоначально отдавать вдвое больше времени, чем молитве. Община обязана была обеспечивать свое существование и не слишком полагаться на вклады богатых жителей, которые стремились определять и контролировать ее жизнь.

В то время сельскохозяйственное производство снизилось до чрезвычайно низкого уровня. Но новые методы вспашки целины и обработки полей, введенные бенедиктинцами, стали улучшать экономические условия Западной Европы, и, в конце концов, монастыри стали превращаться в феодальные имения со своими крепостными, с которыми обходились не лучше, чем с другими крепостными².

Бенедикт Нурсийский резко отрицательно относился к мирскому знанию и на первое место для монахов ставил, как мы помним, ручной труд. Значительно позднее бенедиктинцы в понятие труда стали включать и переписывание книг, собирание и хранение рукописей, создание школ для христианского обучения³. Позже в Иерусалиме, затем в Маргате госпитальеры создадут прекрасные школы переписчиков и миниатюристов.

¹ *Цыбикдоржиева Ж. Д.* О некоторых диахронических и диалектных особенностях развития типа текста «Монастырский устав» (на примере устава ордена Бенедиктинцев). // Вестник СПб государственного университета. Сер. 2. 2002, вып. 3 (№ 18). С. 51–57.

² *Донини А.* У истоков христианства: от зарождения до Юстиниана. М.: Политиздат, 1979. С. 306.

³ *Тойнби А. Дж.* Постигание истории. С. 611.

Дошедшие до наших дней рукописные книги, вышедшие из их мастерских, поражают своей высокой техникой исполнения¹.

Довольно быстро каждый монастырь бенедиктинцев становится маленькой церковью, а в обязанности послушников входит беспрекословное повиновение своему главе. Вообще-то режим бенедиктинского монастыря монархичен. Аббат обладает полнотой власти и правит своим монастырем до конца жизни. Бенедиктинский аббат-монах избирается всеобщим голосованием — двухстепенными выборами. Он такой же пленник своего Устава, как английский король — пленник британской традиции. Вместо предвыборного красноречия, выборам предшествуют три дня поста и молчания — предварительное тайное совещание запрещено, чтобы не смутить суждения избирателей. Устав общины провозглашал помнить следующее: «Если из двух возможных настоятелей один более сведущ в делах временных, а другой — более духовен, надо выбирать последнего».

Как мы потом увидим, все эти идеи органично войдут в разные редакции уставов госпитальеров, и будут не раз трансформированы в соответствии с требованиями эпох. Начиная от самого первого, созданного Герардом и не дошедшего до наших дней, затем большого, написанного Раймондом де Пюи, и кончая Конституциями XX века.

Религиозное воспитание и изучение духовных текстов стало занимать значительное место в повседневной жизни монахов бенедиктинцев. Не забывается и изучение, и сохранение древних рукописей, которые благодаря этому были частично спасены от уничтожения. Бенедиктинская реформа пользовалась известным влиянием также и на Востоке, какие бы легенды ни ходили на этот счет. Некоторые места «Кодекса Юстиниана», касающиеся выборов настоятелей, внутреннего распорядка, общих спален, мер наказания, несомненно отражают атмосферу, навеянную в христианском мире «Уставом» св. Бенедикта².

Довольно быстро бенедиктинское движение становится на Западе массовым, а для малообеспеченных, простых людей приобщение к такой структуре, превратившейся затем в религиозный орден Католической церкви, становилось значительным событием, которое способствовало их культурному и социальному возвышению.

¹ См.: Boase T. S. R. The Arts in the Latin Kingdom of Jerusalem // The Journal of the Warburg and Courtauld Institutes. Vol. II. № 1, July 1938, II. P. 1–21; Buchthal Hugo. 1) Miniature Painting in the Latin Kingdom of Jerusalem. Oxford, Clarendon Press, 1957: Reprint 1987; 2) Patronage in Thirteenth-century Constantinople: an Atelier of Late Byzantine Book Illumination and Calligraphy. Washington, DC: Dumbarton Oaks Center for Byzantine Studies, Trustees for Harvard University, 1978 1987.

² Там же. С. 306–307.

Папа Григорий I Великий (ок. 540–604) принял бенедиктинский устав, и распространение и организация монастырского движения проходили теперь под покровительством папы. Св. Бенедикт Анианский (ок. 750–821) систематизировал правила бенедиктинцев, и реформированный им устав стал основой для организации монастырей. В X–XI вв. орден бенедиктинцев находился на вершине своей славы и могущества.

Уже при Герарде жизнь и повседневные правила бытия госпитальеров в Иерусалиме стали исполняться по уставу бенедиктинцев, который, повторимся, в своем первоначальном виде, т. е. как текст, составленный Бенедиктом Нурсийским, не дошел до наших дней. Тем не менее, думается нелишним будет ознакомление с версией устава бенедектинцев, существующей уже несколько веков; это даст нам возможность представить, какими заповедями руководствовались госпитальеры, какие обязательства накладывали на братство в Иерусалиме принятые ими монастырские правила:

1. Любить Господа Бога всем сердцем, всей душой, всеми силами.
2. Любить ближнего, как самого себя.
3. Не убивать.
4. Не предаваться блуду.
5. Не красть.
6. Не завидовать.
7. Не лжесвидетельствовать.
8. Уважать всех людей.
9. Не делать другим то, чего бы мы не желали себе.
10. Отвергаться самого себя.
11. Умерщвлять свою плоть.
12. Не привязываться к тому, что приятно чувствам.
13. Любить пост.
14. Облегчать участь бедных.
15. Одевать нагих.
16. Посещать больных.
17. Хоронить мертвых.
18. Поддерживать находящихся в испытании.
19. Утешать печальных.
20. Чуждаться мирских нравов.
21. Не предпочитать ничего любви Христовой.
22. Не предаваться гневу.
23. Не помышлять о мщении.
24. Не хранить в сердце лукавства.
25. Не давать ложного мира.

26. Не оставлять милосердия.
27. Не клясться, чтобы не стать клятвopеступником.
28. Быть правдивым сердцем, также и устами.
29. Не воздавать злом за зло.
30. Не творить неправды, но с терпением переносить ту, что будет сделана нам.
31. Любить своих врагов.
32. Отвечать на проклятие не проклятием, а благословением.
33. Терпеть гонение за правду.
34. Не быть надменным.
35. Не быть пристрастным к вину.
36. Не быть жадным к еде.
37. Не быть любителем поспать.
38. Не быть ленивым.
39. Не роптать.
40. Не клеветать.
41. Полагать надежду на Бога.
42. Приписывать Богу то доброе, что найдешь в себе.
43. Во зле всегда обвинять только самого себя.
44. Помнить о Судном дне.
45. Страхиться ада.
46. Всеми силами души стремиться к жизни вечной.
47. Всегда помнить о смерти.
48. Всегда следить за своими поступками.
49. Быть уверенным, что Бог видит нас везде.
50. Разбивать о Христа все недобрые мысли, как только они возникают у нас в сердце.
51. И открывать их старцу, опытному в делах духовных.
52. Хранить уста от всякого дурного слова.
53. Не любить многословия.
54. Не говорить праздных слов.
55. Не любить слишком часто и долго смеяться.
56. Охотно внимать духовному чтению.
57. Часто предаваться молитве.
58. Каждый день в молитве со слезами исповедовать Богу прошедшие прегрешения и впредь от них исправляться.
59. Не исполнять пожеланий плоти.
60. Ненавидеть свою волю. Во всем повиноваться наставлению игумена, даже если — избави Бог — он противоречит себе делами, помня завет Господень: «Что они говорят, то делайте. По делам же их не поступайте».

61. Не стараться прослыть святым, прежде, чем им станешь.
62. Каждый день исполнять жизнью заветы Господни.
63. Любить чистоту.
64. Избегать ненависти.
65. Не ревновать и не поддаваться зависти.
66. Не любить споров.
67. Избегать почестей.
68. Почитать старших.
69. Любить младших.
70. Молиться за врагов в любви Христовой.
71. До захода солнца мириться с теми, с кем разделила нас распря.
72. Никогда не отчаиваться в милосердии Божьем¹.

Как видим, Устав регламентировал повседневное поведение монахов: при этом требовалось не только исполнять послушание, часто молиться, предаваться молчанию и уединению, но и соблюдать правила личной гигиены. Св. Бенедикт отказался от чрезмерного аскетизма, но требовал необходимости личной бедности, смирения, объединяя религиозно-духовную деятельность монастыря с интеллектуально-художественной и хозяйственной. Монастырь, отгороженный от мира, — не только братство, но и школа, воспитывающая воинов Христовых. Все это впоследствии активно воплощалось в основополагающие документы как ордена госпитальеров, так и Мальтийского ордена.

События в Палестине, возрождение братства при госпитале, деятельность Герарда проходили при знаменитом Византийском патриархе Михаиле Керуллари (1043–1058 гг.) в царствование императора Константина IX Мономаха. Рядом с домом для паломников вскоре появились церковь, освященная в честь святой Марии Латинской, и госпиталь при ней. Но, вероятнее всего, эта церковь во имя св. Марии Латинской была тоже восстановлена на прежнем месте. Эти здания располагались, как писали современники, на расстоянии всего лишь «полета камня от Гроба Господня». День рождества святого Иоанна Крестителя становится у них особо чтимым праздником, и именно этого святого они избирают себе в покровители. Спустя несколько веков за госпитальерами закрепляется еще одно имя — «иоанниты».

Однако госпитальеров было в то время в Иерусалиме слишком мало, и занимались они исключительно делами своего лечебного заведения. Но вскоре госпитали при храмах, подобные иерусалимскому, стали открываться и в других городах Палестины, а затем и Европы, особенно

¹ http://gremlinimage.narod.ru/history/reg_ben.html

в средиземноморских портах, где происходило скопление большого количества паломников.

Все это время, вплоть до взятия Иерусалима войсками первого Крестового похода, странноприимное братство при иерусалимском госпитале св. Иоанна Крестителя подчинялось греческому патриарху Иерусалима.

* * *

Как ни отрезаны, на первый взгляд, одна географическая территория от другой: далекие восточные земли и Европа, но в мировой истории все оказывается взаимосвязанным. Если на Востоке шла исламизация, то на Западе — христианизация населения. В это время в Европе шла активная борьба между германским императором и аристократией. И в этой борьбе папский престол стал местом раздора. Папы сменялись один за другим, нередко выбранный одними представителями, сменялся еще при жизни силой более властного покровителя. В теснейшем союзе с церковью осуществлялось верховенство в Германско-римской империи, которая позже превратится в «Священную Римскую империю германской нации» (Heiliges Römisches Reich Deutscher Nation). Как метко заметил Л. Ранке: «Немцев также завоевывали, обращая их в христианство»¹.

В течение всего XI в. на Западе идет активная борьба за место первосвященника в Риме. Эпоха классического христианского религиозного сознания приближалась к своему апогею. Власть и авторитет папства укреплялись от папы к папе. Но в это же время осложняются отношения между Константинопольским патриархом и папой Римским. Уже с 1009 г. имя нового папы не включается в диптих, и его не поминают при богослужении. Начало раздора было положено прибавлением при чтении Символа веры *Filioque* (и от Сына)².

В середине XI в. во главе римской церкви стоял ряд немецких пап, пользовавшихся доверием императора и проводивших весьма умеренную церковную реформу. С приходом в 1049 г. папы Льва IX все резко меняется. Новый папа собирает вокруг себя духовных руководителей движения за церковную реформу в Европе. Будучи выходцем из семьи эльзасских

¹ Ранке Л. Римские папы в последние четыре столетия. Т. 1. С. 18.

² Отцы Никейского собора провозгласили, что Святой Дух исходит от Отца, но в течение многих веков оставались на Западе конгрегации, которые верили, что вернее говорить об Исхождении Св. Духа от Отца и Сына. Как считает С. Рансимен, это добавление впервые появилось в Испании во времена диспутов испанских католиков с арианами-вестготами. Оно было включено в так называемый Афанасьевский Символ, провозглашенный испанцами в VII в. И хотя вскоре после того они приняли Никейский Символ, но *Filioque* сохранилось. См.: Рансимен Р. Восточная схизма. Византийская теократия... С. 34–35.

графов, Лев IX привлек лиц из своего лотарингского окружения, часть из них станет впоследствии новыми папами. В понтификат Льва IX произошел окончательный разрыв с Восточной церковью, о чем скажем более подробно в специальной главе.

При папе Григории VII (1073–1085 гг.) Гильдебранде процесс укрепления папской власти вступил в свою решающую фазу. Григорий, бывший монах бургундского Ключийского монастыря, центра реформ, призванный еще папой Львом IX (1049–1054 гг.) в Рим, ставший кардиналом-диаконом, после своего восшествия на папский престол, стремился к осуществлению идеи Царства Божия на земле под руководством папы. Он требует от всех духовных и светских властей безусловного подчинения папе, как наместнику Христа на земле. Его целью было устройство христианского сообщества таким образом, чтобы руководство им осуществляла только папская власть.

Итак, на папский престол воссел Григорий VII, человек, который в течение 20 лет, находясь рядом со своими предшественниками, подготавливал дело обновления всей Западной церкви, которое по его папскому имени получило название григорианской реформы. На синоде, созванном в Риме в 1074 г., Григорий VII перечислил суровые наказания для духовенства за нарушение celibата, а также за продажу и покупку церковных должностей (симионию). Верующим было запрещено принимать причастие от женатых либо корыстолюбивых священников. Реализацию этих решений папа доверил легатам, разосланным по всей Европе. Они призваны были выполнять функции связных между папой и епископами, которых Григорий VII считал лишь исполнителями своей воли. Постановления синода были с недовольством встречены духовенством западного христианства. Весной 1075 г. Григорий VII сформулировал свою программу в коротком, не предназначенном для широкого ознакомления документе, названном «*Dictatus papae*» («Диктат папы»). 27 пунктов не только провозглашали вселенскую юрисдикцию папы, его право созывать соборы и низлагать епископов, но, согласно этому документу «Бог возложил на папу сохранение божественного порядка на земле. Поэтому папа вправе выносить суждение неизменяемо и непогрешимо», даже если это касается правителей и князей. Отсюда выводилось право папы низлагать любых светских правителей или вновь давать им власть¹.

Позже Григорий VII сформулировал свою мысль следующим образом: «Апостольская (папская) власть подобна солнцу, а королевская власть — луне. Подобно тому, как луна светит отраженным светом солнца, так императоры, короли и князья существуют лишь по воле папы, а папа — по воле

¹ Гергей Е. История папства. / Пер. с венг. М.: изд-во «Республика», 1996. С.103.

Божией. А потому власть папского престола неизмеримо больше власти тронов. Король ниже папы, подчинен ему и обязан ему послушанием, ибо папа наместник самого Бога по воле Божией, и все подчинено ему»¹.

Именно Григорию VII — умному и дальновидному политику, сумевшему подчинить своей власти не только европейское духовенство, но и государей, рыцарей и весь народ, пришла мысль о необходимости готовить поход в Святую Землю.

Претензиям папы на абсолютную верховную духовную и светскую власть противостояли претензии королевской и императорской власти, носившей сакральный характер еще со времен Константина Великого. При этом римском императоре была разработана теория христианского государства. На созванном по воле Константина первом Никейском Вселенском соборе была провозглашена идея о Римской Империи как Христианской державе и об императоре как носителе не только верховной светской, но и верховной духовной власти и наместнике Бога на земле. В этой идее коренятся истоки «Священной Римской Империи германской нации». Ее владыки, императоры, как наследники и правопреемники владык христианской римской Империи, считали себя вправе требовать решающего голоса и в чисто религиозных вопросах, рассматриваемых духовенством в качестве своей безусловной прерогативы. Символически это выражалось в их елеопомазании, посвящении и возложении на них при коронации омофора как символа духовной власти. В этом своем качестве императоры совершали инвестицию имперских епископов и аббатов, вручая им перстень и посох.

Вследствие столкновения претензий пап и императоров Запада одновременно на верховную светскую и духовную власть между ними произошел конфликт всемирно-исторического значения — так называемый «спор об инвеституре». Своего пика этот конфликт достиг, когда папа Григорий VII был объявлен низложенным императором Генрихом IV, а папа на Вормском синоде в 1076 г. в свою очередь, отлучил императора от Церкви. Столкновения между папами и императорами продолжались на протяжении десятилетий, поэтому крестоносное движение, организованное по инициативе папы, первоначально не нашло большого отклика в германских землях. Император и вельможи его Империи были всецело заняты внутренними распрями. Бесконечные волнения в собственной стране не позволяли им участвовать в походах в Святую Землю.

¹ Цит.: Der Johanniter-Orden, der Malteser-Orden. Der ritterliche Orden des hl. Johannes vom Spital zu Jerusalem. Seine Geschichte, seine Aufgaben. / Adam Wienand (Hrsg). Köln: Wienand Verlag, 1970. S. 39.

Иначе повел себя король французский. Он охотно откликнулся на папский призыв, но не мог внести в крестовое предприятие особо существенного вклада из-за ограниченности сил и средств, находившихся в его распоряжении. Территория тогдашних владений французских королей ограничивалась лишь центральной и северо-восточной Францией. Бургундия и Лотарингия входили в Империю, а весь Запад сегодняшней Франции — во владения королей английских.

С наибольшим воодушевлением на призывы папского Рима откликнулись различные государства, основанные норманнами в Северной Франции, Англии, Ирландии, Южной Италии и на Сицилии.

Правда, на какое-то время борьба Григория VII с Генрихом IV, появление антипапы Климента III, вызванные притязаниями папы на верховенство не только церковной, но и светской власти, отодвинули воплощение в жизнь идеи крестового похода в Святую Землю. Ситуация с римским Первосвященником год от года становилась все сложнее. На одном папском престоле начинают появляться два, а иногда и три претендента — ставленники различных церквей и светских властей. Не признанного Католической Церковью римского первосвященника стали называть антипапой. В далекую Палестину известия об этом приходили с большим опозданием.

Известны случаи, когда из Иерусалима обращались к одному папе, но когда документы приходили в Рим, то оказывалось, что такового на месте уже нет. Подобным примером служит следующий факт, связанный с госпитальерами. Так, в 1061 г. несмотря на противодействие германского Двора, папой был избран другой кандидат, епископ Луккский Ансельм, принявший имя Александра II. Германское правительство поддержало кандидатуру епископа Кадалуса Пармского, принявшего имя Гонория II и ставшего антипапой, от которого отказались только в 1064 г.

В этой связи заслуживает внимание одна интересная подробность, приведенная И. К. Антошевским. В своей книге, посвященной ордену госпитальеров, он писал: «Жерар установил для всех братьев-монахов одинаковую черную, длинную одежду, с нашитым на ней белым восьмиконечным крестом, а также утвердил некоторые правила, одобренные папой Гонорием I»¹. Таким образом, получается, что настоятель госпиталя св. Иоанна, обратившись к антипапе, по-видимому, хотел установить канонические связи с Римом. Отсюда выходит, что прибывший в Иерусалим Панталеоне, был, скорее всего, сторонником прогерманской партии, поддерживавшей именно этого антипапу.

¹ *Антошевский И. К.* Державный Орден Святого Иоанна Иерусалимского, именуемый Мальтийским в России. СПб, 1914. С. 33.

Тем временем на исторической сцене Востока появилось новое молодое государство, сменившее Аббасидский халифат, По мере того, как арабская империя в XI в. пришла в окончательный упадок, «династия тюрко-сельджуков заполнила вакуум своей собственной империей, исламским государством, опиравшимся на традиции халифата Аббасидов и вобравшим в себя другие тюрко-мусульманские образования»¹. Поражение и пленение в 1071 г. византийского императора Романа IV Диогена в битве при Манцикюрте, открыло туркам границу в Малую Азию. Они напали на Иерусалим, изрубили гарнизон халифа. Многие граждане были убиты. Больница св. Иоанна была разграблена, но храм Гроба Господня остался цел «из-за корыстолюбия турок. Варвары не хотели лишиться богатой дани, получаемой от западных странников»².

В Европе, к концу X — началу XI вв., в связи с формированием феодализма, все народы стали христианскими, и воевать между собой за новые владения стало антихристианским делом. Вот почему завоевания, связанные с христианской миссией, вынуждены были обратиться в сторону новых территорий. Основное направление виделось на востоке, в Палестине. Прежде всего потому, что эти места являлись колыбелью христианства, где находились величайшие святые. Психология человека того времени была настолько наглядна и проста, что ни у кого не вызывало вопросов, почему внимание всех европейцев обращено на Палестину. Все только и мечтали поклониться святыням и окончить свои дни в Святой Земле. Многочисленные склепы в разрушенной кладбищенской церкви госпитальеров, сооруженной в конце XI — начале XII вв., как пишет Дж. Райли-Смит «до сих пор хранят кости этих благочестивых христиан»³.

Изучая психологию латинской Церкви в XI–XII вв. Маркус Булл обратил внимание на отношение Церкви к насилию, которое было в то время распространенным явлением. За предшествующие почти десять столетий «Церковь унаследовала от римского права, Ветхого и Нового Заветов и ранних христианских отцов Церкви (особенно от блаженного Августина) систему понятий, в рамках которой возможно было анализировать случаи насилия и выносить оценочные суждения. Общепринятая точка зрения, восходящая к блаженному Августину и доведенная до совершенства в более поздние века, сводилась к тому, что о нравственной стороне поведения нельзя судить только по его событийному содержанию, вырванному

¹ *Кинросс Лорд*. Расцвет и упадок Османской Империи. / Под ред. М. С. Мейера. М.: «Рон-Пресс», 1999. С. 24.

² *Лабзин А. Ф., Вахрушев А.* История Ордена святого Иоанна Иерусалимского. Ч. 1... С. 7.

³ *Райли-Смит Дж.* Умонастроения крестоносцев, идущих на восток. 1095–1300 // История крестовых походов... С. 106.

из общего контекста; при оценке меры жестокости того или иного поступка принимали во внимание состояние духа совершившего его человека, преследуемые цели и правомочность действий лица или учреждения, по чьей воле или с чьего поущения этот поступок совершался»¹.

Данный постулат превратился в точку зрения всей Церкви и стал допускать идеологическую гибкость в суждениях. Церковь в полной мере могла принимать самое активное участие в военных действиях на разных фронтах и особенно там, где латинское христианство вступало в прямой контакт с мусульманским миром. И папы поддерживали борьбу с мусульманами, «играя только пассивную роль в этом процессе, поддерживая его морально и занимаясь вопросами церковной организации на захваченных территориях»². Новый папа Виктор III (1086–1087) попытался начать военную кампанию против мусульман в Палестине, но преждевременная смерть помешала этому. События на захваченных мусульманами европейских территориях в Испании и на Сицилии, где уже два века шло ожесточенное отвоевывание у мусульман прежних христианских территорий, был у всех живым примером. Эта религиозная война сама собой подготавливала почву для освобождения Святой Земли, уже несколько столетий находившейся под властью мусульман. Нужен был лишь толчок. И он произошел.

Настоящим потрясением для всего христианского мира стала судьба крупнейшего паломничества XI в., проходившего под предводительством архиепископа Майнцского и епископов Бамбергского, Регенсбургского и Утрехтского, за которыми в Святую Землю последовало от 7000 до 12 000 пилигримов. В соответствии с традицией, пилигримы не имели при себе никакого оружия. Воспользовавшись этим, сельджуки напали на беззащитных паломников и ограбили их, а многих ранили и даже убили.

И тогда в возмущенных христианских сердцах и умах зародилась мысль о необходимости вырвать из рук неверных землю, освященную земным пребыванием Спасителя. К тому же Иерусалим был важен христианам не только как место страданий и Гроба Спасителя, но и с точки зрения их мистических представлений об Иерусалиме Небесном. Последний как бы отбрасывал на земной Иерусалим небесный отблеск Горнего Мира. Насколько эта идея привлекала сперва мирных пилигримов, а затем и крестоносцев, со всей очевидностью явствует из сохранившейся проповеди епископа Венецианского Энрико перед своими земляками, собравшимися 25 июня 1100 г. у Святого Гроба. Епископ напомнил им о чувстве безграничной благодарности, которой каждый христианин

¹ *Бул Маркус. Истоки // История крестовых походов... С. 25–26.*

² Там же. С. 26.

должен испытывать к Господу, который выполнил Новозаветному народу Божию обетования, данные народу Божию в Ветхом Завете: «... ибо ныне вступили мы в Святыню Господа, однако что пользы в том, чтобы войти в Иерусалим земной и в рукотворный Храм, если христиане не станут также причастниками общины Иерусалима небесного, невидимого Храма Царства Божия...»¹.

Тем временем десятилетняя борьба, привела на римский престол француза Оддона де Лажери, принявшего имя Урбана II (1088–1099), которому, наконец, удалось осуществить идею Григория VII.

Существовало, еще одно обстоятельство, имевшее немаловажное значение. Одновременно с захватом сельджуками власти над Палестиной христианская Византия подверглась нападениям воинственных племен печенегов (печенеги и турки-сельджуки — одного происхождения), которым она оказалась не в состоянии сопротивляться. Попавший в безвыходное положение Восточно-Римский Император Алексей I Комнин обратился в 1094 г. к папе Урбану II с просьбой о помощи против турок-сельджуков. Эти мотивы имели значение при призыве к первому Крестовому походу, но на самом деле крестовые походы находятся в полной связи с «тогдашним состоянием Византийской империи и что принятое ими направление может быть выяснено из рассмотрения политических условий, в каких находилась тогда Византия»².

Действительно, как метко подметил российский византист академик Ф. И. Успенский, цели и результаты крестовых походов были далеки от только духовных потребностей тогдашнего христианского населения Европы. «Религиозная и национальная вражда к мусульманству, одушевлявшая первых крестоносцев и поддерживавшая их в перенесении громадных лишений и потерь, скоро уступила место другим побуждениям, которые, однако, оказались несколько не слабее первых и продолжали увлекать на Восток новые и новые западные ополчения. Когда первоначальная цель крестоносного движения перестала быть руководящим мотивом, выдвинулись на первое место политические соображения. Не об Иерусалиме и не об освобождении Гроба Господня из рук неверных стали помышлять вожди крестоносцев, а об основании независимых княжений на Востоке, о завоевании Византии, наконец, о торговых преимуществах в областях византийских и мусульманских»³.

¹ *Flugi van Aspremont C. H. C De Johanniter Order in het Heilige Land 1100–1292.* Аарен, 1957. С. 100.

² *Успенский Ф. И.* История Византийской империи XI–XV вв. Восточный вопрос / Сост. Л. В. Литвинова. М.: Мысль, 1997. С. 94.

³ Там же. С. 94.

* * *

27 ноября 1095 г. в овернском городе Клермоне, расположенном в южной Франции, закончился церковный собор. В поле около города собралась многотысячная толпа верующего люда. Наконец появилась процессия, сопровождающая папу Урбана II. Все затихли и из уст папы они услышали слова, которые дошли до нас благодаря трем хроникерам первого крестового похода. И хотя они сами слышали речь папы, передана она была спустя несколько лет, по памяти, и имеет значительные отличия. Это свидетельствует о внесении хроникерами личных дополнений.

Мы приводим слова папы, изложенные в хронике Фульхерия Шартского «Иерусалимская история» («Деяния франков, совершивших паломничество в Иерусалим»):

О, сыны Божьи, поелику мы <уже> обещали Господу установить у себя мир прочнее обычного и еще добросовестнее блюсти права Церкви, есть и другое Божье и ваше, дело, стоящее превыше прочих, на которое вам следует... обратить свои доблесть и отвагу. Именно необходимо, чтобы вы как можно быстрее поспешили на выручку вашим братьям, проживающим на Востоке, о чем они уже не раз вас просили. Ибо в пределы Романии вторглось и обрушилось на них... персидское племя турок... Занимая все больше и больше христианских земель, они семикратно одолевали христиан в сражениях, многих поубивали и позабирали в полон, разрушили церкви, опустошили царство Богово. И если будете долго пребывать в бездействии, верным придется пострадать еще более. И вот об этом-то деле прошу и умоляю вас, глашатаев Христовых, — и не я, а Господь, — чтобы вы увещевали со всей возможной настойчивостью людей всякого звания, как конных, так и пеших, как богатых, так и бедных, позаботиться об оказании всяческой поддержки христианам и об изгнании этого негодного народа из пределов наших <т. е. христианских> земель. Я говорю <это> присутствующим, поручаю сообщить отсутствующим, — так повелевает Христос. Если кто, отправившись туда, окончит свое житие, пораженный смертью, будь то на сухом пути, или на море, или же в сражении против язычников, отныне да отпускаются ему грехи. Я обещаю это тем, кто пойдет в поход, ибо наделен такой милостью самим Господом. О, какой позор, если бы столь презренное, недостойное, отвратительное племя, служащее дьявольским силам, одолело бы народ, проникнутый верою во всемогущество Божье... О, каким срамом покроет вас сам Господь, если вы не поможете тем, кто исповедует веру христианскую, подобно нам ... пусть выступят против неверных, пусть двинутся на бой, давно уже достойный того, чтобы быть начатым ... Те, кто намерен отправиться в поход, пусть не медлят, но, оставив собственное достояние и собрав необходимые средства, пусть с окончанием зимы в следующую же весну горячо

устремятся по стезе Господней». А в хронике Роберта Реймского приводятся и такие слова папы: «Особенно же пусть побуждает вас святой Гроб Господень... Гроб, которым ныне владеют нечестивые, и Святые Места, которые ими подло оскверняются и постыдно нечестием их мараются... Иерусалим — этот пуп земли, край плодоноснейший по сравнению с другими, земля эта — словно второй рай. Ее прославил Искупитель рода человеческого своим приходом, украсил ее своими деяниями, освятил страданием, искупил смертью, увековечил погребением. И этот-то царственный град... ныне находится в полоне у своих врагов и уничтожается народами, не ведающими Господа. Он... жаждет освобождения, он не прекращает молить о том, чтобы вы пришли ему на выручку¹.

Итак, начало было положено. Первым принял крест из рук папы епископ Адемар Монтейский, толпа кричала «Так хочет Бог!». Услышав эти слова, папа, как сообщил другой хронист Роберт Реймский, сказал:

Дражайшие братья... если бы не Господь Бог, который присутствовал в ваших помыслах, не раздался бы единодушный глас ваш, и хотя он исходил из множества уст, но источник его был единым. Пусть же клич станет для вас воинским сигналом, ибо слово это произнесено Богом... И тот, кто возмееет в душе намерение двинуться в это святое паломничество, и даст обет Богу, и принесет Ему себя в живую, святую и весьма угодную жертву, пусть носит изображение креста Господня на челе или на груди. Тот же, кто пожелает, дав обет, вернуться, пусть поместит это изображение на спине промеж лопаток...²

Как комментирует это событие Дж. Райли-Смит, «остаётся впечатление, что тогда был разыгран хорошо поставленный спектакль, где все действия актеров и реакция толпы были тщательно продуманы»³.

Однако, анализ действий папы, проделанный академиком Ф. И. Успенским свидетельствует о том, что роль Урбана II сводилась к столь незначительным мероприятиям, которые никак нельзя назвать организацией крестового похода.

Добровольцы, пожелавшие отправиться в крестовый поход, стали, по инициативе папы Урбана, высказанной на Клермонском соборе,шивать себе на одежду кресты из цветной ткани. Впервые в истории Средневековья большая группа мирян стала носить на одежде единообразный опознавательный знак. Это нововведение сохранилось по сей

¹ Цит.: *Райли-Смит Дж.* Изучение крестовых походов // История крестовых походов... С. 7–8.

² Там же. С. 8.

³ Там же.

день, как в военной, так и в гражданской сфере. Знак Креста стал первым знаком принадлежности к единому войску и выражением решимости участников крестового похода умереть на пути к Святому Граду Иерусалиму или довести дело его освобождения от власти неверных до победного конца. С тех пор крест считался отличительным знаком христианского ополчения, воинства (*militia*). Использование креста в качестве военного знака отличия служило выражением новой для того времени идеи слияния Воинства Небесного с воинством земным. Отсюда было уже рукой подать до креста орденских рыцарей-монахов, которые, со знаком креста на облачении, указывавшем на главный, религиозный, смысл их служения, мечом защищали христианские святыни от неверных.

О дальнейших событиях все историки Мальтийского Ордена повествуют примерно одинаково. Они не преминули пройти мимо действий странствующего проповедника Петра Пустынника (он же Петр Амьенский), которому, якобы, было видение в храме Гроба Господня. Его призывам к освобождению Гроба Господня, прозвучавшим еще до Клермонского собора, о годичном путешествии папы с проповедью идеи борьбы с неверными и освобождения Святой Земли. Наконец в 1096 году собравшаяся армия, под предводительством папского легата епископа дю Пюи Адемара Монтейского и графа Тулузского Раймунда Сен-Жильского, и почти вся провансальская знать «приняла крест» и двинулась в неблизкий путь.

Однако сага о Петре Амьенском оказалась недостоверной, поскольку, как выяснилось, он никогда не был в Иерусалиме, а рассказ о некоем видении, попросту вымысел составителей хроник, которое кочует из одного исторического труда в другой. Да, он, как и другие лица обращались к народу с проповедью о борьбе с неверными, почему «идея крестового похода стала популярной в народных массах»¹.

Призыв таких проповедников, а затем и папы оказались необычайно успешным. Желающих участвовать в Крестовом походе оказалось так много, что возникли серьезные проблемы с транспортировкой таких громадных масс крестоносцев. Их передовой отряд, фактически не имевший над собой единого командования, был уничтожен в Малой Азии. Главное войско, ядро которого составляли отряды герцога Нижней Лотарингии Готфрида Бульонского, и его брата Балдуина, переправившись через Дунай, и собралось зимой 1096–1097 гг. близ Константинополя, где вождям крестоносцев даже пришлось принести ленную присягу Императору Византии. Но крестоносный энтузиазм гнал христиан вперед. Даже трудности пути не могли остановить их победного марша.

¹ Успенский Ф. И. История Византийской империи XI–XV вв. Восточный вопрос... С. 99.

Первые отряды, состоявшие из бродяг, преступников, беглых крестьян и монахов двинулись весной 1096 г. Эти толпы нападали на жителей встречавшихся на их пути городов и селений, грабили, насиловали и даже убивали. Местные князья со своими подданными встали на защиту своих земель и безжалостно уничтожали участников этого разбойного похода. К границам Византии подошло лишь около 180 тысяч крестоносцев. Увидев роскошь и богатство Константинополя, они не удержались и стали грабить и поджигать дома горожан. Алексей Комнин дал возможность огромной толпе переправиться на азиатский берег. Но к октябрю почти все самонадеянные воины были перебиты турками-сельджуками.

Летом того же года в Святую Землю через город Бари в Южной Италии устремились норманские крестоносцы и южно-французские воины Креста во главе с папским легатом, которые двинулись через Далмацию. В Константинополе, после многочисленных проволок, византийский император принял от всех вождей крестоносцев ленную присягу и помог переправить их на противоположный берег, в Малую Азию.

Все три армии соединились под Антиохией в Сирии. И тут выяснилось, что у них нет ни единого командования, ни даже желания действовать совместно. Хотя почти все предводители христианской армии находились между собой в родственных или вассально-сеньориальных отношениях, «голос крови» и вассальная верность играли «за морем» еще меньшую роль, чем на родине. Трудности начались с того, что Балдуин, брат герцога Лотарингского, и его люди, самовольно отделившись от остальной армии, на свой страх и риск завоевали весьма удаленное от Иерусалима, как главной цели похода, графство Эдессу, более 50 лет остававшееся в руках христиан.

Вслед за Балдуином аналогичную активность проявил норманн Боэмунд, после продолжительной осады и кровопролитных боев завоевавший город Антиохию (2 июня 1098 г.) Но уже на следующий день они были окружены мусульским эмиром Кербуга с 300-тысячной турецкой армией. Наступила тяжелая трехмесячная осада, сопровождаемая голодом. Некоторые крестоносцы и знатные рыцари пытались бежать по реке Оронту, но большая часть сдавалась на милость мусульманам. В это время появляется большое количество народных сказаний и саг, явившихся, как считал Ф. И. Успенский, продуктом болезненного фантастического настроения народных масс. И только 28 июня 1098 г. крестоносцам удалось во время очередной вылазки завладеть лагерем перессорившихся между собой мусульман. Антиохия была освобождена от осады, но еще целый год между вождями крестоносцев шли споры о том, кто ею будет владеть.

Следует заметить, что эти победы крестоносцев были бы невозможны, если бы не значительная поддержка со стороны населения завоеванных

ими территорий, состоявшего в основном из христиан. Новые господа стали придавать своим заморским владениям привычную западноевропейскую форму. Рыцари получили в лен новые земли и расселились по всему Ближнему Востоку, не думая о продолжении похода. Только незначительная часть руководителей похода боролась за свое влияние. Одни довольствовались сиюминутной победой, но другие были настроены на дальнейший поход к Иерусалиму.

Но остаток войска Готфрида, решившийся продолжать поход на Иерусалим, оказался столь незначительным, что возникли сомнения в возможности отвоевать Иерусалим у мусульман без новых подкреплений из Европы. К счастью для крестоносцев, в порт Яффу, только что захваченный христовым воинством, прибыла небольшая, состоявшая всего из 4 кораблей, итальянская флотилия, преследуемая отрядом египетского военного флота вплоть до самой гавани. Находившиеся на кораблях генуэзцы успели не только благополучно сойти на сушу, но и вытащить на берег свои суда и грузы. Эти спасенные от египтян корабли оченьгодились крестоносцам. Теперь в их распоряжении оказалось достаточно дерева и других материалов для постройки осадных машин, а матросы оказались весьма опытными в этом деле мастерами. С огромными трудностями, преодолевая бесчисленные опасности, крестоносцы доставили все в свой лагерь у стен Святого Города.

В соответствии с религиозным характером крестоносного предприятия, приступу предшествовала основательная богослужебная подготовка. Не подлежало никакому сомнению, что если крестоносцам и суждено взять город, они смогут сделать это лишь в силу религиозного воодушевления и безграничного упования воинов Христовых на свою победу, которую они считали правым делом. Поэтому 8 июля 1099 г. все воины Креста, босые, но в полном вооружении, взойшли крестным ходом на Елеонскую гору, а затем на гору Сион. То обстоятельство, что наблюдавшие со стен за крестным ходом мусульмане на глазах у крестоносцев оскверняли кресты, еще больше распалило религиозные чувства и боевой дух крестоносцев.

Однако до самого утра 15 июля штурмующие не могли похвастать особыми успехами. Им помогло неожиданное видение. Многие увидели на вершине Елеонской горы некоего рыцаря, указывавшего штурмующим, куда направить решающий приступ. Отряду герцога Готфрида, последовавшему указанию неведомого рыцаря, удалось, подведя к указанному месту осадную башню, взойти на крепостную стену и отогнать с этого места защитников города. 15 июля 1099 года Крестоносцы ворвались в Иерусалим, тесня отступающих во все большем беспорядке мусульман, убивая их, разя направо и налево, до самого «Храма Соломонова» (а точнее — до расположенной на месте храма мечети Аль-Акса), где они учинили

такую резню, что буквально ходили по щиколотки в крови. Но и в городе воины Божии стали вести себя отнюдь не по-Божески. Словно обезумев от сознания своей великой победы, завоеватели бегали по улицам Иерусалима, убивая без разбору всех подряд — мужчин, женщин и детей. Они отпраздновали свою победу ужасающей «кровавой баней». Методы ведения военных действий крестоносцами повергли мусульман сначала в изумление, а затем в ужас. До сих пор на Востоке не было принято вести войну с такой степенью беспощадности.

Однако причины возвращения святых мест в действительности были, на наш взгляд, намного прозаичнее. Наиболее заинтересованными в этом с материальной точки зрения были торговые города-республики Италии, которые за большие деньги брались оснастить войско и перевезти его по морю. В ходе завоеваний они намеревались создать для себя новые торговые базы. Турецкая экспансия угрожала восточным торговым интересам Венеции, Генуи, Пизы, занимавшимся посреднической торговлей уже длительное время¹.

Иерусалим предоставили нижнелотарингскому герцогу Готфриду Бульонскому, княжество Эдесса досталось его брату Балдуину. Так, в руках одного герцогского дома оказались два самых больших владения, которые могли всегда соединить свои силы и оказывать влияние на политику других княжеств.

Однако добрый и уступчивый, а с другой стороны весьма недалекий Готфрид Бульонский, был еще и религиозно одержимым человеком, чем не преминули воспользоваться духовные лидеры Иерусалима, которые стали стеснять его действия, доведя его власть до минимума. Этим особенно воспользовались настоятели монастырей, среди которых первыми были госпитальеры. Они стали получать от Готфрида земельные угодья, замки и многочисленные привилегии.

¹ *Гергей Е.* История папства. М.: «Республика», 1996. С. 109–110.

Глава 4

Орден госпитальеров в период первых Крестовых походов

Практически все историки связывают возникновение в Палестине духовно-рыцарских орденов, с началом крестовых походов. Вопрос этот ни у кого в принципе не вызывает сомнения. Не желая быть оригинальным, автор хотел бы акцентировать внимание на тот факт, что именно во время эпохи крестовых походов произошло лишь **официальное утверждение** существовавших к этому времени объединений монашества и мирян в орден.

По прошествии весьма незначительного времени в историческом сознании жителей Европы крестовые походы стали олицетворением всей средневековой эпохи, а не только событиями, происходившими в XI–XIII вв. Уже современники походов создают хроники деяний рыцарей, складываются легенды, воинственный дух рыцарей воспевают трубадуры, а их подвиги и повседневные события находят отражение в миниатюрах, рисунках. Весь Западный мир говорит об этих походах как о самом благородном, высокодуховном, преследующем великие цели мероприятии. Крестовые походы нашли своих историографов не только в период их проведения, но и после их окончания появляются мемуаристы, компиляторы. Рассказы об этих походах находим в произведениях не только европейских, но и византийских и мусульманских авторов¹.

Правда, в сочинениях гуманистов XIV–XV вв. тема крестовых походов не занимает большого места, но уже во второй половине XV в., и особенно с начала XVI в., эта тема становится все более востребованной. И как справедливо отмечалось, происходит это в связи с падением Византийской

¹ См.: *Луцицкая С. И.* Образ другого: мусульмане в хрониках крестовых походов. СПб.: Алетей, 2001. Там же большая библиография.

империи в 1453 г. и с наступлением все большей опасности со стороны окрепшей Турецкой Империи. Тема борьбы с «неверными» становится главным рефреном, «злостью дня» для всех европейских государств.

В том же XVI в. начинается еще одна эпоха — Реформация и Контрреформация, которая накладывает свой отпечаток на всю историческую литературу того времени. Католические авторы, заботясь о единстве Западной церкви, начинают писать о крестовых походах в апологетическом тоне, а в протестантской литературе та же тема решается в совершенно ином ключе. Так, например, в англиканских и лютеранских сочинениях не только религиозных но и светских авторов крестовые походы освещаются резко отрицательно, антипапистски, авторы приклядывали неимоверные усилия для доказательства того, что войны крестоносцев привели к ничем не оправданным человеческим жертвам и были устроены в угоду самолюбивым и отвратительным римским папам.

Итак, мы видим, что изучение истории движения крестоносцев в течение столетий претерпевало различные этапы. Историческая наука по-разному подходила к истории и причинам, по которым возникли крестовые походы, к мировоззрению ее непосредственных участников.

Историография крестовых походов настолько велика, что только библиографические указатели по этой теме представляют внушительные фолианты. Этой темой занимались, в первую очередь, западноевропейские ученые¹. Многие имена этих ученых, ставшие классическими, известны не только специалистам, но и российским читателям: Э. Лавис и А. Рамбо, Жозеф-Франсуа Мишо, Леопольд фон Ранке, Генрих фон Зибель, Бернгард Куглер, Г. Хагенмейер, К. Кляйн.

Из русских ученых значительный вклад внесли Ф. И. Успенский, А. П. Попов, Н. А. Медников, А. Н. Савин, Д. Н. Егоров, О. А. Добиаш-Рождественская и др.²

¹ См. например: *Atiya A. S. The Crusades. Historiography and Bibliography.* — Bloomington, 1962; *Mayer H. E. Literaturbericht über die Geschichte der Kreuzzüge // Historische Zeitschrift. Sonderheft 3. München, 1969.*

² *Успенский Ф. И.* История Византийской империи. СПб., 1901. См. так же переиздание: *Успенский Ф. И.* 1) История Византийской империи XI–XV вв. Восточный вопрос / Сост. Л. В. Литвинова. М.: Мысль, 1997; 2) Очерки по истории византийской образованности. История крестовых походов. М.: «Мысль», 2001. С. 315–439; *Попов А. П.* Латинская иерусалимская патриархия эпохи крестоносцев. Т. I–II. СПб., 1903; *Медников Н. А.* Палестина от завоевания ее арабами до крестовых походов по арабским источникам. Т. I. Исследования // Православный палестинский сборник, 1903, вып. 50; *Савин А. Н.* История Западной Европы XI–XIII вв. Вып. I–II. М., 1913; *Егоров Д. Н.* Всеобщая история. Крестовые походы и эпоха открытий. М., 1914; *Добиаш-Рождественская О. А.* Эпоха крестовых походов (Запад в крестоносном движении). П., 1918.

В советской исторической науке изучение истории крестовых походов можно разделить на несколько этапов. В первые годы Советской власти появились работы А. А. Васильева¹. Затем было некоторое затишье, но в 1931 г. папа Пий XI выступил с энцикликой «*Quadragesimo anno*», в которой призвал к «крестовому походу» против «безбожных большевиков». Вполне естественно, что советская пропагандистская машина заработала немедленно. Уже в том же году вышла небольшая книжка Г. Н. Лозовика, посвященная крестовым походам средневековья². Правда, она больше предназначалась для антирелигиозной антиватиканской пропаганды и содержала антинаучные и весьма упрощенные суждения.

До второй мировой войны кроме весьма интересной статьи П. И. Кунте больше не появилось ничего интересного. Но в 1944–1947 гг. вышло несколько статей В. В. Стоклицкой-Терешкович³, и, наконец, с 1948 года стали появляться работы М. А. Заборова⁴, который приобрел в СССР монополию на эту тему, и ею практически никто больше не занимался. Такое положение оказалось весьма плачевным для исторической науки. Несмотря на определенную научную добросовестность, которая заставляла Заборова приводить многие, но не все, реальные факты, все же его публикации пронизаны обычными для советской исторической науки идеологическими штампами, в них немало тенденциозности. Не в обиду

¹ *Васильев А. А.* 1) История Византии. Вып. 2. Латинские владения на Востоке. П., 1923; 2) Византия и крестоносцы. Эпоха Комнинов (1081–1185) и Ангелов (1185–1204). П., 1923.

² *Лозовик Г. Н.* Крестовые походы как программа универсальной папской теократии. М., 1931.

³ *Стоклицкая-Терешкович В. В.* 1) Борьба между западноевропейскими государствами за преобладание на Средиземном море в эпоху Крестовых походов. // Известия Академии наук, сер. ист. и филос. 1944. № 5; 2) Международные отношения в Западной Европе во второй половине XII в. и Третий крестовый поход // «Преподавание истории в школе». 1947. № 4; 3) Западные европейские хроники XII в. как источник для изучения истории международных отношений // «Вопросы истории» 1947. № 4.

⁴ *Заборов М. А.* 1) Союз двух Филиппов // «Доклады и сообщения историч. фак-та МГУ». 1948; 2) Папство и захват Константинополя крестоносцами в начале XIII в. // «Византийский временник». Т. V. 1952; 3) К вопросу о предыстории Четвертого Крестового похода // «Византийский временник». Т. VI. 1955; 4) Крестовые походы. М., 1956; 5) Папство и крестовые походы. М., 1960; 6) Крестоносцы и их походы на Восток в XI–XIII вв. М., 1962; 7) Введение в историографию Крестовых походов. (Латинская хронография XI–XIII веков). М., 1966; 8) История крестовых походов в документах и материалах. М., 1977; 9) Крестоносцы на Востоке. М., 1980; 10) Концепция крестовых походов в истории, политике, литературе // «Вопросы истории». 1981. № 11. и др. работы этого автора.

будет сказано советским историкам, их работы писались только с позиций марксистско-ленинской методологии. Поэтому вполне естественно, что все проблемы, связанные с религиозным мировоззрением людей средневековья, их духовными порывами и подвигами во имя исполнения религиозных обетов, объявлялось мракобесием. Этим действиям и поступкам давались стандартные эпитеты и штампы, характерные для коммунистической идеологии. Понятно, что отойти от этого в те времена никто не мог, но, тем не менее, при желании, тот же М. А. Заборов мог бы сделать более объективное изложение существовавшего документального материала.

Так получилось, что словосочетание «крестовый поход», «крестоносец» под пером советских историков и публицистов приобрел в XX веке только негативную окраску, которая, к сожалению, сохраняется до сих пор. Им вторят православные публицисты, в большом количестве расплодившиеся в последнее десятилетие в нашей стране, а слово «орден» вообще стало синонимом католической экспансии. И никто из этих псевдопатриотов не желает пересмотреть свои не просто ошибочные, а проникнутые все той же советской коммунистической идеологией, взгляды.

Да, было немало прекрасных публикаций и других советских историков, посвященных конкретным проблемам эпохи Крестовых походов. Эти работы появившиеся в XX веке отмечены в библиографическом указателе, помещенном в книге В. И. Матузовой и Е. Л. Назаровой, на неё мы обращаем внимание читателей¹. Из последних работ, близко подходящих к исследуемой теме, следует отметить весьма интересный труд С. И. Луцицкой², а также одну небольшую, но заслуживающую внимания книжку С. Л. Дударева и Т. Н. Лесиной, вышедшую сравнительно недавно, в 2002 году³.

Среди современных западноевропейских ученых в первую очередь следует назвать прекрасный сборник статей британских историков, подготовленный в 1994 г. в Оксфорде, под редакцией профессора Джона-тана Райли-Смита. В 1998 г. она была издана в переводе в России⁴. Это

¹ Матузова В. И., Назарова Е. Л. Крестоносцы и Русь. Конец XII в. 1270 г. Тексты, перевод, комментарии. М.: Издательство «Индрик», 2002. Библиография: С. 386–413. См. также: Карпов С. П. Трапезундская империя и западноевропейские государства в XIII–XV вв. М., 1981.

² Луцицкая С. И. Образ другого: мусульмане в хрониках крестовых походов. СПб.: Алетейя, 2001.

³ Дударев С. Н., Лесина Т. Н. С крестом и мечом (очерки истории крестоносного движения). Учебное пособие. Армавир, 2002.

⁴ История крестовых походов / Под ред. Дж. Райли-Смита. / Пер. с англ. Е. Дорман. М.: КРОН-ПРЕСС, 1998.

глубокое и серьезное исследование многовековой истории крестоносного движения, основанное на анализе всего предыдущего документального и историографического материала западных исследователей. Ко многим работам этого сборника нам придется не раз обращаться.

Однако тема нашего исследования — не Крестовые походы как таковые, а история всего одной структуры, появившейся задолго до начала Крестовых походов, но именно в этот период оформившейся как духовно-рыцарский орден — орден госпитальеров. В зарубежной историографии этому первоначальному периоду существования ордена посвящено немало работ. Но вот ни в российской, ни в советской, ни в современной отечественной исторической науке до сих пор нет ни одного исследования, рассказывающего об ордене госпитальеров. А ведь его история насчитывает свыше девяти веков. Орден вырос из небольшой группы лиц в сильное государство, нанесшее сокрушительное поражение морской мощи Османской империи, он пережил многие государства, которые исчезли с карты, но дошел, хоть и в несколько измененном виде, до XXI века.

Говорить об ордене госпитальеров и не касаться событий крестовых походов невозможно. Все оказалось тесно переплетенным в истории. Но прежде, чем мы начнем повествование о первом крестовом походе, о взятии Иерусалима, следует сделать одно общее замечание, оно относится к самому названию «крестовый поход».

Дело в том, что его современникам оно было совершенно неизвестно. Как справедливо отметил переводчик книги «История крестовых походов» Е. Дорман, война за Гроб Господень обозначалась современниками и непосредственными участниками тех событий совершенно другими терминами. Те войны называли: «странствованием», «походом», «путем в Святую Землю», «заморским странствованием», «походом по стезе Господней» и т. д. Слово сочетание «крестовый поход» впервые появляется во Франции, когда придворный историк короля Людовика XIV иезуит Луи Мэмбур (1610–1686), опубликовал в 1675 г. свой труд «История крестовых походов»¹.

Итак, орден госпитальеров св. Иоанна Иерусалимского ведет свое начало от странноприимного дома, построенного на территории монастыря Ла Латин (св. Марии Латинской, «La Latina»), посвященного св. Иоанну Крестителю, который располагался недалеко от храма Гроба Господня. Мы не знаем имен настоятелей этого монастыря и тех, кто руководил госпиталем при нем ни в VII, ни в VIII, ни в IX, ни даже в X веках. История

¹ Там же С. 9.

сохранила только имя человека, который руководил братством странноприимников во второй половине XI века, его звали Герард¹ де Торн.

Его считают первым главой Ордена госпитальеров, и о нем мало что известно. Все сведения, приводимые историками, носят легендарный характер. Он был причислен Католической церковью к лику блаженных и особо почитается Мальтийским Орденом как собственный святой наряду с одиннадцатью другими канонизированными членами Ордена. Герарду составлено небольшое житие, написана молитва².

Известно, что живя в Иерусалиме под властью мусульман, глава братства госпитальеров находился в весьма затруднительном положении. Главная задача, с которой Герарду удалось-таки справиться, заключалась в сохранении монастыря и своего госпиталя. Но ему приходилось еще постоянно восстанавливать работоспособную часть своего братства, а это было совсем не просто. Существовало немало препятствий со стороны мусульманских городских властей по вовлечению в ряды братства госпитальеров новых послушников, которые давали бы клятву «бедных братьев госпиталя святого Иоанна»: «служить рабами и слугами своим господам и повелителям, каковыми являются все слабые и больные». Они не могли исполнять во всей полноте свой обет, поскольку, с одной стороны, вмешательство мусульманских правителей, устанавливало немало запретов христианам, с другой, невозможно было христианам-паломникам, не проживавшим в городе, оставаться в Иерусалиме даже на ночь.

Тем временем, по призыву папы Урбана II в разных местах Европы собралось многотысячное войско, которое двинулось сушей и морем в Иерусалим. Это был вовсе не поход завоевателей, как пытались представить его советские историки. Для подавляющего большинства участников это было паломничество к святым местам Палестины, и в этом заключалась главная притягательная сила, которая влекла тысячи путешественников. Как пишет Маркус Булл, религиозная жизнь средневековья может показаться странной, а порой и просто непонятной нашим

¹ В литературе нет однозначного написания его имени. Его называют Геральдом, Гергаром, Гиральдом, Жераром, Жираром, так же как и его фамилия имеет различную транскрипцию: Thorn, Tons, Tunc, Tonque, Tenque, Tanque, и др. См.: *Троицкий С.* Госпитальеры// *Православная Богословская Энциклопедия*. Т. VI. СПб., 1905. Стб. 784. Мы именуем главу госпитальеров — Герардом, только в цитатах сохраняем то написание его имени, каким пользовались другие авторы.

² *Dimech John.* The Saints and Blessed of the Sovereign Military Order of Malta. Gozo, 1998. P. 9–12; *Ducaud-Bourget Mgr.* The spiritual Heritage of the Sovereign Military Order of Malta. Malta, 1958.

современным наблюдателям, в этой связи автор обращает внимание, «что многое из того, что сегодня считается католическим, на самом деле является продуктом контрреформации». И далее автор выделяет несколько аспектов, проливающих свет на притягательность идеи крестовых походов.

Одной из основополагающих черт религиозного чувства населения средневековья было острое понятие греха, результатом которого считалось неотвратимое возмездие за него. Как в средневековье, так и в настоящее время искренне верующие люди осознают, что практически все проявления бытия как отдельного человека, так и общества не бывает свободным от греховности. И только те, чья жизнь намеренно проходила в строго регулируемых и социально нетипических условиях, те лица, которые дали обет безбрачия, духовные лица, отшельники, монахи и монахини, ведшие аскетический образ жизни, могли надеяться избежать бесчисленных соблазнов и греховных падений повседневной жизни. «Миряне уважали монашеские общины и оказывали им всяческую помощь, потому что считалось, что нравственная чистота поддерживалась внешним поведением»¹.

Таким образом, можно с уверенностью сказать, что все участники предстоящего похода были одержимы идеей не только поклониться святым местам, но и совершить что-то, что освободило бы от личного греха. Пусть это будет маленькое пожертвование монастырю, или посвящение себя монашескому подвигу, но именно там, на Святой Земле. Все это понималось как естественное бытие. Психологически все, кто, не задумываясь, принял участие в походе к святым местам Палестины, были к этому готовы.

Вот почему с началом крестовых походов (1096–1291 гг.) значение братства госпитальеров особенно возрастает. В нем, во-первых, появилась необходимость. Община госпитальеров была самой известной на Святой Земле. Братство уже давно оказывало реальную помощь больным и раненым паломникам, которые стали прибывать в большом количестве. А они требовали не только лечения и ухода, но и погребения по христианскому обряду. Тем более что многие из пилигримов отправлялись в Палестину с желанием именно там окончить свои дни, быть погребенным в земле, по которой ступала нога Спасителя и апостолов. Ну и, конечно, члены братства являлись образцом христианского служения в борьбе с грехом. Вот почему любая помощь, оказанная братьям-госпитальерам, зачитывалась, как в это свято верили, в снятии хоть какой-то части грехов каждого конкретного лица.

¹ *Булл Маркус. Истоки // История крестовых походов / Под ред. Дж. Райли-Смита ... С. 36.*

Как мы уже писали, в момент приближения войск крестоносцев к Иерусалиму настоятелем (ректором) странноприимного дома был некий Герард. Все современные хронисты Крестовых походов в голос утверждают, что Герард был родом из Италии, то ли из города Амальфи, то ли из Скала. Историк Ордена Святого Иоанна Иерусалимского, Делавиль, даже утверждал, что еще в 1705 г. на главной площади города Скала стоял памятник Герарду с надписью на пьедестале, в котором он именовался основателем Ордена госпитальеров¹.

Когда отряды вооруженных пилигримов подошли в 1099 году к стенам Иерусалима и окружили его, они не думали, что осада затянется на длительный срок. К этому участники похода не были готовы. Дело дошло до того, что в их рядах начался голод. Сохранилась легенда о подвигах главы госпитальеров, блаженного Герарда, который находился среди врагов в осажденном Иерусалиме. Прознав о голоде среди осаждавших франков, он стал бросать со стен не камни, как это повелевали мусульмане, а хлеба. Узнав об этом поступке, Герарда схватили и доставили к мусульманскому правителю Иерусалима. Герарда ожидала неминуемая казнь, но вдруг на глазах у халифа хлеб в руках Герарда превратился в камень такой же величины². Он был помилован. Скорее всего, эта легенда возникла позже, она стала необходимой, когда собирался материал для канонизации Герарда. Но другой факт, связанный с взятием Иерусалима, оказался записан несколькими средневековыми хронистами.

Перед решающим штурмом по требованию одного священника из Прованса, которому якобы во сне явился епископ Адемар и дал распоряжение совершить вокруг укрепленного города крестный ход. Все войско пилигримов босиком, но хорошо вооруженное, предприняло эту большую и длительную процессию 8 июля. Из Гефсиманского сада через долину Иоасафову крестоносцы обошли город до самого Сиона, под градом неприятельских стрел³.

15 июля 1099 года осажденный Иерусалим пал, и войска под предводительством Готфрида Бульонского и Танкреда Отвильского с одной стороны и Роберта Нормандского и Роберта Фландрского с другой, вошли в город. Вскоре Готфрид отправил папе Пасхалию II подробное письмо, в котором рассказывалось о взятии Иерусалима:

Господину нашему Пасхалию, папе римскому; всем епископам и всему христианскому народу от архиепископа Пизанского, от герцога Готфрида,

¹ *Delaville le Roulx J.* Cartulaire général des Hospitaliers de Saint-Jean de Jérusalem. Vol. I. Paris, 1894. P. 87.

² *Ibid.* P. 88–89.

³ *Куглер Бернгард.* История крестовых походов. Пер. с нем. По русскому изданию Л. Ф. Пантелеева (СПб., 1895). Ростов-на Дону: Феникс, 1996. С. 88.

ныне высшей милостью защитника Гроба Святого, от принца Раймонда и от всей армии Господней, находящейся в земле Израиля, привет.

... и после того, как исстрадались войска во время осады, особенно от нехватки воды, созван был совет; и решили епископы и принцы, и повелели: пусть все <осаждавшие> обойдут стены этого города босыми, чтобы пробудить милость Того, кто вошел по кротости своей в город сей для спасения нашего. И после того, как смирились мы, отвратил Господь от нас гнев свой, и на восьмой день смирения нашего предал в наши руки город и врагов своих... И если вы спросите, что стало с врагами, которые были там, знайте, что в храме Соломона и на подходе к нему¹ скакали кони наших воинов по колено в крови сарацинов².

С завоеванием Иерусалима оказалась достигнутой главная цель Крестового похода — возвращение верующим величайших святынь христианского мира. Однако война на этом не закончилась, крестоносцам пришлось продолжать борьбу теперь уже с египтянами, у которых они отвоевали Палестину. Кроме того, завоеванные земли нуждались в налаженной системе управления. Уже 17 июля князья крестоносцев собрались на совещание, чтобы принять решение о государственном строе своей ближневосточной державы и избрать кого-либо из своей среды правителем Иерусалимского государства. Мнения разделились. Одни выступали за теократию, за своего рода церковное государство во главе с патриархом (которого еще предстояло избрать). Другие предпочитали видеть во главе нового государства короля. В конце концов, было решено избрать и патриарха, и короля. Это решение, стимулировавшее внутренние распри, наряду со многими другими факторами, позднее сыграло роковую роль в судьбе Иерусалимского королевства.

Первым латинским патриархом Иерусалимским стал капеллан герцога Роберта Нормандского Арнульф, а королем Иерусалимским был избран 22 июля герцог Готфрид Нижне-Лотарингский, больше известный под именем Готфрида Бульонского. Герцог Готфрид, как писали хронисты, «преисполненный истинного крестоносного духа, отказался от предложенной чести; потом он заявил о согласии принять на себя власть, но просил избавить его от необходимости титуловаться королем, ибо он, по его собственным словам, не желал носить королевский венец там, где Христос носил венец терновый». Он избрал для себя титул «Охранителя Святого Гроба». Его правление длилось недолго, ибо он умер уже 18 июля

¹ Имеется в виду мечеть Омара и Храмовая гора в целом.

² Опубликовано: Иерусалим в поколениях. Тель-Авив, 1984 (*иврит*). Цит.: Шкловская М., Лурье И. Иерусалим. История и образ города / Научный консультант проф. Гофни. Иерусалим: Библиотека Алия 1995. С. 176.

1100 г. За неполный год правления он успел, однако, заложить основы для развития своего королевства и присоединить другие территории. К моменту его смерти в состав его державы, кроме Иерусалима, входили Хеврон, Вифлеем, Рамлу, Лидду, Наблус, Тивериаду и Назарет. Главные порты страны — Акра, Кесария и Аскалон изъявили готовность к уплате дани.

О простоте, смирении, благочестии и вере Годфрида Бульонского, как и о его отваге в бою, сохранилось немало свидетельств в лотарингском эпосе, где его подвиги воспеты в большом цикле героических песен. Внешне отказавшись от титула короля, он полностью подчинился патриарху, постоянно посещал святые места и храмы, где подолгу молился. Известно, что в первые же дни своего правления, Годфрид посетил госпитальеров и подарил им для содержания госпиталя деревню Сальсола под Иерусалимом, а также местечко Монтбуар со всеми принадлежащими ему землями, которые составляли часть его доходов в Брананте. Это были первые владения госпитальеров в Европе. Весьма примечательно, что, узнав о таком даре, многие европейские князья и богатые сеньоры, отправлявшиеся в поход на Восток, старались не отставать, а порой и превзойти друг друга своими дарами госпитальерам. В короткое время странноприимница при храме св. Иоанна Крестителя «увидела себя обогащенною землями и доходами, как в Палестине, так и в Европе»¹. Тогда же четыре рыцаря из его свиты добровольно остались у Герарда, приняв вскоре монашеские обеты. Это были Раймонд де Пюи и Дюдон Компе из Дюфине, Гасть (Касты), происхождение которого осталось не известным и Конон Монтегю из провинции Овернь. А. Ф. Лабзин и А. Вахрушев пишут, что кроме них остались «и многие другие»². Так братство госпиталя святого Иоанна стало пополняться новыми членами, готовыми принимать монашеский сан, давать обеты, вести строгую затворническую жизнь.

Факт передачи госпитальерам в 1099 г. Годфридом Бульонским деревни Сальсола И. А. Настенко и Ю. В. Яшневу, считают той датой, когда произошло фактическое отделение странноприимницы св. Иоанна от бенедиктинского ордена и «чуть позднее братство отказалось от устава св. Бенедикта и приняло устав св. Августина, как более полно удовлетворяющий задачам и образу жизни братства»³.

Мы никак не можем согласиться с подобным мнением по той причине, что нельзя говорить о том, что происходило даже в конце XI в. перекидывая от них мостик к событиям, случившимся спустя полтора века.

¹ Лабзин А. Ф., Вахрушев А. История ордена св. Иоанна Иерусалимского. Ч. 1... С. 37–38.

² Там же. С. 36.

³ Настенко И. А., Яшневу Ю. В. История Мальтийского Ордена. Кн. 1... С. 44.

В утверждении И. А. Настенко и Ю. В. Яшнев речь идет о так называемом монастырском уставе Блаженного Августина.

Св. (у православных — Блаженный) Августин (Sanctus Aurelius Augustinus) (354–430), считается величайшим из отцов древней Церкви христианского Запада. Он был крупнейшим христианским теологом и церковным деятелем, является главным представителем западной патристики. Он был родоначальником христианской философии истории. Св. Августин прославился своим знаменитым сочинением «О Граде Божием», в котором «земному граду» — государству — противопоставлял мистически понимаемый «Божий Град» — церковь. Он развил учение о благодати и предопределении. Августин вел подобный монашескому образ жизни сначала со своими друзьями, а потом, уже будучи епископом города Гиппон (Северная Африка), с клириками, и в своих сочинениях «De opere monachorum», которое впоследствии часто называли «Regula Sancti Augustini» и «De moribus clericorum», письмах и речах касался монашеской жизни. Из этих его сочинений, а частью и из других, приписываемых ему, создались три известных под его именем, но ему не принадлежащих устава. Наибольшее значение имел так называемый третий устав, воспринятый в 1216 году Домиником и многими небольшими общинами итальянских отшельников, возникшими в XII–XIII вв.

Все монашеские ордены приобрели независимый статус только на IV Латеранском (1215) и II Лионском соборах. На них были сформулированы основные положения, касающиеся деятельности этих организаций. Они были напрямую подчинены папе Римскому и все подразделения этих организаций были освобождены от власти епископов. В то время как орден госпитальеров получил такой статус значительно раньше других в 1113 г.

Римские папы Иннокентий IV (1243–1254) и особенно Александр IV (1254–1261) старались объединить эти разрозненные братства и наряду с двумя главными нищенствующими орденами францисканцев и доминиканцев, создать третий, более связанный с Римом и более ему покорный.

Все редакции уставов были объединены папой Иннокентием IV и под общим именем «Августинского ордена» (Ordo fratrum eremitarum S. Augustini) 17 января 1244 года были утверждены под названием «Правил святого Августина». Окончательное утверждение августинский устав получил при папе Григории XIII (1572–1585)¹.

¹ Августинский орден // Энциклопедический словарь. Т. 1. М., 1993. С. 29. См. также многочисленные материалы на сайтах: <http://www.mavicanet.com/directory/rus/34038.html>; <http://www.krugosvet.ru/articles/25/1002501/1002501a1.htm>; <http://drevo.pravbeseda.ru/index.php?v=4680> и др. Текст Устава св. Августина см. на сайте: http://gremlinimage.narod.ru/history/reg_august.html

Таким образом, госпитальеры св. Иоанна времен блаженного Герарда никак не могли принять устав св. Августина, поскольку он к тому времени еще не был оформлен. Другое дело, что Герарду, вероятнее всего пришлось составить некое подобие устава своего братства, но официально такой документ был зафиксирован в период правления его преемника Раймонда де Пюи.

Тем временем в Иерусалиме, после его освобождения крестоносцами, быстро стали возникать и другие монастыри, строиться или восстанавливаться разрушенные, храмы, появились представители других монашеских братств. Готфрид Бульонский весьма способствовал привлечению европейского духовенства, которое должно было не только пополнить ряды местных монашеских братств, но и оживить монашескую жизнь в Святой Земле. Так, в монастыре в Иоасафовой долине он разместил монахов-бенедектинцев. Представители этого же братства уже жили в мужском монастыре св. Марии Латинской, принадлежавшем госпитальерам, но получили еще один монастырь, располагавшийся на горе Фавор. Бенедектинцы обосновались и в женских монастырях св. Магдалины и св. Анны. Конгрегация премонстратов населили монастыри св. Самуила на горе Радости и св. Аввакума в Рамлэ. В монастыре Палмареа оказались представители клюнийского братства.

Аббат Эккехард писал о том, как быстро после взятия Иерусалима уже в 1110–1115 гг. в этой земле «чудесным образом выросли церковные строения, епископства, монастыри, городские стены и замки, в портах, рынках и сельской местности забурлила жизнь»¹. Комментируя это свидетельство, Ж. Ришар обращает особое внимание в своем труде на положение латинских священнослужителей, особенно обогатившихся в результате завоевания Святой Земли:

«Особым могуществом в Иерусалимском королевстве пользовалось духовенство. Имущество церкви было велико, ибо в дар от короля и франкских сеньоров ей доставались владения, ранее принадлежавшие греческому клиру. Однако королевская власть все же установила ограничения для этих дарений. В «Книге короля» запрещалось дарить церкви замок и, если продавался фьеф², то ни церковь, ни религиозный орден не могли их купить... не допускалось также, чтобы держания горожан были отданы церкви. Но от Филиппа Новарского мы знаем, что на деле все обстояло гораздо менее строго, чем на словах»³.

¹ Цит.: Ришар Жан. Латино-Иерусалимское королевство... С. 125.

² То же что *феод* (франц.) или *лен* (германск.) — наследственное земельное владение, пожалованное сеньором своему вассалу на условии несения службы, главным образом военной.

³ Ришар Жан. Латино-Иерусалимское королевство... С. 125–126.

В 1104 году король Иерусалима Балдуин I, наследовавший Годфриду Бульонскому еще раз признал и подтвердил привилегии братства Иерусалимского странноприимного госпиталя. А в 1110 году он утверждает госпиталь св. Иоанна во владении дарованным тому ранее имуществом и дарует ему новые владения. С это целью была составлена специальная грамота:

Во имя Святой, Нераздельной и Неслиянной Троицы! Да будет ведомо всякому человеку, что я, Балдуин, Божией Милостью король Иерусалимский, настоящим даю письменное одобрение и подтверждение всем дарениям и добротным даяниям, полученным Иерусалимским странноприимным домом¹, со дня его основания и до сего дня, будь то деревни или крестьяне, дома, земельные угодья или иные земные блага, дабы с сегодняшнего дня никто, ни мужчина, ни женщина, не осмелился бы нарушить права Иерусалимского странноприимного дома и убогих во Христе на владение сими владениями и лишить их таковых владений. Прежде всего, я одобряю и подтверждаю дарение, сделанное странноприимному дому герцогом Готфридом², моим братом, а именно, деревню под названием Гессилия, и две хлебопекарные печи во граде Иерусалиме. Засим я подтверждаю мои собственные дарения, а именно, две деревни, Вефафафу и Монтану, равно как и земельные угодья и дома в различных частях града Иерусалима, и, кроме того, сад священника Анфреда и богатого крестьянина в Наблусе, наряду с домами и мельницей, расположенными в означенном городе, доброй хлебопекарной печью во граде Иоппии, и, наконец, домами и земельными угодьями в различных местах в Иоппии и Акконе. Кроме того, вышеозначенному странноприимному дому были сделаны следующие дарения, которые я также одобряю и подтверждаю, а именно, деревня Суссия, полученная в дар от Баффумета³; другая деревня, под названием Вефамида, полученная в дар от вице-графа⁴ Гранерия; деревня Казале Мелиус в Аскалонской области, полученная в дар от Гуго де Пузата; деревня близ мельницы в области Азолус, полученная в дар от Ансельма из Башни Давидовой⁵; другая деревня в области Кесарийской, полученная

¹ Госпиталем.

² Готфридом (Годфруа) Бульонским.

³ Любопытное прозвище для благочестивого доброхота христианского странноприимного братства, очень напоминающего слово «Бафомет» (имя дьявольского идола, которому якобы тайно поклонялись обвиненные в сатанизме рыцари Ордена храмовников-тамплиеров!).

⁴ Т. е. виконта (от латинского vice-comes).

⁵ Башня Давидова (или Столп Давидов) — упоминаемая еще в «Песни песней» Соломоновой башня городских укреплений Иерусалима, сохранившаяся по сей день.

в дар Евстафием, наряду с землями близ Кагона, принесенными в дар таковым же; и несколько крестьян, принесенные в дар с его¹ согласия находящимися у него на жаловании рыцарями; деревня под названием Дир Берхам в земле Соеф, принесенная в дар Петром де Цензом; и другая деревня, под названием Кафар Мазре, принесенная в дар Арнульфом Лофенком²; также несколько крестьян и земельных участков, принесенные в дар Гуго и Гервасием Фаварийскими; три крестьянина, принесенные в дар епископом града Назарета; один крестьянин, принесенный в дар Виллеромом де Теншем; также крестьянин, принесенный в дар Паганусом³ Ваккой; и еще один, принесенный в дар Дрогоном; и еще один, принесенный в дар Домиником и Гильбертом де Салинасами; и еще один, принесенный в дар Паганусом из Хайфы, наряду с земельными угодьями и домами в Хайфе и в Капернауеме; и другой крестьянин, принесенный в дар Романом де Подионом; и другой крестьянин, принесенный в дар Балдуином из Рамы, наряду с земельными угодьями и домами во граде Раме; и, наконец, земельные угодья и дома во граде Святого Георгия, принесенные в дар епископом Рамским. Все эти вышеописанные дарения я одобряю и утверждаю странноприимный дом во владении ими.

И, наконец, я повторяю: дабы всемогущий Бог смилоствовался надо мной и над душами моих отца и брата, всей моей родни и всех усопших верующих, я одобряю, насколько могу, все, что Иерусалимский странноприимный дом, что он приобрел до сего дня и чем он ныне владеет, и утверждаю его в его правах владения всем этим. Я желаю, чтобы эти владения всегда использовались для поддержания существования и удовлетворения потребностей убогих.

Если же кто-либо попытается завладеть этим имуществом или умалить его, того пусть преследует Бог своими казнями, пока он не обратится от своих замыслов и не покается в них.

Совершено сие, в качестве грамоты одобрения и подтверждения, 26 октября в лето 1110 со дня Воплощения Господа нашего. При этом в качестве свидетелей присутствовали: Гуго де Пузат, Евстафий Гранерий, вице-граф Иерусалимский; Ансельм из Башни Давидовой; Вальтер

¹ Евстафия.

² Буквально: «франком», что может означать «французом»; впрочем, на Востоке так нередко именовали всех западных христиан (сравни русское «фряги», «фрязи» для обозначения, в первую очередь, итальянцев, но, в более широком контексте — всех «латинян»; поэтому известное повествование русского паломника о штурме Константинополя западными крестоносцами, в число которых входили, как известно, не только итальянцы! — в 1204 г. называется «Повесть о взятии Цареграда от фряг»).

³ «Паганус» по-латыни значит «язычник» (по-русски: «поганый», «поганец»).

Баффумет; Гвидо де Миллен; Готмарн и многие иные благородные и добропорядочные мужи, видевшие и слышавшие все это¹.

Кроме дарений, Иерусалимский король имел право контроля за выбором епископов, начиная с самого патриарха, кандидатуру которого представляли каноники храма Гроба Господня. По распоряжению короля прелаты и монашеские ордена поставляли в королевские войска отряды из сержантов. Так патриарх и орден храма Гроба Господня присылали по 500 бойцов, архиепископы Тира, Назарета и Цезареи по 150, по 100 воинов представляли епископы Тивериады и Севастии, а Вифлиема и Лидды по 200. Госпитальеры 50 воинов. Всего в королевстве насчитывалось пять архиепископств и восемь епископств, так, что общее число представленных от них воинов было внушительным.

«Таким образом, духовенство занимало свою нишу в феодальной системе, однако положение некоторых епископов в ней было особым: как во Франции, церковные земли зависели напрямую от короля, — пишет Ж. Ришар, — и в какой-то степени составляли продолжение королевского домена даже внутри бароний. Некоторые из этих земель были настоящими сеньориями, например, Назарет (этим городом, как и в случае с Вифлиемом, владел местный прелат), который был обязан поставлять на королевскую службу шесть рыцарей, находился под управлением архиепископского маршала». В 1259 г. эта сеньория была уступлена своим архиепископом ордену госпитальеров, и им управлял уже балли ордена. Эта сеньория включала в себя в XIII в. 19 поместий².

Некоторые из них, как Лидда и Назарет, имели собственные «двор, монету и суд». Но все же, кроме своих сеньорских обязанностей, церковное и орденское духовенство занималось богослужением, евангелизацией, а на первом месте все-таки стояла помощь паломникам. Как утверждал Иоанн Вюрцбургский, в 1165 г. только одни госпитальеры в Иерусалиме кормили в день 2000 бедняков³, епископы и аббаты соперничали в благочестивом рвении, наперебой основывая все новые гостеприимные дома. Однако на госпитальеров ложилась еще одна обязанность — сопровождать паломников, точнее обеспечивать им военную охрану при переходе из одного места в другое. Ведь и египтяне, и турки устраивали постоянные набеги, занимаясь настоящим разбоем.

¹ Документы по истории рыцарского Ордена госпитальеров святого Иоанна Иерусалимского. Публикация, перевод и комментарии В. В. Акунова // Сборник Русского исторического общества. Т. 9 (157). М.: «Русская панорама», 2003. С. 42–43.

² Ришар Жан. Латино-Иерусалимское королевство... С. 128.

³ Там же. С. 129.

В 1104–1106 гг. игумен Даниил совершил свое знаменитое путешествие из Руси в Святую Землю. В составленном им описании своего паломничества он не раз указывает на небезопасность передвижений. Так, от города Яффы, стоящего недалеко от Иерусалима, простиралась пустынная местность, где имелся хороший источник воды, у которого путники часто останавливались для отдыха, но рядом находился город Асколон, «а оттуда выходят сарацины и избивают странников на тех путях. Так что очень боязно от места того входить в горы. От святого Георгия до Иерусалима двадцать больших верст, но все в горах каменных»¹. Интересно и еще одно место из «Хождения», в котором игумен Даниил рассказывает, как ему и семи его спутникам удалось безопасно посетить Галилею, благодаря тому, что «остановился на обед князь Балдуина (Балдуин. — *Авт.*) с воинами своими». Путешественники пристали к армии и смогли походить «без страха и без боязни по всем тем святым местам»². Так же удачно под охраной шедшего в Акру отряда крестоносцев он от Каны Галлелейской дошел до Акры, а через четыре дня с таким же отрядом отправились в Иерусалим.

Игумен Даниил ничего не сообщил о госпитальерах, но то, что он мог видеть Герарда, не подлежит сомнению. Рассказывая «о свете небесном: как сходит ко Гробу Господню» (речь идет о схождении «благодатного огня» в храме Воскресения Господня в Иерусалиме), игумен пишет, что, придя в храм, он попросил разрешение у короля Балдуина поставить на Гробе Господне лампаду «от всей Русской земли». Получив разрешение, он купил большую стеклянную лампаду и поставил ее на Гроб Господень в ногах, в головах стояла лампада от православного монастыря св. Саввы и еще одного греческого монастыря. «И благодатию Божиею те три лампы загорелись», а пять лампад, повешенных сверху от каждого из латинских монастырей, «а тех ни одна не загорелась»³. Но прежде чем все это произошло, король Балдуин со свитой, «латинскими попами и наместником греческого монастыря» пришли в храм, где внутри и с наружи находилось «великое множество народа», который специально собрался, чтобы увидеть это чудо. Естественно, что главы всех иерусалимских духовно-рыцарских орденов тоже находились в храме. Но для Даниила это были латиняне, которые совершали богослужение иначе, чем греки, и они его мало интересовали.

¹ «Хождение» игумена Даниила // Памятники литературы древней Руси. XII век. М.: «Художественная лит-ра», 1980. С. 33. Ж. Ришар считал, что это путешествие игумен Даниил совершил в 1113 г. (См.: *Ришар Жан*. Латино-Иерусалимское королевство... С. 131), новую датировку дает Г. М. Прохоров (Памятники литературы древней Руси... С. 628–629).

² «Хождение» игумена Даниила... С. 89.

³ Там же. С. 107.

Говоря о деятельности госпитальеров, необходимо отметить, что Герард умело распорядился полученной собственностью. Все это оказалось для него «твердым капиталом, который обращал он на помощь бедным и страждущим. До сих пор Герард имел только вид обыкновенного надзирателя, и общество, в коем он начальствовал, уподоблялось всякому другому добровольному дружественному союзу». Естественно, что так продолжаться долго не могло. Но надо было решить главный вопрос: как и на каких условиях всем собравшимся объединиться. Герард решил, что необходим общий совет. Он собрал всех братьев и сестер, которые находились в разных гостиницах и госпиталях Иерусалима и других мест, и предложил им «посвятить себя навсегда служению больным и странникам, отречься от мира и дать сему союзу их пристойный вид и надлежащую прочность». Тогда же он предложил выделить всех членов своего братства особой одеждой. Предложение было принято всеми собравшимися, тем более что все эти лица уже давно несли, по сути, монашеское послушание.

Вот только с этого времени «благочестивое общество получило вид ордена, который под названием Ордена святого Иоанна долгое время продолжался в Иерусалиме»¹ — писали А. Ф. Лабзин и А. Вахрушев, по всей видимости, пользуясь сведениями из книги аббата Верто. С этого времени отличительной одеждой госпитальеров стала черная длинная рубаха, на левой стороне ее верхней части, «у сердца», был нашит из белого холста восьмиконечный амальфийский крест. Этот крест много позже стали называть «мальтийским».

Обряд облачения в орденские одежды был обставлен очень торжественно. К сожалению, не сохранилось указание на дату этого события, поэтому нет возможности указать имя латинского патриарха Иерусалима, совершавшего это посвящение. Хотя известно, что все происходило в храме Гроба Господня, братство которого находилось под покровительством духовного главы Иерусалима. Ясно, что произойти это могло до сентября 1120 г., т. е. до кончины Герарда. Попытаемся наметить хоть приблизительные кандидатуры того, кто «сам возложил сию одежду на братьев и сестер орденских, и принял от них при Гробе Господнем три духовные обета»².

Ситуация с патриархом в Иерусалиме в то время была довольно не простая. Известно, что греческий патриарх Симеон бежал на Кипр еще перед взятием Иерусалима, крестоносцы назначили своего человека Арнульфа де Роола, но его выборы папой Пасхалием II были признаны незаконными. Прибывший с низложением 21 декабря 1099 г. папский

¹ Лабзин А. Ф., Вахрушев А. История ордена св. Иоанна Иерусалимского. Ч. 1... С. 38–39.

² Там же. С. 39.

легат Даимберт Пизанский, приказал избрать себя патриархом. Он принял клятву верности от Защитника Гроба Господня и князя Антиохийского — Готфрида Бульонского. Однако непомерные амбиции Даимберта, алчность, требование передать ему не только Иерусалим, но и Яффу, вмешательство в династические споры, вызвало к нему враждебность всего духовенства. Это привело к тому, что уже в сентябре 1102 г. собор в Иерусалиме низложил его. Новым патриархом был избран Эвремар (1102–1108), но и эти выборы были признаны папой недействительными. Прибывший папский легат Гибелин де Сабран тот час занял патриарший престол в том же 1102 г., на котором пробыл до своей смерти в 1112 г. Арнульф де Роол вновь занимает место патриарха, до своей смерти в 1118 г. Его преемником стал Гормонд де Пикиньи (1118–1128)¹.

Думается, что патриархом, принявшим обеты у госпитальеров, мог быть Даимберт, поскольку он ввел практику принимать именно в храме Гроба Господня клятвы от короля и его приближенных. Тогда дата превращения братства в монашеский орден находится между декабрем 1099 г. и сентябрем 1102 г. Но, обращаем внимание, что это только предположение. Вопрос этот нуждается в дополнительном исследовании.

Как бы то ни было, но члены ордена госпитальеров, после принесения надлежащих обетов, стали с этого времени как бы полноправными членами общины. В Палестине и Сирии они занимались своими прямыми обязанностями, Герард же стал обустривать свой, узаконенный в Иерусалиме орден, в Европе. Вскоре госпитальеры открывают новые гостиницы: «сент-Жильская в Провансе, Севильская в Андалузии, Тарентская в Италии, Мессинская в Сицилии»².

Несмотря на то, что орден госпитальеров возник в среде духовенства, отношения между ними и другими духовно-рыцарскими орденами не очень то сложились.

Дело в том, что Иерусалимский патриарх, например, требовал не только подчинения себе по духовной линии, но, видя как успешно богатеют госпитальеры, а за ними и тамплиеры, он не мог упустить такой искусительный и столь вожделенный источник доходов. Но и госпитальеры не хотели ничего отдавать, кому бы то ни было.

¹Истории Иерусалимского патриархата в эти годы посвящены две интересные работы: *Mas-Latrie L. de. Les Patriarches latines de Jérusalem// Revue de l'Orient Latin. T. I. Paris, 1895. P. 22; Hampel E. Untersuchungen über das lateinische Patriarchat von Jerusalem (1099, 1118). Breslau, 1899.* Когда более подробно изучаешь кандидатуры латинских патриархов Иерусалима, то приходится удивляться, что некоторые из них при поставлении не имели даже иподиаконского чина. См.: *Ришар Ж. Латино-Иерусалимское королевство... С. 118–122.*

²*Лабзин А. Ф., Вахрушев А. История Ордена св. Иоанна Иерусалимского. Ч. 1... С. 47–48.*

Вот почему нежелание подчиниться местному патриарху вылилось у них в желание подчиняться непосредственно папе. Каким образом это они сделали, неизвестно. Можно лишь предположить, что госпитальерам пришлось отправить к папе своих гонцов, которые доказали, что орден уже давно перерос рамки своего региона, что он является интернациональной структурой и ведет большую благотворительную деятельность. Возможно, что в защиту ордена выступали и высокопоставленные ходатаи, которых было немало.

Как бы то ни было, но 15 февраля 1113 году папа Пасхалий II подписал буллу, которой освобождал госпитальеров от местной властной опеки как духовенства, так и короля. Он подтвердил статус возглавляемого Герардом странноприимного братства как самостоятельного учреждения, обладающего правом свободно избирать своего предстоятеля и освобожденного от уплаты церковной десятины. Своей буллой папа также утвердил братство во владении имуществом и владениями, принадлежащими ему в Азии и Европе, и подчинил орден себе:

Пасхалий, епископ, раб рабов Божиих,

Своему достопочтенному сыну Герарду, руководителю и предстоятелю ксенодохиума¹, что в Иерусалиме, и его законным преемникам на все времена! Да будет ниже исполнена воля твоего благочестивого прошения. Твоя любовь просила подкрепить странноприимный дом, устроенный тобой во граде Иерусалиме близ Храма Святого Иоанна Крестителя, авторитетом Апостольского престола и облагодетельствовать его покровительством Святого Апостола Петра.

Посему мы, обрадованные твоим благочестивым стремлением к оказанию гостеприимства, по-отечески благожелательно восприняли твою просьбу и в силу настоящей грамоты на все времена принимаем вышеозначенный дом Божий, указанный странноприимный дом, под защиту Апостольского престола, равно как и под покровительство Святого Петра. Мы постановляем, чтобы все, приобретенное, благодаря твоим неустанным заботам, для вышеозначенного странноприимного дома, с целью удовлетворения потребностей паломников и убогих, в приходах или областях Иерусалимской церкви либо иных церквей, находящихся на территории других городов², а также все, что удастся законным путем приобрести с этими целями другим после тебя, или же что было или будет даровано церкви в Иерусалиме нашими достопочтенными собратьями-епископами, на все времена, в покое

¹ Название странноприимного дома по-гречески, соответствующее его латинскому названию «госпиталис».

² В те времена было принято просить милостыню в церквях на те или иные нужды. Такая деятельность строго регламентировалась епископом и кому попало не разрешалось собирать деньги таким образом. Так что папская булла здесь строго практична.

и в полной мере было бы сохранено во владении твоём и твоих преемников, заботящихся о паломниках.

Мы также подтверждаем дарованное вам право сохранять десятину со всех доходов, полученных вами где бы то ни было благодаря вашим неустанным трудам и заботам, за собой, дабы вы использовали ее для нужд вашего странноприимного дома, без каких-либо возражений со стороны епископов или епископских служителей. Мы также постановляем, чтобы Вы — смотритель и Провост¹ сохраняли в полном объеме все дарения, сделанные оному странноприимному дому князьями Церкви из своих доходов и сборов. Когда же ты, являющийся в настоящее время Провостом и настоятелем этого места (госпиталя), в свое время умрешь, то никто, ни хитростью, ни силой да не будет выдвинут там хитростью или насилием (в качестве преемника), кроме как избранный на этот пост и введенный в должность тамошней братией² и по Божественному внушению. Кроме того, мы на все времена утверждаем тебя и твоих преемников, с благочестивым рвением выполняющих задачи гостеприимства, во владении всем приобретенным благодаря Вашим усилиям для странноприимного дома имуществом, которое оный странноприимный дом имеет ныне по эту и по ту сторону моря, будь то в Азии или в Европе, или же будет иметь в будущем, по неизреченной благодати Божией. И в завершение мы постановляем, что никому из людей не должно быть дозволено злокозненно угрожать странноприимному дому или лишать его имущества, или сохранять за собой отобранные у него владения, умалять его имущество или мучить его дерзновенными кознями. Напротив, все сие имущество должно быть и впредь в полном объеме сохранено на благо и на общую потребу всех тех, для содержания которых и заботы о которых оно было даровано.

Воистину, странноприимные дома и дома призрения в западных областях, близ замка святого Эгидия, близ Асти, близ Пизы, Бари, Отранто, Тарента и Мессины, ставшие знаменитыми благодаря тому, что в их названии упоминается Иерусалим, должны оставаться в подчинении и распоряжении твоём и твоих преемников, как ныне, так и впредь. Постановляем это на все времена. А если когда-либо в будущем какое-либо церковное или светское лицо, зная о настоящей грамоте, содержащей наше постановление, вознамерится действовать ему вопреки, да будет оно, в случае, если оно, даже после повторного и троекратного предупреждения, не позаботится о соответствующем возмещении причиненного ущерба, лишено своего достоинства, власти и чести; пусть знает, что в случае упорного нежелания покаяться

¹ Так звучал оригинальный титул Герарда. Он означает буквально «управляющий» или же «настоятель».

² По всей видимости, имеются в виду только те члены ордена, которые приняли монашеские обеты и являются полноправным и его членами.

в содеянном, оно в качестве подсудимого предстанет пред судом Божиим, что она лишена будет Святых Плоти и Крови Господа и Спасителя нашего Иисуса Христа, а в день Страшного Суда подвергнется наистрожайшей каре. А со всеми теми, кто в месте сем служат правде, да пребудет мир Господа нашего Иисуса Христа, дабы и они насладились плодами добрых дел и во время оно восприяли от строгого Судии награду мира вечного. Аминь.
Аминь.

Я, Пасхалий, Епископ Католической Церкви поставил подпись.

Я, Рихард, Епископ Албано, поставил подпись.

Я, Ландульф, Архиепископ Беневенто прочел и поставил подпись.

Я, Конан, Епископ церкви Прэнесте прочел и поставил подпись.

Я, Анастасий, Кардинал-диакон церкви Рима поставил подпись.

Я, Иоанн, Епископ Мальты прочел и поставил подпись.

Я, Ромуальд, Кардинал-диакон церкви Рима поставил подпись.

Я, Григорий, Кардинал-пресвитер Сан-Крисогоно прочел и поставил подпись.

Дано в Беневенто рукой Иоанна, Кардинала Святой Римской Церкви и Библиотекаря, за 15 дней до мартовских календ, 6-го индикта в год 1113 Воплощения Господа нашего, и 14-й год понтификата нашего Господина Папы Пасхалия II. Привет¹.

Папа явно пророчил новому сообществу долгое будущее, ибо обращал свою буллу не только к Герарду лично, но и к его преемникам на посту ректора госпиталя.

Герард еще семь лет возглавлял орден госпитальеров. 3 сентября 1120 года он умирает в весьма преклонном возрасте. На его могильном камне, как сообщают позднейшие историки, была высечена следующая надпись:

Здесь упокояется Жерар, смиреннейший из обитателей Востока; был нищим слуга и странникам искренний друг; непритязателен ликом, но в груди его — пламенело благородное сердце; меру его добродетели — дано нам узреть в сих стенах; многое он предуведал и ревностен был он во всех, предпринятых им многообразных деяниях; руки свои распростер он на многие земли, черпая отовсюду, дабы снискать пропитание людям своим².

¹ Документы по истории рыцарского Ордена госпитальеров Святого Иоанна Иерусалимского/ Публикация, перевод и комментарии В. В. Акунова. // Сборник РИО. Т. 9 (157). М.: Русская панорама, 2003. С. 43–44. С дополнениями с сайта Pontificum Romanorum (<http://www.popes.by.ru>)

² *Милославский Юрий*. Странноприимцы. СПб.: Изд-во «Царское дело», 2001. С. 50.

После смерти Герарда, Раймонд де Пюи становится его преемником. Он активно взялся за установление юридических гарантий существования вверенного ему Ордена св. Иоанна, несмотря на существование буллы папы Пасхалия II. Все это было необходимо по целому ряду обстоятельств. Прежде всего Раймонд де Пюи хотел иметь существенное отличие от ставшего не менее популярным и очень быстро богатым ордена, возникшего значительно позже, в 1119 г. всего девятью собравшими вместе рыцарями. Речь идет об ордене Храма (больше известного как орден тамплиеров). Возникшее между двумя орденами негласное соперничество длилось несколько столетий, до самой ликвидации тамплиеров в 1318 г. Вот почему несколько слов нам придется уделить тамплиерам, и прежде всего по причине несовместимости идейных и духовных основ, которые госпитальеры не нашли с тамплиерами. Кроме того, вероятно, был и еще один фактор, повлиявший на взаимоотношения этих двух орденов.

Госпитальеры, как мы теперь знаем, появились намного раньше в Иерусалиме, больше того, им пришлось изведать все тяготы подневольного положения, когда они жили в соседстве с мусульманами. Появившись в Иерусалиме, Гуго де Пайен, родственник влиятельных графов Шампанских, и бывший другом Бернарда Годфруа де Сент-Омер — основатели ордена, явились к патриарху, которому поклялись хранить обет послушания и целомудрия. Затем они пришли к королю Балдуину II, которому пообещали верную службу. Он предоставил им временное убежище у себя во дворце, который стоял на южном склоне Храмовой горы. И король, и патриарх, как писал архиепископ Тирский Вильгельм, «сразу обеспечили ордену поддержку, выделив ему некоторые из своих земельных владений — одни пожизненно, другие во временное пользование — благодаря чему члены ордена могли получать средства к существованию»¹.

Таким образом «воинство бедных рыцарей Христа», как они себя называли, сразу оказалось в более привилегированном положении по отношению к своим собратьям из других орденов.

Однако иерархическая структура у тамплиеров значительно отличалась от структур всех духовно-рыцарских орденов Палестины. Он был более гражданский, чем монашеский. Он состоял из трех классов: монахов, куда входили рыцари знатного происхождения, сержантов, которых набирали из горожан, и клириков, заботившихся только о богослужении. Но в орден принимали рыцарей и на время, что было скорее похоже на наемничество. В 1128 г. первый глава ордена Гуго де Пайен, прибыл в Европу. Его послал король Балдуин II, который задумал призвать на помощь новый крестовый

¹ Цит.: *Барбер Малколм*. Процесс тамплиеров. Пер. с англ. И. А. Тогоевой. М.: Энигма, Алетейя, 1998. С. 15–16.

поход для захвата Дамаска¹. И хотя миссия Гуго де Пейена не увенчалась успехом, основатель ордена тамплиеров воспользовался этой возможностью для юридического узаконения своего ордена. На соборе в Труа в том же 1128 г. орден был признан, а Бернарду Клервоскому поручили составить его Устав, в который были сведены воедино основные законы ордена. Написанный на принципах ордена св. Бенедикта, Устав состоял из семидесяти двух статей, определивших структуру ордена².

В эти же годы, при Раймонде де Пюи, орден госпитальеров начинает довольно быстро разрастаться. И его глава предпринимает следующие шаги. Во-первых, в связи с большим притоком в ряды ордена молодых дворян из разных европейских государств, де Пюи разделяет орден на 7 языков или лангов: Прованский, Овернский, Французский, Итальянский, Арагонский, Германский и Английский. Во-вторых, он устанавливает существование особого органа управления орденом, который стал называться Советом, его возглавлял сам Магистр и имел два голоса. Потребность в таком коллегиальном органе появилась в связи с возрастанием разбросанных в разных странах, порой далеко одно от другого, владений (маетностей), которые стали передаваться ордену. Для их управления и нужен был Совет, посылавший для их управления старших из рыцарей (их чаще называли — кавалерами), в звании Прецепторов. Они и являлись экономическими управителями маетностей, посылая в Иерусалим доходы.

Одновременно де Пюи создает свой орденский устав, в основу которого, как считали историки, также был положен устав бенедиктинцев³. Возможно, это произошло вскоре после 1128 г., и сделано как бы в «пику» тамплиерам. Но можно предположить, что де Пюи в эти же годы сам создавал этот основополагающий документ. Как считает Адам Винанд, эти правила были составлены около 1150 г., во всяком случае, не ранее 7 июля 1153 г., даты их утверждения папой Евгением III (1145–1153). Эти Правила были выработаны, с течением времени, на основе директив в области общежительства и совместного труда (*Consuetudines*), которые странно-приимное братство первоначально само разработало для себя и которые не включали обязательное принесение монашеских обетов (професса). Статуты, сформулированные при Раймунде дю Пюи, имели решающее значение для развития ордена госпитальеров. Они стали основой для всех последующих уставных конструкций. Поэтому первая глава его Правил,

¹ Ришар Жан. Латино-Иерусалимское королевство... С. 62.

² Curzon H. de. *La Règle du Temple*. Paris, 1886. P. 11–70.

³ Устав ордена госпитальеров опубликован Иосифом Делавилем ле Ру. См.: *Delaville Le Roulx Joseph*. *Cartulaire général de l'Ordre des Hospitaliers de Saint-Jean de Jérusalem, 1100–1310* / Ed. Joseph Delaville Le Roulx. 4 vols. Paris, 1894–1906.

в которой речь идет об особых целях ордена и о его обетах, всегда предшествовала тексту всех последующих редакций орденского Устава. В этих дошедших до наших дней первых Правилах госпитальеров речь идет лишь о трех обетах — нестяжания (бедности), целомудрия и послушания: *tria quae promittunt Deo*.

Что касается специфического для госпитальеров обязательства нести служение убогим, или бедным, то оно, вопреки распространенному мнению, отнюдь не содержится в Правилах в качестве «четвертого обета». Аналогичная ситуация сохраняется и во всех последующих орденских Уставах, хотя они и содержат многочисленные положения касательно служения «господам больным» (*seignors malades*), как их всегда именовали члены ордена, указывающие на наличие этого специфического обязательства. В то же время, судя по всему, члены ордена в определенный период приносили обет воинского служения, хотя в Правилах, как таковых, ничего не сказано об этом. Дело в том, что в момент переговоров о планировавшемся одно время папой слиянии всех военно-монашеских орденов воедино на Лионском соборе 1274 г., чему сами ордены противились всеми силами, присутствовавшие на соборе госпитальеры заявили: «Мы по-прежнему готовы выполнять наш обет вести непрерывную борьбу за Святую Землю...».

Подтверждающей права и обязанности ордена госпитальеров булле папы Евгения III предшествовала булла папы Калликста II (1119–1124) от 19 июня 1119 г., подтверждавшая привилегии Госпиталя. Третья папская булла, обнародованная папой Анастасием IV (1153–1154) 21 октября 1154 г., была адресована: «... возлюбленному сыну Раймунду, магистру дома пилигримов Святого Града Иерусалима и его нынешним и будущим братьям, которые станут его преемниками в соответствии с Правилами». В ней содержалось следующее определение орденского сообщества:

Мы встречаем вашим благочестивым, принятым в Ваше сообщество братьям, принесшим обеты и надевшим орденское облачение, возвращаться обратно в мир, и да не дерзнет никто из них, после принесения обетов, снять с себя взятый им на себя Крест Господень и свое обетное облачение, и перейти в иное место или в иной монастырь под предлогом более или менее строгой орденской дисциплины против воли или вопреки совету братии или без дозволения того, кто является магистром¹.

Данная папская булла имела чрезвычайное значение для ордена и благодаря подтверждению прежней буллы папы Иннокентия II независимости госпитальеров от подчинения местным епископам, а также данному

¹ *Wienand Adam. Die Johanniter und die Kreuzzüge // Der Johanniterorden der Malteserorden... S. 40.*

им позволено впредь принимать в свои ряды клириков и священников, причем не только в главный госпиталь, расположенный в Иерусалиме, но и во всех подчиненных ему орденских владениях, ряды ордена стали увеличиваться. Эти духовные лица подчинялись, кроме орденского капитула, только лично папе. Тем самым госпитальерами была получена полная церковно-правовая гарантия независимости. Странноприимное братство, с точки зрения канонического права, превратилось в полноценный орден. Многочисленные дошедшие до нас папские буллы и бреве однозначно свидетельствуют о заботе, которой папы окружали Орден госпитальеров. Невозможно даже перечислить все знаки папского внимания и благоволения, полученные орденом в эпоху Крестовых походов. Принципиально важные для него буллы Иннокентия II и Анастасия IV постоянно подтверждались их преемниками на Апостольском престоле.

Что же касается вопроса, как этот возникший на базе братства по уходу за больными монашеский орден превратился в рыцарский, деятельность которого, наряду с выполнением изначальной задачи — уходе за больными и убогими — приобретала все более ярко выраженный военный характер, то ответить на него нелегко. Невозможно зафиксировать в истории ордена какую-то определенную дату начала этого процесса.

В то время, как рыцари-тамплиеры изначально поставили себе целью вооруженную защиту пилигримов по пути к святым местам и обратно, и, соответственно, изначально несли воинское служение, связанное с ведением боевых действий, госпитальеры пришли к этому в ходе долгого процесса. Правда, многие историки толкуют буллу папы Иннокентия II «*Quam atabilis Deo*» 1131 г. как содержащую указание на военную деятельность госпитальеров. Булла, в частности, гласит:

Ибо там (в Иерусалимском госпитале) вновь возвращают силы бедным и нищим, там больным на тысячу ладов выказываются примеры любви к ближнему, и все, здоровью которых был причинен вред вследствие многочисленных опасностей и трудностей, восстанавливают там свои прежние силы, дабы иметь возможность посетить места, освященные земным пребыванием Спасителя нашего. Братья сего Дома, вместе с избранными ими и содержащимися за их счет солдатами и лошадьми, всегда готовы отдать свою жизнь за свою братию (пилигримов). Они защищают пилигримов от нападений неверных как по пути к святым местам, так и на обратном пути¹.

Другие историки толкуют данный текст таким образом, что госпитальеры содержали наемных солдат или рыцарей, обеспечивая вооруженную

¹ *Delaville le Roulx J. Cartulaire Général de l'Ordre de S. Jean de Jérusalem, 1100–1310. Vol. I. Paris, 1906. P. 107. (№ 130).*

охрану пилигримов силами этих наемников, не являвшихся членами ордена как такового. То есть, госпитальеры стали заниматься тем же, что и тамплиеры, но не силами членом самого странноприимного братства. С точки зрения этих историков, гарнизон замка Бейт Джибрин, подаренного королем Иерусалима Фулько в 1136 г. госпитальерам, также состоял не из членом их Ордена, а из наемников. По мере нарастания мусульманского давления на Иерусалимское королевство госпитальеры оказались вынужденными, начиная с 1140 г., поставлять в королевскую армию воинские контингенты, состоявшие из получавших от Ордена плату наемных рыцарей, именованных в орденских документах той поры «сервиентами» (*servientes*).

Этих наемных рыцарей XII в., хотя и получавших от Ордена жалование за свою военную службу, но принадлежавших к благородному сословию, не следует путать со «служащими братьями», появившимися в Ордене позднее, также именованных «сервиентами», но не имевшими рыцарского звания. Примерно начиная с 1140 г. в Госпитале имелось три различные группы «сотрудников» (*collaboratores*). Наряду с занятыми уходом за больными и убогими братьями, имелись нанятые за счет Госпиталя воины и приглашенные священники, занимавшиеся духовным окормлением госпитальеров и пациентов. Принимать в орден священников было дозволено лишь в 1154 г. И до сих пор отсутствует необходимая ясность в вопросе, с какого именно времени члены ордена Святого Иоанна Иерусалимского стали подразделяться на хорошо известные, казалось бы, всем и каждому три категории: братьев-рыцарей, братьев-священников и «служащих братьев».

История с Уставом госпитальеров, автором которого традиционно считают Раймонда де Пюи неспроста. И в западноевропейской и в российской литературе, как правило, публиковался небольшой текст, который называли Уставом, он состоит из 18 пунктов и известен под названием «Правила Ордена св. Иоанна Иерусалимского». Этот документ оказался действенным в течение нескольких последующих веков, лишь иногда его дополняли, в связи с новыми обстоятельствами существования ордена госпитальеров. Мы приводим его по публикации И. К. Антошевского:

«Я, Раймонд де Пюи, слуга нищих Христовых и страж Странноприимницы Иерусалимской, с предварительно рассужденным согласием братьев моих и всего Капитула утвердил следующие правила в странноприимном доме Св. Иоанна Крестителя в Иерусалиме.

I. Каждый брат, который приемлется и вписуется в сей Орден, свято хранит три обета: Обет целомудрия, послушания и добровольной нищеты без собственного стяжания.

II. За веру Христианскую да стоит твердо; да придерживается всегда справедливости; обиженным да помогает; угнетенных да защищает и освобождает; язычников, неверных и магометан да гонит по примеру Маккавеев, которые гнали врагов народа Божия; да прилежит всем христианским добродетелям; да печется о вдовах и сиротах. Нарушители же сего правила да подвергаются временному и вечному наказанию.

III. В оные дни и собрания, которые в определенные времена каждой четверти года обыкновенно наблюдаем, да читается сие постановление в присутствии всех братьев.

IV. Всякий, кто обременен долгами; или сильно кому обязан правом служения, в сей Орден да не приемлется. Хотя кто и обнадежен братьями к получению креста, однако прежде нежели облачится в орденскую одежду, да спрашивается: не вписался ли уже в другой какой Орден и не обязан ли супружеством, либо гражданскими долгами? Ибо в случае положив, что одно из сих окажется; то таковой не может уже быть принят в сей Орден.

V. Одежду кавалерскую, черную (*vestem pullam*) да носит со знаменем белого креста на левой стороне; сия одежда обыкновенно да будет в знак мира; в военное же время, когда должно идти на сражение, та же одежда червленного цвета с белым крестом да будет знаком войны.

VI. Никто незаконнорожденный да не приемлется в Орден, выключая натуральных детей высокоименитых и высокородных лиц и то, если таковых мать не будет раба.

VII. Так всеконечно да исключаются из сего Ордена, кто рожден от родителей язычников, т. е. от Маранов, Иудеев, Сарацин, Магометан, Турок и сих подобных, что должно разуметь и о детях таковых князей, хотя оные суть высокородные.

VIII. Равным образом, кто определился в иной какой ни есть Орден, или обязан супружеством, либо учинил человекоубийство и другие важные законопреступленья, в Орден да не приемлется.

IX. Кто желает быть принят в сей Орден, тот, по меньшей мере, должен иметь 13 лет своего возраста, при том был бы телом здоров, сложением крепок и здравого рассудка; также трудолюбив, терпелив и благонравен.

X. Всякий, прежде принятия в сей Орден, да докажет надлежащим образом благородство предков своих, или фамилий пред некоторыми от Приора и Капитула в обыкновенное собрание нарочно для сего отправленными.

XI. Священнослужению и Богопочитанию все братья ревностно да прилежат и вместо обыкновенного у монахов, под правилами живущих, междочасия, 150 крат ежедневно да чтут молитву Господню; в определенные времена да постятся; ежегодно 3 краты да причащаются Св. Тайнам, т. е. всегда в три торжественнейшие праздники Рождества Христова, Пасхи и Пятидесятницы.

ХII. Всякий кавалер по званию своему, отправляющийся на флот в море, да исповедается прежде священнику, и таким образом, очистивши от всех мирских вещей свою совесть, да простится, сделав духовную или другое распоряжение.

ХIII. При отправлении священнослужения и моления, в хорах близ к алтарю да не приступают, чем бы один другому не могли быть препятствием.

ХIV. В том порядке, в котором всяк прежде, или после другого в рассуждении времени вступил в Орден, да ходят и садятся.

ХV. В известные времена благоговейные крестные ходы да учреждают, и в оных о мире христиан и постоянном согласии, о благословении Великого Магистра и всего Ордена да призывают Бога.

ХVI. О всяком усопшем кавалере 30 литургий да отправляют, в память которого каждый кавалер приносит горящую свечу с денарием.

ХVII. В конvente чрез все время поста Рождества Христова и Четырехдесятницы, да имеют проповеди слова Божия и поучения.

ХVIII. Никому в свете да не обяжут себя клятвою; никакого военного корабля да не снаряжают без согласия и признания Великого Магистра; когда произойдет война между двумя христианскими государями, да не прилепляются ни к одной стороне, но всевозможно да стараются о прекращении раздора и о утверждении между ними согласия и мира»¹.

Существует еще один текст Устава, впервые переведенный на русский язык М. Фанченко с двух текстов — с английского и латыни. Он опубликован в качестве приложения к книге И. А. Настенко и Ю. В. Яшнева и значительно полнее предыдущих «Правил». Его нельзя рассматривать как первоначальную редакцию вышеприведенного документа. Это самостоятельный текст, который существовал наряду с «Правилами», и он действительно может быть назван Уставом.

«УСТАВ,
предписанный братом Раймондом²

«Во имя Господа нашего [аминь]. Я, Раймонд, слуга бедняков Христовых, настоятель Иерусалимского Госпиталя, в согласии со всем Капитулом, монахами и братьями-мирянами, утвердил сии заповеди в Доме Госпиталя Иерусалимского.

¹ Антошевский И. К. Державный Орден святого Иоанна Иерусалимского, именуемый мальтийским в России. М.: ГПИБ, 2001. С. 67–69.

² Публикуется по: Настенко И. А., Яшнев Ю. В. История Мальтийского ордена. Кн. 1... С. 297–306. Примечания к этому документу сделаны М. Фанченко. Заголовки подпунктов в подлинном документе отсутствуют.

[1] О том, как братья должны исполнять свои обязанности:

Прежде всего, я предписываю всем братьям, призванным к служению бедным, соблюдать с Божьей помощью три обета, данные Богу, а именно: целомудрие, повиновение, что означает безусловное исполнение приказов их магистров, а также отказ от собственности, и да взыщет Бог с них эти три обета на Страшном Суде.

[2] О том, чего братья могут требовать в качестве своих прав:

И не позволено им требовать ничего сверх хлеба, воды, и одеяния, что им обещаны. А одеяние их да будет простым, ибо бедняки Господа нашего, которым мы призваны служить, ходят обнаженными [и грязными]. А гордость неподобающа для слуги, когда господин его скромен.

[3] Касательно поведения братьев, службы в церквях и приема больных:

Кроме всего, постановляется, что их поведение в церквях должно быть приличным, и что их речь должна быть подобающей, все лица в духовном сане, диаконы и иподиаконы должны прислуживать священнику¹ в белом одеянии, и если это будет необходимо, то другое лицо в духовном сане должно оказать услугу, и должно быть светло каждый день в церкви, как днем, так и ночью, и священник² должен облачиться в белое одеяние при посещении больного, почтительно неся частицу Тела Господа нашего, а диакон или иподиакон, или, по меньшей мере, служка, должны следовать впереди, неся фонарь с горящей свечой и губку со святой водой.

[4] О том, как братья должны выходить в мир и вести себя там:

Кроме всего, когда братья должны идти в города и замки, не позволено им следовать по одному, но лишь по двое или по трое, и они не должны идти туда с теми, с кем им хотелось бы, но только с теми, с кем укажет их Магистр, и когда они придут туда, куда шли, они должны вести себя одинаково <и быть одинаково одетыми>. И да не будет ничего в их движениях [и одежде], что могло бы быть оскорбительным для любого взгляда, но только то, что доказывает их святость. Кроме того, когда они в церкви или в доме или в любом другом месте, где есть женщины, да уберегут скромность³ свою, и не позволят никаким женщинам мыть им голову или ноги, или стелить им постель Пусть Господь наш, живущий среди Святых, обережёт их в этом. [Аминь].

[5] О том, у кого и как следует искать милостыни:

Пусть служители церкви, как монахи, так и братья-миряне, ходят и собирают милостыню во имя святой бедности; когда они ищут себе

¹ Дословно: «пресвитеру».

² Дословно: «пресвитер».

³ Слово pudicitia может переводиться и как «скромность», и как «целомудрие».

ночлег, пусть идут в церковь или к какому-либо подходящему¹ человеку и просят у него для себя пропитания во имя милосердия, и да не позволено им покупать ничего иного. Но если они не могут найти никого, кто даст им необходимого, пусть при покупке пищи отмеривают лишь столько еды, сколько им нужно для пропитания.

[6] Касательно милостыни и полученного от домов:

Не позволено им ни приобретать земли на средства от собранной милостыни, ни отдавать её под залог, но должно им доставить её их Магистру с присовокуплением письменного отчета, и должно Магистру с присовокуплением письменного отчета доставить её бедным в Госпиталь; и пусть Магистр получает от всех Послушаний² третью часть хлеба, вина и всего продовольствия, а то, что будет сверх этой части, должно добавляться к милостыне, и да будет передана она бедным в Иерусалим с присовокуплением письменного отчета.

[7] О том, кто и каким образом выходит в мир для проповеди:

Не должно братьям из любого Послушания читать проповеди или собирать пожертвования, за исключением лишь тех, которых послал Капитул [церкви] или Магистр <церкви>. И пусть сами братья, направленные для сбора пожертвований, будут приняты в любом Послушании, куда они придут, и возьмут себе столько пропитания, сколько братья назначили себе, и не позволено требовать сверх этой меры. <Также позволено им нести с собой лампаду, и в любом доме, где они будут размещены, пусть зажигают эту лампаду пред собой>.

[8] Касательно одежды и продовольствия братьев:

Кроме всего, мы запрещаем братьям носить в любое время ярко раскрашенные ткани³ или меха животных или бумазеи. Также не дозволяется им есть более двух раз в день, а также вкушать мясную пищу по средам или субботам, или в период с Семидесятницы⁴ до Пасхи, кроме тех, кто болен или слаб⁵; и не дозволено им никогда ложиться обнаженными,

¹ Дословно: «достойному».

² Здесь, под Послушанием имеется в виду какое-либо подразделение или Дом Госпиталя. — *Прим. Ю. Яшнева.*

³ Поскольку в данном месте в латинском оригинале, видимо, какая-то ошибка писаря, оставлена интерпретация из английского перевода.

⁴ Семидесятница — у католиков *Septuagesima*, 70 дней до Пасхи, третье воскресенье до Великого Поста. — *Прим. Ю. Яшнева.*

⁵ Эта фраза неудачно составлена в том смысле, что перевод ее не однозначен по причине неправильной расстановки запятых: если по-разному группировать слова, смысл будет разным. Поскольку запятая стоит после слова *Sabati* и не стоит после слова *quarta*, то ее можно интерпретировать и как разбивку фразы на два независимых предложения, входящих в одно сложносочиненное предложение —

но только одетыми в рубашки из полотна или шерсти, или в другие подобные одеяния.

[9] Касательно братьев, виновных во внебрачной связи:

Но если любой из братьев, да не свершится сие, чрез греховную страсть вступит во внебрачную связь, и если он согрешит в тайне, то назначьте ему тайную епитимью, и пусть он сам на себе возложит соответствующую епитимью; в случае открытия греха и наличия совершенно точных доказательств, в городе, в котором был свершен грех, в воскресенье после Мессы, когда миряне оставят церковь, да будет он строго побит или выпорот его Магистром или другими братьями, под командованием Магистра, твердыми прутьями или кожаными плетями на виду у всех; и да будет он изгнан из нашего Братства¹, и позднее, если Господь наш просветит сердце того человека, и вернется он к Дому Бедных, и признает, что был виновным, грешником и нарушителем Божьего закона, и обещает исправиться, он должен быть принят, и в течение целого года нужно считать его странником², и братья должны следить за ним в течение этого времени, надлежащим ли образом он вёл себя³, и впоследствии да определяют они, как им поступать с ним.

[10] Касательно ссор братьев и нанесения побоев друг другу:

Также, если какой-то из братьев спорит с другим братом, и Прокуратор Дома услышит жалобу, епитимья должна быть следующей: да будет поститься в течение семи дней, по средам и пятницам на хлебе и воде, и он должен есть на полу без стола и без скатерти⁴. И если брат ударит другого брата, то будет поститься в течение сорока дней. И если в это время он уезжает от Дома, или из-под присмотра Магистра, под юрисдикцией которого он находится, по своей воле и без отпуска его Магистром, то, по возвращении, он должен есть в течение сорока дней на полу, и будет поститься по средам и пятницам⁵ на хлебе и воде; и столько же времени,

в этом случае смысл может отличаться от смысла текста в английском переводе, а именно возможно, что автор хотел распространить слово nisi на «среду и субботу» и сказать «если речь только не идет о средах и субботах».

¹ Дословный перевод с латинского: «да будет он жесточайшим образом выпорот прутьями или башмачным ремнем его Магистром или другими братьями, под командованием Магистра, на виду у всех; и да будет он изгнан из наших обществ».

² В латинском оригинале фраза звучит скорее как: «пусть он живет в помещении для странников».

³ Скорее это место нужно перевести так: «и пусть братья увидят, что он был наказан».

⁴ Дословно: «полотенца».

⁵ Дословно: «по четвертым и шестым дням»; видимо, первым днем считалось воскресенье.

сколько он отсутствовал, считаться ему странником¹, за исключением тех случаев, когда время отсутствия было настолько долгим, что Капитул решит изменить это наказание.

[11] Касательно молчанья братьев:

Также и за столом, поскольку так учил Апостол, должно каждому есть его хлеб в тишине, и да не позволено ему пить после Повечерия. Также должно братьям соблюдать тишину в их постелях.

[12] Касательно плохого поведения братьев:

И если любой брат не будет отличаться добрым поведением, то должно его Магистру или другим братьям дважды или трижды его предупредить² и поправить, и если, подстрекаемый дьяволом, он не будет исправляться и слушаться, то необходимо послать его пешком к нам с письменным описанием его проступка; при этом необходимо выдать ему небольшое пособие, достаточное для прибытия к нам, и мы исправим его; и ни один брат не должен бить сержантов в его подчинении за любую провинность или грех, который те могут совершить, но пусть Магистр Дома и братья свершат возмездие в присутствии всех; и да свершится полностью правосудие Дома.

[13] Касательно братьев, обнаруженных с собственностью:

И если любой из братьев сделал распоряжение о своей собственности по своей смерти, скрыв её от его Магистра, и будет это открыто о нём, то пусть те деньги будут привязаны вокруг его шеи, и да будет он проведён обнажённым по Госпиталю Иерусалимскому, или через другие здания, где он живет, и строго побит³ другим братом и да будет наложена епитимья на него в течение сорока дней, и да будет он поститься по средам и пятницам на хлебе и воде.

[14] О том, какие службы должны быть исполнены по покойному брату:

Кроме всего, мы приказываем и вносим эту статью устава, которая в высшей степени необходима нам всем; и мы распоряжаемся о том, чтобы для всех братьев, которые умирают в вашем Послушании, тридцать Месс были исполнены за упокой души каждого⁴; и на первую Мессу каждый

¹ Скорее это место нужно перевести так: «он должен проживать в помещении для странников столько же времени, сколько он отсутствовал».

² Дословно: *congeptus* можно перевести как «предупрежден» или «схвачен».

³ Дословно: «жесточайшим образом избивеван».

⁴ Дословно: вместо: «Кроме... для всех братьев, которые умирают в вашем Послушании, тридцать Месс были исполнены за упокой души каждого» в оригинале написано: «Поскольку это необходимо, мы велим внести эту статью во все ваши уставы и предписываем, что для всех братьев, чье тело вступит на единый путь к вечности, в любом послушании, в котором они скончаются, мессы за упокой души каждого должны исполняться на протяжении тридцати дней».

из присутствующих братьев, должен поставить одну свечу и дать один день¹. Эти деньги, сколько бы их ни было, должно раздать бедным <во имя Боже>; священник же² читающий Мессы, если он не относится к этому Дому, должен быть обеспечен пропитанием на те дни; и, по завершении служб, Магистр должен дать подаяние этому священнику³ и всю одежду покойного брата нужно раздать бедным; положено же братьям священникам, читающим Мессы, также молиться за упокой души усопшего брата Господу нашему Иисусу Христу, и да читают все священнослужители Псалтирь, и да прочтёт каждый из братьев-мирян 150 раз «Отче Наш». Да будут рассмотрены и отпущены все грехи усопшего и жалобы на него в Капитуле со справедливым суждением⁴.

[15] О неукоснительном исполнении сказанного здесь:

Всё сказанное, так, как оно описано выше, мы предписываем во имя Господа Всемогущего, Благословенной Марии, и благословенного Святого Иоанна, и бедных [и своей властью], поэтому всё надлежит исполнять неукоснительно.

[16] О том, как должны быть приняты и обслужены больные Господа нашего:

И в том Послушании, в котором Магистр и Капитул Госпиталя позволяют, когда больной прибудет туда, да будет принят он надлежащим образом; да будет дано ему Святое Причастие, по исповедании им грехов его священнику⁵, и впоследствии да будет отнесён он на ложе, как будто он сам Господь⁶; каждый день перед тем, как братья принимают пищу, да будет он подкреплён едой бесплатно и в соответствии с возможностями Дома⁷; также в каждое воскресенье⁸ да будут читаться Послания Апостолов и Евангелие в Доме том, и да будет Дом орошен святой водой. Также, если кто-то из братьев, <относящихся к Послушанию в других землях,>

¹ В латинском оригинале вид монеты не уточнен.

² Дословно: «пресвитер».

³ Дословно: «Магистр должен вызывать к себе любовь».

⁴ Дословно: Да будут рассмотрены все грехи дела усопшего и жалобы на него в Капитуле и да вынесет тот справедливое суждение.

⁵ Дословно вместо «да будет дано ему Святое Причастие, по исповедании им грехов его священнику» стоит: «пусть он исповедует свои грехи пресвитеру и причастится».

⁶ Дословно: «как будто он почти второй господь/господин».

⁷ Слов «бесплатно и в соответствии с возможностями Дома» в оригинале нет. Вместо этого там стоит слово *caritative*, которого в словарях нет, но оно, видимо, было произведено от слова *caritas* (уважение, почет, привязанность, скудость).

⁸ Дословно: «дни Господа», что, вернее всего, и означает «воскресенье».

[наполнившись мятежного духа,] придёт к любому мирянину и будет предлагать тому человеку деньги бедных <и союзничество> для того, чтобы выйти силой из послушания от Магистра, да будут те братья изгнаны из своего братства.

[17] О том, каким образом братья могут наставлять других братьев:

В том случае, если вместе будут двое или более братьев, и один из них встанет на путь зла, другие братья да не осудят его <перед людьми или> Приором, но сперва позволят ему наказать себя самостоятельно, и если он не захочет наказать себя сам, то да обратится он к двум или трём братьям, для того, чтобы они его наказали. И если он исправится этим путём, то пусть возрадуются они, но если не желает он встать на путь истинный, то да запишут они вину брата и отправят записанное [своему] Магистру приватно; и да воздадут Магистр и Капитул тому брату по вине его.

[18] О том, как один брат может обвинить другого брата:

Пусть ни один брат не обвинит другого брата, за исключением тех случаев, когда он может доказать это; и если он обвинит его и не способен доказать обвинение, то он не является истинным братом.

[19] О ношении братьями на груди знака креста:

Да будут все братья всех Послушаний, кто отныне и впредь посвятил себя служению Богу и Святому Госпиталю Иерусалимскому, носить на груди, на рясах и мантиях знак креста, во имя Бога и Святого Креста, с тем, чтобы Бог со всеми нашими христианскими заступниками при помощи этой хоругви чрез веру, тягости¹ и повиновение, мог спасти и сохранить наши души и тела от власти дьявола и в этом мире, и в последующем.

Аминь».

[Ни одному человеку не дозволено лишать силы письменные пометки, обоснование и изменения, содержащиеся в нашей настоящей рукописи, или необдуманно иметь дерзость противоречить им. Если кто-нибудь совершит подобную попытку, то он навлечет на себя негодование всемогущего Бога и Святых Апостолов Петра и Павла. Латеранская дата 7 иды апреля² шестой год нашего понтификата.]³

¹ Дословно слово *operatio* переводится также как «деятельная любовь, милосердие».

² Т. е. 6 апреля.

³ В угловые скобки М. Фанченко поместила текст, присутствующий в английском варианте «Устава», но отсутствующий в латинском, в квадратных скобках — переведенные с латыни слова и фразы, отсутствующие в английском варианте.

Судя по этому документу, видно, что правила общежития, существовавшие в ордене госпитальеров, были непростыми. Братья находились под строгим контролем не только главы ордена, но и старших членов братства. Строго следили за исполнением данных ими обетов. В Уставе немалую роль отводили нравственности членов ордена.

При Раймонде де Пюи орден госпитальеров был разделен на три класса: рыцарей, которые должны были иметь благородное происхождение и выполнять как воинские обязанности, так и обязанности сиделок, капелланов — контролировавших религиозную жизнь его членов, и оруженосцев — на которых возлагалась обязанность обслуживать представителей первых двух классов. В то же время нередки были случаи включения в члены ордена сестер-послушниц. Все члены братства госпитальеров должны были добросовестно и верно служить своим религиозным и духовным идеалам.

Глава 5

Орден госпитальеров и другие духовно-рыцарские ордены в Палестине

Среди различных духовно-рыцарских орденов, возникших в Палестине после его завоевания крестоносцами, особо выделяются два: госпитальеров и храмовников (тамплиеров). История их взаимоотношений постоянно находилась в центре внимания многочисленных исследователей, что породило поистине необозримую литературу. Мы уже указывали на библиографические справочники, посвященные госпитальерам, хотелось бы обратить внимание и на работы о рыцарях Храма¹. Современный российский исследователь Ю. В. Яшнев, считает его первым из возникших на Святой Земле духовно-рыцарских орденов². Если исходить из даты утверждения его устава, и его самого как **ордена**, в 1128 на соборе в Труа, это мнение вполне справедливо. Но, повторим, братство госпитальеров фактически появилось раньше, чем в Палестине появились основатели ордена Храма.

Нам необходимо в двух словах сказать о рыцарях Храма, поскольку более века эти два ордена существовали рука об руку, а в какое-то время они даже конкурировали за наибольшее влияние на Святой Земле. Кроме того, их многое объединяло, поскольку эти два ордена были калькой

¹ См. обширные библиографии: *Dessubre M. Bibliographie de l'Ordre des Templiers.* Paris, 1928 [второе издание 1966]; *Neu H. Bibliographie des Templer-Ordens (1927–1965).* Вопн, 1965; *Мельвиль Марион.* История ордена тамплиеров / Пер. с франц. Г. Ф. Цыбулько под ред. В. В. Шишкина. СПб.: Евразия, 2003; *Барбер Малколм.* Процесс тамплиеров / Пер. с англ. И. А. Тогоевой. М.: «Энигма, Алетейя», 1998. С. 465–478.

² *Яшнев Ю. В.* Духовно-рыцарские ордены (Очерк истории явления. XII–XIII вв.) // Сборник Русского исторического общества. Т. 9 (157). Мальтийский орден и Россия / Под ред. В. А. Захарова. М.: «Русская панорама», 2003. С. 33–41.

один с другого. У них была общая обрядовая сторона, оба занимались социальным служением, и оба ордена были крупными землевладельцами и банкирами.

Не рассказывая подробно об истории возникновения ордена храмовников, остановимся лишь на главных этапах его становления. Мы вынуждены повторить, что в 1119 г. Бургундский рыцарь Гуго де Пайен и восемь его соратников взяли на себя обязательство охранять храм Гроба Господня и нести монашеское послушание при нем. Они официально принесли орденские обеты перед Иерусалимским Патриархом. Кроме обычных монашеских обетов, они принесли еще один, придавший их сообществу совершенно новый и по тем временам уникальный характер — обет обеспечивать безопасность на дорогах и защищать пилигримов по пути от побережья до Иерусалима и обратно. Король Балдуин I предоставил в распоряжении этих «Христовых рыцарей» часть королевского дворца, прилегающую к бывшей мечети Аль-Акса, по ошибке называвшейся крестоносцами «Храмом Соломоновым».

Вторично устав тамплиеров был утвержден буллой папы Иннокентия II в 1139 г. При этом внутренний распорядок орденской жизни был усовершенствован, а сам орден получил многочисленные привилегии. Важнейшим нововведением было перенесение основного упора с защиты рыцарями Храма пилигримов на новую задачу — вооруженную борьбу за веру. По новому уставу, эта вооруженная борьба и являлась главной целью ордена храмовников, для достижения которой он и был основан. Уникальность этой задачи, верность которой каждый рыцарь, вступавший в орден, подтверждал специальной клятвой, явствует из текста тамплиерской присяги:

Я (имярек), рыцарь ордена Храма, обетую Господу моему Иисусу Христу и его викарию (имярек), суверенному папе и его преемникам, хранить им неукоснительное послушание и верность; и я клянусь не только словом, но и оружием и всеми моими силами защищать символы веры, семь таинств... Я также обетую подчиняться Генеральному магистру ордена и быть ему во всем послушным согласно Уставу, предписанному нам отцом нашим, Святым Бернардом; клянусь во всех случаях, когда это будет необходимо, переплывать моря, отправляясь на битву; оказывать помощь (в войне) против неверных царей и князей; клянусь никогда не бежать от врагов, но, напротив, в случае, если это будут неверные, сходитьсь с ними лицом к лицу...¹

¹ *Gerhartz J. G. Insuper promitto. Die feierlichen Sondergelübde katholischer Orden // Analecta Gregoriana, 1966.*

По мере нарастания крестоносного энтузиазма западного рыцарства в борьбе за Святую Землю росла и численность воинства ордена Храма. Этому способствовал и известный трактат святого Бернарда «Похвала новому рыцарству» (*De laude novae militiae*). В нем Бернард восторженно восхваляет стремительный расцвет нового Ордена, возникновение которого он сравнивает с чудом, происшедшим произволением Божиим. Осуждая нечестивую жизнь мирского рыцарства, он славит богоугодную жизнь этих рыцарей-монахов, выполняющих свои уставные задачи в духе братской любви, смиренного послушания и добровольной бедности. С учетом огромного авторитета, которым цистерцианский аббат пользовался повсюду в Европе, этот трактат побуждал многих вступать не только в орден тамплиеров, но и в орден госпитальеров и вообще в ряды крестоносцев.

Вот как писал св. Бернар:

Новое рыцарство возникло на Земле Воплощения. Оно ново, говорю я, и еще не подвергнуто испытанию в мире, где ведет двоякую битву — то против врагов плоти и крови, то против духа зла на небесах. И то, что рыцари сии сопротивляются силою своих тел врагам телесным, я полагаю неудивительным, ибо не считаю это редкостью. Но когда они ведут войну духовными силами против пороков и демонов, я назову сие не только чудесным, но достойным всяческих похвал, расточаемых монахам. <...> Рыцарь, который защищает свою душу доспехами веры, подобно тому, как облакает свое тело в кольчугу, и впрямь есть <рыцарь> без стара и упрека. Вдвойне вооруженный, он не боится ни демонов, ни людей. Конечно, тот, кто желает умереть, не боится смерти. И как бы побоялся умереть или жить тот, для кого жизнь есть Христос, а смерть — вознаграждение? Вперед же, рыцари, и разите с неустрашимой душой врагов Христа, с уверенностью, что ничто не может лишить вас милости Божией. <...>

Вы рядите своих лошадей в шелка и окутываете свои кольчуги каким-то тряпьем. Вы разрисовываете свои копья, щиты и седла, инкрустируете свои удила и стремяна золотом, серебром и драгоценными камнями. Вы пышно наряжаетесь для смерти и мчитесь к своей гибели бесстыдно и с дерзкой заносчивостью. Эти лохмотья — доспехи ли это рыцаря или женские наряды? Или вы думаете, что оружие ваших врагов остановится перед золотом, пощадит драгоценные камни, не разорвет шелк? К тому же, нам часто доказывали, что в битве необходимы три условия: чтобы рыцарь был проворным в самозащите, быстрым в седле, стремительным в атаке. Но вы, напротив, причесьваете, как женщины, что мешает видеть; вы опутываете свои ноги длинными и широкими рубахами и прячете свои изящные и нежные руки в просторные и расширяющиеся рукава. И, вырядившись, таким образом, вы сражаетесь за самые пустые вещи, такие, как безрасудный гнев, жажда славы или вожделение к мирским благам <...>

Но не таковы тамплиеры:

Они выступают и являются по знаку своего командира; они носят одеяние, выдаваемое им, не стремясь ни к другим одеждам, ни к иной пище. Они остерегаются любого излишества в еде или одеждах, желая только необходимого. Они живут все вместе, без женщин и детей. И чтобы всего было достаточно в их ангельском совершенстве, все они живут под одним кровом, не имея ничего, что было бы их собственным, объединенные в почитании Бога свои уставом.

Среди них не найдут ни ленивых, ни праздных; когда они не на службе (что случается лишь изредка) или не заняты вкушением хлеба своего, воздавая благодарение Небесам, они занимаются починкой своих одежд или оружия, разорванных или искромсанных; или же они делают то, на что указывают им нужды Дома. Ни один из них не является нищестоящим; они почитают наилучшего, а не самого знатного; между собой ведут себя учтиво и следуют заповеди Христа, помогая друг другу.

Дерзкие речи, ненужные поступки, неумеренный смех, жалобы и ропот, если они замечены, не остаются безнаказанными. Они ненавидят шахматы и кости; им отвратительна охота; они не находя обычного удовольствия в смешной погоне за птицами. Они избегают мимов, фокусников и жонглеров и питают отвращение к ним, к песням легкомысленным и глупым. Они стригут волосы коротко, зная, что согласно Апостолу, мужчине не пристало ухаживать за своими волосами. Их никогда не видят причесанными, редко — умытыми, обычно — с всклокоченной бородой, пропахшими пылью, изможденными тяжестью доспехов и жарой»¹.

Как раз в период написания трактата численность обоих крупнейших духовно-рыцарских Орденов значительно возросла. Подобно цистерцианцам, монахам Ордена Бернарда из Клерво, тамплиеры носили белые рясы и плащи. Позднее, при папе Евгении III (1145–1153 гг.), тамплиерам был в качестве знака отличия присвоен красный крест. В то время красный крест считался символом Христова воинства. В то же время, в Уставе тамплиеров, в отличие от уставов иоаннитов и Тевтонского (Немецкого) ордена, отсутствовало всякое упоминание о благотворительности. Тамплиеры изначально являлись чисто военным сообществом.

Описание дальнейшего развития ордена тамплиеров выходит за рамки данного исследования. Ограничимся лишь указанием на то, что тамплиерами в бесчисленных боях и сражениях было проявлено незаурядное мужество. Они участвовали в вооруженной борьбе с врагами христианства

¹ Цит.: *Яшнев Ю. В.* Духовно-рыцарские ордены (Очерк истории явления. XII–XIII вв.)... С. 38–39, прим. 8.

не только в Азии, но и в Европе. Так, тамплиеры способствовали изгнанию мавров из Испании и Португалии. В Силезии тамплиеры приняли участие в отражении монголов при Лигнице в 1241 г., при чем пало около 50 их рыцарей. Когда египетский султан Бейбарс, захватив в 1266 г. орденский замок Сафед, предложил пленным тамплиерам жизнь в обмен на переход в ислам, 150 храмовников предпочли смерть вероотступничеству. Впечатляет и тот факт, что из 22 Великих магистров ордена Храма 5 погибли в бою и еще 5 умерли от ран, полученных в бою. Благодаря постоянному пополнению своих рядов новыми добровольцами из Европы, многочисленным привилегиям и дарениям, тамплиеры, наряду с госпитальерами, стали одной из двух господствующих сил в крестоносных государствах.

Благодаря своим богатству, могуществу и независимости от местных магнатов орден Храма превратился в «государство в государстве», и его проводимая в собственных интересах политика, особенно в последние десятилетия существования крестоносных государств, нередко шла во вред последним.

Позднее орден и его члены были несправедливо обвинены в ереси, кощунстве и разврате. Процесс тамплиеров, инсценированный в начале XIV в. вследствие интриг короля французского Филиппа IV и папы Климента V и приведший к уничтожению ордена Храма, был подробно изучен современными исследователями, так что в результате от возведенных на храмовников необоснованных обвинений не осталось и следа¹. Вырванные у арестованных тамплиеров с помощью пыток признания не имеют никакой силы и ценности. Последний Великий Магистр тамплиеров, Иаков де Молэ, публично сожженный на костре в Париже в 1314 г., даже перед лицом смерти неустанно клялся в невинности ордена.

В соответствии с папской буллой «Ad providam» 1312 г. владения упраздненного ордена тамплиеров должны были перейти к госпитальерам. Многие светские князья, движимые корыстью, игнорировали волю папы или исполнили ее не в полном объеме. В Германии орден тамплиеров владел 50 командорствами, большинство из которых, в соответствии с папским указом, достались госпитальерам. Они приняли к себе и часть относившихся к ним рыцарей.

Кроме госпитальеров и тамплиеров, немаловажное значение в исследуемый нами период имел Немецкий рыцарский орден. Его история в российской литературе мало изучена, в то время как западноевропейскими исследователями ему уделено значительное количество работ.

¹ См. например: *Барбер Малколм*. Процесс тамплиеров / Пер. с англ. И. А. Тоговой. М.: «Энигма, Алетейа», 1998;

На русском языке известны обобщающая переводная книга Эриха Машке¹ и исследование Хартмута Бокмана².

В истории возникновения Немецкого ордена можно усмотреть немало параллелей с историей возникновения ордена госпитальеров. Еще в правление короля Балдуина I проживавший в Святом городе немец основал странноприимный дом для немецких паломников, вскоре достигший, благодаря многочисленным пожертвованиям, значительного благосостояния. Однако этот Немецкий дом не был самостоятельным, а считался филиалом иоаннитского госпиталя, отличаясь от него лишь тем, что в нем трудились только служащие братья из Германии. Их попытка добиться независимости не была одобрена папой Целестином II (1143–1144 гг.). Специальным указом, признавшим справедливым осуществление Магистром странноприимного дома госпитальеров верховного руководства Немецким Домом, папа даровал госпитальерам право назначать приоров немецких странноприимцев³.

Конец существованию Немецкого странноприимного дома в Иерусалиме положила катастрофа 1187 года. Епископ Акрский Иаков де Витри (1216–1224) в своей «Иерусалимской истории» (*Historia Hierosolymitana*) писал о возникновении Немецкого ордена:

«Когда Святой Город начал вновь заселяться после его освобождения христианами, многие немцы и аллеманы стали, в качестве паломников, прибывать в Иерусалим, но не могли объясняться с жителями города на своем языке. И тогда Божественное милосердие побудило одного почтенного, благочестивого немца, проживавшего в этом городе со своей супругой, на собственные средства основать госпиталь для размещения в нем бедных и больных немцев. И когда туда, привлеченные звуками родного языка, стали стекаться его многочисленные бедные и больные единоплеменники, он, по воле и с согласия Патриарха, наряду с вышеупомянутым госпиталем, основал и ораториум (молитвенный дом) в честь Пресвятой Богородицы Марии. Долгое время нес он бремя тягот содержания бедных больных, частью на собственные средства, частью за счет добродетельных даяний благочестивых верующих. Иные, в особенности из числа немецкого народа, отрекшись от мира и всего, что в мире, привле-

¹ Das Deutsch-Ordens-Haus zu Wien / Von den Anfängen des Ordens im Jahre 1190 bis heute. Wien, 1986; *Машке Эрих*. Немецкий орден / Пер. с нем. В. Соловьевой. СПб.: Евразия, 2003.

² *Бокман Х.* Немецкий орден: Двенадцать глав из его истории. М.: научно-издат. центр «Ладомир», 2004.

³ *Delaville Le Roulx J., Cartulaire I.*, №. 154. S. 123. *Arnold U.* Entstehung und Frühzeit des Deutschen Ordens // Die geistlichen Ritterorden Europas. Magdeburg, 1980. S. 81–107.

ченные любовью и рвением сего мужа, отдали все свое имущество и самих себя вышеупомянутому госпиталю, сняли мирское платье и всецело посвятили себя служению больным.

Когда же, с течением времени, наряду с благочестивыми мужами низкого звания, обет служения в вышеупомянутом госпитале начали приносить и мужи рыцарского и благородного звания, они сочли приятным в очах Господа, достойным и еще более заслуженным делом не только служить убогим и больным, но и каждодневно жертвовать своей жизнью во имя Христа и, защищая Святую Землю, вести за Христа не только духовную, но и телесную брань. И потому они, не отказываясь от вышеупомянутого, угодного в очах Господа ухода за больными, приняли правила и законы Храма, но, в отличие от храмовников, прикрепили к своим белым плащам черные кресты. И, поскольку они по сей день пребывают в бедности и благочестивом рвении, то да удержит их милосердный Господь в дали от раздувающего гордыню, вызывающего ссоры, умножающего заботы и убивающего рвение богатства»¹.

Папа Григорий III (1191–1198 гг.) в 1196 г. даровал новому сообществу обычные привилегии, предоставляемые орденам. Превращение братства в рыцарский орден произошло весной 1198 г. на собрании в акконском доме тамплиеров. 11 епископов и 9 светских германских имперских князей, пребывавших в Акре в связи с крестовым походом Императора Генриха VI, встретились там с Великими магистрами тамплиеров и госпитальеров. Согласно их решению, Немецкий орден должен был отныне руководствоваться, в отношении клириков, рыцарей и прочих братьев Правилами тамплиеров, а в отношении ухода за бедными и больными — Правилами госпитальеров. Магистром был назначен брат-рыцарь Немецкого ордена, Генрих Вальпото.

Четвертый по счету магистр Немецкого ордена, Герман фон Зальца, сыграл решающую роль в его развитии. Он был доверенным советником Императора Фридриха II, осыпавшего его самого и находившийся под его руководством орден многими и щедрыми милостями. Герман фон Зальца был одержим мыслью неустанно расширять владения ордена. Получив в Акре, ставшей столицей Иерусалимского королевства, в дар башню близ ворот Иакова, Герман фон Зальца превратил его в центральную резиденцию Немецкого ордена. Позднее он построил на месте, купленном в 1219 г. для Немецкого ордена герцогом Австрийским Леопольдом VI, орденский дом, госпиталь и храм.

¹ Цит.: *Wienand Adam. Die Johanniter und die Kreuzzüge // Der Johanniterorden der Malteserorden... S. 49.*

Правда, папа Григорий IX (1227–1241 гг.), вступив в конфликт с Императором Фридрихом II, в 1229 году повелел патриарху Иерусалимскому, в соответствии с указом папы Целестина II, восстановить контроль госпитальеров над Немецким орденом, но ни это, ни повторное повеление того же папы в 1241 г. ни к чему не привело. Жребий был брошен. Немецкий орден оправдал себя в качестве самостоятельной организации. Не избежал он также трений с тамплиерами, которые оспаривали право немецких орденских рыцарей носить белые плащи. Лишь после вмешательства римских пап Гонория III (1216–1227 гг.) в 1220 г. и Григория IX в 1230 г. тамплиеры смирились и прекратили вступать в конфликты с немецкими рыцарями. Папы обосновали свое решение тем, что различие эмблем на плащах не позволяет путать ордены друг с другом.

Как и в случае с духовно-рыцарскими орденами Испании, членство в Немецком ордене ограничивалось пределами одной нации, но со временем он сумел вовлечь в свою орбиту множество стран и народов и осуществлять во многих странах миссию распространения германской культуры.

Глава 6

Госпитальеры в Святой Земле

Но вернемся к ордену госпитальеров. Нам необходимо посмотреть на ту политическую ситуацию, которая складывалась в Иерусалимском королевстве. Все время его существования было весьма беспокойным. Всем Иерусалимским королям приходилось вести постоянную войну на нескольких фронтах в Сирии и Палестине. Лишь иногда выдавался счастливый год, позволявший сделать небольшую передышку. Мусульмане не раз вступали в коалицию, укрепляя свои военные силы, и нередко наносили ощутимые удары по армии франков. Время от времени они неожиданно появлялись под стенами то одного, то другого города.

Самая большая опасность грозила Иерусалиму со стороны Каирского халифата. Правившая там династия Фатимидов считала Сирию частью своей территории, почему военные действия продолжались почти регулярно. Они имели в своем распоряжении некоторые порты и хорошо укрепленный город Аскалон, откуда они делали постоянные вылазки. Не меньше досаждал франкам порт Тир. Египетские эскадры, базировавшиеся в нем, как сообщал Альберт Ахенский, «очень часто совершали пиратские налеты на наших христианских паломников». Он даже приводит цифру — 300 кораблей и 140 000 паломников были захвачены только в 1102 г.¹ В 1118 г. король Балдуин II оказался даже в плену на некоторое время. Для его вырочки стали собирать новое войско. Патриарх Гормон де Пикиньи и управлявший королевством коннетабль Гильом де Бюр, после победы над Фатимидами при Ибелене, решили захватить Тир, защищаемый коалицией египтян и дамаскинцев. В этих военных сражениях Иерусалимских королей орден госпитальеров принимал самое активное участие. Магистр Раймонд де Пюи был первым, который пошел со своими рыцарями на помощь.

¹ Ришар Ж. Латино-Иерусалимское королевство... С. 52–53.

Создав устойчивую экономическую структуру, позволившую действительно работать для увеличения богатства Ордена, де Пюи вооружил большую группу своих рыцарей и, получив благословение патриарха Иерусалимского, встал во главе отряда, спешившего на выручку короля.

Город-порт Тир занимал удобное положение и был труднодоступен. Но помощь пришла неожиданно. Прибывшие венецианцы установили блокаду с моря, а с 15 февраля иерусалимские бароны и граф Триполи стали осаждать его на суше. 7 июля 1124 г. атабек (правитель) Дамаска, находившийся в Тире, заключил договор о капитуляции, по которому жителям с их имуществом разрешалось уйти на мусульманскую территорию. Граф Триполи согласился на эти условия, хотя ими оказались недовольны рядовые крестоносцы, мечтавшие о разграблении покоренных. Тем не менее, Тир был оставлен. С этого времени на побережье не осталось ни одного мусульманского владения.

О храбрости госпитальеров во время этой осады стало известно даже в Риме и в 1131 г. папа Иннокентий II, через год после своего избрания, обращается к христианскому миру с особым посланием. В нем папа особо упоминает заслуги ордена госпитальеров в деле ухода за больными и убогими. Одновременно папа обращает внимание верующих на тот факт, что орденские братья жертвуют ради паломников своей жизнью, обороняя последних от нападений неверных как на пути к христианским святыням, так и на обратном пути:

Иннокентий епископ шлет своим достопочтенным братьям, архиепископам, епископам и проч. привет и апостольское благословение. Сколь угоден в очах Господа и досточтим Иерусалимский странноприимный дом, сколь приятное и ценное прибежище он предоставляет убогим паломникам, в достаточной мере познали все, кто, движимые внутренним благочестием, невзирая на опасности, угрожающие им на море и на суше, посещают святой град Иерусалим и Гроб Господень.

Ибо там¹ убогим и страждущим помогают вновь восстанавливать свои силы, больным оказываются тысячи видов служения в духе любви к ближнему; дабы те, здоровью которых был причинен вред многоразличными трудами и опасностями, вновь обретали всю свою былую силу, потребную им для того, чтобы быть в состоянии посещать места, освященные земным пребыванием в них Господа нашего Иисуса Христа, братья оного дома, всегда готовые ценой собственной жизни защитить своих братьев², при помощи своих отобранных специально с этой целью, и содержащихся на их собственный счет оруженосцев и коней, и оградить паломников

¹ В Иерусалимском странноприимном доме.

² Т. е. паломников.

от нападений неверных, как на пути к святым местам, так и на обратном пути.

Это мужи, при посредстве которых сам Бог очищает восточную Церковь от грязи неверных и борется с врагами Христианского имени. Но, поскольку их собственных средств не достаточно для совершения столь благочестивого и богоугодного дела, мы настоящей буллой взываем к вашему милосердию, дабы вы уделили малую часть от вашего избытка на покрытие нужд оных мужей и со всей убедительностью призвали порученные вам очаги вступать в братство тех, мужей, собирать доброхотные даяния в пользу паломников и убогих, благодаря чему вы одновременно получите и отпущение грехов. При этом знайте, что мы взяли весь этот странноприимный дом со всем, что к нему относится, под защиту Святого Петра и под нашу защиту и в знак подтверждения выдали ему от нашего имени соответствующую грамоту. Итак, всякий, кто поддержит этих братьев, уделив им часть от своего, дарованного ему Богом имущества, или вступит в их братство в качестве сотоварища, а также будет ежегодно выплачивать им определенную сумму, получит от нас, владеющих сокровищем благодати Апостолов Петра и Павла, отпущение грехов сроком в одну неделю. Кроме того, мы, в силу полноты нашей апостольской власти, из уважения к сему досточтимому дому, постановляем, что все, кто вступил в его братство, в случае, если они умерли, а церкви, прихожанами коих они являются, находятся под интердиктом¹, тем не менее, получали церковное погребение, за исключением случая, если означенные лица были персонально анафематствованы и отлучены от Церкви.

К тому же сотоварищам братства, хоронить которых на кладбищах у их церквей не дозволяют местные прелаты, не считая случаев их персонального отлучения от Церкви, дозволяется получать в означенных местах полное церковное погребение с отправлением всех положенных треб, как и всем иным там погребенным покойникам. При этом объявляем тех, кто принимают в братство новых членов и собирают доброхотные даяния, находящимися под особой защитой Святого Петра и под нашей особой защитой, невзирая на права их начальников. В случае прибытия братьев, коим поручен сбор сиих доброхотных даяний, прибывают в какой-либо град, замок или поселок, находящийся под интердиктом, в их честь и в знак радости по поводу их прибытия дозволяется раз в году открывать церкви и совершать богослужение, на которое, однако, не должны допускаться лица, отлученные от церкви. С целью увеличения их заслуг повелеваем вам сообщить это наше постановление вашей пастве особыми посланиями; мы также постановляем, в случае, если иные из ваших клириков, с дозволения своих духовных предстоятелей, изъявят желание добровольно и безвозмездно год или два

¹ Папский запрет на богослужение и отправление церковных треб.

послужить вышеупомянутым братьям названного странноприимного дома, не чинить им в этом препятствий, отнюдь не лишая их при этом бенефиций и иных доходов.

Дано в Шалоне 20 февраля, восьмого индикта, в первом году понтификата папы Иннокентия Второго¹.

Эта вторая папская булла еще больше возвеличила орден госпитальеров в глазах других орденов и сделала его более привлекательным среди европейского дворянства, особенно молодежи, мечтавшей о подвигах. Кроме того, снятие папских запретов с лиц, вступивших в члены ордена, было для христиан того времени неописуемой радостью. Ведь под папскими интердиктами в те времена находились целые города, не говоря уже о сотнях тысяч лиц, в них проживавших. Решение папы оказало большую материальную поддержку госпитальерам, на орден посыпались новые дарения и пожертвования, многие из которых поступали по завещаниям, после смерти сеньоров.

Короли Болдуин I и Болдуин II вели постоянную политику захвата прибрежных городов, все больше и больше приближаясь к территории Египта. С начала своего появления графы Яффские одновременно имели и титул графов Аскалонских, а находящиеся в их владении территории они жаловали христианским общинам и орденам. В 1126 г. Гуго II де Пюизе пообещал госпитальерам третью часть лучших своих деревень из аскалонского округа. Но последний египетский город упорно не сдается.

В это время новым королем Иерусалима стал граф Анжуйский Фульк V (1131–1142), его король Франции предложил посланцам умершего Балдуина II. Постоянные наступления мусульман заставили Фулька V вести непрерывные военные действия. Во время одного из наступлений мусульман на земли королевства, рыцари ордена госпитальеров оказали упорное сопротивление. Они продержали оборону города Вирсавия, чем не допустили вторжение войск в большую часть Палестины. За это король Фульк V все доходы с города передал во владение ордена.

Госпитальеры начинают получать поместья, десятины с отдельных населенных мест. В 1136 г. им передали замок Гибелин, скорее всего потому, как считает Ж. Ришар, что «эта местность уже давно принадлежала ордену и была оставлена ему во владение после постройки там крепости»².

В эти же годы один из крупных феодалов, Альфонс I, будучи бездетным, составил завещание, по которому все свои владения, разделил между

¹ Документы по истории рыцарского Ордена госпитальеров Святого Иоанна Иерусалимского / Публ., пер. и коммент. В. В. Акунова. // Сборник РИО. Т. 9 (157). М.: Русская панорама, 2003. С. 47.

² Ришар Ж. Латино-Иерусалимское королевство... С. 133.

тремя орденами: Святого Гроба, Храмовниками и госпитальерами. Владения были столь большими, что руководители двух орденов и патриарх, который являлся фактическим руководителем ордена св. Гроба, решили послать депутатов в Испанию, для утверждения этого завещания. Главой делегации был избран Раймонд де Пюи. Прибыв в Испанию, Магистр госпитальеров благополучно устроил все дела по завещанию Альфонса I, но одновременно ему удалось провести большую агитацию в пользу орденов в Иерусалиме. Так, он уговорил графа Барселонского также составить завещание, в котором оговаривалось, что если он не оставит наследников, то его владения переходят трем иерусалимским Орденам. В 1141 г. де Пюи подписал договор о том, чтобы в каждом городе, отвоеванном в Испании у мавров, было назначено по два кавалера ордена госпитальеров, которые будут наблюдать под руководством Приора за поведением мавров и «чтобы короли Арагонские никогда не заключали без согласия патриарха и обоих орденов мир с неверными»¹.

Этот договор был в последствии одобрен папой Анастасием IV и королем Иерусалима Фульком V. Когда Раймонд де Пюи вернулся с такими документами в Палестину, он был встречен как человек, одержавший огромную победу. Именно с этого года его, а впоследствии и всех его наследников — руководителей ордена, стали называть Великими Магистрами².

В 1142 г. Раймонд де Пюи участвовал со своими рыцарями во взятии Аскалона, в результате чего Фульк V подарил госпитальерам несколько крепостей, бывших смежными с городом.

21 октября 1154 г. папа Анастасий IV своей буллой «*Christianae fidei Religio*» («Религия Христианской Веры»), наряду с многочисленными привилегиями, дозволил ордену госпитальеров принимать в свои ряды священников, и одновременно запретив его членам после принесения професса (трех главных обетов — целомудрия, нестяжания и послушания) возвращаться в мир или переходить в другие ордены.

Это вызвало неудовольствие иерусалимского патриарха, духовенства, которые не скрывали своего желания оказывать давление на орден госпитальеров и на их сокровища. Иерусалимский патриарх требовал не только получения десятины, но и подчинения орденов себе. Начались раздоры, ни тамплиеры, ни госпитальеры не желали уступать. Дело дошло до открытой конфронтации, особенно со стороны госпитальеров, которые стали открыто наносить патриарху разного рода оскорбления и обиды.

¹ Черенков И. История державного ордена св. Иоанна Иерусалимского. Ч. I. Воронеж, 1803. С. 18.

² Сообщая этот факт, И. Черенков делает ссылку на работы английских историков Бромптона и Рогера де Говедена.

У нас имеется возможность проследить отношение госпитальеров к иерусалимскому патриарху. Патриарх, как и епископы всех диоцез, где имелись владения ордена, требовал от госпитальеров, как и тамплиеров, уплаты церковной десятины. Правда, папа Пасхалий II, принимая госпитальеров под свое покровительство, даровал ордену право сохранять десятину за собой. При этом папа оговорил в своей булле право госпитальеров использовать ее «для нужд вашего странноприимного дома, без каких-либо возражений со стороны епископов или епископских служителей». Но через сорок пять лет папа Александр III (1159–1181), проводивший политику строгого контроля над имуществом духовенства и монастырей и поступлением от них доходов в папскую казну, уже строго приказал госпитальерам, чтобы они в обязательном порядке платили десятину со всех имений, находящихся в иерусалимском патриархате, в Рим.

Существовали редкие случаи, когда госпитальеры освобождались в некоторых епархиях от уплаты церковной десятины. Так, например, Бернард, епископ назаретский, «госпиталю бедных братьев, что в Иерусалиме, подарил и в вечное владение уступил десятину от домов, от жителей и от всего, что означенный госпиталь имеет в епископии»¹. А в 1135 году он уступил десятину госпитальерам, которую они должны были платить в его епархии (диоцезе).

В 1141 году госпитальеры заключили в присутствии иерусалимского патриарха Вильгельма специальный договор о выплате половины десятины с домов Эммауса с канониками храма Гроба Господня. «Братья госпитальеры, верно, без всякой хитрости должны отдать каноникам Гроба Господня половину десятины всех годовых припасов, как-то: пшеницы, масла, бобов, гороху, чечевицы и всех других овощей, вина и слив... Все же церковные приношения, доходы от свадеб и похорон они удерживают за собою, для содержания капелланов и церквей. С других домов и земли, находящихся в этих городах, госпитальеры мирно платят каноникам половину десятины... Если госпитальеры отдадут в аренду какой-либо дом или землю христианам или сарацинам, то означенные канонники одинаково имеют половину десятины»².

Однако госпитальеры не довольствовались частными уступками, стали игнорировать общепринятое правило и вскоре совершенно отказались платить десятину патриарху и епископам.

Регулярное покровительство, которое оказывали госпитальерам один папа за другим, и многие главы европейских государств, дали возможность

¹ Черенков И. История державного ордена...

² Цит.: Попов А. П. Латинская иерусалимская патриархия... С. 70.

ордену довольно быстро скопить огромные богатства и сделаться независимым. Их непризнание над собой какой-либо власти на местах вскоре переросло в открытый протест и даже вражду рыцарей с представителями духовной власти. Учитывая тогдашний менталитет, госпитальеры часто шли на недопустимые, с точки зрения верующих того времени, поступки. Так, например, госпитальеры допускали к причастию лиц без всякого разбора, отпевали и хоронили отлученных епископами и находящихся под запрещением. При назначении новых священников не ставили в известность об этом епископов тех мест, куда они прибывали, так же, как и не сообщали о других перемещениях священнослужителей в принадлежащих им храмах.

Одной из практик духовного наказания того времени было закрытие епископом всех городских церквей в каком-нибудь населенном пункте, за нераскаянный грех его жителей. Тогда госпитальеры начинали звонить в колокол и призывать горожан в свои храмы. Таким образом, они получали доходы, которые должны были идти в другие церкви, и этим вызывали к себе ненависть со стороны князей церкви.

Эта неприязнь, вылившаяся в открытую вражду с представителями духовенства иерусалимской патриархии и патриархом Фульхерием, особенно проявилась при Раймонде де Пюи.

Наглядным подтверждением этому является окружное послание магистра госпитальеров. В нем Раймонд де Пюи, во исполнение послушания, приказывает братии ордена госпитальеров сделать сбор милостыни в тех владениях, которые прежде принадлежали Гробу Господню, и передать ее назначенным от него людям. А. П. Попов отметил, что это послание Раймонда де Пюи, по форме и по выражению весьма скромное, в то же время содержит злую иронию в отношении патриарха Фульхерия и приора Гроба Господня Амальрика. Этот вывод автор сделал после сопоставления послания де Пюи с циркулярами иерусалимского патриарха и приора, которые, если опустить собственные имена, могут показаться копиями одного и того же документа. Попов так же обратил внимание на тот факт в текстах анализируемых документов, что «с первых же слов, патриарх и магистр ордена заявляют, что они каждый от себя со своим монастырем рассылают циркулярные письма, и ни слова нет относительно обоюдного согласия на это».

С одной стороны можно было думать, что эта похожесть — плод существовавшего правила составления подобных документов, но внимательный анализ позволил сделать вывод о том, что один документ оказался попросту списанным с другого.

В то же время начальная формула документа, подписанного магистром «властью, данную нам от Бога» не встречается ни в одной из других

известных грамот Великих Магистров ордена госпитальеров, известных нам. Попов обнаружил подобную формулу только в циркуляре патриарха Фульхерия, который, имея высокий духовный сан, имел право так выразиться. Великий Магистр издал свое послание, по мнению историка, в ответ на послание патриарха, списав его текст буквально. Каковы же были причины составления такой копии?

Прежде всего, такой документ лишний раз подчеркивает существовавшую сложность отношения госпитальеров к иерусалимской патриархии. Но, кроме того, из него видно, сколь сложно в Латино-Иерусалимском королевстве было получить свои доходы. Из послания Фульхерия видно, что ряд имений, незадолго до этого принадлежавших госпитальерам, перешли, по неизвестным причинам, во владения частных лиц, которые находились в ведении патриарха или каноника храма Гроба Господня. Но, учитывая, что госпитальеры были далеки от дружеских отношений с патриархией и другими епископами, вероятно, они предприняли какие-то шаги, чтобы вновь воспользоваться своими бывшими имениями. Узнав о предпринятых действиях госпитальеров, патриарх и приор решили помешать ордену в возвращении этих имений, а еще более в получении с них доходов. Вот, что писали в своем совместном послании Фульхерий и Амальрик:

Фульхерий, изволением Божественной любви Патриарх Святейшей Церкви Воскресения Христа нашего Бога, и Амальрик, сей же церкви приор, со всем собранием братьев всем своим братьям которые прочитают это письмо и услышат о нем, как духовным, так и мирянам, как живущим вдали, так и вблизи, подвигающимся за честь Гроба Господня...

Любезнейшие братья, из изучения Божественных законов узнаем..., что мы должны остерегаться другим делать то, чего сами не желаем, чтобы нам делали другие... Мы должны быть со всеми людьми, и особенно с присными и соседями, справедливы. Последователи справедливости не должны стремиться к чужому, но к своему... По этому, любезнейшие братья, всем вам приказываем, Богом увещеваем и, в силу высочайшего и святого послушания, властью, данною нам от Бога, постановляем, чтобы все милостыни, все имущества, т. е. золото, серебро, сукна, лошадей, дома и виллы, поля и виноградники, владения (possessiones), церкви, госпиталя, — словом все, что можно перечислить и, что прежде, чем дошло до наших рук, принадлежало или должно принадлежать по праву иерусалимскому госпиталю св. Иоанна, и до сих пор по невнимательности (negligenter), или, может быть, по незнанию находится у вас (tenuistis), вы, по получении и прочтении этого приказа, — свободно и спокойно вручили бы подателям сего письма и послали с ними без всякой формальности. Более же, как вам предписано,

отнимать, уменьшать или удерживать из милостыни, или владений иерусалимского госпиталя св. Иоанна не решайтесь¹.

Когда содержание послания стало известно Великому Магистру, он был удивлен, почему патриарх и приор храма распорядились о сборе только тех милостыней и имуществ, которые до недавних пор принадлежали госпитальерам? Видимо, тогда и родилось у Раймонда де Пюи решение не применять силу, а пойти по пути невинного непонимания сути происходящего. Он полностью копирует послание, изменив лишь собственные имена, и немедленно рассылает уже свое послание всем госпитальерам, чтобы они сделали сбор милостыни и имущества, которые ранее принадлежали храму Гроба Господня, а в последнее время находятся в руках госпитальеров.

Таким образом, соблюдая благочестивый вид, Раймонд де Пюи попросту посмеялся над решением патриарха, к тому же оно шло в разрез с данными папами привилегиями госпитальерам, которые касались и вопросов сбора доходов в казну ордена.

Это проявление неуважения к главному иерусалимскому духовному руководству со стороны госпитальеров стало регулярным и встречается постоянно. Да, патриарх иерусалимский знал, что папа, даровал госпитальерам большие свободы, тем не менее, он сознавал, что орден не будет отправлять на каждое его нарушение этих пожалований, жалобу римскому первосвященнику. И патриарх пользовался любым случаем, чтобы собрать в свою казну все возможные и невозможные доходы. Великий Магистр не желал подчиняться местным церковным властям, со своей стороны всеми имеющимися у него способами не только игнорировал духовное начальство, но и противился их действиям. Отношения между ними все более и более обострялись. Госпитальеры часто шли на настоящие скандалы с духовной властью Иерусалима.

Так, во время литургии, которую совершал патриарх в храме Воскресения Христова, в то самое время, когда он обращался к верующим с проповедью, госпитальеры устраивали у стен храма страшный шум. Они звонили в колокола своей церкви, а она, как мы помним, стояла недалеко от храма Воскресения, при этом звон был такой, что в самом храме было невозможно услышать ни одного слова проповеди.

Фульхерий не раз обращался к молящимся с просьбой утихомирить госпитальеров, но члены Ордена только грозили еще большими неприятностями. Однажды они ворвались в храм и устроили небывалый шум, даже пускали стрелы. Патриарх велел их собрать, связать в пучок и повесить на Голгофе, обличая госпитальеров. Но и это не привело последних

¹ Попов А. П. Латинская иерусалимская патриархия... С. 73–74.

к спокойствию. Не видя никакой возможности противостоять такому поведению, он решается отправиться лично с жалобой на госпитальеров в Рим.

Путешествие это состоялось. Судя по количеству архиереев, которые сопровождали престарелого патриарха, недовольство госпитальерами во всем Иерусалимском королевстве было очень большим, если не сказать всеобщим. Так, вместе с Фульхерием отправились в путь архиепископы: тирский Петр и кесарийский Балдуин, епископы: аконский Фридрих, сидонский Амальник, лиддский Константин, севастийский и тивериадский Герберт.

В это время на папском престоле сидел Адриан IV (1154–1159), продолжавший внешнеполитический курс своих предшественников, борясь с Фридрихом I Барбароссой, который попытался отказаться от гегемонии папской власти в Европе. В это время набирает силу норманское королевство. Фридрих не желал воевать с королем Вильгельмом и вернулся в Германию, папа бежал с ним. Осенью 1155 года войско папы напало на владения норманского короля, но уже к весне следующего года Вильгельм уничтожил союзников папы. Тем временем Адриан IV и его кардиналы не смогли проехать дальше Беневенто и, окруженный войсками норманов, папа был вынужден заключить конкордат, по условиям которого он признавал норманское королевство Вильгельма, которое включало всю Сицилию, Апулию, Капуя, Неаполь, Палермо и Амальфи, т. е. всю Южную Италию. Летом 1156 года Адриан IV вернулся в Рим, вот в это-то время к нему, наконец-то, добрался патриарх Фульхерий со своей свитой. Но папе было не до далеких Иерусалимских дел. Он даже отказывался принять прибывшую делегацию, ссылаясь на постоянную занятость. Вильгельм Тирский пишет о таком поведении папы совершенно определенно: «Многие объясняли эту медлительность папы тем, что он был подкуплен громадными подарками и держал сторону госпитальеров»¹.

Наконец, в курии Фульхерию объявили, что папа отправляется в Ферентин, а оттуда в свои владения в Беневенто. Только там патриарху удалось, наконец, получить аудиенцию у Адриана IV. Папа назначил день для разбирательства спора, призвав на него и госпитальеров. Скорее всего, Раймонд де Пюи отправил своих представителей вслед за делегацией папы. Суд начал процедуру разбирательства с патриарха, которого подробно и весьма продолжительно стали расспрашивать. Но когда престарелый Фульхерий понял, что решение суда папской курии склоняется не в его пользу, он, оскорбленный, отбыл в Иерусалим.

¹ *Попов А. П. Латинская иерусалимская патриархия... С. 76.*

Вильгельм Тирский объясняет победу госпитальеров тем, что вся курия была ими подкуплена, лишь два кардинала, Октавиан и Иоанн, бывший ранее архиепископом тирским, выступили в защиту Иерусалимского патриарха, но их голоса не были услышаны.

После смерти Адриана IV в кардинальской коллегии произошел раскол. Как писал Ян Ковальский, образовались две группировки: с одной стороны, проимператорская, а с другой — сторонники политики освобождения от диктата Германии путем заключения союзнических договоров с другими странами, особенно с Сицилией, Францией и даже с Византийской империей. Этот раскол отражал настроения, господствовавшие в Италии, где сталкивались два направления — гибеллинов, сторонников императорской власти, и гвельфов, высказывавшихся за независимость итальянских городов и княжеств, в том числе и папства. При избрании папы большинство голосов было отдано за Роландо Бандинелли. Меньшинство же, состоявшее из кардиналов, приверженных германскому императору, избрало на папский трон кардинала Оттавиано де Монтичелло, происходившего из богатого и знатного рода графов Тиволи. Дело дошло до беспорядков, во время которых Роландо Бандинелли и его выборщики вынуждены были укрыться в Замке св. Ангела.

Кардинал Оттавиано принял тиару и был провозглашен папой Виктором IV. Оппозиция, однако, не сдалась. Бандинелли с группой кардиналов направился на юг Италии под опеку короля Сицилии. Там были проведены новые выборы Роландо Бандинелли, который принял имя Александр III. Его понтификат (один из самых продолжительных в истории папства до XIX в.) продолжался 23 года, из которых около 20 лет он провел в изгнании. Со смертью Виктора IV, которого поддерживал Фридрих Барбаросса, раскол не прекратился. Проимператорская партия избрала преемником Виктора IV Пасхалия III, а после его смерти — Каликста III, который в 1178 г. отказался от тиары. Александр III нашел поддержку у короля Франции, в цистерцианских монастырях и в других центрах религиозной реформы. Но еще большую поддержку оказали ему ломбардские города, которые вошли с ним в соглашение и построили в его честь у подножия Альп крепость, названную Александрия. Она призвана была затруднить германским войскам доступ в Италию. В борьбе с Ломбардской лигой император Фридрих понес поражение при Леньяно (1176 г.) и подписал договор в Венеции (в 1177 г.), в котором признал суверенность папы в делах церкви и отказался поддерживать антипап. При этом он подтвердил целостность Церковного государства. Целование Фридрихом туфли Александра III было выражением отказа от планов восстановления верховенства императора над папством¹.

¹ Ковальский Ян В. Папы и папство. М., 1991. С. 119–121.

В 1179 г. был созван III Латеранский собор, на котором было решено, что при выборе папы избранным может считаться кандидат, за которого подано, как минимум, две трети голосов кардиналов-выборщиков при исключении какого бы то ни было вмешательства извне. Другие постановления собора касались имущественных прав духовенства и доходов, которые должны поступать в папскую казну.

В это время в Иерусалиме умирает патриарх Фульхерий, новым патриархом становится Амальрик, при котором процесс против госпитальеров возобновился. Папа Александр III, бывший до этого приором храма Гроба Господня, проводя политику укрепления духовной власти, принял сторону духовенства иерусалимского патриархата, поддержав притязания бывшего Приора. Сохранилось постановление Александра III, в котором папа писал:

В частности госпитальерам твердо и строго приказываем, чтобы они, если имеют что-либо против вас (речь идет о привилегии патриарха иерусалимского, резиденция которого была в храме Гроба Господня. — *Авт.*), не осмеливались удерживать вашу десятину, но от всех владений, находящихся в иерусалимском епископстве, сполна и без всякого противоречия и замедления уплачивали вам десятины. Если они имеют что против вас, пусть ищут справедливости законным порядком. Тем же госпитальерам мы воспретили вновь строить церковь в городе Яффе без согласия патриарха и вашего, и особенно когда известно, что они в этом городе имеют другую церковь. Кроме этого присовокупляем, чтобы госпитальеры, когда на означенный город за какие-либо бесчинства злодеев будет наложено запрещение, не осмеливались ни звонить, в колокола в церкви, находящейся в городе, ни допускать отлученных или находящихся под запрещением. Если что-либо будет допущено с их стороны, и спор вторично дойдет до вас, то мы постараемся тяжело наказать их¹.

Как видим, госпитальеры не только были обязаны платить десятину в пользу храма Гроба Господня и патриарха иерусалимского, но, и потеряли возможность привлечения верующих в свои храмы в период интердиктов. Как отметил протоиерей А. П. Попов:

Отсюда ясным становится, до чего дошли в оппозиции духовенству ордена, поставившие в начале своего существования на первое место послушание церкви и патриарху: последний отлучает, они принимают отлученного; тот запирает церкви, они звонят в колокола; патриарх совершает богослужение, рыцари шумят, бесчинствуют и пускают в него стрелы. Постановление папы Александра III только отчасти сглаживает обострившиеся отношения духовных рыцарей к духовенству, но они

¹ Цит.: Попов А. П. Латинская иерусалимская патриархия... С. 76–77.

не могли возратить их в полное первоначальное подчинение и послушание патриарху¹.

Эта оппозиция госпитальеров высшим церковным властям сохранилась в течение всех последующих времен. И, видимо, именно в ней следует видеть стремление ордена даже территориально держаться подальше от папы. Видимо поэтому госпитальеры не попытаются после падения Иерусалимского королевства перебраться в Европу. Но этого ни они, никто другой пока даже не предполагает, все это произойдет через век. Пока все свое внимание, энергию и мощь они обращают на Палестину, именно здесь сосредоточено все их внимание.

Это открытое противостояние госпитальеров с патриархом иерусалимским было прекращено лишь папой Адрианом IV (1154–1159). Но уже с того времени между орденами св. Иоанна и храмовниками начинается конкуренция и даже вражда. Да, эти два Ордена были не просто старейшими, но и являлись крупными земельными собственниками, обладателями несметных богатств. Довольно часто они ссужали деньги не только Иерусалимским королям и крупным сеньорам, но даже папе. Победителем, в конечном счете, вышли госпитальеры, но об этом несколько позже.

Что собой представлял Иерусалим тех времен? Сохранилось его описание, которое оставил еврейский путешественник второй половины XII в. Биньямин из Туделы составил путевые записи, во время своего многолетнего путешествия, начавшегося в 1159 г. (по другим, менее обоснованным, данным — в 1166 г.) и завершившегося в 1172 г. или 1173 г. Они легли в основу его «Сефер ха-масса'от» («Книги путешествий»).

Цель этого длительного путешествия Биньямина неизвестна (предполагается, что оно было предпринято с целью торговли драгоценными камнями). Его книга является одним из важнейших источников как по истории евреев Средиземноморья и Ближнего Востока первых веков второго тысячелетия н. э., так и по общей истории и исторической географии этого района в указанный период. Биньямин из Туделы отмечает численность евреев в каждом пункте своего путешествия, хотя не всегда ясно, указывает ли приводимая им цифра на число лиц, принадлежавших к еврейской общине, или на число состоящих в ней семей. Беньямин побывал в Иерусалиме, в своей книге он оставил краткое описание города, в котором сохранилось указание на существование в нем двух странноприимных домов, один из которых, скорее всего, принадлежал госпитальерам:

От Гавона три парасанги² до Иерусалима; это маленький город, окруженный тремя каменными стенами, и весьма многолюдный: там якобиты,

¹ Там же. С. 77.

² Парасанга равна 4,5 км

сирийцы, греки, григориане и франки — собрание всех языков и народов. Там есть красильный дом, который ежегодно отдается царем на откуп евреям, с тем, чтобы никто не занимался крашением в Иерусалиме, кроме одних евреев. Их там двести человек; живут они под башней Давида, в конце города. В стенах этой башни сохранилось от древних времен около 10 локтей фундамента, построенного нашими предками; остальное все сделано измаильтянами. Во всем городе нет здания крепче башни Давидовой. Там же находятся два госпиталя: в одном из них помещаются все приходящие сюда больные, и получают все, что им нужно, как при жизни, так и после смерти...¹

Превращение странноприимного братства госпитальеров в рыцарский орден

Итак, в этот период крестовых походов орден госпитальеров являлся, по мнению М. А. Заборова, «составной частью феодальных верхов в государстве крестоносцев»², созданном на отвоеванных от сарацин землях. Орден расширяется, возрастает его численность, и в начале XII в. он насчитывал около полутысячи членов, которые успешно обороняли только в Леванте более 50 крепостей. Чтобы госпитальеры могли защищать паломников на дорогах Святой Земли, ведущих к Иерусалиму, в орден стали принимать рыцарей, бравших на себя обязанность вооруженной защиты паломников в пути.

Во многих приморских городах Востока, Византии и Западной Европы госпитальеры открыли странноприимные дома-госпитали. Однако после окончания Первого крестового похода орден госпитальеров превращается преимущественно в воинское, рыцарское объединение, полностью сохранившее тем не менее монашеское обличие. Уже в первой половине XII в. Орден становится «головным боевым отрядом государства крестоносцев и папской теократии»³.

По мнению современных историков ордена, булла папы Пасхалия II и последующие акты римских первосвященников вывели рыцарей госпитальеров из юрисдикции епископов. С одной стороны, это соответствует действительности, но с другой — в этих актах четко отражено желание римских «апостоликов» подчинить Орден непосредственно только себе.

¹ Путешествие рабби Вениамина Тудельского. Перевод П. Марголина. // Три еврейских путешественника XI и XII столетия. СПб., 1881. С. 264.

² Заборов М. А. Мальтийские рыцари: Историческая эволюция ордена Иоаннитов // Религии мира. История и современность. Ежегодник. М., 1984. С. 151.

³ Там же. С. 152.

Вскоре Орден госпитальеров стал независимым от местной власти и иерархии. Этот факт позволил в последствии дать повод не только руководству Мальтийского ордена, но и его историкам утверждать, что с этого времени орден госпитальеров стал суверенным. Мы же считаем, что подлинный суверенитет орден получил только после захвата острова Родоса и создания там рыцарского государства.

Известно, что в 1150 г. король Иерусалима приказал отстроить стены Газы и стал искать подходящий орден, который смог бы держать там гарнизон. Ему присоветовали отдать Газу тамплиерам. Как заметил Ж. Ришар:

...Именно потому, что ордена не испытывали недостатка в людях и средствах, им передавали некоторые укрепления в Иерусалимском королевстве — хотя эти уступки даже в сравнение не идут с пожалованиями, сделанными тамплиерам в графстве Триполи и на севере Антиохии и госпитальерам на восточной границе Триполи и в области Маргата, на юге Антиохии, где эти два ордена обладали почти суверенной властью¹.

И, все-таки, к госпитальерам благоволили многие папы. Они с большим вниманием и покровительством относились к этому старейшему и прославленному братству в Святой Земле. Так, в дальнейшем орден получил различные привилегии от пап Адриана IV, Александра III, Иннокентия III. А папа Климент IV даже присвоил главе ордена титул: «Великого Магистра Святого Госпиталя Иерусалимского и Настоятеля Рати Христовой»². Орден обладал уже сотнями деревень, где трудятся десятки тысяч крепостных и другого населения, находящегося от него в полной феодальной зависимости.

Превратившись в мощный военный союз, орден изменил и свое название — он стал именоваться не просто «орден госпитальеров», а «Рыцари госпитальеры ордена святого Иоанна Иерусалимского». Хотя мы будем продолжать сокращенно называть его орден госпитальеров, поскольку и это наименование сохранялось за ним еще многие века.

По мере роста славы ордена в него вступало все больше аристократов и рыцарей со всей Европы. За 30-летнее управление орденом Великим Магистром Раймондом де Пюи задачи этого братства намного переросли чисто местные масштабы деятельности, и орден стал превращаться в своеобразную корпорацию, имеющую международное значение. Такое положение поддерживалось практически всеми феодальными властителями Западной Европы, видевших в лице госпитальеров надежных защитников своих новообретенных владений.

¹ Ришар Ж. Латино-Иерусалимское королевство... С. 133.

² Annuaire du Ordre Souverain Militaire Hospitalier de Saint-Jean de Jérusalem de Rhodes et de Malte 1998/1999. Roma, 1998. P III.

В 1153 г. король Балдуин III осадил Аскалон, в его армии находились представители всех орденов, в том числе и госпитальеры. Осада длилась несколько месяцев, и уже когда военные машины франков проделали брешь в крепостной стене, воспользоваться этим успехом помешали тамплиеры. Именно их обвиняет хронист Гильом Тирский. «Жадные до добычи, они помешали прочим рыцарям проникнуть в город, и случай был потерян (16 августа 1153 г.)»¹.

В 1157 г. госпитальеры попытались добиться пожалования им половины крепости Баниаса, которая еще с 1129 г. была передана исмаилитами² королю Иерусалима Балдуину II. Но когда крупный гарнизон госпитальеров с обозом, посланным к Баниасу, попал в засаду, они вынуждены были отказаться от своих претензий. Тем не менее, к 1168 году госпитальеры владели кроме многочисленных фортов, располагавшийся вдоль дорог, по которым шли пилигримы, такие как Эммаус, Ла Фонтен дез Эмо около Иерусалима, несколькими укрепленными замками. Им, например, принадлежал замок св. Иона стоящий на пути из Наблуса в Гран Герена (это тоже была оживленная дорога, по которой шли пилигримы). Госпитальерам принадлежало очень важное укрепление в Корке или Бовуаре, оно контролировало границу с Иорданией на юге от Бейсана³.

Не меньшие владения были и у тамплиеров. Как пишет Ж. Ришар:

Несколько замков, которыми владели оба ордена, равно как и башни, которые доверяли им в отдельных городах, резко контрастируют с огромным богатством и мощной армией рыцарей-монахов. Обычное число рыцарей-монахов в королевстве составляло примерно пять сотен рыцарей и столько же туркополов; сюда не входят гарнизоны их замков, которые доставались им с таким трудом, ибо рыцари из орденов представляли собой «мобильную армию», всегда готовую к маршу и тем более удобную для использования, потому, что у нее не было собственной территории, которую требовалось защищать. У рыцарей-монахов были казармы («дома» Храма и госпиталя) в большинстве городов, которые они были готовы покинуть, чтобы сопровождать паломников⁴.

К этому времени орден госпитальеров одержал немало военных побед, еще более увеличил свою казну и земельные владения, он основал немало госпиталей по всей Европе, где были разбросаны его Командорства и Приорства. Все эти факторы обусловили рост высокого военного и политического значения ордена, и одновременно увеличивали его эконо-

¹ Ришар Ж. Латино-Иерусалимское королевство... С. 68.

² В дореволюционной литературе их называли «ассасинами».

³ Ришар Ж. Латино-Иерусалимское королевство... С. 134.

⁴ Там же. С. 134–135.

мическую мощь. У госпитальеров появилось и новое положение, сходное с положением интернациональной организации, которой надлежало вести войны против мусульман и охранять паломников на Святой Земле вместе с двумя другими орденами: тамплиеров и тевтонских рыцарей. Эта задача решительным образом повлияла как на внешнее значение, так и на внутреннее устройство ордена госпитальеров. Для ведения боевых действий также как и для управления владениями, разбросанными по всей Европе, была необходима четкая централизованная организация, которую предусмотрительно создал Раймонд де Пюи.

В течение всего XII в. Орден играл главную роль в вооруженной защите христианских государств в Палестине. К госпитальерам постоянно обращались за помощью многие европейские правители. Так, в 1168 г. они получили от Венгерского герцога 10 тысяч безантов на приобретение поместий и земель, где бы тот мог останавливаться во время своего предполагаемого паломничества к Святым местам. Но Великий Магистр госпитальеров Жильбер д'Ассайи пошел на хитрость. Он извинился перед герцогом, объяснив ему, что вокруг Иерусалима все уже давно распродано, и нет ни одного свободного места. И что госпитальеры приобрели для него дворец и четыре дома в Акре за 6000 безантов, которые давали в год 1100 безантов дохода. Но если такой знатный даритель не пожелает там остановиться, Великий Магистр предложил герцогу взамен приобрести владения в Эммаусе, Икбале, Бельвеере и в Салтус Муратусе, не сказав при этом, что все это уже давно находится в собственности госпитальеров¹.

До нас дошли документальные свидетельства, что подобные же сделки были заключены госпитальерами с чешским герцогом Владиславом, ему предоставили в качестве резиденции госпитальерский замок Крак де Шевалье и дочь французского короля Людовика VII, графиней Сен-Жилльской, Констанцией. Она дала деньги, на которые было якобы куплено поместье недалеко от Акры с ежегодной рентой в 50 безантов. Госпитальеры обязались выплачивать ей эту ренту во время ее путешествия по Святой Земле. После ее отъезда поместье переходило в собственность Ордена².

С начала XII в. орден госпитальеров стал проводить собственную банковскую деятельность, которая со временем стала возрастать. Ее начало относится к тем временам, когда паломники передавали деньги в Командорство ордена, находящееся на территории их государства, получали там свидетельство, и в Иерусалиме по предъявлению этого векселя получали

¹ Там же. С. 135.

² Regesta Regni Hierosolymitani, 1097–1291. Innsbruck, 1904. S. 458, 503.

деньги. Таким образом, например, английский король Генрих II передал большую милостыню тамплиерам и госпитальерам на свои нужды в Святой Земле, куда он собирался прибыть после заключения мира с французским королем.

Амальрик (Амори I), ставший королем Иерусалима в 1162 г., продолжал политику своих предшественников по захвату Египта, который в 1167 г. становится франкским протекторатом. На следующий год, договорившись с врагами халифа, он стал «делить шкуру неубитого медведя», как метко заметил Жан Ришар. По договору с госпитальерами еще от 11 октября 1168 г. он передал ордену Бильбейс со всей его округой. Налоги от этих территорий составляли сумму до 100 000 безантов в год, кроме того госпитальеры получали по 5000 безантов с каждого из десяти главных городов Египта (Вавилон, Танис, Дамьетта, Александрия, остров Махала, Кус, Фува) и дворцов. Мало того Амальрик и Великий Магистр Жильбюер д'Ассайи договорились, что если казна халифа будет захвачена с боями, то король получит половину ее, остальное разделится по правилам военной справедливости, причем госпитальеры получают большую ее часть. Если же казна отойдет миром, то вторая ее часть отойдет госпитальерам, это предполагалось в случае, если Египет откупится деньгами¹.

Несмотря на внезапность наступления армии иерусалимского короля на Египет, мусульмане оказали сопротивление, а грабежи и боины, устроенные франками лишь спровоцировали египтян объединиться. Это сопротивление было настолько сильным, что Амальрик вынужден был снять осаду и бежать, выплатив египтянам 100 000 динаров. Так, что госпитальеры не получили ничего.

В 1170 г. Сирия и Египет объединились в борьбе против франков, которую возглавил юный Саладин, ставший правителем Каира. В 1174 г. во время осады Баниаса умирает Амальрик, а совсем юный Балдуин IV вряд ли сам смог что-то предпринять. Находившийся при нем регентом граф Триполи Раймунд III, спас независимость Алеппо, но не надолго. Военные действия с Саладином и его сторонниками продолжались почти без остановок. Нужна была помощь Европы. Но, прибывавшие с паломниками суда захватывались мусульманами, и иногда доходила лишь финансовая поддержка. Так, в 1182 г. Генрих II составил завещание, по которому ордена тамплиеров и госпитальеров получали по 5000 серебряных марок. Кроме того, оба Великих Магистра должны были совместно распределить между различными церковными учреждениями Святой Земли еще 5000 серебряных марок. Как пишет Матвей Парижский, общая сумма пожерт-

¹ *Ришар Ж.* Латино-Иерусалимское королевство... С. 73.

ования Генриха II составила 42000 серебряных марок и 500 золотых марок¹.

Эти многочисленные дарения и другие финансовые поступления помогли госпитальерам активно развиваться. Однако по мере возрастания мусульманской военной угрозы для христианской державы на Святой Земле, братство госпитальеров было реструктурировано в рыцарский орден. Правда, самое раннее упоминание о существовании в ордене «вооруженных братьев» (*Fratres armorum*) содержится лишь в Статутах магистра Роджера де Мулэна 1182 г. Следовательно, процесс милитаризации Ордена окончательно завершился примерно к 1180 г. Проходил он не без внутренних распрей и столкновений. Так, например, магистр Гильберт Ассальи (1163–1170 гг.) в ходе этих внутриорденских конфликтов дважды слагал с себя обязанности предстоятеля ордена. Лишь по завершении этого многотрудного процесса госпиталь Святого Иоанна, вне всякого сомнения, превратился в духовно-рыцарский орден, владевший в пору своего расцвета более чем 50 замками в Палестине и Леванте.

Благодаря своей вызывавшей всеобщее уважение деятельности, своим заслугам и привилегиям орден приобретал все больше благодетелей и дарителей среди мирян, оказывавших ему помощь и поддержку и желавших приобщиться к орденской братии. Раймонд дю Пюи вскоре после своего избрания магистром ордена примерно около 1121 г. указал на такое духовное благодеяние, как приобщение к молитвенному братству. В своем послании всем епископам и прелатам он, в качестве преемника «господина Герарда, слуги убогих во Христе», обратился к ним с просьбой не уставать давать пожертвования и передавать их его посланцам, дабы «стать соучастниками в благодеяниях и молитвах, творимых в Иерусалиме». В заключение послания магистр писал: «Те же, которые вступили в наше братство или же вступят в него в будущем, могут быть так же твердо уверены в милости Божией, как если бы они сами сражались в Иерусалиме. Им приуготованы венцы праведности»².

Таким образом, после перехода Иерусалима под власть христиан в истории госпиталя Герарда началось бурное развитие, обеспеченное благодаря многочисленным жертвованиям и дарениям, как в Святой Земле, так и в странах, из которых туда приходили паломники. Уже в 1110 г. король Иерусалима Балдуин I подтвердил дарственную, полученную госпитальерами от его покойного брата Готфрида Бульонского, и сам

¹ *Matthieu Paris. Chronica Majora/ Éd. Luard. Londres, 1872–1883. Vol. II. P. 318.*

² *Delaville le Roulx J. Cartulaire général des Hospitaliers de Saint-Jean de Jérusalem. Vol. I. Paris, 1894. P. 39 (№. 46).*

щедро одарил орден. Папа Пасхалий взял под свое покровительство «все владения, полученные от щедрот Божиих этим ксенодохиумом по ту и по эту сторону моря, как в Азии, так и в Европе».

В течение весьма короткого времени Иерусалимский странноприимный дом превратился в уникальный лечебный комплекс, не имевший себе равных на Западе и уступавший, пожалуй, только основанному почти одновременно с ним византийскому странноприимному дому Спаса-Вседержителя (Пантократора) в Константинополе. Последний, в свою очередь, возник на основе давней странноприимной традиции восточной церкви, вершиной которой являлись медицинско-реабилитационные заведения, основанные еще в IV в. Василием Великим у врат Кесарии Каппадокийской и рассматривавшиеся всеми последующими странноприимными домами как своего рода недостижимый образец.

Вероятно, госпитальеры в 1182 г., когда их Капитулом под председательством Роджера де Мулена были приняты важные решения, находились под влиянием положений о странноприимном доме Пантократора, от которого они, скорее всего, переняли разделение на отделения для больных различными болезнями, а также правила тщательного и добросовестного ухода за больными. От византийцев они могли узнать также многое о болезнях, лекарственных средствах и диете. В госпитале Пантократора уже тогда имелись главные врачи, старшие врачи и врачи-ассистенты. Единственное, в чем главный госпиталь госпитальеров в Иерусалиме превосходил византийский госпиталь, были его размеры.

По утверждениям немецкого пилигрима Иоанна Вюрцбургского, уже в 1170 году иерусалимский госпиталь принимал до 2000 больных одновременно. По другому сообщению, датированному 1177 г., в орденском госпитале в Иерусалиме, наряду с находившимися там на излечении 900 больными, были дополнительно размещены 750 раненых воинов, пострадавших в битве при Рамле 25 ноября 1177 г., в которой христианское войско одержало блестящую победу над Саладином¹. А византийский странноприимный дом в Константинополе, по крайней мере, в первые десятилетия своего существования, был рассчитан на обслуживание всего 50 пациентов. Как и на Западе, в основе восточноримской гуманитарной, санитарной и благотворительной деятельности лежала принципиальная идея о странноприимном доме как месте служения самому Христу. Так, в учредительной грамоте византийского госпиталя Пантократора было записано: «Ибо все, что делается страждущей братии нашей, делается

¹ *Delaville J. Le Roulx. Les Hospitaliers en Terre Sainte et à Chypre 1100–1310 de Naillac, 1310–1421. Paris, 1913; Zwehl Hans Karl von. Über die Caritas im Johanniter-Malteser-Orden seit seiner Gründung. Eine Studie. Essen, 1929. S. 13.*

и Господу». Таким образом, как на Западе, так и на Востоке, больных рассматривали как братию Христову.

Однако представления госпитальеров в этом вопросе заходили гораздо дальше, причем в двух аспектах. В орденских Правилах больные неизменно именуются господами, а рыцари ордена — слугами. Госпитальерам вменялось в обязанность день и ночь рассматривать больных как своих господ и ухаживать за ними. В Статутах эта обязанность сформулирована следующим образом: «Братия Странноприимного дома обязана день и ночь радостно и самоотверженно ухаживать за больными как за своими господами» (*Quod fratres hospitalis noctu dieque libenter custodiant infirmos tamquam eorum dominos*). Обычай прислуживать больным за завтраком, обедом и ужином практиковался и позже в Большом госпитале на Мальте до последнего дня существования островного орденского государства. Каждый «язык» ордена исполнял в больнице в один из дней недели эту почетную миссию кормления больных.

Вторая особенность, внесенная госпитальерами в социально-благотворительную деятельность западных христиан, заключалась в обычае именовать больных «бедными во Христе» (*pauperes Christi*). Такое значение данного термина стало общеупотребительным лишь в западной церкви. Восточные христиане не употребляли слово «бедные» в значении «больные». Все Великие магистры госпитальеров во вводных формулах своих указов и грамот неизменно именуют себя «слугами бедных во Христе». Насколько это представление, свойственное первоначально только членам ордена госпитальеров, со временем вошло в общее словоупотребление на средневековом Западе, явствует из вводных формул полученных орденом дарственных грамот, чаще всего звучащих следующим образом:

«Богу, Святому Иоанну Крестителю и святым бедным», а в распоряжении по папской канцелярии содержится следующая фраза: «Мы предоставляем вам возможность, при отсутствии возражений с чьей либо стороны, принимать свободных из сословия мирян, получивших отпущение грехов в <Орден> с целью служения бедным во Христе» (*Laicos quoque liberos absolutos ad conversionem et pauperum Christi servitium absque alicuius contradictione suscipiendi nihilominus vobis concedimus facultatem*)¹.

В описании своего паломничества в Святую Землю, совершенном в 1170 г. Иоанн из Вюрцбурга сообщает:

К церкви Святого Иоанна пристроен госпиталь, располагающийся в нескольких помещениях, где собрано весьма большое число слабых и больных, которые получают там лечение, уход и восстанавливают

¹ *Tangl M.* Die päpstlichen Kanzleiordnungen von 1200–1500. Berlin, 1894. S. 248.

свое здоровье, что требует ежедневно огромных расходов. Во время моего пребывания там число больных, как я узнал от служащих братьев, составляло до 2000 человек. Некоторые из них были так тяжело больны, что порой за сутки из странноприимного дома выносили до 50 мертвецов. Однако число больных непрерывно увеличивалось. Кроме размещенных в нем больных, сей Дом снабжал продовольствием еще на столько же человек, не являвшихся его пациентами. Он осуществляет благотворительную деятельность поистине необозримого размаха, ибо всем бедным, даже если они не поступают на лечение в дом, но просят пропитания, дается таковое. Поэтому сумма расходов, вероятно, не поддается точному исчислению, и точно не известна даже самим управителям и счетоводам одного госпиталя¹.

С учетом того, как мало в описываемую эпоху делалось в области социального призрения, и того, что забота о бедных и уход за больными осуществлялись только в монастырях и сходных с монастырями заведениях, причем в очень скромных масштабах, можно понять то глубокое впечатление, которое благотворительная деятельность ордена госпитальеров оказывала на современников. Свидетельством благодарности и уважения, которыми орден пользовался повсеместно, являются многочисленные дарения, полученные орденом в Западной Европе для осуществления своей, то что мы бы сегодня назвали, уставной деятельности.

Но и позднее, когда орден госпитальеров во все большей степени вынужден был посвящать себя вооруженной борьбе с сарацинами, теснившими христиан в Святой Земле, и на второй стадии истории ордена, когда он, базируясь на Родосе и Мальте, принимал самое деятельное участие в обороне Европы от турок, служению больным было приравнено к военной службе. Проводившиеся периодически заседания Генерального капитула регулярно посвящались вопросам ухода за больными и бедными.

Даже после происшедшего со временем некоторого упорядочения ситуации в Святой Земле, королевство Иерусалимское по-прежнему не представляло собой единого государственного образования с четко очерченными границами. Существование государства крестоносцев протекало в непрерывной вооруженной борьбе за удержание власти над аннексированными территориями и против врагов, вторгавшихся в них извне. Естественно, это несколько не способствовало безопасности прибывавших и отбывавших паломников. Поэтому всем братьям-рыцарям ордена госпитальеров со временем была вменена в обязанность вооруженная защита пилигримов.

¹ Цит.: *Wienand Adam. Die Johanniter und die Kreuzzüge // Der Johanniterorden der Malteserorden... S. 43.*

Постепенно военная сторона деятельности ордена Святого Иоанна стала преобладающей. Папы, которым был непосредственно подчинен орден, поначалу были озабочены этим «смещением акцентов» в деятельности Ордена, рассматривая в качестве первоочередной и главнейшей обязанности госпитальеров заботу о паломниках и уход за больными и убогими. В своей булле «*Piam admodum*» (1178–1180) папа Александр III (1159–1181), обращаясь к магистру Роджеру де Мулэну, призывал его «... в меру сил соблюдать освященные временем правила и добрые обычаи своего блаженной памяти предшественника... Братии надлежит братья за оружие только тогда, когда раздается общий призыв к обороне страны или к осаде крепости неверных под знаком Креста. Вследствие этого не должна, однако, ни в коей мере умяляться забота о бедных»¹.

Из дополнений к Уставу, принятых Генеральным капитулом госпитальеров в 1181 г., явствует, что эти призывы оказались услышанными. Однако даже папам оказалось не под силу остановить процесс превращения странноприимного братства в воинский союз. Благодаря все более частому и активному привлечению госпитальеров к военным действиям иерусалимскими королями и росту процента братьев-рыцарей среди членов Ордена, военно-рыцарский элемент все больше выходил на первый план. Вместо изначально монастырско-монашеского, характер ордена госпитальеров стал военно-монашеским. После того, как орден обязался выполнять военные задачи, его госпитальерская деятельность, утратив свой первоначальный характер основной, продолжала осуществляться уже не всеми членами ордена, а только частью госпитальеров, а именно — братьями духовного звания, которым помогали служащие братья. Так было положено начало разделения его членов на три класса. Что же представляли собой эти классы в ордене?

Первый Великий Магистр ордена, Раймонд дю Пюи, за 40 лет своего правления, придал своему детищу преимущественно воинский характер, который сохранялся вплоть до конца существования орденского государства на Мальте. Именно он положил начало преобразованию ордена из сообщества братьев-странноприимцев в рыцарский орден. Именно при нем руководство в нем перешло к рыцарям, начавшим играть в орденской среде доминирующую роль. Принадлежавшие к сообществу клирики, хотя и стали действительными членами ордена, стали играть, по сравнению с братьями-рыцарями, второстепенную роль. На раннем этапе существования ордена они чаще всего являлись капелланами в госпиталях и рыцарских общежитиях, или же возглавляли, в качестве приоров,

¹ *Delaville le Roulx J. Cartulaire Général de l'Ordre de S. Jean de Jérusalem, 1100–1310. Vol. I... P. 360 (№ 527).*

священнические конвенты. Третью группу членов ордена составляли служащие братья. Они трудились в госпиталях или участвовали в военных походах в качестве вспомогательных войск.

Кроме того, госпитальеры содержали отряды наемной легкой кавалерии, так называемых «туркополов», упомянутых впервые в папской булле 1131 г. В ней говорится, что орден госпитальеров содержит за свой собственный счет отборный отряд оруженосцев и снабжает их лошадьми, с целью охраны пилигримов от нападений неверных по пути к местам паломничества и обратно. Крестоносцы впервые познакомились с подобным родом войск, состоявшим исключительно из наемников, у византийцев, у которых и переняли его, под тем же названием. Нанимавшиеся орденом госпитальеров туркополы рекрутировались по большей части из местных восточных христиан (греков и сирийцев), а частично из крещеных мусульман. Позднее в туркополы зачисляли всех без разбору и без различия нации и вероисповедания. Эти, вооруженные мечом и луком со стрелами наемные воины не представляли большой ценности в полевых сражениях на открытой местности. Их задача заключалась в том, чтобы внезапными нападениями вносить сумятицу и панику в ряды противника, производить разведку и вступать в бой повсюду, где тяжеловооруженные рыцари не могли сражаться достаточно эффективно.

Наемная легкая конница ордена сохранила за собой наименование «туркополов» и в последующие столетия, когда в Святой Земле давно уже не осталось никаких крестоносцев. Даже в период пребывания Ордена госпитальеров на Родосе и на Мальте они продолжали содержать отряды туркополов. Пиле английского «языка» госпитальеров выполнял функцию «Туркопольера», то есть начальника наемной конницы ордена. Последний английский Туркопольер умер в 1550 г. Кстати, возникший в Палестине в 1198 г. Немецкий орден также имел отряды туркополов, продолжая использовать под тем же названием их и после ухода из Святой Земли, в боях с язычниками Пруссии, Прибалтики и Литвы. Даже в уставе Тевтонского ордена, отпечатанном в 1806 г. в Кенигсберге, встречается упоминание о «Туркопольере» как особой высокой руководящей должности ордена.

Но все же решающую роль в бою играли рыцари ордена, каждый из которых был обязан иметь при себе трех лошадей и двух служащих братьев. Каждый из этих служащих братьев обязан был иметь двух лошадей и, в случае исправного поведения, мог быть принят в число рыцарей ордена. Защитное вооружение рыцаря описываемой эпохи состояло из панцирной рубашки, вероятно, довольно тяжелой. На рисунке, датированном примерно 1080 г., изображены два человека, несущие вдвоем одну такую панцирную рубашку.

Меч был коротким, с двумя лезвиями. Он был прямым, так как ковался с обеих сторон, в отличие от восточной сабли, кованной только с одной стороны и потому, естественно, изогнутой. Шлем рыцаря представлял собой простую, несколько удлиненную кверху полусферу из нескольких склепанных железных пластин с наносником, защищавшим нос и лицо рыцаря от ранений в бою. В качестве наступательного оружия служило легкое, но длинное копье с древком из ясеня, чья древесина являлась импортным товаром. Каплевидный щит состоял из досок, обтянутых кожей и окованных по краям металлическим ободом. Уже в XII в. засвидетельствовано использование на щитах геральдических фигур, однако без конкретной связи с представителем того или иного рода. Если предположить, что госпитальеры уже тогда метили свои щиты знаком орденского креста, то это был наверняка простой прямой крест из двух перекрещивающихся под прямым углом полос — продольной и поперечной.

Однако на пути превращения духовных орденов в духовно-рыцарский были и проблемы, связанные с участием их членов в военных действиях. Требовалось специальное обоснование, богословская подоплека. И тут на помощь пришел известней в это время европейский проповедник Бернард Клервосский (1090–1153). Он родился в семье Тесцелина Сора, знатного бургундского дворянина. Его отец занимал видные посты при герцогах бургундских. Многие авторы его биографии указывают, что его мать еще с детства предназначала сына к монастырской жизни — и во многом благодаря ей юный Бернард разочаровался в мирских заботах и ушел в монастырь Сито в возрасте 23 лет. Но правильнее будет сказать, что даже если она его так и воспитывала, то делал это по весьма прозаической причине. Он был не первый и далеко не последний сын в семье. А по сложившейся к XI в. традиции он должен был стать монахом, чтобы не тревожить своих старших братьев претензиями на наследование земли. Бернард так и поступил. Уйдя в монастырь, он, как пишут его биографы, совершенно забыв о нуждах тела, приводил в недоумение, а порой и трепет, братьев по обители. Молодой монах почти не спал, проводя круглые сутки за изучением Священного Писания и молитвой. Не обращая внимания на окружающий мир, он полностью погружался в свой мир внутренний, наполненный размышлениями о Боге и переживаниями духовных эмоций.

Уже в 25 лет молодой монах по приказанию аббата основал монастырь Клерво, на диком лесистом берегу реки Обы, и, возглавив 12 послушников, сам стал аббатом. Монастырю было уготовано процветание и громкая слава. Кардиналы, епископы, европейские короли и даже папы Евгений III и Иннокентий III — не раз обращались за советом и помощью к молодому

аббату Бернарду из Клерво¹. Понимая свое значение, Бернард начинает принимать активное участие в политической жизни Франции, Англии, Италии.

Когда, как мы помним, в 1118 г. девять французских рыцарей решили создать военно-монашеский орден — «для охраны паломников, следующих в Иерусалим», то сделали это по уже существовавшему образцу, каким для всех являлся орден св. Иоанна, члены которого назывались госпитальерами. Возглавлял этих французов друг Бернарда Гуго Пайен, который и обратился с каким-то письмом к Бернару. Ответ был получен довольно быстро, причем, текст этого письма стал широко распространяться повсюду. Он стал известен под названием «*De laude novae militiae*» («Похвала новому рыцарству»). Это сочинение можно рассматривать и как наставления рыцарям, и как обращение к европейским правителям, духовным властям и народам.

А в 1128 г. (единственный случай в истории!) для официального признания ордена храмовников, устав для которого был написан специально Бернаром Клервоским, был созван специальный церковный собор в Труа. Слава этого церковного и политического деятеля была настолько великой, что через двадцать лет, в 1174 г, римская церковь его канонизировала.²

Итак, его знаменитый трактат был настоящим обоснованием существования духовно-рыцарских орденов.

В самых первых его строках, обращаясь к своему старому другу, Бернард Клервосский писал:

Гуго, рыцарю Христа и Магистру Христова Ополчения Бернар, известный в миру как аббат Клервоский, желает ему вести справедливую битву.

Если я не ошибаюсь, мой дорогой Гуго, не один, не два, а три раза вы просили, чтобы я написал краткое наставление Вам и Вашим товарищам.

¹ Флетчер писал: «Иннокентий, если он и нуждался в том чтобы добиваться поддержки Бернарда, несомненно, снискал его благодарность, пожаловав цистерцианскому ордену самые обширные изъятия из епископской юрисдикции, которые можно вообразить. Папа подтвердил все орденские права собственности, даровав ему абсолютную свободу избрания аббатов и исключение из любых обложений десятиной». Такими благами пользовались только два духовно-рыцарских ордена — госпитальеров и храмовников. См.: *Fletcher C. R. L. Making Western Europe*. Vol. II. London, 1912. P. 136.

² О св. Бернарде существует большая литература, мы указываем лишь некоторые работы на русском языке: См.: *Парийский Л.* Обличение папства католическим святым // Журнал Московской Патриархии. 1950. № 2. С. 52–60.; *Кудрявцев В. В.* Лекции по истории религии и свободомыслия. Минск, 1998; *Мудрагей Н. С.* Знание и вера: П. Абеляр и Бернар // Вопросы философии. 1988. № 10; *Браг Р.* Антропология смирения. // «Вопросы философии». 1999. № 5. С. 99–101.; *Шишков А. Св. Бернар Клервоский: учение о человеческой свободе и церковной политике* // Точки. 2001. № 3–4 (2).

Вы говорите, что уж если мне не дозволено держать в руках копьё, то, по крайней мере, я мог бы направить против врага-тирана свое перо, и что эта скорее моральная, чем материальная поддержка, окажет Вам немалую помощь. Я довольно долго откладывал Вашу просьбу не потому, что пренебрег ею, а лишь для того чтобы меня не обвинили в слишком поверхностном и поспешном к ней отношении. Я боялся плохо сделать то, что более умелая рука сделала бы лучше, и таким образом, работа могла бы остаться из-за меня не выполненной, и выполнение ее стало бы еще более затруднено.

Итак, затратив много времени на раздумья такого рода, я, наконец, решил сделать то, что мог, потому что не хотел, чтобы моя неспособность была принята за нежелание. Пусть читатели сами судят о результате.

Если кому-либо моя работа покажется никуда не годной или не отвечающей ожиданиям, я все же буду удовлетворен тем, что сделал все, что было в моих силах¹.

В 4 главе Бернард Клервосский писал о рыцарях:

Они соперничают друг с другом во взаимной предупредительности и берут на себя бремя товарищей своих, выполняя заветы Христа.

Ни одно неуместное слово, ни одно праздное действие, ни один несдержанный смех или самый тихий шепот или же роптание, будучи раз замечены, не остаются неисправленными. Они навсегда отказались от игры в кости или шахматы и питают отвращение к охоте. Они не находят радости в нелепой жестокости соколиной охоты, которая так широко распространена. А шутов, магов, бардов, трубадуров и участников ристалищ и турниров они презируют и отвергают как различные проявления мирской суеты, тщеславия и нездорового обмана. Они коротко остригают волосы, в согласии со словами Апостола о том, что мужчинам не к лицу растить длинные локоны. Поистине они редко моют голову и никогда не делают причесок, довольствуясь тем, что непричесанные, покрыты пылью и несут на себе отметины солнца и dospехов.

Когда близится час сражения, они внутренне вооружают себя верою, а внешне — стальной броней, а не украшают себя золотом, ибо задача их — утратить врага, а не разжечь в нем чувство алчности. Они подбирают себе сильных и быстрых коней, а не тех, что великолепны и красиво убраны. Они настраивают мысли свои на борьбу до победы, а не на участие в параде. Не о славе думают они, и стараются быть грозными, а не нарядными. И в то же время они не задиристы, не опрометчивы и не торопливы. Благоразумно и предусмотрительно выстроены они в правильные ряды, как, мы знаем, делали их отцы.

¹ <http://www.newacropol.ru/library/Bernar>. Данный перевод более точен, нежели приведенный нами выше фрагмент, переведенный Ю. В. Яшневым.

Поистине настоящий рыцарь Христа — человек мирный, даже когда отправляется на войну. Как только он оказывается в гуще сражения, этот рыцарь оставляет свою мягкость и кротость, как бы говоря: «Разве я не ненавижу тех, кто ненавидит тебя, о Господи, разве мне не отвратительны враги твои?» Эти рыцари сразу стремительно атакуют врага, видя в нем стадо баранов. Не смотря ни на какое численное превосходство врагов, никогда они не считают их свирепыми варварами или внушающими страх ордами. Также не преувеличивают они и собственной силы, но верят в то, что Господь всего воинства дарует им победу. Они помнят слова Маккавеев: «Горстка воинов легко может победить многочисленного врага». Господь небесный не видит разницы даровать ли освобождение руками множества или малого числа воинов, ибо победа в войне не зависит от многочисленности армии, а храбрость — дар небес. Много раз они были свидетелями того, как один человек преследовал тысячу, и как двое обращали в бегство 10000 врагов.

Так, удивительным и уникальным образом они выглядят более кроткими, чем овечки, будучи более свирепыми, чем львы. Не знаю, как лучше называть их: монахами или солдатами. Возможно, правильнее будет признать их и теми и другими. Воистину, обладают они и монашеским смирением, и воинской мощью. Что можно сказать еще, кроме того, что все это деяния Господа и чудеса, творимые перед нашими глазами. Это избранное воинство Господа, набранное им со всех концов земли. Это доблестные мужи Израиля, избранные, чтобы хорошо и преданно охранять гробницу, которая есть колыбель самого Соломона. Каждый из них держит в руке меч и прекрасно обучен военному делу¹.

Как отметил известный французский историк тамплиеров Марион Мельвиль, задача св. Бернара была довольно деликатной: каноническое право, как и народное мнение, запрещало монахам проливать кровь и рассматривало акт умерщвления, даже в сражении, как убийство. Однако члены двух орденов — госпитальеров и тамплиеров были одновременно рыцарями, призванными к войне, и монахами, давшими три обета. Бернару Клервосскому, таким образом, пришлось внести различие в их пользу между понятиями войны как таковой, в которой существует «человекоубийство» (*homicidium*) и войны святой, которая понималась как «убиение зла» (*malicidium*)².

В своем трактате Бернард так объясняет убийство, совершенное мирским рыцарем на войне, противопоставляя такой же акт, но совершенной рыцарем ордена:

¹ <http://www.newacropol.ru/library/Bernar>.

² Мельвиль М. История ордена тамплиеров. СПб.: Евразия, 2003. С. 50

К чему же стремится мирское рыцарство, точнее, эта шайка мошенников и негодяев? К чему, как не к смертному греху победителя и вечной смерти побежденного? Что ж, тогда позвольте мне привести слова Апостола и призвать того, кто пашет, пахать с надеждою, а того, кто молотит, молотить с надеждою получить ожидаемое.

Что же это за чудовищная ошибка, о рыцари, и что за неумное стремление, заставляющее вас сражаться с таким упорством и размахом, и все это лишь ради смерти и греха!

Вы покрываете шелком своих коней, и чем только не украшаете вы доспехи свои. Вы раскрашиваете щиты и седла, украшаете шпоры и удила золотом, серебром и драгоценными камнями. А затем, в блеске всего этого великолепия бросаетесь навстречу гибели в яростном гневе и с безрассудной храбростью. Что это? Амуниция воина или, может быть, это более походит на женские безделушки?

Вы думаете, что мечи ваших врагов будут отражены вашим золотом? Вы думаете, что они пощадят ваши драгоценности или не смогут пронзить ваши шелка?

Как вы, должно быть, знаете по собственному опыту, более всего необходимые воину три вещи: он должен оградить себя силой, пронизательностью и осторожностью. Он должен быть свободен в движениях и иметь возможность быстро обнажить свой меч. Тогда зачем вы заслоняете взор свой локонами, похожими на женские, зачем одеваетесь в длинные, стесняющие движения туники, пряча свои нежные холеные руки в просторных и неудобных рукавах?

Но прежде всего, не смотря на всю вашу броню, незащищенной остается ваша совесть, ибо вы решились пойти на такое опасное дело по столь несерьезному и пустому поводу.

Что же служит причиной войн и раздоров между вами, помимо необоснованных вспышек гнева, жажды пустой славы или страстного стремления обладать земными благами?

Поистине не защищен тот, кто убивает или погибает из-за подобных причин¹.

А вот, как Бернард Клервосский объясняет такой же поступок, но совершенный рыцарями ордена, или как он их называет «новыми рыцарями»:

Но рыцари Христа могут уверенно сражаться в битвах Господа своего, не боясь совершить грех, поражая врага, или опасности самому быть убитым. Ибо убить или самому быть убитым во имя Христа — не грех, а скорее дорога к славе.

¹ <http://www.newacropol.ru/library/Bernar>.

В первом случае рыцарь побеждает во имя Христа, а во втором — воссоединяется с ним. Господь принимает смерть врага, оскорбившего его, и еще более охотно отдает себя утешению своего павшего рыцаря.

Говорю вам, рыцарь Христа может разить с уверенностью и с еще большей уверенностью может он умирать, ибо он служит Христу, когда сражается, и служит себе, когда погибает. И не напрасно носит он меч, ибо послан Господом, чтобы наказать злодеев и славить праведных. Если он убивает делающего зло, то он не человекоубийца, но, если можно так сказать, убийца зла.

Он воистину Христов мститель для злодеев, и по праву считается защитником христиан. И если ему самому суждено быть убитым, мы знаем, что он не сгинет, а будет пребывать в мире и спокойствии. Когда он убивает, то во благо христово, а когда погибает — для собственного блага.

Смерть язычника прославляет христианина, ибо прославляет Христа; в то время как смерть христианина дает Царю возможность показать свою щедрость, вознаграждая своего рыцаря. В первом случае справедливые возрадутся, увидев свершенную справедливость, а во втором скажут: Воистину справедливость вознаграждается, воистину Господь Бог на земле судья. Я не хочу сказать, что язычников следует убивать при наличии другого способа помешать им преследовать верующих, но теперь лучше уничтожить их, чем позволить силе грешников возобладать над праведниками, а праведникам погрязнуть в пороке.

Что же тогда? Если христианину не дозволено разить мечом, почему же тогда предтеча Спасителя призвал солдат довольствоваться жалованием, а не запретил им следовать этому призванию? Но если это дозволено всем, кому это суждено Богом, как оно и есть в данном случае, при условии, что они сами не были призваны служить Господу, то кому, хочу я спросить, может быть это дозволено с большим правом, как не тем, чьи руки и сердца удерживают для нас Сион, город нашей силы?

Итак, когда нарушители божественного закона были изгнаны, праведный народ, хранящий истину, может получить защиту. Народы, любящие воевать, следует рассеять. Те, кто доставляют нам неприятности должны быть отсечены. И все, творящие беззаконие, должны быть изгнаны из града Господня.

Они заняты тем, что пытаются вынести неисчислимые сокровища, помещенные в Иерусалим христианскими народами, осквернить святыни. Они хотят владеть святилищем Бога как своим наследством.

Пусть же оба меча правоверных падут на выи врагов, чтобы уничтожить каждого, кто отвергает слово Господне, то есть христианскую веру, чтобы не сказали потом язычники: «Где же их Бог?»

Когда они будут изгнаны, он вернется к своему народу и в дом свой, вызвавшие гнев его, как сказано в Евангелии: «Се, оставляется вам дом ваш пуст».

Он жаловался устами пророка: «Я оставил дом свой, я отрекся от народа своего» и исполнит другое пророчество: «Господь сотворил избавление народу своему». И придут они на гору, чтобы ликовать и радоваться добрым деяниям Господа. Радуйся, Иерусалим, и узнай время посещения твоего! Торжествуйте, пойте вместе, развалины Иерусалима, ибо утешил Господь народ свой, искупил Иерусалим. Обнажил Господь святую мышцу свою пред глазами всех народов. О дева, израильская, ты пала, и не нашлось никого, кто поднял бы тебя. Восстань же теперь и отряси с себя прах, о пленная дочь Сиона! Не будут уже называть тебя «оставленной» и землю твою не будут более называть «пустынею», ибо Господь благоволит к тебе, и земля твоя будет населена. Возведи очи твои и посмотри вокруг: все они собираются и идут к тебе. Се помощь, посланная тебе Господом! Через них исполнено уже древнее обетование: «Я соделаю тебя величием навеки, радостью в роды родов. Ты будешь насыщаться молоком народов, груди царские сосать будешь». И вновь: «Как мать утешает детей своих, так и я утешу тебя. В Иерусалиме найдешь ты утешение».

Разве вы не видите, сколь часто эти древние свидетельства предвещали появление нового рыцарства? Истинно, как мы ранее слышали, так теперь узрели в граде Господа всего воинства. Разумеется, мы не должны допустить, чтобы эти буквальные исполнения пророчеств заслонили от нас духовный смысл писаний, ибо мы должны жить в вечной надежде, несмотря на временные исполнения пророческих высказываний. В противном случае осязаемое может вытеснить неосязаемое, материальная бедность будет угрожать духовному благополучию, а нынешние блага опередят будущее исполнение. Более того, временная слава земного города не затмевает славы его небесного двойника, а скорее готовит к нему, по крайней мере, до тех пор, пока мы помним о том, что один есть отражение другого и что именно небесный город — наша родина¹.

Таким образом, духовно-рыцарские ордена получили, как бы официальное обоснование возможности активно участвовать в военных действиях, не боясь кого-то убить. И это «разрешение», эта индульгенция была получена не просто от современника, а от человека уже при жизни почитавшемся всем западным христианским миром святым, к слову которого прислушивались все — и короли, и духовенство, и миряне.

А вскоре и Иоанн Солсберийский², друг святого Бернара Клунийского, в своем сочинении «Поликратик» (книга 7, глава XX) писал о тамплиерах, что они — почти единственные из людей — могут вести законную войну.

¹ <http://www.newacropol.ru/library/Bernar>.

² Иоанн Солсберийский (Joannes Sarisburiensis) (ок. 1120–1180) — средневековый философ, представитель шартрской школы. Учился во Франции у Абельяра, Гильома из Конша (в Шартре) и Жильбера Порретанского. Вернувшись в Англию

Таким образом, и тамплиеры, и госпитальеры могли теперь без зазрения совести заниматься военным промыслом, но и госпитальерская деятельность сохраняла свою значимость.

На время правления Раймонда дю Пюи приходится и учреждение организации для женщин-членов ордена. Это обстоятельство не являлось чем-то из ряда вон выходящим, ибо в эпоху Средневековья постоянно учреждались духовные женские ордены, обычно присоединявшиеся к расположенным неподалеку мужским монастырям. Само собой, такая крупная больница, как Иерусалимский госпиталь, постоянно нуждалась в заботливых женских руках. Новая женская организация была основана под небесным покровительством Святой Марии Магдалины, руководствовалась в своей жизни и деятельности Уставом, в основе которого, как и у госпитальеров, лежали правила монашеского ордена августинцев, и находилась под омофором Патриарха Иерусалимского.

Следующим шагом к расширению сферы деятельности ордена явилось завещание короля арагонского Альфонса I (1104–1134 гг.), успешно осуществлявшего в своей стране борьбу с исламом, но умершего молодым и бездетным. В завещании он назначил своими наследниками духовно-рыцарские ордены госпитальеров, тамплиеров и «каноников Храма Гроба Господня». Каждому из наследовавших ему военно-монашеских орденов арагонский король завещал по трети своих владений. Королевское завещание являлось наглядным выражением огромного уважения, которым пользовались в ту пору духовно-рыцарские ордены, как «воины Христа» и борцы с Исламом. Однако, составляя свое завещание, арагонский король-крестоносец наверняка руководствовался не только уважением к орденским воинам-монахам, но и четким осознанием того, что только эти представители Церкви Воинствующей были в состоянии довести Реконквисту до победного конца — изгнания всех мавров с Иберийского полуострова. Правда, последняя воля покойного короля, выраженная в завещании, была выполнена не в полной мере, но, тем не менее, ордены, и в том числе госпитальеры, благодаря дипломатическому искусству Раймонда дю Пюи, получили в Арагоне, наряду со значительными суммами наличных денег, немалые земельные владения. В соответствующем договоре, заключенном между госпитальерами и Арагоном в 1141 г., арагонская корона также обязалась не заключать с неверными мира без согласия вышеупомянутых трех рыцарских орденов и патриарха Иерусалимского. Со своей стороны, эти ордены, и в том числе госпитальеры, обязались оказывать арагонской короне постоянную военную поддержку в борьбе против мавров.

(1153–54), был секретарем архиепископов кентерберийских Теобальда и Томаса Бекета вплоть до убийства последнего (1170). С 1176 г. епископ Шартрский.

В Сирии и Палестине новые владыки Святой Земли под влиянием утонченной роскоши расслабляющей цивилизации культурного Востока буквально на глазах теряли свою прежнюю воинственность. Между тем военное положение, без оказания срочной помощи людьми и материалами из Европы, грозило стать катастрофическим. Поэтому папа Евгений III (между прочим, ученик Бернарда из Клерво) вновь призвал западных христиан к Крестовому походу (1147–1149 гг.). Благодаря страстным проповедям Бернарда из Клерво недостатка в «пилигримах» (как тогда именовали крестоносцев) не было; общее руководство походом осуществлял король французский.

Аббат Бернард мог написать папе:

Вы повелели, я повиновался; и власть того, кто дал повеление, сделала мое послушание плодотворным. Я отверз мои уста; я стал говорить; и вскоре число крестоносцев умножилось до бесконечности. Ныне города и села стоят пустые, покинутые своими обитателями. На семь женщин не найдется и одного мужчины. Повсюду видишь вдов, мужа которых пока еще среди живых¹.

Немцы до сих пор не сыграли значительной роли в Крестовом движении. Их рвение верующих христиан выражалось скорее в обращении в христианство язычников-славян на их восточной границе. Миссионерская деятельность, сочетавшаяся с военными походами на язычников, практиковалась немцами с начала XII в. на славянских землях Померании и Бранденбурга. Побудить немецких крестоносцев обратить свои взоры к Святой Земле удалось лишь Бернарду из Клерво, объехавшему для этого со своими проповедями все германские земли. После возвращения Бернарда во Францию его дело с успехом продолжал Адам Кельнский, аббат цистерцианского монастыря в Эбрахе, брат Бернарда по ордену.

На Рождество 1146 года Бернард встретился на Шпейерском рейхстаге с королем германским Конрадом III (1138–1152), первым Гогенштауфеном на троне². Аббат произнес на рейхстаге столь пламенную проповедь, что успех был обеспечен. Сам король Конрад и многие из вельмож его Империи «приняли крест» (то есть, обязались участвовать в крестовом походе). Немцы спустились по Дунаю, однако основная часть их войска до самой Святой Земли не дошла. Близ Дорилея, в Малой Азии, немецкая армия, попав в искусно расставленную сельджуками ловушку, подверглась почти поголовному истреблению. Удалось спастись бегством от сарацин только самому Конраду и десятой части его разгромленного войска.

¹ S. Bernhardi ep. 247. / Patrologia Latina. Vol. 182.

² Delaville Le Roulx J. Cartulaire général de l'Ordre des Hospitaliers... Vol. I. p. 203 (№ 270).

Среди спасшихся был и епископ Оттон Фрейзингенский, Составленная им хроника этого завершившегося полной неудачей Крестового похода, дошла до наших дней. Французскому войску, двинувшемуся в поход почти одновременно с немцами, была уготована столь же печальная судьба. В ходе боев с мусульманами в Палестине, в которых приняли активное участие ордены тамплиеров и госпитальеров, рыцари-монахи также понесли тяжелые потери. Магистру ордена Святого Иоанна не оставалось ничего другого, как попытаться получить помощь из Европы. В 1157 г. он объездил испанские королевства, Португалию и Францию, неустанно ища благотворителей, но, наряду с вопросами финансирования, не забывая и о пополнении сильно поредевших рядов госпитальеров новыми воинами Христовыми.

Госпитальеры в Киликийском Армянском царстве

Орден госпитальеров имел свои владения не только в Палестине, но и в располагавшемся на северо-восточном берегу Средиземного моря Киликийском Армянском царстве. Это государство возникло в 1080 г. Его истории посвящены публикации зарубежных авторов и всего несколько — отечественных исследователей, большей частью на армянском языке¹. Прежде, чем расскажем об этих владениях ордена, несколько слов необходимо уделить Киликийской Армении. Процесс образования этого государства был не из легких — Византия ревниво следила за этим процессом, и как могла, противодействовала ему. Начало Киликийского царства относят к 1080 году, его основала династия Рубенянов (Рубенидов)². Это совпало

¹ *Rudt-Collenberg W.* The Rupenides, Hethumides and Lusignans. The structure of the armeno-cilician dynasties, Paris, 1963; *Boase T. S. R.* The Cilician Kingdom of Armenia. London, 1978; *Исакянян В.* Взаимоотношение Византии и Армении в IX–XI вв. Ереван, 1950; *Микаелян Г. Г.* История Киликийского армянского государства. Ереван, 1952. Отрицательная рецензия на эту книгу была опубликована в том же году: А. З. Иоанисиани в журнале «Вопросы истории» (1953, № 5. С. 120–123). Библиография на армянском языке приведена в книге: *Сукиасян А. Г.* История Киликийского армянского государства и права (XI–XIV вв.). Ереван, 1969. С. 314–316.

² О происхождении основателя Киликийского армянского государства хронисты средних веков выдвигали различные версии: одни считали Рубена сыном или братом, а возможно просто родственником или приближенным анийского царя Гагика II, другие предполагали, что он родом Арцунид и т. д. Основателем династии был — Рубен I (1080–1095). Наиболее видные представители Киликии: Левон I (1129–1141), Млех (1169–1175), Рубен II (1175–1187), Левон II (1187–1219), Хетум I (1226–1270), Левон III (1271–1289). В 1375 г. последний царь из династии Рубенидов — Левон VI — был пленён мамлюками и отправлен в Египет.

с эпохой первого крестового похода (1096–1099), путь крестоносцев лежал через Киликию, армяне встретили западных христиан как единоверцев, оказывали им различную помощь, многие из них даже вступали в ряды крестового воинства¹.

Таким образом, с самого начала завязались отношения с Западной Европой, столь характерные для всей истории Киликийского царства. Рубениды постоянно поддерживали связи с европейскими династиями, а междинастические браки благодаря которым они вошли в круг европейских правителей, заставили, правда, вмешиваться в распри родственников, но сделали имена властителей Киликии хорошо известными на Западе. Наконец, в 1198 году Левон II (Великий) был коронован на царствование. При нём Киликия достигла своего наивысшего расцвета.

Вместе с тем Киликийская Армения в XI–XIV вв., как отметил Г. Г. Микаелян, «была как бы в фокусе политических событий того времени на Востоке, а также экономического и отчасти культурного общения Европы с Азией»². Она не только принимала активное участие, но и сыграла заметную роль в политических, торговых и культурных взаимоотношениях ряда стран Ближнего Востока и Европы. Без изучения истории этого государства нельзя до конца выяснить международные отношения крестоносцев, монголов, мамелюков и сельджуков.

Создание в 1080–1198 годах армянского великого княжества Рубенидов и его укрепление происходило в ожесточенной борьбе против византийских императоров, арабских и сельджукских эмиров и крестоносцев. Антиохии.

При Рубене I и Константине I (1095–1100) власть армянских феодалов распространилась на большую часть Нагорной Киликии и отдельные районы Равнинной Киликии. При Константине произошел новый поход крестоносцев, первоначально благосклонно относившихся к армянскому княжеству, поскольку их интересы совпадали, и оба они выступали против Византии и сельджуков. При Торосе I (1100–1129) и Левоне I (1129–1141) армянское государство расширило свои границы на севере и, особенно, на юге, распространив свою власть и на ряд прибрежных районов Киликии. Это обстоятельство обострило отношения между армянским государством, с одной стороны, и византийцами, сельджуками и крестоносцами, с другой.

Как пишет А. Г. Сукиасян, первые Рубениды в течение полувека вели военную и дипломатическую борьбу одновременно с тремя противниками

¹ *Ирмияева Т. Ю.* История мусульманского мира. От Халифата до Блистательной Порты. Челябинск: «Урал ltd», 2000. С. 78.

² *Микаелян Г. Г.* История Киликийского армянского государства... С. 493.

и соперниками — греками, тюрками и франками (крестоносцами). Греков они полностью разбили и изгнали из пределов Киликии; с тюрками они заключали договоры о ненападении, хотя обе стороны часто нарушали мир; с франками, или крестоносцами, они устанавливали родственные, семейные связи.

Рубенидам приходилось вести борьбу также и с теми армянскими феодалами, которые задолго до этого обосновались в Киликии в качестве служилых людей Византийской империи. Эти вассалы византийских императоров назначались в качестве начальников пограничных отрядов, укреплений и городов и получали от императоров земли и крепости за службу. Поэтому они вели тайную и открытую борьбу против Рубенидов за власть и только спустя целое столетие были вынуждены подчиниться Левону II.

Хотя Византии и удалось в 1137 г. временно вновь подчинить себе Киликию, однако при Торосе II (1145–1169) независимость Киликии вновь была восстановлена, в 1152 г. им удалось разбить карательную армию византийцев. Потерпела также неудачу и политика императора Мануила I Комнина травли сельджуками и крестоносцами армян. Киликийцы разбили в 1153–1156 годах войска Иконийского султаната и Антиохийского графства крестоносцев, а затем в 1156–1157 гг. в союзе с этим графством разбили новую армию византийцев¹.

Во второй половине XII в. Киликийское княжество настолько усилилось, что другие армянские княжества вынуждены были ему подчиниться. Таким образом, в Киликии постепенно складывалась армянская раннефеодальная монархия и иерархическая феодальная система. Создав сильную, хорошо снаряженную регулярную армию, насчитывавшую 30000 воинов, Рубениды укрепляли границы страны от иноземных завоевателей.

С приходом к власти Левона II (1187–1219) вековая борьба армян увенчалась успехом — армянское государство овладело побережьем Средиземного моря от Александретты до Селевкии и стало, таким образом, одним из сильных государств Ближнего Востока. Этот факт вынуждены были признать как Византия, так и латинские княжества и другие государства, которые признали Левона II царем Киликии. Это признание было символически подтверждено тем, что византийский император Алексей III и германский император Генрих VI в 1196 и 1198 гг. прислали Левону II царскую корону.

Таким образом, при Левоне II в 1198 г. армянское княжество было превращено в царство. Это обстоятельство было расценено современни-

¹ Сукиасян А. Г. История Киликийского армянского государства и права... С. 26–27.

ками как восстановление армянской государственности. Именно поэтому киликийские цари титуловали себя «царями Армении»¹.

Во время Третьего Крестового похода Фридрих I Барбаросса прошел через Киликию, при этом армяне провожали немецких крестоносцев через горы, не причинив им вреда. Не боясь навлечь на себя вражду султана Саладина, они разрешили крестоносцам проехать через свою страну. Необходимо отметить, что такой же политики армянское государство придерживалось в течение целого столетия, т. е. в эпоху первых трех крестовых походов.

А. Г. Сукиасян объясняет подобную лояльность Рубенидов и предводителей крестоносцев друг к другу тем, что первоначально их интересы совпадали, так как они боролись против общих врагов — сельджуков и византийцев. Следует отметить, что, заручившись поддержкой Рубенидов, крестоносцы ликвидировали на своем пути не только сельджукские государства, но и армянские княжества, признававшие сюзеренитет султанов. Так, например, предводитель крестоносцев Балдуин Буржский с помощью армян захватил Тарс, затем совершил поход в Сирию, где злодейски убил куропалата Тороса и ликвидировал армянское княжество Эдессы (Урфы)². Здесь же в 1098 г. крестоносцы образовали первое свое графство на Востоке. Однако и Рубениды, и крестоносцы при Константине I и его преемниках сотрудничали только исходя из собственных соображений. Так, Константин I овладел землями мусульманских феодалов на Таврах и районом Мараша с крепостью Вахка, находившуюся на склоне горы в северных Таврах, которую в 1098 г. он превратил в свою столицу. Этот район он выбрал не случайно, именно там пролегал путь крестоносцев. Константин I, подобно другим армянским князьям, не только разрешил крестоносцам проход через свои владения, но помогал им, кормил их голодную армию. За это крестоносцы присвоили ему титул графа (comte) и маркиза или барона³.

Это сотрудничество было вскоре закреплено и родственными связями: Константин I выдал свою дочь замуж за Жослена, графа Эдесского, а его брат Торос — свою дочь за Балдуина, брата предводителя армии крестоносцев. Возможно, рыцари, которых манили к себе богатства Востока, утверждали брачно-семейные связи с армянскими феодалами, исходя из корыстных соображений, в то время как армянские феодалы рассчитывали с помощью крестоносцев укрепить свое самостоятельное государство. Однако Киликийское царство не осталось без внимания

¹ Там же. С. 29.

² *Микаелян Г. Г.* История Киликийского армянского государства... С. 76–77.

³ *Сукиасян А. Г.* История Киликийского армянского государства и права... С. 31.

со стороны Иерусалимского королевства. И госпитальеры, и тамплиеры вскоре обосновались и здесь¹.

Госпитальеры получили земельные владения, начиная уже с 1149 г. В 1163 г. они получили новое пожалование — крепость в районе города Маместия, а при Левоне II — две крепости в Селевкии. Но орден госпитальеров имел в своем распоряжении и земли, купленные на деньги жертвователей. Этот орден оставался в Киликии до 1375 г. Тевтонский орден также владел в Киликии крепостями и землями в важных экономических и стратегических районах страны. При Левоне II, Хетуме I и других царях этот орден пользовался и торговыми льготами.

По мнению А. Г. Сукиасяна эти три ордена в Киликийском царстве не пользовались правом экстерриториальности, а пользовались иммунитетом в качестве вассалов киликийских правителей Рубенидов, но вместе с тем их вассалитет носил особый характер. Дело в том, что они подвергались двойному подчинению. Созданные, как мы помним, с согласия и благословения римского папы, эти ордена, как духовные организации церкви, подчинялись своему верховному сюзерену — римскому понтифику. С согласия последнего они и выбирали своего непосредственного светского сюзерена. Однако нередко, в нарушение этого правила, вопреки воле папы, они меняли своих непосредственных сеньоров и служили тому, кто больше платил².

Дошедшие до нас жалованные грамоты, данные великими князьями и царями Киликии этим орденам, показывают, что пожалования носили характер бенефициев, т. е. на время исполнения госпитальерами договорной службы. Вассальная служба этих орденов заключалась в их военной помощи армянскому государству. Крепости и земли госпитальеров могли отбираться при отказе рыцарей нести верную службу. Таким образом, пожалования носили временный и условный характер. Это обстоятельство явствует из того, что каждая жалованная грамота должна была непременно утверждаться со стороны наследника дарителя, когда тот приходил к власти. Сеньоры (армянские цари), в свою очередь, обязаны были соблюдать неприкосновенность владения орденов госпитальеров и храмовников — вассалов Киликийского государя, до тех пор, пока последние несли свою службу исправно. В практике армянского государства нередко были случаи конфискации владений этих орденов из-за неверности, а иногда и вероломства последних. Например, крепость

¹ См.: *Luttrel A. Hospitalier's intervention in Cilician Armenia, 1391–1375 // Base T. S. R. The Cilician Kingdom of Armenia. London, 1978.*

² *Сукиасян А. Г. История Киликийского армянского государства и права... С. 53–54.*

Гастон и другие владения храмовиков подверглись конфискации из-за их нелояльности к своему сюзерену, армянскому царю. Константин Пайл силой оружия отнял у госпитальеров крепость в Селевкии из-за их отказа подчиниться Киликийскому государству и выдать царицу Изабеллу (дочь Левона II), бежавшую к ним. Царь Ошин в 1317 г. силой оружия отобрал другие владения госпитальеров из-за их отказа оказывать военную помощь Киликии. Тот же царь конфисковал в казну владения храмовиков.

Но если ордена госпитальеров и храмовников владели большими имениями, и во временном плане это продолжалось довольно длительное время, то пребывание тевтонского ордена в Киликии не было долговечным. Немецкий орден, как правило, не придерживался обета верности армянской короне. Поэтому их владения неоднократно конфисковались. К тому же Немецкий орден завершил свою миссию на Святой Земле раньше всех, он покинул Ближний Восток, чтобы развернуть свою деятельность в Восточной Европе.

Наконец, необходимо отметить еще одну особенность владений этих орденов в Киликии. Здесь они не облагались другими государственными налогами, как это имело место в отношении остальных вассалов. Орденское землевладение было новым явлением в армянском феодальном обществе, однако оно не укоренилось в быту армянских феодалов, хотя киликийскими царями первыми был перенят институт посвящения в рыцари.

Однако в конце XIII — начале XIV вв. Киликийское армянское государство вынуждено было отказаться от «помощи» госпитальеров и храмовников произошло это потому, что ордена, вербуя своих приверженцев из числа армян, сеяли рознь в их среде¹.

* * *

Тем временем политическая ситуация в Европе ощутимо изменилась по сравнению с предыдущими десятилетиями. Во Франции возникли серьезные внутренние трудности. С тех пор, как Императором стал Фридрих I Барбаросса, центр власти тогдашней Европы переместился из Парижа и Рима ко двору этого Штауфена. Госпитальеры отреагировали на это незамедлительно уже в 1158 г. Раймонд дю Пюи обратился за подтверждением привилегий Ордена госпитальеров не к папе, а к германскому императору Фридриху I².

¹ Сукиасян А. Г. История Киликийского армянского государства и права... С. 55.

² Delaville Le Roulx J. Cartulaire général de l'Ordre des Hospitaliers... Т. I. p. 558. (№. 387).

После правления Раймонда дю Пюи, сыгравшего столь важную роль в развитии ордена св. Иоанна Иерусалимского, десятилетие, прошедшее со дня его смерти (1160 г.) поставило перед госпитальерами новые задачи. То, что он считался способным к выполнению подобных задач, красноречиво свидетельствует о возросшей военной силе ордена. Не случайно король Иерусалимский в своих военных походах на египтян опирался главным образом на рыцарей ордена госпитальеров. В ту пору Иерусалимским королевством правил Амальрих III (1162–1173 гг.). Король Амальрих был человеком с четко сформулированными политическими целями. Он первым из «латинских» правителей осознал, что главная угроза государствам крестоносцев исходила от Египта. Поэтому борьба с этим исламским государством на нильских берегах стала основной внешнеполитической проблемой его правления, решить которую он пытался то силою меча, то договорным путем, опираясь главным образом на поддержку правившего в 1163–1170 гг. магистра ордена госпитальеров Гильберта Ассальи. Когда в 1168 г. возник вопрос о целесообразности нового крестового похода против египтян, именно Великий Магистр госпитальеров убедил короля и вельмож решиться на войну с Египтом.

Король Амальрих обещал щедро вознаградить госпитальеров за предложенную ими военно-политическую помощь и заранее даровал ордену в договоре, заключенном с ним 10 октября 1168 г. в Акре в собственность десять городов в Египте (которые, правда, еще предстояло завоевать!). В их числе был и богатый город Бильбайс с прилегающими землями, ежегодный доход с которых равнялся 100 000 золотых. Со своей стороны, орден госпитальеров обязался постоянно предоставлять королю военную помощь — 500 рыцарей и такое же количество легких кавалеристов-туркополов. Судя по всему, Великий Магистр госпитальеров рассматривал условия данного договора в качестве желанной возможности основания своего собственного, самостоятельного орденового государства. Ради этого орден госпитальеров согласился принести большие жертвы людьми и деньгами, надеясь, что они впоследствии окупятся сторицей. Поход в Египет состоялся, но окончился неудачей. Правда, обещанный госпитальерам город Бильбайс удалось захватить, несмотря на отчаянное сопротивление его защитников, но главная цель — захват Каира и последующее завоевание всего Египта, не была достигнута. На помощь египтянам прибыло большое сарацинское войско из Дамаска, что вынудило крестоносцев отказаться от продолжения борьбы и отступить обратно в Палестину. Госпитальеры понесли в ходе боевых действий серьезные потери, что вызвало острый конфликт в Конвенте (Совете братьев), в результате которого Великому Магистру пришлось в 1170 г. сложить с себя полномочия и даже покинуть

Святую Землю. 19 сентября 1183 г. Гильберт Ассальи, отплыв из Дьеппа в Англию, потерпел кораблекрушение и утонул в Ла Манше.

Еще в период пребывания короля Амальриха с войском в Египте он получил известие о вторжении сарацинских войск в графство Триполи, для обороны которого не имелось достаточно сил. Амальрих, являвшийся не только королем Иерусалимским, но и регентом Триполи, всецело осознавал необходимость срочно укрепить оборону графства. Главная проблема заключалась в том, где найти необходимые для этого силы. Король Амальрих предпочел снова опереться, как на вспомогательную силу, на войска духовно-рыцарских орденов. Поэтому Амальрих уступил им в 1167 г. и в последующие годы целый ряд триполийских замков с прилегающими землями. Замок Тортоза и почти весь север графства Триполи достались рыцарям-тамплиерам. Госпитальеры, уже владевшие сильнейшим замком графства — Крак де Шевалье — получили вдобавок плодородную Букайскую равнину. Расположенный на юге этой области замок Аккар, захваченный мусульманами в 1165 г., был отвоеван госпитальерами в январе 1170 г. Как регент графства Триполи, Амальрих передал госпитальерам отвоеванный ими у сарацинов замок, а в придачу — г. Акру. Так орден Св. Иоанна стал владельцем всей Букайской долины.

Склонность короля Амальриха переуступить духовно-рыцарским Орденам замки и крепости, усилилась после захвата сарацинами графства Эдессы. На протяжении десятилетий это графство служило плацдармом латинян на Востоке, не позволявшим исламизированным туркам-сельджукам соединиться с арабами Сирии и Северной Африки. После падения Эдессы от христианских владений на Среднем Востоке осталась лишь узкая полоска прибрежной земли, защитить и удержать которую, можно было лишь при помощи хорошо продуманной системы крепостей. Правда, христианские властители еще раньше предпринимали попытки упрочить свое положение в завоеванных странах путем строительства замков и крепостей. Но теперь эта деятельность в области строительства крепостей была значительно усилена.

В ходе возведения планомерной и целесообразной системе укреплений были усилены уже существовавшие ранее и построены новые замки. Система укреплений была глубоко эшелонированной. Внешняя оборонительная линия состояла из целого ряда замков и отдельных сторожевых башен. Во второй линии обороны в прибрежной полосе в стратегически важных пунктах, господствовавших над окружающей местностью, были построены мощные крепости, имевшие центральное значение для обороны всей страны. За мощными крепостными стенами были устроены склады оружия и продовольствия для снабжения передовой линии обороны.

Важнейшее значение имели замки, защищавшие государства крестоносцев с юга. Главным врагом христианских государств Востока, как помним, были мусульманские правители Египта. Поэтому «латиняне» возвели в прибрежной полосе, на границе с пустыней, крепости Газу, Дарон и Бейт Джибрин. Для наблюдения за караванными путями между Дамаском и Каиром, по которым также шли паломники и к мусульманским святыням Мекки на Аравийском полуострове и осуществлялась торговля с Индией, и для осуществления контроля над этими путями крестоносцы построили мощные крепости Монреаль и Керак, а еще южнее и, соответственно, еще ближе к границам Египта — крепости Петру и Элат.

Разумеется, большинство этих укреплений поначалу находились в руках самого короля или его ленников. Когда же христианские государства в XII в. оказались под все возрастающим давлением своих исламских соседей, король Иерусалимский Амальрих и его вассалы оказались более не в состоянии нести постоянно возрастающие затраты на поддержание их в надлежащем состоянии, расширение и ремонт. Поэтому владельцы большинства замков продали или даже передали их в дар орденам, поскольку только ордены были в состоянии тратить огромные суммы на текущий ремонт старых и строительство новых укреплений. Эти деньги ордены брали из пожертвований, стекавшихся в Святую Землю со всей Европы (например, в Германии в XIII в. двадцатая часть всех сборов взималась в помощь христианам Святой Земли). Кроме того, немалые суммы ордены получали в форме доходов от своих земельных владений, мельниц и пр. К тому же ордены, благодаря постоянному пополнению своих рядов за счет свежих бойцов с Запада и вспомогательных войск из числа местных жителей, нанятых орденскими вербовщиками на Востоке, могли обеспечивать замки и крепости достаточно многочисленными гарнизонами.

До падения Иерусалима в 1187 году число укреплений, принадлежавших госпитальерам, как, впрочем, и другим орденам, было незначительным. Но попытки получить их предпринимались неоднократно и раньше. Так в 1157 г. госпитальеры пытались получить половину Баниаса, но после того, как орденский гарнизон с большим обозом попал в засаду и был уничтожен, госпитальеры отказались от своих претензий. Тем не менее, госпитальеры владели многочисленными фортами и замками, стоящими вдоль самых оживленных дорог, по которым передвигалось большое число пилигримов. Вот неполный перечень этих владений: замки св. Иова на пути из Наблуса, и в Коке или Бовуаре, контролировавший границу с Иорданией, в Эммаусе возле Иерусалима и др.

Как писал Ж. Ришар, те замки, которыми владел Орден госпитальеров, а так же отдельные башни, которые они получили в городах «резко контра-

стируют с огромным богатством и мощной армией рыцарей-монахов»¹. В то время в Иерусалимском королевстве их численность была не более пятисот рыцарей и столько же туркополов (т. е. всадников), правда, в это число не входили гарнизоны их замков.

Рыцари госпитальеры, как и рыцари тамплиеры представляли собой не столько монашескую сословие, сколько «мобильную армию», готовую в любой момент выступить в поход. У этих рыцарей-монахов были в большинстве населенных пунктов свои казармы (это помещения госпиталей и храмов), которые они были готовы немедленно оставить для сопровождения пилигримов.

Но уже в это время орден госпитальеров превращается в межнациональную организацию. Не только в Святой Земле, но и во многих европейских государствах они имели командорства, или как их тогда называли, прецептории. Они превращали в командорства имения, получаемые ими в качестве пожалований, дарений и пр. Иногда им жаловалась лишь только рента с поместий знатных особ, считавших, что этим они получают освобождение от части грехов, что было оговорено в папских буллах ордену госпитальеров.

В 1174 г. Иерусалимским королем становится молодой и совершенно бесхарактерный Болдуин IV. Начинаются длительные и опасные придворные интриги, в которых оба ордена — госпитальеров и тамплиеров — стали играть важную роль. Все крутилось вокруг получения новых замков, доходов, ренты. Особенно преуспел маршал королевства Жирар де Ридфорд, который вскоре стал Великим Магистром ордена тамплиеров. Развалу королевской власти способствовала неизлечимая болезнь Болдуина IV. К 1183–1184 гг. противоречия достигли апогея. Регент короля, его шурин Ги де Лузиньян стал ставить себя выше хозяина престола и совершать поступки, нарушающие права Болдуина.

Мы уже говорили, что практически все ордены свыклись с ролью своеобразной постоянной армии крестоносных государств, поскольку их военная помощь последним становилась все более необходимой по мере обострения вооруженных конфликтов с соседними исламскими государствами. Вероятно, объединенной мощи военно-монашеских орденов (во всяком случае, двух крупнейших из них — госпитальеров и тамплиеров) оказалось бы достаточно для успешной обороны и укреплений Иерусалимского королевства от нападений сарацин — но лишь при условии, если бы ордены, в соответствии со своими уставными обязанностями, действовали бы в тесном союзе и согласии. Между тем, трагизм положения крестоносных государств усугублялся недостаточной координацией действий между

¹ Ришар Ж. Латино-Иерусалимское королевство... С. 134.

правителями отдельных государств и противоречиями между духовно-рыцарскими орденами.

С тех пор, как ордены разбогатели и усилились, они стали соперничать между собой в борьбе за власть и земельные владения. Эти противоречия нередко выливались в кровавые распри. Даже папам не удавалось наладить между орденами более-менее прочные мирные отношения. Так, папа Александр III пытался в 1179 г. выступить посредниками между орденами госпитальеров и храмовников в такой форме, как если бы речь шла об установлении мира между двумя враждебными государствами. Но межорденские распри продолжались еще очень долго. Спустя 50 лет, в 1235 году папа Григорий IX (1227–1241 гг.) был вынужден официально поставить орденам в вину то, что они, вопреки своим прямым обязанностям, вредят Святой Земле своими непрерывными стычками по ничтожным поводам (например, из-за права владения несколькими мельницами), вместо того, чтобы защищать страну от мусульман¹.

В лице Роджера (Роже) де Мулэна, магистра Иерусалимского Госпиталя в 1177–1187 гг., Орден госпитальеров вновь обрел выдающегося военного вождя и организатора. Он не только, в соответствии с заветами своих великих предшественников, всемерно поддерживал беспрекословную дисциплину и высокий боевой дух в рядах собственного ордена, но и выступал в качестве опытного советника владык крестоносных государств. Наилучшим свидетельством выдающейся личной храбрости магистра явилась его героическая смерть в бою с сарацинами. Из орденского Устава, названного его именем, явствует, что он, невзирая на вышедшую на первый план военную деятельность госпитальеров, по-прежнему уделял неослабное внимание изначальным задачам и духу странноприимцев, служению бедным, больным и убогим. Под его председательством Генеральный Капитул госпитальеров в 1181 г. осуществил ряд нововведений, поставивших Госпиталь во главе всех известных в ту пору на христианском Западе странноприимных домов.

С появлением на исторической арене Саладина — одного из крупнейших военных вождей в истории ислама — резко усилилась военная деятельность мусульман, направленная против крестоносных государств. Арабский мир, раздробленный, до появления Саладина, на ряд постоянно враждовавших и воевавших между собою довольно мелких государств, был им объединен в единую исламскую державу, охватившую территорию государств крестоносцев с юга (со стороны Египта), с востока (со стороны Сирии) и с севера (со стороны Двуречья). Параллельно с укреплением

¹ *Delaville le Roulx J. Cartulaire général de l'Ordre des Hospitallers... Т. II. P. 489 (№ 2120).*

исламских сил «развитие» крестоносных государств шло в прямо противоположном направлении. Правление сменявших друг друга на иерусалимском троне слабых и больных королей, внутренние потрясения в следствие борьбы за власть и междоусобиц, кровавые столкновения между соперничавшими духовно-рыцарскими орденами приводили ко все возрастающей политической и военной слабости «франков» на Востоке.

В своей борьбе против соперничавших с ним исламских государств и крестоносцев Саладин искусно использовал политические и военные столкновения между своими противниками. В 1179 г. он одержал блестящую победу над крестоносцами у реки Литанни, притока Иордана в его верхнем течении. Разгромленное Саладином христианское войско обратилось в беспорядочное бегство. Все воины Креста, не успевшие переправиться на палестинский берег Литанни, были перебиты. Среди многочисленных пленных, попавших в руки Саладина, находился и магистр храмовников, Одо де Сент-Аман¹. Саладин планировал обменять главу тамплиеров на знатного исламского пленника. Но Великий Магистр Ордена Храма был настолько горд, что заявил, будто «нет на свете сарацина, равного ему», и что ему нечего предложить в качестве выкупа, кроме пояса и кинжала. Гордый Одо де Сент-Аман никак не мог смириться с потерей свободы, тем не менее он предпочел умереть в дамасской тюрьме спустя год после своего взятия в плен.

Однако постоянное участие госпитальеров в военных сражениях, их желание получать за это участие все больше и больше земельных владений, стало не только причиной частных конфликтов с тамплиерами, но достоянием гласности в Риме. Около 1180 года папа Александр III вынужден был напомнить Великому Магистру госпитальеров Роже де Мулэну о необходимости заниматься в первую очередь своей исконной задачей — служением убогим и больным во Христе Иисусе, братья же за оружие следовало только в случае настоятельной необходимости защиты границ Иерусалимского королевства от мусульманской агрессии.

В этом послании, которое датируется 1178–1180 гг. папа, в частности, писал:

Александр III (и прочая) желает возлюбленному сыну Роджеру, магистру странноприимного дома, что в Иерусалиме, здравствовать (и т. д.). Мы сочли твои в высшей степени благочестивые и постоянные искренние заботы, коими ты найдостохвальнейшим образом окружаешь дело ухода за убогими во Христе, что позволяет тебе снискать благоволение Господне и несомненно служит спасению твоей души, в общем и целом достойными

¹ *Аддисон Ч. Дж.* История рыцарей тамплиеров / Пер. с англ. М.: Алетея, 2005. С. 72.

всяческого поощрения и благословения свыше, и желаем тебе возрастания в твоей душе день ото дня любви и рвения к служению убогим. Посему надеемся, что, подобно тому, как пламя разгорается сильнее от воздушного дуновения, так и твое благое рвение будет возрастать от апостольских увещаний еще более ревностно выполнять взятую тобой на себя главную задачу; потому мы зываем к твоей мудрости и даем тебе поручение и приказание, не жалея сил, подражать твоему блаженной памяти предшественнику Раймунду в поддержании его священных обычаев и добрых правил и проявлять еще большую заботу об убогих, дабы достойным образом упорядочить дела христианской любви к ближнему; вообще же советуем тебе, подобно вышеупомянутому добродетельному Раймунду, воздерживаться от ношения оружия, за исключением случаев, когда тебе придется под знаменем Святого Креста выступить в поход для защиты королевства или осады языческих городов. В подобных случаях братья за оружие необходимо, поскольку достойно и разумно неустанно заботиться о сохранении странноприимного дома, основанного для ухода за больными и убогими, хотя, по нашему глубочайшему убеждению, любовь и сострадание к убогим послужат ему лучшей защитой, чем любое оружие. Мы же повелеваем, чтобы сие повеление исполнялось как тобой, так и твоими преемниками, дабы под предлогом воинской службы ни коим образом не умалялась бы забота о больных и убогих. Дано в Латеране...¹

Но ситуация в Святой Земле все более осложнялась. Саладин стал большим лагерем возле Тверии и начал совершать постоянные набеги на все районы Палестины. А вскоре все земли от Пании до Бейсана, Дженина и Себастии были преданы огню и мечу. Была разграблена и сожжена резиденция тамплиеров, многие замки, принадлежащие госпитальерам и тамплиерам были взяты штурмом. Как писал Чарльз Дж. Аддисон, немедленное падение Латинского королевства удалось предотвратить «благодаря частичному успеху, достигнутому христианскими воинами, и под умелым руководством их предводителей»².

Однако фортуна не всегда сопутствовала Саладину. После сожжения Наплы и опустошения окрестностей Тверии, султану пришлось отступить в Дамаск. И уже в том же году он начал переговоры о перемирии. Военные действия на время прекратились, еще и из-за того, что Саладину пришлось оказаться втянутым в междоусобную борьбу в Месопотамии, и разборкой интриг турецких вождей на севере Сирии. Между тем переговоры христиан с Саладином продолжались. Султан согласился прекратить войну

¹ Документы по древней истории рыцарского Ордена госпитальеров... С.51–52.

² Аддисон Ч. Дж. История рыцарей тамплиеров... С. 73.

на четыре года только при условии, что христиане выплатят ему большую контрибуцию.

В Иерусалиме собрали большой совет, на котором приняли решение, чтобы отвести возросшую угрозу необходимо срочно обратиться за помощью для оказавшихся в опасности крестоносных государств. Для этого было составлено посольство во главе с патриархом Иерусалима Ираклием, которого сопровождали магистр госпитальеров Роджер де Мулэн и магистр тамплиеров Арнольд де Торож. Весной 1184 г. они отплыли на Запад. В Вероне они были приняты папой Луцием III (1181–1185 гг.) и Императором Фридрихом I Барбароссой, но встреча прошла без ощутимых результатов. В январе 1185 г. делегация отправилась в Париж просить о помощи французского короля. Но еще в Вероне магистр тамплиеров заболел и вскоре умер. Король Франции, опасаясь своего соперника, короля английского Генриха II, лично не взял крест¹, но передал делегации значительную сумму денег на оборону Святой Земли. Теперь уже два просителя отправились в Англию, куда прибыли в конце января.

Вот как об этой поездке повествует хроникер:

В этот год <1185> король Иерусалима Болдуин, тамплиеры и госпитальеры отправили к английскому королю Ираклия, патриарха святейшего города Иерусалима и великих магистров госпитальеров и тамплиеров с королевским знаменем, ключами от Гроба Господня, башни Давида и города Иерусалима; стремясь, таким образом, получить помощь без промедления... они тотчас, пав к ногам короля со слезами и стенаниями, произнесли слова приветствия от лица короля, знати и всех жителей Иерусалимского королевства... было вручено королевские знамя...²

Преклонив колена перед королем Генрихом Английским, они вручили ему от имени короля Иерусалимского Балдуина IV (1173–1185 гг.) ключи от башни Давида и от храма Святого Гроба, а также хоругвь Иерусалимского королевства, желая этим широким жестом побудить его «принять крест». Их красноречивый рассказ, как писали современники, заставил короля Генриха и всех его придворных плакать. Однако английский король, в свою очередь, опасаясь короля французского, отказался участвовать в крестовом походе. Он сказал, что изложит все дело парламенту, который соберется в ближайшее воскресенье в Ленте. Делегация надеялась на положительное решение своей просьбы поскольку знали, что английский король приходится внуком королю Иерусалима Фульку и родственником правящего в то время короля Балдуина. Кроме того, было известно, что Генрих II недавно получил от папы отпущение грехов

¹ «Взять крест» означало принести обет участвовать в крестовом походе.

² *Аддисон Ч. Дж.* История рыцарей тамплиеров... С. 333.

за совершенное по его приказу убийство Томаса Беккета на условиях, что он лично выступит во главе армии для спасения Святой Земли, и, кроме того, за свой счет вооружит двести человек из членов орденов госпитальеров и тамплиеров для защиты Палестины.

Но прошло два месяца. Тем временем место великого магистра тамплиеров занял Жерар де Ридфор. Но только в апреле 1185 г. собрался большой совет или парламент английского королевства. Заседание проходило в резиденции госпитальеров в Клеркенвелле в Лондоне. От имени Генриха II было сказано, что царственный грешник готов исполнить свой обет и принести покаяние, но при этом присутствовавшим напомнили о весьма преклонном возрасте короля, его нездоровье и необходимости присутствовать в Англии.

Собравшиеся заявили, что торжественная клятва, данная им при коронации, была дана раньше, чем папа наложил на него покаяние. И что своей клятвой он обязан защищать свое государство, которое больше нуждается в его личном присутствии для защиты против варварской Франции, нежели разорить Англию ради блага далекого Иерусалимского королевства. Но все-таки было решено выделить пятьдесят тысяч марок для снаряжения войска и отправления его в Палестину. Кроме того всем рыцарям, пожелавшим выступить на защиту Святой Земли было разрешено беспрепятственно покинуть королевство.

В хронике аббата Джона Бромтона сохранилось описание беседы, которая состоялась после заседания большого совета с патриархом и Магистром госпитальеров:

Наконец, король дал ответ и сказал, что не может он покинуть свою землю без защиты и оставить ее на гибель и разграбление французам. Но он даст многое из своего имущества тем, кто возжелает отправиться в путь. Этим ответом патриарх был недоволен и сказал: «Нужен нам человек, а не деньги; ибо каждая христианская земля посылает нам деньги, но ни одна не послала государя. И поэтому мы просим государя, которому нужны деньги, а не деньги, которым нужны государь». Но король привел ему такие доводы, что патриарх ушел от него недовольный и рассерженный, о чем король был извещен, и желая как-то смягчить его приятными речами, последовал за ним на берег моря. Но чем более король желал утешить его своей прекрасной речью, тем более патриарх гневался, так что под конец сказал ему: «доселе ты правил славно, но отныне отречется от тебя Тот, от кого ты сейчас отрекся. Помысли о Нем, что Он дал тебе, и чем ты Ему отплатил: как сперва ты обманул короля Франции, а затем убил святого человека Томаса <Беккета> Кентерберийского, и наконец, отказался защищать христианскую веру». Король же был оскорблен этими словами и сказал патриарху: «Если бы все люди моей земли были

одним телом и говорили одними устами, они не осмелились бы сказать мне такие слова». — «Воистину, — ответил патриарх, — ибо они возлюбили *твое*, а не *тебя*; то есть они любят земные блага и боятся потерять свою выгоду, а души твоей не возлюбили». И сказав это, патриарх повернулся к королю, говоря: «Сделай со мной то, что сделал с блаженным Томасом Кентерберийским, ибо я предпочитаю быть убитым тобой, а не сарацинами, ты же хуже любого сарацина». Но король хранил спокойствие и сказал: «Не могу я покинуть свою землю, ибо собственные мои сыновья поднимутся против меня, когда я буду отсутствовать». «Не удивительно это, — сказал патриарх, — ибо от дьявола пришли они и к дьяволу уйдут», — и так он уехал от короля в большом гневе¹.

Возвращение делегации в Иерусалим было встречено безрадостно, больше того, ужас охватил все христианское население города, патриарху Ираклию была поставлена в вину неудача переговоров. Но тут наступает в Палестине череда ссор и раздоров, в которых и тамплиеры и госпитальеры принимали активное участие.

В том же 1185 г. умирает король Балдуин IV, на престол возводят его малолетнего племянника Балдуина V, но он умирает через семь месяцев в 1186 г. в Акре. Тогда Великий Магистр тамплиеров Жерар де Ридфор возводит на престол мать умершего монарха Сибиллу и ее второго мужа Ги де Лузиньяна. Многие дворяне покинули королевский двор и отказались присягать. Вместо объединения против мусульман в Иерусалимском королевстве начались внутренние распри.

Как мы помним, в 1185 г. Саладин заключил с христианскими государями перемирие сроком на четыре года. Установившийся хоть и непрочный мир позволил возобновить торговлю между государствами «франков» и их соседями. Ведь во время военных действий она была почти сведена на нет. В условиях перемирия возобновилась и транзитная караванная торговля между сирийским Дамаском и Египтом через территорию крестоносных государств. Так что этот мир оказался выгоден обеим сторонам. Однако корыстолюбие крестоносцев невозможно было остановить. Случилось непоправимое, из-за одного человека снова началась война, да такая, какой уже никто не мог вспомнить.

В конце 1186 г. из Каира в Сирию отправился огромный караван под охраной небольшого отряда египетских воинов. Когда караван вошел в Моав, на него неожиданно напал местный сеньор Райнальд де Шатильон. По его приказу все египетские воины были перебиты, а мусульманские купцы с семьями и товарами были заключены в сильно укрепленном замке Керак, принадлежавшем Райнальду. Добыча была столь велика,

¹ Цит.: *Аддисон Ч. Дж.* История рыцарей тамплиеров... С. 103.

что «не поддавалась никакому описанию». Вскоре об этом грубейшем нарушении условий перемирия было доложено султану Саладину. Поступок беспутного Райнальда усугубился еще и тем, что в этом караване находилась сестра Саладина, которая так же была ограблена и пленена. Султан направил к Райнальду посла с напоминанием о святости заключенного договора и с требованием об освобождении пленников и компенсации причиненного им ущерба. Получив от Райнальда отказ, посол Саладина отправился в Иерусалим к королю Ги де Лузиньяну, чтобы с помощью короля добиться выполнения требований султана Египта и Сирии. Король приказал Райнальду отпустить пленников на свободу и выплатить им компенсацию. Но Райнальд, не дававший присягу королю не подчинился его приказу. И тогда Саладин публично поклялся, что сам найдет удовлетворение и собственноручно убьет графа Райнальда, если он когда-нибудь попадется живым в его руки. Война, в силу этого обстоятельства, стала совершенно неизбежной. Саладин начал подготовку к окончательному уничтожению государства крестоносцев. По всей Месопотамии, Сирии и Египту был распространен призыв к «священной войне»: со всех сторон стали стекаться войска, воодушевляемые только одной целью — борьбой против неверных¹.

Арабские авторы, приводя тексты его воззваний к правоверным, и восторженно описывают его тщательные приготовления к священной войне, которая не заставила себя ждать.

Вскоре в Палестине произошла настоящая катастрофа для всех христианских властителей и находившихся под их управлением территорий. Этой катастрофой стала битва при Хаттине в 1187 г., во время которой крестоносцам был, как писали последующие историки, «перебит хребет» их власти на Ближнем и Среднем Востоке. Все последующие события подробно описаны как в латинских, так и в арабских хрониках. Об этих событиях будет рассказано в 9 главе.

¹ Куглер Б. История крестовых походов. Ростов-на-Дону: Феникс, 1996. С.236.

Глава 7

Орден госпитальеров и «разделение» церквей

Несколько лет назад в Петербурге вышла книга американского автора Юрия Милославского «Странноприимцы»¹. В ней была сделана попытка, проверить справедливость утверждений историков современного Суверенного Мальтийского Ордена (S. M. O. M.), что только он является законным правопреемником Ордена госпитальеров. Того самого Ордена, который возник в Иерусалиме еще до так называемого разделения церквей в 1054 г. на Западную (католическую) и Восточную (православную).

В рецензии на эту книгу В. В. Акунов отметил многие неточности и противоречия ее автора². В этой связи анализ и наблюдения рецензента заставляют не только вернуться к вопросу о так называемом «разделении церквей», но и увидеть, что данная проблема, ангажированная современными богословами, и доведенная до состояния непререкаемого мнения, нуждается еще в серьезном научном анализе и обосновании.

Мы не будем разбирать данную проблему, укажем лишь, что литература по этому вопросу огромна. Среди ее авторов немало дореволюционных российских историков церкви, советских и западноевропейских историков³. Обзор зарубежной литературы был сделан в статье А. Бармина,

¹ Милославский Юрий. Странноприимцы. Православная ветвь Державного Ордена рыцарей-госпитальеров св. Иоанна Иерусалимского. СПб.: «Царское дело», 2001.

² Акунов В. В. Загадки «православных» рыцарей // Рыцарский клуб. Сб. исследований и материалов. Вып. 1. М.: «Русская панорама», 2002. С. 60–73.

³ Литература по данному вопросу может составить внушительный библиографический том. Здесь мы укажем лишь самые главные исследования: Герасим (Яред), митропол. Отзывы о св. Фотии, патриархе Константинопольском — его современников в связи с историей политических партий Византийской империи. СПб., 1874; Лебедев А. П. История разделения Церквей в IX, X и XI веках. СПб.: Алетея, 2001. Там же дан полный обзор дореволюционных исследований.

к которой мы и отсылаем читателя¹. В данной главе мы хотели бы обратить внимание лишь на новые документы Ордена госпитальеров, недавно введенные в научный оборот², которые заставляют иначе расставить акценты, и взглянуть на проблему «разделения» церквей. Мы уже касались этой проблемы³, тем не менее, вновь возвращаясь к этому вопросу, все же необходимо кратко остановиться на взаимоотношениях между западной и восточной церквями на протяжении VI–XI вв. Тем более, что официальное превращение братства госпитальеров в духовно-рыцарский орден, оказалось в полной зависимости от главы западной церкви — римского первосвященника.

Общеизвестно, что Римская империя в дохристианский и христианский периоды резко разделялась на две части — восточную и западную. Это разделение было, по мнению известного церковного историка зарубежья профессора Н. Д. Тальберга, обусловлено разнородностью населения в той и другой части. В первой преобладало греческое население, во второй — латинское или олатинившееся⁴. Но кроме этого каждой этнической группе

С. 253–300; *Лебедев А. П.* Церковь Византийская и Римская в их взаимных догматических и церковно-обрядовых спорах в IX и XI вв. // *Лебедев А. П.* Очерки внутренней истории Византийско-восточной церкви в IX, X и XI веках. От конца иконоборческих споров в 842 г., до начала Крестовых походов — 1096 г. СПб.: Алетей, 1998. С. 226–290; *Сюзюмов М. Я.* «Разделение церквей» в 1054 г. // Вопросы истории. 1956. № 8.; *Каждан А. П.* Как возникло православие? // Наука и религия. 1966. № 10–12, 1967. № 1; *Рансимен С.* Восточная схизма. Восточная теократия. / Пер. с англ. М.: Наука, 1998; *Козлов М., Огницкий Д. П.* Православие и западное христианство. М., 1999; *Мейендорф И.* Византийское богословие: Исторические направления и вероучение. М.: Когелет, 2001. С. 165–185; *Акунов В. В., Захаров В. А.* Орден иоаннитов и «разделение церквей» // Проблемы всеобщей истории. Вып. 8. Армавир, 2003; *Lemerle P.* L'Orthodoxie byzantine et l'oecuménisme médiéval // Bulletin de l'association G. Bude. 4 sér. Paris, 1965. № 2; *Ducellier A.* Byzance et le Monde Orthodoxe. Paris, 1986; *Ostrogorsky G.* Geschichte des Byzantinischen Staates. München, 1963; *Hussey J.* The Orthodox Church in the Byzantine Empire. Oxford, 1986 и др.

¹ *Бармин А.* Современная историография о датировке церковной схизмы между Западом и Востоком христианской экумены // Традиции и наследие Христианского Востока. Мат-лы междунаrodn. конференции. М.: «Индрик», 1996. С. 115–126.

² Документы по древней истории рыцарского Ордена госпитальеров Св. Иоанна Иерусалимского. Публикация, перевод и комментарии В. В. Акунова. // Сборник Русского исторического общества. Т. 9 (157). М.: Русская панорама, 2003. С. 42–61.

³ *Акунов В. В., Захаров В. А.* Орден иоаннитов и «разделение церквей» // Проблемы всеобщей истории. Вып. 8. Армавир, 2003. С. 97–103.

⁴ *Тальберг Н. Д.* Церковный раскол. Берлин, 1927; *Тальберг Н. Д.* История христианской церкви. М.: Издательство Православного Свято-Тихоновского Богословского института, 2000. С. 265; *Тальберг Н. Д.* История церкви. Ч. 2. М., 1991. С. 4–5.

был присущ свой менталитет, свое мировосприятие, состоявшее из особенностей развития, характера и направления жизни и деятельности. Но даже среди них были свои особенности и различия, каждый этнический компонент воспринимал мир по-своему. Отсюда и разнообразие религиозных представлений.

Христианская церковь, распространившаяся во всей империи, в силу различия населения, а отсюда и различий народных характеров, нравов, склонностей, воззрений и т. п., также заметно распалась на две части — восточную и западную. С самых ранних христианских времен в восточных и западных церквях существовали некоторые отличительные особенности, из которых наиболее видимой является различие направлений церковного просвещения.

С точки зрения профессора Н. Д. Тальберга, восточные церкви, допуская участие разума в деле веры, раскрывали и объясняли основы христианского вероучения научным путем. Западные, напротив, отрицая участие разума в деле веры, по большей части, избегали научных исследований о догматах веры и вообще не интересовались отвлеченными богословскими вопросами; но зато обращали большое внимание на внешнюю сторону христианства — на обряды, дисциплину, управление, отношение Церкви к государству и обществу и т. п. В восточных церквях, при разрешении догматических вопросов, появились ереси; на западе, поскольку там богословскими вопросами не интересовались, ересей практически не было; при отсутствии разумного понимания христианства возникали только расколы. Восточная иерархия стремилась опровергнуть все ереси и установить православное вероучение на прочных началах; западная — старалась всевозможными средствами сохранить церковные порядки, поставить себя в независимое положение от светской власти и усилить свое влияние на общество и государство. Одним словом, в восточной церкви существовали свои интересы и стремления, в западной — свои. Само это различие интересов и стремлений церковью восточной и западной части империи разделяло их между собой, хотя и не настолько, чтобы они могли считать себя чуждыми друг другу. Единство веры, церковных таинств, да и всего церковного устройства долгое время связывало их в одно целое¹.

Среди западных и восточных христиан не было и до сих пор нет единого объяснения процесса разделения церквей. Так, еще в 1982 г. венгерский историк папства Е. Гергей, книга которого стала необыкновенно популярной в России после ее издания в 1996 г., высказал следующее мнение по этому вопросу:

¹ Тальберг Н. Д. История церкви. Ч. 2... С. 5.

Во время понтификата Льва IX произошел окончательный разрыв Рима с восточногреческой церковью. Предшествующие события, непосредственно связанные с расколом, развивались следующим образом: с целью изучения причин некоторых взаимных обид по поручению папы в Византию направился Гумберт де Сильва Кандида для ведения переговоров с патриархом Кируларием. Однако они не смогли достичь соглашения по формальным спорным вопросам, поэтому 16 июля 1054 года папский легат кардинал Гумберт положил на главный алтарь Айя Софии¹ декрет, содержащий анафему византийцам. Патриарх в ответ на это на соборе отлучил папу от церкви. Церковно-политической причиной окончательного разрыва являлось то, что патриарх считал себя вселенским патриархом и не признавал верховенства папы над греческой церковью. За окончательным отделением кроются более глубокие исторические причины: различие путей феодального развития Византии и Западной Европы, их отдаление друг от друга².

Высказанная точка зрения, на наш взгляд, не только слишком упрощает чрезвычайно сложную религиозно-политическую проблему, но автор оказался под влиянием не совсем достоверных фактов, перенеся, например, точку зрения, высказываемую папами, по отношению к Константинопольскому патриарху.

Для начала следует отметить, что взаимный антагонизм между духовными главами Рима и Константинополя существовал издавна. В VI и VII вв. были составлены подложные «Декреталии» пап и «Соборные деяния». Автором первого был Дионисий Малый, второго Исидир, епископ Севильский. Фальсификаторы в своих выдуманных декретах, написанных якобы во временном промежутке между апостолом Петром до св. Мильтиада (Мельхиада), т. е. до 314 г., составили большое количество папских декретов, в которых постоянно подчеркивалось вселенское главенство римского первосвященника. Кроме верховной власти папы над Вселенской Церковью и Соборами, «Декреталии» определяли, что только папы должны также заботиться и о соблюдении законов, и о справедливости в разных государствах, наблюдать за нравственностью государей и т. д. В «Декреталиях» все было представлено так, что все указанные прерогативы принадлежат папам еще с первых веков и были якобы признаны всей церковью³.

¹Здесь Е. Гергей не прав, слово «айя» появилось только после падения Константинополя в 1453. «Турки обратили этот храм в мечеть, однако не переменили названия храма и до сего времени именуют мечеть Агия или Айя Софи, т. е. Святая София». См.: Славная история Царьграда // Византийские пророчества о судьбе Царьграда. М.: Паломник, 2002. С. 181.

²Гергей Е. История папства. / Пер. с венгр. М.: Республика, 1996. С. 91.

³Как пишет Н. Н. Воейков: «Протестанты скоро раскрыли подлог и, на основании трудов своих ученых, между прочим Фебронуса и Эмских исследователей,

В то же время ситуация в западной и восточной церкви и в течение последующих веков была далеко не простой. Чтобы не быть голословным приведем мнение католического историка середины XX в. отца Мерсенье:

Между Фотием и Керуларием (886–1043) в Константинополе сменилось 16 патриархов, из которых многие были поистине выдающимися, в то время, как в Риме чередовались 44 папы и антипапы, из которых 22 царствовали меньше года, 8 умерли насильственной смертью и 6 — были низложены. Многие из них своими бесчинствами поражали мир, хотя и привыкший к насилию и безнравственности. Ничего нет удивительного в том, что Восток, блиставший утонченной цивилизацией, презирал таких первосвященников, так мало уважавших свой собственный сан и свой город, ставший театром подобных безобразий. Папство стало добычей императоров, преемников Карла Великого, римских баронов семей Феофилактов, Феодоры и Мароции и отпрысков Альбериха Гускулумского.¹

Иными словами папами стали становиться только представители этих семей, нередко покупая себе место на папском престоле. Симония стала настолько процветающим явлением Западной Церкви, что уже не удивляла никого. Сложившаяся ситуация не была тайной в Константинополе и вызывала возмущение среди всех восточных патриархов.

Но начало раздора между западной и восточной церквями было положено прибавлением при чтении Символа веры *Filioque*². Впервые это нововведение прозвучало на Толедском Соборе 589 года. На Восьмом Толедском соборе 633 года *Filioque* было подтверждено, хотя и не было

обвинили Римскую церковь в восьмивековом использовании подложного сборника для возвышения папского авторитета». См.: Воейков Н. Н. Церковь, Русь, и Рим. Джорданвилль, 1983. С. 69–70.

¹ *Mercenier. Qu'est-ce que l'Orthodoxie? // Oeuvre d'Orlan. Paris, 1938. P. 75.*

² Хотя Отцы Никейского собора (325 г.) провозгласили, что Святой Дух исходит от Отца, но в течении многих веков оставались на Западе конгрегации, которые верили, что вернее говорить об Исхождении Св. Духа от Отца и Сына. Это добавление впервые появилось в Испании во времена диспутов испанских католиков с арианами-вестготами. Л. Л. Тайван в предисловии к труду С. Рансимена раскрывает более детально причину, по которой возникло это прибавление. «Арий, считавший Христа просто человеком, учил, что Святой Дух — третья ипостась Бога, исходя только от Отца, как гласил Никейский Символ веры, лишней раз подтверждает тварность Христа. Объявив исхождение Святого Духа также от Сына («*Filioque*»), испанские ревнители православия исключили дальнейшие арианские спекуляции». См.: *Тайван Л. Л. С. Рансимен и его византология // Рансимен С. Восточная схизма. Византийская теократия... С. 11. Filioque было включено в так называемый Афанасьевский Символ, провозглашенный испанцами в VII в. И хотя вскоре после того они приняли Никейский Символ, но Filioque сохранилось. См.: Рансимен С. Восточная схизма. Византийская теократия... С. 34–35.*

признано всей Западной Церковью¹. Существовали не только крупные епископские диоцезы, но даже были и такие папы, которые продолжали читать Символ Веры по установленному на Никейском соборе тексту. Но вскоре из Испании *Filioque* проникло в Галлию, и ее принял Карл Великий, который фактически управлял Западной Церковью, а затем и в Германию. На соборах во Фрежюсе (791) и Франкфурте (794) приставка к Символу веры фактически была узаконена².

Однако из-за царивших в то время постоянных военных конфликтов, когда лангобарды нападали на Италию, а Испания завоевывалась арабами, «филиокове» оставалось еще долгое время незамеченным. И только на соборе в Аахене в 809 году Карл Великий и его духовенство решили обратиться к папе, с просьбой утвердить приставку. Папа Лев III (795–816), хотя и находился в полной зависимости от императора, не только отказался внести дополнение, но пошел на то, что приказал: «для сохранения чистоты вероучения, немедленно повесить в храме св. Петра два огромных серебряных щита, весом около ста фунтов каждый, изображавших «Символ» безо всяких прибавлений, с одной стороны по-латыни, с другой по-гречески» — пишет Мерсенье³. И хотя эти щиты папы Льва III висели в соборе еще при папе Александре II (1061–1073), уже в начале XI в. ситуация кардинально меняется.

Известно, что имя главы Римской Церкви перестали включать в диптих Константинопольского патриарха уже с 1009 г.⁴, и папу не поминали при богослужении. Следующий папа Сергей IV, хотя и послал окружное послание в Константинополь, но, вероятно, из-за того, что его исповедание веры содержало *Filioque*, его уже не стали помянуть. Последующие папы были ставленниками германских императоров и, как считал С. Рансимен «по причине их германского богословия, но, возможно, также, что они просто не позаботились послать свои окружные послания» их имена не включались в диптих в Константинополе.

Тем не менее, в начале XI в. не существовало даже ощущения, что единство христианского мира нарушено. В столице Византийской империи находилось несколько латинских монастырей и церквей, в которых молились многочисленные паломники. На горе Афон существовал латинский Алфинтанский монастырь⁵.

¹ Подробный обзор об этом см.: *Jugie Martin*. De processionem Spiritus Sancti ex fontibus revelationis et secundum Orientales dissidentes. Rome, 1936; *Beck Hans-Georg*. Kirche und theologische Literatur im byzantinischen Reich. München: Beck, 1959.

² *Mercenier*. Qu'est-ce que l'Orthodoxie?.. P. 150–151.

³ *Ibid.* P. 151.

⁴ Последний папа, чье имя было отмечено в диптихе был Иоанна XII, умерший в том же году.

⁵ *Leib B.* Rome, Kiev et Byzance à la fin du XIe siècle. Paris, 1924. P. 82–83, 100–101.

«Напротив, — считает С. Рансимен, — христианские народы находились даже в более тесном контакте друг с другом, чем, когда бы то ни было, со времени первых варварских вторжений. Это новое сближение стало источником новых неприятностей, когда обнаружилось, что за прошедшие века различные народы изменили свои обряды и богословские теории; но до времени беспокойство охватило лишь нескольких иерархов. Паломничество расцвело как никогда: Византия в 961 г. вернула себе Крит, и восточное Средиземноморье стало безопасным для кораблей христиан. В 969 г. была возвращена Антиохия, и вскоре Византия контролировала северную Сирию»¹.

В 1048 г. Генрих III возложил папскую тиару на родственника императора Конрада II, Бруно, епископа Туля, графа Эгисхейм-Дагсбургского, принявшего имя Льва IX. Готовясь провести реформы среди духовенства, папа выбрал себе в помощники своего друга Гильдебранда. При последующих шести папах он был их главным советником, инициатором многих реформ в Церкви, а в 1073 г. стал папой Григорием VII (1073–1085), и впоследствии был причислен римской церковью к лику святых.

Как видим, приведенная выше точка зрения Е. Герге, действительно слишком упрощает проблему, сводя многовековой спор к каким-то неясным соглашениям, пусть даже «по формальным спорным вопросам». Мы видим, что не Константинопольский патриарх, а римский папа требовали признания себя главой всей Церкви. В 1049 г. на соборе в Реймсе папа был провозглашен, наконец, «Апостольским Примасом Вселенской Церкви», несмотря на протесты короля Генриха I. Комментируя это событие, Н. Н. Воейков замечает: «Этот малоизвестный исторический факт имеет весьма крупное значение, являясь первым шагом Гильдебранда к осуществлению его плана — возвеличивания папского могущества»². Таким образом, со стороны Западной Церкви все было подготовлено к предстоящей схватке. Но, как писал крупнейший историк Церкви, профессор А. П. Лебедев: «К сожалению, на этот раз первый шаг к этой борьбе был сделан со стороны церкви Константинопольской. Это тем более достойно сожаления, что столкновение церкви Западной и Восточной, происшедшее теперь, повело к печальным следствиям решительного разделения Церквей»³.

В Византии узнали, что в ряде греческих епархий, находящихся в юрисдикции Константинопольского патриарха, расположенных в южной Италии, появились новшества в богослужении, которое они переняли

¹ *Рансимен С.* Восточная схизма. Византийская теократия... С. 37.

² *Воейков Н. Н.* Церковь, Русь, и Рим... С. 92.

³ *Лебедев А. П.* История разделения Церквей в IX, X и XI веках... С. 237.

у Рима, благодаря своему соседству. Желая положить этому конец, патриарх Михаил I Керуларий закрыл римские монастыри в Константинополе. В том же 1053 г. он поручил Льву, епископу Охридскому, составить и отправить в Апулию, Иоанну, епископу Транийскому, в чьей юрисдикции находились южно итальянские приходы, «вразумительное послание»¹. В нем подробно разбирались латинские заблуждения, и со ссылками на учение святых отцов они осуждались.

В послании Михаил Керуларий писал: «Великая любовь и искреннее расположение побудили нас писать к твоей святости, а через тебя ко всем вождям священства, священникам франков, монахам, народам и *самому* достопочтеннейшему *папе*». А заключалось послание следующими словами: «Имея в виду спасение своей души, разошли это послание вождям священства (и папе) и простым священникам и заклинай их, чтобы они и сами исправились и исправили народ Божий. Если это ты сделаешь, во втором письме с большею подробностью и основательностью напишу тебе касательно тех же предметов»².

Как считают современные исследователи, через правителя норманнов в Италии Аргироза, ненавидевшего греков, это послание попало в римскую курию, которой заправлял Гильдебрант. Вскоре оно было широко обнародовано, но уже со своими весьма резкими комментариями. И хотя в послании Льва Охридского о папе не было ни слова, в комментариях курии ему был придан характер ультиматума всей Римской Церкви и папе.

Возникает вопрос, почему в курию, а не папе? Дело в том, что официально папа Лев IX с сентября 1053 г. по март 1054 г. находился в Беневенте, как пленник норманнов. В ряде источников сообщается, что папа был освобожден из плена в начале 1054 г., прибыв в Рим совершенно больным, он не в силах был заниматься церковными делами. Другие источники сообщают, что этот плен был настолько гуманен, что папа даже смог участвовать в ряде собраний и даже на церковном соборе в Бари в 1053 г., хотя и не переставая считаться пленником³.

¹ Комментируя это послание, профессор А. П. Лебедев писал: «На Западе это послание известно с именем патриарха Керулария, а на Востоке с именем Льва, архиепископа Охридского, престол которого находился в Болгарии. Действительным инициатором этого послания был Керуларий, а изложено оно и отправлено Львом Охридским из Болгарии для большей внушительности: этим хотели дать знать Римской церкви, что даже и Болгария на которую со времен папы Николая I папы предъявляли какие-то права духовной власти, не хочет молчать о заблуждениях Латинской церкви». *Лебедев А. П.* История разделения Церквей в IX, X и XI веках... С. 238, прим. 2.

² Цит.: *Лебедев А. П.* История разделения Церквей в IX, X и XI веках... С. 239.

³ *Войков Н. Н.* Церковь, Русь, и Рим... С. 94, 97.

В Риме стали готовиться к схватке с Константинополем. Гильдебранд поручил написать ответ кардиналу Гумберту. Хотя это послание было переработано и смягчено папой Львом IX, но в нем остались ссылки на подложные «Декреталии» Исидора и столь же подложную «Дарственную Запись» Константина Великого. Уже давно известно, что эти документы — грубая фальсификация, тем не менее, авторство составленного послания папе до сих пор поддерживают некоторые современные католические историки. Как писал, например, монсеньер Лажье:

Лев IX справедливо перевел спор на главный предмет, а именно — на первенство Римской кафедры. Покуда же он отказывался оспаривать аргументы Льва Охридского. Прежде чем оправдывать обычаи латинской церкви, папа считал необходимым и целесообразным требовать повиновения от своего подчиненного, Михаила Керулария... Эта контратака наводит многих на мысль, что, если бы папа не умер в начале 1054 года, в самый разгар сражения, то победа осталась бы за Римом и угрожающая схизма была бы раздавлена¹.

Российский историк Церкви профессор Петербургской Духовной Академии Н. А. Скабаланович, в своей работе, опубликованной в 1885 г., являвшейся главой его докторской диссертации, уделил этому вопросу большое внимание. Обсуждая ответ, составленный от имени Римского Первосвященника, Н. А. Скабаланович писал: «Послание имело важность не само по себе, а по внутренней тенденции, значение его заключалось не в том, что оно трактовало об опресноках, а в том, что в основе его скрывался протест против папства и какого бы то ни было предпочтения Римской кафедры кафедре Константинопольской, будет ли то возвращение патримоний и епархий в ущерб наличным правам Константинопольского патриарха, или же, что еще важнее, признанием за Римским престолом преимуществ власти сравнительно с Константинопольским патриаршеством»².

Сравнительно недавно стало известно о Соборе, неизвестном до недавних пор историкам Церкви. Он проходил в Бари в 1053 году в присутствии папы Льва IX и был посвящен «исхождению Св. Духа (филиокве)»³. По мнению французского историка Церкви отца Мартена Жюжи, целью этого обсуждения была подготовка к спорам с греками по этому деликат-

¹ *Lagier C. L'Orient Chretien. Paris, 1938. P. 138.* Папа умер 19 апреля 1054 г.

² *Скабаланович Н. А. Разделение церквей при патриархе Михаиле Керуларии // Христианское чтение. 1885. Т. I. С. 111.*

³ Н. Н. Воейков ссылается на первую публикацию неизвестного сочинения кардинала Гумберта, которую он адресовал императору Константину IX Мономаху (1042–1054). См.: *Воейков Н. Н. Церковь, Русь, и Рим... С. 94.*

ному вопросу¹. Таким образом мы видим, что подготовка к предстоящему спору шла довольно серьезная. Составленный Гумбертом трактат содержащий 41 главу, не вызвал в Константинополе тех резких осуждений, на которые так рассчитывали в Риме. Мало того, в ответном послании, которое император Константин IX и патриарх вручили приехавшему в Константинополь папскому представителю епископу Иоанну Транийскому, в сдержанных и достойных ответах патриарх сообщил, что готов «вновь записать имя папы в диптихи, если в Риме будет сделано то же в отношении его и других патриархов»².

Тогда в Риме было решено отправить в Константинополь с новым посланием папских посланников — легатов кардинала Гумберта, канцлера Римской церкви Фридриха Лотарингского и архиепископа Амальфийского Петра. Тем временем Гумберт составил новые послания императору и патриарху. На этот раз они были чрезвычайно резкими и даже грубыми. В посланиях были жалобы на притеснения латинян в Константинополе, на мнимое вмешательство патриарха в Римские дела, ультимативно требовалось восстановить поминование папы во всех Восточных Церквах, и подвергалась сомнению законность патриаршего сана Михаила Керулария. И хотя, как заметил Н. Н. Воейков, «почти все римские историки осуждают эти послания, недопустимые по форме и нелепые по содержанию», но их цель была одна — разрыв с Византией. «Разрыв этот нужен был Риму и Гильдебранду для безболезненного проведения некоторых уже намеченных реформ. Это и объясняет странное поведение легатов в Константинополе»³.

Дорога в Константинополь была не близкая, из Рима посланцы выехали еще при жизни папы Льва IX, а прибыли в Константинополь только 24 июня 1054 г. Император Константин IX Мономах, не желавший разрыва Церквей, пошел на многие снисхождения. В Студийском монастыре в его присутствии был даже устроен диспут с монахом Никитой Стифатом, который, по настоянию императора, даже отказался от своего сочинения, осуждавшем римские «заблуждения». Однако пока велись длительные дискуссии, пришло известие о смерти папы. И тут стало ясно, что легаты лишились права решать, что-либо, без согласия нового папы. Легаты решили остаться в Константинополе до избрания нового главы Римской Церкви.

И тогда Гумберт пошел на новый подлог. Он сочинил «Диалог между римлянином и византийцем», в котором обвинил греков ни больше не меньше как в ... изъятии из Символа Веры «филиокве». Когда это сочинение

¹ *Jugie Martin*. Schisme Byzantin. Paris, 1941. P. 197.

² *Воейков Н. Н.* Церковь, Русь, и Рим... С. 95.

³ Там же. С. 96.

стало известно императору, тот потребовал от кардинала объяснений, и тогда Гумберт представил ему свое второе сочинение в защиту «филиокве», в котором и сообщалось о соборе в Бари в 1053 г.

Как расценивает Н. Н. Воейков, это провокационное поведение и выступление Гумберта следует считать, «что легаты были исполнителями воли курии и врагов Византии в южной Италии, а не Льва IX-го»¹.

Убедившись, что никакие дерзкие выпады не могут вывести императора и патриарха из терпения, папские легаты решились на массивную атаку.

16 июля, во время литургии, они вошли в алтарь храма св. Софии и возложили на престол акт, сочиненный все тем же Гумбертом, и написанный по латыни, содержащий отлучение от Церкви Константинопольского патриарха. Эта грамота, опубликованная А. П. Лебедевым, начиналась следующими словами:

Святая Римская первая апостольская кафедра, которой, как главе, принадлежит попечение о всех Церквях, ради церковного мира и пользы благоволила послать нас, легатов своих, в этот царствующий град, чтобы мы пришли и узнали, справедлив ли тот слух, который беспрестанно доходит до ушей ее из сего города, или же нет.

Затем папские легаты, похвалив императора, клир и народ за благочестие, относительно же патриарха говорили:

Что же касается до Михаила, неправо называемого патриархом, и сообщников его глупости (*stultitiae*), то ежедневно в его среде рассеиваются здесь множайшие плевелы ересей². Именно, подобно симонианам, они продают дар Божий, подобно валезианам, оскопляют пришельцев, и однако же делают их не только клириками, но и епископами. Подобно арианам, перекрещивают крещеных во имя Св. Троицы, в особенности латинян. Подобно донатистам, утверждают, что во всем мире, за исключением церкви Греческой, погибли и церковь Христова, и истинная Евхаристия, и крещение. Подобно николаитам, позволяют браки служителям алтаря. Подобно северианам, злословят закон Моисеев. Подобно духоборцам, отсекают в символе веры исхождение Духа Святого и от Сына. Подобно

¹ Воейков Н. Н. Церковь, Русь, и Рим... С. 97.

² Здесь А. П. Лебедев приводит цитату из книги профессора Н. С. Суворова, который комментируя эту фразу грамоты папских легатов, писал: «Грамота эта остается печальным историческим документом, свидетельствующим об убожестве представителей Римской церкви, которые не в состоянии были понять, при признании Керулария еретиком за то, что он отстаивает восточную практику, и признание в то же время православными императора и народа, которые тоже стояли за восточную практику, есть логическое противоречие, граничащее с отсутствием здравого смысла». См. Суворов Н. С. Византийский папа. М., 1902. С. 58.

манихеям, между прочим, считают квасное одушевленным. Подобно назореем, наблюдают телесные очищения иудейские, новорожденных детей не крестят ранее восьми дней по рождении, родительниц не устаивают причащения, и, если они язычницы, отказывают им в крещении. Относительно этих заблуждений и многих других сам Михаил, вразумляемый письмами папы Льва, не образумился¹.

Заканчивалась грамота провозглашением анафемы:

Властию Святой и нераздельной Троицы, Апостольской Кафедры, послами коей мы являемся, всех святых православных отцов Семи Соборов и Католической Церкви, мы подписываем против Михаила и его приверженцев — анафему, которую наш Преподобнейший Папа произнес против них, если они не опомнятся». Далее следовал перечень причин отлучения, а заключался документ следующими словами: «Михаил одел монашеские одеяния лишь из-за боязни. Его патриарший сан незаконен. Ныне он осуждается за тяжчайшие проступки вместе со Львом, якобы епископом Охридским, и канцлером Михаилом, поправшим латинские жертвоприношения. Осуждаются и все прочие за перечисленные здесь заблуждения и дерзания. Да будут все они под анафемой... да будут они с дьяволом и ангелами его, если не опомнятся. Аминь, аминь, аминь².

Когда текст этого акта был переведен, и доведен до сведения Константина Мономаха, Византийский император попросту отказывался верить в его подлинность, настолько его содержание было нелепо. Легаты были вызваны к нему, чтобы подтвердить текст лично. Константинополь уже бурлил. После этого, опасаясь гнева толпы, папские послы вынуждены были немедленно покинуть город. Константин приказал сжечь буллу, возбуждение горожан постепенно утихло.

20 июля патриарх Михаил Керуларий собрал синод, на котором зачитали тексты буллы и императорского указа о ее сожжении. Следует сказать, что разбор документов проходил очень осторожно, чтобы никоим образом не задеть ни папу, ни Римскую Церковь вообще. Был выделен весьма непопулярный сановник Аргир, при этом было даже заявлено, что привезенные письма — дело его рук. Заседание синода закончилось произнесением анафемы трем римским легатам и соприкосновенным с ними лицам, пришедшим «в богохранимый град, подобно грому, или буре, или граду, или лучше, подобно диким кабанам, чтобы низвергнуть истину»³.

¹ Лебедев А. П. История разделения Церквей в IX, X и XI веках... С. 250–251.

² Цит.: Воейков Н. Н. Церковь, Русь, и Рим... С. 98. Гумберт в попытках забыл, что Западная Церковь признает восемь соборов.

³ Лебедев А. П. История разделения Церквей... С. 251.

Обо всем этом через патриарха Антиохийского, Михаил Керуларий поставил в известность патриархов Александрийского и Иерусалимского, которые присоединились к нему, и решил прекратить всякое поминовение римских пап в своих церквах.

Эта краткая история так называемой «великой схизмы» крайне необходима, чтобы понять идеологическую и политическую ситуацию, сложившуюся на Востоке перед первым Крестовым походом.

Тем не менее, как подтверждают документальные данные, происшедшее в 1054 г. взаимное анафематствование папских легатов и Константинопольского патриарха Михаила Керулария, рассматривалось всеми современниками как на востоке, так и на западе, исключительно как частный акт, касающийся конкретных лиц. Известно, что римские первосвященники в предшествующую, да и в последующую эпохи, с чрезмерной охотой прибегали к такому инструменту идеологического воздействия, как отлучение от церкви. Это касалось не только отдельных лиц, в том числе и таких венценосных особ, как германские императоры Генрих IV, Фридрих II и др., но и проводилось в отношении целых городов и даже целых государств.

Так, например, известно, что в наказание за убийство архиепископа Кентерберийского Фомы Бекета, папскому отлучению (интердикту) была подвергнута вся Англия. При этом не только запрещалось служить в церквях, но даже звонить в колокола. Как правило, после выполнения требований пап строптивыми членами их паствы или в результате любовного соглашения, эти отлучения снимались. Отношения с папским двором полностью восстанавливались.

Итак, нет никаких свидетельств, что события 1054 года воспринимались современниками как нечто трагическое и что это событие они считали «расколом христианской церкви на восточную и западную», как привыкли считать это православные богословы. Во всяком случае, не только простой народ, но даже определенные слои господствующего класса этим попросту не интересовались, были к этой проблеме индифферентны.

Доказательством сказанного является первый Крестовый поход (1096–1099), совершенный Западными христианами по призыву римского папы не по собственной инициативе, а с целью помочь восточным христианам, как своим братьям по вере, в борьбе с исламской агрессией. Однако по прошествии времени многое изменилось во взглядах крестоносцев. В середине XII века во время второго крестового похода западный фанатик епископ Лангрский уже мечтал о взятии столицы восточного христианства Константинополя и даже побуждал французского короля Людовика VII официально заявить, что византийцы не являются «христианами на деле, а лишь по имени». Подобное мнение распространялось и среди той массы

народа, которая двигалась подобно гигантской волне цунами, снося все на своем пути. Крестоносцы грабили византийские города, убивали их жителей. Для оправдания этих варварских методов похода они объясняли свои поступки тем, что греки виновны в ереси, что они «вовсе не были христианами и что убивать их — это меньше, чем ничто»¹.

Этот антагонизм, как справедливо подчеркнул Жак Ле Гофф, был результатом отдаления, которое с IV в. превратилось в пропасть, а затем переросло в ненависть. Те и другие не понимали друг друга, «особенно западные люди, из которых даже самые ученые не знали греческого языка»². К середине XII в. обострение отношений достигало наивысшей точки. Латиняне упрекали греков в том, что они манерны, трусливы и непостоянны. Но в первую очередь обвиняли их в том, что они богаты. Как метко заметил Ж. Ле Гофф, подобные обвинения являются непроизвольной, рефлекторной реакцией бедного, озлобленно вооруженного варвара на богатого цивилизованного человека.

В этой связи хотелось бы обратить внимание на некоторые аспекты этой проблемы, связанной с орденом святого Иоанна. В начале XI в. иерусалимские госпитальеры открыли странноприимный дом св. Иоанна в Константинополе. Новые документы, дают возможность утверждать, что госпиталь св. Иоанна находился в православном Константинополе не только после, но и задолго до захвата города западными Крестоносцами в 1204 г.³ Этот факт является лишним доказательством отсутствия у тогдашних христиан Востока и Запада осознания раскола церкви.

В орденских архивах сохранилось письмо, датированное 1163 годом. Его автор Петр Немецкий, Приор церкви святого Иоанна в православном Константинополе. О его высоком положении свидетельствует, к примеру, тот факт, что он был назначен послом Византийского императора Мануила Комнина к королю Франции Людовику VII⁴.

Известно также, что западных крестоносцев в первом Крестовом походе сопровождали византийские войска. Они совместно освободили от мусульман Никею, что было бы невозможно, если бы участники крестового похода считали анафему 1054 г. расколом церквей. Поэтому само противопоставление первоначального периода существования братства госпитальеров, до их признания антипапой Гонорием II в качестве монашеского Ордена,

¹ *Ле Гофф Ж.* Цивилизация средневекового Запада. Сретенск, 2000. С. 132–133.

² Там же. С. 133.

³ *Акунов В. А.* Загадки «православных» рыцарей... С. 67.

⁴ *Der Johanniterorden der Malteserorden. Der ritterliche Orden des hl. Johannes vom Spital zu Jerusalem. Seine Geschichte, seine Aufgaben.* Köln: Wienand Verlag, 1988. S. 613; *Документы по истории рыцарского Ордена госпитальеров святого Иоанна Иерусалимского...* С. 50–51.

как «православного периода» — более позднему «католическому периоду», совершаемое Юрием Милославским, не корректно с исторической точки зрения. Ведь если христианская церковь воспринималась в XI в. как единая, то и деление христиан на западных и восточных было делом второстепенным в глазах современников.

Именно поэтому в Правилах ордена св. Иоанна Иерусалимского, составленном Раймондом дю Пюи (1120–1158/60 гг.) нет речи ни о «католиках», ни о «православных», а только сказано, что членом ордена может стать любой христианин. Больше того в пункте 18 прямо сказано «когда произойдет война между двумя христианскими государями, да не прилепляются ни к одной стороне, но всевозможно да стараются о прекращении раздора и о утверждении между ними согласия и мира»¹.

Это лишний раз доказывает, что госпитальеры тех времен воспринимали всех христиан, как западных, так и восточных, как единое тело Христово.

Нельзя согласиться с замечанием Юрия Милославского о том, что «мальтийская форма креста» встречается только в православном церковном искусстве. Однако встречалась она не только на Востоке (причем не только у православных, такая форма креста известна и в Армении, Эфиопии и Египта), существовала она и на Западе, именно в силу вышеуказанного единства церкви. Не случайно русский игумен Даниил совершенно спокойно допускался крестоносным королем Иерусалима Балдуином II, вместе с другими восточными христианами, молиться сообща с западными христианами в церкви Живоносного Гроба Господня в Иерусалиме².

В то же время известно, что ношение креста против сердца на одежде было не свойственно Восточному монашеству, а пошло от событий Клермонтского собора 1095 г.

Как известно, тогда римский папа Урбан II, призвав Западных христиан идти помогать восточным единоверцам, освобождать Гроб Господень, разорвал свою багряницу на полосы, и раздал их будущим участникам похода в Святую Землю. Они крестообразно нашили их на свою одежду, как бы «взяв на себя крест Христов», помятуя о словах Христа, приведенных в Евангелии от Матфея: «И кто не берет креста своего и следует за Мною, тот не достоин Меня» (Матф. 10, 38). Отсюда участники этого похода несколько веков спустя и стали называться крестоносцами. Поэтому утверждение Юрия Милославского, что госпитальеры стали

¹ Антошевский И. К. Державный Орден Святого Иоанна Иерусалимского, именуемый Мальтийским в России. М.: ГИПБ, 2001. С. 69.

² См.: «Хождение» игумена Даниила // Памятники литературы Древней Руси: XII век. М.: Художественная литература, 1980. С. 105–113.

носить крест на плащах по православному обычаю, представляется весьма сомнительным. И вообще, первое вразумительное упоминание о том, что госпитальеры св. Иоанна носили на одежде крест, содержится только в Правилах Раймонда дю Пюи, т. е. датируется уже эпохой крестовых походов. О госпитальерах «до крестоносной» (по предположению Юрия Милославского — «православной») эпохи известно только, что они носили черную одежду наподобие монахов бенедиктинского ордена, безо всякого упоминания о крестах на одежде.¹

В Правилах Раймонда дю Пюи говорится просто о ношении на черной одежде белого креста (без упоминания формы этого креста). А, судя по тому, что на красной военной одежде госпитальеров белый крест был простой прямой формы, безо всяких «ласточкиных хвостов» на концах, такой же формы был и крест на их первоначальной повседневной одежде. Именно прямой белый крест был изображен на знамени ордена св. Иоанна — и, кстати, именно прямой, а не восьмиконечный крест украшает герб и знамя современного Суверенного Мальтийского ордена (S. M. O. M.) и поныне.

Что же касается восьмиконечного креста, что присутствует на гербе Ордена лишь в виде небольшой детали, то он появился в качестве дополнительного символа иоаннитов не ранее XIV в. и всегда сосуществовал с прямым белым крестом, но никогда не вытеснял его полностью. Об этом наглядно свидетельствуют многочисленные, сохранившиеся донныне, миниатюры, гравюры, картины и иллюстрации. Так что и с этой, историко-геральдической, точки зрения утверждения Юрия Милославского о какой-то «изначально православной» форме креста госпитальеров не выдерживают никакой критики. В довершение добавим, что существует и форма «мальтийского креста» без «ласточкиных хвостов» на концах, с лучами, просто расширяющимися к концам. Известно из летописей, что крест именно такой формы (с «иерихонскими трубами» на концах) первыми получили от папы, взамен бытовавшего у них дотоле простого прямого креста, который носили все крестоносцы, отнюдь не госпитальеры, а их соперники рыцари тамплиеры за свою отвагу при взятии мусульманской крепости Аскалон в Святой Земле.²

Это — первый засвидетельствованный в истории крестовых походов случай изменения формы орденского креста с простой на «мальтийскую» («лапчатую»), причем связанный с совершенно конкретным поводом.

¹ Милославский Ю. Странноприимцы... С. 48–49.

² Разумеется, такая форма креста не дает никакого повода заподозрить, что и тамплиеры, следуя логике Ю. Милославского, тоже были «изначально православными». Расширением концов тамплиерского креста в форме иерихонских труб папа просто подчеркивал, что стены Аскалона пали перед доблестью рыцарей Храма, как некогда стены Иерихона пали при звуках труб воинства библейского пророка Иисуса Навина.

Скорее всего, рыцари других орденов, соперничавшие с тамплиерами в доблести, в первую очередь, тевтонцы и госпитальеры, сочли себя несправедливо обойденными и со временем тоже добились у папы привилегии украсить концы своих крестов «иерихонскими трубами». А «ласточкины хвосты», по мнению В. В. Акунова, появились на концах госпитальерского креста не ранее XIV в., символизируя восемь категорий «блаженных» из Нагорной проповеди Спасителя.

По-настоящему враждебность между Восточными и Западными христианами стала проявляться после захвата войсками четвертого Крестового похода Константинополя в 1204 г. Хотя и этот захват был совершен Западными крестоносцами по просьбе Алексея, сына Исаака II Ангела — Византийского православного императора, желавшего свергнуть с трона Алексея III, а не по собственной инициативе крестоносцев. Об этом часто забывают позднейшие историки, а тем более не в меру рьяные «защитники православия».

Мы не можем согласиться с критикой по этому поводу в наш адрес С. Л. Дударева¹, поскольку известно, что многие светские участники крестового похода, как писал Жак Ле Гофф, испытывали угрызения совести, хотя понимали, что Алексей III является узурпатором. И тогда, как писал хронист Робер де Клари: «Епископы и клирики сообща говорили и полагали, что битва является законной и что можно напасть на них, ибо в старину они повиновались римскому закону, а ныне ему больше не подчиняются. Епископы говорили также, что напасть на них не будет грехом, но, напротив, великим деянием благочестия»².

Иными словами церковным деятелям, участвовавшим в походе, пришлось обманом оправдывать предстоящий штурм твердыни православия.

Несмотря на происшедшие в 1054 году в Константинополе события, вопрос о церковном союзе, о примирении Византии с Римом, был постоянно востребован. Переговоры об этом проходили и в правление Алексея I в 1089 г., и при Иоанне II в 1147 г., при Алексее III в 1197 г., да практически при каждом Византийском императоре вплоть до 1453 г. Казалось, что союз восстановлен после Лионского собора 1274 г., но этому вновь помешала случайность и личностный фактор. Последний раз этот вопрос поднимался на Флорентийском соборе 1439 г., но договориться так и не удалось.

Однако, связанные с захватом Константинополя, многочисленные случаи насилия, убийств, грабежей, в том числе церковного имущества,

¹ Дударев С. Л. Послесловие редактора к статье В. В. Акунова и В. А. Захарова «Орден иоаннитов и разделение церквей» // Проблемы всеобщей истории. Вып. 8. Армавир, 2003. С. 104–107.

² Цит.: Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада... С. 133–134.

превращение многих православных храмов в католические с латинским обрядом, посеяли семена отчуждения и ненависти между «греками» и «латинянами». Хотя необходимо специально оговориться, что эта враждебность существовала между теми, кого оскорбительно называли «латинянами» (но не христианами) и «греками» (но не римлянами). Как заметил Жак Ле Гофф «неотесанным варварам, которые противопоставляли свою простоту неестественности этой цивилизации церемониала, была непонятна застывшая в этикете светская учтивость». Чтобы было понятна эта фраза французского ученого, необходимо вспомнить известный факт неучтивости в глазах Константинополя. Когда Алексей I в 1097 г. принимал в своих покаях лотарингских крестоносцев, один из них, раздраженный сложным придворным этикетом, уселся на императорский трон, «находя неподобающим, чтобы один человек сидел, когда столько храбрых воинов пребывают стоя»¹.

И хотя ненависть латинян и греков существовала, тем не менее, известно, что даже гораздо позднее — на Родосе латинские госпитальеры превосходно уживались со своими греческими подданными православного вероисповедания и совместно боролись против нападавших мусульман. И у тех, и у других враг был один. Да и в самой Византии, изгнавшей латинян из Константинополя через полвека после его захвата западными крестоносцами, православный император Иоанн Кантакузин еще в XIV веке опирался не на православных, а на наемников — каталонцев, исповедовавших христианство в его западном (католическом) варианте. В 1453 г. до самого падения Константинополя его обороняли от турок-османов главным образом «латинские» наемники — иными словами, католики, во главе с доблестным генуэзским военачальником Джустиниани. И ранение Джустиниани турецким снарядом ускорило падение города.

Что же до обвинений Запада в нежелании помочь православной Византии против турок, то ведь известно, что и венецианцы на Кипре, и госпитальеры на Родосе не получили эффективной помощи против турок от своих западных единоверцев, хотя и были католиками. Документально известно, что Великие Магистры не раз обращались за помощью к правителям многих европейских государств, но они лишь молча наблюдали, ожидая, на чьей стороне будет победа.

Что же касается укоренившейся, особенно в русской православной историографии, традиции искать во всем исконное противостояние Западных и Восточных христиан (можно назвать это «антикатолическим синдромом»), то оно, по мнению В. В. Акунова, скорее всего, объясняется длившимся много столетий противоборством Московского, а позднее

¹ Цит.: *Ле Гофф Ж.* Цивилизация средневекового Запада... С. 134.

Российского царства с Польско-Литовской Речью Посполитой. Ее правящая клика нередко состояла из фанатичных католиков. И, видимо, слишком велик был соблазн для отечественных историков проецировать современный им русско-польский (в обличье православно-католического) антагонизм в прошлое, причем в столь далекие исторические времена, когда его просто быть не могло¹.

Говоря о значении разделения Церквей (а эта проблема существует до сих пор) следует обратиться к точке зрения известного западного православного богослова протоиерея Иоанна Мейендорфа, который справедливо отметил:

«Реформированное папство одиннадцатого столетия обрело германскую ориентацию и определенно утратило былую настроенность на традиционную соборность. Затем крестоносцы очень постарались восстановить друг против друга две культурно отличные цивилизации Востока и Запада. А когда папство, сотрясаемое «Великой Западной Схизмой»², и Византия, теснимая угрожавшими ей турками, согласились, наконец, провести объединительный собор во Флоренции, было уже слишком поздно для создания атмосферы взаимоуважения и доверительности, а лишь в такой атмосфере мог бы возникнуть подлинный теологический диалог»³.

Надо признать справедливым это замечание, действительно, две Церкви опоздали с попыткой восстановить прежние дружественные отношения. Дальнейшее историческое развитие, думается, навсегда разделило Восточную и Западную Церковь. Найти точки соприкосновения уже невозможно, различные собеседования, проводившиеся в XX веке между Ватиканом и Русской Православной Церковью, оказались химерой. В XXI веке такое объединение может быть только при отказе одной из Церквей от своих догматов. А это вряд ли окажется возможным.

¹ *Акунов В. А.* Загадки «православных» рыцарей... С. 70.

² Так называют исторический период, в течение которого в Западной Церкви одновременно действовало двое, а то и трое римских пап (1378–1449 гг.). — *Прим. И. Мейендорфа.*

³ *Мейендорф И.* Византийское богословие: Исторические направления и вероучение... С. 182.

Глава 8

Константинопольский приорат Ордена госпитальеров

Значение Константинопольского приората ордена госпитальеров объясняется его географическим положением на стыке двух миров — восточноевропейского и азиатского, высоким рангом восточно-римского Патриархата и его главенством над всеми епископствами восточной церкви, а также тем обстоятельством, что Константинополь являлся резиденцией Восточно-Римских Императоров. Вероятно, госпитальеры уже давно пришли к осознанию выдающегося значения этого города и основали там свой странноприимный дом, судя по всему, являвшийся центром управления всеми филиалами и владениями ордена на греческой территории.

В собрании рукописей орденового историка И. Делавиля имеются два письма 1163 г., в которых Петр Немецкий, брат Иерусалимского госпиталя и приор константинопольской церкви святого Иоанна, фигурирует в качестве советника и посланника Восточно-Римского Императора Мануила. В первом письме приор сообщает французскому королю Людовику VII о своем официальном визите к нему по поручению Императора¹:

Благочестивейшему государю Людовику, Божией Милостью королю Франков, от Петра, одного из братьев госпиталя, что в Иерусалиме, Приора храма Святого Иоанна в Константинополе и посла Святейшего (!) Императора Мануила с пожеланиями всяческих благ в этой и иной жизни. Да будет известно Вашему Высочеству (!), что мы посланы нашим Государем Императором лично к Вам и что мы имеем Императорский приказ встретиться с Вами до нашего господина Папы. Посему мы просим Вашу Милость согласиться

¹ Cartulaire général de l'Ordre des Hospitaliers de Saint-Jean de Jérusalem, 1100–1310 / Ed. Joseph Delaville Le Roulx. 4 vol. Vol. I. Paris, 1894. № 323, Juli 1163.

на это и повелеть чтобы мы, в соответствии с приказанием нашего Государя Императора смогли выполнить его повеление, не вызвав тем самым распри с обладателем апостольского престола, ибо его нунций находится при Вас и настаивает на том, чтобы мы сперва отправились к папскому двору, что мы не совершим ни в коем случае, до того как не узрим Ваше Величество¹.

Почему же задача, выполняемая приором Петром, имела столь большое значение для церкви, для западного мира и, не в последнюю очередь, для ордена госпитальеров? Прежде всего вследствие той ключевой роли, которую византийская Империя играла в планах крестоносцев, поскольку крестоносные войска, направлявшиеся в Сирию и Палестину сушей, всегда проходили через византийские земли и Константинополь. Поэтому отношение византийских императоров к крестоносцам имело решающее значение для успеха или провала по крайней мере трех первых крестовых походов. Все зависело от того, преградят ли они крестоносцам вооруженной рукой путь через свои владения, или же окажут помощь западным христианам как своим собратьям по вере.

Плохо вооруженные и еще хуже организованные войска крестоносцев остро нуждались в византийской продовольственной и военной помощи. С одной стороны, византийцы не сомневались в том, что крестоносцы пришли как воители за веру, с намерением освободить от неверных Святую Землю. С другой стороны, они не скрывали своего намерения завоевать ее. И в связи с этим возникал резонный вопрос: для кого они собирались ее завоевать? Между восточной и западной Церковью существовали сильные разногласия, обострившиеся благодаря взаимному отлучению папы и константинопольского патриарха. Для восточных христиан освобождение Святой Земли было не столько духовным христианским подвигом, сколько вопросом национальной политики, а именно — возвращением в лоно Византийской Империи отторгнутых от нее азиатскими варварами ближневосточных провинций. Именно поэтому предводители Первого Крестового похода были задержаны в Константинополе и смогли продолжать свой путь только принеся ленную присягу византийскому Императору. Этот юридический факт означал, что Император как бы отдавал им, как своим вассалам, в лен все земли, которые им предстояло отвоевать у сарацинов на Востоке, а с византийской точки зрения — вернуть их Империи. По сути дела, идея Крестовых походов как таковая оставалась византийцам и восточным христианам вообще довольно чуждой.

¹Der Johanniterorden der Malteserorden. Der ritterliche Orden des hl. Johannes vom Spital zu Jerusalem. Seine Geschichte, seine Aufgaben. Köln: Wienand Verlag, 1988. S. 613; Документы по истории рыцарского ордена госпитальеров святого Иоанна Иерусалимского. / Публикация, перевод и комментарии В. В. Акунова // Сборник Русского исторического общества. Т. 9 (157). М.: «Русская панорама», 2003. С. 50.

Положение византийской Империи до захвата власти Императорами из фамилии Комнинов было чрезвычайно тяжелым. Первому Императору из этого рода, Алексею I (1081–1118 гг.), удалось вывести Империю из кризиса, расширить ее владения и обеспечить прочность имперских границ. В европейской части своей Империи ему пришлось защищать протяженную границу по Дунаю от вторжений варваров с Севера и одновременно умирять беспокойные, постоянно стремившиеся к независимости балканские народности. Азиатская часть Империи, в основном Малая Азия, была почти полностью утрачена Империей на протяжении XI в., и не было никакой надежды отвоевать ее у мусульман. Сельджукские всадники разезжали почти что у самых ворот Константинополя. Отвоевать у турок часть малоазиатского побережья византийцам удалось лишь с помощью пришедших им на помощь с Запада участников I Крестового похода.

Преемники Алексея I, Императоры Иоанн II (1118–1143 гг.) и Мануил I (1143–1180 гг.), властители энергичные, целеустремленные и в то же время мудрые и осмотрительные, продолжали начатое основателем их династии дело «собрания имперских земель». Естественно, они учитывали при этом и новую обстановку, сложившуюся благодаря Крестовым походам и для византийской Империи. В своей политике они стали во все большей степени ориентироваться на Запад.

Мануил, женатый на племяннице Конрада III (1138–1154 гг.), пытался путем налаживания как можно более тесных контактов с Западом получить оттуда помощь для своей Империи. Он постоянно обменивался послами с главами западных государств. Одним из своих посланников Император Мануил назначил приора Петра Немецкого, пользовавшегося доверием самого римского папы, о чем Мануил был осведомлен. С учетом господствующего положения дворян французского происхождения в орденах госпитальеров, случай подобного возвышения немецкого рыцаря представляется крайне редким. Скорее всего, приору Петру было поручено выполнение столь важной функции потому, что он был действительно выдающимся, искусным дипломатом, блестяще справлявшимся даже с самыми сложными поручениями. Подтверждением этого заключения может служить сохранившееся письмо папы Александра III (1159–1181 гг.) Великому Магистру госпитальеров фра Жильберу д'Асайи (Gilbert d'Assailly), датированное 9 ноября 1163 г. Последний, судя по всему, намеревался отозвать Петра Немецкого с поста приора константинопольского госпиталя. В своем послании папа убеждает Великого Магистра оставить приора Петра на его важном посту, взывая к мудрости Великого Магистра и напоминая ему об уважении, которое тот должен испытывать к Римскому престолу:

Александр <...> желает здравствовать Нашему возлюбленному сыну, Магистру Дома странноприимцев, находящегося в Иерусалиме <...> Нам

известно все, что служит к твоей чести и к чести порученного твоим заботам Дома, с благоволениемзираем на это Нашими очами и охотно даем тебе Наши отеческие советы. До нашего слуха дошло, что Наш возлюбленный сын Петр, по прозвищу Немецкий, Приор госпиталя Св. Иоанна в Константинополе там долгое время служил во имя Божие, к чести и пользе Нашего возлюбленного сына во Христе, Императора Константинопольского, но ты, вопреки воле и желанию сего Императора, отзываешь его от тамошнего Приората и хочешь вернуть его в твое окружение. Поскольку Римская церковь, равно как и светские государи, призывают к себе на службу членов Вашего Ордена из разных Домов (госпиталей — *Авт.*), что идет им всем на большую взаимную пользу, Мы вызываем к твоей мудрости и во имя Господа просим тебя из почтения к святому Петру и к Нам, а так же с учетом могущей возникнуть в будущем пользы, удовлетворить просьбу Императора по этому поводу и оставить вышеназванного Приора на службе в вышеупомянутом Приорате, не принуждая его вернуться к тебе.

Дано в Сансе в 5 иды ноября¹.

Дело в том, что Петр Немецкий, как советник восточноримского Императора, был важен и для папы. Католическая церковь не оставляла попыток склонить восточную церковь к унии и преодолению раскола, обострившегося после возложения кардиналом Гумбертом буллы с папским отлучением на алтарь константинопольского Софийского собора в 1154 г. Письмо Александра III Великому Магистру госпитальеров является убедительным свидетельством заинтересованности папского престола в поддержании постоянного диалога с восточноримским Императором. Он не желал оставлять неиспользованным ни одно средства для поддержания контактов.

Из обоих писем явствует, насколько приора Петра ценили Восточно-Римский Император и папа Александр, который особо подчеркивает в своем письме многолетнее служение приора Петра в Константинополе. Из первого письма к Людовику VII можно сделать вывод, что приор Петр был известен королю Франции. Может быть, он познакомился с ним еще в 1147 г.? В тот год король Франции, участвовавший во II крестовом походе, проездом через Константинополь встретился с Императором Мануилом и долго беседовал с ним. В честь визита французского короля богослужение в Софийском соборе совершалось одновременно и по восточному, и по западному христианскому ритуалу — невзирая на все разговоры о расколе церквей!

Точная дата учреждения Константинопольского приората госпитальеров неизвестна. Отсутствуют и сведения о количестве относившихся к нему орденских госпиталей и о владениях ордена в пределах данного приорства.

¹ Документы по истории рыцарского Ордена... С. 51.

Известно только, что в Константинополе, одном из величайших центров христианской культуры, где были собраны величайшие христианские святыни, очень давно существовали, основанные госпитальерами, Орденский дом, госпиталь и странноприимный дом для пилигримов. В храмах Константинополя хранились такие христианские реликвии, как частица истинного Креста, на котором был распят Христос, гвозди, погребальная плащаница Христа и многие другие, священные для всех христиан реликвии, что превращало столицу Восточной Империи в центр притяжения для паломников не только с Востока, но и с Запада. Для размещения паломников и крестоносцев в городе, наряду с госпиталем Пантократора, имелось еще 12 ксенодохийев. Вероятно, это и побудило орден госпитальеров учредить свой филиал в Константинополе — ведь уход за пилигримами являлся его изначальной задачей.

Как уже указывалось выше, важнейшее значение для социальной и врачебной деятельности ордена госпитальеров имел странноприимный дом Пантократора. Именно отсюда исходили главные импульсы устройства главного орденского госпиталя в Иерусалиме. Первое орденское положение об устройстве больницы, принятое Генеральным капитулом под председательством Великого Магистра Роджера де Мулэна в 1182 г., имело в качестве великолепного образца для подражания «Типикон» (учредительную грамоту) странноприимного дома Пантократора 1136 г.

Из отчета о заседании Генерального капитула в 1182 г. явствует, какое большое значение Орденский дом в Константинополе имел для госпитальерской деятельности ордена. В отчете подробно перечисляется, какие поставки состоятельные приорства ордена обязаны направить в Иерусалимский странноприимный дом. Так, приорат Французский обязан был поставлять ежегодно 100 штук зеленого сукна для больничных одеял; приорат Сен-Жилльский — такое же количество штук сукна такого же цвета и качества; приораты Пизанский, Венецианский и Антиохийский — 1000 локтей крашеной хлопчатобумажной ткани ежегодно; приорат Константинопольский — 2000 штук войлочной ткани.

Ученым предстоит еще много исследований в области пока что мало изученной истории Константинопольского приората ордена госпитальеров. Нам не известна его роль в Латинской Империи, основанной после завоевания в 1204 г. Константинополя крестоносцами. Неизвестно также, когда приорат прекратил свое существование. По мнению немецкого историка Адама Винанда, скорее всего, он просуществовал до завоевания византийской столицы турками в 1453 г., в ходе которого были уничтожены все западные христианские миссии и учреждения¹.

¹Цит.: *Wienand Adam. Die Johanniter und die Kreuzzuge // Der Johanniterorden der Malteserorden... S. 45.*

Глава 9

Падение Иерусалима в 1187 г. Королевство Акры

Битва при Хаттине

Прелюдией к решающей битве при Хаттине явилась стычка небольшого отряда рыцарей с сарацинами 1 мая 1187 г. В тот роковой день Великие магистры орденов госпитальеров и тамплиеров в сопровождении примерно 150 братьев-рыцарей выехали из Тивериады в Назарет. У истоков реки Крессон они натолкнулись на расположившихся там лагерем 7000 египетских мамелюков, отчаянных воинов, всегда готовых к нападению и потому внушавших страх любому противнику. Тем не менее, Великий Магистр храмовников, Герард де Ридфор, призвал рыцарей немедленно напасть на сарацинов. Некоторые крестоносцы стали отговаривать его, указывая на гигантское численное превосходство мусульман. Тогда Герард публично обвинил их в трусости. Рыцарям-монахам не оставалось ничего иного, как атаковать. В последовавшей вслед за тем резне, все они были перебиты. Погибли маршал храмовников Иаков де Мальи и Великий Магистр Иерусалимского Госпиталя Роджер де Мулэн. Избежать гибели удалось всего троим христианам, в том числе Великому Магистру храмовников Герарду де Ридфору. Поле боя осталось за торжествующими мамелюками, отрубившими павшим рыцарям головы и насадившими их на пики.

После этого по обе стороны границы начали лихорадочно готовиться к войне. И без того огромное войско под командованием правителя Египта Саладина (Салах ад-Дина) непрерывно пополнялось все новыми воинскими контингентами со всех концов его необъятной державы. На другом берегу Иордана король Иерусалимский Ги де Лузиньян, которого во многих хрониках и в последующих исторических сочинениях называли Гвидо, неустанно призывал баронов и рыцарей своего королевства присоединиться к его войску у Акры. Ордены храмовников и госпитальеров,

обуреваемые желанием отомстить сарацинам за резню при Крессоне, привели под знамя короля всех своих пребывавших в Святой Земле рыцарей, оставив для охраны орденских замков и крепостей лишь небольшие гарнизоны. Кроме того, король Ги де Лузиньян получил от храмовников солидную сумму денег, предоставленную Ордену тамплиеров королем Генрихом II Английским для финансирования крестового похода.

1 июля 1187 г. Саладин перешел Иордан, а 2 июля он, взяв христианский город Тивериаду, расположился станом у его стен. Христианское войско, все еще не имевшее единого верховного командования, неоднократно меняло свои планы, как наступательные, так и оборонительные. В конце концов король Иерусалимский, отличавшийся крайней нерешительностью, последовал совету Великого Магистра храмовников и христианское войско знойным днем 3 июля двинулось по безводной, раскаленной пустыне на Тивериаду, чтобы отвоевать город у мусульман. План Саладина заключался в том, чтобы не допустить крестоносцев к уже видневшемуся вдали Генисаретскому озеру и вообще к каким бы то ни было водоемам. Христианскому войску пришлось провести всю следующую ночь в безводной местности близ Хаттина. На помощь Саладина неожиданно пришла поднявшаяся ночью песчаная буря, усилившая мучительную жажду, терзавшую крестоносцев, и скрывшую от них передвижения сарацинского войска. Чтобы увеличить страдания христиан, магометане подожгли кустарник по всей низменности, вследствие чего в лицо христианским воинам повалил густой и едкий дым. Не вынеся мучений, пехота крестоносцев, под защитой которой стояли рыцари, взбунтовалась. Пехотинцы частью перебежали к мусульманам, частью убежали на две горные вершины, возвышавшиеся над равниной, не поддаваясь ни угрозам, ни просьбам короля и епископов спуститься вниз и принять участие в битве. Тем не менее, битва еще не могла считаться выигранной мусульманами. Согласно воспоминаниям Малика аль-Афдаля, сына Саладина, участвовавшего в битве плечом к плечу с отцом, дальнейший ход битвы выглядел следующим образом.

Король франков, стоявший на холме с дружиной своих рыцарей, совершил блестящее нападение на противостоявших ему мусульман и погнал их туда, где находился мой отец. Я следил за отцом и видел, что он был сильно озабочен. Мусульмане вновь вступили в бой и загнали христиан обратно на холм. Увидев, что франки отступают, а мусульмане преследуют их, я возрадовался и воскликнул: «Мы победили!». Однако франки вернулись и атаковали снова, и снова гнали мусульман до того места, где находился мой отец. Но тут мусульмане контратаковали и снова загнали христиан обратно на холм. И снова я воскликнул: «Мы обратили их в бегство!». Однако мой отец обратился ко мне со словами: «Молчи, мы не сможем

одержать над ними верх, пока не падет этот (королевский) шатер!». И в это мгновение шатер, о котором он говорил, рухнул. Мой отец спешился, бросился на землю, вознес хвалу Аллаху и заплакал от радости...¹

После этих последних отчаянных, но безуспешных атак рыцарей, сила их сопротивления была окончательно сломлена, и христианское войско потерпело полное поражение.

Крест, который епископ Акрский, как обычно, нес перед войском, шедшим в бой, попал в руки мусульман. Добравшись до вершины холма, победоносные мусульмане нашли там немногих уцелевших рыцарей, и среди них самого короля Иерусалимского, лежащими на земле. Все были настолько обессилены, что оказались не в состоянии передать сарацинам свои мечи в знак сдачи в плен. Саладин принял разбитых врагов в своем шатре и собственноручно подал королю Иерусалимскому кубок воды. Король отпил из кубка и передал его стоявшему рядом с ним Райнальду де Шатильону, также взятому в плен мусульманами. По правилам арабского гостеприимства, человек, принявший угощение от хозяина шатра, переходил тем самым под его защиту. Поэтому Саладин велел перевести королю, что вода предназначалась ему, а не Райнальду, которого назвал разбойником с большой дороги. Саладин не мог простить Райнальду его нападение на обоз купцов, в котором находилась тогда его сестра. В ответ на дерзкий ответ Райнальда Саладин собственноручно обнажил саблю и отсек Райнальду голову. По его приказу были перебиты также все попавшие в плен к мусульманам храмовники и госпитальеры. Остальных христианских пленников угнали в Дамаск, где они были проданы в рабство. Христианские пехотинцы, взбунтовавшиеся против своего короля и тем ускорившие роковой ход событий, были беспощадно истреблены сарацинами или сброшены ими живыми с горной кручи в пропасть.

Сохранилось свидетельство о Хаттинской битве 1187 года, которое было написано ее участником франком Эрнулом, в 1197 г. Но даже десять лет спустя, он помнил многие детали и подробности происходивших событий, в его повествовании передан и весь тот ужас, который ему пришлось увидеть лично. Этот перевод выполнен Галиной Росси и помещен на ее сайте, с которого мы его приводим:

Сейчас я поведаю Вам о короле Ги² и его <королевском> доме. Они оставили источники в Сеффурии, чтобы направится в окрестности Тиберии.

¹ Herde P. Die Kämpfe bei den Hörnern von Hittin.// Römische Quartalschrift 61, 1966. S. 47.

² Ги де Лузиньян (1160–1194) — король Иерусалимского королевства, с 1192 по 1194 гг. сеньор Кипра. <http://www.globalfolio.net/monsalvat/frsdominus/statiobook/guylusignan/lus.htm>

Как только они оставили воду позади, Саладин опередил их, и приказал своим скирмишерам преследовать их с утра до полудня. Жара была так велика, что войска <Ги> не могли продвигаться вперед и дойти до воды. Король и его люди рассредоточились, и не знали что делать. Они не могли повернуть назад, потому что это повлекло бы за собой слишком большие потери. Он <Ги> послал к графу Триполи¹, который возглавлял авангард, спросить его совета, как поступить. И получил ответ, что лучше всего будет поставить палатки и разбить лагерь. Король с радостью принял этот плохой совет. Когда же (граф) давал ему хорошие советы, он никогда не принимал их.

Некоторые люди из окружения короля говорили, что если христиане выступят навстречу сарацинам, Саладин будет разбит. Как только они расположились лагерем, Саладин приказал всем своим людям собрать хворост, сухую траву, солому и все, что может гореть, и огородить этим лагерь христиан по кругу. Они вскоре сделали это, и огонь разгорелся весьма сильно, и дым от пламени был велик, и это, вместе с жаром солнца над ними, было причиной великой скорби и повреждения в среде их. Саладин приказал караванам верблюдов, загруженным водой из Тивериадского моря, доставить и разместить кувшины с водой возле лагеря <христиан>.

Кувшины с водой были затем опустошены на виду у христиан, так чтобы они, а также и их лошади, испытывали еще большие мучения от жажды. Странная вещь случилась с христианами в тот день, когда они располагались лагерем возле источника Сеффурии: лошади отказались пить воду то ли ночью то ли утром, и по причине жажды они сбрасывали своих хозяев именно тогда, когда те более всего нуждались в них. Тогда рыцарь по имени Жоффруа Франк Люк пошел к королю и сказал «Сир, сейчас самое время для Вас, заставить полеинов² с их бородами, воздать должную честь людям Вашей страны (т. е. Пуату)». То была одна из причин взаимной ненависти между королем Ги вместе с <его> пуативинцами, и коренным уроженцами этой земли <Иерусалимского королевства>, что люди этой земли пели песню в Иерусалиме, которая сильно раздражала придворных короля.

Песня звучала так:

Maugree li polein,
Aurons nous roi Poiteven.

Сетуют полеины —
имеем мы короля пуатевина

¹ Граф Триполи — Раймонд III, граф Триполи с 1152 по 1187 (ок. 1135–1187)

² Полеин — этимология этого слова восходит к древнегреческому «poli-enos», в переводе имеет значение «прославленный».

Эта ненависть и взаимное презрение и были причиной потери королевства Иерусалим. Когда огонь разгорелся и дым был велик, сарацины окружили лагерь и выпустили свои стрелы сквозь дым и ранили и убивали людей и лошадей. Когда король увидел всю невыгодность позиции своих людей, он призвал мастера Тампля¹ и принца Рейнальда² и сказал им, чтобы они высказали ему свое суждение. Они убеждали его, что он должен атаковать сарацин. Он <король> приказал своему брату Аймери³, который был констеблем, организовать эскадроны.

Он организовал их так хорошо, как мог. Граф Триполи, который вел авангард, по своем прибытии возглавил первый отряд и был на передовых позициях. Этот отряд, включал Раймонда⁴, сына принца Антиохийского, со всеми его спутниками и четырех сыновей леди Тибериас⁵: Хью, Уильяма, Ральфа, и Отто. Балиан Ибелинский⁶ и граф Жоселин⁷ образовывали арьергард. Как только отряды были выведены на позиции и боевые порядки построены, пять рыцарей, из отряда графа Триполийского оставили его, и пошли к Саладину, и сказали «Сир, чего вы ждете? Идите и возьмите христиан, дабы сокрушить их полностью». Когда Саладин услышал эти слова, он приказал своим эскадронам двигаться вперед, и они двинулись, и выступили на христиан.

Когда король был уведомлен, что Саладин выступает против него, он приказал графу Триполийскому принять командование. Это было право баронов королевства, что если войска собираются королем в их владениях, барон, на чьей земле имеет быть битва, возглавляет первый отряд, и находится впереди; и при входе в его землю ведет авангард, а при выходе <со своей земли> находится в арьергарде. По этой причине граф Триполи занимал передовую позицию, поскольку в то время Тивериада была его <владениями>. Граф и его отряд выступили на большой эскадрон

¹ Так назван Жерар де Ридефор, Великий Магистр ордена тамплиеров с 1185 по 1189.

² Рейнальд (Рено) де Шатилон (1124–1187), принц Антиохийский 1152–1187.

³ Аймери (Амори) де Лузиньян — брат короля Иерусалимского королевства Ги де Лузиньяна, коннетабль королевства с 1181 по 1192, король Кипра с 1197 по 1205, носил также титул короля Иерусалима с 1197 по 1205 (1155–1205).

⁴ Раймонд, вероятно сын Боемунда III, принца Антиохийского с 1163 по 1201.

⁵ Леди Тибериас — Эшва де Бурэ, принцесса Галилеи (год рождения — до 1140, год смерти неизвестен). От первого брака (1159) с Гаутьером де Сент Омером имела пятерых детей — 4-х сыновей и дочь. Вторым браком (1174) была замужем за Раймондом III, графом Триполийским.

⁶ Балиан Ибелинский (Балиан II, сеньор д'Ибелин, 1131–1193) — второй муж Марии Комниной, вдовы Амори I, короля Иерусалимского королевства с 1163 по 1174.

⁷ Граф Жоселин — Жоселин IV де Куртене, граф Эдессы (после 1145, год смерти неизвестен). Брат Агнес де Куртене, первой жены Амори I, короля Иерусалимского королевства с 1163 по 1174.

сарацинов. Сарацины разделились, создали сквозной проход и позволили им пройти; и затем, когда они <войска графа> оказались в середине их, окружили их. Только 10 или 12 рыцарей из отряда графа спаслись от них. Среди тех, кто спасся, были граф Триполи и Раймонд, сын принца Антиохийского, и четверо сыновей леди Тибериас.

Когда граф увидел, что они потерпели поражение, он не отважился идти в Тивериаду, которая была всего в двух милях оттуда, поскольку боялся, что если он затворится там, и Саладин обнаружит это, то может прийти и захватить его. И, отбыв с имевшимися у него спутниками, он направился в Тир. После того как этот отряд был разбит, ярость Господня сделалась столь велика против христианских воинов по причине грехов их, что Саладин сокрушил их быстро — между часом третьим и девятым¹ он победил почти на всем поле битвы. Он захватил короля, мастера Тампля, принца Рейнальда, маркиза Бонифация², констебля Амори, Онфруа Торонского³, Юга Гибелетского, Пливэйна, владетеля Ботрона, и столь многих других баронов и рыцарей, что потребуется слишком много времени для того, чтобы поименовать их всех; Святой Крест также был утерян.

Позднее, во время графа Анри (Шампанского, «Владетеля королевства Иерусалим» 1192–1197)⁴ брат-тамплиер пришел к нему и сказал, что он был при великом поражении и захоронил Святой Крест, и знает хорошо, где он есть; и если он получит сопровождение, то пойдет и разыщет его. Граф Анри дал ему свое позволение и эскорт. Они отправились в тайне и копали три ночи, но не смогли найти ничего, и тогда они вернулись в город Акру.

Эта катастрофа, произошла с христианами в месте, называемом Рога Хаттина (Карнехатин), в 4-х милях от Тивериады, в субботу 4 июля 1187 года, в день св. Мартина ле Бойланта. Папа Урбан III (1185–7) занимал апостольский престол Римской церкви, Фридрих (I Барбаросса) был императором Германии, Филипп (II Август), сын Луи (VII), королем Франции, Генри (II) Куртмантл королем Англии, и Исаак (II) императором в Константинополе. Весть об этом поразила сердца этих верных Иисусу Христу. Папа Урбан, который был в Ферраре, умер от горя, услышав эту новость. После него папой был Григорий VIII, муж святой жизни, занимавший папский престол всего два месяца перед тем как он умер и отошел ко Господу. После Григория пришел Климент III (1187–91), к которому

¹ Девятый час — по церковному счислению соответствует третьему часу полудни.

² Маркиз Бонифаций — Бонифаций I де Монферра (ок. 1150–1207). Брат Конрада де Монферра, правителя Иерусалимского королевства с 1191 по 1192 гг.

³ Онфруа Торонский (Онфруа IV, сир де Торон, годы жизни 1164 — не ранее 1192). Первый муж (1183) Изабеллы Анжуйской, младшей кровной сестры королевы Иерусалима Сибиллы с 1186 по 1190 гг.

⁴ Графа Анри — Анри II де Шампань, де Бри (1166–1197). Правитель Иерусалимского королевства с 1192 по 1197 гг.

архиепископ Иосия Тирский направил правдивый отчет, о новостях, как вы найдете в нижеизложенном.

Когда Саладин покинул поле битвы с великой радостью и великой победой, и был в своем лагере, он приказал всем христианским узникам, которые были захвачены в этот день, предстать перед ним. Первыми привели короля, мастера Тампля, принца Рейнальда, маркиза Бонифация, Онфруа Торонского, констебля Амори, Юга Гибелетского и несколько других рыцарей. Когда они были все вместе собраны перед ним, он сказал королю, что для него большая радость, и он считает для себя большой честью сейчас, что имеет в своей власти таких ценных узников, как короля Иерусалима, мастера Тампля и других баронов. Он приказал, чтобы сироп растворили в воде, в золотой чаше, и подали им. Он вкусил сам, и затем дал его пить королю, говоря: «Напейся». Король пил как человек крайне жаждущий, и потом передал чашу принцу Рейнальду.

Принц Рейнальд пить не захотел. Когда Саладин увидел, что король передал чашу принцу Рейнальду, он разгневался и сказал ему <Рейнальду>: «Пей, ибо ты никогда уже не будешь больше пить!» Принц ответил, что если это угодно Богу, он никогда не будет пить или есть ничего от него (Саладина). Саладин спросил его: «Принц Рейнальд, если бы я содержался в твоей тюрьме, как я сейчас содержу тебя в моей, что по твоему закону ты бы сделал мне?» «Господи помилуй» — воскликнул тот «Я бы отрезал тебе голову». Саладин чрезвычайно разъярился на такой крайне дерзкий ответ и сказал: «Свинья! Ты мой узник, и ты все еще отвечаешь мне столь высокомерно?». Он схватил меч в свою руку и вонзил прямо в его тело. Мамлюки, стоявшие наготове, подбежали к нему <Рейнальду>, и отрезали его голову. Саладин взял немного его крови и окропил ею его голову в знак того, что он совершил отмщение над ним. Потом он приказал, чтобы они <мамлюки> доставили голову в Дамаск, и ее влачили по земле, чтобы показать сарацинам, которым принц много досаждал, какое отмщение он получил. После чего он <Саладин> приказал отправить короля и других узников в Дамаск, где они были заключены в тюрьму, достойную их¹.

Какова же была численность войск, противостоявших друг другу в битве при Хаттине? Согласно «Истории Иерусалимского королевства» (*Historia Regni Hierosolymitani*), христианское войско состояло из: 1000 рыцарей Королевства Иерусалимского, 1200 рыцарей, снаряженных на деньги, пожертвованные королем английским Генрихом II; 4000 туркополов (конников); 32 000 пехотинцев².

¹ <http://www.globalfolio.net/monsalvat/frsdominus/mainframe.htm>.

² *Herwig Ebnner*. Überblick über den Ordensbesitz in den ehemaligen habsburgischen Erblanden von den Anfängen bis zur frühen Neuzeit // *Der Souveräne Malteser-Ritter-Orden in Österreich*. Im Auftrag des Großpriorates von Österreich hrsg. Christian Steeb und Birgit Strimitzer. Graz: Leykam, 1999. S. 39.

В сравнении с другими свидетельствами современников, эти цифры представляются сильно завышенными. Известнейший исследователь истории Крестовых походов, сэр Стивен Рэнсимэн, на основании изучения многочисленных источников пришел к выводу, что христианская армия, вероятнее всего, состояла из 1200 рыцарей. В их числе были: 300 тамплиеров, 300 госпитальеров и 600 светских рыцарей и баронов с оруженосцами и конными слугами и не менее 10 000 пехотинцев. Во всяком случае, он абсолютно исключает вариант, при котором на 1 конного воина приходилось бы 10 и более пехотинцев¹.

Что же касается армии Саладина, то собственное двенадцатитысячное войско султана Египта и Сирии за счет добровольцев-воинов за веру и воинских контингентов, присланных его союзниками, вполне могло составить 18 000 человек. Во всяком случае, не подлежит сомнению, что в битве при Хаттине сошлись две крупнейшие армии, когда-либо выводившихся друг против друга в поле в эпоху Крестовых походов. Христианские рыцари в своих тяжелых доспехах и на конях, у многих также покрытых броней, превосходили численностью аналогично вооруженную тяжелую кавалерию мусульман и представляли большую угрозу для легковооруженных сарацинских воинов. Однако рыцари и кони, изнуренные жарой и недостатком воды, обессилели, и тяжелое вооружение превратилось для них в невыносимое бремя. Что же касается христианских туркополов, то они значительно уступали легкой кавалерии Саладина в вооружении и боевом искусстве. Решающую роль в поражении христиан под Хаттином имело отсутствие единого командования у христианского войска и неблагоприятные условия совершенно безводной местности, куда Саладину, изощренному знатоку военного искусства, удалось заманить обессиленного долгим маршем под палящим зноем, жарой и жаждой противника.

После этого поражения крестоносцев положение Святой Земли стало поистине отчаянным. Саладин, не торопясь, приступил к ее систематическому завоеванию. Большинство замков Иерусалимского королевства и Самарии ему удалось захватить малой кровью. К концу августа в руках христиан южнее Триполи остались только города Тир, Аскалон и Газа, не считая самого Иерусалима. Осажденный гарнизон Аскалона оказал сарацинам мужественное сопротивление, невзирая на то, что приведенные осаждающими под стены Аскалона пленные король Гвидо Иерусалимский и Великий Магистр тамплиеров Герард де Ридфор призывали осажденных сдаться сарацинам — Саладин обещал отпустить короля и магистра на свободу в обмен на сдачу без боя христианских городов и замков. Однако аскалонцы отказались сдать город. 4 сентября Аскалон, чей захват

¹ *Runciman S. A History of the Crusades. Vol. 3. Cambridge, 1954. P. 48.*

в свое время стоил христианам стольких жертв, был взят штурмом сарацинами, предварительно во многих местах разрушившими городские стены при помощи 10 осадных машин и минерных работ. В ходе дальнейших боевых действий Саладин не давал пощады никому. Особенно беспощадно султан расправлялся с храмовниками и госпитальерами. Всех рыцарей этих двух Орденов, захваченных в плен, ставили перед дилеммой: переход в ислам или смерть. Большинство из них предпочитали смерть отречению от Христа.

20 сентября 1187 г. Саладин осадил Иерусалим, а 2 октября вступил в покоренный город. Обороной Иерусалима руководил старый рыцарь Байян Наблусский. Город был переполнен беженцами из окрестных деревень и замков. На одного иерусалимского жителя мужского пола приходилось до 50 женщин и детей. В городе имелось лишь небольшое число рыцарей, обладавших необходимым боевым опытом. Байян был вынужден посвятить в рыцари всех юношей старше 16 лет и 30 горожан и выслал в окрестности города отряды для закупки продовольствия на деньги, присланные госпитальерам королем Генрихом Английским. Осажденные обороняли город с мужеством отчаяния, но их число было слишком незначительным для успешной обороны города от многочисленного, хорошо обученного войска Саладина.

Победители вели себя достаточно гуманно и сдержанно. В городе, где войско крестоносцев 88 годами ранее шло по колена в крови своих жертв, сарацины, не в пример крестоносцам, никого не убили и не ограбили. Правда, за свою милость султан назначил довольно высокую цену. Всем иерусалимским христианам была предоставлена возможность в течение 40 дней покинуть Иерусалим, уплатив выкуп: с каждого мужчины — 10 золотых динаров, с каждой женщины — 5, с ребенка — 1 динар. Даже к иерусалимским беднякам, не имевшим столько денег, Саладин отнесся довольно милостиво и великодушно. 500 бедняков он отпустил на свободу без всякого выкупа, а его брат бесплатно освободил 1000 пленных нерыцарского звания. К тому же Саладин позволил значительному числу христиан — сирийцев и греков — остаться в Иерусалиме под властью мусульман. Тем не менее, примерно двадцати тысячам человек, основной части иерусалимских бедняков, негде было взять деньги для выкупа. Тамплиеры и госпитальеры, располагавшие средствами, отказались предоставить их для выкупа бедноты: они-де не вправе распоряжаться переданными им на хранение чужими деньгами.

Но вспыхнувшие среди жителей Иерусалима беспорядки вынудили тамплиеров, госпитальеров и каноников Святого Гроба, а также весьма состоятельного Патриарха Иерусалимского предоставить часть своих сокровищ для выкупа хотя бы части пленных христиан из мусульманского

рабства. Еще 7000 иерусалимских бедняков удалось выкупить на остатки суммы, предоставленной военно-монашеским орденом королем Англии Генрихом.

Орденские рыцари раскошелились — они уплатили 14 тыс. золотых за 7 тыс. бедняков (выкуп за двух женщин или десятерых детей приравнивался к сумме, которую требовалось внести за одного мужчину). И все же около 15 тыс. человек так и не сумели выкупиться и были проданы в рабство¹.

Эта умеренность Саладина диктовалась, как справедливо заметил М. А. Заборов, соображениями политического порядка: ведь ему предстояло включить территорию государств крестоносцев в состав египетской державы, и свирепость торжествующего победителя могла бы только повредить в этом деле.

Не успели христианские беженцы покинуть Иерусалим, как сарацины сорвали Крест с купола храма Святого Гроба, удалили все знаки христианского благочестия и очистили мечеть Аль-Акса ото всех следов пребывания рыцарей Храма в ее древних стенах.

Следует сказать, что христианам (за исключением принадлежащих к восточным церквям — греческой, коптской, армянской и др.) было запрещено проживать в городе, многие христианские церкви были превращены в мечети и в мусульманские религиозные и благотворительные учреждения. При Саладине была восстановлена еврейская община, и евреи начали переселяться в Иерусалим из других городов страны. Среди новых поселенцев были также евреи из Йемена, стран Магриба и Европы².

Несмотря на то, что занятие мусульманами Иерусалима в 1187 г. ознаменовало потерю практически всех владений госпитальеров и храмовников, однако на севере Святой Земли в руках христиан остались замки Маргат и Крак де Шевалье, принадлежащие госпитальерам. Саладин, после небольшой передышки, вновь возобновил военные действия, но он прошел мимо этих владений госпитальеров, не желая, вероятно, терять напрасно время на их осаду. В июне 1188 г. он взял штурмом город Тортозу, но не смог овладеть расположенным в нем сильно укрепленным замком тамплиеров.

22 июля 1188 г. Саладину после непродолжительной осады сдались город Латакия с принадлежавшим госпитальерам замком. 29 июля сарацины, после интенсивного обстрела метательными машинами, взяли штурмом огромный, возведенный на горном хребте и считавшийся неприступным замок Сахьун, чей небольшой гарнизон сдался, не выдержав обрушившегося на него ливня метательных снарядов.

¹ Заборов М. А. Крестоносцы на Востоке. М., 1980. С. 129.

² Шкловская М., Лурье И. Иерусалим. История и образ города / Научный консультант проф. Гофни. Иерусалим: Библиотека Алия 1995. С. 135.

Каковы же были последствия битвы при Хаттине?

В 1187–1188 гг. судьба крестоносных государств Сирии висела буквально на волоске. Но их существование было продлено благодаря графу Конраду Монферратскому, успешно отразившему нападение Саладина на Тир. Неудачей окончились и нападения сарацинов на главные города Северной Сирии — Триполи и Антиохию.

Конвент госпитальеров получил три письма-отчета о битве при Хаттине, содержащие подробное, исполненное глубокого драматизма описание боевых действий и их последствий, но дающие преувеличенные сведения о силах сторон. Первое из этих писем, датируемое предположительно второй половиной августа 1187 г., написано Великим прецептором Борелем, исполнявшем обязанности руководителя Ордена госпитальеров до выборов нового Великого Магистра взамен павшего в бою при Крессоне в мае 1187 г. Рожера де Мулена и до избрания его преемника Эрменгара д'Аспа в 1188 году. Адресат письма, Аршамбо, в период поездки магистра де Мулена по Европе в 1184–1185 гг., являлся его заместителем в Конвенте. Сам Борель не принимал участие в битве при Хаттине, и поэтому приведенные в его письме данные о численности противостоявших друг другу при Хаттине армий, вероятнее всего, не соответствуют действительности. Можно предположить, что приведенным Борелем данные должны были вызвать у читавших это письмо жалость и сострадание.

Настоящим сообщаем Вам, господин Арембольд (Arembault)¹, Магистр госпитальеров Италии, и всей Вашей братии о событиях, происшедших по эту сторону моря, — писал Борель. — Знайте же, что король Иерусалимский, снова помирившийся с графом Триполийским, в день празднования памяти Святых апостолов Петра и Павла² во главе большого, тридцатитысячного войска находился близ Сепфоры³. Граф со своими людьми также пребывал там вместе с королем. И вот, неверный царь Саладин во главе восьмидесяти тысяч воинов напал на Тивериаду (Табарию) и взял ее. Узнав о падении Тивериады, король Иерусалимский выступил из Сепфоры и двинулся со своими людьми навстречу Саладину. И Саладин в пятницу (3 июля), после празднования дня Святых Апостолов Петра и Павла, двинулся навстречу ему в Марескалию⁴, и разгорелась битва, и они ожесточенно сражались весь день, пока ночь не разделила сражающихся.

¹ Судя по имени (в различных документах той эпохи он именуется также Эрхенбальдом или Архумбальдом), магистр госпитальеров в Италии был по происхождению ломбардцем (лангбардом).

² 12 июня.

³ Назывался и Сафора — город немного к северу от Назарета.

⁴ Марескалия (Марескалькия) была расположена в трех милях от Тивериады и потому иногда упоминается в документах под названием Марескалькия Тивериадской.

При наступлении ночи король Иерусалимский разбил стан близ Солнубии¹, а на следующий день, в субботу, он двинулся дальше с войском.

Около третьего часа ночи магистр Храма² со всей своей братией вновь вступил в бой с неверными, но они не получили поддержки от остальных и Божиим произволением потеряли большую часть своих людей³. Тогда король со своим войском, непрестанно сражаясь, продвинулся от Наина примерно на лигу⁴, и тогда граф Триполийский уговорил короля дать людям отдых у горы, представляющей собой естественное укрепление, но они успели разбить там только три шатра. Увидев этот лагерь, турки развели огонь вокруг королевского войска⁵, и произвели такой невыносимый жар, что лошади и мулы не могли ни есть, ни пить от этого жара⁶. И тогда Балдуин де Фатинор, Бахабербок (?) Тивериадский и Лейзий с тремя своими соратниками отделились от войска, перебежали к Саладину и — страшно сказать! — отрекшись от нашей святой веры, сообщили ему о жестокой нужде, которую приходилось терпеть королевскому войску. И Саладин послал на наших Техедина⁷ с двадцатитысячным отборным войском. Они прорвали строй христианских воинов, и разгорелась жестокая битва, продолжавшаяся между нонами⁸ и временем восхождения Веспера⁹, и, после того, как пало немало наших, христианское войско по нашим грехам потерпело поражение от неверных. Святой Крест попал в руки врагов. Были взяты неверными в плен сам король, граф Гавалийский, Милон де Колатеридо и Гумфред¹⁰ Младший. Князь Рейнальд¹¹ был взят в плен и убит. Вальтер Арсунский, Гуго Гебельский¹², сеньор Ботронский и сеньор Мараклийский, а с ними и тысячи других благородных мужей были взяты в плен и перебиты, так что из всего войска спаслось не более двухсот рыцарей и пехотинцев. Спаслись сам граф¹³, сеньор Бальян¹⁴ и Райнальд, сеньор Сидонский¹⁵.

¹ Кубья близ Хаттина.

² Великий Магистр Ордена тамплиеров Жерар де Ридфор.

³ Здесь очень четко отражена взаимная неприязнь госпитальеров к тамплиерам.

⁴ 1 лига = 3 мили = 4, 828 км.

⁵ Они подожгли кустарники и охапки соломы.

⁶ Впрочем, к этому времени у христиан кончились запасы воды.

⁷ Имеется в виду родной брат Саладина, Эль Музаффар Омар бен Шахиншах Такджи-эд-дин.

⁸ В девятом часу, или в два часа дня.

⁹ Веспер — вечерняя звезда; около шести часов вечера.

¹⁰ Торонский.

¹¹ Рейно де Шатийон, снискавший особую ненависть Саладина, поскольку разграбил принадлежавший тому богатый караван и захватил в плен сестру Саладина.

¹² Гебель (древний Гебал или Библ) — ныне Джбейль (Ливан).

¹³ Раймунд Триполийский.

¹⁴ Бальян Ибелинский, в дальнейшем — последний защитник Иерусалима.

¹⁵ На утро после жаркой ночи под Марескальцием граф Триполийский, во главе галилейских отрядов, отчаянно атаковал неприятеля, турки, следуя своей обычной

И Саладин собрал своей войско и в воскресенье¹ подступил к Сепфоре, и взял ее, а затем и Назарет, и захватил гору Фаворскую², а в понедельник подступил к Аккону, именуемому также Акрис³, и ему сдались гарнизоны Аккона, а также Каифы⁴, Кесарии, Яффы⁵, Наплюзы⁶, Рамы, крепости Святого Георгия⁷, Ибелина, Бельфора⁸, Мирабеля⁹, Тирона¹⁰, Гвалера¹¹, Газера¹² и Андурума¹³. Все они сдались без исключения. И когда наша галера отплывала от Тира, они послали к Саладину сирийцев, предложив ему идти на Иерусалим, который обещали сдать ему без боя. И мы бежали на нашей галере в Лехию¹⁴, где и узнали, что якобы и Тир тоже сдан. До сих пор еще держатся и надеются на помощь с Запада — Иерусалим, Тир, Аскалон, Маргат, Антиохия, Лассар (?), Сатрона¹⁵ и Триполи. Число же турок и сарацин столь велико, что они покрывают все пространство от осажденного ими Тира до Иерусалима подобно бесчисленным муравьям, и если вышеперечисленным замкам и городам, а также небольшой горстке восточных христиан не будет немедленно оказана помощь, все они также будут истреблены жаждущими их крови дикими языческими ордами¹⁶.

тактике, разомкнули строй и Раймунд, бежал по направлению к Триполи со своим авангардом.

¹ 6 июля 1187 г.

² Имеется в виду построенный крестоносцами на горе Фавор одноименный замок Монтарор.

³ Этот город — последний оплот крестоносцев в Святой земле — назывался по-разному: Птолемаида, Акка, Акрис, Акко, Аккон, Сен-Жан д Акр.

⁴ Ныне — Хайфа (Израиль).

⁵ Яффа (Июппия) — ныне Тель-Авив (Израиль).

⁶ Древний Неаполь, арабский Наблус, ныне — Сихем (Израиль).

⁷ Лидда, ныне — Лод, пригород Тель-Авива, в котором расположен городской аэропорт.

⁸ Близ Сарепты.

⁹ Владение сеньоров Ибелина близ Рамы.

¹⁰ Тибнин.

¹¹ Гавала.

¹² Газария.

¹³ Имеется в виду крепость Дарум, возведенная близ Газы на пути в Египет при короле Иерусалимском Амальрике (Амори). После взятия этой крепости мусульманами, султан Саладин значительно усилил ее оборонительные сооружения, что, однако, не помешало королю английскому Ричарду Плантагенету, по прозвищу Львиное Сердце, взять ее штурмом 23 мая 1192 года.

¹⁴ Лаодикею.

¹⁵ Саона, юго-восточнее Лаодикии.

¹⁶ Документы по древней истории рыцарского Ордена госпитальеров св. Иоанна Иерусалимского / Публ., пер. и коммент. В. В. Акунова // Сб. Русского исторического общества. Т. 9 (157). Мальтийский орден и Россия. М.: «Русская панорама», 2003. С. 52–54.

Второе письмо, датированное концом 1188 г., было направлено приемником Роджера, Эрменгардом де Аспом, бывшим до этого приором Сен-Жилльским, и избранным Великим магистром госпитальеров в начале октября 1188 года. Оно было адресовано герцогу Леопольду Австрийскому. В то время как в первом письме был подробно изложен ход битвы при Хаттине, во втором письме содержится подробное описание первых последствий постигшего крестоносные государства сокрушительного поражения.

Сиятельному господину, высокородному благодетелю Леопольду, благороднейшему герцогу Австрийскому, от Эрменгарда, милостью Божией служителя убогих во Христе Иисусе и смиреннейшего предстоятеля братии священного странноприимного дома, что в Иерусалиме, и от всего конвента, с чувством нижайшего почтения и глубочайшей преданности. Вашему Высочеству, сиятельнейшему герцогу, вне всякого сомнения, должно быть уже известно о падении достойного величайшего сожаления града Иерусалима. Истинно, Господь по нашим все возрастающим грехам, оставил свой удел и дал своему наследию ощутить всю тяжесть своей карающей длани. Охваченный праведным гневом перед лицом наших превысивших всякую меру беззаконий, Он попустил, чтобы положение христиан, обитающих по эту сторону моря, ухудшалось с каждым днем.

В настоящее лето мерзостный Саладин разрушил до основания град Тортозу, за исключением башни храмовников, сжег дотла град Валанию¹, а затем, двинувшись на Антиохию, взял славные города Гавулун и Лаодикею, а также хорошо укрепленные замки Сатрону, Горду, Кавею и Рошфор, а затем, подступив к вратам самой Антиохии, после недолгой осады, захватил Тарпасак и Гастон².

И после того, как он таким образом опустошил и разорил все княжество, за исключением нашего превосходно укрепленного замка Маргат³, князь Антиохии⁴ и граждане этого города, что еще более достойно сожаления, заключили с Саладином соглашение, по которому они обязались, если не получат к тому времени помощи, без единого выстрела из камня передать ему Антиохию, завоеванную в свое время ценой крови стольких благочестивых христиан.

Знайте также, что и расположенные в королевстве Иерусалимском сильные крепости Крак и Монреаль, возведенные в Аравии по ту сторону

¹ Эта крепость была в 1186 г. передана Ордену госпитальеров в дар ее прежним владельцем, сеньором Райнальдом Масокрием.

² Арабское название крепости Гастон — Баграс.

³ Маргат был передан в дар Ордену Святого Иоанна Иерусалимского его прежним владельцем, вышеупомянутым Райнальдом Масокрием, также в 1186 г.

⁴ Боэмунд.

Иордана, близ Мертвого моря, вынуждены были сдать не верным из-за недостатка продовольствия. Мы весьма опасаемся, что такая же судьба ждет и Сафед, крепость храмовников, а также наш замок Бельвуар. Мы не знаем, как долго они смогут выдержать непрерывную осаду и угрожающий им штурм».¹

Третье письмо, написанное в 1193 г., было направлено Великим магистром Готфридом де Донжоном (1193–1202 гг.) брату Мартину, госпитальерскому приору Венгрии и Богемии (Чехии), являвшемуся ранее настоятелем орденового храма в Праге и подписывавшемуся, начиная с 1186 г. как: «М., бывший препозит (предстоятель) Пражский, ныне прецептор Венгрии и Богемии» (*M. quondam prepositus Pragensis, nunc preceptor Unharie et Boemie*)².

«Брат Гodefрид, Божией милостию смиренный магистр священного Иерусалимского странноприимного дома вместе со всем капитулом одного дома приветствует брата М <артина>, настоятеля, приора одного дома в Венгрии с братской любовью. Поскольку мы предполагаем, что Вы охотно бы узнали о происходящем в Иерусалимской земле, то сообщаем Вам, что вскоре по прошествии сентября умер знатный неверный по имени Местох, прославившийся как благодаря своему происхождению, так и благодаря своей храбрости³. Кроме того, умер «старый повелитель ассирийцев»⁴, вместо которого они назначили на этот пост его преемника. К тому же умер брат Саладина⁵, повелитель страны Лекман⁶. Умер также султан Иконийский⁷, между сыновьями которого разгорелась ожесточенная распря. Затем, в первую неделю марта, в среду умер наш гонитель Саладин⁸, чья смерть наполнила сердца его народа страхом и ужасом. Между его сыновьями также разгорелась ожесточенная распря. Один из них находится в Алеппо, другой в Дамаске, третий в Вавилоне⁹, и никто из них

¹ Документы по древней истории рыцарского Ордена госпитальеров св. Иоанна Иерусалимского... С. 54.

² В 1188 г. Мартин встречается среди членов госпитальерского конвента Тира, но в 1189 г. он опять появляется в Богемии.

³ Речь идет о смерти курда Саиф Эддина аль Маштуля, второго губернатора осажденной крестоносцами Акконы, отважно оборонявшего город с начала 1191 г. и до сдачи Акконы христианам и выкупленного у крестоносцев Саладином за 50 000 динаров).

⁴ Речь идет о Синане, главе тайного измаилитского общества ассасинов, именованном «старцем Горы» («шейх аль Джбейль»).

⁵ Малик аль Адиль.

⁶ Йемен.

⁷ Килидж Арслан.

⁸ Саладин действительно скончался в среду, 3 марта 1193 г.

⁹ Вавилоном (или Вавилоном Пустынным) крестоносцы называли Каир.

не хочет подчиниться другому. Мы можем с уверенностью констатировать лишь одно — не так-то просто будет вернуть удел Христов после потери Святого града. Земли, которыми в настоящее время владеют христиане, хотя и находятся в безопасности, но совершенно обезлюдели¹.

1187 год многое изменил в жизни всего населения Палестины, было навсегда потеряно то, что с таким трудом и кровью добыли себе крестоносцы, рухнуло государство, рухнула вся система власти. Изменилось и законодательство Иерусалимского королевства, которое, по сути, доживало последние годы на окраине своих бывших владений. Если до этого времени согласно «Книге короля» государю запрещалось отчуждать свои замки в пользу орденов, как записано в этом уставе «religion»², а всем королевским вассалам свои имения, то после падения Иерусалима, все это было отменено.

Итак, в сентябре 1187 г. Иерусалим пал. Среди основных причин крушения власти крестоносцев в Палестине можно назвать ту междоусобную борьбу, которую вели в Европе между собой папы и императоры. Пока они были заняты этими не менее кровопролитными разборками, а также борьбой за Сицилию, им не было дела до того, что происходит в Палестине. И все таки, хотя владетельные светские и духовные князья европейских государств на протяжении десятилетий оставались глухи к призывам Святой Земли о помощи, они восприняли утрату Святого Города и других христианских святынь как тяжелый удар. Папа Григорий VIII (21.10 – 17.12.1187), во время своего кратковременного понтификата, все же успел обратиться ко всем христианам с призывом взять крест, т. е. собраться в новый поход на Восток. Но его смерть на какое-то время остановила это движение.

Для Климента III (1187–1191), сменившего Григория VIII стал вполне очевидным крах всей проводимой его предшественниками внешней церковной политики, направленной на удержание Палестины в руках христиан. Для восстановления прежде всего папского престижа Климент III предпринимает новые усилия, направленные на возобновление крестового движения. Идея быстро охватила массы и стала переживать новый подъем на всей территории Европы — от Италии и Испании до Дании и Норвегии. Французский король Филипп, английский престолонаследник герцог Ричард и уже постаревший император Фридрих Барбаросса откликнулись на призыв папы. Во Франции, Англии и Германии собрались

¹ Документы по древней истории рыцарского Ордена госпитальеров св. Иоанна Иерусалимского... С. 54–55.

² «Religion» — имело значение религиозного ордена, что, к стати сохранилось в наименованиях мальтийский кораблей — «галеры Религии». См.: *Ришар Ж.* Латино-Иерусалимское королевство... С. 134, прим. 1.

многочисленные армии крестоносцев, причем на этот раз, как мы видим, под руководством своих государей. Начало новому крестовому походу было положено в Германии. Император Фридрих I заявил о своей готовности участвовать в нем на Майнцском рейхстаге весной 1188 г. Германское войско, состоявшее из 3000 рыцарей в сопровождении оруженосцев, воинов-кнехтов и большого обоза, выступило в 1189 г. из Регенсбурга с намерением достичь цели похода через Балканы и Малую Азию.

Однако подготовка этого похода, как и предварительный сбор военных сил, растянулись на некоторое время. Кроме того, мешали появившиеся династические неувязки между Англией и Францией. Они долго не давали прийти к обоюдному соглашению. Дело заключалось в том, что на английском престоле в это время находилась династия Плантагенетов, графы Анжу и Мена, которые получили престол благодаря браку одного из них на наследнице Вильгельма Завоевателя. Но каждый английский король, являвшийся в то же время графом Анжу и Мена, а также герцогом Аквитании и Гиени, после ее присоединения, обязан был давать королю Франции ленную присягу на эти земли, которые во Франции были смежными. Но в этот период времени и английский король Генрих II и французский Филипп II были настолько нерасположены друг к другу, что искали любой повод навредить один другому. Правителями французских земель английского короля были два его сына — Иоанн и Ричард. Французский король настраивает их против отца, заключает с ними союз и даже вооружает их.

В это же время за Ричарда была сосватана сестра французского короля Алиса, которая жила в этот момент в Англии. Но вскоре разнесся слух, что Генрих II якобы вступил в любовную связь со своей невесткой. Вражда между сыном и отцом возобновилась с новой силой, однако продолжалось недолго. Генрих II умер в 1189 г. и власть перешла к Ричарду¹. Теперь оба друга — короли английский и французский соединили все усилия для проведения нового Крестового похода, который начался только летом 1190 г. Английские войска большей частью были посажены на суда и отправились морским путем. Сам Ричард переправившись через Ламанш соединился с войском французского короля и пешим путем они отправились в Италию, достигнув в сентябре Сицилии.

Но неприятности у крестоносцев случались именно там, где их никто не ожидал. 10 июня 1190 г. во время купания в реке Салефе, в Малой Азии, утонул германский император Фридрих Барбаросса. Эта трагедия привела фактически к срыву похода. Многие крестоносцы, устранившись смерти своего предводителя как недоброго предзнаменования, отказались от дальнейшего участия в паломничестве, в результате чего лишь жалкие

¹ *Успенский Ф. И.* История Византийской Империи XI–XV вв. Восточный вопрос. М.: «Мысль», 1997. С. 252–253.

остатки немецкого войска достигли осенью 1190 г. города Акры, который они вознамерились силой оружия вернуть в состав Иерусалимского королевства. Однако сил у них для этого оказалось недостаточно.

Лишь после прибытия подкреплений из Италии и Германии, которыми руководили архиепископ Герард Равенский, Адельвард Веронский, ландграф Людвиг Тюрингский, граф Оттон фон Гельдерн, Генрих фон Альтенбург, Альберт фон Поппенбург и Видукинд фон Ред, приведших с собой в общей сложности около 1000 рыцарей и крупный контингент пехотинцев, а также больших армий англичан и французов, упорная и изнурительная осада Акры завершилась капитуляцией осажденных. Город был сдан крестоносцам, а 2700 переживших осаду воинов гарнизона перебиты по приказанию английского короля Ричарда Львиное Сердце, раздраженного их чрезмерно упорным сопротивлением, представлявшим для него неразумным упрямством. За этот необдуманный поступок Ричарда позднее пришлось поплатиться многим крестоносцам, ибо война приобрела крайне жестокие формы и с мусульманской стороны.

В это время все большее значение для мусульман стала приобретать идея священной войны. Насколько борьба за Святую Землю превратилась в глазах магометан описываемой эпохи в войну за веру, явствует из письма султана Саладина халифу Багдадскому. Данное письмо более наглядно, чем все дошедшие до нас западные письма, демонстрирует, что на Западе крестовые походы стали поистине народными движениями. Саладин писал халифу, в частности, следующее:

«Так будем же надеяться на милость Божию, и пусть та опасность, в которой мы находимся, оживит ревность мусульман... Ибо мы не устаем изумляться ревности неверных и равнодушию правоверных. Взгляни на христиан, взгляни, в каком количестве они прибывают, как они соперничают друг с другом в ратном деле, как охотно они жертвуют своими богатствами, как они объединяются, как стойко они переносят величайшие страдания, невзгоды и нужду во всем! Нет среди них ни одного царя, ни одного владыки, ни одного острова или города, ни одного человека, будь он даже ничтожнейшим из всех, который не послал бы на эту войну своих крестьян, своих подданных, который не предоставил бы им возможность проявить свою доблесть на поле славы. Они творят все это, ибо верят, что служат тем самым своей религии, и потому охотно жертвуют своей жизнью и своим имуществом. Будем же надеяться, что Аллах ниспошлет нам помощь и поможет нам, в своей неизреченной милости, истребить всех недругов, а всех правоверных спасет ото всех опасностей!»¹

¹ *Roehricht R. Geschichte des Koenigsreichs Jerusalem (1100–1291). Innsbruck, 1894. S. 876–877.*

В Акре крестоносцами был вновь обретен тот самый «Истинный Крест», захваченный сарацинами в битве при Хаттине. Госпитальеры, чья главная резиденция с момента потери Иерусалима находилась в крепости Маргат, перенесли ее в Акру. Раскопки, проведенные в 80–90-х гг. XX в. израильским правительством, позволяют нам составить себе представление о сильных позициях, занимаемых Орденом госпитальеров в этом городе.

После завоевания Акры между победителями начались конфликты. Герцог Леопольд V Австрийский, как верховный предводитель немецкого войска, потребовал признать его равным по положению королям Англии и Франции и водрузил свое знамя рядом со знаменем Ричарда, после чего англичане сорвали австрийское знамя, разодрали его и сбросили в замковый ров. Леопольд воспринял эти действия как смертельную обиду, которую никогда не простил высокомерному англичанину.

У него появилась возможность отомстить только тогда, когда Ричард, переодевшись рыцарем Храма, в сопровождении всего четырех слуг, возвращался в Англию морским путем. Его корабль, попавший в шторм на Верхней Адриатике, потерпел крушение близ Аквилеи, откуда Ричард продолжал свой путь по суше. Близ Вены он был опознан и выдан Леопольдом императору Генриху VI, который приказал бросить Ричарда в темницу имперского замка Гогенштауфенов Трифельс близ Аннвейлера в Рейнско-Пфальцской области. Он был выпущен на свободу в 1194 г., только после уплаты выкупа в размере 100 000 марок серебром и принесения ленной присяги Императору, проведя перед тем целый год в заключении.

В этой связи необходимо упомянуть еще одно событие, имевшее важное последствие для крестоносного движения — завоевание острова Кипр Ричардом Львиное Сердце в 1192 году. Об этом, более подробно, расскажем в специальной главе. Здесь же только констатируем, что Ричард Львиное Сердце продал Кипр одному из орденов, по одной версии тамплиерам, по другой, более правдоподобной, госпитальерам. Позднее остров перешел под власть короля Иерусалима, Гвидо Лузиньяна. Тем не менее, для обоих рыцарских орденов завоевание острова имело важные последствия. Так, через 100 лет орденам представилась возможность отступить на Кипр после утраты Палестины. К счастью для госпитальеров, Великий Магистр Гарньер де Наблус (1190–1192) был в хороших отношениях с английским королем, по милости которого ордену госпитальеров удалось своевременно обосноваться на Кипре. Время правления этого магистра было очень недолгим, ибо ход военных действий заставлял предъявлять к людям поистине невыносимые требования.

В первом десятилетии XIII в. развитие событий в Святой Земле приобрело несколько менее бурный характер. Король Амальрих, который уже стал королем Кипра и одновременно носил корону Иерусалимского коро-

левства, сознавая, что на усиление его войска нет никаких надежд, заключил перемирие с магометанками. Королевством Кипрским он был обязан императору Генриху VI, от которого получил его в качестве лена. В октябре 1195 г. посланник Амальриха прибыл к императору в его «палаты» близ Гельгаузена, и присягнул ему там от имени своего господина. Император прислал ему скипетр в Никосию, где Амальрих короновался в 1197 г. Еще раньше попросил покровительства Римской Империи и признал себя ленником Императора и признал власть Лев Армянский.

Император, носивший на своей одежде крест, начиная с 1195 г., начал в 1197 г. подготовку к новому крестовому походу, намереваясь распространить свою власть по обе стороны Средиземноморья. Его канцлер архиепископ Конрад Майнцский, и граф голштинский Адольф возглавили авангард главного войска. В походе участвовали главным образом рыцари из Рейнской области и из штауфенских герцогств. Высадившись близ Акры, они сразу же начали военные действия, разбили войско мусульман под Сидоном и взяли Бейрут. Завоевание этой территории и этого города были важны потому, что благодаря им, было восстановлено сообщение между Королевством Иерусалимским, графством Триполи и княжеством Антиохией. Но пришедшая вскоре весть о смерти императора Генриха VI остудила боевой пыл войска, и многие пилигримы вернулись домой.

Глава 10

Орден госпитальеров в начале XIII века

Четвертый (1202–1204 гг.) Крестовый поход против христиан

Христианский Запад никак не мог примириться со своим новым положением в Святой Земле. Общая мысль заключалась в том, что христианские святыни ни в коем случае нельзя оставлять в руках неверных. Поэтому Иннокентий III (1198–1216 гг.) вступив на папский престол, считал освобождение Иерусалима своей святой обязанностью. Он призвал христиан к новому походу, разослав во все католические страны своих легатов¹.

Как справедливо отметил еще Ф. И. Успенский, этот поход имеет особое значение в истории. В нем четко видна не религиозная, а политическая идея, да и его подготовка и проведение было прекрасно обдуманно и искусно проведенным мероприятием². Наша задача не рассказывать о всех перипетиях похода, а обратить внимание на то, что происходило с госпитальерами в этот период времени, хотя пройти мимо описания отдельных событий похода будет невозможно.

После трех лет подготовки, в 1202 г. в Верхней Италии собралось многочисленное войско, так начался Четвертый Крестовый поход. Однако дальше все стало развиваться далеко не так, как планировал папа.

¹ Эпоха крестовых походов / Под ред. Э. Лависса и А. Рамбо / Пер. М. Гершензона. М.; СПб.: изд-во Полигон, 2003. С.392–393.

² Успенский Ф. И. Очерки по истории византийской образованности. История крестовых походов. М.: «Мысль», 2001. С. 387. Тема эта имеет большое отражение в специальной исторической литературе. Около десяти лет назад вышла в свет обобщающая работа, анализирующая исследования многочисленных предшественников. См.: Queller D. E., Madden Th. E. The Fourth Crusade. The Conquest of Constantinople. 2 ed. Philadelphia, 1997.

В своем исследовании Ф. И. Успенский специально подчеркнул, что события Четвертого Крестового похода как никакое другое событие средневековой истории рисуют столь ярко картину начавшейся борьбы Западной Церкви с Восточной. Возможно, виной всему был случай, в истории такое бывает, но нарушение договоренности, предательство изменило все дальнейшие начинания.

В связи с необходимостью переправы морем в Святую Землю крестоносцы вступили в переговоры с Венецией, чей дож Генрих Дандоло тоже принял крест. Его примеру последовало множество венецианцев. Запросив колоссальную по тем временам плату за перевозку в размере 85 000 кельнских марок серебром, венецианцы обещали переправить морем в Святую Землю и обеспечить питанием 4 500 рыцарей с лошадьми, 9000 оруженосцев и 20 000 воинов-кнехтов. Больше того, венецианцы потребовали составить договор, по которому все, что было бы завоевано во время похода, должны разделить между собой венецианцы и крестоносцы.

Текст этого договора был приведен в хронике венецианского историка XIV в. Андреа Дандоло. Вначале хронист сообщает о том, как на десятом году правления дожа Энрико Дандоло в Венецию прибыли послы крестоносцев, которые вступили с ним в переговоры. Затем, передав вкратце основное содержание соглашения, заключенного Венецией с предводителями крестоносцев, и отозвавшись в похвальном тоне о твердом исполнении условий этого договора со стороны дожа, отметив также, что во время отсутствия последнего в Венеции его заменял сын — Райнерий Дандоло, хронист помещает самый текст договора. Этот документ был опубликован на русском языке всего один раз, в сборнике «История крестовых походов в документах и материалах», составленном М. А. Заборовым, в его переводе, и с его комментариями, откуда мы и заимствуем нижеприведенный текст.

«Множкратно сообщалось, что <некогда> земля Иерусалимская была захвачена язычниками и <затем>, когда и как то было угодно Господу, освобождена во хвалу <Его> и к Его славе¹. В наше время, однако, население этой страны вновь впало в столь плачевное состояние, что Иерусалим, где покоилось <когда-то> почитаемое тело <господа>, взят врагами креста Христова, приумножающими тьму нечестивых деяний, причиненных ему; взяты <также> другие города и крепости, так что сохранилось лишь немного таких мест, которые не попали бы под их владычество². Мы не должны

¹ Имеется в виду завоевание Иерусалима крестоносцами, участниками Первого похода, в 1099 г.

² Речь идет об успехах арабов в борьбе против завоевателей-крестоносцев, в особенности об успехах, одержанных после разгрома сил Иерусалимского коро-

думать, что это произошло в силу несправедливости разящего судии¹, но вернее <это случилось, как надо считать>, из-за неправедности провинившегося народа, ибо читаем <в книгах>, что когда народ обращался к Господу, то один человек заставлял отступить тысячу, а двое гнали (перед собой) десять тысяч². Ибо если бы Господь хотел, то <своим> бесценным приговором он покарал бы <за> причиненное ему зло; но он весьма желал испытать христиан и показать им, что коль скоро находится кто-либо, кто понимает Бога или устремляется к нему <душой>, то такой человек с радостью воспримет ниспосланную ему в определенное время кару, и берет меч и щит, и поднимается на подмогу <всевышнему>. Многие князья, а именно римский император³, короли Франции⁴ и Англии⁵, герцоги, маркизы, графы и бесчисленные бароны, а также прочие, опоясавшись силой меча, поспешили на освобождение Святой земли, но поскольку они не были вполне единодушны в <деле> служения <богу>, то мало <в чем> преуспели в этих краях⁶.

Итак Богу угодно было в настоящее время внушить вам, светлейшим князьям, графам Балдуину Фландрскому и Эно⁷, палатину Теобальду Труасскому⁸, Людовику Блуасскому и Клермонскому⁹ и другим мужам <столь же> благородной крови, дабы, осененные знамением креста, подняли меч во служение Ему, против нечестивых деяний варваров. Посему, зрело поразмыслив и не видя, что иное могло бы оказать столь серьезную помощь Святой земле и обуздать врагов, кроме того, чтобы волей божьей вы соединились с нами и мы совместно предприняли бы это служение <богу>, — вы направили к нам весьма благородных мужей

левства в битве при Хаттине и захвата Иерусалима Салах ад-Дином в 1187 г.

¹ То есть Бога.

² Авторы этой преамбулы договора имеют в виду, в первую очередь, библейские легенды подобного рода, но, возможно, также и гиперболизированные хронистами XII в. известия о подвигах «святых» рыцарей, участников Первого крестового похода. «Героические» сказания об их деяниях, о победах немногих крестоносцев над целыми армиями «неверных» и пр. получили в XII в. широкое распространение на Западе.

³ Фридрих I Барбаросса.

⁴ Филипп II Август.

⁵ Ричард I Львиное Сердце.

⁶ Здесь подразумеваются события Третьего крестового похода 1189–1192 гг., завершившегося полупоражением крестоносцев, которое было обусловлено, главным образом, взаимной враждой крупнейших западных государств, выславших крестоносные армии на Восток.

⁷ Бодуэн IX, граф Фландрии и Эно, с мая 1204 г. — первый государь основанной крестоносцами Латинской империи.

⁸ Граф Тибо Шампанский.

⁹ Граф Луи Блуасский.

Конона Бетюнского, маршала Гауфреда¹, Иоанна де Фригес², Аларда Макерельского, Милона деПровэн и Гвальтера де Гаудонвилла со смиренной мольбой, чтобы мы, руководствуясь божественным милосердием, дали вам совет и помощь³ в этом деле; <и было заявлено>, что вы полностью изложите ваши пожелания и намерения и что вы пожелаете сделать все согласно нашей воле и <нашему> совету, который будет дан.

Выслушав <все> это, <что было говорено> послами и сказано во врученных нам с вашей стороны грамотах, мы, Энрико Дандоло, милостью божьей дож Венеции, Далмации и Кроации, приняв, что следовало, с <подобающими> почестями и быстротою, возрадовались во глубине души нашей и вспомнили наших предшественников⁴, которые в надлежащее время великодушно приходили на помощь Иерусалимскому королевству, за что, с соизволения господ, удостоились славы и почета. Мы тщательно выслушали ваши просьбы, почитая господ и следуя движению сердца и всей души, еще и вследствие обращения верховного понтифика⁵, который весьма часто с отеческой заботливостью увещевал нас об этом, а также потому, что мы не сомневаемся <в том>, что вы хотите потрудиться <ради дела бога> преданно, с чистыми помыслами и верностью.

Итак, названные выше послы просили, чтобы мы предоставили вам флот для перевоза четырех тысяч пятисот хорошо вооруженных рыцарей и стольких же коней, и девяти тысяч щитоносцев (притом, если этих щитоносцев неостанет, то сумма денег, названная ниже, не должна быть уменьшена), и двадцати тысяч хорошо вооруженных пехотинцев, со съестными припасами, <сроком> на один год, что мы и обещали им предоставить. Продовольствие на одного человека будет <таково>: каждому — шесть секстариев хлебом, и мукой, и зерном, и овощами, и пол-амфоры вина. А на каждого коня — три венецианской меры модия <корма>, воды же — сколько потребуется. Для перевоза указанных выше коней мы должны поставить столько уссериев⁶, сколько соответственно будут необходимы. <Что же касается> судов для перевоза людей, <то> мы дадим <их> столько, сколько сообразно определению нашему и баронов наших, сделанному по совести, будет достаточно.

¹ Так в латинской транскрипции именуется здесь маршал Жоффруа Виллардуэн из Шампани.

² Латинская транскрипция имени Жана Фриэзского, упоминаемого в мемуарах Жоффруа Виллардуэна.

³ «Дать совет и помощь» — традиционная формула обращения в практике взаимоотношений между феодалами.

⁴ Имеются в виду прежние венецианские дожи.

⁵ Так в средние века именовали папу римского (здесь имеется в виду Иннокентий III).

⁶ Уссерии (соответствуют «юисье» французских авторов) — корабли, в трюмах которых перевозились лошади.

И этот вышеупомянутый флот должен быть поставлен в течение одного года, начиная с праздника святых апостолов Петра и Павла¹, грядущего к чести Бога и блаженного апостола и евангелиста Марка² и <всего> христианства, если это <условие> будет сочтено целесообразным и сохранится только нашей и вашей общей волей.

Сверх того, однако, и мы <сами> по собственному желанию должны выставить для служения божьего пятьдесят вооруженных галер, которые точно так же будут <находиться> на службе Господа в течение года, коль скоро это <условие> будет сочтено целесообразным и сохранится лишь нашей и вашей волей.

За это вы обязуетесь уплатить нам восемьдесят пять тысяч марок чистого серебра кельнской меры, которая употребляется в нашей земле; из этой суммы мы должны получить пятьдесят тысяч марок к августовским календам³; другие десять тысяч — между этим сроком и праздником всех святых⁴; еще десять тысяч — ко дню очищения блаженной <девы> Марии⁵. Остальные пятнадцать тысяч марок мы должны получить, начиная с этого дня и в течение всего ближайшего месяца апреля⁶. А в течение всего этого месяца и люди и кони со всем необходимым снаряжением должны прибыть в Венецию для перевоза; и они должны отправиться <в поход> и находиться на службе Бога один год, если будет сочтено целесообразным и <условие это> сохранится только нашей и вашей волей.

Не следует упускать из виду <и то>, что вы не должны приобретать съестное <где-либо> между Кремоной и Венецией, а также между Болоньей, Иммолой, Фавенцией и Венецией иначе как с нашего согласия.

И между нами и вами должно быть такое прочное единение, что мы должны хорошо обходиться с вами, а вы — с нами.

Если же по соизволению Божьему мы сообща или порознь добудем что-либо силою или по договору, то из всего этого мы должны получить половину, а вы — другую половину.

Все выше изложенное послы ваши, упомянутые <ранее>, от своего имени, а также за ваши души скрепили клятвою на святом Евангелии божьем; <они поклялись>, что вами и ими <все это> будет соблюдено, что и вы сами таким же образом поклянетесь в том, что выполните <упомянутые условия>, и заставите поклясться ваших баронов в том, что они

¹ 29 июня 1201 г.

² Апостол Марк, считался покровителем Венеции. Последняя поэтому нередко именуется в источниках городом или республикой св. Марка.

³ 1 августа 1201 г.

⁴ 1 ноября 1201 г.

⁵ 2 февраля 1202 г.

⁶ То есть в течение апреля 1202 г.

<их> выполнят, и всю рать, которая будет выставлена с вашей стороны, если <на то> сохранится наша воля. Если сможете, вы склоните также поклясться в том же господина короля Франции¹.

Мы же <со своей стороны> поклялись в том, что исполним все, что обязались дать вам согласно сказанному выше о флоте, если будет соблюдено то, что было нам обещано с вашей стороны, и все прочее, записанное в этом соглашении; равным образом в этом поклянутся и наши бароны. А если мы не явимся с упомянутым выше войском, <тогда> те, кто заменят нас², в этом предприятии, поклянутся выполнить <договоренное> и заставят поклясться <в этом> всех прочих, кто будет с нашей стороны в этом войске, коль скоро <на то> будет ваша воля.

Относительно же нашей воли и воли ваших послов насчет <всего> сказанного постановлено, что надлежит избрать по шесть мужей с каждой стороны с тем, чтобы в случае возникновения какого-либо осложнения между нашей и вашей ратью, да отвратит его Бог, они уладили бы <споры>, приведя <всех> к согласию; и это они также будут совершать под клятвою и по совести.

Вы добьетесь также того, чтобы получить от господина папы грамоту об этом соглашении, заключенном подобным образом, с тем, чтобы, если какая-либо из сторон отступит от этого договора, на нее была бы возложена та доля наказания, которую она по справедливости должна нести.

Для того же, чтобы все написанное обрело прочность, мы повелили скрепить этот текст печатью, выдавленной нашей свинцовой буллой.

Акт совершен в Венеции, в Риво Альто, во дворце упомянутого господина дожа. Писано рукой Андреа Конрадо, пресвитера и канцлера нашей курии, в год от воплощения Господа тысяча двести первый, месяца апреля, четвертого индикта³.

Я, Вивиан, писец-нотарий и судья господина Генриха, римского императора, видел и читал подлинник этого <договора>, ничего не добавил и не сократил, сохранив лишь то, что нашел, доподлинно скопировал это в сию книгу, собственноручно скрепил и подписал⁴.

¹ Имеется в виду Филипп II Август, который, однако, как известно, не принял непосредственного участия в Четвертом крестовом походе.

² То есть другой дож, который сменит престарелого Энрико Дандоло (ему было тогда за 90 лет).

³ Индикт — средневековая мера отсчета годов по пятнадцатилетним циклам. Система индиктов была введена в период Позднеримской империи. В разных христианских странах начальная дата индикта была неодинаковой. В Риме до 1087 г. ею считалось 1 сентября, затем — 1 января или 25 декабря («рождество Христово»).

⁴ Текст воспроизведен по изданию: История крестовых походов в документах и материалах / Сост., пер и коммент. М. А. Заборова. М. 1975. С. 170–175.

В этом договоре, как мы видим, весьма недвусмысленно проявился весь торгашеский дух венецианцев, который заставил крестоносцев изменить направление похода¹. Вот почему правы были еще продолжатели Вильгельма Тирского, на которых как-то мало обращали внимания, последующие историки, но именно они писали, что изменение направления похода стало результатом прямой измены Венецианской республики: «Когда Малек-Апдель, брат Саладина, услышал, что христиане наняли флот, чтобы идти в Египет, он прибыл в Египет и сосредоточил здесь свои силы. Потом избрал послов, вверил им значительные денежные суммы и послал в Венецию. Дожу и венецианцам предложены были большие подарки. Послам приказано было сказать, что если бы венецианцы согласились отвлечь христиан от похода на Египет, то султан дал бы им торговые привилегии в Александрии и большую награду. Послы отправились в Венецию и сделали то, что им было поручено»².

Это свидетельство было впервые опубликовано только в 1861 г. французским ученым Мас-Латри, который обратил внимание историков на то, что направление Четвертого Крестового похода на Византию, а не на Палестину и Египет, было вызвано недостойной, а в чем-то даже коварной политикой Венеции, дож которой вступил в тайные переговоры с султаном Египта и продал ему всю информацию о походе³.

В 1205–1217 гг. венецианцы действительно получили от египетского султана многочисленные торговые привилегии, которые оказались, как писал Мас-Латри, платой за измену христианскому делу.

Воспользовавшись безденежьем собравшегося войска и борьбой за трон в Византийской Империи, венецианцам удалось, в конце концов, аннексировать Константинополь, в качестве торговой метрополии, и всю Восточно-римскую империю — в качестве экономической зоны. В 1204 г. Константинополь был взят штурмом и завоеван. Христиане сразились с христианами. Крестоносцы вели себя безжалостно и беспощадно. В течение восьми дней и ночей они жгли, разрушали и грабили дворцы и храмы Константинополя, уникальные произведения античного и раннехристианского искусства. Они с боем брали улицу за улицей. Не давали пощады никому — ни женщинам, ни детям, ни инокам, ни инокиням — и все это во имя и под знаком Креста! Греческий историк Никита Хониат, жалуясь, писал о тех днях:

¹ Митрофанов П. Изменение в направлении IV Крестового похода // «Византийский временник». Т. 4, вып. 3/4. 1897.

² Цит.: Успенский Ф. И. Очерки по истории византийской образovanности. История крестовых походов... С. 388.

³ Mas-Latrie M. L. Histoire de l'île de Chypre sous le règne des princes de la maison de Lusignan. Vol. 3. Paris, 1861. P. 58.

Итак, вы — мудрые, честные, правдолюбивые, праведные! Вы — благочестивые, справедливые, более послушные Христу, чем мы — ромеи; вы, взявшие на рамена Его Крест, обетовавшие Ему и Именем Божиим идти походом через христианские земли без пролития крови... Но, устремляя свои взоры к Святому Гробу, вы свирепствуете против христиан; взяв крест, вы ради горсти золота или серебра бросаете его в навоз! Вы собираете жемчуг и топчете ценные плоды — христиан!¹

Константинопольские храмы были переполнены многочисленными реликвиями, свято почитавшимися всеми христианами, как на Западе, так и на Востоке. После завоевания Константинополя крестоносцы превратились в охотников за реликвиями, а Венеция превратилась в крупнейший центр Западной Европы по торговле ими. Робер де Клари, один из участников четвертого крестового похода, принимавший непосредственное участие в этом разграблении, отметил в своей хронике, что «и в 40 самых богатых городах мира едва ли нашлось бы столько добра, сколько было найдено в Константинополе»².

Ризницы западных церквей и соборов Италии, Франции и Германии оказались заполнены христианскими святынями из разграбленного Константинополя. На протяжении последующих столетий они с гордостью демонстрируют христианскому миру трофеи своего грабежа.

1204 год явился и датой обретения госпитальерами одной из их главных святынь — Филермской иконы Божией Матери³. После захвата кресто-

¹ В переводе на немецкий в: *Byzantinische Geschichtsschreiber*. Bd. 9, hrsg. von Fritz Grabler. Wien/Köln, 1958. S. 152.

² *Робер де Клари*. Завоевание Константинополя / Пер., ст. и комм. М. А. Забова. М., 1986. С. 58.

³ По дошедшему до нас преданию, икона Божией Матери — это один из тех немногих образов, которые были написаны святым евангелистом Лукой и в 46 г. н. э. принесены им в Антиохию, где икона пребывала в течение трех столетий. Затем ее перенесли в Иерусалим. В 430 г. супруга византийского императора Феодосия Младшего Евдокия совершила паломничество в Святую Землю и оттуда переслала икону сестре своего супруга Пульхерии, которая торжественно поместила образ Богоматери в новостроенном влахернском храме. Многие верующие люди получали исцеление, молясь перед этим образом Царицы Небесной. В течение многих столетий эта чудотворная святыня хранилась в Константинополе. Литература об этой иконе значительна. На русском языке: *Августин (Никитин)*, *архимандрит*. Филермская икона Божией Матери. // Нева, 1996. № 5. С. 215–220; *Гафифулдин Р. Р.* Об иконе Филермской Богоматери // Император Павел Первый и Орден Св. Иоанна Иерусалимского в России. Сб. статей. СПб.: КультИнформПресс, 1995. С. 111–116; *Захаров В. А.* Новые сведения о Мальтийских святынях (Филермская икона Божией Матери) // Вестник МСВМОМ, 1997. Вып. 2. С. 3–5; *Пятницкий Ю. А.* Икона Филермской Божией Матери // Византийское искусство и литургия. Новые открытия. Краткие тезисы докладов научной конференции, посвященной памяти А. В. Банк (11–12 апреля 1990 г.). Л.,

носцами Константинополя икону вновь перенесли в Святую Землю, и там она оказалась у рыцарей ордена госпитальеров, пребывавших в то время в Акре.

Вопреки расхожим представлениям, для римского папы Иннокентия III подобное «изменение направления» Крестового похода, на который им возлагалось столько надежд, было поводом отнюдь не к ликованию, а, напротив, к горькому разочарованию.

Во-первых, он, как христианин, был до глубины возмущен случившимся. Во-вторых, он, как государственный деятель, был глубоко озабочен положением Святой Земли, лишившейся необходимой военной поддержки. А ведь он считал сохранение Святой Земли под властью христиан главной задачей всей своей жизни! Правда, папа поначалу приветствовал провозглашение крестоносцами в Константинополе, вместо греческой, новой «Латинской Империи» как дальнейший шаг к воссоединению Западной и Восточной ветвей некогда единой Христианской Церкви. Но, узнав о бесчинствах и злодеяниях крестоносцев, Иннокентий III вышел из себя. К тому же его постоянно мучило сознание того, что Крестовый поход, организация и финансирование которого потребовала лично от папы огромных усилий и средств, не достиг Святой Земли, а все сборы и пожертвования на Крестовый поход оказались растраченными впустую.

После взятия и разгрома Константинополя весь греческий и восточно-христианский мир стал относиться к государствам крестоносцев с откровенной враждебностью. Отныне ни одно, даже превосходно вооруженное и организованное, войско не осмеливалось идти в Святую Землю через Анатолию — малоазиатскую часть Восточно-Римской Империи, где вскоре после ее распада были созданы государства, преемники Византии¹.

1991. С. 19–21; *Пятницкий Ю.* Икона Филермской Божией Матери — святыня Мальтийского Ордена // Христианский Восток. Вып. 1. М., 1996. С. 24–30. Среди зарубежных публикаций мы выделяем: *Giovanella Ferraris di Celle.* La Madonna del Filermo. Storia, arte, devozione intorno all' icona della Madre di Dio, protettrice del Sovrano Militare Ordine di Malta. Verona, 1988; *Piatnitskij Y L'*Icona della Madonna di Filermo // Studi Melitensi. IV. 1996. P. 173–201; *Он же.* Maltese relics in Russia // Malta and Russia Journey Through the Centuries Historical discoveries in russo-maltese relations / Compiled and edited with introduction by Elizaveta Zolina. Printed in Malta by Progress Press Company Limited, 2002. P. 303–318.

¹ Данная тема имеет огромную библиографию, которая приведена в различных исследованиях. См.: *Карпов С. П.* Трапезундская империя и западноевропейские государства в XIII–XV вв. М., 1981; *Он же.* Итальянские морские республики и Южное Причерноморье в у XIII–XV вв.: Проблемы торговли. М., 1990; *Он же.* Латинская Романия. СПб.: «Алетейя», 2000, а так же работах других авторов: *Соколов Н. П.* Образование Венецианской колониальной империи. Саратов, 1963; *Близнюк С. В.* Мир торговли и политики в королевстве крестоносцев на Кипре, 1192–1373. М., 1994; *Ченцова В. Г.* Города Греции в системе торговых связей Восточного Средиземноморья (XIII–XV вв.). Автореф. канд. дис. М., 1995 и др.

Но этот «сошедший с рельсов» Крестовый поход имел и последствия на геополитическом уровне. Греческая Империя, чьи провинции простирались далеко в глубь азиатских пространств, столетиями служила щитом, прикрывавшим Европу от натиска Востока. Ей был нанесен такой сокрушительный удар, что даже после своего восстановления она не смогла обрести прежнюю силу сопротивления. Хотя Восточно-Римская Империя и не принимала слишком активного участия в Крестовых походах, ее правители, будучи христианами, все же старались помогать христианам отвоевать у мусульман палестинские Святыни. Теперь все изменилось. Усугубился и раскол между римской и греческой Церковью. Все попытки сближения между разделенными Церквями, предпринимаемые в течение последующих столетий с обеих сторон, наталкивались на недоверие восточных христиан, и потому оказались обреченными на провал.

Не существует никаких исторически документальных свидетельств участия Ордена госпитальеров в IV Крестовом походе, их в нем действительно не было, скорее всего, они были заняты своими собственными делами в Палестине.

Итак, Иннокентий III рассматривал в качестве главной задачи своего понтификата освобождение Святой Земли. Он снова обратился ко всему христианству с соответствующим настоятельным призывом. По всем странам разъезжали проповедники крестового похода. Благодаря деятельности двух выдающихся личностей крестоносное движение весной 1213 г. пережило новый подъем. Во Франции это сделал Иаков де Витри, позднее ставший епископом Аккона. Он призвал рыцарей рассматривать взятие на себя креста в качестве инвеституры, в рамках которой Бог дает крестоносцам в лен Царствие Небесное в качестве вознаграждения за участие в Крестовом походе. В Германии жил и трудился будущий историограф этого Крестового похода, Оливер, настоятель собора в Падерборне и кельнский схоласт. Являясь папским легатом, он в 1213–1214 г. проповедовал в Кельнской церковной провинции, в которую в то время входили епископства Люттих, Утрехт (Тонгерн-Маастрихт) и нижнесаксонские епископства Оснабрюк, Мюнстер и Минден. Благодаря его труду «Дамьеттская история» (*Historia Damiatina*), ставшим важным источником по истории Пятого Крестового похода, мы знаем о нем так много. Оливер один побудил до 50 000 фризцев к участию в Крестовом походе.

После смерти Иннокентия III его преемник, Гонорий III ревностно продолжил осуществление проекта своего предшественника. Он надеялся осуществить летом 1217 г. большой крестовый поход по морю, однако отсутствовали необходимые для этого корабли. Лишь появление фризского флота, состоявшего из двухсот-трехсот кораблей, на борту которых находились крестоносцы из Фризландии под руководством графа Георга фон Вида и Вильгельма Голландского, придал войску необходимую мобильность.

После долгих обсуждений на военном совете в Акре, в которых приняли участие и магистры рыцарских орденов госпитальеров и храмовников, и под влиянием красноречия Оливера, было решено напасть вместо Иерусалима на Египет. Победив султана, участники совета надеялись получить в свои руки, в качестве залога, города и селения, которые можно было бы обменять на такие же населенные пункты в Святой Земле. Окончательной целью похода были дельта Нила и порт Дамietta. Этот город вместе с Александрией являлись в то время воротами страны. Он располагался на берегу одного из рукавов Нила и был защищен с тыла озером Менсале, так что к нему было сложно подступить. Ниже города через реку была перетянута цепь, перегораживавшая ее вплоть до расположенной на острове близ западного берега крепостной башни, в которой постоянно дежурило несколько сотен воинов. Башня и цепь делали невозможными окружение и осаду города. Те, кто намеревался вторгнуться в дельту Нила, должны были предварительно овладеть этой башней. И тут выяснилось, что Оливер был не только мастером слова, но и гениальным техником. Из двух связанных между собой кораблей он сконструировал осадную башню, обитую снаружи кожами и снабженную штурмовыми лестницами. Теперь можно было нападать на расположенную на острове башню как со стороны реки, так и со стороны суши. Фризы совместно с храмовниками захватили этот служивший преградой форт.

Тем временем с новым войском крестоносцев в качестве представителя папы Гонория прибыл кардинал-легат Пелагий. Сразу же после высадки он высказал притязания на верховное командование всем крестовым походом, на том основании, что это дело рук папы и потому должно возглавляться его представителем. К несчастью, он вообразил себе, что его духовный сан делает его способным принимать окончательные решения по вопросам стратегии и военного руководства¹. Ради проведения в жизнь своих решений он не боялся даже угрожать церковным отлучением. Несчастливое для христиан завершение Пятого Крестового похода объясняется не в последнюю очередь действиями этого честолюбивого, но бесталанного князя Церкви. А ведь поначалу руководство крестовым походом было в руках короля Иерусалима Иоанна де Бриенна, отличавшегося, кроме подлинных полководческих способностей, еще и выдающейся храбростью.

Город Дамietta, в соответствии с его значением «входной двери в Египет», был защищен кругом мощных стен и двенадцатью оборонительными башнями. Окружавший его заполненный водой ров был настолько широким, что по нему могли плавать даже морские суда. Бои за город

¹ См.: *Успенский Ф. И.* Очерки по истории византийской образованности. История крестовых походов... С. 421.

с переменным успехом шли в течение нескольких месяцев. Вслед за акцией нападающих следовало нападение защитников города или султана, пытавшегося оказать помощь своему осажденному городу. Христианское войско не раз попадало в весьма опасное положение, из которого его выручали только храбрость короля, орденов рыцарей и многих других рыцарей-крестоносцев. Потери были значительными, тамплиеры потеряли 50, госпитальеры 32 рыцарей, не считая своего маршала, а «немецкие господа» (тевтонские рыцари) — 30 рыцарей. При завоевании города имели место сцены невероятной жестокости. Все жители, за исключением небольшого их числа, которому удалось спастись, были убиты. Маленьких детей передавали в руки духовенства, чтобы окрестить их и воспитать в духе служения западной Церкви. Это был довольно странный метод увеличивать число христиан.

Между завоевателями разгорелись поистине кровавые распри из-за захваченных в городе сокровищ и богатств. Положить им конец удалось лишь благодаря вмешательству иерусалимского короля Иоанна, госпитальеров и храмовников. Вновь проявилась также давняя вражда между кардиналом Пелагием и королем Иоанном. И тот, и другой предъявили претензии на владение городом. В конце концов, окончательное решение было оставлено за папой или Императором Фридрихом II, прибытие которого ожидалось вскоре. Эти первоначальные успехи весьма позитивно сказались на положении христиан, тем более, что вскоре удалось захватить также город Танис на озере Менсале, нынешний Порт-Саид. Крестоносцы предавались иллюзиям, что судьба Ислама на Ниле уже решена, а господство Креста там полностью гарантировано. В действительности же они сделали всего лишь первый шаг, поскольку им по-прежнему противостоял султан со своими войсками, которые могли быть усилены солдатами его братьев. Вопрос был окончательно решен, когда предводители войска крестоносцев поддались давлению кардинала-легата и решили завоевать Каир и покорить другие египетские земли. Султан, который до той поры путем обходных маневров избегал прямых военных столкновений, понял, что пробил час нанести поражение христианам. Поначалу христианское войско двинулось вверх по течению Нила. Пройдя 30 км, франки сумели захватить город Шарамса и продолжить наступление на расстоянии еще примерно 25 км, пока их войско не остановилось в конце полуострова в дельте Нила между главным руслом реки и одним из ее рукавов. На другом берегу реки стоял султан с сильным войском, готовый воспрепятствовать переправе христиан.

Поскольку султан был достаточно миролюбивым человеком, он еще раньше сделал христианам мирное предложение. Теперь он повторил его, хотя на этот раз поставил им иные условия. Требовалось отказаться

от ведения военных действий сперва в течение тридцати, затем двадцати лет. Кроме того, он предложил передать им все королевство Иерусалимское, выплачивать им ежегодную дань в размере 15 000 золотых монет, освободить всех имевшихся в Каире и Дамаске христианских рабов и, наконец, предоставить им столько денег, чтобы их хватило на восстановление в полном объеме оборонительных укреплений Иерусалима, снесенных за последние десятилетия. Но у руководителей крестоносцев не было грамотных военных стратегов. Эти предложения были отклонены, прежде всего, бездарным папским легатом Пелагием. По каким-то своим стратегическим соображениям его поддержали и рыцарские ордены. Согласно их представлениям, было невозможно защищать Восточную Иорданию, поскольку расположенные в Галилее замки были разрушены и не обеспечивали обороны Святой Земли, а крепости Керак и Монреаль, расположенные на юге страны, не были включены в мирные предложения. Так был упущен важный шанс, и все из-за глупого, строптивного, ничего не понимающего в военных делах Пелагия. В случае принятия этих предложений удалось бы исправить ситуацию, сложившуюся после поражения при Хаттине, и Иерусалим снова стал бы доступным для христиан. Но, увы, история не терпит сослагательного наклонения.

Только с большим опозданием Пелагий удосужился начать мирные переговоры, завершенные после долгих колебаний с той и с другой стороны. Хотя судьба христианского войска полностью зависела от милости султана, он оставался по-прежнему великодушным и готовым пойти христианам навстречу. В случае заключения мирного договора сроком на восемь лет он был готов не только дать христианам беспрепятственно уйти, но и выпустить на свободу всех пленников, находившихся в Египте и Сирии. От христиан же требовалось очистить Дамиеетту и все другие захваченные ими египетские территории. Кроме того, они должны были освободить своих пленников, и, кроме того, мир должен был быть подтвержден императором. Чтобы гарантировать соблюдение договора, султан потребовал обменяться заложниками. Договор был заключен 30 августа 1221 г. Был проведен обмен заложниками, султан вместе со своими братьями и эмирами поклялся соблюдать договор. В качестве заложников он, наряду со своим сыном и наследником престола, передал христианам ряд своих военачальников. Заложниками с христианской стороны выступили кардинал, король Иоанн, магистры трех орденов и восемнадцать других лиц.

Постыдной для христиан была та забота, которой султан окружил их разбитое войско. Он не только стал снабжать его продовольствием, поскольку собственное продовольствие у них подошло к концу, но и перевез его вниз по Нилу на своих кораблях, а частично даже доставил в Акру или на родину. Схоласт Оливер пишет об этом:

Сей муж, чье сердце Господь побудил к подобным мягкости и милосердию, который, не будучи христианином, проявил столь много христианских качеств, казался призванным к тому, чтобы обратиться от ложной веры лжепророка к Христову Евангелию...¹

Он написал султану письмо, в котором подробно ознакомил его с христианством и призвал его перейти в христианскую веру. Оливер, в частности, писал:

От начала мира не было еще известного примера подобной доброты в отношении воинов, окруженных многочисленными врагами. Ибо, когда Господь предал нас в руки Твои, мы познали Тебя не как тирана или господина, но как отца-благодетеля, как помощника в опасностях, как друга наших предводителей, причастного нашим тяготам. Нашим великим, находившимся в Твоем лагере в качестве заложников, Ты воздал честь драгоценностями, которыми в избытке владеет Египет, а, кроме того, богатыми подарками, посещениями вместе с Твоими братьями, нам же, малым, не имевшими никакой защиты, ты ежедневно посылал 20–30 000 хлебов и корма для тягловых животных, не требуя взамен никакой платы. Ты подвозил нам питание по мосту, который ты построил через реку и тем самым сделал для нас доступным то, что было нам недоступно. Ты оберегал нас и наше имущество, как зеницу ока. Если наш скот сбивался с пути, его приводили обратно в наш лагерь и возвращали хозяевам. Ты распорядился за Твой собственный счет возвращать наших больных и слабых воинов по воде и по суше в порт Дамiette, но важнее всего то, что Ты строго запретил обижать нас издевками, насмешками и какими бы то ни было проявлениями злорадства².

Орден госпитальеров рассматривал этот поход в Египет как свое собственное предприятие. Тогдашний Великий Магистр госпитальеров Гири́н (Гарэн) де Монтегю (1207–1227/28) не покидал войско крестоносцев на протяжении всего похода 1219–1221 гг. Адам Винанд пишет, что сохранился целый ряд документов, составленных в Дамiette, в которых упоминается его имя³.

На период его отсутствия он назначил своим заместителем в Сирии Великого прецептора Изембарда, являвшегося до этого Приором Франции и командором «по ту сторону моря». Гири́н де Монтегю был очень мудрым человеком. Его взгляды, проникнутые осторожностью глубоким пониманием происходящего, служили противовесом неразумной отваге, интригам и взаимной вражде западных крестоносцев.

¹ *Scholasticus Oliver*. *Historia Damiatina*, Appendix 282, и *Jakob von Vitruvius*, *Briefe*, VI, 82. Цит. по: *Wienand Adam*. *Die Johanniter und die Kreuzzuge // Der Johanniterorden der Malteserorden...* S. 43.

² *Ibid.*

³ *Ibid.* S. 44–45.

Неуспех похода в Египет нанес удар и по планам и подготовке императора Фридриха II, обещавшего возглавить Крестовый поход, но все время откладывавшего его осуществление. С учетом сложившейся новой ситуации, он направил в Акру четыре корабля со своими посланцами на борту, чтобы посоветоваться с опытными мужами. В число последних входили папский легат, патриарх Иерусалимский и другие официальные лица, в том числе Великие магистры госпитальеров и храмовников.

Итак, смерть Иннокентия III несколько задержала Крестовый поход. В период правления Великого Магистра Гирина де Монтегю произошел также важный для ордена госпитальеров визит короля Венгерского Андраша (Андрея) II. Но, к сожалению, в 1217 г. на помощь иерусалимскому королевству выступили только Андраш Венгерский с примкнувшими к нему сеньорами, главным образом из южногерманских земель, и герцог Леопольд Австрийский — в общем, довольно значительное, хотя и пестрое по составу, войско.

Оно в 1217 г. прибыло в Спалато в Далмации, намереваясь переправиться оттуда на кораблях в Святую Землю. Папа, судя по всему, придававший этим крестоносцам особое значение, поручил Великому Магистру госпитальеров отправиться на Кипр навстречу королю и принять его там. Хотя участие короля в крестовом походе не сыграло большой роли для событий в Святой Земле, оно было, тем не менее, весьма важным для госпитальеров, ибо король за время своего пребывания там стал усердным почитателем ордена. Он ценил не только мужество рыцарей ордена в бою, но и был поражен попечением братьев о пилигримах и больных.

Благодаря посредничеству приора венгерских госпитальеров удалось договориться с Венецией о предоставлении десятка больших кораблей по сходной цене — 550 марок серебром за каждый корабль. Чтобы получить нужную сумму — уплата ее была определена в три срока, венгерский король прибег к уже привычным для предводителей крестоносцев методам — порче монеты, распродаже некоторых королевских поместий, ограблению церквей и аббатств страны. Судя по данным хронистов, видимо преувеличенным, под его знамена встали до 10 тыс. конных рыцарей и множество пеших воинов. Во всяком случае, кораблей, доставленных 25 июля 1217 г. в Сплит, не хватило, и потому часть крестоносцев вернулась домой, решив выступить весной следующего года. Сам Андраш II прибыл в Сплит 23 августа, но ему пришлось там ждать некоторое время, пока, наконец, крестоносцы отплыли в Сирию, к Акре¹.

Поездка по Святой Земле Андраша Венгерского характеризовалась, так сказать, этап за этапом, его дарениями госпитальерам. Особенно большое впечатление произвело на короля посещение крупнейших замков

¹ Заборов М. А. Крестоносцы на Востоке. М., 1980. С. 231.

Ордена — Крак де Шевалье и Маргата. Он даровал Ордену огромные привилегии в своей стране и одарил его многочисленными даяниями. Так, известно, что он подарил Ордену право взимать таможенную пошлину на границе между Бобетом и Шопронью, на территории между Дравой и Цургой, а также даровал ему ежегодную ренту в размере 500 марок серебром с Салашских соляных варниц. В своей грамоте, составленной в 1217 г., король заявил:

... уже ранее я слышал об этом, но, прибыв в Святую Землю,... сам увидел, как Орден блещет многочисленными делами любви на пользу и к чести всего Христианства... Я сам узрел там своими собственными очами, какое бесчисленное множество бедняков приходит в их Госпиталь и получает там ежедневное содержание, и узрел, как больные и усталые восстанавливают там свои силы за божественной трапезой, питаемые разнообразнейшими, питательнейшими кушаньями, и как там погребали умерших с соблюдением всех необходимых правил благочестия, и многое другое, о чем невозможно сообщить во всех подробностях. И со всем этим сочетаются монашеское благочестие и постоянная брань против неверных врагов Бога¹.

Крестовый поход императора Фридриха II (1228–1229 гг.)

Наряду с Фридрихом I Барбароссой, Фридрих II (1212–1250), в качестве второго императора из Штауфенского дома, сохранил свое обаяние на протяжении многих веков. После ранней смерти своего отца его мать Констанция стала наследницей норманно-сицилийского королевства, и он был воспитан в Палермо. Среди императоров Средневековья Фридрих II был самым образованным. Он свободно владел устным и письменным арабским, греческим и латинским языками, мог объясняться по-французски, провансальски, итальянски и немецки. Его познания в области естественных наук были достаточно обширными. Как и у других Штауфенов, его жизнь была омрачена конфликтами с папами. Еще во время своей коронации в Ахене в 1212 г. он дал обет принять участие в крестовом походе. Между 1219 и 1229 гг. поход в Святую Землю был дважды отложен на более поздний срок. Срок выступления в поход был продлен папой Гонорием III уже в третий раз. По Сан-Германскому договору 1225 г. Фридрих снова

¹ *Delaville le Roulx J. Les Hospitaliers en Terre Sainte et à Chypre 1100–1310. Paris, 1904; Он же. Cartulaire Général de l'Ordre de S. Jean de Jérusalem, 1100–1310. Vol. II. Paris, 1906. P. 231 (№ 1590).*

обязался через два года выступить в поход. Это была последняя попытка. В случае нарушения данного обета Императору грозило отлучение.

Когда Григорий IX в 1237 г. взошел на папский трон, он еще в первый месяц после своей интронизации призвал Фридриха выполнить, наконец, свое обещание. Хотя тысячи крестоносцев, собравшиеся в августе того же года в Бриндизи, не смогли переправиться в Святую Землю вследствие эпидемии, император отправился в путь. Однако он сам тяжело заболел и снова высадился на берег в Отранто. Папа счел его болезнь притворством и месяц спустя отлучил Фридриха от Церкви. Невзирая на это, Император весной 1228 г. направил своего маршала и пятьсот рыцарей в Палестину. В конце июня за ними последовал сам Император с тремястами рыцарями. Незадолго до его высадки в Акре пришло известие, что папа повторно отлучил его от Церкви, ибо он отправился в Крестовый поход, не дожидаясь снятия с него предыдущего отлучения. В связи с незначительностью его военных сил его военное положение являлось чрезвычайно неблагоприятным. Два сарацинских войска, значительно превосходящих военные силы крестоносцев по численности, стояли наготове для уничтожения его войска. Но Император показал себя великим дипломатом. В своем письме султану аль-Камилю он специально подчеркнул:

Мы переплывали море не для того, чтобы завоевать Вашу страну, ибо мы владеем большим количеством земель, чем какой-либо властитель в мире, а для того, чтобы, согласно нашему договору, принять под наше покровительство святыни. Вы не будете обеспокоены христианами и не будете вынуждены проливать кровь Ваших подданных в войне против нас¹.

Все знатные люди Святой Земли были против императора. Ведь он находился под церковным отлучением, и никто не хотел иметь с ним дела — ни Патриарх Иерусалимский, ни все духовенство, ни местные бароны, ни (не в последнюю очередь) оба рыцарских ордена. Лишь Немецкий орден и его Великий Магистр Герман фон Зальца сохраняли ему верность. Герман оказывал императору немалые услуги не только во время ведшихся им войн, но и в качестве советника и дипломата, в особенности при общении с римской курией. Когда договор с султаном был, после долгих переговоров, наконец, подписан, Герман писал папе:

В то время как шла усердная работа, посланцы султана и Господина Императора непрерывно сновали туда-сюда и вели переговоры о мирном соглашении. При этом султан Каирский со своим братом и неисчислимым войском на расстоянии одного поприща от нас расположились лагерем в Газе, в то время как султан Дамаска также стоял на расстоянии одного поприща от нас с необозримым войском под Сихемом. Когда же начались

¹ *Orthband E. Die Zeit der Staufer. Stuttgart, 1965. S. 353*

переговоры о возврате Святой Земли, Господь Иисус Христос в Своем провидении дал делу такой ход, что султан уступил Иерусалим с прилегающей округой Господину Императору и христианам; лишь монастырь под названием Храм Господа остался под сарацинской охраной, поскольку сарацины давно уже молятся там; таким образом, туда будут иметь свободный доступ, как они, так и христиане, чтобы творить там молитвы согласно своему закону. Кроме того, сарацины уступили урочище Святого Георгия и урочища по обе стороны дороги на Иерусалим, равно как и Вифлеем с округой, и урочище между Акрой и Назаретом. Кроме того, султан уступил крепость Тир со всем, что к ней относится, с урочищами и земельными владениями; город Сидон со всей прилегающей к нему низменностью и всеми землями, принадлежавшими ранее, во времена мира, христианам. По договору христиане также вправе восстановить стены и оборонительные башни Иерусалима, а также крепости Яффу, Кесарию и наш новый замок Монфор, строительство которого было начато нами в горах в текущем году. Нам представляется вероятным, что, если бы Император переплыл море в согласии с Римской Церковью, это пошло бы еще в гораздо большей степени на пользу Святой Земле. Согласно миру, заключенному между султаном и Императором сроком на десять лет, ему и его людям не дозволяется строить новые крепости и иные здания. Кроме того, обе стороны обменялись всеми пленными, захваченными при оставлении Дамьетты и в ходе недавних боев. Теперь Император намеревается совершить со всем своим народом восхождение в Иерусалим, чтобы, как ему советуют разные люди, носить там корону к чести Царя всех Царей и со всем необходимым рвением предаться восстановлению города Иерусалима¹.

Договор являлся не только образцом дипломатического искусства, но и образцовым примером взаимной терпимости между двумя религиями, ибо Иерусалим являлся для мусульман такой же святыней, как и для христиан. Они считали этот город тем местом, откуда Пророк вознесся в небо.

Так император безо всякого насилия вернул все, что стоило христианству и жителям Палестины столько крови и стольких страданий. Но и теперь никто не предложил освободить императора от церковного отлучения. Напротив, патриарх Геральд объявил, что отлучит от Церкви всякого жителя Святого Города, оказавшего какую-либо услугу императору в его стенах. Поэтому оба рыцарских Ордена и теперь не пожелали иметь ничего общего с Фридрихом. Но у них было для этого немало различных причин. Во-первых, император был отлучен, во-вторых, он не включил в свой договор с султаном северные области Сирии. Это касалось Триполи,

¹Цит.: *Wienand Adam. Die Johanniter und die Kreuzzüge // Der Johanniterorden der Malteserorden... S. 44.*

госпитальерских крепостей Крак де Шевалье и Маргата, тамплиерских крепостей Кагель Блан, Тортозы и Антиохии, а также столь важных городов Иерусалимского королевства, как Аскалона, Наблуса, Тивериады и важных замков госпитальеров и тамплиеров, которые завоевал Саладин. Кроме того, тамплиеры были против него и потому, что им не удалось получить обратно их старинную резиденцию, Храмовый квартал.

17 марта 1229 г. Фридрих совершил свой торжественный въезд в Священный город, встреченный ликованием христианского народа, прибывшего вместе с ним. Вне себя от радости были, прежде всего, немцы. Император поселился в доме госпитальеров, чтобы на следующий день короноваться королем Иерусалима в Храме Гроба Господня. Правда, там присутствовали архиепископы Палермо и Капуи, однако, согласно чину коронации Святой Земли, церемонию коронации должен был провести лично патриарх Иерусалимский или же его легат. Патриарх отклонил императорское приглашение. Тогда Фридрих сам взял в руки лежавшую на алтаре корону и возложил ее на свою голову «в честь Предвечного Царя». Глубоко оскорбленный манерой и характером обращения с ним, Фридрих в скором времени опять выехал в Акру, а оттуда — через Кипр — в Италию, где произошло его примирение с папой, который по договору от 23 июня 1230 г. освободил его от церковного отлучения. Патриарху Иерусалимскому было дано указание отменить все еще сохранявший силу интердикт, наложенный на Святой город. Папа Григорий IX также признал договор, заключенный между Фридрихом и султаном, призвал к себе противившихся императору Великих магистров госпитальеров и тамплиеров и дал им поручение всеми силами обеспечивать в Святой Земле спокойствие и порядок. Султан честно хранил мир, однако оба рыцарских ордена не делали этого в областях, не включенных в договор. Вследствие общего для них недоверия к императору оба ордена договорились о совместных военных действиях.

После отбытия императора Фридриха из Палестины государство крестоносцев оказалось во власти различных групп, защищавших собственные интересы. Воле Фридриха основать могущественное королевство, способное сохранить и даже расширить входившие в него государственные образования, противостояли ведущие политические, экономические и военные силы страны. Хотя эти силы не были едины, они объединились в деле сопротивления его попытке посягнуть на их эгоистичную, вредную для страны политику. Среди потомков тех мужей, которые в свое время выступили в поход, чтобы завоевать Святую Землю для христиан, чтобы обеспечить верующим возможность спокойно творить там дела благочестия, теперь царил совсем иной дух. Большинство владык страны поддавалось великому искушению богатством и властью, которых им удалось добиться. Сказанное относится как к феодальному обществу страны — потомкам

рыцарей — частных Крестовых походов — так и к руководству торговых колоний итальянских морских городов, имевших свои представительства в портовых городах, равно как и единственных учреждений, содержавших постоянные военные силы — рыцарским орденам.

Даже после своего отбытия Император не отказался от борьбы за Святую Землю. В 1230 г. он направил туда, в качестве наместника, своего маршала Рикарда Филанджери со значительными военными силами, чтобы сломить сопротивление ему и его власти. Однако Фридрих неудачно выбрал себе наместника. Высокомерное поведение последнего и негибкие действия, характерные для него, не способствовали повышению авторитета Императора. К тому же он не соблюдал правовые нормы страны, именовавшиеся Ассизами. Согласно этим законам и обычаям решающий голос во всех правовых вопросах имел не король, а совет его ленников. Согласно им, права вассалов были неприкосновенны. Короли были настолько связаны в своих действиях, что феодальные владыки страны не были обязаны нести военную службу за пределами самого королевства и имели полное право объявления войны и заключения мира в своих владениях. Король также не имел права распоряжаться военными силами орденов госпитальеров и тамплиеров. Поэтому невозможно было обеспечить проведение совместных военных акций. Балиан Сидонский, историк той эпохи, подробно описывает переговоры сирийских баронов с императорским наместником. Он пишет об этом по его адресу, что Королевство Иерусалимское было завоевано не одним отдельным князем, а всем христианством, что короли получили свой сан только в результате выборов и в обмен на клятвенное обещание уважать законы страны. А ведь император Фридрих также принес эту клятву.

Морские города за помощь, оказанную их флотами при транспортировке крестоносцев или при завоевании сирийских портовых городов, получили от властителей страны особые привилегии, ибо им удавалось искусно извлекать из крестоносного предприятия собственную политическую выгоду. За оказанную ими помощь они требовали права на основании торговых представительств, торговые права, а частично — освобождения ото всех таможенных пошлин и экстерриториального положения для своих колоний, именовавшихся коммунами и имевшими собственную судебную автономию. Больше всего представительств имела Генуя — например, в Яффе, Акре, Кесарии, Тире, Бейруте и в других городах. Венеция почти не отставала от Генуи — лагунный город даже имел перед ней преимущества благодаря своей лучшей и более централизованной организации.

Руководство сделками и политикой венецианских представительств в других портовых городах осуществлялось консулом, являвшимся чиновником города-метрополии, из Тира, как главного административного центра.

Однако в выгодных торгово-перевозочных сделках средиземноморского мореплавания участвовали и другие города — Пиза и Амальфи, французские портовые города Сен-Жилль и Марсель, а также Барселона. Раньше всех в этих сделках стали принимать участие генуэзцы, но наибольших успехов в них добились венецианцы. Генуэзцы получили еще от короля Балдуина I за оказанную ими помощь при завоевании Арсуфа, Кесарии и Акры в 1101–1104 гг. треть территории этих городов под квартиры и торговые фактории.

Осознавая слабость королевской власти, морские города стали проводить все более беззастенчивую торговую политику. Пока в стране существовал сильный королевский режим, колонии не выходили за поставленные им рамки. У этих городов всегда были проблемы с крестоносным духом, но теперь они вообще перестали принимать его в расчет и начали преследовать только свои собственные интересы. Ради ослабления или изгнания противников они были готовы даже на заключение союза с врагами христианства. Так, Генуя заключила союз с Бейбарсом, являвшимся самым опасным врагом христианства после Саладина, чтобы ослабить позиции Венеции в Акре. Они сообща захватили Мушиную башню — форт, преграждавший доступ в порт этого города. С 1222 г. начались бои между соперничавшими между собой морскими городами Венецией, Генуей и Пизой, завершившиеся лишь с окончательной утратой христианами их позиций в Святой Земле. Нередко соперники вступали друг с другом в большие морские сражения — например, в 1256, 1258, 1259, 1267 и 1287 гг. В этих сражениях принимали участие и другие силы страны. Госпитальеры приняли сторону Генуи, тамплиеры — сторону Венеции.

В 1233 году ордены госпитальеров и тамплиеров заключили договор с Марселем о совместном мореплавании:

«Во имя Господа, в год от воплощения Его 1234, 17 апреля седьмого индикта.¹ Да будет ведомо всем нынешним и будущим, что в Великом совете Марселя, собравшемся по искони заведенному обычаю в ратуше по звону колокола и призыву глашатая, была зачитана разделенная по алфавиту² нотариальная грамота, полное дословное содержание которой таково:

¹ Индикт — древнеримская единица исчисления времени, равная 15 годам, первоначально использовавшаяся в Римской Империи при расчете сроков взимания налогов с населения.

² Выражение «разделенный по алфавиту» (*instrumentum per alphabetum divisum*) обозначает обычай, согласно которому текст договора записывался два раза на одном и том же листе пергамента, причем между обоими текстами оставляли незаполненный промежуток, заполнявшийся затем строчкой заглавных букв в алфавитном порядке. Эту строчку перерезали поперек листа и вручали каждой из договаривающихся сторон по одному тексту. Таким путем пытались обеспечить возможность в любой момент проверить подлинность документа и предупредить возможность его фальсификации.

Во имя Господа, аминь. В год от воплощения Его 1233 шестого индикта 3 октября. Да будет ведомо всем нынешним и будущим, что в граде Акконе в присутствии господина Одо фон Мюмпельгарда, коннетабля королевства Иерусалимского, велись переговоры о расприх и противоречиях между орденом рыцарства Храма и орденом госпиталя святого Иоанна с одной и гражданами Марселя — с другой стороны. Ибо вышеназванные ордены утверждают, что обладают привилегиями, которые они готовы при желании представить и в случае необходимости подтвердить свидетельскими показаниями, согласно которым прежние господа и виконты Марсельские, а именно, Донселин и Гуго и Раймунд де Бо и Герольд Адемар де Монтейль и их супруги, а также Раймунд де Трити предоставили им концессию на содержание в Марсельской гавани кораблей и средств передвижения, с правом совершенно свободного и беспрепятственного выхода из данной гавани, плавания по морю и вдоль испанского побережья для перевозки своего имущества, а также паломников и купцов, взимая или не взимая с них платы за перевозку, как все это подробно изложено в вышеупомянутых привилегиях.

К тому же магистры обоих орденов утверждали, что марсельцы не желают принимать во внимание содержание вышеупомянутых привилегий и даже нередко вопреки обычаям права и справедливости вымогали у них деньги, наносили им бесконечные обиды и причиняли им огромный убытки, исчисляемые ими обоими в сумму не менее 2000 марок серебром. Магистры обоих орденов утверждают, что, вследствие этого, они просят коннетабля конфисковать в пользу обоих орденов корабли и имущество марсельцев в качестве компенсации. Однако Иоанн де Сент-Илер, консул марсельцев в Акконе, выступил против этого требования, заявив, что ни господин Раймунд, граф Тулузский и государь Марсельский, ни марсельская коммуна не давали ему никаких приказаний или полномочий по данному нерешенному вопросу, и что поэтому он не может удовлетворить претензии обоих орденов, поскольку марсельцы, пребывающие в настоящее время в Акконе, являются купцами и не имеют ничего общего с вышеизложенным делом, и что коннетабль и его палата, несомненно, признают справедливость данного утверждения¹.

После долгих споров между обоими сторонами, а именно, магистрами обоих орденов, с одной стороны, и господами Ростанье де О-Пюи и Жильсеменом де Каранзоном, выступавшими от имени марсельцев, с другой, по поводу вышеизложенных пунктов, при содействии господина Коннета-

¹ Коннетаблем (от латинского «comes stabuli», буквально: «конюший») в описываемую эпоху именовался верховный коронный чиновник Иерусалимского королевства, одновременно являвшийся председателем его Верховного Суда (Haute-Cour).

бля и господина Иоанна де Гелина, государя Бейрутского, а также многих других знатных людей по вышеназванным пунктам были достигнуты мир и согласие следующим образом: господа Ростань де О-Пюи и Жильсемен де Каранзон в силу их полномочий, подтвержденных нотариальным инструментом, заверенным государственным нотариусом Вилдгельмом Имбертом и снабженным печатями марсельской коммуны и графа Раймунда Тулузского, позволяют обоим вышеназванным орденам два раза в год держать, грузить и разгружать в марсельском порту два принадлежащих этим орденам корабля, а именно, два корабля в период августовского пассажа (перевозки), причем один корабль, принадлежащий ордену Храма и один корабль, принадлежащий ордену Госпиталя, исключительно для перевозки членов и имущества обоих вышеназванных орденов¹, причем каждый корабль имеет право брать на борт не более 1500 паломников, купцов же — сколько они сами пожелают, при условии уплаты в пользу города обычного таможенного сбора со всех грузов, которыми в качестве товаров торгуют в городе купцы и частные лица. Если же обоим вышеназванным орденам для перевозки их имущества потребуется большее число кораблей, то они могут их получить, но при условии, что не будут перевозить на них паломников или купцов.

Вышеназванные магистры обоих орденов обещали поступить вышеописанным образом и не использовать между Портус Коколибери и Портус Монахи (на провансальском побережье) иных кораблей для перевозки купеческих товаров или паломников, кроме вышеупомянутых кораблей, причем только в марсельском порту, в соответствии с договоренностью. И оба магистра заявили, что, в силу данного договора, они отныне полностью удовлетворены относительно их вышеупомянутых привилегий. Со своей стороны, вышеназванные господа Ростань и Жильсемен обещали, не жалея сил, добиваться от господина графу Тулузскому и от марсельской коммуны в подтверждения данного договора. Для вящего закрепления последнего мы, брат Герман де Перагор (Перигор), магистр вышеназванного ордена рыцарства Храма, и мы, брат Герен², магистр вышеназванного ордена Госпиталя святого Иоанна, и мы, Ростань и Жильсемен заверили эту разделенную по алфавиту грамоту, подвесив к оной наши печати.

¹ Августовский пассаж — так называемая «летняя перевозка»; пасхальный или мартовский пассаж — так называемая «весенняя перевозка»; на эти два периода подразделялось тогдашнее время навигации (зимой от мореплавания старались воздерживаться из-за штормовой погоды).

² Этого Герена (до нас дошло только его имя) не следует путать с Гареном де Монтегу (упоминается в грамотах с 1210 по 1227 гг.); он впервые упоминается в грамоте от сентября 1231 г., а в последний раз в мае 1236 г. Вскоре после этого Герен скончался. Вокруг его печати на аверсе имелась следующая надпись: *Frater Gerinus custos* (брат Герен охранитель), а на реверсе: *Hospitalis Jerusalem* (Иерусалимского Странноприимного Дома).

Совершено настоящее пред Одо фон Мюмпельгардом, Коннетаблем Королевства Иерусалимского и бальи такового, представляющим Императора (Фридриха II) Германского; в присутствии господина Иоанна де Гелина, государя Бейрутского (далее перечисляются имена четырех сирийских баронов и рацарей-храмовников); брата Бодуэна де Боража; брата Рейнальда Немецкого; брата Жака дель Луи, комтура Дома (прецептории) Храма в Акконе; брата Геральда де Жюссака; брата Вильгельма Арнальда (далее идут имена госпитальеров); брата Арнальда де Монбрюна, маршала Госпиталя святого Иоанна; брата Гийома де Монте Акуто, ризничего; брата Роже Испанского; брата Гийома де Кастроново (позднее, в 1243–1257 гг., упоминаемого в грамотах в качестве Великого Магистра госпитальеров); брата Нивелона и брата Райнера Немецкого.

Совершено во дворце господина Коннетабля и бальи Одо фон Мюмпельгарда. И я, Петр де Корвериа, по просьбе и приказанию обеих договаривающихся сторон, написал настоящую грамоту и поставил на ней мою роспись (Signum) (знак)»¹.

После того, как содержание данного инструмента было заслушано и полностью понято вышеназванным Великим Советом Марселя, и после того, как было начато совещание об этом соглашении и этом мире, о котором велись переговоры и который был заключен, между магистрами вышеназванных орденов, с одной стороны, и Ростанем де О-Пюи и Жильсеменом де Каранзоном, выступающими от имени марсельцев, с другой, как уже было упомянуто выше, я, Вивальд, синдик марсельской коммуны, с согласия вышеназванного Великого совета, а сам этот Великий совет, в свою очередь, от имени марсельской коммуны, заверил это соглашение и все, что предусмотрено в настоящем инструменте. А именно, что, по мнению вышеназванного синдика и Великого совета, под названием «корабль» следует понимать «саландры» (быстроходные парусные грузовые корабли), «тариды» (также грузовые корабли) и другие транспортные средства, приспособленные для плавания по морям.

Совершено в Зеленом зале ратуши города Марселя в присутствии брата Бертрана де Компа, приора Сен-Жилльского²; брата Арно де Мизерата, комтура Сен-Жилльского Дома; брата Понтия Бернара, комтура Марсельского Дома; брата Вильгельма Валенсийского (из Валанса на Роне), комтура кораблей (commendatoris navium); брата Жиро, капеллана (духовника) вышеназванного приора; брата Бернара, капеллана господина графа Тулузского; а также Гуго де Лукко, комтура Байского Дома; брата Гийома

¹Цит.: *Wienand Adam. Die Johanniter und die Kreuzzüge // Der Johanniterorden der Malteserorden... S. 45.*

²Его имя фигурировало позднее, в грамоте 1236 года, Великого Магистра, преемника вышеупомянутого Великого Магистра Герина.

де Кампелье, комтура корабля Храма (*commendatoris navis Templi*); брата Босмунда, брата Петра, комтура Фосского Дома (все четверо члены ордена Храма) и в присутствии еще восьми свидетелей (большинство из которых, судя по всему, являлись представителями провансальского дворянства) и многих других.

Я, Вильгельм Имберт, государственный нотариус в Марселе, по указанию вышеназванного синдика и Великого Совета, написал настоящие грамоты, поставил на них мои подписи (знаки) и для вящего подтверждения написанного выше скрепил оные печатью марсельской коммуны¹.

Однако все духовно-рыцарские ордены Палестины в это время ведут себя очень строптиво, и приведенный выше договор — едва ли не единственный, свидетельствующий об объединенных действиях.

Самостоятельная и эгоистичная политика рыцарских орденов, которая становится даже агрессивной по отношению к своим собратьям, имеет самое прямое отношение к числу причин, по которым господство христиан в Святой Земле потерпело крушение. Им, вовлеченным во внутреннюю борьбу в стране, также не хватало широты кругозора, необходимого для сохранения целого, причем тамплиерам ее не хватало еще в большей степени, чем госпитальерам. Великие Магистры или же их заместители заседали в Совете и Верховном суде королевства, князя Антиохии и графа Триполи. Но они не считали себя связанными принимавшимися там решениями. Короли и князья страны не имели над ними никакой власти. В это время, когда необходимость в объединении была особенно велика, госпитальеры, как и представители других орденов думали только о себе и при каждом удобном случае потрясали папскими грамотами, даровавшими им независимость от местных властей. Ничего хорошего такое поведение орденов не сулило. Если, например, официальная политика, проводимая иерусалимским королем, им не нравилась, они не считали себя обязанными поддерживать ее. Так, например, тамплиеры в 1168 г. отказались следовать за королем Амальрихом, когда он призвал их к участию в Египетском походе.

Все это вело к катастрофе, и никто не думал о последствиях.

¹ Документы по древней истории рыцарского Ордена госпитальеров св. Иоанна Иерусалимского / Публ., пер. и коммент. В.В.Акунова // Сб. Русского исторического общества. Т. 9 (157). Мальтийский орден и Россия. М.: «Русская панорама», 2003. С.55–56.

Глава 11

Орден госпитальеров в середине XIII века

Первая битва в секторе Газа

В 1239 году в Лионе состоялся крестовый собор для обсуждения возможности нового крестового похода. Туда прибыли король Тибо Наваррский, герцог Гуго Бургундский. Граф Петр Бретанский, Амальрих Монферратский, и уже в сентябре значительная группа французских крестоносцев прибыла в Акру. Все они были охвачены желанием сражаться за Святую Землю и требовали немедленно послать их в бой. Но среди всех собравшихся не было человека, который смог бы возглавить дальнейшую борьбу крестоносцев. Каждый из предводителей думал только о том, как скорее выйти со своим отрядом и захватить богатую добычу. Да, она их интересовала больше, чем борьба с мусульманским завоеванием Палестины.

Выбор был снова сделан в пользу похода в Египет. Но вследствие своих неосторожных действий этот военный отряд был окружен египетским войском в области Газа. При попытке отступления рыцари, не способные маневрировать на своих облаченных в панцири конях в песках пустыни, были разбиты. При этом более 1000 человек погибло, и около 600 было взято в плен. Пленные были проведены в триумфальном шествии по Каиру, а головы убитых выставлены на стенах этого города. Два рыцарских ордена: госпитальеры и храмовники, умудренные опытом, отговаривали крестоносцев от этого необдуманного похода и сами не принимали в нем участия.

К счастью для крестоносцев, властители соседних мусульманских стран враждовали между собой. В Дамаске правил Измаил, в Египте — Айюб (Эйюб). Летом 1240 г. Измаил, опасавшийся вторжения египетского султана, предложил христианам оборонительный союз, условия которого предусматривали предоставление им западно-иорданской территории

между Тивериадой и Сидоном с крепостями Бельфор и Сафед. Со своей стороны, они должны были помочь в отражении наступления египетского войска. Переговоры, которые вели тамплиеры, были завершены, и этот орден, в качестве награды за свои услуги, получил Сафед. Госпитальеры сочли этот дар чрезмерным.

Вследствие недоверия к императору Фридриху II и госпитальеры, и храмовники на протяжении предшествовавших 12 лет держались сообща, хотя и ненавидели друг друга. Теперь их союзу пришел конец, и каждый Орден постарался превзойти другой. Госпитальеры начали переговоры с Малик Айюбом, который, со своей стороны, стремился, прежде всего, нанести поражение своему дяде Измаилу, взять Дамаск, и затем распространить свою власть на Сирию. В качестве приманки он предложил христианам освободить пленных, захваченных под Газой, а также предоставить им право занять и укрепить Аскалон.

Он также потребовал от госпитальеров сохранять нейтралитет в его борьбе с властелином Дамаска. Предложение было принято. Ярость тамплиеров не имела пределов. С этого момента началось враждебное противостояние обоих орденов — так, тамплиеры, к примеру, в течение шести месяцев осаждали своих противников в Доме госпитальеров в Акре, и только вернувшийся из Маргата Магистр Пьер де Вильбрид смог добиться снятия осады. Тогдашним вице-королем Иерусалимским был Ричард Корнуэльский, брат короля Генриха III Английского и в то же время кум Императора Фридриха II. Он согласился одобрить заключенный госпитальерами договор с условием подтверждения передачи христианам выторгованных у Измаила территорий и передачи им также оставшейся части Галилеи, включая крепость госпитальеров Бельвуар, крепость на горе Фаворской и город Тивериаду.

Дипломатическая игра обоих орденов продолжалась. Теперь тамплиерам снова представилась возможность переиграть другие ордены. Искусно используя противоречия между враждебными друг другу исламскими государствами, они повели переговоры, как с властелином Дамаска, так и с султаном Каира. Таким образом, им удалось добиться от обоих партнеров согласие очистить находившийся все еще в руках мусульман Храмовый квартал Иерусалима с резиденцией Ордена тамплиеров.

Вторая битва в секторе Газа

Предыстория этой кровопролитной битвы послужило завоевание Иерусалима тюрками-хорезмийцами, одним из кочевых пастушеских племен, изгнанных Чингис-ханом из глубин Азии, которые, пройдя через Персию, Месопотамию и Малую Азию, вторглись на территорию Сирии

и Палестины. Они поступали на службу и к сельджукам и к потомкам Саладина. И теперь эти дикие воины стали служить у властителя Египта. Продвигаясь в южном направлении, они вторглись в Галилею, завоевали Тивериаду, а затем — не укрепленный и оборонявшийся слабым гарнизоном Иерусалим. Крестоносцы в ужасе покинули Иерусалим. Город пал жертвой ужасающей резни и грабежей, завоеватели убивали молящихся стариков, женщин, детей. Был осквернен Храм Святого Гроба. Прах Иерусалимских королей был выброшен из гробниц, все церкви сожжены. С этого дня — 11 июля 1244 г. христиане навсегда потеряли Святой Город.

Египетское войско под командованием Бейбарса — тогда еще мамелюкского эмира — вместе с отрядами хорезмийской конницы развернулось в секторе Газа. Христианское войско под Акрой соединилось с солдатами султана Дамаска, а также расположенных юго-восточнее султанатов Хомс и Керак. Свидетельством внутренней нестабильности и духа крестоносцев является их союз с теми, против кого они, собственно говоря, были призваны сражаться.

Ни разу с рокового дня битвы при Хаттине в 1187 году христианам не доводилось выводить в поле такое громадное войско, как на этот раз. Наряду с местным рыцарством, это были, прежде всего, рыцарские ордены госпитальеров и храмовников во главе с их Великими магистрами, в сопровождении отрядов туркополов и значительного количества сержантов и пеших солдат, устремившихся в бой. Численность объединившихся с христианским войском мусульманских вооруженных сил составляла около 25 000 человек. Как и следовало ожидать, они только вынужденно заключили военный союз с христианами и очень неохотно сражались против своих единоверцев.

Судьба сражения была, по сути дела, решена в первом же столкновении, ибо мусульманские бойцы были просто сметены конными дружинами хорезмийцев. Вследствие этого фланг христиан лишился прикрытия, и всадники погнали их в направлении египетского войска, так, что они оказались зажатыми в клещи с двух сторон. В течение нескольких часов они были уничтожены. Согласно одному арабскому источнику, в плен было взято 800 человек, в том числе Магистр госпитальеров, Гийом де Шатонеф. Всего в этом кровопролитном сражении погибло не менее 10 000 человек, в том числе, не считая мусульманских потерь, 300 рыцарей из Антиохии и Триполи, 300 рыцарей с Кипра с Великим магистром тамплиеров, Германом де Перигором, 312 рыцарей и 324 туркополов ордена тамплиеров. Госпитальеры потеряли 325 рыцарей и туркополов. Из 400 членов Немецкого ордена, участвовавших в сражении, вернулись живыми только трое. От вооруженных сил госпитальеров и тамплиеров осталось только

пятнадцать человек, спасшихся от резни и плена. Из войска султана Измаила уцелел пал каждый десятый, сам он спасся бегством в сопровождении всего пяти спутников.

Вторая катастрофа под Газой была особенно болезненной не только из-за большого числа убитых христиан, но и вследствие утраты территорий, приобретенных Императором Фридрихом путем переговоров. У христиан остались только несколько клочков земли на побережье и сильно укрепленных замков. Укрепленный и оборонявшийся госпитальерами город Аскалон пал после ожесточенного сопротивления, поскольку враги при помощи мощных осадных машин и многочисленных мин превратил стены в груды развалин. Рыцари ордена и в этом случае также пролили немало крови.

Магистр госпитальеров Гийом де Шатонеф, плененный в этом сражении и привезенный в Каир, был избран на свою должность совсем недавно в 1242 году. Вступив в орден в 1233 г., он быстро совершал восхождение с одной важной орденской должности на другую, и до своего избрания магистром являлся Великим маршалом. В момент его избрания в должность распри между мусульманскими князьями, боровшимися за право вступить в союз с христианами и, путем уступок они искали себе среди христиан помощников в борьбе друг с другом, достигли своего апогея. Но вторжение хорезмийских тюрков положило этой дипломатической игре жестокий и кровавый конец. Во время пребывания де Шатонефа в плену орденом управлял Великий прецептор Иоанн де Роннэ. В эти годы ряды госпитальеров значительно уменьшились.

Иерусалимское королевство, отказавшись от опеки Фридриха II, перешло к королю Генриху Кипрскому. Но и ему, несмотря на отвагу и энергию, ни за что не удалось бы удержать в своих руках государство крестоносцев, если бы совершенно неожиданно в Европе еще раз не поднялись на самоотверженную борьбу с мусульманами.

Крестовый поход короля Людовика IX Святого (1248–1254 гг.)

С точки зрения своих характеров и представлений Германский Император Фридрих II Штауфен и король Людовик IX Французский (1226–1270 гг.) являли собой полную противоположность. Фридрих, прирожденный властитель, стремился «во все времена приумножать Империю», как часто писали в преамбулах средневековых императорских указов. Именно под этим углом зрения следует рассматривать его стремление присоединить Святую Землю и получить сан короля Иерусалимского. Тем более, что в свое время когда папа Иннокентий III помог юному

Фридриху утвердиться на престоле, за что Фридрих в порыве юношеского увлечения произнес крестовую присягу и даже склонил к этому многих своих подданных герцогов и баронов. Участие же короля Людовика в Крестовых походах имело религиозные побудительные мотивы. В нем еще продолжала жить рыцарская вера в необходимость ратоборствовать во имя Бога, в его намерения входила помощь Святой Земле и, тем самым, служение христианству¹.

Насколько глубоко он был озабочен судьбой Святой Земли, явствует из его стремления примирить две крупнейшие силы Западной Европы — папу и Германского Императора. Фридрих, предложивший папе совершить еще один поход в Святую Землю, чтобы силой оружия вернуть христианству все королевство, не встретил со стороны римского первосвященника поддержки. Во время встречи Людовика IX с папой Иннокентием IV (1243–1254 гг.) король поддержал предложение Императора, «ибо Святая Земля находится в опасности и ее освобождение зависит, кроме Бога, от Императора, владеющего гаванями, островами и прибрежными землями и лучше всех других знающего все потребности пилигримов»². Но папа отказал и ему. Он неукоснительно старался выполнить завещание умершего папы Григория IX — поддерживать разрушающееся Иерусалимское королевство и всеми силами способствовать падению Гогенштауфенов и Фридриха II.

Подготовка короля Людовика к этому Крестовому походу заняла три года. Он распорядился построить специально для этой цели специальный порт отплытия — Эг-Морт — сохранившийся донныне, не измененный никакими перестройками город-памятник XIII века.

Тем временем борьба римского первосвященника против Фридриха II достигла апогея. В 1245 году на соборе в Лионе Иннокентий IV проклял Фридриха II и объявил императора лишенным престола, а подданным разрешил на неповиновение ему. Среди народа стали бродить проповедники,

¹ Спустя полвека католическая церковь причислила Людовика IX к лику святых. С прозвищем Святого он и вошел в историю. На Западе донныне поддерживается культ Людовика IX. До сих пор ему приписываются особое благочестие и приверженность к чисто религиозным идеям, его чтут как государя, якобы продолжавшего подлинные традиции Крестовых походов в их первоначальном виде. В 1970 г. в Париже и в Риме (одновременно) было широко отмечено 700-летие со дня трагической кончины короля-крестоносца (он погиб во время Восьмого Крестового похода, о котором см. дальше): состоялись научные конференции, были устроены памятные концерты, организованы выставки исторических реликвий. Французский католический институт в Руайамоне созвал коллоквиум, посвященный юбилею. См.: *Заборов М. А.* Крестоносцы на Востоке... С. 310.

² *Matthaeus Parisiensis.* Chronica maiora, ed. H. R. Luard. London 1877, ND 1964 (Rerum Britannicarum Medii Aevi Scriptores, 57). Vol. IV. P. 524.

которые призывали собирать новое ополчение, но не столько на борьбу с мусульманами, сколько к священной войне с Фридрихом II. Но только весной 1248 года началась деятельная подготовка к походу, и в конце августа Людовик IX с большим воинством отплыл из Франции. В сентябре они оказались на Кипре, где решили перезимовать. Последствия этой остановки стали катастрофическими. Владевший островом король Иерусалима Генрих Кипрский согласился участвовать в походе, но французы провели всю зиму в пьянках и развлечениях, предавались излишествам и многих эта праздная жизнь свела в могилу. В то же время немало французских воинов удалось сманить армянским послам при кипрском дворе на службу в Армению. Всем согласившимся покинуть армию предоставили очень выгодные условия службы. Армия оказалась ослабленной.

Наступила весна, и первую высадку решили делать на египетское побережье. Город и крепость Дамиетту удалось захватить без особого кровопролития, ибо испуганные гарнизон и население покинули их, опасаясь повторить судьбу своих предшественников за тридцать лет до того. После захвата города крестоносцы разместились в ней, как у себя дома. Госпитальеры и тамплиеры, а также мирийские и кипрские рыцари получили в лен владения, была учреждена епископия, Патриарх Иерусалимский Роберт превратил главную городскую мечеть в церковь и посвятил ее Богоматери. Султан предложил мир, изъявив готовность пойти, в обмен на возврат Дамиетты, на большие уступки в Святой Земле и, в частности, вернуть Иерусалим, Аскалон и Тивериаду. Тем самым можно было бы без большого кровопролития добиться того, что считалось целью похода в Египет. Однако неразумные и опьяненные победой крестоносцы отклонили мирные предложения, решив предварительно захватить столицу — Каир.

В ноябре 1249 г. войско двинулось в поход, перешло каналы и притоки Нила в Дельте и, не встретив значительного сопротивления, достигло Барамуна на северном берегу одного из каналов, напротив главной квартиры султана, расположенной в Мансуре. Именно там стояли лагерем крестоносцы в 1221 г., когда наводнение заставило их капитулировать. События того, прежнего крестового похода повторились и на этот раз, с удивительной точностью. Неожиданно к Людовику явился бедуин и пообещал провести войско через тайный, никому неизвестный брод. Часть войска немедленно воспользовалась этим и благополучно оказалась на другой стороне Нила. Но здесь дело испортили рыцари тамплиеры и граф Роберт д'Артуа, которые решили раньше Людовика захватить добычу. Они бросились перед Мансурой на неприятеля, перебили небольшой отряд и на всем скаку ворвались в город. Но мусульмане тут же заперли ворота и уничтожили весь отряд.

Борьба за овладение Мансурой оказалась безуспешной. Враг оперировал в тылу христианского войска, захватывал корабли с припасами и, в конце концов, вызвал в лагере недостаток продуктов питания.

В довершение ко всему вспыхнула эпидемия, распространившаяся с молниеносной быстротой и парализовавшая боеспособность войска. Больные и истощенные крестоносцы почти лишились способности оказывать сопротивление. Не разрушив за собой мостов, христианское войско стало отступать, преследуемое врагом, пока не было взято в плен вместе со своим королем. Король попытался путем переговоров добиться своего собственного освобождения и освобождения своего войска на приемлемых условиях. Султан же использовал пленников как заложников для их обмена на крепости в Святой Земле, являвшиеся центрами сопротивления. При этом сарацины стремились завладеть прежде всего крепостями рыцарских Орденов. Историограф Иоанн де Жуанвиль, сенешаль короля, чье описание является лучшим источником по истории этого злополучного крестового похода, подробно описал устроенный допрос:

Рыцарей спросили: чем вы готовы заплатить султану за ваше освобождение? Отдали бы вы за ваше освобождение определенные замки баронов за морем? Они ответили отрицательно, подчеркнув, что у них нет власти над этими замками, являющимися ленами германского Императора. Тогда их спросили, готовы ли они отдать за свое освобождение хотя бы замки госпитальеров и тамплиеров. На этот вопрос также был дан отрицательный ответ, ибо каштеляны (коменданты) этих замков поклялись на святынях не сдавать замки даже ради освобождения пленных. Жуанвиль продолжает: «Советники султана задали королю те же самые вопросы, что и рыцарям, которым, после их отказа принять предложенные им условия или отречься от христианства, были отсечены головы. Короля спросили, готов ли он отдать некоторые замки тамплиеров и госпитальеров или замки королев страны. Когда король дал отрицательный ответ, они пригрозили ему пытками. На эту угрозу король ответил, что он их пленник и они вольны поступить с ним, как захотят. Вслед за тем они спросили короля, сколько денег он готов дать султану в качестве выкупа за себя и готов ли он очистить Дамиетту. Король повел переговоры о своем освобождении и об освобождении своего войска. Он обязался уплатить известную сумму денег, очистить Дамиетту и заключить перемирие»¹.

Но султан хотел большего, он требовал не только уплаты выкупа и возврата Дамиетты, но и всех государств крестоносцев. На его требование вернуть все государства крестоносцев король указал на то, что по праву

¹ *Joinville Jehan de. Histoire de Saint Louis. Paris 1940. P. 240. Перепечатано так же в : Die Kreuzzüge in Augenzeugenberichten. Düsseldorf 1961. S. 310.*

и закону христианские земли Сирии принадлежат Императору. Султан сразу перестал настаивать на своем требовании, настолько велик был по-прежнему на Востоке авторитет Императора Фридриха. Его манера поведения и практиковавшаяся им религиозная терпимость производили на всех глубокое и незабываемое впечатление. Наконец стороны пришли к согласию, и король согласился выкупить себя и свое войско за чудовищную сумму в один миллион византийских динаров. Большая часть этих денег была уплачена 2 мая 1250 г. Однако султан Туран Шах уже не смог их получить. Во время пира он был убит солдатами своего мамлюкского полка телохранителей под руководством Бейбарса. К власти в Египте пришел первый мамлюкский султан. Возникли новые сложности с возвратом пленных, однако королевскому послу в ходе двух визитов в Каир удалось добиться освобождения всех взятых в плен во второй битве при Газе, еще оставшихся к тому времени в живых. В их числе были Магистр ордена госпитальеров Гийом де Шатонеф, 25 госпитальеров, 15 тамплиеров, 10 тевтонских рыцарей, примерно 100 рыцарей из государств крестоносцев и 600 других пленных. К тому же в обмен на 300 мусульман были освобождены еще около 3000 пленных, захваченных в последнем сражении.

Людовик IX оставался в Святой Земле еще четыре года и отплыл только 24 апреля 1254 г., после восстановления оставшихся крепостей и аннулирования договора, заключенного за спиной у короля между тамплиерами и султаном Дамаска.

По большому счету крестовый поход Людовика IX не принес пользы Святой Земле. Он не облегчил положения христианского Востока. Напротив, вследствие тяжелых потерь в Египте, Святая Земля лишилась большого числа опытных бойцов. Орден госпитальеров переживал тяжелое время. Он лишился многих своих владений, казна опустошалась, поскольку приходилось выплачивать огромные суммы за освобождение своих рыцарей.

Однако неудача этого крестового похода имело еще одно, еще более далеко идущее последствие — сомнения в крестоносной миссии, в миссии Божьих воинов. Еще в ходе неудач предыдущих крестоносных мероприятий у их участников возникал вопрос, действительно ли крестовые походы совершаются по Божьей воле, или же Бог не допускает победы крестоносцев. Поначалу они успокаивали себя ответом, что каждый неуспех это Божья кара за грехи крестоносцев. Все знали, что король Людовик IX был образцом добродетели, он вел настолько безупречный образ жизни, что еще при жизни его окружал ореол святости — и, тем не менее, как говорили современники, Бог не даровал ему победу! Даже его соратники по египетскому походу после завершившейся неудачей битвы при Мансуре пришли в такое отчаяние, что восклицали: «Неужто Бог, которому и под

чьим предводительством мы так долго служили в качестве рыцарей, оставил нас?..»¹

Так полной неудачей закончился очередной Крестовый поход, продолжавший шесть лет. Но заслуги ордена госпитальеров были не только замечены, но и особым образом отмечены Святым Престолом. Начиная с Раймонда де Пюи глава госпитальеров во всех папских документах именовался «Магистром гостеприимных братьев святого Иоанна». И вот в булле папы Клементя IV от 18 ноября 1267 года из признательности к заслугам госпитальеров, он впервые приписал главе ордена титул «Великий». Только с этого года все главы ордена стали называться не иначе, как Великий Магистр.

* * *

После многочисленных потерь Великий Магистр Гуго де Ревель в 1268 году обратился с большим просительным письмом к Сен-Жильскому Приору, в котором трогательно описал свои злоключения:

Брат Гуго Ревель, Божией милостью смиренный магистр Святого Госпиталя Святого Иоанна, что в Иерусалиме, и охранитель убогих во Христе, с истинной любовью желает здравствовать своему дражайшему брату во Христе Фарауду де Баррассио, приору Сен-Жильского Дома, и всей братии одного приорства. Мы видим не тех, кому должны изложить наши жалобы и глубочайшие скорби, но тех, кто, как нам стало ведомо, сознавая свою общность с нами, сочувствуют нам в наших невзгодах. Здесь не следует описывать те огромные трудности, которые сопутствуют нам уже давно в Святой Земле, и какие немалые потери понесла наша братия, что касается имущества и человеческих жизней; мы полагаем, что вести почти обо всем этом уже дошли до ваших ушей. Невзгоды наши увеличиваются день ото дня, а потери не уменьшаются. Поскольку опасности, угрожающие нам, постоянно возрастают, мы хотели бы, невзирая на то, что может произойти в будущем, заверить вас в том, что наш Дом, мы и вся прочая братия, противостоящая вместе с нами угрожающей опасности, совершенно не повинны в случившемся.

Мы полагаем, что вам, а именно, приору и большей части вашей братии, хорошо известно, что мы в течение восьми последних лет не получали поддержки ни от кого во всем Иерусалимском королевстве, и что все, чем мы некогда владели за воротами Аккона, перешло в руки врага. Правда, Замок Паломников, Тир и город Сидон по-прежнему находятся в руках христиан, но в действительности христианам ни там, ни в других местах,

¹ *Röhrich R Geschichte des Königreichs Jerusalem (1100–1291)*. Innsbruck, 1894. S. 880–881, см. примечание 21.

за исключением Герито (Хеврона?), заключившего с врагами перемирие, служащее к немалой пользе обеим сторонам, не принадлежит ничего, кроме крепостных стен. Мы вынуждены в течение многих лет нести в городе Акко-не огромные и непредвиденные расходы, чтобы быть в состоянии отражать нападения вероломного султана Байбарса Вавилонского (Египетского). Во время его последнего нападения мы были вынуждены истратить сумму, вдвое большую, чем в прошлый раз, когда опасность завоевания угрожала благородному граду Антиохии.

Мы укрепили всю сарацинскую границу и всю приграничную область вплоть до наших замков Крак и Маргат, а также до Бельды (?), что также потребовало от нас огромных расходов. За исключением приморских городов, у христиан не осталось никаких укреплений, кроме Крака и Маргата; но и последним, раздражающим султана, уже не раз угрожала опасность. Если страдания и невзгоды заставляли нас торопиться, то и вы также не должны мешкать, поскольку во всех этих городах и крепостях не менее 10 000 человек были питаемы съестными припасами нашего Дома. Мы составили список всех обретавшихся там, и среди жителей вышеупомянутых городов и крепостей было поименовано примерно 300 братьев нашего Ордена. Чем бы мы оплачивали все эти расходы, если бы Господь не смиловился над нами? В настоящее время мы не видим иной возможности продолжать их снабжение, ибо все эти замки вовлечены в ожесточенную борьбу, поскольку султан заявляет, что не заключал с ними перемирия. Тем из вас, кто бывал по эту сторону моря, должно быть хорошо известно, что нам не приходится ожидать какой-либо помощи от стран, расположенных по эту сторону моря, ибо Армянская низменность, откуда мы прежде всегда получали помощь людьми и припасами, опустошена моровой язвой и обезлюдела из страха перед султаном.

Вам, приору и многим из вас, должно быть очень хорошо известно, что нам поставляют из областей, расположенных по ту сторону моря. Так, из Испании мы никогда не получали ничего, кроме небольшого числа животных (лошадей). Мы надеялись получить помощь из Италии, и, прежде всего — из Апулии, но эта наша надежда не оправдалась вследствие падения брата Филиппа де Глиса, который израсходовал все, чем мы владели в данной области, на свои частные нужды. Оный же недостойный брат Филипп лишил нас и того, чем мы владели на Сицилии, ибо он с братьями и оружием нашего Ордена пошел войной на противников короля Карла (Карла I Анжуйского. — *Авт.*). Эти мятежники в отместку разрушили до основания целый ряд наших Домов на Сицилии, сожгли фруктовые деревья, выкорчевали виноградники и увезли всю добычу, захваченную ими в наших Домах.

Во время войны, которая, как Вы наверняка уже слышали, вспыхнула в Тускии (Тоскане), были разорены все наши владения, расположенные в данной области; поэтому из Италии не поступает к нам на эту сторону

моря больше ничего. Мы не смогли получить ничего необходимого нам и из приорства Французского, вследствие невыполнения вышеназванным братом Филиппом взятых им там на себя долговых обязательств, которые он обещал выполнить. Приорство Английское, откуда мы всегда получали немалую помощь, ныне оказалось значительно ослабленным в своих респонсиях, вследствие войн, введущихся там. Итак, при проверке поступающих в пользу Ордена налогов, всякому станет ясно, что мы не можем оплачивать наши расходы только за счет небольших сумм, получаемых из вашего приорства, из приорства Овернского и из бальяжа Германского, единственных респонсий, не считая респонсий из Англии, остающихся в нашем распоряжении. Мы хотели бы напомнить обо всем этом вашему братству; мы приводим вам все эти сведения, дабы вы не удивлялись тому, что мы вынуждены просить у вас срочно необходимой нам помощи.

Мы сообщаем эти сведения также и с целью, добиться у вас прощения на тот случай, если что-нибудь случится с нашими замками — да не случится с ними ничего как можно дольше! — или же если, вследствие каких-либо обстоятельств с этими землями произойдет нечто подобное тому, о чем вам уже нередко приходилось слышать. Просим вас простить нас за это еще и потому, что мы намерены взять на нас и на наш Дом еще более тяжкое бремя, тем более, что такое небольшое число христиан, какое имеется в наличии по эту сторону моря, воистину не в силах оказывать длительное и стойкое сопротивление несказанно огромным силам сарацинов. Нам точно известно, что даже город Аккон не сможет быть удержан, даже если его стали бы защищать все военные силы проживающих по эту сторону моря христиан. Положение осложняется еще и тем, что наши христиане, отягченные чрезмерными требованиями, предъявляемыми к ним ныне и возрастающими день ото дня, совершенно потеряли голову и самообладание, и никто из них не в силах будет оказать достойное сопротивление. По этой причине в нынешнем году всего за час были взяты врагом город и замок Яффа. Город Кесария, несмотря на свои сильные укрепления, не смог противостоять натиску султана дольше двух дней. Сафед, неприступность которого храмовники славили в столь хвастливых выражениях, оборонялся всего шестнадцать дней.

Крепость Бофор, столь сильно укрепленная, что считалась способной выдерживать осаду в течение целого года, была взята всего за четыре дня. Благородный город Антиохия был также взят штурмом с четвертой попытки. Храмовники, засевшие в крепости Баграс (Гуастон), забрали оттуда все, что могли, подожгли крепость, а сами предпочли искать спасение в бегстве. Единственным замком, устоявшим перед многочисленными нападениями султана, оказался Арсур, выдержавший сорокадневную осаду, несмотря на то, что его укрепления были значительно слабее, чем у вышеперечисленных крепостей.

Таково положение в этой стране, такова опасность, очевидно, угрожающая всем нам. А впрочем, что бы с нами ни произошло, на все воля Божия. И я хотел бы, ради Бога, призвать вас вспомнить о вашей братской солидарности. Все мы молим Господа о том, чтобы он послал вас нам на помощь. Молим и вас не мешкать и оказать нам помощь припасами из имений, управление которыми вверено вам и которые, как вам то ведомо, были дарованы Ордену с целью помогать тем из нас, кто несет свое служение во Святой земле. Находясь в крайне стесненных обстоятельствах, мы предъявляем к вам эти справедливые требования, ибо мы вынуждены с каждым днем продавать все больше владений нашего Дома в провинциях, расположенных за морем. Вы же, братия приорства Сен-Жилльского, по нашему глубочайшему убеждению, за то, что до сих пор всегда оказывали нам помощь и добровольно предоставляли все ваши силы в поддержку нам, находящимся в столь великом утеснении, получите мзду от Бога. Мы так откровенно поделились с вами нашими бедами и заботами, поскольку мы вновь уповаем на вашу совершенно необходимую нам братскую помощь, и просим вас незамедлительно отправить нам ваш взнос, а сверх того, сколько сочтете возможным, исходя из наших крайне стесненных обстоятельств. Больше думайте о работе и о благополучном осуществлении намерений ваших Предстоятелей. *Делайте все, что можете сделать, дабы поддержать нас в беде. Мы считаем вполне справедливым, чтобы вы, живущие спокойно и безопасно, оказали братскую помощь нам, ведущим жизнь, полную невзгод и опасностей. Желаем здравствовать!»*¹

Но помощи от своих братьев они так и не получили.

¹ Документы по древней истории рыцарского Ордена госпитальеров св. Иоанна Иерусалимского... С. 57–59.

Глава 12

Последние годы пребывания духовно-рыцарских орденов на Святой Земле

Татаро-монголы в Палестине

В XIII веке в жизни народов Европы и Азии произошли важнейшие события и потрясения, которые на многие годы вперед определили дальнейшее развитие двух огромных континентов. В Европе создаются крупные феодальные монархии. Византийская империя в это же время переживает сильнейший разгром и разграбление от западных крестоносцев. А в Азии возникает огромная империя кочевников, под ударами которых разрушаются и заливаются кровью многие государства не только в самой Азии, но и в Восточной Европе.

Византийская империя таяла на глазах. И как свидетельствуют многие историки, после страшного разграбления Восточная империя уже не смогла восстановить свои материальные и военные ресурсы. В 1261 г. при содействии генуэзцев император Михаил VIII Палеолог отнял у латинян Константинополь, Латинская империя пала. Внешне восстановив Византийскую империю, Михаил VIII Палеолог стал вести хитрую политику, благодаря которой добился на какое-то время политического союза с Западом и разгромил внутренних врагов. Но положение восстановленной империи оставалось весьма неясным и затруднительным. И уже его сын Андроник III Палеолог вновь очутился перед лицом смертельной опасности, теперь уже с Востока.

На протяжении трех столетий, в XI–XIII вв., в Малую Азию волна за волной шли большие группы переселенцев их различных кочевых тюркских племен, среди которых было больше язычников, чем мусульман. Эти турки бежали из Центральной Азии, спасаясь от опустошительного монгольского нашествия. Освоившись на византийско-сельджукской

границе, кочевники-варвары стали создавать маленькие, но очень воинственные княжества — эмираты, враждовавшие как между собой, так и с Византийской Империей. Самым удачливым среди тюркских эмиратов оказалось Османское государство, названное так по имени правившего там султана Османа. Сын Османа, Орхан (1326–1360), отвоевал себе Никомидию и большое число греческих городов в Малой Азии и сделал Брусу свою столицей. Турки-османы быстро покорили почти все мусульманские княжества в Малой Азии. Император Андроник III Палеолог (1328–1341) хотел было остановить успехи османов, но в 1333 г. под стенами Никеи потерпел поражение, после чего Никея отошла от Империи к туркам. Преемник Орхана, Мурад I (1360–1389), переправившись в Европу, стал захватывать на Балканах один город за другим, отнял у греков Фракию и город Адрианополь¹.

К середине XIII в. в историю Переднего Востока вошла новая сила — монголы, с которыми отныне пришлось иметь дело как мусульманскому миру, так и государствам крестоносцев. Фактором всемирно-исторического значения монголы стали при Чингис-хане (умершем в 1227 г.), подчинившем себе ряд азиатских народов (поэтому он и принял титул Чингис-хан, что означает Повелитель повелителей). В Европе монголов нередко называли также таттарами, по монгольскому племени «татта», поставлявшему Повелителю не только храбрейших, но и наиболее диких и жестоких солдат².

Монгольские всадники, бывшие в средние века ужасом народов Азии и Европы, на своих маленьких, мохнатых лошадках побеждали один народ за другим, одну страну за другой. В период своей максимальной мощи Монгольская держава простиралась от Тихого океана до Средней Европы. Монголы приняли решающее участие и в истории крестоносных государств.

Чингис-хан, а позднее — его сыновья и внуки — развернули политику чудовищной экспансии, в результате которой в период между 1200 и 1368 гг. возникла монгольская мировая держава, охватившая большую часть Азии. Завоеватели достигли даже Восточной Европы, опустошив Польшу и Силезию. В сражении при Лигнице (в 1241 г.) монголы истребили соединенное польско-немецкое войско, в составе которого находились рыцари Тевтонского ордена³.

¹ Тальберг Н. Д. История Христианской Церкви. М., 2000. С. 296–298.

² См.: Христианский мир и «Великая Монгольская Империя». Материалы францисканской миссии 1245 года. СПб.: ЕВРАЗИЯ, 2002. С. 130.

³ Очерки истории распространения исламской цивилизации. Т. 2. Эпоха великих мусульманских империй и Каирского Аббасидского Халифата (середина XIII – середина XVI в.). М.: РОССПЭН, 2002. С. 18.

Однако вскоре после смерти в 1241 г. хана Удэгея, в Монголии, как пишет Л. Н. Гумилев, «создались две партии, крайне враждебные друг другу. Во главе первой стоял царевич, а с 1246 г. — хан Гуюк, вторую возглавил Батый и дети Тулуя (Толуя, Толи), старший из которых — Менгу (в другом произношении — Мункэ, Мунгкэ) был другом Батыя. Менгу поддерживали несториане, Гуюк искал союза с православными. У Монголии были два сильных врага: багдадский халиф¹ и папа... Встал вопрос: на кого идти? На папу, в союзе с русскими и греками, или на халифа, при поддержке армян и персидских шиитов? Батый обеспечил престол Менгу, тем самым, обратив силы Монголии на Багдад и освободив от угрозы Западную Европу»².

Как многие народы, тесно связанные с природой, монголы исповедовали религию обожествления природы с сильным налетом магии, однако им было известно также почитание Всевышнего Бога и неземных сил. Но они не были фанатиками, и их третий Великий хан Менгу (1251–1259) одинаково безразлично принимал участие в христианских, буддийских и магометанских празднествах. С христианством они познакомились через секту несториан, широко распространившихся через Персию по всей Азии и проникших таким образом и в великое монгольское содружество народов. Временами влияние несториан было весьма значительным и проникало в правящее семейство, определявшее все и вся.

В Западной Европе довольно рано осознали силу и значение татаро-монголов для развития событий в тогдашнем мире. Когда в середине XIII в. шел активный процесс монгольского завоевания, решались судьбы Востока, правители ряда христианских государств Восточного Средиземноморья, включая уцелевшие государства крестоносцев, действительно сделали ставку на монголов: с ними заключили соглашение Малоармянское (Киликийское) царство³ и Антиохийское княжество⁴.

Папы не раз пытались при посредстве миссионеров оказывать влияние на «завоевателей мира»⁵. Любопытно, что еще в годы правления хана

¹ Армянский историк Киракос Гандзакечи так объясняет происхождение этого титула: «И царь, восседавший в нем <Багдаде>, назывался не султаном или меликом, как принято было называть других <правителей> из тюрков, персов, курдов, — его именовали халифом, т. е. заместителем Магомета». См.: *Киракос Гандзакечи. История Армении / Пер. с древнеармянского, предисл. и коммент. Л. А. Хандарян. М., 1976. С. 60.*

² Гумилев Л. Н. Древняя Русь и великая степь. М., 1992. С. 369.

³ Христианский мир и «Великая Монгольская империя». Материалы францисканской миссии 1245 года. СПб.: Евразия, 2002. С. 309–311.

⁴ См.: *Заборов М. А. Крестоносцы на Востоке... С. 315–316.*

⁵ Взаимоотношения между папами и монголами посвящено исследование П. Пелло: *Pelliot P. Les Mongols et la Papauté. Documents nouveaux, édités, traduits*

Гююка его представителем при римском престоле был армянин Саркис Абега¹. Но и христианские государи надеялись путем заключения союза с монголами против ислама добиться облегчения положения Святой Земли, которую намеревались отвоевать. До Европы доходили какие-то неясные слухи о существовании по ту сторону Персии и Армении государства христиан, которым управлял некий Иоанн, царь и священник народа...

Их примеру решил последовать и Людовик IX. Вняв совету кипрского короля Ги де Лузиньяна (1218–1253), знавшего об этих союзах, Людовик IX тоже решил вступить в контакт с завоевателями-степняками. Он шел, впрочем, проторенной дорогой: ее западным первопроходцем был не кто иной, как папа Иннокентий IV, который еще раньше домогался союза с монголами. И папа, и король, начиная с 1245 г. несколько раз пытались через миссионеров из Орденов доминиканцев и миноритов установить контакты с повелителями монголов и выяснить что же в действительности представляет государство Иоанна.

Людовик IX, отправившись в Крестовый поход и завязывая сношения с монголами, возможно, действовал по согласованию с папой. 20 декабря 1248 г. в Никозии (Кипр) он принял монгольских послов. Король Ги де Лузиньян в присутствии членов своего совета долго расспрашивал невиданных пришельцев, не думая, должно быть, о том, что их миссия имела сугубо разведывательный характер, хотя они и расшаркивались перед государем Франции. Один из ближайших к королю церковных сановников — Одо де Шатору — порекомендовал ему, в свою очередь, ответить на письмо хана Елдегая. Совет был принят к исполнению: в конце января 1249 г. французское посольство в составе трех доминиканских монахов (во главе с Андре Лонжюмо), двух клириков и двух рыцарей выехало в ставку великого хана². Кроме королевского послания с предложениями обратиться в христианство послы везли монголам дары: в их числе находилась «часовня» — большой шатер, на котором были искусно вышиты сцены жизни евангельского Иисуса Христа.

Однако, надежды Людовика IX обернулись чистойшей иллюзией. Когда Лонжюмо и его спутники, пересекая всю Центральную Азию, чуть ли не через год (так рассказывает об этом Жан де Жуанвиль) добрались до места назначения, стало очевидным, что дипломатия их мудрого короля

et commentés // *Revue de l'Orient chrétien*. Paris, ser. 3. T III (XXIII), 1922–1923. № 1–2. P. 3–30; T IV (XXIV). 1924. № 3–4. P. 225–335; T VIII (XXVIII), 1932. № 1–2. P. 3–84.

¹ *Галстян А.* К истории армянской дипломатии монгольского периода. Ленинскан, 1945. С. 83. (на армянск. яз., резюме на русск. яз.).

² *Красносельцев Н.* Западные миссии против татар-язычников и особенно против татар-мухамеддан. Казань, 1872. С. 36–40.

строится на песке: монголы не только не собирались подвергаться обращению в христианство, но со своей стороны потребовали от Людовика IX... покорности. Об этих требованиях король узнал, уже намного позднее: он свиделся с Андре Лонжюмо лишь в 1251 г. А к тому времени Крестовый поход уже состоялся и успел закончиться полным провалом¹.

Второй раз, Людовик IX отправляет фламандского минорита Вильгельма фон Рубрука. Прибывший после полного приключений путешествия в 1254 г. ко двору Великого Хана и принятый Менгу (Мункэ)². Там он узнал, что еще в 1253 г. в Монголии состоялся курултай, на котором было решено послать армию для покорения Арабского Востока. Он нашел монгольского владыку уже в готовности напасть на магометанские государства Западной Азии, не изъявившие готовности по своей воле признать себя его вассалами, и собирался уничтожить их. Его друзья уже были его вассалами, своих врагов Менгу намеревался истребить или превратить в своих вассалов.

Возвращаясь через Киликийскую Армению в Европу, Рубрук узнал от отца царя Хетума I Константина, что тот то же имел переговоры с Менгу, который предложил Киликийскому царю прибыть в Великую Орду³. А Рубрук, прибыв в Рим, представил свой отчет о дипломатической миссии, выводы которого солидаризовались с Плано Карпини. Монголы не исповедуют христианство, от царства пресвитера Иоанна сохранились лишь воспоминания, а несториане, с которыми встречались оба путешественника, являются для папы не друзьями и братьями, а еретиками и врагами. «Последнее заключение, — как считал Л. Н. Гумилев, — определило поведение папского престола в отношении восточных христиан на весь последующий век»⁴.

Но одновременно Рубрук привез и сообщение о подготовке ханом Менгу войск для похода на Иерусалим, чем папа был весьма доволен, поскольку такие же планы по освобождению Святого града от мусульман были и у него.

Необходимо отметить, что возникновение в Иране монгольского государства Хулагуидов и их продвижение в сторону Сирии, Палестины и Египта, захват Месопотамии, поставили Сирию, Палестину, а затем и Египет под угрозу завоевания⁵. С другой стороны, крестоносцы пони-

¹ Заборов М. А. Крестоносцы на Востоке... С. 316.

² Карпини, Джованни дель Плано. История монголов. Гильом де Рубрук. Путешествие в восточные страны. М., 1997.

³ Там же. С. 192–193.

⁴ Гумилев Л. Н. Поиски вымышленного царства. (Легенда о «государстве пресвитера Иоанна»). М., 1994. С. 256–257.

⁵ Закиров С. Дипломатические отношения Золотой Орды с Египтом (XIII–XIV вв.). М., 1966. С. 24.

мали, что они уже не в состоянии удержать свои владения в Святой Земле. Противостоящая им более организованная и превосходящая армия мамлюков громила христианские войска. В этой связи становится понятным, почему крестоносцы Сирии, с христианскими государями Европы (Франции, Англии и Генуи) и римским папой стали искать союзников в лице монголов¹. Начались обмены посольствами, на что хулагидские ханы ответили специальным письмом².

Незадолго до этих событий, в Сирии сложилось трудное для сирийских франков положение. Приход большого отряда крестоносцев, зародил в них «оптимизм», они решили, что вернулись прежние времена. Об этом свидетельствует тот факт, что 7 августа 1248 г. монастырь Ла Латин, временно скрывавшийся в Акре, уступил госпитальерам, вместе со своим приорством в Како, поместья в Мондидье и Ла Тур Руж в долгосрочное владение³.

Но тем временем, в 1256 г. огромное войско, состоявшее из монгольских солдат под командованием царевича Хулагу, брата Великого Хана, в то время покровительствовавшего буддизму, перешло в активное наступление.

Первым среди государств побережья Средиземного моря осознано значение для христианства продвижения монголов в этот регион христианское армянское царство в Киликии, о котором мы подробно писали в 5 главе.

К середине XIII века, киликийский царь Хетум I (1226–1270) обратился к полководцу монголов Бачу Нуину, разгромившему в 1243 г. султана Иконии и ставшему хозяином Малой Азии, с предложением союза. Был заключен военный союз, и мамелюки перестали беспокоить Киликию.

Для того чтобы упрочить свой союз с монголами, Хетум I совершил путешествие в Монголию к великому хану Менгу, по его требованию. В ставке в 1254 г. произошло утверждение договор дружбы, заключенного год раньше, в 1243 г. между Хетумом и Бачу Нуином. Текст этого договора в виде семи пожеланий и предложений со стороны Хетума и семи соответствующих ответов великого хана Менгу приводится в «Истории восточных народов» историка Хетума Патмича. Двадцать третья глава этой

¹ Ал-Холи Амин. Связи между Нилом и Волгой в XIII – XIV вв. / Сокращ. пер. с арабского. М., 1962. С. 6.

² Пигулевская Н. В., Якубовский А. Ю., Петрушевский И. П., Строева Л. В., Беленицкий А. М. История Ирана с древнейших времен до конца XVIII века. М.: изд-во МГУ, 1958. С. 192. См. интересное исследование: *Mostaert A. Trois documents Mongols des archives secretes Vaticanes // Harvard Journal of Asiatic Studies. Vol. 15. № 3–4. Harvard, 1952. P. 419–506.*

³ Ришар Ж. Латино-Иерусалимское королевство... С. 311.

«Истории», содержащая упомянутый договор, переведена со старофранцузского текста на армянский язык Ашотом Галстяном¹. Ниже приводится русский перевод договора сделанный А. Г. Сукиасяном:

Первое. Он (армянский царь) попросил самодержца принять христианство вместе со своим народом, отречься от всех других культов и креститься.

Второе. Дабы существовали вечный мир и дружба между христианами и монголами.

Третье. Дабы во всех странах, завоеванных и тех, которые будут впоследствии завоеваны монголами, христианская церковь и духовенство, как церковный причт, так и монахи, были свободны от всех видов рабства и даже от (платежей) налогов.

Четвертое. Дабы он (самодержец) отвоевал из рук сарацин вместе с Гробницей Господней Святую Землю и возвратил ее христианам.

Пятое. Дабы он объявил войну ложной вере Магомета и её главе Багдадскому халифу.

Шестое. Дабы он (самодержец) как особую привилегию предоставил ему (Хетуму) право в случае необходимости обратиться за помощью ко всем монголам, и особенно тем, кто является соседом армянского царства, и чтобы эта помощь была оказана немедленно.

И, наконец, седьмое. Он (Хетум) попросил, чтобы все те земли, которые принадлежали армянскому царству и захвачены сарацинами и в настоящее время находятся под владычеством монголов, были возвращены ему, дабы он (Хетум) имел возможность управлять теми землями, которые будут отняты у вышеупомянутых сарацин и переданы ему.

Хан Менгу, обсудив эти предложения и пожелания армянского царя, принял его (царя) и в присутствии своих сановников ответил ему пункт за пунктом приблизительно следующее:

1) он крестится и постарается, чтобы и его народ крестился, хотя он никого принуждать к этому не будет;

2) он тоже желает установления вечного мира между монголами и христианами; однако армянский царь должен предпринять все меры к тому, чтобы христиане в свою очередь полностью соблюдали условия этого соглашения;

3) он тоже желает, чтобы во всех подвластных ему территориях церковь и духовенство пользовались привилегиями и не подвергались угнетению и беспокойству;

4) будучи сам занят, он поручает дело освобождения Гробницы Господней своему брату Хулагу-хану;

¹ *Микаелян Г. Г.* История Киликийского армянского государства. Ереван, 1952. С. 309–312.

5) он сам тоже желает уничтожения Багдадского халифа, злейшего его врага;

6) он с удовольствием окажет помощь армянскому, царю, но пусть тот скажет, какую именно помощь он хотел бы получить;

7) он прикажет своему брату Хулагу-хану немедленно вернуть принадлежавшие армянам земли. Кроме этого он прикажет, чтобы армянскому царю были дополнительно переданы земли и замки в обеспечение его власти¹.

Как видно из текста этого договора, Киликийскому государству были возвращены все те земли, которыми в своё время владел Левон II (1187–1219) и которые затем были захвачены султаном Иконии.

Эта дружба между армянским королем и монгольским ханом еще более укрепилась, когда Хулагу-хан в 1246 г. образовал Западное Ильханство. В 1258 г. монголы завоевали Месопотамию и двинулись на Сирию; с присоединившимися к ним армянами они одержали ряд побед над сельджуками и мамелюками, в результате чего часть Сирии, с городом Алеппо, перешла к Киликии. Но вскоре после смерти Менгу-хана Хулагу возвратился в Монголию, и мамелюки отобрали у киликийцев город Алеппо.

Согласно договору между монгольским и армянским государствами обе стороны обязались оказывать друг другу военную помощь. Монголы взяли на себя обязательство сохранять территориальную целостность армянского государства, не вмешиваться в его внутренние дела. Следует отметить, что армянский царь вел переговоры от имени не только Киликии, но и других армянских территорий, находившихся в подчинении монголов. Об этом видно из статьи вышеприведенного договора, согласно которой монгольское государство брало на себя обязательство упорядочить налоговую систему в коренной Армении и освобождение от налогов армянские церкви и монастыри. Больше того, грамота Великого Хана утверждала его во владении королевством и одновременно провозглашала его главным представителем христиан во всей Западной Азии².

Союз между небольшим армянским государством и громадной монгольской державой благоприятно отразился на внешнеполитических судьбах первого перед лицом враждебных султанатов Иконии и Египта, сыграл положительную роль в деле развития экономики Киликии, ставшей посредницей в торговле Запада с монголами. Отношение между державой монголов и армянским царством А. Г. Сукиасян характеризует как протекторат

¹ Сукиасян А. Г. История Киликийского армянского государства и права (XI–XIV вв.). Ереван, 1969. С. 69–70.

² Армянские источники о монголах. Извлечения из рукописей XIII–XIV вв. / Пер. с древнеармянского, предисловие и прим. А. Г. Галстяна. М., 1962. С. 26.

первого над вторым. Армянский царь обязан был ориентироваться на внешнюю политику монголов, выставлять вспомогательные вооруженные отряды и вносить в казну ханов определенную сумму в виде дара¹.

Подобная политика монгольских ханов по отношению к армянскому царству диктовалась их стремлением воспользоваться экономическими и стратегическими возможностями Киликии в их постоянной борьбе против Египта с целью выхода к Средиземному морю и захвата основных магистралей мировой торговли в этом районе.

Эта попытка Хетума I заключить союз с монголами с целью окончательного предотвращения исламской угрозы христианским государствам нашла положительный отклик у христиан Ближнего Востока. Его зять, князь Боэмунд Антиохийский, первым присоединился к этому союзу. Оба государя приняли участие в походе Хулагу и предоставили ему вспомогательные войска. В качестве ответной услуги Боэмунду были, в частности, возвращены различные города и замки, в том числе Латакия, принадлежавшая магометанам со времен Саладина. Итак, Киликийская Армения, как писал Г. Г. Микаелян, сохранив свою внутреннюю независимость, стала платить монголам дань, поставляя им вспомогательные отряды и «придерживалась внешней политики монголов»².

Тем времен поход в Малую Азию уже начался. Первой целью были квартиры и главная крепость Аламут ассасинов, убивших второго сына Чингис-хана, находившиеся в Персии. Ассасины были тайным исламским орденом, пытавшимся добиться своих политических целей главным образом посредством интриг и убийств. Крепость была взята штурмом, члены секты под предлогом переписи населения согнаны в кучу и вырезаны тысячами.

Следующей целью завоевателей стал город халифа — Багдад. В «Летописи» епископа Степаноса имеется такая запись об этом событии: «В году 694 армянского летоисчисления <1245> татары завоевали земли Багдадского халифа»³. Багдад пал в 1248 году и был полностью разрушен, а последний багдадский халиф Муста'сим был казнен. Падение Багдадского Абасидского Халифата, разрушение его столицы вселило страх, и на какое-то время даже парализовала волю к сопротивлению всего магометанского мира. Но у азиатских христиан была радость. Торжествуя, они восхваляли падение Второго Вавилона (христиане называли Каир первым, а Багдад — вторым Вавилоном), и называли Хулагу вторым Константином, отомстившим врагам Христа.

¹ Армянские источники о монголах... С. 71–72.

² Микаелян Г. Г. История Киликийского армянского государства... С. 316.

³ Армянские источники о монголах... С. 35.

Поход против Северной Сирии начался в сентябре 1259 г. Первым был захвачен Алеппо. В соответствии с монгольской практикой, гарнизон и население города были перерезаны. После этого по всей магометанской Сирии распространились страх и ужас. Султан Дамаска даже не осмелился защищать свой город и бежал в Египет, а горожане 1 марта 1260 г. добровольно открыли завоевателям ворота. Начиная с 635 г., когда Омар, друг пророка, завоевал этот город для мусульман, прошло 600 лет, в течение которых ни один христианский государь не вступал в город победителем. «С его падением, казалось, наступил конец Ислама в Азии. В Дамаске, как и повсюду в Западной Азии, монгольское завоевание означало возрождение местного христианства»¹.

Слухи о приходе восточных христиан, которые готовы были помочь крестоносцам освободить Святую Землю, оказались неисполненными потому, что «ни малейшего интереса к монголам в Иерусалимском королевстве не было проявлено... Занятые сведением домашних счетов, крестоносцы упустили время для того, чтобы установить отношения с монголами»².

Начавшееся развитие было откорректировано и преодолено тремя событиями, которые послужили началом противоположно направленному историческому процессу. Первым из них была последовавшая в 1259 г. смерть Великого Хана Мункэ, вторым — решающее сражение между монголами и мамелюкским Египтом и взлет египетского военачальника Бейбарса, ставшего султаном страны. После падения Дамаска монголы направили в Каир посланника с требованием подчиниться. Однако султан в ответ велел обезглавить посланника. Отныне война с еще не подчиненной великой исламской державой стала неизбежной. Если бы не наступила смерть Великого Хана, монгольская кавалерия, никогда не насчитывавшая в своих рядах меньше ста тысяч человек, в короткий срок захватила бы Египет и подавила и там сопротивление власти монголов.

Однако смерть Великого Хана изменила ситуацию, и Хулагу отреагировал аналогично Бату, полководцу бывшего Великого Хана Угедея, после завоевания Восточной Европы. Когда ему в 1241 г., после опустошения Польши и Нижней Силезии, была передана весть о смерти Великого Хана, он распорядился о возвращении своего войска, чтобы закрепить за собой свою удельную державу. После смерти в 1259 г. Менгу, наследником стал Аригбуга, христианин по вероисповеданию. Хулагу, опасаясь за свою власть, с большей частью своих войск отступил на Восток. Оставшаяся часть, во главе с полководцем Китбукой, сошлась в 1260 г. с египтянами в битве под Айн Джалутом, неподалеку от Наблуса. Численное

¹ *Runcimann S. Geschichte der Kreuzzüge. Bd. 3. München, 1960. S. 313.*

² *Гумилев Л. Н. Поиски вымышленного царства... С. 259.*

превосходство мусульман сыграло на руку мамелюкам. Китбука был взят в плен и обезглавлен.

Вторая битва вырвала из рук монголов всю Сирию. Наступившее вслед за тем воссоединение Египта с Сирией ознаменовало начало заключительной фазы существования христианских государств на Переднем Востоке. «Если бы монголы вторглись в Египет, то восточнее Марокко не сохранилось бы крупных исламских государств. Магометане Азии были слишком многочисленны, чтобы быть когда-либо полностью истребленными, но они больше не были бы господствующим народом. Если бы победил христианин Китбука, это стимулировало бы симпатии монголов к христианству. Победа при Айн Джалуте превратила египетский султанат мамелюков в главное государство Ближнего Востока на два столетия, вплоть до начала Османской империи. Он окончательно закрепил гибель местных христиан Азии. Он укрепил мусульманскую часть населения и ослабил христианскую, и тем самым побудил оставшихся в западной Азии монголов к принятию ислама»¹, считал Стивен Рансимен.

Положение в Святой Земле к тому времени становилось все более хаотичным. Между венецианцами и генуэзцами произошло первое большое военное столкновение. Театром военных действий были прибрежные воды между Тиром и Акрой, а также сам город Акра. В 1258 г. оба морских города вступили между собой в большое морское сражение. Генуэзскому флоту, насчитывавшему 48 галер, противостоял флот венецианцев, объединившихся с пизанцами, общей численностью 38 галер. В ожесточенной схватке генуэзцы потеряли 24 корабля и 1700 человек. Не менее ожесточенными были бои в самой Акре. В них использовались даже осадные орудия. Тамплиеры и немецкие рыцари поддерживали венецианцев, а госпитальеры — генуэзцев. В бою успех сопутствовал Венеции, и генуэзцам пришлось покинуть их дома в Акре. Они укрыли свое недвижимое имущество в Доме госпитальеров и были вынуждены при отходе поклясться не возвращаться в Акру в течение трех лет.

Распри разгорелись и вокруг короны Иерусалима. Боэмунд VI, князь Антиохии, который был посвящен в рыцари Людовиком IX в 1252 г., от имени своего малолетнего племянника, короля Гуго II Кипрского, предъявил претензии на королевские права. Сирийские бароны, венецианцы, пизанцы, тамплиеры и немецкие рыцари признали Гуго королем, в то время как госпитальеры, генуэзцы и каталонцы отклонили его кандидатуру, заявив, что подлинным наследником является сын Конрада II, Конрадин. В сентябре 1254 г. юный Конрадин был признан папой под именем Конрада III наследником Иерусалимского трона. Таким образом, бывшие

¹ *Runcimann S. Geschichte der Kreuzge. Bd. 3... S. 319.*

заклятые враги Фридриха II стали поборниками Гогенштауфенов. Папа признавал их права на короны Иерусалима и Сицилии, но, как писал Витман, старался, чтобы они не присоединили к этим наследственным владениям Германскую империю¹.

Взлет Бейбарса, ставшего султаном Египта и тем самым всемогущим повелителем сильнейшей, не подчиненной монголами исламской державы, кажется чем-то фантастическим. Юным рабом Бейбарс прибыл в Сирию, был продан эмиру Хамы, а тот, в свою очередь, перепродал его султану Египта. Включенный в состав его лейб-гвардии, он отличался мужеством, храбростью и воинским искусством, обратив благодаря этому на себя внимание. Он быстро сделал карьеру, стал начальником лейб-гвардии, а затем и эмиром. Проявив себя способным военачальником в многочисленных сражениях, в особенности — в победоносной битве при Газе в 1244 г., он считался одним из наиболее способных мамелюкских стратегов. Воинские способности сочетались в нем со способностями государственного мужа. С одной стороны он был умным в своих соображениях и искусным тактиком в деле их осуществления на практике. С другой стороны он не стеснялся в средствах для достижения своих целей. Бейбарс заключал многие из своих договоров со своими христианскими противниками, заранее зная, что не будет их соблюдать. При этом он не редко шел на прямой обман. Он принимал участие и в успешном заговоре против последнего преемника Саладина на султанском троне.

В конце 1261 г. Бейбарс предпринял свой первый поход против христиан, а именно — против князя Боэмунда Антиохийского, ненавистного ему из-за его союза с монголами. Он совершил вторжение в его земли, опустошил их, разрушил принадлежавший ему порт Сент-Симеон, и сжег находившиеся там корабли.

Христиане, среди которых отсутствовало единство, воевавшие между собой, невзирая на то, шла ли речь о сирийских баронах, соперничавших итальянских морских городах или обоих рыцарских орденах, конечно, знали, что имеют в лице Бейбарса своего злейшего врага, систематически занимавшегося тем, что захватывал один замок за другим и нападал на один город за другим, чтобы тем самым все больше сужать жизненное пространство и экономическую базу христианских областей, но, тем не менее, не могли прийти к согласию между собой, чтобы совместно начать борьбу с этим врагом. Бейбарс, под властью которого исламский мир был объединен, как во времена Саладина, значительно укрепил свою военную мощь, как путем создания армии с высокой степенью боеготовности, так и путем строительства современных военных машин, которым не могли долго

¹ См.: Ришар Ж. Латино-Иерусалимское королевство... С. 315, прим. 1.

противостоять фортификационные сооружения. Даже такой выдающийся с точки зрения своей укрепленности замок, как Крак де Шевалье был путем использования мин и военных машин быстро ослаблен и пал после штурма. Ослабление среди крестоносцев благочестия и распространение безнравственности в крестоносных государствах, а также низкая боевая мораль христиан играли Бейбарсу только на руку.

В отношении рыцарских Орденов как единственных боевых соединений Святой Земли, Бейбарс был еще более беспощаден, чем в отношении кого бы то ни было другого, ибо знал, что их укрепленные замки являлись становым хребтом обороны страны, и что боевой дух наилучшим образом сохранился в рядах рыцарей орденов тамплиеров и госпитальеров. Правда, в это время эгоистическое мышление играло в жизни этих военных Орденов немалую роль, однако не следует забывать, что каждый рыцарь в отдельности избрал борьбу в качестве жизненной задачи. Бейбарс точно знал это и действовал соответственно.

В 1255 г. госпитальеры добились у папы подписания акта, по которому они получали имущество двух разоренных монастырей, Мон-Фавора и Сен-Лазар де Бетани, пообещав построить на Фаворской горе замок, назначив туда 40 рыцарей для охраны. Эта крепость, по мнению госпитальеров, вместе с крепостями Сафет и Бофор должна была создать оборону западной Галилеи. Архиепископ Назарета даже передал госпитальерам четыре поместья рядом с Каной, и призвал новых колонистов в эти места. Однако вражеские налеты не дали ему возможности войти во владение своим имуществом. Добившись от папы Урбана IV разрешения удалиться в Акру, он уступил всю сеньорию Назарета, которая насчитывала восемнадцать поместий и пустошей, госпитальерам, обязавшимся платить ежегодную ренту в 14 000 безантов¹.

В начале 1263 г. госпитальеры купили у Бальан д'Ибелен-Арсуфа его сеньорию Арсуф². Таким образом, госпитальеры, имевшие хорошо вооруженных воинов, становились все более и более богатыми, несмотря на постоянную угрозу со стороны мусульман. Пользуясь страхом многих владельцев, они на выгодных для них условиях брали в свое управление все новые и новые владения.

Тем временем союз между небольшим армянским Киликийским государством и монгольской державой благоприятно отразился на внешнеполитических судьбах первого перед лицом враждебных султанатов Иконии и Египта. Этот союз сыграл положительную роль в деле развития экономики Киликии, ставшей посредницей в торговле Запада с монголами.

¹ Ришар Ж. Латино-Иерусалимское королевство... С. 313.

² Там же. С. 316.

Отношение между государством монголов и Киликийским царством можно охарактеризовать как протекторат первого над вторым. Армянский царь, как мы помним, обязан был ориентироваться на внешнюю политику монголов, выставлять вспомогательные вооруженные отряды и вносить в казну ханов определенную сумму в виде дара. Такая политика монгольских ханов по отношению к армянскому царству диктовалась их стремлением воспользоваться экономическими и стратегическими возможностями Киликии в их постоянной борьбе против Египта с целью выхода к Средиземному морю и захвата основных магистралей мировой торговли в этом районе.

Однако этот союз имел и отрицательные последствия. Захватнические походы монголов, в которых вынуждено было участвовать и армянское войско, лишь усиливали недружелюбие соседних государств к армянам, а их поражения имели своим следствием новые, ещё более опустошительные набеги врагов на Киликию — союзницу монголов. К тому же монголы не всегда бывали в состоянии оказывать необходимую помощь своему союзнику, так как они сами были заняты (особенно со второй половины XIII в.) междоусобной борьбой. Как известно, в 1262 г. началась вооруженная борьба между Золотой Ордой и Западным Ильханством за захват Закавказья и других территорий.

Эта борьба с перерывами продолжалась в течение почти столетия. Поэтому Западное Ильханство не было в силах оказывать реальную помощь армянскому государству. Более того, ильханы вскоре сами вынуждены были перейти к обороне собственной державы от мамелюков и других государств Ближнего Востока.

В 50–60 гг. XIII в. были разгромлены основные опорные пункты крестоносцев в Палестине и Сирии, в 1261 г.; пала Латинская империя на Востоке, и дальнейшие крестовые походы были обречены на провал.

Второй поход султана начался в 1263 г. с разрушения святынь на горе Фаворской и в Назарете. На Фаворе были разрушены Храм Преображения и монастырь, в Назарете — построенный Святой Еленой Храм Благовещения. Однако христиане Востока и Запада были в описываемое время настолько слабы, что не поднялась ни одна рука в защиту этих мест паломничества, ценившихся всеми христианами не меньше Храма Святого Гроба в Иерусалиме. Напротив, они посетили Бейбарса в его разбитом у горы Фаворской стане, с просьбой о перемирии и обмене пленными. Однако предложенное к подписанию соглашение так и не было заключено вследствие отказа тамплиеров и госпитальеров выдать находившихся у них в плену каменотесов, под тем предлогом, что они не могут обойтись без ремесленного мастерства последних. Действительно, рабы были для госпитальеров и тамплиеров бесплатной рабочей силой, в то время как профессиональные рабочие обошлись бы слишком дорого. Благодаря

сохранившимся меткам арабских каменотесов, оставшихся на стенах Крак де Шевалье, нам известно об участии местных ремесленников в постройке этого укрепленного замка.

Тем не менее, вследствие подобной позиции орденских рыцарей, война продолжалась. 4 апреля 1263 г. Бейбарс во главе 30 000 солдат впервые напал на Акру. Однако, судя по всему, он имел недостаточное количество осадных машин, чтобы добиться успеха. Поэтому он прекратил боевые действия. Но 12 февраля 1265 г. мамелюки во главе со своим султаном неожиданно, к ужасу населения, появился перед Кесарией, захватив ее после короткого сопротивления. Горожане укрылись в замке, реконструированном Людовиком IX. Однако из-за сильного обстрела греческим огнем он также не смог быть удержан. После семидневной осады они вступили в переговоры о сдаче и свободном выходе, однако Бейбарс отказался придерживаться договоренности, вышедшие из замка защитники были поголовно истреблены, а сам замок разрушен и сравнен с землей. Следующей целью Бейбарса был захват города Хайфы. Перепуганное ужасными событиями в Кесарии, население не оказало никакого сопротивления, бежав на стоявших в порту кораблях. Затем султан 21 марта того же года двинулся на Арсуф, сильно укрепленный госпитальерами.

270 рыцарей ордена госпитальеров и состоявший из нескольких тысяч других защитников гарнизон с достойным восхищения мужеством обороняли этот город. Арсуф находился под непрерывным обстрелом осадных машин. При помощи мин он был подготовлен к штурму. Правда, крестоносцы многому научились от арабов в деле строительства крепостей, но все большую роль, особенно со второй половины XIII в., при нападении и обороне начали играть метательные машины. В этой области арабы также превосходили христиан. Их конструктора разрабатывали все новые типы орудий, обслуживающий персонал которых, традиционно превосходно обученный, обращался с ними с высоким мастерством. На защитников обрушивались камни, деревянные брусья и сосуды с греческим огнем. В дополнение к тому вследствие минных работ обрушивались укрепления, стены и башни. Самым опасным оружием был, вероятно, греческий огонь, перенятое у византийцев средство ведения войны, весьма сходный с современными зажигательными бомбами¹. Эта смесь нефти с другими легковоспламеняющимися веществами в зажженном состоянии металась в нападающих или защитников.

¹ Более подробно о «греческом огне» см.: Захаров В. А. Тмутаракань и «Слово о полку Игореве» // «Слово о полку Игореве». Комплексные исследования. М.: Наука, 1988. С. 203–221.

Борьба с использованием таких средств против хорошо укрепленного города Арсуфа имела самые опустошительные последствия, о чем свидетельствует число убитых, составившее около 2000 человек. Сперва пал Нижний город, а затем, после сорокадневной осады — и городская крепость, где вступили в бой с врагом орденские рыцари, число которых сократилось на треть. Однако городская крепость не была способна устоять перед применявшимися боевыми средствами, и комендант начал переговоры о ее сдаче. В качестве вознаграждения он потребовал свободного ухода в Акру, что и было ему обещано. Но Бейбарс и в этом случае нарушил данное слово, велел заковать 180 выживших братьев Ордена госпитальеров в цепи и угнать их в плен, чтобы продемонстрировать своих пленников на параде победы в Каире 29 мая. При этом пленных заставили маршировать, держа в руках свои перевернутые стяги, с подвешенными к шее сломанными крестами.

Еще более тяжкие потери принес 1266 год, когда Бейбарс отхватил от христианских земель еще несколько укрепленных пунктов. Он лично возглавил захват громадной, построенной за 25 лет перед тем при помощи епископа Марселя крепости Сафет, господствовавшей над Галилейским нагорьем, одной из плодороднейших областей Палестины с 260 деревнями и примерно 10 000 жителей. Сафет был предназначен, прежде всего, для защиты от нападений со стороны Дамаска. Гарнизон был силен. Наряду с рыцарями Храма, он состоял в первую очередь из сирийских христиан и пуллэнов (полукровок с франкской, сирийской или арабской кровью). Однако духовное разложение в этих кругах дошло до такой степени, что это сыграло роковую роль для тамплиеров, ибо Бейбарсу также был известен внутренний настрой этих метисов, охотно использовавшихся в качестве солдат-пехотинцев.

После того, как первое нападение на замок не увенчалось успехом, он велел передать через герольдов, что все туземные солдаты, которые сдадутся ему, будут освобождены от какого-либо наказания. Таким образом, была ослаблена воля обороняющихся к сопротивлению, и после боев, продолжавшихся еще несколько недель, тамплиеры предложили сдать крепость в обмен на беспрепятственный уход в Акру. Бейбарс согласился на это, но, после того, как тамплиеры вышли из замка, потребовал от них перехода в ислам. 150 тамплиеров отказались, после чего он повелел предать их мучительной казни. С нескольких защитников живьем содрали кожу, а затем добили ударами прутьев.

Госпитальеры из Акры просили Бейбарса вернуть им трупы убитых. Заставив их прождать целый день, он ночью совершил вторжение в область Акры, убив при этом много христиан, и дал посланцам следующий ответ: «Вы ищите тут мучеников. Их вы найдете в достаточном количестве

под Акрой. Там мы убили их больше, чем вам это понравится»¹. Одновременно второе войско мамелюков двинулось походом на киликийскую Армению, чтобы отомстить королю Хетуму I за его союз с монголами.

Во время похода на север это войско молниеносно напало на Триполи и захватило при этом крепости Кулайят, Гальбу и сильно укрепленный, принадлежавший госпитальерам портовый город Арку. Король Хетум, осознав угрожающую ему опасность, поспешил к монгольскому двору в Тебриз с просьбой о помощи. К моменту его возвращения его войско было уже разбито, его столица Сис превращена в развалины и вся страна опустошена. Киликийскому королевству было уже не суждено полностью оправиться от этого разгрома. Вследствие этого крестоносные государства потеряли и на Севере, в христианской Армении, возможность помощи в оборонительной борьбе против ислама. В Киликии орден госпитальеров, как мы знаем, имел значительные владения и несколько замков, самым большим из которых был Камардезиум (Сирифке). Этот замок с одноименным городом был получен госпитальерами в дар от короля Леона II еще в 1210 г. и вскоре орден госпитальеров превратил его в мощную крепость. Она и доныне служит несколько горделивым памятником строительного искусства госпитальеров в области возведения крепостей эпохи Крестовых походов.

Можно было бы сообщить еще очень много детальных сведений о дальнейших боевых действиях и завоеваниях Бейбарса, однако ограничимся лишь теми из них, которые играли существенную роль в судьбах оставшихся у христиан областей Святой Земли и позиций ордена госпитальеров. Второе большое нападение на Акру произошло в мае 1267 г. Наступающие войска держали на виду знамена, захваченные ими у тамплиеров и госпитальеров, чтобы обмануть их и подобраться как можно ближе к городской стене. Однако в ходе штурма двойное кольцо стен оказалось слишком мощным, чтобы захватить город без большего количества осадных машин, чем имелось у нападающих. Поэтому Бейбарс, опустошив округу и перебив немало число крестьян, отступил, вернулся в Сафед и там, чтобы продемонстрировать ужасы своего правления, велел увенчать зубцы стен бывшего замка тамплиеров черепами убитых, подвешенных рядами на веревках.

Осенью 1266 г. войска Бейбарса совершили поход на Киликию. В сражении у местечка Мари около Черных гор армянское войско потерпело поражение. Мамелюки затем совершили опустошительный набег на страну и были выбиты оттуда лишь в 1268 г.

¹ Ришар Ж. Латино-Иерусалимское королевство... С. 359; Roehricht R. Geschichte des Königreichs Jerusalem. S. 332, прим. 21.

Хотя латиняне провоцировали войну между Египтом и Киликией, однако ни они, ни монголы не пришли на помощь армянам, когда мамелюки в 1265–1266 годах совершили нападение на Киликию. Хетум I в течение полутора лет ждал помощи у своих «союзников», но так и не дождался ее, после чего он вынужден был в 1268 г. обратиться к египетскому султану. Ввиду своего отчаянного положения он принял предложенные султаном условия мирного договора, который латиняне назвали «вредным и несправедливым», так как мир между армянами и египтянами они считали невыгодным для себя¹.

После этого угроза нашествия мамелюков на Киликийское царство стала постоянным фактором во внешнеполитических сношениях армянского государства, которое не было в силах без помощи извне отстоять свою независимость. Это обстоятельство усугублялось еще и тем, что армянским царям не удалось полностью подчинить себе крупных феодалов, значительная часть которых в своих сепаратистских устремлениях не останавливалась даже перед изменой царю. В этих условиях царский двор и другие сторонники сильной централизованной власти искали надежных и сильных союзников против египетских мамелюков и других врагов Киликии².

С конца XIII и, особенно в начале XIV в. помощь со стороны монголов, чем дальше, тем больше становилась символической, так как Западное Ильханство само разлагалось и шло к упадку. Поэтому армянское государство вынуждено было в своих внешнеполитических сношениях круто повернуться и ориентироваться на Запад, с надеждой, что новые крестовые походы положат предел экспансионистским стремлениям Египетского султаната и других мусульманских государств и, тем самым, помогут армянам сохранить свою государственность. Как считал А. Г. Сукиасян, начиная с царствования Хетума II (1289–1301), и до конца существования Киликийского армянского государства, западная ориентация была почти постоянным фактором в его внешней политике. Многочисленные посольства, направленные армянскими царями в западные государства, обивали пороги королей и римских пап, прося помощи в борьбе с врагами армянского государства³.

Итак, когда в 1250 году мамлюки свергли династию Айюбидов в Египте, Иерусалим был включен в состав сирийского султаната Айюбидов, который

¹ См.: Сукиасян А. Г. История Киликийского армянского государства и права (XI–XIV вв.). Ереван, 1969. С. 73.

² Микаелян Г. Г. История Киликийского армянского государства. Ереван, 1952. С. 315.

³ Сукиасян А. Г. История Киликийского армянского государства и права... С. 74.

вел войну с мамлюками. В начале 1260 г. после вторжения татаро-монголов жители Иерусалима, охваченные паникой, бежали из города. В сентябре 1260 года мамлюкам удалось нанести монголам поражение у Эйн-Харода, и часть Палестины вновь стала частью мамлюкского султаната.

Первое время после отступления монголов Иерусалим оставался в запустении. Еврейский богослов-мистик из Испании, рабби Моше бен Нахман (Рамбан; 1194– ок. 1270), прибывший в Иерусалим осенью 1267 г., в письме к сыну описывает плачевное состояние, в котором пребывала еврейская община города через семь лет после монгольского нашествия:

Благодарение и слава твердыне спасения моего, удостоился я прибыть с миром в Шалем (Иерусалим)...

Что сказать вам о стране? Велико вокруг запустение и уныние и, как правило, чем более свято место, тем более и разрушение: больше всего разрушен Иерусалим, а Иудея разрушена больше, чем Галилея. Но при всей разрухе Иерусалим очень хорош, и жителей в нем около двух тысяч, среди них триста христиан, которые спаслись от меча султана. И нет среди них евреев, потому что, как пришли татары, бежали они, а некоторые погибли под их мечами. Только (и осталось) два брата-красильщика, подрядившихся у правителя (города). У них в доме и собирается миньян¹ молящихся по субботам.

Мы уговорили их, и нашли разрушенный дом с мраморными колоннами и красивым куполом и взяли его под синагогу, так как город заброшен, и каждый, кто пожелает, может воспользоваться развалинами. И взялись за ремонт дома и послали людей в город Шхем за свитками Торы, которые были вывезены туда из Иерусалима, когда пришли татары. И вот, основали синагогу, чтобы молились там, так как многие постоянно приезжают в Иерусалим, мужчины и женщины, из Дамаска и Пубы и со всех краев страны, чтобы увидеть Храм и оплакать его. И Тот, кто удостоил меня увидеть Иерусалим в разрушении, да удостоит меня увидеть его строящимся и восстановленным при возвращении к нему славы Божьей. И ты, сын мой, и братья твои, и весь дом отца твоего, да удостоитесь увидеть процветание Иерусалима и утешение Сиона².

Итак, в Иерусалиме постоянно проживало только двое братьев-евреев, красильщиков по профессии, в доме которых приезжавшие в город евреи собирались на молитву. Под руководством Моше бен Нахман была создана

¹ Миньян — кворум (10 взрослых мужчин), необходимых для совершения публичного богослужения и ряда религиозных церемоний у евреев.

² Яари А. Послания из Эрец-Исраэль. Тель-Авив, 1943 (иврит). Цит.: Шкловская М., Лурье И. Иерусалим. История и образ города / Научный консультант проф. Гофни. Иерусалим: Библиотека Алия, 1995. С. 128.

небольшая община из оставшихся в окрестностях Иерусалима еврейских жителей, в одном из заброшенных зданий были основаны синагога и, по-видимому, иешива. С тех пор в городе постоянно существовала еврейская община.

При мамлюках Иерусалим превращается в центр мусульманского богословия, и множество теперь уже мусульманских паломников устремляется в город. Мамлюкские власти всячески подчеркивали значение Иерусалима для ислама, поощряя строительство медресе (высшая религиозная школа у мусульман), мечетей, мавзолеев и заезжих дворов для паломников. Они предприняли также реконструкцию комплекса мечетей на Храмовой горе и отстроили заново городскую крепость (Цитадель) возле Яффских ворот. Одну из башен этой крепости до сих пор ошибочно называют башней Давида.

Отступающие христиане оказываются все дальше на севере. Единственными укреплениями, оставшимися еще у христиан южнее Аккона, были замок тамплиеров Атлит и город Яффа. Город вскоре пал после двенадцатичасовой обороны. Атлит так и не был покорен, однако тамплиеры добровольно покинули его после падения Акры 14 августа 1291 г. Этот расположенный на полуострове замок был практически неприступным, поскольку самая длинная стена его укреплений ограничивалась морем.

Тамплиерский замок Бофор был первым из взятых Бейбарсом в 1268 г. Его гарнизон сдался после двенадцатидневного обстрела из тяжелых осадных машин. Наибольшие потери христиане понесли после взятия Антиохии. Этот город был самым богатым в Святой Земле: правда, приводимые хронистами цифры, различаются между собой, но никто из них не говорит о меньшей численности населения, чем 100 000. В городе и его окрестностях насчитывалось в общей сложности 360 храмов и капелл, а громадные городские валы имели много бастионов. Бейбарсу было хорошо известно, что этот город являлся ключом к одноименному княжеству, и потому тщательно готовился к его захвату. Одну группу войск он выслал для отделения города от его морского порта святого Симеона, вторая захватила Сирийские ворота, чтобы союзные с княжеством армяне не смогли оказать ему помощь. Главное войско осадило город и взяло его штурмом после четырехдневной осады. Даже магометанские хронисты ужасались последовавшей вслед за тем резне. Сразу же после взятия города его ворота были заперты и были истреблены все, кто находился на улицах.

Все хронисты сходятся в том, что общее число убитых составило примерно 17 000 человек. Все, кто укрылся в домах, были взяты в плен и обращены в рабов. В войске султана не было ни единого солдата, которому не досталось хотя бы по одному рабу, их общее число составило не менее 80 000 человек. Патриарх (в Антиохии располагалась одна

из древнейших патриарших кафедр всего христианского мира) был монахом доминиканского ордена; вместе с окружавшими его многочисленными монахами он претерпел мученическую кончину в городском кафедральном соборе. В письме Боэмунду VI, Бейбарс, между прочим, писал:

О, если бы ты видел, как твоих рыцарей топтали конские копыта, как твой город Антиохия был отдан насильникам на разграбление и стал добычей всякого и каждого. Твои сокровища, которые центнерами делились между грабителями, и дамы города, которых продавали за один золотой! Если бы ты увидел разрушенные церкви и поверженные кресты, расшитые страницы святых Евангелий, гробницы Патриархов, попранные ногами! Если бы увидел твоего врага-мусульманина, ступавшего на престол и алтарь и резавшего монаха, диакона, священника и Патриарха! Если бы увидел пожар твоего дворца, охваченного пламенем, и мертвецов, пожираемых огнем этого мира, до того, как их пожрет огонь мира иного! Твои замки с прилегающей округой уничтожены, храм святого Павла разрушен до основания¹.

После падения столицы замки княжества были оставлены без боя. Первое из основанных крестоносцами государств перестало существовать через 171 год после своего основания. В Антиохии орден госпитальеров содержал госпиталь и большой дом. В бою погибли все рыцари; принадлежавшие Ордену здания были сожжены.

Франки Акры не раз пытались найти союзников против мамелюков в лице монголов. Папа Урбан IV в своем письме к хану Ирана Хулагу предлагал ему креститься и подчинить себе сарацин. Но уже в августе 1263 г. папа рассматривал татар как мстителей за вероломство мусульман². Однако именно в это время все военные силы монголов были сосредоточены на двух фронтах. Они воевали с ханами Туркестана и Южной Руси — кипчаками, военные действия в Сирии были скованы.

С 1277 г. королевство Акры попало под власть брата Людовика Святого Карла Анжуйского. В то время как князь Антиохийский и король Кипра готовились оказать помощь татаро-монголам вместе с другими сирийскими баронами, госпитальеры придерживались нейтралитета. Бальи Акры Рожер де Сан-Северино от имени своего короля отказался содействовать монгольскому наступлению. Карл Анжуйский думал только о захвате Константинополя, Палестина и Гроб Господень для него были совершенно неинтересны. Все это, да и заключенный мир с Бейбарсом, привели к тому,

¹ *Regesta Regni Hierosolymitani*, № 1358; *Roehricht R. Geschichte des Königreichs Jerusalem* (см. примечание 21). S. 718–720.

² *Пушар Ж. Латинско-Иерусалимское королевство...* С. 363.

что 30 октября 1281 г. армия Менгу-Тимура и царя Армении Хетума была разбита возле Хомса. Помощь со стороны франков не пришла.

Великий Магистр госпитальеров Гуго де Ревель (1258–1277)

Вследствие уничтожения княжества Антиохийского орден госпитальеров потерял крупнейшую территорию, которой он владел в государствах крестоносцев. На этом значительном пространстве проживало примерно 10 000 человек, которые зависели от госпитальеров и работали на многочисленных орденских предприятиях; в первую очередь, естественно, в сельском хозяйстве, ибо данная область являлась, так сказать, житницей ордена.

Из-за опустошений, произведенных в ходе боев, убийства жителей и увода значительной части населения в качестве рабов, всему этому пришел конец, и расположенные на данной территории укрепленные замки Маргат и Крак превратились в остров, не имевший больше тыла и полностью зависевший от подвоза извне. Обескровленный в многочисленных битвах, ослабленный недостатком боеспособных рыцарей и недостаточными подкреплениями, нехваткой поступающих из Западной Европы денег и жизненно необходимых материалов, Орден госпитальеров лишился возможности вести наступательные действия и оказался даже не в состоянии оборонять оставшиеся в его владении объекты. Сила противника, заключавшаяся в обученных солдатах, в первую очередь в минерах, и его превосходство в осадных машинах с обученным обслуживающим персоналом в скором времени положили конец их обороне. Преемник Великого Магистра Вильгельма де Шатонефа, Гуго де Ревель, в письме приору Сен-Жильскому в 1268 г. весьма наглядно описал в общих чертах ситуацию в Святой Земле и в ордене как по эту, так и по ту сторону моря¹, где Филипп де Глис продал все имения ордена в Италии и частично во Франции.

Призывы и жалобы Великого Магистра, его просьбы о дальнейшей широкой поддержке, даже если оказание ее будет возможно лишь ценой продажи орденских владений, говорят сами за себя. Кем же был этот фра Филипп де Глис, который нанес ордену такой непомерный ущерб как в Италии, так и во Франции? Как он смог добиться такого могущества в условиях строгой орденской централизации? Ответ на этот вопрос мы сможем получить только в результате дополнительных исследований,

¹ *Delaville le Roulx J. Cartulaire Général de l'Ordre de S. Jean de Jérusalem, 1100–1310. Vol. IV. Paris, 1906. Документ № 3308-s.*

которые необходимо предпринимать в соответствующих архивах Европы. Вне всякого сомнения, этот фра Филипп был сторонником партии честолюбивого брата короля Людовика IX Французского, Карла де Анжу, который намеревался, с папской помощью, завоевать штауфенские государства в Нижней Италии и на Сицилии.

Уже предыдущий патриарх Иерусалимский, Иаков Панталеонский, избранный в 1261 г. папой в Витербо и взошедший на престол св. Петра под именем Урбана VI (1261–1264), в 1266 г. призвал Карла де Анжу на помощь против Штауфенов и предложил ему Сицилию в качестве лена. Папа Климент IV (1265–1268 гг.) в 1266 г. короновал Карла, в качестве своего Великого вассала, королем Сицилии. Конрадин, последний Штауфен, выросший в Германии, в 1267 г. вместе с Фридрихом фон Баденом направился в Италию, чтобы начать борьбу за норманнское наследие своей семьи. В битве при Тальякочцо он был побежден и в 1268 г. обезглавлен на рыночной площади Неаполя. Вместе с последним Штауфеном были казнены и те, кто сохранил ему верность, ибо они, как утверждал Карл, совершили в отношении него государственную измену. Это был конец штауфенского периода в истории Западной Европы.

При Великих магистрах ордена госпитальеров в период Крестовых походов Гуго де Ревель занимал особое место. На протяжении его девятнадцатилетнего правления Статуты ордена были значительно расширены. В течение восьми лет, с 1262 по 1270 гг., в Кесарии либо в Акре было проведено шесть Генеральных капитулов, принявших ряд далеко идущих решений и внесших порядок в жизнь отдельных рыцарей по эту и по ту сторону моря. Управление орденским имуществом и собираемым оброком в пользу ведомства Великого Магистра были при этом урегулированы по-новому. До тех пор была принята практика, согласно которой только заработанная прибыль должна была сдаваться в кассу ордена, при чем управляющий коммендой (командорством) орденский брат мог сам решать вопрос о размере суммы, вносимой в орденскую кассу. Теперь капитул госпитальеров в Кесарии постановил, что каждый орденский дом обязан был вносить определенную сумму под названием респонсии. В какой степени руководству ордена приходилось настаивать на таком решении, явствует из приведенных ниже высказываний Великого Магистра и орденской делегации на Лионском соборе. Решение капитула звучало следующим образом:

Verum cum in communi (praedia aliaeque proprietates) administrari non possent propter locorum distantiam et dissidentiam nationum majores nostri ea veritim fratribus per partes regenda commendarunt, unde nomen commendarum sumpserunt, impositis annuis pensionibus, quo augerentur prout rei et temporis, hoc est necessitati, convenire visum est.

Или, в переводе с латинского языка на русский:

Поскольку имения и иная собственность воистину не могут быть управляемы сообща вследствие удаленности мест и несогласия местных обычаев, предки наши доверительно поручили их управление братьям в разных областях (почему они и получили название «порученных» — *commendae*), причем были назначены ежегодные выплаты с тем, чтобы они увеличивались, на сколько то покажется соответствующим обстоятельствам и времени — то есть необходимостью¹.

От латинского слова *commendare* (доверить что-либо кому-нибудь) позднее произошло название **комменда** обозначающее небольшую самостоятельную административную единицу и **комтур** а также **коммендатор** для обозначения управляющего ею орденского рыцаря. В Бальяже Бранденбургском последнее из приведенных обозначений сохранилось по сей день для руководителей отдельных товариществ. Насколько папы принимали близко к сердцу борьбу орденов в Святой Земле, и как они пытались просветить христианство относительно деятельности ордена, явствует из буллы папы Климента V, обнародованной 4 июля 1267 г., в которой говорилось:

Братья Госпиталя святого Иоанна Иерусалимского должны рассматриваться в качестве Маккавеев Нового Завета. Эти рыцари, отказываясь от земных желаний, покинули свое отечество и свои владения, чтобы взять крест и последовать за Иисусом Христом. Ими Спаситель человечества пользуется ежедневно чтобы сохранить Свою Церковь от разорения неверными, и они подвергают свою жизнь величайшим опасностям ради защиты пилигримов и христиан².

Попытка реформирования рыцарских Орденов на Лионском Соборе

Во второй половине XIII в. в Западной Европе наступила духовная перемена. Крестоносный дух больше не имел уже такой притягательной силы. Крестоносный идеал все больше блекнул, его место заступили земные и реальные интересы. Они-то и имели определяющее значение для мышления людей и властей той эпохи. Разумеется, этому способствовал и неуспех самих Крестовых походов, постоянно вспыхивавшая

¹ *Wienand Adam. Der Besitz der Johanniter in Palästina und Syrien // Der Johanniterorden der Malteserorden. Der ritterliche Orden des hl. Johannes vom Spital zu Jerusalem. Seine Geschichte, seine Aufgaben. Köln: Wienand Verlag, 1988. S. 132.*

² *Ibid.* S. 133.

борьба между Императором и папой, честолюбивые планы Карла де Анжу, конфликты между соперничавшими морскими державами в палестинских представительствах и бесконечные распри между обоими рыцарскими орденами. К тому же папы в силу своей духовной власти злоупотребляли идеями крестовых походов для реализации своих собственных политических планов.

Когда папа Григорий X (1271–1276 гг.) призвал христианство к новому крестовому походу — его призыв распространился по всей Европе вплоть до Финляндии и Исландии, то он уже не нашел прежнего большого отклика. «Крестовый поход сам себя обесценил, — пишет Рэнсимэн. — Теперь, когда духовную награду стали обещать людям, которые были готовы драться против греков, альбигойцев и Гогенштауфенов, священная война превратилась всего на всего в инструмент узкоэгоистической и агрессивной папской политики; и даже верные сторонники папства уже не видели причин, по которым они должны были предпринимать связанное с неудобствами странствие на Восток, раз им предоставлялось так много возможностей добиться угодных Богу заслуг в ходе военных походов сопряженных с меньшим напряжением»¹.

Папа Григорий X в 1274 г. созвал Вселенский собор в Лионе, чтобы изыскать пути и средства помочь Святой Земле и вновь оживить крестonosный дух. Рыцарские ордены были представлены Великим магистром тамплиеров, Вильгельмом фон Боже, и делегацией госпитальеров. В связи с повесткой дня Собора оба ордена были особенно заинтересованы в его переговорах, ведь он должен был принести им долгожданную помощь. С другой стороны, они знали, что здесь должны будут вестись переговоры об их существовании в прежней форме. В связи с новым Крестовым походом на Соборе приняли различные решения, которые, однако, не были реализованы в жизнь. Лишь Карл де Анжу, который уже мог, с папской помощью, называть себя королем обеих Сицилий, усматривал возможность, расширить зону своей власти, и стремился к короне Иерусалимского королевства. Ее с 1269 г., не без сопротивления претендовавшей на эту корону Марии Антиохийской, носил Гуго III Кипрский. Ее претензии были благосклонно выслушаны папой Григорием X. Папа выступил посредником, с его помощью она установила связь с Карлом де Анжу и за выкуп уступила ему свои права, так что он отныне мог включиться в политику крестonosных государств, в качестве будущего короля Иерусалимского.

Еще одним, весьма заинтересовавшим рыцарские ордены пунктом переговоров на Соборе в Лионе была попытка провести реформу рыцарских

¹ *Runciman Steven. Geschichte der Kreuzzüge. Bd. 3. München, 1960. S. 346. прим. 36.*

орденов или слить все рыцарские ордены воедино. Мнение о них в Европе значительно переменялось за это время. Положение в Святой Земле и ожесточенные конфликты, которые постоянно разыгрывались между тамплиерами и госпитальерами, выливаясь в открытые вооруженные столкновения, а также вызванное их большими привилегиями уникальное положение орденов привело к жизни требования их реформировать.

Наиболее важными были противоречия между орденами и прелатами. Экземция, то есть освобождение от всех епископских авторитетов, делала их подчиненными только высшей духовной власти — папе. Ордена в принципе запрещалось привлекать к уплате каких-либо финансовых взносов. Кроме того, они имели право сбора подаяния, то есть им дозволялось собирать по всем епископствам деньги на собственные нужды, к тому же, по папскому повелению, епископы и священники были обязаны особо рекомендовать своим прихожанам сдавать на эти нужды деньги. К этому добавлялись и иные церковные привилегии, умалявшие духовный авторитет епископального духовенства. К их числу относилось прежде всего право на церковное погребение в период интердикта, являвшегося церковным наказанием, охотно и быстро применявшимся в Средневековье и выражавшегося в запрете на проведение публичных богослужений и церковных погребений. Список папских привилегий и благодеяний можно было бы продолжать бесконечно долго.

Итак, ордены прибыли в Лион, чтобы высказаться по поводу выдвинутых прелатами предложений, но прежде всего для того, чтобы не допустить попадания в зависимость от епископского авторитета. Великий Магистр и конвент госпитальеров снабдили своих делегатов, отправленных обсуждать это дело, собственными инструкциями, которые мы воспроизводим ниже в сокращенной форме:

В случае если Орден будет подчинен юрисдикции епископов, ему придется, чтобы сохранить за собой свои владения, сражаться с неверными больше, чем до сих пор. Если папа захочет подчинить ордены юрисдикции прелатов, чтобы получить дополнительные средства для утесняемой Святой Земли, то это будет означать не что иное, как забирать левой рукой то, что дано правой рукой... В глазах самого Ордена показалось бы весьма удивительным, если бы папа отменил все те привилегии, которые были ему предоставлены с таким тщанием и по столь здравому рассуждению. Пусть уполномоченный укажет для обоснования данной точки зрения на все то, что делается Орденом в области ухода за больными и бедными, а именно — в отношении пилигримов. Ведь здесь речь идет об интересах всего христианства, тем более что неверные получают обо всем этом самые точные сведения и будут поэтому знать, что Орден в настоящее время беден, не в состоянии обеспечить себя необходимыми лошадьми и людьми и вследствие этого не сможет оказывать им должного сопротивления. Ордену и без того уже

много раз приходилось переуступать свои доходы и продавать их источники. Пусть же ему будет дана хотя бы возможность действительно противостоять нападениям неверных или же погибнуть во исполнение своих обетов к чести Бога и Христианской веры. Положение Ордена безутешное. Правда, он раньше владел большими имениями и доходами по ту сторону моря, чем сейчас, однако основная масса доходов во все времена поступала к нему из его западных владений. Однако доходы от них вследствие неурожаев и иных неблагоприятных обстоятельств уменьшились и постоянно сокращаются благодаря состоянию опустошительных междоусобиц, в котором пребывает большинство стран, кроме Франции и Англии. Теперь же Орден вследствие последних военных действий на Востоке настолько глубоко погряз в долгах, что ему приходится опасаться рухнуть под бременем процентов по ним, которые неоткуда получить».

Инструкция завершается следующим заявлением: «Ничего более по этому вопросу мы сказать не хотим: Мы являемся сынами Святой Римской Церкви, находимся у нее в непосредственном подчинении и остаемся таковыми, с Божьей помощью, и в будущем. Мы были ей послушны и намерены оставаться таковыми и впредь. Мы также по-прежнему готовы выполнять наш обет не прекращать ратоборствовать за Святую Землю и будем использовать для этого все наши средства, в твердой решимости не щадить ради этого нашей собственной жизни»¹.

Подобно тому, как на этом Соборе провалилась попытка призвать к жизни новый Крестовый поход, так и епископам не удалось навязать свою точку зрения, согласно которой рыцарские ордены должны были подчиниться их авторитету, пытаясь таким образом добиться отмены их экзистированной позиции. Не была одобрена и идея об их слиянии. На этот раз атака епископата была отражена, благодаря позиции папы. Но во второй раз добиться этого не удалось. Из-за корыстолюбия французского короля Филиппа IV, нашедшего себе ужасного союзника в лице инквизиции, был уничтожен один из орденов — орден тамплиеров. Их последний Великий Магистр, Иаков де Молэ и несколько других высокопоставленных официальных лиц были сожжены в 1314 г. как еретики-рецидивисты.

Последние десятилетия христиан в Святой Земле

Тем временем Бейбарс продолжил свои боевые действия, направленные на завоевание последних христианских позиций. В январе 1270 г. он с 200 конниками неожиданно появился под замком госпитальеров Крак де Шевалье и сорвал попытку небольшого гарнизона вступить с ним в бой.

¹ Prutz H. Entwicklung und Untergang des Templerordens. Berlin, 1888. Пепринт: Berlin, 1972. S. 213, № 6.

После этого он, желая продемонстрировать гарнизону свое пренебрежение к его слабой обороноспособности, в сопровождении всего лишь нескольких спутников взобрался на гору, осмотрел замок и беспрепятственно вернулся к своему отряду. Одного этого факта достаточно, чтобы проиллюстрировать, как велико было нежелание госпитальеров сражаться, раз гарнизон, наверняка перепуганный, возможно, по указанию Великого Магистра, не рискнул выслать в поле ни одного человека, чтобы не ослабить оборону.

Вероятно, эта «рекогносцировка», проведенная Бейбарсом, служила лишь для проверки силы и желания гарнизона сражаться. Одновременно был проведен сбор сведений для составления плана осады, который вскоре был претворен в жизнь. К началу осады 3 марта 1271 г. Бейбарс усилил свое египетское войско отрядами из соседних эмиратов. Согласно сообщениям мусульманского летописца, рыцари-госпитальеры сражались с отчаянным упорством и 21 марта оставили предместное укрепление, отступив за первое кольцо стен самого замка. Через восемь дней осады, после минирования, была обрушена юго-западная башня, и остатки гарнизона отошли во внутреннее укрепление. 7 апреля выжившие защитники выдвинули предложение о сдаче. На следующий день им позволили отступить в Триполи.

Султан послал Великому Магистру госпитальеров издевательское письмо, в котором сообщил ему о падении крепости. В мае того же года он взял Аккар, другой замок на юге Букайской низменности, также принадлежавший госпитальерам. Это был уже третий из пяти замков, защищавших, в качестве оборонительного вала, узкую прибрежную полосу христианских владений. До этого, в феврале 1270 г., он взял тамплиерский замок Сафиту (Шастель Бланш) на южном побережье Сирии. Расположенный на скалистом утесе, господствовавшем над местностью, он, благодаря своей главной башне высотой 31 м, был важным сигнальным постом для всех расположенных в округе замков. После первоначально храброй обороны гарнизон получил от Великого Магистра приказ сдаться. После долгих переговоров рыцарям было дозволено отступить в Тортозу. Незавоеванным остался только Шастель Руж, принадлежавший князю Раймунду Триполийскому, который был уступлен им госпитальерам в 1277–1278 гг.

Не завоеванной осталась также Арима, расположенная на границе Букайской равнины, на гряде холмов, и преграждавшая путь в долину. Этот замок находился во владении тамплиеров и оставался в их владении до самого конца христианской власти. Из этого краткого обзора видно, что как орден госпитальеров, так и христианские государства были совершенно бессильны, и Бейбарс мог делать практически все, что хотел. Они

могли лишь просить его о мире, но не оказывать ему сопротивления. Уже после падения Антиохии посланник короля Гуго III Кипрского, правившего одновременно остатками Иерусалимского королевства, прибыл к Бейбарсу с намерением вести переговоры о мире. Были достигнуты следующие договоренности: Хайфа с тремя деревнями была оставлена за христианами, а остальная часть королевства, а именно — область вокруг Акры с округой Кармила, была разделена на две равные половины; при Монфоре, замке Немецкого Ордена, осталось десять деревень, а за Шастель Пелерин — пять деревень. Мир был заключен сроком на десять лет.

Список просящих о мире или хотя бы перемирии становился в последующие годы все длиннее. К их числу относились даже рыцарские ордены. После падения Крак де Шевалье им также пришлось просить султана о мире. Он даровал им мир в отношении областей Маргата и Тортозы на следующих условиях: оба ордена, которые в течение полувека собирали дань с областей, населенных мусульманами, были обязаны в рамках данного соглашения «отказаться от всех поступающих оттуда даней и доходов», кроме того, госпитальеры были вынуждены уступить половину территории вокруг Маргата, в том числе город Бельду, а также принять на себя обязательство не строить в Маргате новых укреплений.

Несмотря на энергичные мероприятия Великого Магистра, материальное положение ордена госпитальеров, судя по всему, улучшалось очень медленно. Вероятно, из владений ордена в Западной Европе в его казну потекло больше средств, чем прежде, хотя военные действия и дурное управление многими провинциями нередко приводили к значительному уменьшению доходов. Как явствует из описаний, данных посланцами Ордена госпитальеров на втором Лионском Соборе, орден сильно задолжал, так что, в виду подобного положения дел, подлинное улучшение могло быть достигнуто очень не скоро. Гуго де Ревель до него вообще не дожил, ибо, начиная с 1277 г., под орденскими официальными документами появляется подпись Великого Магистра Николая де Лорня, усилия которого были также направлены на то, чтобы изменить орденский устав соответственно духу времени, что и происходило на Генеральных капитулах, собиравшихся в 1278–1283 гг.

Положение христиан, казалось, улучшилось после смерти Бейбарса в 1277 г. Они надеялись, что им теперь удастся перевести дыхание. Новые силы им придало новое вторжение монголов в магометанскую Сирию. Возникшая там всеобщая смута была использована госпитальерами, продвинувшимися до самой Букайской равнины, почти до самого Крака, разграбившими принадлежавшие им некогда деревни и победившими на обратном пути, не понеся при этом сами ощутимого урона, пятитысячное войско. Когда эмир Крака попытался отомстить за это в феврале 1281 г.,

он также был обращен в бегство. Это были последние победы Ордена госпитальеров в Святой Земле.

В Каире захватил власть султан Калавун. Подобно своему предшественнику, он тоже был жестокий и властный человек и в точности продолжал политику Бейбарса по отношению к христианам. Его целью была окончательная ликвидация христианского владычества. В глубокой тайне он готовился к осаде мощной крепости Маргат. На основе христианских и арабских источников, Рэнсимэн описывает покорение этой крепости в следующих выражениях:

17 апреля 1285 г. султан с большим войском появился у подножия горы, на которой стоял замок, привезя с собой большее количество камнеметных машин, чем было видано дотоле в одном месте. Его люди втащили их на гору и начали обстрел стен и валов. Однако замок был хорошо укреплен, причем его собственные камнеметы обладали тем преимуществом, что они находились на более выгодных позициях. Многие из вражеских машин были разбиты. В течение целого месяца мусульманам не удавалось добиться перевеса. Наконец саперам султана удалось подвести подкоп под Башню Надежды, находившейся на краю северного склона, и заполнить его бревнами. 23 мая они их подожгли, и башня обрушилась. Ее обрушение прервало приступ мусульман, и их удалось отогнать. Но гарнизон обнаружил, что подкоп уходил далеко вглубь территории крепости. Они поняли, что все потеряно и сдались¹.

Рыцарям сохранили свободу и позволили покинуть крепость верхом на конях и с оружием, разрешив им взять с собой 25 мулов с поклажей. Падение крепости было большой победой магометан, ибо она была самой сильной крепостью христиан на всем Переднем Востоке и считалась неприступной. Один из арабских хронистов приписал победу мусульман факирам и дервишам, которые своими молитвами призвали на помощь воинство небесное, чтобы помочь воинам султана добиться победы.

Теперь от христианских владений в Святой Земле осталось только несколько портовых городов, в том числе Триполи и Акра. Триполи был осажден в марте 1289 г. и взят по прошествии 34 дней. При осаде было использовано 19 машин и 1500 саперов, подведших подкопы под стены и башни. Первой пала Башня Епископа, затем башня Госпитальеров, которые во главе крупного военного отряда поспешили прибыть на помощь своим братьям и осажденному городу из Акры.

Венецианцы и генуэзцы, имевшие собственные кварталы и в этом городе, после падения этих двух важнейших бастионов потеряли мужество

¹ *Runcimann S. Geschichte der Kreuzzüge. Bd. 3. S. 402, прим. 36.*

и желание продолжать борьбу. В панике они, прихватив часть своего имущества, покинули линию обороны и бросились в гавань, чтобы бежать оттуда на своих кораблях. Это дезертирство привело к срыву всей обороны. Началась массовая резня, как в Антиохии. Мужчины были перебиты, женщины и дети захвачены в плен и угнаны в рабство. Осталась только Акра. Правда, султан Калавун умер в ноябре 1290 г., едва успев двинуть свои войска из Египта на завоевание этого города, однако его сын взял на себя осуществление его плана.

Борьба за Акру

Жители Акры были специфическим народом. Они представляли собой пеструю смесь разных наций изо всех стран, участвовавших в Крестовых походах, перемешанные с остатками туземных народностей, как-то — сирийцев, армян, левантинцев и арабов. Особым видом среди жителей города были пуллэны, как первоначально именовались потомки крестоносцев и женщин-переселенок из Апулии — позднее этим названием стали обозначать всех потомков происшедших от связи между жителями Запада и Востока. В их число входило немало асоциальных элементов из Западной Европы: людей, у которых на родине по каким-либо причинам земля горела под ногами, люди, потерпевшие экономический крах. Среди них было немало преступников, получивших прощение только при условии участия в Крестовых походах. Все они были людьми, в той или иной степени лишенными корней, попавшими в совершенно непривычные для них жизненные условия и потому практически все они были склонны к одичанию нравов.

Согласно многочисленным сообщениям вторящих друг другу хронистов-современников тех трагических событий, степень нравственного падения этих лиц, которых даже и крестоносцами назвать нельзя, была чрезвычайно велика. Иаков де Витри, который стал епископом Акры в 1216 г., один из лучших знатоков страны и населявших ее людей, писал в своей «*Historia Hierosolymitana*» и в своих письмах буквально следующее:

Здесь имеется множество христиан, не принадлежащих к Римской церкви, в частности, иаковиты во главе с архиепископом, сирийцы со своим епископом, которые совсем погрязли в нечестии, поскольку выросли среди сарацинов, потакавших их дурным обычаям, а также несториане, грузины и армяне без духовного руководства. Еще хуже были пуллэны, которые, собственно говоря, образуют паству нового пастыря. Они были воспитаны от юности своей без должной строгости и полностью преданы похотям плоти. Кроме того, я нашел иностранцев, которые в отчаянии бежали

со своей родины, опасаясь кары за совершенные ими там преступления, лишённые страха Божия и погубившие весь город своими позорными деяниями и безбожным примером. Кто мог бы перечислить все преступления этого второго Вавилона, в котором христиане отказывали в Крещении сарацинам, ибо предпочитали обращать последних в рабов и подвергать притеснениям¹.

Эта моральная испорченность значительной части населения Акры усугублялась постоянно вспыхивавшими в городе конфликтами и боями между различными ведущими властными группами — политическими и церковными. При этом немалую роль играли итальянские морские республики и большие рыцарские ордены госпитальеров и тамплиеров, которые, чаще всего, поддерживали противоположных претендентов. А необходимо заметить, что итальянских купцов волновало только получение дохода, неважно каким образом заработанного. Они постоянно предавали то одну, то другую стороны, торговали секретами, как это было с халифом Египта. Их мало заботила верность христианскому долгу, обязанность как верующих людей бороться с противниками христиан, верность своим собратьям из Франции, Англии, Германии.

Если мы посмотрим на общую социально-экономическую ситуацию того, что осталось от Иерусалимского королевства, то вынуждены констатировать, что она была не только далека от идеала, о котором мечтали крестоносцы, но попросту катастрофична. Это было жалкое подобие государства. Вот как характеризовал французский историк Иерусалимского королевства Жан Ришар ситуацию тех лет: «Протекторат итальянских республик, подчинение торговых городов Сирии влиятельным дельцам с Запада, а франкских баронов — «коммунам» Италии составляет только один аспект разложения самой идеи Иерусалимского государства во второй половине XIII в.

¹ *Roehricht R. Geschichte des Königreichs Jerusalem... S. 718–720, прим. 35.* Будучи епископом Акры, Иаков де Витри неустанно пытался вернуть жителей города на стезю христианской жизни. Его усилия нередко оказывались успешными, в следствие чего его призывали, как проповедника Крестового похода, и в соседние приморские города. Он с большим успехом проповедовал в Тире, Сарепте, Бейруте и Триполи. Главным трудом Витри была его «История Востока и Запада» (*Historia orientalis et occidentalis*), из которой Рерихт позаимствовал вышеприведенные сведения. В 1218 г. Витри сопровождал вставшее лагерем под Акрой войско в Египет, чтобы вселять мужество и воодушевление в это многоплеменное воинство. После провала этого крестового похода Витри с неизменным успехом продолжал епископское служение на своей кафедре. Он неоднократно пытался получить помощь от папы, ибо положение христиан в Сирии и Палестине становилось все более безнадежным.

Бедственное положение, в котором находилось Иерусалимское королевство, без конца истощаемое новыми катастрофами, заставляло западноевропейцев считать, что оно неизбежно рухнет под ударами мусульман. Отсутствие постоянной королевской власти, отсутствие даже представителей этой власти, которые были бы признаны всем населением, за исключением балби — предводителей феодальных смутьянов, к чьему мнению все меньше прислушивались — не позволяло франкам Сирии вести собственную политику. Да и как, после поражения 1244–1248 гг., без территориальной базы, можно было придерживаться иной политики, чем той, которая предписывала избегать всякого соприкосновения с мусульманами, чье могущество настолько превосходило возможности франков, что мамлюкскому или эйюбидскому султану, казалось, ничего не стоило сбросить их в море»¹.

Денег не хватало не только на ведение военных действий, но и на пропитание, к тому же многие из сеньоров жили на широкую ногу, а кое-кто имели страсть к азартным играм. Все это заставляло многих продавать свои села, и даже замки. В качестве покупателей чаще всего выступали духовно-рыцарские ордены. В основном храмовники и госпитальеры.

Гуго Лузиньян-Антиохийский став балби Иерусалима и Кипра в трудные годы, когда султан Бейбарс рыскал вокруг Акры, созывал под свое знамя рыцарей и готовился к обороне. После смерти 5 декабря 1267 г. своего малолетнего племянника Гуго, стал королем Кипра под именем Гуго III. Однако его возвращение в Акру, престол которой более тридцати лет был вакантным, был встречен недружелюбно. Больше того, ордены и братства не считали нужным ему подчиняться. Так, например, собратство Вифлиема и купцы из Мосула устроили настоящую битву на улицах Акры, при этом первых поддерживали госпитальеры, вторых — тамплиеры².

Особенно сильно разгорелся конфликт между Гуго и новым магистром ордена тамплиеров Гильомом де Боже. Этот знатный французский барон, весьма ловкий, но амбициозный и жестокий руководитель Ордена мечтал изгнать короля и на его место поставить своего родственника Карла Анжуйского. Интриги тамплиеров заставили Гуго покинуть Акру, написав папе, что он не способен справиться с царившей в Сирии анархией³.

Королевство Акры опять осталось без монарха. Интриги и внутренние распри, в которых активно участвовали госпитальеры, не прекращались до самого падения города. Но Сирия была уже не в силах противостоять мамлюкам. В 1288 г. воспользовавшись мятежом в Триполи, мамлюки

¹ Ришар Ж. Латино-Иерусалимское королевство... С. 338.

² Там же. С. 376.

³ Там же. С. 377.

захватили Святую Землю. Кипрский король прислал в апреле 1289 г. в Триполи своего брата, вместе с маршалами госпитальеров и тамплиеров. Но удержать город они не смогли. Генрих II 24 апреля отплыл в Акру.

Незадолго до нашествия фортификационные сооружения города были усилены по настоянию короля Генриха II (1286–1291). Немецкий пилигрим Лудольф фон Сухем, посетивший Палестину примерно через сорок лет после изгнания христиан, писал об этом:

Сей знаменитый город Акра расположен у моря, сложен из громадных каменных глыб и окружен мощными высокими башнями, расположенными почти что на расстоянии броска камня друг от друга; каждые из городских ворот располагались между двумя башнями, а стены были, и сейчас еще остаются, столь широкими, что на них могут свободно разехаться две едущие навстречу друг другу повозки. А с другой стороны, то есть со стороны суши, город был защищен отдельными стенами и чрезвычайно глубокими рвами и укреплен многочисленными бастионами и разнообразнейшими оборонительными сооружениями¹.

В городе насчитывалось примерно 30–40 тысяч жителей, в том числе немало обученных воинов: примерно 1000 рыцарей и 14 000 прочих солдат. Христиане господствовали над подступами к морю. Во главе Ордена госпитальеров в 1285–1293 г. стоял Великий Магистр Жак де Вилье. Интересно, что весть о его избрании Великим магистром застала Жака де Вилье во Франции, где он, начиная с 1280 г. исполнял должность Приора орденской провинции Франция. Но до этого он уже бывал в Святой Земле, ибо в 1277 г. мы встречаем упоминание о нем как о комтуре важнейшего Орденского дома в Триполи.

В 1290 г. в Акру прибыли новые партии крестоносцев из Италии и Ломбардии. На этих отъявленных разбойников было страшно смотреть. Как сообщают хронисты, это были попросту «орды лжехристиан, которые стали крестоносцами из желания искупить свои грехи», ибо все свое время они проводили в тавернах и увеселительных заведениях². А в один из августовских дней они начали истребление мусульман, живших у стен Акры. Окружив один из караван-сараев, где было много мусульманских купцов, они начали его штурм. Но купцы входили в собратства, которые находились под покровительством госпитальеров и тамплиеров, узнав о штурме, рыцари поспешили на помощь и препроводили купцов в королевский замок. Тем не менее, множество купцов и просто мусульманских жителей погибло.

¹ Там же. С. 380.

² Там же. С. 387.

Для султана Саладина это оказался долгожданный повод к началу военных действий, он даже приказал распустить слух, что жертвами резни якобы стали египетские посланники, и даже потребовал выдачи виновных. Военный совет Акры предложил ограничиться извинениями перед султаном, которое не было принято. Саладин начал серьезно готовиться к штурму Акры. И хотя случилось неожиданное — скоропостижная смерть султана, но даже она не остановила предполагаемые военные действия. Войско возглавил наследник двадцатилетний Аль-Ашраф.

Новый султан провел основательную подготовку к штурму Акры. Его лазутчики донесли, что, двойное кольцо стен вокруг города с многочисленными оборонительными башнями была почти непреодолимой преградой даже для многочисленной и хорошо вооруженной армии. Задача осложнялась наличием готовых на все защитников, которые, хотя и враждовали между собой, теперь, когда речь шла о выживании всех и каждого, сражались упорно и самоотверженно. Султан стянул солдат и осадные машины из всех подчиненных ему областей. Громадные, сконструированные согласно новейшим открытиям в области баллистики, осадные машины образовывали ядро этой артиллерии, не применявшей пороха. Осаждающие связывали с ее действием большие надежды и давали орудиям характерные прозвища, например, Победоносное или Яростное. Согласно тщательно продуманному плану, эти чудовища были направлены на основные точки оборонительной линии, чтобы проложить дорогу штурмующим солдатам. Современные хроники приводят противоречивые данные о количестве войск осаждающих, собравшихся у стен города.

В мусульманском войске было 70 тысяч всадников и 150 тысяч пехотинцев. В то время как население Акры насчитывало 40 тысяч жителей, из которых рыцарей и оруженосцев было 700, и пехотинцев 800 человек. Всего, включая прибывших крестоносцев, город смог выставить не более 15 тысяч воинов¹.

Ясно, что мусульман было гораздо больше, чем обороняющихся. Для ослабления их нравственного состояния султан применял и психологические средства ведения войны. Так, на каждый ежедневный приступ мусульмане шли, испуская ужасные крики, под звуки оглушительной музыки. А перед последним, решающим приступом 18 мая, когда войско с шумом пошло на штурм, сотни солдат с барабанами и литаврами подъехали к городу на верблюдах, чтобы сделать храбрецов трусами, а трусов — еще большими трусами.

¹ По другим сведениям у мусульман было 60 тыс. всадников и 160 тыс. пехотинцев. См.: *Ришар Ж.* Латино-Иерусалимское королевство... С. 389, прим. 2.

Борьба за город, продолжавшаяся на протяжении сорока дней, велась с обеих сторон с величайшей жестокостью. Метательные машины непрерывно осыпали стены и башни своими снарядами. Минеры систематически подводили подкопы под важнейшие укрепленные пункты крепости, в первую очередь, естественно, под башни, как главные базы обороны. Султан использовал против каждой башни по 1000 саперов, чтобы подготовить несущие стены, фундаменты и находящиеся глубоко под землей основания башен к обрушению после заполнения подкопов бревнами, которые затем поджигались. Для ослабления кольца осады предпринимались многочисленные вылазки, главным образом ночью, причем в них принимали участие в основном члены рыцарских орденов. Так, например, тамплиеры попытались путем одновременного нападения с суши и с моря лишить боеспособности войска князя Хамы, которые располагались против их участка обороны.

Нападение с суши на Акру было совершено через ворота святого Лазаря, расположенные неподалеку от моря. Со стороны моря в направлении берега поплыли небольшие суда, чтобы обстрелять расположенные там войска при помощи стрел и болтов. Кроме того, была предпринята попытка при помощи греческого огня из метательной машины, установленной на борту корабля, поджечь шатры вместе с теми, кто в них находился. Однако сильный ветер, разбросавший корабли в разные стороны, сорвал попытку нападения. Еще одна ночная вылазка, в которой на этот раз участвовали госпитальеры, тоже завершилась неудачей. После первого соприкосновения с противником весь лагерь был ярко озарен огнем, и враги увидели, как мало число нападающих. Им пришлось отказаться от своего замысла, понеся большие потери. Невзирая на все мужество и попытки, разорвать кольцо осады, обороняющимся было не суждено добиться успеха. Во всех предприятиях их преследовали неудачи. К тому же сила сопротивления обороняющихся начала ослабевать, причиной стали дополнительные трудности, связанные с необходимостью непрерывного несения караульной службы.

А тем временем захватывалась одна башня города за другой. Первой пала передовая башня короля Гуго. Поняв, что удерживать ее дальше невозможно, гарнизон попросту поджег ее, и она обрушилась. Это произошло 8 мая. На следующей неделе минеры подкопали и обрушили Английскую башню, затем Башню графини де Блуа и Новую Башню короля Генриха II. Английская башня, именовавшаяся также Башней короля Эдуарда, целиком обрушилась в ров. Нападающие использовали ее обломки для того, чтобы засыпать ров и насыпать вал. Затем этот вал был надстроен с помощью мешков с песком и хвороста, так что образовался своего рода мост в город, шедший до второго оборонительного пояса. Таким

образом, мусульмане смогли перенести боевые действия во внутреннюю линию обороны.

Особое внимание нападающих было обращено на сильнейший пункт этой укрепленной линии — так называемую Проклятую башню. Чтобы привести эту башню к обрушению, султан бросил в бой все имевшиеся у него в наличии вспомогательные средства. Камнеметы вели непрерывный обстрел, под башню подводились подкопы, так, что мамелюки вскоре смогли подобраться к этому бастиону, принудив оборонявших башню сирийских и кипрских рыцарей, а также рыцарей ордена святого Лазаря к отступлению в восточном направлении, к воротам святого Антония. На помощь изнемогавшим бойцам поспешили госпитальеры и храмовники. При этом был тяжело ранен магистр тамплиеров, которому стрела попала под мышку, между пластинками нагрудника и наплечником. Вскоре после этого он умер. Был тяжело ранен и магистр госпитальеров Жан де Вилье. Невзирая на его протесты, он был отнесен своими рыцарями на один из кораблей, отплывших на Кипр.

Маршал госпитальеров Матье де Клермон, несмотря на тяжелую рану, вместе с братьями ордена оборонял подступы к гавани, надеясь помочь, как можно большему числу жителей спастись¹.

18 мая начался общий штурм города. Вражеское войско было разделено на 150 отрядов по 200 человек в каждом отряде, имея в тылу резервные подразделения, почти равные по численности. И вот лавина нападающих хлынула в проломы на месте пухнувших башен и в бреши, пробитые в стенах, и проникла внутрь города. Бои шли за каждую улицу. Христиане героически защищались всеми имевшимися в их распоряжении средствами, однако сильно уменьшившиеся отряды оборонявшихся не могли устоять перед напором масс фанатичных мусульман. Те же попросту убивали всех мужчин, женщин и детей, невзирая на то, было ли у них оружие или нет. Лишь незначительной части населения удалось добежать до гавани и до стоявших там венецианских кораблей. При этом разыгрывались неслыханные по своей жестокости сцены; все хотели, во что бы то ни стало, получить хоть какое-то местечко на последнем отплывавшем корабле. Церкви и монастыри Акры были осквернены, монахи и монашки пали жертвой мечей беспощадных победителей. О доминиканцах сообщают трогательную легенду, что они принимали смертельные удары с пением молитвы «*Salve Regina*».

Но отдельные гнезда сопротивления, например, укрепленные орденские дома госпитальеров, Немецкого ордена и тамплиеров, держались еще несколько дней. Расположенный в северо-западной части города,

¹ *Wienand Adam. Der Besitz der Johanniter in Palastina und Syrien... S. 140.*

окруженный с трех сторон морем, замок тамплиеров, в котором укрылись уцелевшие рыцари ордена и небольшое число горожан, стал последним очагом сопротивления. Этот замок невозможно было взять без правильной осады, так, что султан предложил гарнизону капитулировать. Он обещал защитникам предоставить им возможность беспрепятственного выхода со всем имуществом и даже пообещал переправить их на Кипр. Маршал ордена Петр фон Севрей согласился на эти условия и договорился о том, чтобы эвакуация обширного замка осуществлялась под надзором 100 мамелюков во главе с эмиром. Однако мамелюки, охваченные радостью победы, начали силой забирать в плен женщин и детей. Возмущенные этим нарушением договора рыцари перебили всех солдат и выбросили их на улицу вместе с поднятым над замком знаменем султана, приняв твердое решение, драться не на жизнь, а на смерть¹.

При попытке завязать новые переговоры парламентар был обезглавлен. И началась осада орденового дома. Под переднюю часть замка был подведен подкоп, она рухнула и две тысячи охваченных слепой яростью мамелюков ворвались внутрь. Этого оказалось слишком много для здания, утратившего стабильность. Оно рухнуло и погребло под собой как защитников, так и нападавших.

О том насколько кровопролитной была эта война, видно из письма Великого Магистра госпитальеров Жана де Вилье, написанного по свежим впечатлениям от сражений, настоятелю Сен-Жильского монастыря:

Они (мусульмане) ворвались в город с разу со всех сторон рано утром и огромными силами. Мы и все братья ордена сопротивлялись у ворот св. Антония, у которых сгрудилось так много сарацин, что мы не могли сосчитать их. Тем не менее, мы трижды разбили, отразили и отбросили их до места, называемого Проклятым (Проклятая башня). И при защите этого места, равно как и в боях в других местах, где братья сражались, защищая город, мы мало-помалу потеряли (убитыми) всех братьев. Среди других наш дорогой друг брат Матье Клермон упал мёртвым. Он был благородным, отважным и опытным в военных делах. Да смилостивится над ним Господь! В тот же день магистр тамплиеров так же скончался от смертельного ранения копьём. Да будет милосерден Господь к его душе!

В этот день я был поражён почти насмерть копьём между плечами, каковая рана представляет для меня написание этого письма весьма затруднительным. Между тем огромная масса сарацин прорвалась с город со всех сторон, с суши и с моря, наступая вдоль стен, которые все были разбиты и проломлены, до тех пор, пока они не добрались до нашего укрытия. Наши сержанты, слуги, наёмники и другие крестоносцы лишились всякой

¹ *Ibid.* S 142.

надежды и бежали к кораблям, бросая по пути своё оружие и доспехи. Мы и наши братья, очень многие из которых были смертельно ранены, сопротивлялись и отражали неверных. В то время как некоторые из нас лежали полумёртвыми, находясь в бессознательном состоянии, наши сержанты и наши домашние слуги явились и перенесли в безопасное место меня, смертельно раненного, и других, с великой опасностью для себя. Таким образом, я и некоторые другие из братьев уцелели и спаслись. Большинство из них были изранены и избиты, без надежды на выздоровление. В день, когда написано это письмо, мы все еще находились там, с превеликой скорбью в сердце, объятые всеохватывающим горем¹.

Из членов рыцарских орденов, пребывавших в Акре, удалось спастись только семи госпитальерам и десяти тамплиерам. Кому-то из госпитальеров удалось вывезти с собой и величайшую святыню ордена Филермскую икону Божией Матери. О чем мы подробно расскажем в следующих главах.

Немецкие рыцари, равно как и рыцари ордена святого Лазаря, погибли все до одного. В руках христиан остались только окруженный тройными стенами Тир, сданный без боя, и принадлежавший тамплиерам Сидон, состоявший из самого города и замка, выстроенного на скале посреди моря. Немногие уцелевшие тамплиеры отступили в этот замок. Когда мамелюки начали строить со стороны материка дамбу, был сдан и замок. Бейрут и Хайфу султан занял без боя. Монастыри и кельи на горе Кармил — колыбели ордена кармелитов, подверглись повторному разрушению, а монахи были перебиты. В конце концов, у христиан остался лишь принадлежавший тамплиерам островной замок Руад, расположенный на расстоянии около двух миль от побережья напротив Тортозы. Этот замок так и остался непокоренным. Орден Храма отказался от него лишь в 1303 г., когда над ним стали собираться грозные тучи, положившие конец власти храмовников в Святой Земле.

19 мая пал Тир, 14 июля был взят оставленный Сидон, 21 — Бейрут, 30 июля пала Хайфа. Завоевание Акры магометанами практически ознаменовало собой окончание эпохи крестовых походов. Правда, и после этого на протяжении столетий предпринимались попытки возродить к жизни идею Крестовых походов, организовывать новые крестоносным предприятия и собирать армии для того, чтобы снова завоевать Святую Землю. Однако идея Крестовых походов утратила свою жизненность. Поэтому все аналогичные попытки, предпринимавшиеся папами и светскими государями, были обречены на провал.

¹ The Knights Hospitallers in the Holy Land. London, 1931. P. 301–302. Перевод В. Демчук. http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kreuzzug/XIII/1280-1300/Jean_Villiers/brief_1291.htm.

Нам, людям XX и XXI вв., трудно, а скорее невозможно понять крестоносцев, их религиозные порывы. Наша вера и мировоззрение разительно отличаются от средневековых. Европейские индивидуумы, общество и народы далеко отошли от веры. Большая часть современных христиан руководствуются уже не религиозными воззрениями, в отличие от тогдашних времен.

В средние века лейтмотивом всех действий человека была почти исключительно религиозная вера. Только с точки зрения веры можно понять и странствия пилигримов. Мотивом пилигримов было просто желание быть как можно ближе к Богу и Его святыням. Ради достижения этой цели пилигрим отдавался на волю неведомой судьбы и готов был переносить опасности, о которых мы, живущие в технократическую эпоху, просто не имеем никакого представления. Святой Бернард Клервосский в одном из своих писем говорил женам крестоносцев, что они вдовы, хотя их мужья еще живы. Шансы на возвращение домой из крестового похода были весьма невелики. Но пилигримы ради своей веры брали все это на себя, ибо они, будучи христианами, верили, что и так находятся на пути в вечную жизнь.

* * *

Сотни тысяч христиан Святой Земли стали рабами. Их было так много, что они продавались даже в самых отдаленных уголках мусульманского мира за бесценок. Те, кто спасся на Кипре, жили немногим лучше. На острове подскочили цены на жилье и продукты питания. Хлеба постоянно не хватало. Попытки пап Николая III, Бонифация VIII и Иоанна XXII, оказать хоть какую-то помощь пленным христианам окончились безрезультатно, они так и остались рабами, о их судьбе можно лишь догадываться.

Глава 13

Орден госпитальеров на Кипре

Период нахождения ордена госпитальеров на Кипре изучен довольно слабо. В отечественной исторической литературе об этом практически нет ни слова¹. Среди зарубежных историков ордена этой теме посвящено немало исследований. У Генри Сира, этому периоду истории госпитальеров посвящена всего одна страница². В большей степени эта тема была освещена английскими исследователями: Г. Локом, Э. Латрелом, Джонатаном Райли-Смиттом³ и некоторыми другими.

История Кипра с середины X века начинается событиями, происшедшими в 964 и 965 гг., когда по поручению императора Никифора Фоки,

¹ Краткие сведения имеются в работах: *Заборов М. А.* 1) Крестовые походы. М., 1956; 2) Крестоносцы на Востоке. М., 1980; *Близнюк С. В.* Мир торговли и политики в королевстве крестоносцев на Кипре 1192–1372 годов. М., 1994.

² *Sire H. J.* *A The Knights of Malta.* London, 1993. P. 25.

³ *Mas-Latrie L., de.* *Histoire de l'île de Chypre sous le règne des princes de la maison de Lusignan.* Paris, 1852–1861. Vol. 1-3; *Hill G.* *A History of Cyprus.* Cambridge, 1948. Vol. II, Parts 1–2 (repr.: London, 1972); *Edburry P. W.* 1) *The Kingdom of Cyprus and the Crusades, 1191–1374.* Cambridge, 1991; 2) *Kingdom of the Crusaders. From Jerusalem to Cyprus.* Ashgate, 1991; *Hill G.* *A History of Cyprus.* 4 vols. Cambridge, 1940–1952; *Luke H.* *Cyprus. A Portrait and an Appreciation.* London; Wellington; Toronto; Sydney, 1957; *Lutterell A. T.* *The Hospitallers in Cyprus, Rhodes, Greece and West (1291–1440).* London, 1978; *Riley-Smith Jonathan.* *The Knights of St. John in Jerusalem and Cyprus 1050–1310: History of the Order of the Hospital of St. John of Jerusalem.* Vol. I. ed. by Lionel Butler. London, 1967; *Enlart G.* *Gothic Art the Renaissance in Cyprus.* London, 1987; *Coureas N.* *The Latin Church in Cyprus. 1195–1312.* Ashgate, 1997; *Attard Joseph.* *The Knights of Malta.* San Gwann, Malta: Publishers Enterprises Group, 1992; *McHugh, Rosita.* *The Knights of Malta: 900 Years of Care.* Dublin: Irish Association of The Sovereign Military Hospitaller Order of St. John of Jerusalem, of Rhodes and of Malta, 1996; *Riley-Smith J.* *The Knights of St. John in Jerusalem and Cyprus: 1050–1310.* London, 1967.

который был занят войной с восточными арабами, была предпринята военная экспедиция на остров. Ее возглавил и блестяще выполнил патрикий Никита Халкуца. Кипр был отвоеван у арабов и стал византийской фемой. На острове был размещен военный гарнизон и Никифор Фока получил значительную поддержку в проводимых им военных мероприятиях. Тогда же ему удалось отвоевать у тяжело больного Хамданида Сейф ад-Даула Киликию, тем самым, открыв дорогу в Сирию. Кипр в течение нескольких веков оставался под властью Византии.

Как мы помним, события на Святой Земле развивались сложно и тревожно. В сентябре 1187 г. Иерусалим был окружен войсками Саладина и вскоре пал. Состоявшийся новый Третий Крестовый поход принес одно важное событие в частичном восстановлении Латино-Иерусалимского королевства на территории Кипра.

Погрузившись на корабли, англичане отплыли на восток и 23 сентября 1190 г. уже были в Мессине на Сицилии. Здесь Ричард I был задержан враждебными действиями местного населения. Сицилийцы очень недружелюбно отнеслись к английским крестоносцам, среди которых было много нормандцев. Они не только осыпали их насмешками и бранью, но при каждом удобном случае старались убивать безоружных крестоносцев.

3 октября из-за ничтожного столкновения на городском рынке началась настоящая война. Горожане поспешно вооружились, заперли ворота и заняли место на башнях и стенах. В ответ англичане, не долго думая, пошли на штурм. Ричард, сколько мог, старался удержать своих соплеменников от разорения христианского города. Но на следующий день во время мирных переговоров горожане вдруг сделали смелую вылазку. Тогда король стал во главе своего войска, загнал неприятеля обратно в город, захватил ворота и произвел суровый суд над побежденными. До самого вечера в городе свирепствовали грабежи, убийства и насилия над женщинами. Наконец Ричарду удалось водворить порядок.

Из-за позднего времени продолжение похода было отложено до будущего года. Эта многомесячная задержка весьма дурно отразилась на отношениях двух монархов. То и дело между ними происходили мелкие столкновения, и если осенью 1190 года они прибыли в Сицилию задушевными друзьями, то весной следующего года покинули ее почти откровенно врагами.

Весной 1191 г. часть английского войска во главе с Ричардом I (Львиное Сердце) вместе с французскими войсками стали переправляться морским путем из Мессины в Сирию. Ветер отнес английские суда к берегам Кипра. В то время наместником острова был Исаак Комнин, который незадолго перед этим отделился от Византийской Империи и провозгласил независимость, вступив в соглашение с королем Сицилии.

Однако дальше их дороги несколько разошлись. Французский король Филипп II, мечтая только о захвате Птолемаиды, более известной в Европе под именем Аккон (Акра), не стал нигде по дороге останавливаться, а напрямик отправился в Сирию.

Ричард тем временем, сделал вынужденную остановку на Кипре. Случилось так, что из-за бури часть английских кораблей была выброшена на берег Кипра, на одном из судов находилась невеста Ричарда Беренгария Наваррская. Но тут в ее судьбу вмешался византийский самозванец. Исаак Комнин, на основании берегового права, поспешил завладеть не только судами и всем что оказалось на берегу, но и взял в плен всех спасшихся.

6 мая в гавань Лимасола вошел весь флот крестоносцев. Ричард потребовал у Исаака удовлетворения, а когда тот отказался, немедленно напал на него. Галеры крестоносцев приблизились к берегу, и рыцари с ходу начали бой. Ричард вместе с другими смело прыгнул в воду, и первым вступил на вражеский берег. Сражение, впрочем, продолжилось недолго — греки не выдержали удара и отступили. На следующий день бой возобновился уже за пределами Лимасола, но был так же неудачен для греков. Как и накануне, Ричард был впереди нападавших и более всех отличился своей доблестью. Очевидцы писали, что он захватил знамя Исаака и даже сбил ударом копья с лошади самого императора.

12 мая 1191 г. в завоеванном городе была с пышностью отпразднована свадьба короля Ричарда с Беренгарией Наваррской. Исаак между тем понял свои просчеты и начал вести с Ричардом переговоры. Условия примирения были для него очень тяжелы: кроме большого выкупа, Исаак должен был открыть перед крестоносцами все свои крепости и выставить для участия в крестовом походе вспомогательные войска. Правда, при этом Ричард внешне никак не покушался на его власть — император через весьма короткое время сам дал повод к тому, чтобы события приняли для него наихудший оборот. После того как все дела казались улаженными, Исаак вдруг бежит в Фамагусту и там обвиняет Ричарда в том, что тот якобы посягал на его жизнь. Разгневанный король объявил Комнина клятвопреступником, нарушителем мира и поручил своему флоту сторожить берега Кипра, чтобы тот не убежал. Сам он, прежде всего, захватил Фамагусту, а потом двинулся на Никосию. На пути у Тримирусии еще раз произошло сражение.

Ричард I разбил греческое войско и в течение трех недель завоевал весь остров, захватив крепости и богатую добычу. В числе многочисленных пленников была захвачена единственная дочь Исаака. Сломленный всеми этими неудачами, император 31 мая сдался победителям. Единственным условием низложенного монарха была просьба не отягощать его железными цепями. Но от этого его судьба не стала легче, потому что Ричард

велел заковать его в серебряные кандалы и сослать в один из сирийских замков. Таким образом, в результате успешной 25-дневной войны Ричард I Английский сделался обладателем богатого и цветущего острова. Он оставил жителям половину их имущества, а другая половина была роздана в лен рыцарям, которые обязались взять на себя защиту острова. Во всех крепостях Кипра были поставлены английские гарнизоны¹.

Ричард I низложил Исаака Комнина, а затем продал остров госпитальерам, которые вскоре начали возведение в Пафосе одного из первых на Кипре латинских замков Саранда Колонес. Его принадлежность госпитальерам определяется по архитектурному сходству с подобным же замком ордена Бельвуаром. Судя по археологическим раскопкам XX в., он был разрушен во время землетрясения 1222 года. Как пишет Денис Прингл, замок в Пафосе был построен по концентрическому плану, с прямоугольной внутренней территорией, прямоугольными угловыми башнями и круглой восточной башней. Внешняя стена имела несколько башен самых разных форм: цилиндрическую, прямоугольную, треугольную, многоугольную и др. К воротам вел деревянный мост над вырубленным в скале рвом. В подвале замка, во время раскопок, была найдена сахарная мельница, что дает возможность заключить, что замок являлся центром феодального поместья².

Тем временем Ричард разместив во всех городах и замках свои гарнизоны, 5 июня отплыл в Сирию. Через три дня он уже был в христианском лагере под стенами осажденной Акры.

Но и госпитальеры не думали оставаться на острове, их манила возможность вернуться в Святую Землю и они, не долго думая, уступили Кипр экс-королю Иерусалима Гвидо (Ги де) Лузиньяну³, который в том же году, отказавшись от своих прав на Иерусалимское королевство, стал полновластным королем Кипра. Так была основана кипрская королевская династия Лузиньянов⁴.

Остров Кипр имел большое значение не только в Византийской Империи. Благодаря своему географическому положению, остров был важным стратегическим, но и, в большей мере, торговым пунктом, приносящим казне империи огромные доходы. Через Кипр шла активнейшая торговля

¹ Эпоха крестовых походов. / Под ред. Э. Лависса и А. Рамбо. Пер. М. Гершензона. Изд. испр. и доп. М.: ООО «Издательство АСТ»; СПб.: «Изд-во Полигон», 2003. С. 390.

² Прингл Д. Архитектура Латинского Востока. 1098–1571 // История крестовых походов. М.: «Крон-пресс», 1998. С. 209–214.

³ Карпов С. П. Латинская Романия. СПб.: Изд-во «Алетейя», 2000. С. 9.

⁴ Васильев А. А. История Византийской империи. От начала Крестовых походов до падения Константинополя. СПб.: Изд-во «Алетейя», 1998. С. 95.

с латинскими государствами Востока. Это был своеобразный коридор для пилигримов в Святую Землю. Кипр стал вскоре и убежищем для тысяч христиан, изгнанных мамлюками из своих жилищ на азиатском побережье и покинувших Палестину. Через Кипр шли пути движения войск крестоносцев и Генриха IV в 1195 г., и Фридриха II Гогенштауфена в 1229–1243 гг., и французского короля Людовика Святого в 1248 г. и английского короля Эдуарда I в 1281 г.

Узнав в 1195 г. о завоевании Кипра, французский король Филипп II Август стал требовать у Ричарда часть острова, ссылаясь на статьи договора, заключенного между ними перед началом крестового похода, по которому они обязывались разделять между собой поровну все земли, которые завоюют. Ричард отказал, ссылаясь на то, что в договоре речь шла только о землях, которые они завоюют у мусульман. Оказавшись вместе в Акре, вражда между двумя королями дошла до крайнего предела. Ричард I поддерживал Гвидо Лузиньяна, а Филипп Конрада Монферратского. Кроме того, в силу личных качеств Ричарда, которые понравились египетскому султану, он начал вести переговоры с Саладином, что отрицательно отразилось на его авторитете среди христиан. Появились слухи, что он готов изменить, продать все войско мусульманам. Но вскоре после сдачи 12 июля 1191 г. Акры христианам Филипп покидает город и отбывает во Францию, где начинает войну против английских владений Ричарда I. Последний заключает 1 сентября 1192 г. с Саладином договор, по которому за христианами оставалась небольшая береговая полоса от Яффы до Тира. Все остальные земли с Иерусалимом были предоставлены мусульманам. В октябре Ричард оставил Сирию. Однако в Европе его ждало разочарование. Недалеко от Вены он был схвачен и был заключен в темницу, где провел два года.

После падения Акры, все кто мог спастись, оказались на Кипре, под покровительством Гвидо Лузиньяна и его войска. Если франки после падения Акры провели на Кипре почти четыреста лет, то нахождение на Кипре госпитальеров было недолгим, чуть более десяти лет, но за это время у Ордена сменилось два Великих магистра. На Кипре был избран Гийом де Вилларэ (1296–1305) и Фуке де Вилларэ (1305–1319).

Что же собой представлял остров Кипр? Даже по прошествии пяти веков, т. е. с того времени когда на нем обосновались госпитальеры, покинувшие Палестину и Сирию, внешне остров мало изменился. Сохранилось несколько его описаний, составленных уже в XVIII веке, одно из них находим в книге И. Черенкова. Говоря о древнейшей истории острова, автор писал:

Остров Кипр, почитаемый между знатнейшими островами Азии, лежит на Средиземном море против Памфилийских и Киликийских берегов. С восточной стороны орошается заливом Голфо ди Лаиазо, с полуденной Египетским, и с запада Памфилийским морями, расстоянием на 40 миль от Палестины. Он по плодородию и приятности от древних посвящен был богине Венере. Первые обитатели на сем острове, по уверению историков, были финикиане, а потом поселились на нем греки. В 536 году до Рождества Христова персидский царь Кир остров сей покорил под свою державу, и хотя оной имел потом особенных царей, но они состояли под зависимо-стью персов, а после греков. По смерти Александра Великого владели им египетские цари Птолемеи, из коих при Птолемее Авлете римский цензор Катон привел его под Римскую державу. С сего времени Кипр причислен к Римской монархии, и по разделении оной, к Восточной империи, от коей в царствование императора Ираклия в 648 году по Рождестве Христове отторжен сарацинами, которые и владели им до 1191 года, когда английский король Ричард во время путешествия его в обетованную землю его завоевал и продал храмовым кавалерам за 300 000 ливров. По происшествию между греческою и латинскою церковью раздора, храмовые кавалеры уступили на оной право свое иерусалимскому королю Гидону Лузиньянскому, по смерти коего достался он брату его Амаурию или Америку. После него владели им наследственно короли из Лузиньянского дома, а в 1475 году достался он венецианам, у коих в 1571 году взял султан турецкий Селим II, а в 1574 году, по заключенному у Венецианской Республики с турками миру, уступлен навсегда Порте, которая и поныне владеет им¹.

Описывая главные населенные пункты Кипра, И. Черенков перечислял следующие города, так или иначе связанные с Орденом госпитальеров:

Никозия или *Левкозия*, главнейший на острове город.

Саламис, древний город, построенный греками. В прежние времена был первым на острове и находился, как сказывают, на час пути от нынешнего города Фамагуста к северу.

Пафос, древний и новый. Последний и поныне существует, а первый разорен.

Лапиф, называющийся ныне *Цернес*, изрядное место.

Амаф, что ныне Лимиссо. В сем городе кавалеры Св. Иоанна Иерусалимского, по изгнании их из Птоламаиды имели пребывание².

Итак, Кипр оказался последним местом пребывания франков или как их еще называли, латинян, на восток после потери Палестины. Больше

¹ Черенков И. История державного ордена Св. Иоанна Иерусалимского. Часть II. Воронеж, 1803. С. 306–307.

² Там же. С. 307.

того, Кипр оказался в какой-то мере в роли образа Святой Земли, откуда был перенесен ее сакральный символ, созданный европейскими христианскими паломниками. Город Никосия стал столицей нового государства, здесь же был расположен и центр церковного управления франков. А город-порт Фамагуста, расположенный на восточном берегу острова, с 1291 года взял на себя роль Акры. Фамагуста стала не только главным торговым пунктом Европы в Леванте, она стала олицетворением Иерусалима. Обоснование этой значительной роли города было сделано следующим образом. Дело в том, что короли Кипра претендовали на легитимное право носить корону Иерусалима, поскольку основатель династии Гвидо Лузиньян получил корону от своей жены Сибиллы, а она была дочерью иерусалимского короля Амори I, восшедшего на иерусалимский престол в 1186 году. После первых двух королей из рода Лузиньянов Гвидо и Амори, королем Иерусалима и Кипра был Гуго III Лузиньян (1267–1284). Но после потери в 1187 г. Иерусалима венчание иерусалимской короной совершалось в Тире, но когда в 1288 г. был потерян Тир, а в 1291 г. и Акра все должности и титулы Иерусалимского королевства были перенесены в ближайший к Сирии город Фамагусту, ставший и символом Иерусалима, и его приемником. Именно в Фамагусте, начиная с Гуго IV стали венчаться все кипрские короли¹.

Отступив из Сирии, оказавшись на Кипре, орден госпитальеров становится вассалом короля Кипра Гвидо Лузиньяна, получив от него в качестве лена во владение город Лимассол (Лимиссо). Но вряд ли можно было назвать городом огромное пустынное место, больше походившее на открытое поле, чем на населенный пункт. Единственное, что возвышалось на местности — это старый замок, построенный много лет назад для защиты от морских разбойников. Но он давно не ремонтировался, обветшал и вряд ли теперь мог быть грозой пиратов.

Вскоре на острове оказались остатки и изгнанного из Иерусалима ордена святого Самсона, который слился с орденом госпитальеров, и этот союз стал именоваться «рыцари Кипра».

В соответствии со средневековым ленным правом орден, хотя и сохранял определенную свободу в решении собственных дел, но был вынужден находиться в определенной зависимости у своего сеньора, что выражалось, в частности, в уплате дани и несении воинской повинности. Таким образом, уже в это время проявляется сохранявшийся затем веками дуализм правового лица ордена, который, с одной стороны в качестве духовно-рыцарского ордена был подчинен папе, а с другой стороны, в качестве светского

¹ См.: *Близнюк С. В.* Мир торговли и политики в королевстве крестоносцев на Кипре (1192–1373). М., 1994. С. 74–76.

вассала — своему сеньору. Конечно, такое зависимое от светской власти положение мало устраивало руководство ордена госпитальеров, но они вынуждены были все терпеть, поскольку другого места, где бы орден мог остановиться и залечить раны, в то время не было.

Но ситуация внутри Ордена госпитальеров была попросту критической. Его члены давно уже не походили на благочестивых монахов. В ордене практически отсутствовало даже подобие дисциплины. Непрестанные сражения, которые вели рыцари, участие в осадах и взятии крепостей, — все это наложило на членов ордена особый нравственный отпечаток. Рыцари привыкли грабить, совершать военные подвиги, и никто уже не вспоминал о какой-то духовности. Большая часть членов ордена обогатилась, захватывая военные трофеи и добычу, которая уже не сдавалась в орденскую казну, она попросту присваивалась. Все это приводило госпитальеров к вольной и разгульной жизни. Они стали предаваться роскоши и мотовству, устраивать попойки и гулянья, носить богатые одежды, украшать свои жилища, иметь огромный штат слуг. Все эти пышные столы, дорогие экипажи изменили нравственность госпитальеров, особенно ее молодую часть. Многие от роскоши и пустого веселья переходили к распутству и еще больше влезали в огромные неоплатные долги.

Другое злоупотребление заключалось в том, что многие Приоры во время тех сложностей, которые случились в Святой Земле, пошли по пути приглашения в орден всех подряд. Они без разбора, без соблюдения обязательных традиционных правил давали орденские одежды. Первоначальное благородство членов ордена исчезло.

Великий Магистр Жак де Вилье вынужден был созвать два Генеральных Капитула, которые занялись проблемой восстановления былой славы членов ордена, для чего потребовалось ужесточить законодательную основу поведения членов ордена.

На первом Капитуле было определено: «чтобы ни один рыцарь Иоанновский не имел больше трех лошадей для своей особы, и никаких золотых и серебряных конских уборов не иметь. Приорам предписано было не принимать никого в рыцари без разрешения или без препоручения от Великого Магистра»¹.

Единственно кому было сделано исключение, так это Бальи испанскому, ввиду того, что его Приорство находилось слишком далеко от Кипра. При этом учитывалось, что для «постоянного пополнения рядов госпитальеров в Испании, в результате постоянных потерь на войне простив мавров, дожидаться грамоты и разрешения от Великого Магистра

¹ Лабзин А. Ф., Вахрушев А. История Ордена святого Иоанна Иерусалимского. Т. II. СПб., 1799. С. 182.

на принятие нового рыцаря на место убитого, то при отдаленности расстояния мест и неверности сообщения морем, Орден мог бы совсем там истребиться»¹.

На втором Капитуле рассматривался еще один важный вопрос — о долгах умерших членов ордена. Было решено уплачивать их после продажи имущества покойного должника, в случае недостатка, оставшуюся сумму брать из того участка, какой имел умерший должник в ордене при своей жизни.

Однако упадок орденской дисциплины, как и вообще всей нравственной составляющей рыцарей, уже первые историки госпитальеров связывали с тем состоянием, в котором находилась вся Западная Церковь. Европейские династические «разборки» между Францией и Испанией, Францией и Англией, Германией и папами касались не только всех государств континента, но их результаты влияли на политическую ситуацию и в Палестине и на Кипре.

Папа Григорий IX, а затем его приемники, ведут войну с Германским императором, предавая Фридриха II анафеме и лишая его престола. Однако императору удалось сохранить престол, но перед решающим походом в Италию в 1250 году он неожиданно умирает. Последний император из династии Гогенштауфенов Конрад IV умирает в 1254 г. во время итальянского похода. В период между 1254 по 1273 г. во время так называемого «великого междуцарствия» в Германии не было признанного главы. Больше того, папа Климент IV (1254–1268) потребовал поголовного истребления рода Гогенштауфенов. Был обезглавлен 14-летний принц Конрадин, были убиты все другие члены «еретической семьи». Сама Германская Империя распалась на множество самостоятельных земель. Папа после этой кровавой расправы присвоил теперь себе право непосредственного распоряжения императорским престолом. Воспользовавшись и своим «правом» коронования императора, папа повлиял на избрание в 1273 году австрийского графа Рудольфа Габсбурга, который пообещал папе организовать крестовый поход, не покушаться на папскую территорию, и не воевать против папских вассалов. Но когда Рудольф потребовал присяги от жителей Романии, Этрурии и Ломбардии, папа выразил свой протест и запретил королю явиться в Италию на коронацию. Больше того, он потребовал от Рудольфа примирения с Карлом Анжуйским, «вечного отказа» от притязаний на Неаполитанское королевство и признания за Римом Сицилии, Сардинии и Корсики. Рудольф так и остался некоронованным императором до самой своей смерти.

¹ *Лабзин А. Ф., Вахрушев А.* История Ордена святого Иоанна Иерусалимского. Т. II. С. 182.

Святой Престол после этого посчитал окончательно решенным тянувшийся вот уже три века спор между светской и духовной властью.

В эти же годы во Франции старший сын короля Людовика IX Филипп вместе со своей 24-летней женой Изабеллой Арагонской и младшими братьями Пьером и Жаном приняли участие в VIII Крестовом походе. Но во время перехода через реку Изабелла, находившаяся на шестом месяце беременности, упала с лошади и скончалась. Филипп III (1270–1285) вернулся из похода вдовцом и королем Франции, при нем началась борьба за Сицилию. Дело заключалось в том, что еще в 1265 г. его дядя Карл Анжуйский¹, при поддержке папы Климента IV, который сам был выходцем из Прованса, захватил Сицилию. Под тем предлогом, что папа является главным сюзереном Сицилии, он подарил Анжуйской династии не только Сицилию, но и часть Южной Италии и стал королем Сицилии и Неаполя.

В 1274 г. тридцатилетний Филипп III жениться на 14-летней герцогине Марии Брабант. У них было двое сыновей — Людовик и Филипп. В 1284 г. 16-летний Филипп, женившись на 12-летней Жанне Испанской, королеве Наварры, стал обладателем сразу двух титулов: короля Наваррского и наместника Шампани и Бри².

¹ Карл — сын французского короля Людовика VIII, брат Людовика IX (Святого). С 1246 г. — граф Анжуйский и Мена, а после того как женился на провансальской графине Беатрисе, получил во владение также и богатое графство Прованс. В 1266 г. на Латеранском соборе папа возвел Карла Анжуйского в королевское достоинство. Так было создано королевство Анжуйское обеих Сицилий.

² Этому предшествовала любопытная коллизия между Францией и Испанией. Еще в 1273 г. в 15-месячном возрасте погиб наследник короля Наварры и графа Шампани Генриха. Будущей королевой Наварры была объявлена его дочь, двухмесячная Жанна. Генрих Наварский желая укрепить связи с Англией, договорился о помолвке Жанны с принцем, сыном короля Эдуарда I (1272–1307). Но принц умирает в шестимесячном возрасте, а через несколько месяцев от ожирения умирает и Генрих Наварский. Тогда его вдова Бланка решила породниться с королем Арагона, но этому воспротивилась Кастилия, не желавшая объединения Арагонна и Наварры. Начались кровавые битвы. Бланка обратилась к своему двоюродному брату французскому королю Филиппу III, предложив свою дочь в жены наследнику французского престола принцу Людовику. Филипп III согласился и забрал малолетнюю невестку на воспитание к себе во дворец. Но для помолвки кузенов требовалось разрешение папы. Григорий X тоже не желал объединения Наварры и Франции. Он долго колебался и разрешил брак, но не Людовику, а его младшему брату Филиппу. Расчет папы заключался в том, что наследник Людовик молод, проживет еще долго, а брак принца Филиппа, который тоже состоится, как считал папа, не скоро, не даст оснований для объединения королевств. Так у малолетней Жанны появился уже четвертый жених. Но случилось непредвиденное. Людовик неожиданно умирает через год и наследником престола становится Филипп. Через двенадцать лет,

Передача папой владений сицилийской короны Карлу вызвало недовольство арагонского короля Педро III, который боялся чрезмерного усиления Франции в Южной Италии. Тем временем на Сицилии, Карл Анжуйский установил в своем королевстве тиранический режим, который стал причиной восстания, начавшегося 31 марта 1282 г. известного под именем «Сицилийской вечерни», когда народ почти поголовно истребил ненавистных французов.

События «Сицилийской вечерни» послужили предлогом для начала войны с Францией. Тогда папа Мартин IV (1281–1285) низложил арагонского короля Педро III с престола и освободил от клятвы верности его вассалов и подданных. Папа передал арагонскую корону французскому принцу и призвал к крестовому походу на Арагон¹. Начались новые кровопролитные сражения и, хотя все побережье Арагона было предано огню, тем не менее и папско-французский флот и совместная армия были уничтожены. В это время умирает король Филипп III, немедленно заключается мир, по которому Неаполитанское королевство распадается на две части — Сицилию, доставшуюся Арагону, и Южную Италию с Неаполем, оставшуюся в руках французов.

При понтификате папы Николая IV (1288–1292), который до своего избрания был кардиналом Палестины и папским легатом на Ближнем Востоке, пали последние крепости, находившиеся в руках христиан в Палестине и Сирии. В 1292 году Николай IV умирает, и тут папский престол остается незамещенным (в Церкви это положение обозначается термином «*sede vacante*»). Два года кардиналы, собравшиеся в Перудже, не могли договориться о кандидатуре нового главы Церкви. С одной стороны, Церковь, отягощенную политическими противоречиями, раздирали различные мистические и апокалипсические ожидания, которые охватили все слои европейского общества накануне приближающегося начала нового столетия. С другой стороны, на собравшихся кардиналов оказывали огромное давление как представители двух соперничавших родов Орсини и Коллонн, так и король Неаполя Карл II Анжуйский.

Тем временем в 1294 г. французский король вступает в войну с Англией и для покрытия расходов вводит специальный налог, который распространяет и на духовенство.

как прожила Жанна при французском дворе, получив прекрасное образование, состоялась ее свадьба с Филиппом, а через полтора года умирает его отец и новым королем Франции становится муж Жанны Филипп IV Красивый (1285–1314). Он и присоединил к Франции испанское королевство Наварру, благодаря совершенному браку. Король Филипп IV известен в истории своим противостоянием папе и разгромом ордена тамплиеров. См.: *Сергеев А. Г.* Правители государств и отцы церкви Европы за 2000 лет. Владимир: «Посад», 1997. С. 267–268.

¹ *Лозинский С. Г.* История папства. Изд-е 3. М., 1986. С. 149.

В том же 1294 году окончилось наконец положение «*sede vacante*», папский кризис. Карл Анжуйский привозит к выборщикам 72-летнего монаха Пьетро Анджелари дель Мурроне, пользовавшегося большим почетом, подвизавшегося в качестве отшельника в местечке Сьельмоны, недалеко от Неаполя. Выбор был навязан. Новый папа принял имя Целестина V. Немедленно по восшествии на престол, он решил принять участие в судьбе госпитальеров. Но его старания не увенчались успехом.

Вскоре при загадочных обстоятельствах он неожиданно подписал отречение от папского престола и ушел в отставку, которая была немедленно принята коллегией кардиналов. Историки церкви утверждали, что протокол отставки составил будто бы кардинал Бенедетто Каэтани, враг рода Колонна. Именно этот человек и стал затем следующим 191 папой с именем Бонифаций VIII (1294–1303). Он настолько ненавидел своего противника, что тут же заключил его под стражу и заставил стражников издеваться над стариком. Целестин V умер в 1296 г. в крепости, но уже в 1313 году был провозглашен святым.

Характер у Бонифация VIII был отвратительным, он был злобным, завистливым человеком, очень злопамятным, занятым только своим возвеличением. Он немедленно начал борьбу не только против своего предшественника, но и против французского короля Филиппа IV Красивого. Три его буллы содержали программу укрепления папской власти. В первой «*Clericis laicos*» он резко выступил против фискальной политики короля, запретил обложение духовенства без разрешения курии. В ответ на это король запретил вывоз из Франции золота, серебра и всяких драгоценностей за границу.

Но уже через год, в 1297 г., во второй булле «*Romana Mater*» папа вынужден был смягчить свои угрозы. В ней папа писал: «Мы даем разрешение отдельным духовным представителям во Франции добровольно платить, и в чрезвычайных случаях не будем настаивать на своем разрешении»¹. А вскоре Бонифаций VIII нашел способ получения доходов. Он объявил 1300 год «святым годом», объявив, что всякий грешник, прибывший в Рим на 15 дней и ежедневно посещающий храм св. Петра и Павла, не только получает прощение, но и приравнивается к крестоносцу, пользующемуся особыми милостями церкви.

Наконец в третьей булле «*Unam sanctam*», опубликованной в 1301 году, Бонифаций VIII наиболее четко сформулировал доктрину примата власти папы, сосредоточения в его руках главенства, как духовной, так и светской власти. Как писал Бонифаций VIII в своей последней булле: «Во власти церкви имеются два меча, а именно: духовный и материальный... но оба

¹ Лозинский С. Г. История папства... С. 150.

они — и духовный и материальный — во власти церкви. Вторым следует пользоваться для блага церкви, а тот — в руке королей и рыцарей, но в подчинении церкви и слушаться ее приказа»¹. «Духовная власть, — писал папа, — правда, передана человеку, но она не человеческая, а божеская, и кто не повинуется ей, противится воле Господней и подлежит принудительному спасению». И далее было сказано буквально следующее: «Короли должны служить церкви по первому приказанию папы (ad nutum). Папе принадлежит право карать светскую власть за всякую ошибку. Светской власти это право не дано». В булле несколько раз повторялось утверждение о верховенстве папской власти: «Церковь не чудовище с двумя головами; во главе церкви папа — единый, как один Бог». В заключении буллы было написано: «Мы торжественно заявляем, определяем и утверждаем, что подчинение римскому первосвященнику есть для каждого человеческого существа необходимое условие его спасения» (omnino esse de necessitate salutis)².

В это время до папы дошли известия о политике ряда правителей Европы к духовно-рыцарским орденам, находившимся после ухода из Палестины на Кипре. Дело в том, что английский и португальский короли, узнав, что быт госпитальеров очень изменился, что рыцари больше заняты умножением своего личного богатства, пребывают в роскоши и тщеславии, не захотели больше отдавать им доходы от тех имений, которые были переданы еще их родителями на защиту Святой Земли. Рассуждали они просто. Поскольку теперь Святая Земля уже не находится в руках христиан, то и наилучшее употребление доходов с завещанных имений будет таким, если их употреблять на бедных того народа, от которых они отошли госпитальерам. Иными словами, доходы должны оставаться бедным англичанам и португальцам. Естественно, что до бедных эти отчисления не доходили, а оставались в руках королевской власти.

Жалобы госпитальеров папе нашли быстрое решение. Бонифаций VIII оправил буллу, в которой писал, что госпитальеры искали на Кипре не столько убежища, сколько удобства снова возвратить Святую Землю христианам, и что они на этом острове так же как и в Палестине продолжают исполнять свои обязательства и содержат не только больницы, которые открыты для всех бедных, но и высылают в море корабли, сопровождая паломников, что было правдой. Папа заключил, что госпитальеры и их орден столь общеплезен для церкви, находясь под его покровительством, что любая помеха в выполнении его обязательств будет расцениваться как нарушение папских установлений, данных ордену³.

¹ Цит.: Ковальский Ян. Папы и папство. М.: Политиздат, 1991. С. 140.

² Цит.: Лозинский С. Г. История папства... С. 152.

³ Лабзин А. Ф., Вахрушев А. История Ордена святого Иоанна Иерусалимского. Т. II. С. 182.

Папские угрозы подействовали, и заставили обоих королей покориться решению Святого престола и снять секвестр с орденских имений.

Тем временем и Кипрский король, подражая французскому, наложил как на госпитальеров, так и на тамплиеров большие налоги. Он запретил орденам иметь собственность на Кипре, подверг поголовной подати и подушному обложению всех членов орденов, обложив их наравне с простым народом. Бонифаций VIII прислал грозное письмо королю, в котором писал: «Повелеваем, чтобы подать, называемая простым народом подушную, которое и наименование отвратительно и гнустно, была непременно уничтожена. И да не осмелится король и впредь налагать оную и на простых своих подданных, без дозволения от Нашего Святого престола. Равно и в рассуждении орденских податей, объявляем мы гостеприимных братьев святого Иоанна Иерусалимского рыцарей Храма совершенно свободными от оных».

В конце послания папа добавил: «Хотя Святой Престол и утвердил буллой, сделанное королем запрещение духовно-военным орденам иметь на острове сем собственные владения, но сие согласие пап король не должен толковать превратно и препятствовать рыцарям выстраивать монастыри и прикупать к оным соседние дома, необходимые для жительства столь многочисленного ордена, который кроме странников и бедных, содержал при том всегда корпус войск для своих военных предприятий»¹.

Но, даже несмотря на такую защиту госпитальеров, король заявил, что не потерпит на своей земле людей, которые считают себя независимыми от его власти. Вот почему госпитальеры, не став ссориться с владельцем Кипра, продолжали платить ему подушную подать.

На Кипре, как мы помним, были и соперники госпитальеров — рыцари Ордена Храма. Тамплиеры находились в такой же ленной зависимости от Лузиньянов, но они оказались более практичными, чем госпитальеры. После исхода из Палестины, уже в 1291 году, папа запретил крестоносцам какое бы то ни было общение с мусульманами. Но прекращение торговли могло подорвать возможность самого существования спасшихся христиан. Экономический кризис казался неизбежен. В подобной ситуации кипрским властям не оставалось ничего другого, как выработать свою собственную концепцию независимой от папы внешнеэкономической политики. И это им удалось. Кипрские короли, тамплиеры и госпитальеры теперь хотели жить в мире с мусульманским миром. Довольно быстро они стали налаживать торговые отношения с мусульманским миром, но не напрямую, а через посредников. Большую помощь в этих делах оказали армянские, генуэзские и венецианские купцы. Именно торговля

¹ Там же. С. 193–194.

стала давать основные поступления в государственную казну Кипра и в казну орденов.

В течение XIII в. все торговые операции велись с помощью венецианских и генуэзских купцов, последние даже обещали королям Кипра оказывать военную помощь в случае войны с Египтом. Однако договор, подписанный 21 сентября 1288 г. между Лигурийской республикой и королем Генрихом II, оказался невыполним, поскольку генуэзцы продолжали вести активную торговлю с Египтом, султан которого давал им большие привилегии в своих землях. И хотя в 1292 г. король вынужден был расторгнуть это соглашение, все же именно представители Лигурийской республики создали в течение века основу экономико-политических контактов и базу для развития торговли на Кипре¹.

В 1294 году Генеральный Капитул госпитальеров, собранный на Кипре, пересмотрел Орденский Устав, который теперь стал соответствовать его наднациональному характеру, что проявилось в организации внутреннего управления по принципу языков (лангов), упомянутых еще в Маргатских Уставах 1206 года. Процесс разделения на языки только начался, и окончательно этот вопрос был урегулирован после переселения на Родос. На Кипре большей частью все это закрепились пока только официально, протоколами Капитула, составлением списков рыцарей, которые должны были составить новое разделение на ланги.

Все эти организационные дела не отвлекали госпитальеров от основных задач, которые они видели в укреплении своего материального положения. Как видим, они не стесняются заниматься торговлей, продолжают заниматься ростовщичеством, приобретают и получают в дар владения на Кипре. Одновременно начинаются склоки с конкурентами.

И венецианцы, и генуэзцы имели большие владения на острове, частично приобретая, но большей частью получая их по наследству. Но в конце XIII в. наблюдаются изменения в составе населения Кипра. В связи с большим притоком лиц, бежавших из Сирии, венецианских и генуэзских купцов вынуждали покидать остров. Эта миграция, особенно венецианцев, началась с приходом к власти династии Лузиньянов. Уже к середине XIII в. многие казалии, склады, торговые лавки, дома и земельные участки, сады и виноградники, мельницы и бани, которыми еще совсем недавно владели венецианцы, переходят в собственность кипрского короля, лимасольского епископа и двух орденов: госпитальеров и тамплиеров².

И госпитальеры, и тамплиеры начинают активно заниматься хозяйственной деятельностью, но не абы какой. С 1291 г. на Кипре в значительных

¹ *Близнюк С. В.* Мир торговли и политики в королевстве крестоносцев... С. 35.

² *Там же.* С. 38.

объемах расширяются плантации сахарного тростника, и производимый сахар становится одним из самых прибыльных товаров, дающих огромный доход. Его экспортировали не только в ближайшие Венецию, Геную, Константинополь, но и во многие города Западной Европы. Кипрский сахар славился своей белизной и хорошим помолом. Его производили в таких количествах, что по утверждению Марино Санудо, прекрасного знатока ситуации на Востоке, этот сахар мог бы снабжать в то время (а это было написано в 1320 г.) весь христианский мир, и нет необходимости христианам идти за этим товаром в мусульманские земли.

На Кипре начинается строительство акведуков, по которым вода подавалась на плантации и мельницы, где тростник перерабатывался. Но воды на острове было мало, и из-за нее возникали частые споры.

Однако госпитальеры не смогли спокойно ужиться в мире Восточного Средиземноморья тех лет. Больше того, орден втянулся в местные династические распри, что внесло разлад с королями Кипра. К госпитальерам стали относиться с едва скрывавшейся неприязнью. Великий Магистр Гийом де Вилларэ (1296–1303 гг.) посчитал, что единственный выход из создавшегося положения состоит в захвате близлежащего острова Родос. Выполнение этого решения выпало на долю его брата Фулька де Вилларэта (1305–1319 гг.), ставшего Великим Магистром. В 1306 г. орден госпитальеров начинает войну за Родос именно в год прихода к власти де Вилларэта.

И все же, несмотря на уход госпитальеров с Кипра, в течение нескольких веков на острове сохранялись их владения сахарного тростника, и они имели свои мастерские, на которых изготовлялся сахар. Дело это было настолько выгодным, что госпитальеры не останавливались даже перед нарушениями, если не сказать больше, перед преступлениями, чтобы убрать конкурентов. Ведь стоимость сахара на Кипре была довольно высока, поэтому доходы госпитальеров от его продажи достигали астрономических по тому времени сумм.

Известно дело Венецианского Сената, датированное 1468 г. Семейство Корнаро подало в Сенат жалобу на госпитальеров, отведших воду из канала в Пископии, из-за чего они, Корнаро, потеряли свыше 10 тысяч дукатов дохода, «а также рассадку сахарного тростника **на всем острове**». Из-за этого Корнаро были вынуждены отправиться в Сирию, чтобы купить в достаточном количестве новые саженцы, поскольку на Кипре они не смогли, по их словам, купить их ни за какую цену¹.

Судя по документам дела, споры между Корнаро и госпитальерами из-за воды шли многие десятилетия, и республика святого Марка в конце

¹ Там же. С. 93.

XIV–XV вв. не раз пыталась оказывать давление на кипрского короля, чтобы он поддержал их граждан и наказал госпитальеров.

А что же происходило в это время в западном мире?

Во-первых, с начала XIII в. в средиземноморском бассейне происходят глобальные территориальные изменения. Совокупность владений западноевропейских феодалов, а также итальянских морских республик, Генуи и Венеции, как пишет С. П. Карпов, привело к появлению геополитического феномена, под названием Латинской Романии. Ее крупнейшими государствами стали: Латинская империя с центром в Константинополе (1204–1261), Фессалоникийское государство (1204–1224, с 1209 г. королевство), Ахейское (Морейское) княжество на Пелопоннесе (1205–1432), Афинская сеньория (1205–1456, с 1260 г. — герцогство), государство ордена госпитальеров на Родосе и островах Додеканеса (1306–1522)¹.

Во-вторых, в конце XIII в. папство достигло почти мировой власти, и папа уже не боялся новых посягательств со стороны светской власти короля. Но именно это постоянное вмешательство в государственные дела отдельных стран привело папство к падению и довело Западную Церковь до раскола, после чего появилась необходимость вновь обратиться к Собору.

В 1300 году папа Бонифаций VIII приказал нести перед собой во время Юбилея два меча, символизовавших его духовную и светскую власть во всем мире, но уже в следующем году у него возникло столкновение с французским королем Филиппом IV Красивым, который был против вмешательства папы в дела королевства. Король созвал в 1302 году в парижском соборе Нотр Дам собрание духовенства, дворянства и буржуазии, которое полностью поддержало его в его борьбе с папой. Не ограничившись провозглашением своей независимости от папы, Филипп IV послал отряд во главе с Вильгельмом Ногаре в Италию, и папу арестовали. События 1303 года стали страшным ударом для папской власти и для пап лично, они подпали целиком под контроль французских королей. Преемник Бонифация VIII, папа Клемент V, по происхождению француз, перенес папскую резиденцию в Авиньон, где папы и оставались до 1376 года.

И даже в этот сложный период для папства, папы не оставляли планов покорить себе Восточную Церковь. Оценив тяжелое положение Византии, находившейся в постоянной угрозе со стороны турок, папы оставили свою, ставшую традиционной политику, желавшую привести греков к Унии угрозой латинского меча. С 30-х годов XIV века римско-византийские отношения, даже при папах, наиболее враждебно настроенных к грекам,

¹ *Карпов С. П. Латинская Романия. СПб.: Алетея, 2000. С. 9.*

которых именовали не иначе как схизматиками, вступают в новую фазу, завершившуюся Ферраро-Флорентийской Унией. Та же перемена произошла во взглядах французского двора, и Филипп VI отверг идеи Брокера, представившего мемуар о завоевании католиками Греческой империи. Ведь турки угрожали как грекам, так и латинским государствам в Греции, и другого выхода, как помочь грекам, попросту не существовало.

С 1334 г. папа даже находился в союзе с Византийским императором Андроником III против турок, о чем был подписан соответствующий договор в Авиньоне. К этой лиге примкнули французский и анжуйский (неаполитанский) дворы, а также наксосский дука Санудо, сильно страдавший от турок. Хотя византийское правительство не могло уклониться от этой лиги, надеясь на помощь против османов и желая обеспечить себя с латинской стороны в Фессалии, Эпире и Македонии, оно было далеко от мысли оказать латинянам реальную помощь, хотя и собирало флот. Корабли латинян-союзников сожгли несколько сельджукских селений, но до крестового похода, назначенного на 1336 г., дело не дошло. Монархи отдаленного Запада от него уклонились¹. Они тоже поняли, что нет смысла вкладывать значительные денежные суммы и физические средства в безнадежные международные проекты.

* * *

Итак, руководство духовно-рыцарских орденов понимало, что это нахождение на Кипре является для них временным, правда, тамплиеры и госпитальеры не раз совместно обсуждали планы возвращения Святой Земли. Они даже участвовали в совместных морских экспедициях, организованных против мусульман, но, поняв, что все их попытки безрезультатны, стали думать о своей дальнейшей судьбе. Военно-монашеские ордены начали приспособляться к новым условиям существования. Некоторые из них переместились в родные страны рыцарей. Но там их ждало разочарование. Несмотря на свою славу, величие и значимость, которое они имели на Святой Земле, в родных краях они, в конце концов, оказались в зависимости от своих сеньоров.

Так орден св. Лазаря перебрался во Францию, устроив в Париже свою штаб-квартиру, но уже через век, он прекратил свое существование. Тевтонский орден оказался первоначально в Венеции, в 1309 г. после ареста тамплиеров поспешил перебраться в Пруссию, в Мариенбург, и с того времени тевтонских рыцарей стали интересовать только земли Германии и сопредельных территорий. Тамплиеры частично остались на Кипре, но значительная их группа перебралась во Францию и Англию.

¹ См.: Успенский Ф. И. История Византийской империи. М., 1997. Т. 3. С. 557.

Глава 14

Орден госпитальеров и процесс над тамплиерами

История ордена тамплиеров — это большая самостоятельная тема, нам же необходимо остановиться на том периоде взаимоотношений двух орденов, который совпал с основанием государства госпитальеров на Родосе. Для Ордена тамплиеров — далеко не первого среди существовавших в Святой Земле монашеских братств — был составлен Устав. Его члены пользовались большими преимуществами еще и потому, что их опекал знаменитейший в то время церковный деятель Бердард Клервоский, которого вскоре после смерти Западная церковь причислила к лику святых.

Слава Ордена тамплиеров быстро росла вместе с его численностью, подвигами и могуществом, что отвечало идеалу рыцарства и привлекало в ряды тамплиеров представителей самых знаменитых фамилий. Не было ни одной сколько-нибудь знаменитой семьи в Европе, члены которой не желали бы быть рыцарем-тамплиером, а многие и состояли в ордене. При всех европейских дворах тамплиеры занимали самые почетные должности, а по богатству и могуществу орден мог соперничать со всеми тогдашними государствами христианского мира. Это-то и явилось причиной страха перед его возраставшим могуществом не только светских, но и духовных властей. В то же время, папы, видевшие в ордене св. Иоанна опору своего влияния в Европе, расширяли покровительство госпитальерам.

Тамплиеры имели собственное войско, собственный суд, независимый от королевского, монастыри и замки — огромные, независимые владения в каждом европейском государстве. На их территорию от произвола королевских чиновников охотно уходили крестьяне, горожане и даже дворянство, получая надежную защиту. В лице тамплиеров формировалась как бы единая власть, которой оставалось совсем немного, чтобы объединить в своих рядах всю европейскую аристократию и горожан и стать

над светской властью, положив конец европейским раздорам и войнам. Но этого не произошло.

В 1291 году пала Акра, последний оплот христиан на Востоке, и тамплиеры вместе с другими духовно-рыцарскими орденами вынуждены были перебраться на Кипр, а затем во Францию. К этому времени стало особенно заметно перерождение ордена. Рыцари утопали в роскоши, с которой познакомились на Востоке, орден занимался торговлей и ростовщичеством.

Но по мере того, как росло внешнее могущество ордена, устанавливалось его царственное по своей независимости положение, изменялось и внутреннее его содержание. Надменность и далеко не монашеский образ жизни рыцарей Ордена Храма были известны на всем пространстве от Святой земли до Португалии. По всей Европе гуляла поговорка «пьет, как тамплиер». А перед самой своей смертью Ричард Львиное Сердце, особенно чтивший тамплиеров, тем не менее, не преминул произнести такую фразу: «Я оставляю скупость цистерцианским монахам (по образу и подобию которых Бернар Клервоский и создал уставы тамплиеров), роскошь — ордену нищенствующих братьев (францисканцы, доминиканцы, бернардинцы, кармелиты и др.), а гордость — тамплиерам»¹.

Казалось бы, орден был создан как орудие католической церкви и папской власти для борьбы с неверными за освобождение Гроба Господня. Но, как уже было отмечено, на Востоке рыцари оказались во власти роскоши и не устояли перед её искушением. Однако на Востоке они прикоснулись не только к роскоши, но и к целому миру новых идей и представлений. И не только познакомились, но и прониклись ими во время долгих перемирий и контактов со своим столь же рыцарственным (но во многих случаях гораздо более просвещенным) противником, хранящим тайные учения, с которым всегда жили бок о бок, заимствуя друг от друга знания и не обращая внимания на религиозные и национальные барьеры.

Но для нас более важно, что прежняя беспредельная преданность Ордена тамплиеров Церкви сменилась религиозным безразличием и свободомыслием, близким к еретичеству. Согласно этим новым влияниям изменился и первоначальный устав ордена, составленный св. Бернардом. Так послушничество, бывшее прежде обязательным для поступления в орден, было отменено. § 54 устава, запрещавший принимать в число тамплиеров рыцарей, отлученных от церкви, был изменен в обратном смысле: признано было желательным вербовать новых членов именно среди этих отверженных церковью, «дабы содействовать спасению их душ».

¹ Печников Б. «Рыцари церкви». Кто они? М., 1991. С. 77.

Эти изменения в уставе привлекли в орден массу прямо враждебных церкви членов. В связи с этими изменениями исследователи ставят возникновение в начале XIII века среди рыцарей тайного еретического учения. Считают, что наряду с внешним исповеданием христианского учения и церковных обрядов в подземельях орденских убежищ ночью или на рассвете происходили тайные собрания, где совершались обряды мистического посвящения и поклонения «таинственной силе». И думается, что все это не наветы на тамплиеров. Да, они оказались стойкими и не открыли многих своих тайн даже под пытками, не дошло до нас никаких документальных свидетельств, но легенды, которые до сих пор существуют, и косвенные свидетельства, вероятно, имеют под собой какую-то основу.

Два века, проведенные на Востоке, не прошли бесследно. Простое сравнение христианской обрядности с местными религиями должно было привести к «открытию» общих для всех монотеистических систем таинств древнего солнечного культа. Но едва ли основной состав ордена и его руководство стремились к ниспровержению христианства, в чем их впоследствии обвинили. Хотя и могли втайне отдавать предпочтение творцу мироздания — духу. Не случайно, подобно альбигойцам¹, они предпочитали Пасхе «Белое воскресение» — Пятидесятницу. Они считали себя восприемниками мистических идеалов раннего рыцарства, ищущего свой таинственный и недоступный Грааль.

В альбигойских войнах тамплиеры были, по крайней мере, внешне, нейтральными и ограничивались ролью наблюдателя. Однако Великие Магистры ордена даже в обращениях к папе подчеркивали, что настоящие крестовые войны следует вести лишь против сарацин. Сохранились свидетельства что рыцари Храма предоставляли убежище многим катарским беженцам², нередко защищая их с оружием в руках. Если же

¹ Альбигойцы, средневековая секта, в южной Франции, название получили от города Альби, жители которого еще в XII в. приняли учение катаров и др. еретиков (дуализм, отрицание церковной иерархии и таинств и т. д.).

² Катары (от греч. *katharós* — чистый), — приверженцы ереси XI–XIII вв., получившей распространение в Западной Европе (главным образом в Италии, Фландрии, Южной Франции). Догматика катаров дуалистична; для неё характерно противопоставление двух начал: «доброе» (созданный Богом невидимый, духовный и единственно истинный мир) «злому» (земной, материальный мир, созданный сатаной). Осуждение всего земного, плотского вело к крайнему аскетизму: Катары отвергали брак, запрещали употребление животной пищи, допускали самоубийство. Катары не признавали церковных таинств (<http://www.cultinfo.ru/fulltext/1/001/008/108/455.htm>), поклонения святым, индульгенций. Катары изобличали пороки католического духовенства (римского папу считали заместителем сатаны). Требовали ликвидации церковного землевладения, отказывались от уплаты церковной десятины. Создали свою религиозную организацию, во главе которой стояли наставники — «совершенные» (*perfecti*), обязанные

посмотреть на состав ордена тамплиеров в начале альбигойских войн¹, можно отметить значительный приток катаров в орден, где они получали высокие должности. Бертран де Бланшефор, четвертый по счету Великий Магистр тамплиеров, происходил из семьи катаров. Члены его фамилии

вести аскетический образ жизни. Против К. церковь при поддержке светской власти повела ожесточённую борьбу. Учение катаров легло в основу еретического движения альбигойцев (<http://www.cultinfo.ru/fulltext/1/001/008/024/815.htm>). В результате беспощадных преследований к концу XIII – 1-й половине XIV вв. ересь катаров почти полностью была искоренена. См.: *Borst A. Die Katharer. Stuttgart, 1953.*

¹ Альбигойские войны, крестовые походы в 1209–1229 (с перерывами) на Юге Франции против альбигойцев (<http://www.cultinfo.ru/fulltext/1/001/008/024/815.htm>), предпринятые по инициативе папства ради подавления опасной для него ереси. Поводом послужило убийство (1208) папского легата одним из приближённых тулузского графа Раймунда VI. Папа Иннокентий III отлучил от церкви Раймунда VI, обвинённого в инспирировании убийства, и призвал к крестовому походу против еретиков. Французский король Филипп II Август, занятый борьбой с Англией за северо-французские земли, отказался возглавить поход. Армию крестоносцев составило северо-французское (частью — немецкое) рыцарство, рассчитывавшее поживиться за счёт богатых южных городов; активное участие приняло северо-французское духовенство. Предводителем крестоносцев стал граф Симон де Монфор. В 1209 крестоносцами были взяты и разграблены многие южные города (Безье, Каркассонн и др.). Для юга Франции война скоро утратила религиозный характер и превратилась в сопротивление провансальской народности северным захватчикам. На стороне Раймунда VI, возглавившего военные силы Юга, вступил в войну король Арагона Педро II. После битвы 1213 при Мюре (в которой погиб Педро II), завершившейся победой крестоносцев, значительная территория на юге Франции подпала под власть де Монфора, признавшего себя вассалом французского короля. Раймунду VI удалось удержать за собой лишь Тулузу, Ним, Бокер, Ажен. В 1215 после длительной осады пала Тулуза, Раймунд VI бежал, 4-й Латеранский собор осудил его как еретика, а его владения были переданы де Монфору. Однако сопротивление Юга ещё не было сломлено. В 1217 в Тулузе победило народное восстание. Воспользовавшись им, Раймунд VI вернулся в Тулузу; его власть признали многие города и области Лангедока и Прованса, также восставшие против крестоносцев. В 1224 Раймунд VII (сын Раймунда VI) изгнал из Каркассонна войска А. де Монфора (сына убитого в 1218 Симона де Монфора). Добившись принятия своих условий (главным образом невмешательства папы в светские дела и в дела местного духовенства), против южан выступил французский король Людовик VIII, воздержавшийся ранее от помощи Монфору (опасаясь образования на юге сильного государства). Королевские войска взяли Авиньон (1226), затем многие города юга изъявили покорность французскому королю (А. де Монфор передал ему свои владения). В результате значительная часть Тулузского графства была присоединена к королевскому домену (Париж, договор 1229). Альбигойские войны нанесли большой урон экономике юга, задержав развитие городов, достигших в довоенный период пышного расцвета. См.: *Осокин Н. А. История альбигойцев и их времени. Т. 1–2, Казань, 1869–1872; Периздан: М.: Изд-во АСТ, 2003; Belperron P. La croisade contre les albigeois et l'union de Languedoc à la France (1209–1249). Paris, 1942.*

через сорок лет после смерти Бертрана плечом к плечу с другими катарскими аристократами сражались против северофранцузских и немецких крестоносцев во главе с Симоном де Монфором¹. Известно, что в Лангедоке среди высокопоставленных тамплиеров было больше катаров, чем ортодоксальных католиков. Необходимо отметить, что эти катарские аристократы – в отличие от своих католических собратьев — оставались главным образом в Лангедоке, так что орден в этом регионе всегда мог опереться на испытанную и стабильную базу.

Орден тамплиеров, имевший свои провинции во всех уголках Европы, и ставший «государством в государстве» таил в себе цементирующую силу, работающую на единение народов. Европа, могла бы избежать пролития морей крови, если бы была сохранена стабилизирующая сила Ордена, ненавистная узким националистам, которые давно вынашивали планы уничтожения ордена тамплиеров. И случай такой представился довольно скоро.

В 1305 г. папский престол занял Раймон Бертран де Го, родом из Гасконии. Он был каноником в Бордо, генеральным викарием Лиона, затем папским капелланом и архиепископом Бордо. В результате резких споров между сторонниками Колонна, Орсини и других родов римской аристократии конклав, собравшийся в Перудже после смерти Бенедикта XI, продолжался 11 месяцев. Перевесили голоса французских кардиналов и поддержка Орсини. Новый папа принял имя Климента V.

Сразу же после избрания папа удивил выборщиков, решив провести свою коронацию в Лионе в присутствии Филиппа Красивого и других французских владык. Климент V после нескольких лет колебания поселился окончательно в Авиньоне, небольшом городке, расположенном на левом берегу Роны. Здесь был построен для папы роскошный дворец. Вслед за папой в Авиньон переехала курия, насчитывавшая тогда более 4000 чиновников. Они построили для себя виллы и дворцы по обоим берегам Роны. Авиньон служил папству в качестве столицы западного христианства в течение 70 лет, которые сравниваются с 70 годами вавилонского плена. Аналогия не была удачной, поскольку папы добровольно оставили не подчинявшийся им Рим, но по-прежнему продолжали считать себя преемниками св. Петра. Между Авиньоном и Римом поддерживались

¹ Монфор (Montfort) — Симон IV, граф, 1160–1218; 1208 предводитель крестоносцев против альбигойцев, пал в битве при Тулузе. Его сын Симон, граф Лейстер (Leicester), 1206–1265, в 1238 женился на сестре короля Генриха III, в 1258 г. стал во главе оппозиции, победил короля 14 мая 1264 г. при Льюисе, стал регентом и протектором, на народном собрании 3265 положил начало парламентскому строю Англии, пал при Ивесгеме в битве против принца Эдуарда Уэльского. *Гутнова Е. В.* Возникновение английского парламента. М., 1960.

свободные контакты. Папские легаты за неполную неделю доезжали до Рима через Марсель, а далее морским путем до Остии или Корнето — римских портов. В Вечном городе духовную опеку над верующими осуществляли епископы окрестных епархий. Административная власть находилась в руках раздираемого внутренними распрями сената, который редко мог совладать с хаосом и бандитизмом, терзающими как жителей города, так и многочисленных паломников, все еще приходивших к апостольским могилам.

В политических делах Климент V, в отличие от своего предшественника отказался от конфликта с королем Франции. Он начал с отмены буллы Бонифация VIII «*Unam sanctam*», в которой была изложена доктрина теократической власти римского первосвященника. А в 1311–1312 гг. он созывает во Вьенне на Роне Вселенский собор, программа которого была сконцентрирована на трех проблемах: рассмотрение дела ордена тамплиеров, подготовка нового крестового похода и осуждение тезиса о «христианской бедности», пропагандируемого францисканскими спиритуалами¹.

Итак, Климент V решил предпринять новый грандиозный крестовый поход. 6 июня 1306 г. он отправляет из Бордо письма Великому Магистру ордена госпитальеров Фульку де Вилларэ и Великому Магистру тамплиеров Жаку де Моле. В нем папа выразил «свое горячее желание» посоветоваться с ними и предпринять меры по возвращению христианами Святой Земли. Он писал, что только два ордена наилучшим образом смогут дать совет по этому вопросу и даже возглавить и осуществить задуманное предприятие благодаря своему богатому военному опыту и заинтересованности в успехе. «Приказываю вам, — заканчивал письма папа, — явиться сюда без промедления, сохраняя строжайшую тайну и с очень маленькой свитой, ибо вы найдете по эту сторону моря достаточно рыцарей, готовых прислуживать вам»².

Фульк де Вилларэ нашел веские причины отказаться от этой поездки, сославшись на необходимость своего присутствия на Родосе, который постоянно атакывался турками. Кроме того, он обосновал свое отсутствие необходимостью скорейшего обустройства на Родосе, строительством укреплений и жилья для рыцарей. Но думается, что де Вилларэ знал о том повсеместном недовольстве, которое уже существовало против духовно-рыцарских орденов в Европе. Ведь именно ордена госпитальеров и

¹ Ковальский Ян В. Папы и папство. М., 1991. С. 142–143.

² Цит.: Аддисон Ч. Дж. История рыцарей-тамплиеров, церкви Темпла и Темпла / Пер. с англ. Е. Е. Бергер. М.: Алетея, 2004. С. 164. Письмо опубликовано: *Clemens V. Regestum Clementis Papae V cura et studio Monachorum Ordinis S. Benedicti. Romae, 1885. I. № 1033, ll. 190–191.*

тамплиеров обогатились после ухода крестоносцев из Палестины, поскольку только они вывезли огромные средства, которые ссужали под проценты многим европейским правителям. И если госпитальеры поняли, откуда им грозит опасность, то тамплиеры оставались в полном неведении.

Перебравшись в начале XIV века в Европу, тамплиеры лицом к лицу встретились со своим главным врагом — французским королем Филиппом IV Красивым. Врагом ордена он стал по своей жадности, задолжав тамплиерам огромную сумму денег, возратить которую был просто не в состоянии, почему и взирал на орден с нескрываемым трепетом. Французский монарх также опасался их политической и духовной власти, которая была намного сильнее его собственной. Коварством и хитростью с помощью папы ему удалось вызвать с Кипра гроссмейстера ордена Жака де Моле с орденскими сокровищами.

Жак де Моле отправился во Францию в сопровождении Рэмбо де Карона, приора Кипра и небольшого отряда рыцарей. Он, конечно, не собирался оставаться во Франции навсегда, ибо остальные руководители ордена, как и большая часть денежных средств, остались на Кипре. Великий Магистр прибыл во Францию в начале 1307 г. Он был торжественно встречен королем и парижанами. Да и как могло быть иначе, главный должник ордена встречал своего кредитора. В парижском замке Тампль де Моле приказал разместить вывезенную с Кипра часть казны ордена. Затем он посетил в Пуатье папу, где задержался на некоторое время, ведя переговоры о предполагаемом походе в Святую Землю. Тогда же папа предложил объединить два Ордена госпитальеров и тамплиеров в один.

Де Моле хорошо была известна ситуация в далекой от Парижа Палестине. Он резонно заметил папе, что когда пала Акра, то все оставшиеся в живых крестоносцы открыто высказывали недовольство папой Николаем IV, ничего не сделавшим чтобы помочь осажденным. Но папа, чтобы оправдать себя, свалил всю вину от потери Акры на якобы существовавшее тогда разногласие между тамплиерами и госпитальерами, больше того, еще тогда Николай IV предложил объединить два ордена. Но де Моле заявил Клименту V, что никаких разногласий между орденами, наносящими ущерб христианскому делу, не было. Да, существовало определенное соперничество, стремление превзойти друг друга, а исчезновение ордена св. Иоанна оказалось бы весьма невыгодно христианам, но полезно сарацинам, ибо если госпитальеры одерживали блистательную победу над неверными, тамплиеры никогда не успокоятся, пока не совершат нечто подобное или еще более впечатляющее, и наоборот. И если тамплиеры отправляли в Палестину рыцарей, коней и все необходимое для военных действий, госпитальеры немедленно поступали так же. Де Моле заверил папу, что никогда члены одного ордена не поднимали руку на рыцарей

из другого¹. В то же время Великий Магистр тамплиеров сказал папе, что в последнее время уважение к этим двум орденам среди христианских народов уменьшилось, многие не желают вносить пожертвования, от чего ордена несут большие убытки. Все больше желают взять у них, чем дать.

В июне 1307 г. в Париже состоялось общее собрание братства. В ответ на просьбу папы дать ему совет относительно готовящегося похода, Жак де Моле подготовил две записки. Подробно о деятельности Великого Магистра тамплиеров во Франции рассказал в своем исследовании Малколм Барбер. Анализируя текст этих записок, английский историк отмечал, что первая содержала предложения относительно организации похода. Жак де Моле просил правителей западных государств предоставить для этого 15 000 рыцарей и 5 000 пехотинцев. Итальянские города должны были обеспечить крестоносцев боевыми кораблями².

Приведенные цифры явственно демонстрируют, сколь сложной была ситуация: ограничение планов могло дать лишь временный эффект, а полномасштабная экспедиция являлась всего лишь несбыточной мечтой. Однако признать такое положение дел — т. е. полностью изменить свою точку зрения на роль и функции духовно-рыцарских орденов — Жак де Моле, человек, уже убеленный сединами, упорный в своих намерениях и достаточно консервативный, был просто не способен.

Его вторая записка была посвящена идее возможного объединения духовно-рыцарских орденов. Она дает отчетливое представление об ограниченности мышления де Моле. Развивая свою идею, де Моле заметил, что данный вопрос уже обсуждался на Лионском соборе в 1274 г., что после событий 1291 г. к нему вновь вернулся папа Николай IV, а Бонифаций VIII, хоть и уделил этой идее некоторое внимание, все же в целом ее отверг. Затем де Моле предпринимает попытку аргументировать целесообразность данного плана, однако же, весь тон его рассуждений, как ни странно, представляется нам враждебным этой идее. Так, он утверждает, что нововведения всегда опасны; что членов ордена не следует принуждать к изменениям в Уставе и традициях; что сама система материальной поддержки рыцарских орденов может оказаться под угрозой; что могут возникнуть волнения, если оказывать давление на мелкие провинциальные Приорства.

В этой записке де Моле отмечал, что соперничество между орденами лишь идет им на пользу, да и само существование двух мощных рыцарских орденов — госпитальеров и тамплиеров неоднократно доказывало свои значительные тактические преимущества. Далее де Моле попытался

¹ *Аддисон Ч. Дж.* История рыцарей-тамплиеров... С. 164–165.

² *Барбер М.* Процесс Тамплиеров... С.31.

рассмотреть возможности объединения этих орденов, однако никаких конкретных предложений он привести не смог. Его положительные доводы сводились лишь к тому, что объединенный орден сможет лучше противостоять нападкам светских и церковных властей, и расходы на его содержание будут меньше. В итоге Великий Магистр обещал папе непременно собрать наиболее опытных членов своего ордена, обсудить с ними данный вопрос и передать Клименту V их советы, ежели он выразит желание их получить. Он также уверял папу, что самый дешевый способ финансировать предстоящий крестовый поход — это воспользоваться услугами рыцарских орденов. Если же папа имеет намерение назначить орденам определенное и регулярно выплачиваемое содержание, то он, де Моле, предпочел бы, чтобы эти средства поступали в канцелярии орденов раздельно.

Эти размышления де Моле свидетельствуют о том, что руководитель ордена тамплиеров плохо себе представлял в какой плоскости стоит в Европе вопрос о ликвидации орденов. У нас имеется возможность познакомиться с планами главного идеолога планировавшихся реформ, каким был Пьер Дюбуа. Большая часть трудов нормандского юриста Дюбуа была направлена на пылкую защиту политики французской монархии, хотя сам автор был всего лишь королевским адвокатом и никогда, похоже, никакого официального поста не занимал. Реальный же объем его неофициальных связей с высшими политиками так и остался тайной. В 1306 г. Дюбуа написал длинный трактат «О возвращении утраченной Святой Земли». Составной частью предложенного им плана было объединение рыцарских орденов, которые, по его словам, получают огромный доход и собирают невероятные урожаи со своих бескрайних земельных владений по эту сторону Средиземного моря, однако же крайне мало делают для укрепления и защиты границ самой Святой Земли. Поскольку порой внутри этих орденов случаются раздоры и они раскалываются на враждебные группировки, осыпая друг друга издевательствами и насмешками, совершенно необходимо, по мнению Дюбуа, во имя процветания Святой Земли объединить ордены как в плане управления ими, так и в плане их Уставов, статуса и средств, выделяемых на их содержание. Решать все эти вопросы должен церковный Собор. Члены орденов, проживающие как в Святой Земле, так и на Кипре, должны быть лишены своего имущества.

Благодаря подобным мерам, считает Дюбуа, можно получать 800 000 турецких ливров ежегодно, что даст возможность переправить корабли с крестносцами через море. «Те члены орденов, которые до сих пор были не в состоянии пересечь море и жить в иных землях, должны быть отправлены в монастыри цистерцианского ордена и других богатых монашеских орденов, дабы искупить свой грех чрезмерного обогащения». Как только

в результате подобной политики будет получен реальный ежегодный доход, «сразу станет явным недостаток веры как у тамплиеров, так и у госпитальеров, которые вплоть до сего дня ради собственного обогащения предавали Святую Землю и грешили против нее».

Хотя план Дюбуа в целом касался обоих орденов, в нем имелся небольшой постскриптум, очевидно приписанный позднее и в значительной степени направленный против тамплиеров. Думается, что Дюбуа попросту выполнял задание короля Франции. Известно, что Филипп через своих тайных агентов распространял самые фантастические небылицы и грязные слухи об ордене, который вдобавок обвиняли в том, что Святая Земля никогда не была бы потеряна, если бы тамплиеры были добрыми христианами. Эти слухи вскоре обрели конкретную форму. Стали находиться личности, даже из бывших тамплиеров, которые лгали на орден. Довольно быстро в народе орден стал пользоваться столь недоброй славой, что Дюбуа мог уже спокойно написать, что сразу же после объединения госпитальеров с тамплиерами и передачи их собственности новой организации «весьма желательно полностью уничтожить даже саму память об ордене тамплиеров и, справедливости ради, стереть его с лица земли»¹.

Почва для претворения в жизнь коварных замыслов короля и папы была подготовлена, последствия для тамплиеров были поистине ужасными. В ночь на 13 октября 1307 г. Великий Магистр Жак де Моле и находившиеся с ним рыцари, а также все тамплиеры, проживавшие во французских владениях, были одновременно арестованы. На шестой день великий инквизитор явился в Тампль, где несколько недель без перерыва сто сорок человек подвергались ужаснейшим пыткам. Многие умерли, но многие, не выдержав, подтвердили все выдвинутые против них обвинения. Папа и его приближенные извещали с церковного амвона свою паству о том, в каком грехе, оказывается, находился орден, то, что это был обман, никого не смущало, но народ Европы искренне верил всей этой чудовищной мерзости. Письма были отправлены и всем правителям. Эти ужасные события потрясли всю Европу. Но не все поверили в эти обвинения. Король Англии 4 декабря направил письма королям Португалии, Кастилии, Арагона и Сицилии, в котором, в частности, говорилось:

Мы искренне и настоятельно требуем, просим Ваше королевское Величество, чтобы Вы, с подобающим усердием, изучили все доводы и были глухи к злословию злобных людей, которыми движет, как мы убеждены, не страсть к истине, но дух алчности и зависти, не позволяя, чтобы по

¹ Барбер М. Процесс Тамплиеров... С.33–34.

безрассудству несправедливость была допущена по отношению к братьям или имуществу ордена, находящимся в землях Вашего королевства¹.

Но через некоторое время молодой король Англии поверил папе, началась конфискация имущества ордена и в его землях.

Тем временем госпитальеры, поняв, что ситуация с тамплиерами находится полностью в руках папы и короля, пошли на компромисс с Климентом V. Договориться удалось быстро, и папа своими буллами утвердил за госпитальерами часть имущества и владений тамплиеров.

До нас дошли все буллы папы, которые имеют отношение к Ордену госпитальеров. Лишь недавно они были переведены Р. Сердюком с французского и опубликованы на сайте в Интернете. Теперь читатель может познакомиться с ними.

Первая булла папы «Ad Providam» датирована 2 мая 1312 г. Она была подписана Климентом V, и передавала права и привилегии рыцарей тамплиеров ордену госпитальеров. Орден Храма был официально распущен папским декретом еще 22 марта 1312 года. Оставшиеся на свободе тамплиеры, а таких оказалось довольно много, вынуждены были спасаться, переходя в другие ордены. Около ста пятидесяти рыцарей были схвачены и предстали перед судом инквизиции. Часть тамплиеров бежало из Франции в Португалию, чтобы стать членами нового ордена Монтеса, многиеполнили ряды Ордена Калатравы, но многие оказались в рядах госпитальеров. Правда, делалось все это в большой тайне. И именно в Португалии король отказался осуждать тамплиеров. В Германии тамплиеры открыто бросают вызов своим предполагаемым судьям, являясь в суд в полном вооружении и выражая полную решимость защитить себя. А после официального роспуска Ордена немецкие тамплиеры нашли убежище среди госпитальеров и тевтонских рыцарей.

Итак, в булле «Ad Providam» Климент V писал:

Так должно быть для священников Христа, осуществлять заботу от лица церкви, исследовать причины дел, которые неожиданно возникают. Таким образом, они могут дать должное решение по каждому делу и действовать подходяще; они могут истинно очищать от сорняков поля Бога так, чтобы их достоинства увеличивались скорее, чем уничтожались. Таким образом, они приносят больше радости, чем вреда, который они причинили искорененным людям; истинное правосудие имеет сострадание к горю. Заменяя зло добром, они увеличивают рост достоинств и восстанавливают то, что было разрушено.

Некоторое время назад Мы окончательно и безвозвратно распустили орден рыцарей-тамплиеров из-за отвратительных деяний его магистра

¹ *Аддисон Ч. Дж. История рыцарей-тамплиеров... С. 170.*

и членов ордена во всех частях мира. Эти люди были связаны с неприличными ошибками и преступлениями, с развращенностью — они были нечисты и порочны. С одобрением Священного Совета Мы, не без горечи, отменили устав ордена, его одежды и названия. Мы сделали это не категорическим запретом, так как это будет незаконно, а согласно запросам и выполненным процессам и в соответствии с постановлением. Мы выпустили строгий запрет, что бы никто ни мог впредь восстановить орден или носить его одежды, или вести себя как тамплиер. Любой делающий иначе автоматически несет Церковный запрет. Мы строго запретили всем: любому государству и отдельным людям, что-то изменять в этом вопросе или даже вмешиваться; Мы установили декретом все попытки этого вида, чтобы они и впредь не имели законной силы, сделаны ли они сознательно или в невежестве.

Впоследствии мы озаботились, чтобы упомянутый орден, который существовал более чем долгое время, должен быть оставлен без управления и погибнуть, никому не принадлежа или использоваться другими, кто предан истинной вере. Поэтому, Мы проводили длинные, трудные и разнообразные обсуждения с нашими братьями, кардиналами Святой Римской церкви, с патриархами, архиепископами, епископами и прелатами и с некоторыми выдающимися людьми, с поверенными в совете глав, женских монастырей, церквей и монастырей, чтобы, через это кропотливое обдумывание, могло быть сделано правильное и выгодное решение, насчет упомянутого ордена, во славу Бога, увеличения веры, возвеличивания церкви, защиты Святой Земли и спасения мира преданных. После особенно долгих и тщательных обдумываний, Мы и упомянутые отцы и патриархи, архиепископы, епископы, другие прелаты, наконец, пришли к заключению. Орден и все ему принадлежащее, должен перейти в собственность ордена госпиталя и наших любимых сыновей магистра и членов ордена, поскольку они, как истинные служители Бога, подвергают себя смертельной опасности при защите веры, неся тяжелые потери в странах за границей.

Мы наблюдаем, с истинным милосердием, что орден госпиталя — один из тех орденов, в которых процветает истинная вера. Фактические доказательства показывают нам, что божественное поклонение является пылким, работы благочестия и милосердия осуществлены с большой серьезностью, члены госпиталя презирают соблазны мира и преданы Богу. Как бесстрашные воины Христа они горячи в их усилиях, чтобы восстановить святую Землю, презирая все человеческие опасности. Также, Мы имеем в виду, что чем больше они снабжены средствами, тем больше будет энергия магистра и членов ордена госпиталя и возрастет их пыл и их храбрость, чтобы отразить оскорбления наносимые Спасителю и сокрушить врагов веры. Они будут способны легко переносить все трудности при выполнении такого дела.

Чтобы Мы могли предоставлять им большую поддержку, Мы дарим им, с одобрением священного совета, дома рыцарей тамплиеров и другие здания, церкви, часовни, города, замки, страны, имущество, доходы, права и все другое, что принадлежало ордену храма, вне и на этой стороне моря, в каждой части мира, на то время, когда магистр и некоторые члены ордена храма были арестованы в королевстве Франции, а именно в октябре 1308 года. Подарок должен включить все, что имели тамплиеры, поддерживали, обладали непосредственно или через других, все, что принадлежало упомянутому дому и ордену рыцарей тамплиеров, магистру и членам ордена, права и привилегии, которые во время их ареста принадлежали ордену или членам ордена рыцарей тамплиеров или могли принадлежать им, которыми упомянутый магистр и члены ордена рыцарей тамплиеров были законно обеспечены. Все то, что Мы представляем, передаются навсегда упомянутому ордену госпиталя.

Все это передается ордену госпиталя, кроме владений упомянутого ордена рыцарей тамплиеров в королевствах и странах наших любимых сыновей во Христе, прославленных королях Кастилии, Арагона, Португалии и Майорки, вне королевства Франции. Мы исключаем эти земли и владения, из упомянутого подарка. Никто из любого государства или ордена, не может вмешаться в то, что касается этих людей и земель по нашему постановлению. Мы желаем, чтобы наш декрет относительно этих людей и ордена храма в королевствах и странах вышеупомянутых королей остался в полной силе до другой договоренности.

Все владеющие землями, привилегиями, замками или каким бы то ни было имуществом, принадлежащим ордену храма, независимо от государства, известности или достоинства, даже если это — понтифики, должны отказаться от них в пределах месяца после запроса магистра и членов ордена госпиталя, или любого из них, или их поверенных. Все должно быть полностью и свободно передано ордену госпитальеров или магистру, приорам, прецепторам или членам упомянутого госпиталя, в любых регионах или областях, или любому из них индивидуально, или их поверенному (поверенным), от имени упомянутого ордена госпитальеров, даже если приоры, прецепторы, члены ордена или их поверенные, или любой из них не имеют никакого специального документа от магистра ордена, при условии, что поверенные обладают полномочиями от приоров или прецепторов, или от любого из них, в странах, в которые эти приоры или прецепторы были посланы. Приоры, прецепторы и члены ордена обязаны дать полный отчет магистру относительно всего их поведения, их действий и переговоров. Поверенные должны дать подробную запись приорам или прецепторам или тем, от кого они были посланы. Все, кто сознательно оказали помощь или содействие членам упомянутому выше ордену храма, относительно задержки передачи имущества или прав, публично или тайно, объявляются

под Церковным запретом. Главы или управляющие церквями или монастырями, городами, замками и другими местами, которые даже по ошибке препятствовали передачи имущества тамплиеров ордену госпиталя, в пределах месяца, попадают под наказание тамплиеров и лишаются всего, что они держатся как свои владения. Эти владения должны быть переданы свободно и без возражений заинтересованным церквям, и прелаты тех церквей могут распоряжаться владениями по своему желанию.

Дано во Вьене 2 мая в седьмом году нашего понтификата¹.

Однако в Риме спешили, и уже через четырнадцать дней, 16 мая 1312 г. появляется вторая булла «*Nuper in Concilio*». Она небольшая по размеру, но оказывается очень важной для Ордена госпитальеров, которому властью папы делегируются все права и полномочия ордена тамплиеров:

Всем защитникам и опекунам дома и ордена рыцарей тамплиеров. Недавно Мы держали, Общий Совет в Вене. Там Мы рассматривали деяния ордена тамплиеров. Мы решили, что привилегированны, должны быть те, кто находится в истинной вере и более полезны в Святой Земле, поэтому мы предоставляем права и полномочия тамплиеров ордену госпиталя святого Иоанна Иерусалимского, это намного лучше, чем передавать их новому ордену, который будет создан. Имелись, однако, некоторые, кто утверждал, что будет лучше передать их ордену, который будет создан, чем отдавать их ордену госпиталя. Наконец, с верой в господя нашего Иисуса Христа, 2 мая сего года, с одобрения Священного Совета, мы решили, что права и привилегии нужно передать упомянутому ордену госпиталя. Мы сделали исключения, по некоторым причинам, для ордена тамплиеров в королевствах и странах наших любимых сыновей во Христе, прославленных королях... из Кастилии, Арагона, Португалии и Майорки, вне королевства Франции.

Поэтому, мы, в соответствии с постановлением, чтобы завершить задачу полномочий упомянутому ордену госпиталя, решили, что вы оплатите все расходы, и после того как все расходы будут оплачены, магистр, приоры или прецепторы областей или городов или епархий, в пределах месяца, должны послать к нам поверенного или поверенных. После этого мы справедливо подтвердим ваши привилегии.

Дано в Ливроне, епархии Валенс 16 мая в седьмом году нашего понтификата².

Итак, после роспуска ордена Храма, все земли, прецептории и другие их владения были переданы госпитальерам, давним конкурентам тамплиеров. Делалось это публично с одной целью — отвести любое подозрение в алчности короля Франции, о чем проговорился папа в булле «*Faciens*

¹ <http://www.rencorn.bryansk.org/bull3.shtml>

² <http://www.rencorn.bryansk.org/bull4.shtml>

misericordiam» от 12 августа, адресованной английскому королю. В ней папа писал, что король Франции якобы тоже вначале не поверил в правдивость обвинений, предъявленных тамплиерам, «но в последствии дражайший наш сын во Христе Филипп, прославленный король французов, которому стало известно о тех же преступлениях, не из-за алчности, но воспламененный радением за истинную веру», но затем дал наставления через своих посланцев и письма, как поступить с орденом¹.

Король Эдуард решил по своему усмотрению распорядиться собственностью тамплиеров, кое-где из-за нее начались настоящие сражения.

Говоря по справедливости, госпитальеры еще в Палестине проявили не меньшую склонность к коррупции, тайным сделкам, интригам и личной выгоде, жертвуя при этом интересами Иерусалимского королевства. Подобно тамплиерам и рыцарям немецкого ордена, госпитальеры занимались банковскими операциями, торговлей и другой деятельностью, которая выходила за рамки их первоначального заявленного предназначения как монахов. Но, оказавшись на Кипре, где госпитальеры вмешались в династические распри, занимая то одну, то другую сторону, что заставило их покинуть остров, орден извлек из этого урок. На Родосе госпитальеры стали проявлять особую осторожность во взаимоотношениях с европейскими монархами, и особенно с папой. При любом удобном случае рыцари показывали свою полную лояльность и подобострастное преклонение перед римским первосвященником. Госпитальеры строго охраняли себя от любой еретической «заразы», от проступков, которые могли бы стать предметом обсуждения, как в окружении папы, так и при королевских дворах. Они стали внешне полностью аполитичны и этим снижали уважение европейских монархов, которые быстро поняли, что Орден госпитальеров не представляет для них угрозы.

Вот почему Климент V не без основания считал, что орден госпитальеров стал его карманным орденом, лично ему преданным. Папа продолжал осыпать его своими привилегиями, тем более что это ему ничего не стоило. Ведь госпитальеры, получив на руки папские буллы, сами должны были забирать владения тамплиеров. Но европейские монархи, как и князья римской церкви — епископы и кардиналы, не могли так легко расстаться с богатствами тамплиеров, на которые они и сами претендовали. В течение последующих после появления буллы месяцев, они стали выражать сомнения в справедливости экспроприации госпитальерами имений храмовников. Свои недовольства они открыто высказывали папе, и тогда Климент V решил на некоторое время охладить пыл госпитальеров и успокоить монархов, епископов и кардиналов.

¹ *Аддисон Ч. Дж.* История рыцарей-тамплиеров... С. 173–174.

18 декабря 1312 года появляется третья булла, известная под названием «Licet Dudum», она небольшая по объему, в ней Климент V писал:

Недавно, в Общем Совете в Вене, Мы, с одобрения Священного Совета, передали права и привилегии прежнего ордена Храма ордену госпиталя святого Иоанна Иерусалимского. Ради мира и согласия между прелатами церкви и другого духовенства с одной стороны и членов ордена госпиталя с другой, Мы приостановили положения, изложенные на последнем совете, все привилегии, предоставленные госпиталю, как последствия привилегий прежнего ордена Храма, о котором нужно думать как о принадлежности упомянутому госпиталю. Мы желаем, чтобы эти привилегии были приостановлены с вашим согласием. Имеются, однако, некоторые, кто утверждает на недостаточных основаниях, что приостановка привилегий госпиталя не простирается на привилегии прежнего ордена Храма. Хотя не имеется даже самой малой причины для такого утверждения, Мы желаем удалить из их умов все сомнения, то, что это было наше намерение, приостановить привилегии ордена госпиталя и привилегии прежнего ордена Храма, которые теперь даны госпиталю. Поэтому, Нашей апостольской властью, Мы объявляем, что они, подобно другим привилегиям госпиталя, являются временно приостановленными.

Действительно, перед приостановкой, некоторые из наших братьев кардиналов святой Римской церкви и многие из прелатов, собранных в Общем Совете, выражали свои сомнения относительно привилегий госпиталя, а потому мы приостановили привилегии, пока все сомнения среди упомянутых прелатов и другого духовенства, не будут полностью улажены. Необходимо дождаться конца этих судебных процессов и споров, поскольку один небольшой случай может создать серьезные предубеждения против госпитальеров, и опасность была бы намного более серьезная, если не приостановить их привилегии. Мы объяснили это, чтобы не было ложных слухов. На прошлом Совете, желая устранить такие большие опасности, мы обсудили это, чтобы сделать известным каждому, ясно, и открыто, так, чтобы каждый мог понимать, что Мы желали упомянутой приостановки привилегий ордена госпиталя. Мы намереваемся рассмотреть то, что хорошо для обеих сторон и сделать для прелатов и другого духовенства с одной стороны и госпитальеров с другой, так, чтобы ни кто не имел причины для жалоб.

Дано в Авиньоне 18 декабря в восьмом году нашего понтификата¹.

Четвертая булла была написана через две недели, она датирована 31 декабря 1312 года, в которой были не просто подтверждены предыдущие решения папы, но оговорено, что в права владений некоторыми именами тамплиеров вступают короли и императоры. И, наконец, последняя булла

¹ <http://www.rencorn.bryansk.org/bull6.shtml>

«Licet Pridem» от 13 января 1313 года, предоставила целый список владетельных особ, имеющих права претендовать на владения тамплиеров. Однако, учитывая, что госпитальеры имеют большую нужду в финансировании своих проектов по укреплению Родоса, папа все-таки сохранил за ними многие европейские владения храмовников:

Некоторое время назад, на Общем Совете во Вьене, с помощью Господа нашего Иисуса Христа, Мы упразднили орден Храма на серьезных основаниях. После длинного и осторожного обсуждения с нашими братьями и целым советом, Мы одарили орден госпитальеров и наших любимых сыновей: магистра и членов ордена, поскольку эти защитники Бога подвергают себя великой смертельной опасности при защите веры и переносят тяготы за границей. Мы передаем им дом рыцарей тамплиеров и их другие здания, церкви, часовни, города, замки, страны и все другое их движимое и недвижимое имущество, вместе со всеми правами, привилегиями и всем, что принадлежало им, вне и в этой стране, море и все части мира, которые прежний орден имел и включал в себя в то время, когда магистр непосредственно и некоторые из членов ордена, были арестованы в королевство Франция, в октябре 1308 года. Мы передаем все это навсегда ордену госпиталя, с одобрением Священного Совета и Нашей апостольской власти, для защиты Святой Земли. Однако, независимо оттого, что права принадлежали королям, принцам, прелатам, баронам, знати и любым другим истинным католикам, перед арестом магистра ордена Храма и некоторых других членов ордена, они должны остаться неизменными. Мы исключили из упомянутого пожертвования, владения ордена Храма в королевствах и странах наших любимых сыновей во Христе, прославленных королей Кастилии, Арагона, Португалии и Майорки, находящиеся вне королевства Франции, которые Мы оставили с серьезным основанием.

В символе пожертвований, однако, из-за небрежности, пренебрежения или ошибки писца или секретаря, было опущено упоминание о не нарушении прав королей, принцев, прелатов и других истинных католиков. Поэтому, чтобы в будущем не возникало сомнений из-за этой ошибки относительно обвинений и прав, а так же любого предубеждения против упомянутых королей, принцев, прелатов, баронов, знати и других людей, мы, кто желает, чтобы каждый сохранил свои неослабленные права, желаем, чтобы обеспечить подходящее решение в вопросе об упомянутых королях, принцах, прелатах, баронах, знати и любых других католиков, объявляем, что мы сделали вышеупомянутое пожертвование ордену госпиталя святого Иоанна Иерусалимского и непосредственно его магистру и членам ордена, вместе со всеми привилегиями, правами и почестями бывшего ордена Храма для защиты Святой Земли. Однако, права, что принадлежали королям, принцам, прелатам, баронам, знати и любым другим католикам,

во время упомянутого ареста магистра и некоторых других членов ордена Храма, остаются неизменными и неослабленными, поскольку они были отчетливо и явно упомянуты в пожертвовании.

Дано в Авиньоне 13 января в восьмом году нашего понтификата¹.

Как видим, Климент V вынужден был разделить конфискацию имущества и владений тамплиеров между госпитальерами и многочисленными представителями правящих дворов Европы, дворянству и князьям церкви. На этом закончился процесс передачи госпитальерам имущества тамплиеров. Вполне естественно, что с присоединением командорств и другого значительного имущества, орден госпитальеров приумножил свои ежегодные доходы, многочисленные средства стали поступать из них на Родос, где продолжалось укрепление острова, устройство нового государства Родосских рыцарей.

Итак, в 1312 году, после упразднения ордена тамплиеров, та часть его имущества и недвижимости, которые не смогли взять себе папа и французский король, они оказались за пределами досягаемости этих двух особ, в соответствии с буллой Климента V переходило к рыцарям-госпитальерам. Борьба против тамплиеров, это особая тема в исторической литературе, которая достаточно хорошо изучена². Но мы обращаем внимание на некоторые факты. Так, например, в Германии после начала преследования ордена многие рыцари-тамплиеры перешли в орден госпитальеров и тевтонских рыцарей³.

Однако далеко не все владения тамплиеров быстро перешли к госпитальерам. Не простые отношения с тамплиерами сложились в Англии и особенно в Шотландии. Исследования английских журналистов-историков Майкла Бейджмента и Ричарда Ли пролили свет на весьма любопытные факты, до недавних пор не освещенные в литературе.

Процесс над орденом тамплиеров длился с 1307 по 1314 год. Инквизиция попыталась выдвинуть подобные обвинения и против рыцарей Немецкого ордена, тогда последние покинули Венецию и немедленно перебрались в Мариенбург, где устроили свою штаб-квартиру, оказавшись вне досягаемости папы.

Переход владений тамплиеров к госпитальерам не проходил быстро. В Англии это продолжалось несколько десятилетий. Два раз — в 1324

¹ <http://www.rencorn.bryansk.org/bull8.shtml>

² Мы обращаем внимание лишь на некоторые издания вышедшие на русском языке, в которых приводится обширная библиография: *Мельвиль Марион*. История ордена тамплиеров. СПб.: «Евразия», 2003; *Барбер Малколм*. Процесс тамплиеров. М.: Энигма, Алетейа, 1998.

³ *Бейджент М., Ли Р.* Храм и ложа: от тамплиеров до масонов. М.: Эксмо, 2003. С. 80.

и 1334 гг. приоры ордена госпитальеров обращались к английскому парламенту, чтобы он подтвердил их права на владения тамплиеров. Только в 1340 году они получили права на владения замком Темплъ. Часто интересы госпитальеров вступали в противоречие с интересами английских лордов, которые сопротивлялись передаче земли ордену госпитальеров, стремясь вернуть себе владения тамплиеров, которые сто и даже двести лет назад были переданы в дар ордену Храма их предками. Все это вело к бесконечным судебным тяжбам.

Еще более сложным оказался процесс передачи госпитальерам владений тамплиеров в Шотландии. На европейском континенте, прибегнув к помощи папы, король после преследования рыцарей во Франции, пытался уничтожить представителей ордена за рубежом. Но к северу от её границы с Шотландией папские буллы не возымели никакого действия. Это объяснялось тем, что в то время король Роберт I Брюс и весь шотландский народ были отлучены от церкви за вооружённое выступление против зятя Филиппа — английского государя Эдуарда II. Папские буллы здесь игнорировались полностью. Ещё в 1128 году, вслед за собором в Труа, Хуго де Пейнс впервые встретился с королём Шотландии Давидом I, а св. Бернар Клервоский объединил кельтскую церковь с орденом цистерцианцев. Король Давид пожаловал Великому Магистру и его рыцарям огромные пространства земли в Южном Эске, где тамплиеры организовали свою главную резиденцию. Поддержку и содействие ордену оказывали также все последующие шотландские монархи. При Вильяме Льве тамплиерам были переданы во владения значительная по объёму недвижимая собственность в Эршире и на западе Шотландии. Ну, а король Шотландии Роберт I Брюс оказал тамплиерам поддержку.

Так, например, через шесть месяцев после битвы при Баннокберне, в декабре 1314 года Роберт I Брюс издал указ, в котором подтверждались права госпитальеров на всю их собственность в королевстве. В нем не было никаких указаний на то, что произошло с землями и владениями ордена Храма¹. Госпитальеры просто получили подтверждение неприкосновенно-

¹ В исторических книгах и энциклопедических справочниках говорится о том, что храмовники прекратили своё существование в XIV веке. Но это не соответствует действительности, выяснение исторической подлинности нуждается в большом и серьезном исследовании. Орден рыцарей Храма и поныне благоденствует в континентальной Европе и Шотландии. Мы знаем о всплеске традиций тамплиерства в Советской России в 20-е годы XX столетия (см.: Орден российских тамплиеров / Публ., вступит. статьи, комментарии А. Л. Никитина. Т. I–IV. М.: Минувшее, 2003–2004). Кроме того, орден каменщиков, вобравший в себя основные гностические и ритуальные традиции тамплиеров, не зря начал своё возрождение в XVII веке именно из Шотландии и Туманного Альбиона.

сти своих владений. До сих пор нет никаких документов, подтверждающих требования госпитальеров в Шотландии о получении собственности тамплиеров. Больше того, в 1338 году, через десять лет после смерти Брюса, Великий Магистр госпитальеров Эллион де Вилленев, потребовал предоставить ему список всех владений тамплиеров, которые отошли к его ордену. Каждый глава национального или регионального отделения ордена такие списки представил. Был получен соответствующий документ и от Приора Англии, в нем скрупулезно были перечислены значительные владения тамплиеров, перешедших в руки ордена, а вот о Шотландии была сделана следующая приписка: «Что касается земель, строений... церквей и других владений тамплиеров в Шотландии, то там не осталось ничего ценного, <...> все они разрушены, сожжены и полностью уничтожены вследствие непрекращающихся, многолетних войн»¹.

Правда, как считали М. Бейджемент и Р. Ли, «наиболее показательным можно считать не то, о чем говорили, а то, о чем предпочитали молчать». По их мнению, несмотря на то, что владения тамплиеров не упоминаются ни в каких операциях госпитальеров, короны или знати, часть их тем не менее была продана — без каких-либо упоминаний в официальных реестрах. Так, например, сохранились сведения о том, что еще до 1329 года одно из должностных лиц ордена Св. Иоанна, некто Родульф Линдсей, продал земли тамплиеров, принадлежавшие храму в Листоне. Эта сделка не отмечена ни в одном из документов Ордена госпитальеров. До сих пор остается неизвестным, каким образом собственность тамплиеров передавалась госпитальерам в Шотландии, но, как заметили историки, там было нечто необычное, нечто такое, на что не обратили внимание предшествующие исследователи, и что обеспечило Ордену тамплиеров в этом отдаленном регионе, если можно так выразиться «посмертное существование». «В Шотландии на протяжении более двух столетий — с начала XIV века до середины XVI — тамплиеры, похоже, действительно слились с госпитальерами. В этот период часто встречаются упоминания об одном объединенном ордене — «Ордене рыцарей св. Иоанна и Храма»².

Эта ситуация, на первый взгляд довольно странная, дает возможность предположить, что госпитальеры предвидели будущие гонения на тамплиеров и взяли в доверительное управление — возможно, в результате какого-то тайного соглашения — собственность ордена тамплиеров. Но, скорее всего, именно в Шотландии госпитальеры приняли в свои ряды так много беглых тамплиеров, чтобы они могли управлять своими землями. Пока утвердительно ответить на высказанные предположения трудно, нужны

¹ Цит.: Бейджемент М., Ли Р. Храм и ложа: от тамплиеров до масонов... С. 131.

² Там же. С. 132.

дополнительные поиски в архивах Шотландии, которые, увы, не проводятся.

Известно, что в 1346 году глава госпитальеров Шотландии Алекс Сетон председательствовал на судебных заседаниях, которые регулярно проводились в бывшей прецептории тамплиеров. К этому времени данное владение наконец-то перешло в руки госпитальеров. Тем не менее, оно все еще находилось под особым управлением тамплиеров. До наших дней дошли два документа, подписанные Сетоном, из которых явствует, что спустя четыре года после роспуска ордена Храма «суды тамплиеров» все еще продолжали существовать.

М. Бейджемент и Р. Ли приводят свидетельства, что подобные суды сохранялись еще на протяжении двух столетий, из чего исследователи делают вывод, что, несмотря на получение госпитальерами права управления владений храмовников, но по каким-то причинам, о которых предпочитали умалчивать, они не имели возможности законно ассимилировать их. Из этого историки делают вывод, о невидимом присутствии тамплиеров, которые и держались в тени, и ждали возможности вновь заявить о себе, и, вполне возможно, законным образом вернуть собственность. Похоже, вся Шотландия — монархия и богатые землевладельцы — вступила с ними в тайный сговор для осуществления этого плана¹. Но это уже тема специального исследования.

¹ *Бейджемент М., Ли Р.* Храм и ложа: от тамплиеров до масонов... С. 133.

Глава 15

Орден госпитальеров на Родосе

Итак, на Кипре между госпитальерами и кипрским королем сложились настолько непростые отношения, что руководство Ордена вынуждено было искать более удобного пристанища. Великий Магистр Гийом де Виларэ, правивший с 1296 по 1305 гг., принял решение занять остров Родос, находившийся рядом, у берегов Малой Азии, и номинально принадлежавший Византийской Империи. Но он не дожил до начала выполнения своего плана. После его смерти этим активно занялся его продолжатель Великий Магистр Фуке де Виларэ.

Остров Родос расположен в восточной части Средиземного моря, которое отделяет его с востока от острова Кипр, с запада от Кандии, с юга от Египта, а с севера — от той части Малой Азии, которая в античную эпоху именовалась Карией и Ликией, в Средние Века — Анатолией, а ныне — Анталеей. Остров имеет около 130 миль в окружности, его общая площадь около 1400 кв. км., он издавна пользовался огромной известностью в истории античного греческого, а позднее — эллинистического и греко-римского мира. В древнейшие времена остров состоял из нескольких мелких царств, населенных карийцами, со временем эллинизовавшимися, финикийцами и греками, затем добровольно признал над собой власть македонского царя Александра Великого, а после его смерти сделался независимым.

В раннехристианскую эпоху Родос, в качестве столицы островных государств, сохранявших свою автономию под верховной властью Римской Империи, занимал господствующее стратегическое положение в Эгеиде. В VII в. в истории Родоса наступил период, от которого до нас дошло лишь небольшое количество исторических документов и свидетельств. Эти «темные века» в истории Родоса продолжались почти что до самого начала XIV столетия. О Родосе сохранились лишь краткие, отрывочные сведения византийских летописцев. Так, например, известно, что в 655 г. остров

был на некоторое время покорен сарацинами, а в 718 г. византийский военный флот вышел из гавани Родоса на бой с сарацинским флотом. Согласно сведениям арабских историографов, в IX в. византийские военные корабли, базировавшиеся на Родосе, не раз нападали на завоеванный арабами остров Крит. В 807 г. Родос был ненадолго захвачен флотом халифа Гаруна-ар-Рашида. В 1082 г. венецианцы получили дозволение византийского автократора на открытие своего собственного эмпория (торговой фактории) в гавани Родоса.

С Родосом связана страница русского причерноморского Тмутараканского княжества и правившего в нем князя Олега (в крещении Михаила¹). Русский игумен Даниил, оставивший записки о своем «хождении» в Святую Землю во второй половине XII в., сохранил свои воспоминания о посещении Родоса, где от местных жителей услышал о том, что на острове в течение двух лет и двух зим проживал русский князь Олег Святославич Черниговский, больше известный в «Слове о полку Игореве» по прозвищу «Гориславич». Он был соперником Великого Князя Киевского Владимира Мономаха². Вот что находим о событиях в далекой Тмутаракани в древнерусских источниках. В 1079 г. Роман Святославич, князь Тмутараканский, с дружиной и наемным половецким войском покинул город и двинулся на север Руси. Его брат Олег остался в городе практически без войска. Воспользовавшись этим, хазарская верхушка арестовала Олега и отправила в Константинополь, о чем сохранила сведения Повесть Временных лет: «емше козаре поточиша и за море Цесарюграду»³. Оттуда его переправили на Родос.

В мае 1081 г. в Константинополе в результате дворцового переворота к власти пришел новый император Алексей I Комнин. Угроза империи со стороны турок была столь очевидна, что Алексею I пришлось лихорадочно искать путь к ее спасению. Главное военное могущество Византии, наводившее в течение веков страх и ужас на соседей — «греческий огонь»

¹ В Любецком синодике вслед за именами первых черниговских князей Константина-Мстислава Владимировича и Николая-Святослава Ольговича, названы «великий князь Михаил черниговский и княгиня его Феофания». *Зотов Р. Вл.* О черниговский князьях по Любецкому синодику и о Черниговском княжестве в татарское время. СПб., 1892. С. 24, 34, 239, 258–259.

² Путешествие игумена Даниила по Святой земле в начале XII в. СПб., 1894. С. 7. См.: *Янин В. Л.* Междукняжеские отношения в эпоху Мономаха и «Хождение игумена Даниила» // Труды ОДЛ. Т. XVI. М.; Л., 1960. С. 122–125.

³ Повесть Временных лет (в дальнейшем — ПВЛ). Ч. 1. Л., 1950. С. 135. Г. Г. Литаврин считает, что термин «козаре» обозначал резидентов секретной службы Константинополя, которые специализировались на захвате знатных лиц. См.: *Советы и рассказы Кекавмена.* М., 1972. С. 353. Прим. 12; С. 354. Прим. 131.

постепенно исчезает. Дело в том, что источники нефти — главной составляющей «греческого огня», находившиеся в Малой Азии, оказываются в руках турок, и ее поставки в Империю прекращаются. И вот здесь-то внимание императора привлекает Тмутаракань, единственно свободный для Византии нефтеносный район¹. Алексей I вспоминает о знатном родосском пленнике, которого немедленно доставляют в столицу. Олег оказывается в Константинополе, и вероятно там его венчают с Феофанией Музалон, после чего он становится послушным орудием в руках императора, по сути, исполнителем его воли.

Женитьба на Феофании была далеко не простым актом, брак со знатной гречанкой доставил Олегу Святославичу не только положение в византийском обществе, но и богатое приданое. Род Музалонов занимал видное место среди господствующего класса гражданской знати Византийской Империи. Из 16 семей, чьи социальные функции были связаны с церковью, Музалоны были среди первых. Из их рода, например, был Константинопольский патриарх Николай IV (1147–1151 гг.), в их семьях были также крупные литераторы.

Вступив на престол, Алексей I, столкнулся с необходимостью срочно отстраивать военный флот, так как итало-сицилийцы захватили Адриатическое побережье империи. Строившиеся корабли, как свидетельствует Анна Комнина, вооружались «греческим огнем»². Как видим, нужда в нефти была для Византийской Империи весьма острой.

В 1083 г. Олег с Феофанией, при поддержке военных сил империи, возвращаются в Тмутаракань, где он арестовывает правивших там князей и наводит сильной рукой новый порядок. «Приде Олегъ из Грекъ Тмutorоканю; и я Давыда и Володаря Ростиславича и сѣде Тмutorокани. И истче козары, иже бѣша свѣтници на убьенье брата его и на самого, а Давыда и Володаря пусти»³ — сообщает Повесть Временных лет.

С возвращением Олега в Тмутаракань началось и поступление нефти в Константинополь для военных нужд. Необходимо специально подчеркнуть ту огромную значимость, которую играла Тмутаракань для Византии именно как нефтеносный район⁴. На это обращал внимание в свое время еще Константин Багрянородный: «Должно знать, что вне крепости Таматарха имеются многочисленные источники, дающие нефть, — писал он. — Следует знать, что в Зихии, у места Паги, находящегося в районе Панагии,

¹ Захаров В. А. 1. Сторінка історії Тмутараканського князівства // Український Історичний журнал, 1987. № 10. С. 99–100.

² Анна Комнина. Алексиада. М., 1965. С. 146, 313. 347–348, 356, 378.

³ ПВЛ, с. 135.

⁴ Захаров В. А. Где находился город «Россия» // Сборник Русского исторического общества. № 1 (149). М.: Русская панорама, 1999. С. 152.

в котором живут зихи, имеется девять источников, дающих нефть, то масло девяти источников не одинакового цвета, одно из них красное, другое — желтое, третье — черноватое.

Да будет известно, что в Зихии в месте по названию Папаги, близ которого находится деревня, именуемая Сапакси, что значит «пыль», есть фонтан, выбрасывающий нефть. Должно знать, что там есть и другой фонтан, дающий нефть, в деревне по названию Хамух... Отстоят же эти места от моря на один день пути без смены коня.¹

Тарой для перевозки нефти служили так называемые черномолёные кувшины, в большом количестве находимые при раскопках Тмутараканского городища. Химический анализ смолистого вещества, которым покрыты внутренние стенки этих сосудов, показал, что это остатки нефти таманского происхождения². Количество черномолёных сосудов огромно. Только во время раскопок 1983 г. было обнаружено выше 30 тысяч фрагментов³. Примерно такое же количество было найдено и в 1984 г.⁴

Выйдя замуж за русского князя, Феофания закрепила за собой титул «архонтисы Росии», о чем свидетельствуют находки двух печатей с надписью: «Господи, помози рабе своей Феофано, архонтисе Росии, Музалониссе»⁵. До недавних пор велся спор вокруг вопроса времени женитьбы Олега-Михаила, когда это произошло, до пленения, или во время его⁶. Вопреки утверждениям В. Л. Янина, нам кажется, что женитьба могла произойти лишь во время нахождения Олега в плену. Алексей I смотрел на тмутараканского князя как на орудие своих замыслов. Помогая ему

¹ Константин Багрянородный. Об управлении империей. // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М., 1982. С. 320.

² См.: *Гадло А. В.* Поселения XI–XII вв. в дельте Дона. // КСИА АН СССР, вып. 99, 1964, С. 40–45; *Кострин К. В.* 1) Исследование нефти из средневековых амфор, найденных близ станицы Пролетарской // СА, 1965, № I; 2) Исследование смолистого вещества из «черномолёных» кувшинов средневековой Тмутаракани // СА, 1967, № 1; 3) Исследование смолистого осадка из амфор, найденных при раскопках Танаиса // С А, 1971. № 1.

³ Отчет Гермонасской экспедиции за 1983 год. Табл. 9 // Архив Таманского отдела Краснодарского гос. историко-археологического музея-заповедника.

⁴ Отчет Гермонасской экспедиции за 1984 год // Там же.

⁵ *Янин В. Л.* Актовые печати Древней Руси X–XV вв. Т. I. Печати X — начала XIII вв. М., 1970. С. 25, 171–172, 251, рис. 30. Литература вопроса в статье *Янин В. Л.* Печати Феофано Музалон // Нумизматика и сфрагистика, вып. 2. К., 1965. С. 89–90; *Баумгартен Н. А. фон.* Феофания Музалонисса жена Олега Святославича Черниговского родоначальника князей Черниговских // *Баумгартен Н. А.* Родословные отрывки V–VIII. М., 1908. С. 29–30.

⁶ *Янин В. Л.* Печати Феофано Музалон... С. 81.

вернуться в Тмутаракань, Алексей I обеспечивал себе и верховные права на город. Мануил Ставророман сообщает о том, что император Алексей I сделал приобретение на «Боспоре Киммерийском»¹, именно там и находилась Тмутаракань.

На Олега и его жену Феофанию в Византии смотрели как на важных представителей империи в приобретенных Приазовских владениях. «Для новобрачной, — считал Н. П. Лихачев, — была изготовлена в Византии пышная печать большой величины»². Со своей стороны добавим — и для Олега тоже. В 1941 г. была опубликована печать с греческой надписью (такой же, как и на печати Феофано Музалон): «Господи, помози Михаилу, архонту Матрахи, Зихии и всей Хазарии»³. Н. Бенеску, в своей статье «Византийское господство в Матрахе (Тмутаракани), Зихии, Хазарии и России в эпоху Комненов» считал, что Михаил был византийским наместником Тмутаракани и никакого отношения к князю Олегу не имел⁴. Основным оппонентом Н. Бенеску стал, спустя двадцать лет, А. В. Соловьев, который убедительно доказал ошибочность выводов румынского исследователя в их историко-географической части⁵.

Итак, Олег-Михаил Святославич, вернувшись в Тмутаракань с Родоса, стал наместником византийского императора в нефтеносных районах Причерноморья, что подтверждается известной печатью князя, в легенде которой перечислены эти районы. Он убрал хазар, причастных, по его мнению, к убийству брата Бориса и схвативших его самого⁶. Из этого можно сделать вывод, что в отношениях Византии с Олегом произошел переворот в пользу последнего⁷. Правда, В. Мошин рассматривает этот

¹ Цит.: История Византии. Т. II, С. 352.

² Лихачев Н. П. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики. Вып. I. // Труды музея палеографии. Т. I. Л., 1928, С. 140.

³ Булла была обнаружена В. Лораном в коллекции Берлинского музея и издана в 1941 г. румынским исследователем Н. Бенеску. См.: Янин В. Л. Печати Феофано Музалон... С. 83

⁴ Bănescu N. Stăpânirea bizantină în Matracha (Tmutorokan), Zichia, Chazaria și Rusia în timpul Comnenilor // Analele Academiei Române, Memoriile Secțiunii Istorice. Ser. III. T. XXIII. București, 1941. S. 113–132.

⁵ См.: Soloviev A. V. Domination Byzantine ou russe au nord de la Mer Noire a l'époque des Comnène? // Akten des XI Internationalen Byzantinisten-Kongresses, 1958. München, 1960. S. 579. Его поддержал А. Л. Монгайт. См.: Монгайт А. Л. О границах Тмутараканского княжества в XI в. // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. Сб. статей к 70-летию акад. М. Н. Тихомирова. М., 1963. С. 54–61.

⁶ ПВЛ, ч. I, С. 135.

⁷ Более подробно см.: Захаров В. А. Тмутаракань и «Слово о полку Игореве» // «Слово о полку Игореве». Комплексные исследования. М.: Наука, 1988. С. 211.

факт с несколько других позиций, считая, что Киевская Русь склонилась на сторону римско-саксонской коалиции в борьбе между Византийской империей и папством, «что нашло внешнее отражение в браке дочери Всеволода, Евпраксии, с саксонским маркграфом и что, с другой стороны, побудило императора Алексея Комнина восстановить в Тмутаракани центр противокиевской оппозиции, послав туда находившегося в заточении Олега Святославича»¹.

Думается, важно другое: вернув себе Тмутараканское княжение, Олег-Михаил смог приобрести и другие населенные пункты, не менее значимые, о чем и свидетельствуют найденные печати. Город Росию, которым владела Феофания, никак нельзя отождествлять ни с Тмутараканью, ни с Керчью, как это делали многие авторы², ни в устье Дона³. Подтверждение этому находим у известного арабского путешественника, географа и современника описываемых событий ал-Идриси. Он прямо указывает, что город Росия располагается на берегу большой реки, которая соответствует Кубани: «От города ар-Русиййа, что на большой реке, текущей к нему с гор Кукайя»⁴. Город находился в 20 милях от Матрахи (Тмутаракани), и располагался на берегу Азовского моря. Как известно Керчь не стоит на реке. Городище Росии было обнаружено археологом Ю. М. Десятчиковым в конце 60-х годов XX века⁵. Еще до начала XIX в. там проходил один из рукавов Кубани, который был вскоре перерыт казаками, и Кубань с тех пор впадает в Азовское море.

Помогая Олегу в возвращении тмутараканского престола, византийский император, вероятно, по договору с ним, получил после его ухода в Чернигов власть над княжеством. Вот чем можно объяснить, что Мануил I, разрешив в 1165 г. генуэзским купцам входить в любой город Причерноморья, запретил им доступ лишь в города Матрега (Тмутаракань) и Росия.

¹ Мошин В. Русские на Афоне и русско-византийские отношения в XI–XII вв. // *Bizantinoslavika*. № 9, 1947, С. 79.

² См.: *Pritsak O., Culler A. Bosphoros Cimmerian* // *The Oxford Dictionary of Byzantium*. N. Y.; Oxford, 1991. V. 1. P. 313; *Литаврин Г. Г.* Византия, Болгария, Древняя Русь (IX — начала XII в.) СПб., 2000. С. 290. Последняя по времени работа принадлежит И. Г. Коноваловой, в которой автор, не зная моей статьи, вновь локализует Росию на месте Керчи. См.: *Коновалова И. Г.* Город Росия / Русийя в XII в. // *Византийские очерки*. СПб.: «Алетейя», 2001. С. 135. См.: Захаров В. А. Где находится город «Росия».

³ *Талис Д. Л.* Росы в Крыму // *Советская археология*. 1974. № 3. С. 88.

⁴ *Бейлис В. М.* Ал-Идриси (XII в.) о восточном Причерноморье и юго-восточной окраине русских земель // *Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования 1982 г.* М., 1984. С. 212.

⁵ *Десятчиков Ю. М.* Станица Голубицкая // 20 лет музею М.Ю. Лермонтова в Тамани. II-й раздел. Тамань, 1998. С. 9–11.

Такой же договор, с теми же ограничениями, был заключен между Византией и Венецией в 1169 г.¹ Запрет этот был повторен в 1192 г.²

* * *

Но вернемся к Родосу. В 1190 г. на остров прибыли короли-крестоносцы Ричард Английский (Львиное Сердце) и Филипп-Август Французский, наwerbовавшие на острове наемных воинов для участия в Крестовом походе.

Завоевание Константинополя «франками» в 1204 г. оказало влияние и на расстановку политических сил на Родосе. Тогдaшнй византийский правитель острова, Лев Гавала (именуемый в Орденских хрониках «Леон Галлом»), узнав о свержении в Константинополе императора, объявил себе «игемоном» (суверенным государем). В течение нескольких лет ему удавалось не только успешно защищать от всяческих поползновений независимость острова Родос, но и подчинить своему влиянию все соседние острова Додеканесского архипелага. Лев Гавала даже наладил чеканку собственной монеты. Но, в конце концов, строптивый «игемон» был вынужден признать над собой суверенитет греческого автократора Никеи, претендовавшего на византийское имперское правопреемство. Тем не менее, Лев Гавала старался не упустить ни малейшей возможности избавиться от этой тяготившей его зависимости. Брат и преемник родосского «игемона», Иоанн Гавала, напротив, был преданным слугой и сторонником никейского автократора и не раз сражался на его стороне против западных крестоносцев-«латинян».

Во второй половине XIII в. и в течение первых пяти лет XIV в. никейский автократор (вскоре воцарившийся в Константинополе, изгнав оттуда «латинян») постоянно расширял сферу своего господства. Генуэзские феодалы, формально признавшие и документально засвидетельствовавшие свой статус вассалов византийского автократора, получили от него остров Родос «в управление» (а, по сути — в лен), хотя часть острова и архипелага на практике оставались под властью Гавалы (о чем можно судить по тому, что его турецкие и сарацинские наемники позднее сопротивлялись высадке госпитальеров на Родосе). Эта ситуация «двоевластия» сохранялась без особых изменений до тех пор, пока один из них, не продал остров Ордену госпитальеров³.

¹ *Зевакин Е. С., Пенно Н. А.* Очерки по истории генуэзских колоний на Западном Кавказе в XIII и XV вв. // Исторические записки, т. 3. М., 1938. С. 74.

² См.: *Литаврин Г. Г.* Русь и Византия в XII в. // ВИ, 1972. № 7. С. 40.

³ *Littrell A.* The Hospitallers of Rhodes, 1306–1421 // A History of the Crusades. Ed. by K. Setton. Vol. 3. Madison—London, 1975. P. 27.

Великий Магистр госпитальеров Фульк де Вилларэ вступил в переговоры с генуэзским феодалом Виньоло де Виньоли, формально являвшимся ленником византийского автократора на Додеканесе (а в действительности больше промышлявшим морским разбоем), с целью овладения о. Родос. Госпитальеры планировали использовать Родос, расположенный недалеко от палестинского побережья, как базу для последующего возвращения Ордена в Иерусалим. Договор, заключенный между генуэзским корсаром и «рыцарями Кипра», предусматривал, что де Виньоли, после захвата Родоса госпитальерами, сохранит за собой одну треть территории острова, а к Ордену Святого Иоанна отойдут остальные две трети территории Родоса, а так же остров Лерос и одна треть острова Кос¹.

27 мая 1306 г. де Вилларэ подписал договор и уже через несколько дней 35 рыцарей и 500 пехотинцев приплыли на шести судах и высадились на Родосе, имевшем две первоклассные гавани — Мандракий (Порто ди Мандраччо) — в северной части острова — и Порто Мерконтильо — в южной. Госпитальеры захватили две важнейшие в стратегическом отношении крепости острова — Фараклос и Филеримос. Рыцарям пришлось преодолеть местами достаточно ожесточенное сопротивление сторонников Гавалы, на вербовавшего в свои отряды греков, турок и сарацин. Завоевание острова завершилось в 1309 г. взятием города Родос. Мало помалу в руки госпитальеров попали и другие острова Додеканесского архипелага. С тех пор рыцари стали именоваться не только «госпитальерами» и «иоаннитами», но и «родосцами» («рыцарями Родоса», как до этого — «рыцарями Кипра»), а Великий Магистр Ордена — Сувереном Родоса. Лишь три острова Додеканесского архипелага не вошли в число орденских владений. Это были острова Карпафос и Кассос, которыми владело семейство венецианских патрициев Корнаро, и остров Астипалея, находившееся во владении фамилии Квирини из Наксосского герцогства.

Так началась более чем двухсотлетняя история родосского государства госпитальеров. Этому периоду истории Ордена посвящены работы только западноевропейских ученых, среди которых выделяются ценнейшие исследования английского историка Энтони Латрелла². В отечественной

¹ Ibid. P. 30–31.

² *Taafe John*. The history of the Holy, Military, Sovereign Order of St. John of Jerusalem; or, Knights Hospitallers, Knights Templars, Knights of Rhodes, knights of Malta. Knights Hospitallers, Knights Templars, Knights of Rhodes, Knights of Malta. London: Hope & co., 1852; *Belabre Fradin, baron de*. Rhodes of the Knights. With maps, inscriptions, shields, and photographs by the author. Oxford: Clarendon Press, 1908; *Brockman E*. The Two Sieges of Rhodes. London 1969; *Brockmann E*. The Two Sieges of Rhodes 1480–1522. Barnes & Noble, New York, 1996 (reprint of London 1969 first edition); *Buhagiar M*. The Port of Rhodes under the Knights of St. John, 1309–1522

исторической литературе данный период пока освещен незначительными упоминаниями¹. Сведения о родосском периоде существования Ордена

// Les Grandes Escales. Recueils de la Société Jean Bodin, XXXII (1974); *Butler L.* 1) *The Maltese People and the Order of St. John in the Sixteenth Century* // *Annales de l'Ordre Souverain Militaire de Malte*. Vol. XXXIII–XXXIV. Roma. 1965–1966; 2) *Butler L.* *The Port of Rhodes under the Knights of St. John: 1309–1522.* // Les Grandes Escales, Recueils de la Société Jean Bodin. Vol. XXXII. Paris, 1974; *Delaville le Roule J.* (éd.). 1) *Les Hospitaliers à Rhodes jusqu'à la mort de Philibert de Naillac, 1310–1421.* Paris, 1913; 2-е изд-е: London, 1974; *Kollias Elias.* *The Knights of Rhodes, the Palace and the City.* // *Edkotike Atheon S. A.* 1991; *Eben Herwig.* *Von der Griindung des Jochanniterordens bis zum Ende des Ordensstaates auf Rhodos 1522* // *Der Souveranne Malteser-Ritter-Orden in Österreich. Im Auftrag des Großpriorates von Österreich* / hrsg. Christian Steeb und Birgit Strimitzer. Graz: Leykam, 1999. S. 13–38; *Luttrell A.* 1) *The Hospitallers of Rhodes, 1306–1421* // *A History of the Crusades*. Ed. By K. Setton. Vol. 3. Madison—London, 1975; 2) *The Knight Hospitallers of Rhodes and their Achievements in the Fourteenth Century* // *Revue de l'Ordre Souverain de Malta*. Vol. 16, 1958. P. 136–142; 3) *Intrigue, Schism, and Violence Among the Hospitallers of Rhodes: 1377–1384.* *Speculum* 41, 1966. P. 30–48; 4) *Feudal Tenure and Latin Colonization at Rhodes: 1306–1415* / *English Historical Review*. 1970. Vol. LXXXV; 5) *Interessi fiorentini nell'economia e nella politica dei Cavalieri Ospedalieri di Rodi nel trecento.* // *Annali della Scuola Normale Superiore di Pisa: lettere, storia e filosofia*. 2 ser. 1959, Vol. XXVIII; 6) *Latin Greece, the Hospitallers and the Crusades 1291–1440.* London, 1982; 7) *Rhodes and Jerusalem 1291–141* // *Byzantinische Forschungen*. 1987. № 12. S. 189–207; 8) *The Hospitallers in Cyprus, Rhodes, Greece and the West, 1291–1440.* London, 1978; 9) *The Hospitallers of Rhodes confront the Turks: 1306–1421* // *Christians, Jews and other Worlds: Patterns of Conflict and Accommodation*, ed. P. Gallaheer. New York, 1988. P. 82–84. 10) *The Hospitallers of Rhodes and their Mediterranean World.* London, 1992; 11) *The Hospitallers of Rhodes. Between Tuscany and Jerusalem, 1310–1431* // *Revue Mabillon, nouvelle série* 3 [64] (1992). P. 117–138; 12) *Luttrell A. T.* *Malta and Rhodes: Hospitallers and Islanders* // *Hospitaller Malta 1530–1798*. Ed. by Victor Mallia-Milanes, Mzida, 1993. P. 255–284; 13) *Латрелл Э.* *Военно-монашеские Ордена. 1312–1798* // *История крестовых походов*. М.: КРОН-ПИРЕСС, 1998. С. 368–409; *Rossi Ettore.* *The Hospitallers at Rhodes, 1421–1513.* in: *A History of the Crusades*, Vol. 3, edited by Kenneth Setton, 314–339 // *University of Wisconsin Press, Milwaukee* 1975; *Wienand Adam.* *Der Orden auf Rhodos* // *Der Johanniter-Orden, der Malteser-Orden. Der ritterliche Orden des hl. Johannes vom Spital zu Jerusalem. Seine Geschichte, seine Aufgaben* / *Adam Wienand* (Hrsg). Köln: Wienand Verlag, 1970. S. 143–190. То же в переиздании 1988 г. *Pichel Thourot.* *History of the Sovereign Order of Saint John of Jerusalem, Knights of Malta: Jerusalem 1050–1291, Cyprus 1292–1310, Rhodes 1311–1523, Malta 1530–1798, Russia 1798–1815, U.S.A. 1908.* *Crux News Service.* Schickshinny, Pa., 1957.

¹ *Андреев А., Захаров Д., Настенко И.* *История Мальтийского Ордена*. М.: SPSL-Русская панорама, 1999. С. 58–87; *Захаров В. А.* *Мальтийский Орден: история и современность*. Кн. 1. М.: Изд-во «ОГНИ», 2003. С. 63–76; *Акунов В.* *Рыцари Родоса* // *Рейтар*. 2004. № 7. С. 6–29, № 8. С. 6–32; *Кинрос, лорд.* *Расцвет и упадок*

госпитальеров сохранились хоть и не во всем объеме, но довольно полно, благодаря тому, что госпитальерам удалось сохранить значительную часть архивов того времени и вывезти их впоследствии на Мальту. Уже там, они были использованы первым официальным историографом Ордена Джакомо Бозио. Он тщательно проанализировал родосские документы для создания второго тома своей истории Ордена госпитальеров, который охватывал период с 1291 до 1522 гг. Книга Дж. Бозио впервые была издана еще в 1594 г.¹ Ее второе издание, вышедшее спустя тридцать лет, было значительно исправлено и дополнено автором². До сих пор это единственный труд, написанный в конце XVII века, полностью основанный только на архивных источниках. В этой книге, являющейся, по сути, источником, подробно рассказывается двухвековая история правления островом госпитальерами, благодаря чему Орден впервые получил полную независимость и стал суверенным государством³.

Почти четыре года воевали госпитальеры с Византией за Родос, пока окончательно не укрепились на нем. Вопрос о дате основания государства Ордена госпитальеров на Родосе до сих пор считается спорным. Одни историки датируют его 1306 г., другие 1309 и даже 1310⁴. Думается, что в данном случае следует исходить не из окончательной даты победы над Византией, что действительно произошло в 1310 году, а датой начала вторжения на Родос, хотя решение о перенесении своей резиденции и создании государства на Родосе госпитальеры приняли за несколько лет до этого. Вот почему временем основания нового независимого государства можно считать 1306 год — момент захвата большей части острова.

Родос, столица которого относилась в эллинистическую эпоху к числу красивейших и наиболее благоустроенных городов мира, чьи корабли, нагруженные ценными товарами, курсировали по всему Средиземноморью,

Османской империи. М., 1999. С. 93–170; *Настенко И. А., Яшнев Ю. В.* История Мальтийского Ордена. Кн. 1. М.: Русская панорама, 2005. С. 122–209. Мы привели лишь отдельные работы, более подробно см.: *Захаров В. А.* Мальтийский Орден. Библиография. Издание 2-е, испр. и доп. М.: Изд-во «ОГНИ», 2003.

¹ *Bosio Giacomo.* I storia della sacra religione ed illustre milizia di S. Giovanni gerosolimitano. 3 Vol. Roma, 1594–1602.

² *Bosio G.* Dell'istoria della sacra religione et illustrissima militia di San Giovanni Gierosolimitano. V. 2. Rome, 1629; *Bosio G.* Les Vies des saints et des saintes de l'ordre de Saint Jean de Hierusalem... Paris, 1648.

³ В дополнение к труду Бозио см.: *Delaville J. le Roulx.* Les Hospitaliers à Rhodes jusqu'à la mort de Philibert de Naillac: 1310–1421. Paris, 1913 и *Rossi E.* The Hospitallers at Rhodes: 1421–1523 // *A History of the Crusades* / Ed. K. Setton. Vol. 111. Madison, 1975.

⁴ См.: *Близнюк С. В.* Крестоносцы позднего средневековья: Король Кипра Пьер I Лузиньян. М.: Изд-во Московского ун-та, 1999. С. 9.

находился в эпоху Средневековья на периферии (если не сказать «на задворках»!) исторического развития... но только до тех пор, пока на остров не ступили рыцари госпитальеры. Остров, правда, ни в малейшей мере не утратил своего важного стратегического положения в восточном Средиземноморье, но лишился того политического могущества, которым обладал в качестве крупного эллинистического города-государства. В течение же 213 лет господства госпитальеров порт Родоса превратился в ворота Западной Европы, ведущие на Восток, и наоборот, причем не только для обмена товарами, но и для обмена новыми идеями. Многонациональный характер Ордена госпитальеров обеспечивал проникновение на Родос новых взглядов в области общественной жизни, философии и искусства, распространявшихся в разных странах мира.

Рыцари госпитальеры модернизировали и расширили город, так что к концу XV в. все паломники и путешественники, побывавшие на Родосе, в один голос описывали его как один из красивейших и наилучшим образом укрепленных городов Восточного Средиземноморья. Величественный дворец Великого Магистра, представлявший собой одновременно крепость и резиденцию центра власти одного из крупнейших государственных образований того времени, чьи владения простирались от Иберийского полуострова до Скандинавии, от Англии до Кипра, был расположен в высочайшей точке города. До прихода госпитальеров на Родос эта крепость — акрополь («Вышгород») византийского Родоса — служила последним укрытием на случай взятия города, одновременно официальной и частной резиденцией византийского правителя Родоса.

В период своего более чем двухсотлетнего пребывания на острове госпитальеры наложили на него свой неизгладимый отпечаток во всех сферах жизни — в области управления, торговли, общественной и духовной жизни.

На Родосе проживали люди разных национальностей, но большинство составляли турки, и греки. По ходу их подчинения Орден приобрел и некоторые земли турецких эмиратов на соседнем, континентальном побережье¹. В итоге все жители Родоса вынуждены были капитулировать на условиях, гарантировавших им определенные права, в том числе и религиозные.

Надо отметить, что особенно впечатляющим качеством военно-монашеских орденов являлась как способность к перемещению административного управления и сохранению корпоративного единства независимо от территориальной базы, так и необыкновенная приспособляемость к любым

¹ См.: Lutrell A. The Hospitallers of Rhodes confront the Turks: 1306–1421... P. 82–84.

новым условиям. Это видно на примере всей предыдущей их истории. Оставаясь иногда в столь малом и незначительном количестве, ордены, как Феникс, восставали из пепла.

Само существование Ордена госпитальеров не находилось в зависимости от обладания какой-либо конкретной территорией. Да, в 1291, а затем в 1522 г. Орден был деморализован, потеряв не только лучшую часть своего личного состава, земли, доходы, но и свою особую миссию, выполнение которой было обусловлено обладанием уступленными территориями. Однако он сохранял владения, привилегии и доходы в Европе, как и прежнюю организационную структуру, и продолжал выполнять военные функции согласно своим традициям и статутам.

Уже через год пребывания на Родосе у госпитальеров сформировалось окончательное решение иметь свое государство подальше от европейских монархов и от папы, не повторяя ошибки других духовно-рыцарских орденов, отправившихся в Европу после исхода крестоносцев из Святой Земли. Госпитальерам было известно о недовольстве, которое вызвал конкурирующий Орден тамплиеров во Франции и других европейских государствах. Их опасения подтвердились уже в 1307 г., когда неожиданно для всех арестовали по приказу короля Филиппа IV Красивого французских тамплиеров, и конфисковали казну Ордена. Ну а когда последовали решительные действия папы Клементя V, поддержавшего французского короля, госпитальеры всерьез задумались о своей судьбе. Им стало ясно, что все силы необходимо бросить на завоевание Родоса. Да, Орден госпитальеров был столь же богатым и так же обласканным папой, как и Орден тамплиеров, но терять свои накопления никому не хотелось, к тому же командорства госпитальеров к этому времени были практически в каждом из государств Европы. Орденская сеть расширялась быстро, а рыцари действовали весьма активно, получая все новые и новые земельные владения.

В течение первого десятилетия после завоевания Родоса госпитальерами жизнь на острове была беспокойной. Не говоря уже о том, что приспособление к нравам и обычаям местного греческого населения оказалось для латинских рыцарей нелегким делом. Положение осложнялось еще и постоянными морскими столкновениями — нападениями турок, сразу же осознавшими, какими опасностями им грозит существование рыцарского государства у них под самым боком. Однако, несмотря на прилагаемые турками огромные усилия, им так и не удалось захватить остров и выбить с него воинственных рыцарей-монахов. Но гораздо большим потрясением для Ордена, чем волнения родосских греков или турецкие нападения, стал мятеж рыцарей, взбунтовавшихся против своего же Великого Магистра.

Фульк де Вилларэ был виновен в этом сам. Он настроил против себя членов Ордена своим образом жизни, больше подобавшим не монаху, а светскому государю, и своим деспотизмом (он пытался править самодержавно, не советуясь с Генеральным Капитулом Ордена).

Мятежники объявили о смещении Фулька де Вилларэ, провозгласив вместо него Великим Магистром своего предводителя — Мориса де Паньяка. Де Вилларэ удалось избежать ареста. Он укрылся в крепости Линдос. Для прекращения внутриорденской распри потребовалось вмешательство папы. Оба Великих Магистра — как «законный», так и «незаконный» — были освобождены от занимаемой должности. Новым главой Ордена Святого Иоанна был в 1319 г. назначен Гелион де Вильнев.

Обосновавшись на Родосе, госпитальеры обеспечивали фортификационное укрепление и военную защиту. Это способствовало оживлению торговой деятельности, остров стал безопасным перевалочным и остановочным пунктом для западной торговли в направлениях Фамагусты и Александрии, а также для мореплавания между Египтом и Черным морем и местного каботажа вдоль берегов греческих островов и анатолийского побережья. Родос нуждался в постоянном импорте и хранении продовольствия. У госпитальеров существовала также необходимость в организации управления на более отдаленных примыкающих островах. По подсчетам Э. Лутрелля, за двухвековой период 1306–1522 гг. демографическая ситуация на Родосе быстро увеличивалась, население острова почти удвоилось, с существовавших перед захватом острова около 10 тыс. в 1306 г. до 20 тыс. человек к моменту, когда рыцари в 1522 году вынужденно оставили свое местопребывание¹.

Именно присутствие и деятельность госпитальеров придали Родосу, как впоследствии и Мальте, новое стратегическое значение, в котором крайне нуждался весь христианский мир того времени. Военная защита европейского христианства все время требовала активных действий на море. Великий Магистр Фульк де Вилларэ вырабатывает новую военную стратегию госпитальеров. Орден строит новые суда и вскоре вступает во владение мощного флота, который начинает патрулировать воды восточного Средиземноморья. Естественно, что такое патрулирование зачастую заканчивалось военно-морскими операциями. Орден принимает участие во многих известных битвах, о его сражениях с врагом христиан становится известно далеко за пределами Средиземноморья. Флот госпитальеров участвовал в крестовых походах в Сирию и Египет и оказывал помощь христианскому королевству Армения (Киликия). С этого времени госпи-

¹ Lutrell A. The Hospitallers of Rhodes confront the Turks: 1306–1421... P. 84–85.

гальеры становятся своеобразными «стражами морей» вначале в борьбе с пиратами, а впоследствии и с турками.

Теперь Орден открыл для себя возможность, завладев островом Родос, куда была перенесена его резиденция, основать независимое и самостоятельное суверенное княжество — Орденское государство, и тем самым завоевать то положение, которое позже будет названо суверенитетом. Ордену стал принадлежать не только остров в Средиземноморье, но и большое число имений и других земельных владений в Западной Европе.

Благодаря притоку новых рыцарей из Европы Орден вновь обрел былое могущество и претерпел то решительное преобразование, как в отношении своей внутренней структуры, так и положения в сообществе народов Западной Европы. Оно, в конечном счете, послужило предпосылкой его дальнейшего развития. С момента владения Родосом, Орден становится полноправным суверенным государством, «сувереном Родоса», что было вскоре утверждено специальной буллой папой Клементом V, а госпитальеры стали называть родосскими рыцарями.

На Родосе госпитальеры довольно быстро создали процветающую, базирующуюся на морской торговле экономику, они превратили свою столицу в крупный и важный город, и активно содействовали заселению и развитию сельской местности. Госпитальеры укрепили остров, значительно увеличили свою военно-морскую мощь, построили госпитали, склады, школы и дворцы, создали государственную основу новой военной державы и, в то же время, центр образования, гуманитарных наук и культуры. Этот факт, а также то, что паломники в Святую Землю, плывшие по морю, часто подвергались нападениям пиратов-берберийцев, предопределил превращение Ордена, в морскую державу, ставшую вскоре одной из самых значительных в Средиземноморье.

Сразу после 1306 г. на Родосе произошло значительное увеличение населения, за счет иммигрантов, привлеченных госпитальерами. Многие из прибывших были латинянами, т.е. в основном итальянцами, исповедующими западный обряд, но среди них были также и провансальцы, и каталонцы, и представители других местностей. Все они жили в городе, хотя некоторые содержали также и так называемый «сельский дом», небольшая часть женилась на местных гречанках.

Греки попали на остров из материковой Греции и других частей Византийской империи, опустошаемой турками, некоторые из них были привезены в качестве рабов. Во время прибытия на Родос госпитальеров сопровождала группа сирийцев, вероятно маронитов и других христиан, которые находились на службе у Ордена в Палестине и Сирии, которым были предоставлены на Родосе небольшие должности. В смешанное население входили также немногочисленные евреи, как и наемники, гребцы,

беженцы, пленные, освобожденные рабы из Балкан, Причерноморья и других регионов¹. Многие из христиан, несущие службу или занимающиеся коммерцией на Родосе, не были постоянными жителями острова. Городским самоуправлением ведали состоятельные греки и латиняне, последние — в основном коммерсанты итальянского происхождения, многие из которых отбыли потом с Орденом на Мальту в 1530 г.

Перед захватом Родоса госпитальерами, на протяжении последней четверти XIII в., остров спорадически оказывался под контролем разных представителей в основном генуэзской знати. Генуэзские купцы — конкуренты венецианцев, здесь чувствовали себя как дома. Пока не имеется ясных сведений о том, проживали ли на острове члены греческого аристократического класса, но, даже если такие и были, а, скорее всего, были, то вполне очевидно, что никого из них не осталось на Родоса после его завоевания госпитальерами.

Первоначально морские силы госпитальеров на Родосе обычно состояли из нескольких галер, однако в случае необходимости рыцари могли быстро привлекать иностранные суда или латинских наемников. В своей жизни госпитальеры постоянно сталкивались с проблемами, причиняемыми пиратами с Запада. В 1467 г. ими был убит мальтийский пират, прозванный Микелем с Мальты. Но в то же время известны факты, когда рыцари нанимали пиратов, покровительствовали им и получали доход от итальянского пиратства. Энтони Лутрелл анализируя исследования Лионела Батлера, который, как пишет английский историк, «хорошо знал архивные материалы, но не давал на них ссылок», цитирует статью Батлера, который, в частности, писал: «Между 1450 и 1480 гг. 40 процентов из заходивших в порт морских судов дальнего плавания посещали порт сразу же после того, как они подверглись атаке пиратов»².

Известен факт, приведенный Э. Лутреллом, что Орден госпитальеров, при помощи вербовки, создал даже собственную организацию корсаров, т. е. морских пиратов. Уже в 1413 г. отдельные члены этого братства финансировали галиоты и участвовали в дележе доходов или добычи, не избегая нападений даже на христианские корабли. В 1480 году на Родосе одному госпитальеру было даже разрешено произвести в закрытой гавани, ремонт захваченного им в плен турецкого судна³.

¹ *Luttrell A. The Hospitallers in Cyprus, Rhodes, Greece and West (1291–1440). London, 1978. P. 72.*

² *Luttrell A. T. Malta and Rhodes: Hospitallers and Islanders... P. 269.* Автор ссылается на статью Л. Батлера: *Butler L. The Port of Rhodes under the Knights of St. John: 1309–1522... P. 343–344.*

³ *Luttrell A. T. Malta and Rhodes: Hospitallers and Islanders... P. 269.*

К началу XIV в. Орден госпитальеров имел, подобно тамплиерам, многочисленные владения во многих странах, приносявшие ему немалый доход. Только в Европе госпитальерам принадлежало 656 командорств, в каждом из которых в обязательном порядке был устроен образцовый госпиталь, продолжавший традиции иерусалимской странноприимницы.

Какого бы высокого происхождения ни был член Ордена, он всегда выполнял свою постоянную миссию по оказанию помощи больным и бедным. Куда бы ни перемещался Орден, госпитальеры в обязательном порядке учреждали больницу и строили церковь, это было и в Акре, и в Лимасоле на Кипре, и теперь эта благочестивая традиция продолжилась на Родосе. Если в Акре и Лимасоле из-за недостатка свободных помещений этот комплекс даже не был заключен в единую крепостную ограду, то на Родосе под больничные корпуса была отведена большая территория, которую огородили крепостными стенами.

До наших дней сохранилась «молитва больных», составленная госпитальерами, ее текст, возможно, составленный еще в Палестине, привел Режин Перну в своей книге «Крестоносцы». Молитва каждый вечер звучала в главном зале госпиталя:

Сеньоры больные, помолитесь за мир, чтобы Господь послал нам его с небес на землю.

Сеньоры больные, помолитесь за плоды земли, чтобы Господь увеличил их <число> так, что и ему службу сослужили и христиан поддержали.

И помолитесь за паломников, христианский люд в море и посуху, чтобы Господь им был поводырем и привел их спасенными телесно и духовно.

Сеньоры больные, <помолитесь> за вас и всех недужных, какие есть во всем мире их христианского рода, чтобы Владыка Наш даровал им такое здоровье, какое необходимо для их души и тела.

Сеньоры больные, помолитесь за души отцов и матерей ваших и всех христиан, которые перешли из этого мира в другой, чтобы Господь им даровал. Аминь¹.

И на Родосе, а позже и на Мальте госпитальеры понимали, что, будучи военным орденом, они должны иметь в своем распоряжении такую общественную систему, которая организационно приспособлена к ведению военных действий. Для этого требовались армия, флот, фортификационные сооружения, запасы оружия и продовольствия. Поэтому необходимым для них условием организации местных общественных институтов была способность обеспечивать мобилизацию жителей для несения военной службы и, по отношению к экономике, способность обеспечивать необхо-

¹ Перну Режин. Крестоносцы. СПб.: «Евразия», 2001. С. 91.

димый избыток, покрывающий расходы на проведение серьезных военных операций.

Конечно, дополнительные людские и финансовые ресурсы, в которых жизненно нуждались госпитальеры, поступали из европейских приоратов Ордена. Это подразумевало два важных обстоятельства. Внутренние дела и финансы, внутренние взаимосвязанные системы продвижения по службе и налогообложения должны были быть налажены таким образом, чтобы члены братства были в состоянии как служить в Конvente в течение нескольких лет, а так же отправлять туда регулярные финансовые взносы — респонсии и другие отчисления в то время, когда они управляли Командорствами. Но в то же время удержание и пользование доходами, владениями и привилегиями на Западе зависело от другого фактора — от поддержки Ордена римскими папами, светскими правителями и, в целом, общественным мнением. Это означало, что военная деятельность Ордена на суше и на море, как и порядок расходов в Конvente, должны были соответствовать пропагандистским целям, убеждая западные общественные круги, что Орден действительно выполняет важную функцию по военной борьбе с «варварами», которая оправдывает бремя предоставляемых Европой пожертвований и привилегий. Над созданием такого общественного мнения Орден трудился, как говорится, не покладая рук.

Во время правления госпитальеров Родос достиг высокого экономического процветания, опираясь прежде всего на морскую торговлю. Остров служил для всех нейтральным остановочным пунктом, госпитальеры предоставляли купцам порты и склады для перегрузки товаров. На Родосе был устроен специальный арсенал, где строились или ремонтировались корабли. Госпитальеры определили и особый вид барщины, они обязывали жителей Линдоса транспортировать гужевым транспортом древесину, предназначенную для изготовления кораблей, с холмов к судоверфи. Орден, под командованием Адмирала, выработал и систему морской повинности, обязывавшую греков, проживающих в городе, служить гребцами на галерах во времена государственной надобности, однако она была упразднена в 1462 г. и заменена налогом на помол зерна на мельницах. Это впоследствии потребовало от городских жителей дополнительных затрат, чтобы самостоятельно оплачивать свою защиту на море.

Постепенно на Родосе госпитальеры создали процветающую торговлю, основанную на использовании морской гавани, при ней члены Ордена, их наемники, и остальное сопровождение рыцарей обеспечивали для торговли рынок сбыта. В то время как оборонительные укрепления на Родосе и примыкающих островах обеспечивали безопасность, что также являлось необходимым условием интенсивного роста экономики. Первоначально

госпитальерами была предпринята попытка, привлечь поселенцев для военной и морской службы путем предоставления им фьефов (поместий), но она имела незначительный успех. После этого многие земельные участки Родоса были распределены на условиях долгосрочной аренды (эмфитевсис). Аграрный «профиль» экономики острова был скорее углублен, чем изменен. Некоторые виды продовольствия ввозились с островов Кос и Нисирос, на последнем добывалась также ценная вулканическая сера¹.

Говоря о периоде владения госпитальерами Родоса, необходимо остановиться хотя бы на главных действующих лицах этого двухсотлетнего владычества. Среди первых, конечно же, стоит имя Великого Магистра Фуке де Виларэ, которое осталось в истории Ордена навсегда связанным с захватом Родоса. Он был избран Великим Магистром в конце 1305 года или в начале 1306 года, и, вероятно, был родственником своего предшественника Великого Магистра Гийома де Виларэ. На посту главы Ордена он пробыл тринадцать лет и вынужден был его покинуть из-за всеобщего недовольства рыцарей его политикой. Вот, что сообщалось о нем в «Хронологии Магистров», помещенном в Кодексе де Рогана, где в русском переводе его именовали Фолком де Виларэтом:

Он был Конвентом отрешен от Магистерства, и избран на место его брат Мавриций де Паниако. Такое избрание не было одобрено Верховным Первосвященником, который признавал всегда Фолка за Великого Магистра, а посему Мавриций и не включен в число Великих Магистров. Между тем Фолк для успокоения Конвента отрекся от Магистерства в 1319 г. перед папой Иоанном XXII, который назначил ему доходы Капуанского Приорства, как явствует из его грамоты, начинающейся словами: «Когда к лицу» от 3 июня 1319 г. В ее вступлении упоминается, что отречение последовало пред тем весьма незадолго, ибо подлинно известно, что оно еще не состоялось 12 апреля, от которого числа находится подлинная булла сего Великого Магистра, посланная в Арль и хранящаяся в Орденской Канцелярии. Оный же сей папа в другой грамоте, начинающейся так: «Дабы между лицами» от 29 июня 1319 года освобождает его от всякого послушания к начальникам Ордена, и объявляет его непосредственно зависящим от Святого Престола. Он удалился во Францию в Тейранский замок, где скончался 1 сентября 1327 года и был погребен в Монпелье в церкви святого Иоанна².

¹ См.: Lutrell A. The Hospitallers in Cyprus, Rhodes, Greece and the West... — Приложения I, III, VII.

² Уложение Священного Воинского Ордена Иерусалимского, вновь сочиненное по повелению Священного Генерального капитула в 1776 году... СПб., 1800. Ч. 1. С. XII.

Как бы то ни было, но именно Фольку де Виларэ следует поставить в заслугу спасение Ордена госпитальеров от разгрома, подобного тому, какому подвергся Орден тамплиеров. Дело в том, что к этому времени крестовые походы стали вызывать в Европе всеобщее отторжение. В народе росло разочарование всем движением крестоносцев, а бесконечная череда поражений вызывала у многих сомнения в их целесообразности, ибо даже Людовику Святому не удалось завершить свой поход победой. И поэтому совершенно прав Режин Перну, справедливо считавший, что слишком часто в XIII в. крестовые походы служили узким политическим целям, в частности, интересам папства, особенно папы Иннокентия IV (1243–1254).

С определенной точки зрения, крестовые походы в начале XII в. действительно были порождением экспансионистской политики всего западного общества в целом, тогда еще довольно разрозненного, свободного от прочных политических связей. Однако ко второй половине XIII в. уже были вполне различимы первые признаки экономического упадка, которым отмечен весь XIV век¹.

К XIII в. осложнилось положение и духовно-рыцарских орденов, которые стали вызывать все большее и большее недовольство не только светских властей. Так, соперники госпитальеров, тамплиеры, вызвали недовольство даже папы. И было за что. В 1265 г., после ссоры между папой и тамплиерами, Климент IV писал Великому Магистру и братьям Ордена тамплиеров, желая вновь напомнить им, что «если Святая церковь хотя бы на время лишит Орден своего покровительства перед лицом прелатов и светских правителей, то ему не устоять под их ударами». Таким образом, тамплиерам недвусмысленно советовали не рубить тот сук, на котором они сидят, «который единственно, кроме Господа нашего, поддерживает» их, и проявлять большее смирение и покорность².

Первые действия госпитальеров были направлены на укрепление своего военного господства на острове. Территория Родоса была довольно значительной и кроме городов с укрепленными замками, было немало земель являвшихся сельской местностью. Необходимость в их обработке, а также желание увеличить численность населения острова привела к тому, что госпитальеры стали приглашать переселенцев из всех христианских стран Западной Европы. Они получали за свою воинскую службу и охрану территории в постоянный феод земельные участки на острове, однако их оказалась мало.

¹ Барбер М. Процесс тамплиеров. М.: «Алетейя» — «Энигма». 1998. С. 30

² Там же. С. 28.

В это время в Европе начался процесс над тамплиерами, и госпитальеры, занявшие выжидательную позицию на далеком Родосе, оказались в более выигрышном положении. Не ожидая того, они стали еще богаче после передачи им значительной части имущества соперников.

Тем временем и на Родосе не все было спокойно и безоблачно. Внутренние распри продолжали волновать госпитальеров. Но тут во Франции происходят трагические события. Умирают король и папа, и тогда все вспомнили о словах Великого Магистра тамплиеров де Моле, который во время его сожжения на костре проклял их обоих. Но всех баснословных сокровищ тамплиеров ни Климент V, ни следующий папа Иоанн XXII, а уж тем более госпитальеры, так и не получили. Возможно рассказы о сокровищах не больше чем легенды, но как бы то ни было, до сих пор сотни людей во всем мире занимаются их поисками, правда, безрезультатно.

С 1319 г. Великим Магистром госпитальеров становится Элион де Вилленев (де Вилланова). Он был избран папой Иоанном XXII в Авиньоне, «по назначении тех Кавалеров, кои там находились во время отречения Фуке де Виларэ», так явствует из грамоты папы посланной 18 июня 1319 года. Эта дата назначения нового главы Ордена госпитальеров, полностью подтверждается существованием и двух грамот от 3 и 29 июня 1319 г., в которых объявляется о последовавшем уже отречении де Виларэ. Кроме того, в Орденской Канцелярии хранились два подлинных документа написанные на пергаменте, один от 12 сентября 1319 г., другой датирован 8 июлем 1322 года. Данные документы отвергают версию о его избрании в 1323 г., которую выдвигали некоторые исследователи.

Как мы помним, после разгрома Ордена тамплиеров Орден св. Иоанна, получил многие из их прежних владений, которые были разбросаны во многих государствах Европы. Да и на Родос все в больших количествах стали прибывать со всей Европы дворяне, желавшие стать членами Ордена госпитальеров. Орден был вынужден создать структуру территориальных подразделений — наподобие провинций и Приорств тамплиеров.

Наиболее характерной особенностью организационной структуры Ордена Святого Иоанна в период его пребывания на о. Родос было строго иерархическое разделение членов Ордена на классы, подвергавшееся постоянному и неусыпному контролю. Члены Ордена подразделялись на три класса: рыцарей, клириков и сержантов. Эта троичная структура соответствовала средневековой сословной структуре западноевропейского общества, подразделявшегося на дворянство, духовенство и простонародье. Скорее всего, корни этой классовой структуры восходят в XII в., когда Великий Магистр госпитальеров Раймонд дю Пюи начал преобразовывать прежний, чисто монашеский Орден странноприимцев в духовно-рыцарский военный Орден.

Рыцари (*milites*, буквально «воины») должны были иметь благородное (дворянское) происхождение. Именно они были основными носителями власти в Ордене в описываемый период. Члены Ордена, относившиеся к другим классам, могли достигать высоких должностей лишь в исключительных случаях. Как правило, все важнейшие административные и военные должности — например, должности Великого Магистра, глав Орденских «языков» («лангов» или «наций») или приоров, могли занимать лишь рыцарями.

Клирики (*capellani*) могли не иметь благородного происхождения, но их родители должны были обладать личной свободой (то есть не быть «рабами» или «крепостными»). Обязанности клириков ограничивались совершением церковных треб. Класс Орденских клириков, в свою очередь, подразделялся на три ранга, или степени: простых клириков, капелланов (капелянов) и приоров (этих приоров не следует путать с приорами — главами Орденских территориально-административных — приорств, приорий или приоратов). Простые клирики прислуживали во время богослужения. В каждом командорстве (комменде) Ордена имелся свой капеллан. Немало капелланов постоянно пребывало в резиденции Орденского руководства в городе Родос. Другие капелланы сопровождали Орденский флот или сухопутные войска Ордена в период военных действий. Достичь высшей духовной должности приора клирик мог достигнуть только в возрасте 26 лет, прослужив не менее года. Каждое духовное приорство (приорат, приория) имело своего собственного приора, которому подчинялись все капелланы соответствующего региона. Самой почетной должностью для членов Ордена этого класса являлась должность приора Церкви Святого Иоанна в Колахии. Приору этого храма подчинялись все капелланы острова Родос. Его ранг считался весьма высоким не только среди Орденского духовенства, но и в рамках всей Орденской иерархии.

Сержанты, сервиенты, сервандармы или оруженосцы (*servientes armorum, servienti d' armi*), подобно клирикам, должны были не обязательно иметь благородное происхождение, но происходить от лично свободных родителей. Они оказывали рыцарям помощь на войне, но также и в делах управления, при уходе за больными, бедными и нуждающимися. Однако они могли занимать лишь подчиненные административные и военные должности. Наряду с сержантами-оруженосцами имелись и сержанты, не участвовавшие в боях наравне с Орденскими рыцарями, а использовавшиеся по гражданской части (*servienti di staggio*).

Рыцари Родоса являлись интернациональным по составу Орденom, члены которого происходили из разных стран Европы. В рамках этого многонационального, но подчинявшегося единому централизованному

руководству Ордена между отдельными национальными группами существовали четкие различия. Употреблявшийся для обозначения этих групп термин «язык», или «ланг» (от латинского «lingua»), вполне соответствует современному понятию «нации» или «национальности».

Это разделение на «ланги» или «языки», принятое еще на Кипре, было официально утверждено, как уже указывалось, в 1323 г. на первом Генеральном Капитуле, созванном по решению Элиона де Вилленева в Монтелье. Последовательность, в которой эти «языки» всегда перечислялись, соответствовала их «Орденскому стажу». На первом месте всегда стоял древнейший «язык» Ордена — Прованс (откуда, по наиболее распространенной версии, происходил сам основатель Ордена — Жерар), затем шли Овернь, Франция, Италия, Арагон (этот «язык» включал в свой состав всех «рыцарей Родоса» с Иберийского полуострова), Англия и Германия (Аллемания). На заседании Орденского Генерального Капитула, созванного в 1461 г. на Родосе Великим Магистром П. Закостой, было принято решение о разделении Арагонского «языка» на две части. Одна его часть сохранила прежнее название и прежнее место в иерархии, то есть, последовательности перечисления Орденских «языков», в то время, как вторая часть стала именоваться «языком Кастилии» и упоминаться на восьмом месте, после «языка Германии».

«Язык» Прованса включал в свой состав 2 Великих Приорства — Сен-Жилльское (54 комменды) и Тулузское (35 комменд) и отдельный Маносский бальяж.

«Язык» Оверни включал в себя Великое Приорство Овернское (40 кавалерских, или рыцарских, комменд, и 8 сержантских комменд), и отдельный Лионский бальяж.

«Язык» Франции включал в себя 3 Великих Приорства — Французское (45 комменд), Аквитанское (65 комменд) и Шампанское (24 комменды) и два бальяжа, во главе которых стояли капитулярный бальи Морей (он же — глава комменды при храме Святого Иоанна Латеранского в Париже) и Великий казначей (глава комменды Святого Иоанна Корбейльског).

«Язык» Италии включал в себя Великое Приорство Римское (19 комменд) и 6 приорств — Ломбардское (45 комменд), Венецианское (27 комменд), Барлеттское (25 комменд), Капуанское (25 комменд), Мессинское (12 комменд) и Пизанское (12 комменд), а также отдельные бальяжи Святой Евфимии, Святого Стефана, Роселлы, Иоанна Неаполитанского, Святой Троицы Венозской, Кремонский и особый бальяж родовой комменды (командорства) Святого Себастиана (учрежденный папой Урбаном VII).

«Язык» Арагона включал в свой состав 3 Великих Приорства — Арагонское (29 комменд), Каталонское (28 комменд) и Наваррское (27 комменд), 2 отдельных бальяжа — Майоркский и Капский, а также особый бальяж

Негропонтский (находившийся род совместным управлением «языков» Арагона и Кастилии).

«Язык» Германии включал в свой состав 5 Великих Приорств — Германское, Богемское, Венгерское, Датское и Польское — и 2 бальяжа — Бранденбургский и Святого Иосифа в Далмации (всего 67 комменд).

«Язык» Кастилии состоял из 2 Великих Приорств — Кастильского (27 комменд) и Португальского (31 комменда) и 5 бальяжей — Акрский, Лангонско-Лезский, Нововиланский, Лорский и Святого Гроба в Тори.

«Язык» Англии включал себя (в период пребывания госпитальеров на Родосе) объединенный бальяж трех достоинств Великого Приора Английского, бальи Эгльского и бальи Армянского. Позднее он был преобразован в Англо-баварский язык (с включением в свой состав Великого Приорства Баварии).

Каждый «язык» содержал на Родосе свою собственную казарму-общезитие («оберж»), где проживали члены данного «языка» и размещались высокие гости из Западной Европы, остававшиеся на Родосе в ходе своих миссий или путешествий.

Глава каждого языка именовался «пилье», или «пильер» (*pillerius*, буквально: «столп», «опора») и относился к числу высших должностных лиц Ордена. Каждый из этих «пильеров» не только возглавлял тот или иной «язык», но и занимал одну из высших Орденских государственных должностей. Не менее четырех из восьми «пильеров» обязаны были постоянно пребывать на о. Родос. Никто из них не имел права удаляться из Орденской резиденции без специального разрешения Совета Ордена. На время отсутствия одного из «пильеров» на Родосе тот «язык», к которому он принадлежал, назначал ему заместителя из числа своих членов¹.

Итак, языков стало восемь, и не только для выходцев из основных стран Европы, но даже местностей. Правда, в 1574 г. в правление Генриха VIII, Орден госпитальеров был запрещен в Англии, поэтому тогда же в самом мальтийском Ордене «язык» английский был закрыт. Но через несколько лет, 2 декабря 1583 г. появилась булла папы Григория XIII, в которой с большим пиететом отмечались заслуги этого «языка» и разрешалось приписывать к нему, в качестве почетных рыцарей других «языков». Он был восстановлен только в 1782 г. под именем англо-баварского языка.

Однако на первых порах на Родосе не существовало специальных жилых помещений для проживания представителей отдельных лангов².

¹ *Luttrell A.* The Hospitallers of Rhodes, 1306–1421... P. 64.

² *Jacobi Cf. D.* Les communes italiennes et les ordres militaires à acree: aspects juridiques, territoriaux et militaires (1104–1187, 1191–1291) // *État et Colonisation au Moyen Âge et la Renaissance*, ed. M. Balard. Reims, 1989.

Только несколько лет спустя, госпитальеры построили на острове ряд зданий для братьев из всех лангов, составлявших к тому времени структуру Ордена.

Статут госпитальеров, их Устав, Конституция, составленный до того, как произошла милитаризация Ордена, не содержал каких-либо упоминаний о военной миссии братьев, или указаний на обязательное рыцарское или аристократическое происхождение¹. В первой четверти XIV века произошли большие изменения в составе рыцарей. Прежде всего, членами Ордена становились лишь из членов одного из восьми утвержденных «языков». К каждому из кандидатов стали предъявляться особые требования, все они были разные. Так, например, представитель номинации «рыцари по справедливости», а именно они занимали все должности в Ордене, должен был иметь восемь поколений благородной крови. От германцев требовалось 16 поколений, а от испанцев и итальянцев лишь четыре поколения². Эти порядки усложнили членство в Ордене, и уже на Родосе он стал представлять собой элитную европейскую структуру, состоящую практически только из дворян. Те, кто был принят в Орден без доказательства своего дворянского происхождения в виде исключения за свои выдающиеся заслуги, или происходившие от отцов-дворян, а матерей-горожанок, получал номинацию «рыцаря по милости»³.

Мы помним, что орденское одеяние было установлено еще первым главой Ордена Герардом (Жерардом) де Торном. Но уже при папе Александре IV (1243–1254) были введены следующие новые правила. Все рыцари, в отличие от прочих членов Ордена, носили красную военную рясу с белым полотняным крестом и черный орденский плащ. Братья-служащие носили в мирное время черную рясу, а во время войны — черный плащ.

Со времени основания Ордена, рыцари, кроме белого креста на одежде, носили серебряный крест такой же формы, сначала на четках, а затем и на груди. Ношение серебряных крестов на груди как знак принадлежности к членству в Ордене было официально установлено Орденским Капитулом только в 1631 году.

Позже серебряные кресты стали заменяться крестами белой эмали, с украшениями по углам, преимущественно лилиями. Кроме того, для

¹ По мнению Энтони Лутрелла, самый ранний из сохранившихся к настоящему времени вариантов Устава — это изложенный в стихах текст, датируемый концом XII века, сохранившийся в списке на англо-норманском языке. Он опубликован сравнительно недавно: *Sinclair K. (ed.). The Hospitallers // Riwie. London, 1984.*

² *Антошевский И. К. Державный Орден Святого Иоанна Иерусалимского, именуемый Мальтийским в России... М.: ГПИБ, 2001. С. 64.*

³ Там же. С. 64.

высших сановников Ордена были установлены большие золотые кресты, которые носились на черной ленте или на золотой цепи. Братья же, служащие в Ордене, носили так называемый «донат» — полукрест, у которого недоставало двух верхних углов, позже донат стал представлять собой такой же крест, у которого белой эмалью была покрыта лишь нижняя половина креста.

Глава Ордена — Великий Магистр, был ограничен в своих действиях Капитулом, который он был обязан созывать во всех важных случаях жизни Ордена. За Великим Магистром следовали Бальи конвентуальные (они назывались еще пилье — т.е. столпы), стоявшие во главе языков. Затем шли Великие Приоры (или бальи капитулярные). Все они были рыцарями (кавалерами) Большого Креста. За ними следовали Командоры и, наконец, простые рыцари¹. Свои земельные владения Орден начал представлять Великим Приорам, Бальи и Командорам во временное владение, при условии уплаты в Орденскую казну определенного дохода, который назывался «респонсии».

Респонсии в течение многих веков служили главным источником дохода Ордена. Во время позднего Средневековья, вместо единого Ордена госпитальеров, находившемся в одном регионе, это государство превратилось в своеобразный союз, в федерацию национальных орденских структур, которые действовали во многих странах Европейского континента.

Великий Магистр имел также право каждые пять лет назначать Командором одного из рыцарей. Кроме того, существовало несколько Командорств, доходами от которого пользовались капелланы и оруженосцы. На Родосе окончательно установилось Центральное управление и появились высшие должностные лица Ордена. Наднациональный характер Ордена госпитальеров проявился и в разделении исполнительной власти в правительстве Ордена, которое состояло из Великого Магистра и Малого Совета. Каждый из высокопоставленных членов Малого Совета избирался из одного из языков Ордена и становился главой соответствующего ланга в Конvente и одновременно главой одного из ведомств, которое Генеральный Капитул 1445 года выделил каждому языку для постоянного руководства.

Великий Магистр, или Гроссмейстер (*magnus magister*), избирался всегда из числа членов высшего Орденского класса — рыцарей. Уже в силу этого он должен был быть человеком благородного происхождения. Выборы Великого Магистра проходили весьма своеобразно. Генеральный Капитул избирал из числа своих членов коммендатора (командора), в свою

¹ Там же. С. 66–67.

очередь, избравшего трех выборщиков: рыцаря, капеллана и сержанта. После чего эти трое выбирали четвертого выборщика, и т. д. В конце концов, число выборщиков достигало 13. Посовещавшись друг с другом, они избирали, наконец, нового главу Ордена Родосских рыцарей.

Великий Магистр, должность которого являлась пожизненной, по своему статусу был высшим носителем административной и военной власти. Как правило, он правил совместно с Орденским Советом. Генеральный Капитул ограничивал его во власти и контролировал все его действия. Однако Генеральный Капитул созывался только раз в 2,5 года, а порой не созывался и по 10 лет. Если Великий Магистр считал созыв Генерального Капитула необходимым, он мог созывать его и чаще.

Ниже рангом, чем Великий Магистр, были восемь других важных должностных лиц, осуществлявших централизованное управление Орденом:

1. Великий Коммендатор (Великий Командор);
2. Маршал;
3. Госпитальер (Великий Госпитальер);
4. Адмирал;
5. Драпиер (Великий Консерватор или Великий Интендант);
6. Капитулярный бальи (байли или байлиф). или Великий бальи (он же *tresorier générale*, то есть «главный казначей»);
7. Туркопольер;
8. Великий Канцлер.

Все эти орденские должности занимали упоминавшиеся нами выше «пильеры», то есть главы 8 орденских «языков». В средневековых документах «пильеры» именуется также «конвентуальными бальи» (*baillivi conventiales*). В течение первых 200 лет истории Ордена Святого Иоанна Великие Магистры и /или Генеральный Капитул назначали кандидатов на эти должности без учета их национальности. Однако в 1320 г. Генеральный Капитул, собравшийся в г. Арле, принял решение о том, чтобы впредь право назначения на ту или иную из восьми вышеперечисленных высших должностей было закреплено за конкретным «языком» Ордена (и, соответственно, за «пильером» соответствующего орденского «языка»).

С тех пор Великим Коммендатором (*magnus praepceptor* или *magnus commendator*) всегда назначался глава «языка» Прованса, занимавший в орденской иерархии второе место после Великого Магистра, которого нередко замещал в период болезни или отсутствия на Родосе. Между тем, круг его задач представляется нам ныне не совсем ясным. Вероятнее всего, он управлял всем имуществом Ордена и, таким образом, нес ответственность за все орденские доходы, налоговые поступления и снабжение Ордена всем необходимым. Исполнять должность ему помогали:

1. «Коммендатор (командор) малой комменды (малого командорства)» (*praeseptor voltae*), отвечавший за сохранность и пополнение запасов мыла, мяса, бронзы и т. п., и
2. «Коммендатор (командор) зернохранилища» (*praeseptor granarii*), отвечавший за сохранность и пополнении орденских запасов зерна.

Оба этих коммендатора (командора) рекрутировались из числа орденских сержантов (*servientes armorum*).

Маршал (*marescalcius* или *marescallus*) одновременно являлся главой «языка» Оверни. Вопреки названию своей должности, легко могущему ввести в заблуждение современного человека, маршал «рыцарей Родоса» являлся отнюдь не их верховным военным предводителем, а чиновником, отвечавшим за снабжение орденских войск и военного флота всем необходимым для ведения войны — оружием, боевыми машинами, артиллерийскими орудиями, боеприпасами, доспехами для людей и коней и т. д. Маршал также контролировал состояние Орденской Оружейной палаты и оружейных мастерских. Круг его задач частично совпадал с кругом задач Орденского Адмирала. В исполнении должности Маршалу помогали:

1. Великий Скутарий, или Магистр Скутарий (*magnus scutarius* или *magister scutarius*), назначавшийся из числа сержантов и отвечавший за содержание в надлежащем состоянии лошадей и конюшен;
2. Коммендатор конного войска, или коннетабль (*comes stabuli, cupes-table*), и в определенный период истории Ордена Святого Иоанна — также
3. «кастелланы» (каштеляны).

Госпитальер, или Великий Госпитальер (*hospitalarius* или *magnus hospitalarius*) являлся главой «языка» Франции. Он отвечал за лечение больных и уход за ними, заботу о бедных, осуществлял контроль за деятельностью орденского госпиталя и больничного персонала. Госпитальеру непосредственно подчинялись два продома (*prodomi*), назначавшихся лично Великим Магистром. Сам Госпитальер (по-русски именовавшийся еще и Гостеприимником) представлял на утверждение Великому Магистру и Совету Ордена рыцаря, избранного им в качестве кандидата на должность Инфермария (*infermiere* или *infermarius*) — Главного Санитара и смотрителя Родосского госпиталя. Инфермарий исполнял свою должность в течение двух лет, с возможностью продления срока. Он был обязан день и ночь следить за состоянием больных. Инфермарий, в свою очередь, находился под неусыпным контролем двух продомов, докладывавших обо всем Госпитальеру. Врачи совершали ежедневный обход больных

в присутствии инфермария и представителей всех восьми «языков». Лекарства готовились квалифицированными орденскими аптекарями и провизорами в специальной аптеке. За снабжение больных лекарственными средствами отвечали сам Госпитальер и его два продома. Позднее, в XV в., в Ордене была введена должность главного санитаря — Инфермерария, считавшаяся одной из самых важных.

Адмирал (*admiratus*) являлся главой «языка» Италии. Эта должность впервые упоминается в Орденских документах в конце XIII в., когда у Ордена госпитальеров, наряду с сухопутным войском, появился и военно-морской флот. Адмирал руководил Орденским флотом, командуя как кораблями, так и офицерами и рядовым составом корабельных экипажей, а также служившими на Орденских кораблях наемниками (в отсутствие Верховного Магистра).

Драпиер, или Великий Консерватор (*drapperius* или *magnus conservator*) являлся главой «языка» Арагона. Он был главным интендантом, отвечавшим за снабжение членов Ордена одеждой и обувью, за швейные, кожевенные и обувные мастерские, за склады одежды и обуви.

Туркопольер (*magnus turcopolerius*) являлся предводителем «языка» Англии. Первоначально туркопольером именовался командир так называемых туркополов, или туркопулов (туземных вспомогательных войск), из которых состоял корпус легкой кавалерии Ордена. До начала XIV в. эту должность занимал простой офицер, подчинявшийся Орденскому маршалу. Однако на заседании Генерального Капитула в 1304 г. было принято постановление, приравнивавшее звание туркопольера к рангу конвентуального бальи (*baillivus conventialis*) и поставившее туркопольера на седьмое место в орденской иерархии. Со временем туркопольер стал командовать не только кавалерией и вспомогательными войсками, но и караульными войсками Ордена.

Великим казначеем, или Великим бальи (*Tresoriere générale, tresarius* или *magnus baillivus*), был глава «языка» Германии. Он был управляющим всем орденским имуществом, включая казну, запасы продуктов питания, товарные и дровяные склады, птичники, свинарники, коровники и т. д. К концу пребывания Ордена на Родосе Великий бальи отвечал также за сохранность всех оборонительных сооружений и крепостей орденского государства, обеспечение их боеприпасами и продовольствием.

Должностью Великого канцлера (*magnus cancellarius*), начиная с 1461 г., был облечен глава самого молодого из восьми орденских «языков», или «лангов» — «языка» Кастилии. Он был начальником канцелярии Великого Магистра и хранителем печати, подписывал официальные документы канцелярии вместе с Великим Магистром и прикладывал к ним печать, а также руководил архивом орденского государства.

Подобное конституционно закрепленное разделение высших постов между различными лангами позволяло достичь умелой и действенной концентрации сил при одновременном учете национальных особенностей, что не в последнюю очередь способствовало усилению Ордена.

Кроме вышеперечисленных важнейших, в период пребывания Ордена госпитальеров на Родосе существовал еще целый ряд низших должностей, занимавшихся сержантами, чей круг задач нам представляется пока еще не слишком ясным — например, должности «Магистра (хранителя) аси-нария» (*magister asinariae* или *custos asinariae*), «Магистра дел» (*magister operis* или *custos operis*) и т. д.

Орденское правительство было двухступенчатым: Генеральный Капи-тул и Совет Ордена.

Генеральный Капитул (*Capitulum Generale*), в заседаниях которого имели право участвовать все члены Ордена, был носителем верховной власти. Он контролировал все действия всех административных и военных органов Орденского государства. Решения Генерального Капитула имели силу закона. Первоначально он созывался раз в 5 лет (порою даже раз в 3 года!), но позднее — лишь раз в 10, а то и раз в 15 лет. В случае кончины Великого Магистра созывалось внеочередное заседание Генерального Капитула.

Совет Ордена (*Capitulum Conventum*) был совещательным и консульта-тивным органом при Великом Магистре. Члены Совета постоянно пребыва-ли в главной Орденской резиденции на Родосе. В течение первых 200 лет истории Ордена госпитальеров члены Совета избирались Генеральным Капитулом или самим Великим Магистром из числа класса Орденских рыцарей, без учета необходимости равномерного представительства всех «лангов» («языков»). Однако в 1320 г. Генеральный Капитул постановил, что Совет Ордена впредь должен состоять из пильеров (глав Орденских «языков»). На аверсе печати, прикладывавшейся к документам с по-становлениями Совета Ордена, был изображен Святой Гроб Господень, а на реверсе — члены Совета, преклонившие колена перед Патриаршим крестом (символом первоначального подчинения госпитальеров духовной власти Патриарха Иерусалимского). По ободу печати шло латинская надпись: *BULLA MAGISTRI ET CONVENTUS* (ПЕЧАТЬ МАГИСТРА И СОВЕТА).

Законодательная власть осуществлялась Орденскими судьями, подчинявшимися байлифу (балы) Родоса (*baiulivus Rhodi*), который назначался непосредственно Великим Магистром. Все коммерческие споры решались специальными «торговыми судами», надзор за которыми осуществлял Торговый балы (*baiulivus commercii*). Совет Ордена родосских рыцарей чеканил свою собственную монету на базе динария.

В архивных документах и свидетельствах современников содержится немало указаний на то, что греческие граждане Родоса восточного (православного) вероисповедания имели собственные органы самоуправления. Это, не в последнюю очередь, шло на пользу и Ордену. В сложных ситуациях и в моменты наибольшей опасности созывались совместные комитеты, состоявшие как из «франков», так и из греков, и принимавшие совместные решения. В административных документах Ордена нередко упоминаются «профиды» (*profides*) — «добрые люди» или «добрые люди страны». При этом идет речь о почетном звании, жаловавшемся Орденем представителям местного греческого населения и происходившего от девиза Ордена рыцарей Родоса — «*Pro Fide*» («За Веру»). За что жаловалось данное звание и что входило в круг задач пожалованных им «профидов», не совсем ясно¹.

Каково же было местное управление на Родосе в период владения островом госпитальерами?

Земельные владения Ордена родосских рыцарей располагались не только на Додеканесском архипелаге. Орден, как помним, имел обширные владения и управлявших ими легатов по всей Европе — от Португалии до Дании, Венгрии и Богемии, от Англии до Кипра. Управление владениями на Додеканесе и в Европе было организовано строго централизованно.

В орденском государстве существовало две местные административные единицы: прецептория, или комменда (командорство), и приорат (приорство).

Комменда являлась фундаментальной административной единицей орденского государства. Она включала в свой состав не менее 1 церкви и 1 госпиталя (странноприимного дома), а также неопределенное количество лежащих по соседству друг с другом селений или земельных угодий. Коммендой (командорством) управлял коммендатор (командор), или прецептор (*commendator* или *praeseptor*). Как правило, коммендатор должен был, в качестве необходимого условия для назначения на эту должность, иметь степень «рыцаря (по) справедливости» и состоять в Ордене не менее трех лет. Комменды, имевшие особо важное оборонительное значение, именовались также «кастелланей» (*Castellanei*). Возглавлявшие их кастелланы (каштеляны) должны были состоять в Ордене уже не три, а пять лет. В распоряжении каждого коммендатора находилось несколько рыцарей и/или сержантов и капеллан, занимавшийся духовным окормлением общины данной комменды.

Но наряду с этими, наиболее распространенными рыцарскими (кавалерскими) коммендами, существовали и так называемые сервандармские

¹ Акунов В. Рыцари Родоса // Рейтар. 2004. № 7. С. 18–22.

комменды. во главе которых стояли не рыцари-кавалеры, а сержанты-сервандармы.

Управляющий коммендой назначался приором соответствующей Орденской провинции. Он был обязан ежегодно выплачивать приору, которому был непосредственно подчинен, определенный налог, сумма которого была строго зафиксирована. По способам получения комменд они подразделялись на:

1. «комменды по справедливости»;
2. «комменды по милости» и
3. «родовые комменды».

Чтобы приобрести в управление «коммунду по справедливости» необходимо было участвовать в 4 Орденских «караванах» (военно-морских походах против мусульман) или в 4 сухопутных военных кампаниях, прожить 5 лет на Родосе и отвечать прочим требованиям, предписанными на этот случай в Орденских Уложениях.

«Комменды по милости» давались в управление достойным кандидатам по милости Великого Магистра или Великих Приоров. Кроме своего права назначать «Магистральных коммендаторов» (что могло происходить в любой момент), был вправе каждые пять лет давать, кому считал необходимым, одну «коммунду по милости» в каждом приорстве. Великие Приоры также имели право давать в своем Приорстве одну «коммунду по милости» любому представителю Орденской братии, независимо от ранга. Кроме того, каждый Великий Приор имел, сверх комменд, находившихся в его ведомстве и находившегося в полной зависимости от него, свою особую коммунду, по имени которого называлось приорство.

«Родовые комменды» назывались так потому, что учреждались своими основателями, выделявшими их из своих земельных владений, для наследования своими потомками из рода в род, так что по смерти учредителей коммендаторами (командорами) становились их старшие сыновья, затем — старшие сыновья этих сыновей, и т. д.

Приорат (приорство) состоял из неопределенного количества комменд (командорств). Приорства Французское или Овернское были значительно больше, чем, например, приорство Мессинское. Приор избирался Генеральным Капитулом по предложению Великого Магистра. В период пребывания Ордена Святого Иоанна на о. Родос были введены понятия Великое Приорство и Великий Приор. Если приор умирал в пределах своего приорства, коммендатор, на территории комменды которого умер приор, созывал 12 коммендаторов близлежащих комменд, избравших временно заместителя приора, на период до выборов нового приора Генеральным

Капитулом. Если же приор умирал за пределами своего приорства, то временное управление приорством поручалось заместителю, назначенному приором до отъезда из приорства (назначение такого заместителя приором до отъезда было непременным требованием Орденского устава).

Для обеспечения постоянной связи между удаленными провинциями и центральной Орденской администрацией приор был обязан по первому требованию Великого Магистра прибыть в главную Орденскую резиденцию и дать отчет в своей деятельности.

Такие отчеты должны были представляться раз в пять лет, хотя на практике эти сроки соблюдались не всегда, учитывая трудность далекого, сопряженного с немалыми опасностями, путешествия из отдаленных частей Западной Европы на далекий остров Родос. В 1301 г. Генеральный Капитул принял постановление, согласно которому ежегодно не менее двух приоров должны были являться в столицу Ордена. После 1370 г. их число было соответствующим постановлением увеличено до трех.

Приор назначал коммендаторов. При исполнении своей должности он получал помощь и поддержку от так называемого провинциального капитула. В круг его задач входили, в частности, регистрация доходов, поступавших в приорство от комменд, и их пересылка в Орденскую резиденцию на Родос. Приор регулярно инспектировал подчиненные ему комменды, контролируя их административную и финансовую деятельность¹.

Во главе всех приорств той или иной страны (Италии, Франции, Испании и т. д.) мог стоять Великий коммендатор (командор), или Великий прецептор (*magnus commendator* или *magnus praeseptor*), которого не следует путать с одноименным главой «языка» Прованса. Однако в реальности он назначался не всегда и не во всех странах, в которых располагались Орденские владения, поскольку не был предусмотрен Орденским Уставом.

После завоевания Додеканесского архипелага рыцарями Ордена Святого Иоанна они занялись выращиванием на Родосе сахарного тростника, чем с большим успехом занимались еще на Кипре. Большая часть сахара, производившегося госпитальерами на Кипре и Родосе, скупалась венецианскими торговцами.

Банкиры и коммерсанты из Монпелье и Нарбонна управляли деньгами и именными богатыми и обширными Орденскими владениями родосских рыцарей в Южной Франции, на Иберийском полуострове и на Кипре. В 1356 г. Великий Магистр рыцарей Родоса Роже де Пен даровал гражданам и купцам Нарбонна право открыть в г. Родосе свое консульство. Он освободил их от всех налогов и сборов, кроме портовой пошлины, от уплаты за всех

¹ Акунов В. Рыцари Родоса... С. 23–25.

рабов, не являвшихся их личной собственностью, и даже от тех сборов, которые взимались со всех, желавших изготавливать мыло в Орденских мыловарнях. Однако в случае вражеского нападения на Родос граждане Нарбонна и Монпелье были обязаны принимать участие в его обороне с оружием в руках.

Родос поддерживал активные торговые отношения с Испанией (особенно в XV в.), хотя они никогда не принимали такого размаха, как его торговля с Италией или с Францией. Одновременно в водах Додеканеса свирепствовали арагонские пираты (христиане римско-католического вероисповедания!).

Несмотря на все призывы к «священной войне», не прерывались и торговые отношения между Родосом и побережьем захваченной турками Малой Азии. Даже военные действия, казалось, не служили им помехой. Из Малой Азии на Родос привозили, в частности, ковровые изделия, шелковые ткани, зерно и керамику, в то время как турки ввозили с Родоса поступавшие туда из Западной Европы кожи, шерстяные ткани и другие изделия. Перед лицом общих экономических интересов обоюдная ненависть и враждебность отходили на второй план. Так, например, рыцари Родоса и Блистательная Порта в договоре, заключенном 25 августа 1451 г. между госпитальерами и султаном Мехмедом II Гази (будущим завоевателем Константинополя!), пришли к соглашению о том, чтобы «торговцы... могли заключать сделки и обмениваться товарами беспрепятственно и безопасно». Во избежание каких-либо инцидентов, грозящих разрывом этого договора. Великий Магистр родосских рыцарей Жан де Ластик потребовал от короля Арагонского, владевшего военно-морской базой на о. Кастеллоризо на Орденской территории, запретить арагонскому каперскому флоту захватывать турецкие корабли в родосских водах. Кроме того, он потребовал от испанцев прекратить торговлю рабами-мусульманами и другими трофейными товарами между малоазиатским побережьем и Родосом.

По сей день остается открытым вопрос, в какой мере местные греки участвовали в экономической жизни Родоса. До нас дошло имя родосского грека Драгонетто Клавелли, являвшегося одной из важнейших фигур в экономической жизни Родоса в конце XIV-начале XV вв. Греки, регулярно направлявшиеся родосскими рыцарями на переговоры с турками в качестве посланников либо в качестве переводчиков-толмачей, торговали с Малой Азией и были хорошо знакомы с языком и страной турок, несмотря на все, остававшихся главными врагами Ордена. Одновременно они имели полезные во многих отношениях связи с чиновниками турецкого аппарата управления (состоявшего в значительной своей части также из греков,

перешедших или не перешедших в ислам). Богатство греческих горожан — подданных рыцарей Родоса, воспетое Мануилом Лименитисом в его поэме «Черная смерть на Родосе» (описывающей эпидемию чумы, поразившую остров), может быть объяснено лишь активным участием родосских греков-горожан в экономической жизни островного государства.

Наряду с банками и торговлей, на Родосе процветали и мелкие семейные предприятия, специализировавшиеся на изготовлении сукна и глиняной посуды, а также металлообработке. Однако важнейшими отраслями производства оставались изготовление сахара и мыловарение. Всякому дозволялось за определенную плату производить мыло в Орденских мыловарнях. Родосский сахар считался вторым по качеству после кипрского сахара («тростникового меда»), считавшегося первосортным.

Другой важной отраслью Родосской экономики было мореплавание. Гавань Родоса постоянно посещали как «франкские», так и греческие торговые суда. Орденский флот рыцарей Родоса не только вел морскую войну против мусульман, но и конвоировал торговые караваны. Экипажи орденских кораблей рекрутировались главным образом из числа родосских греков. В законе о морской службе (*servitus maritima*) содержалось указание на обязанность определенного слоя греческих подданных Ордена (так называемых «перизков», т. е. «безземельных») служить в орденском флоте. Служба в орденском флоте была нелегкой, но прошедшие ее суровую школу родосские греки стали превосходными, опытными мореходами и в результате начали курсировать на своих собственных кораблях между всеми средиземноморскими портами. В 1462 г. Великий Магистр рыцарей Родоса фра Педро Рамон Закоста заменил обязательную морскую службу «безземельных» добровольной службой или уплатой взамен нее соответствующего налога.

Знаменитый историк Ордена рыцарей Родоса, Гильом де Каорсин, хотя и родился в 1430 г. во Фландрии, происходил из семьи, проживавшей на Родосе. Он с отличием окончил Парижский университет и получил диплом доктора прав. Каорсин по сей день считается одним из самых высоко образованных и способных граждан Родоса. Несмотря на то, что Каорсин не был рыцарем Ордена госпитальеров, он — в виде исключения! — был в 1459 г. назначен вице-канцлером Ордена и оставался на этой должности до самой смерти, последовавшей в 1503 г. Орден не раз поручал Каорсину сложные дипломатические миссии в различных странах Западной Европы. Наряду с этим, он за восемь лет в совершенстве овладел греческим языком, в течение шести лет объездил острова Эгейского моря, собирая древние рукописи, и написал на латыни «Книгу островов архипелага» (*Liber insularum Archipelagi*), содержащую краткое описание греческих

островов, включая их социальное и экономическое положение. Кроме того, он написал хронику осады Родоса турками в 1480 г., историю турецкого принца Джема (Джиджима или Зизима), изгнанного собственным братом — Баязидом I Ильдеримом (Молнией) — и, по поручению Великого Магистра Пьера д'Обюссона, «Уложение (Устав) Родосских Рыцарей» (*Stabilimenta Rhodiorum Militum*), позднее переведенный им же с латыни на французский¹.

В первом десятилетии XVI в. другой высокообразованный член Ордена Святого Иоанна — рыцарь Сабба ди Кастильоне — утонченный и эксцентричный романтик, по поручению Изабеллы Гонзага д'Эсте, собирал на Родосе сокровища античного искусства. Кастильоне был большим почитателем античной литературы и искусства, чем выделялся из общей среды членов своего Ордена, и потому описывал своих соратников — рыцарей Родоса — «варварами», умеющими обращаться только с копьем, мечом, щитом или луком и стрелами и подозревающих в нем самом скрытого еретика и идолопоклонника только из-за его любви к античной культуре! Книга Саббы ди Кастильоне «*Ricordi*» пользовалась большой популярностью среди его более просвещенных современников.

Пьетро Ломеллино дель Кампо и некий Фонтано, являвшиеся очевидцами второй осады Родоса турками (в 1522 г.) составили, независимо друг от друга, хронику этой осады. Труд Ломеллино до нас не дошел, но отрывки из него использовались в хронике осады Родоса, составленной Джованни Бозио².

В этой богатой духовной атмосфере, царившей на Родосе, несмотря на религиозную строгость, изначально характеризовавшей жизнь воинственных монахов Ордена Святого Иоанна Иерусалимского, немало греков позаимствовало дух западноевропейской поздней готики и раннего Ренессанса. К их числу относились придворные ученые Великого Магистра де Эредия — Георгий Калокир и Димитрий Калодик. Но, кроме них, в эпоху

¹ См. издания этих Уставов: *Pantaleon Heinrich*. *Militaris Ordinis Johannitarum Rhodiorum aut Melitensium Equitum Rerum Memorabilium* [...] *Historia Noua*, libris duodecim comprehensa [...], Basileae 1581; *Gabriel Albert*. *La Cité de Rhodes MCCCX–MDXXII. Architecture civile et religieuse*, 2 vols., Paris 1921–1923; *Gerola Guiseppe*. *Le Tombe dei Granmastri di Rodi*, in: *L'Italia l'arte straniera. Atti del X Congresso internazionale di storia deU'arte in Roma*(1912). Roma 1922. P. 319–325, pl. LXXVII–VIII. Все они представлены в интернете на сайте: <http://www1.uni-hamburg.de/hospitallers/7statutes/statutes.html>

² Bosio Giacomo. *Histoire des chevaliers de l'Ordre de S. lean de Hiervsaleem. Cydeuant escrite par le feu S.D.B.S.D.L.* [i.e. sieur de Boissat, seigneur de Licieux]. Paris, Iacques d'Allin, 1659.

господства рыцарей-госпитальеров над Родосом, там просияли и другие греческие «светила науки».

Агапит Кассиан был главным сокольничим рыцарей Родоса. Как в свое время Император Фридрих II Гогенштауфен, Кассиан написал книгу о выращивании и обучении охотничьих соколов. Книга Кассиана до нас не дошла, но послужила основой для аналогичного труда Жана де Франсьера об искусстве соколиной охоты «*Traité de fauconnerie*» (1469 г.)¹. Все это доказывает, что времена прежней строгой монашеской жизни «по уставу» для госпитальеров на Родосе давно прошли (по правилам Орденским рыцарям в числе прочих развлечений воспрещалась соколиная охота, как и всякая другая охота — кроме охоты на львов!).

Георгий Каливас покинул Родос после захвата острова турками и переселился на остров Кандию (Крит). Там он написал хронику осады и завоевания Родоса, диалог о 50 богословских проблемах и т. д.

Мануил Лименитис сочинил большую поэму «Черная смерть на Родосе» и стихотворную «Рецензию на песнь о Велизарии». В поэме описываются ужасы эпидемии чумы, поразившей Родос в 1498–1500 г., но также дана подробная картина нравов, обычаев и общественной жизни на Родосе в конце XV в. Второе произведение посвящено Велизарии, византийскому полководцу Императора Юстиниана Великого (VI в.).

Нил Диасорин, православный греческий митрополит Родоса в 1357–1369 гг., сам был уроженцем острова Родос. Он был ученым филологом, историком соборов. От него остались полемические диалоги, каноны, речи, жития святых и трактаты, посвященные грамматике.

Однако самым выдающимся произведением грекоязычной родосской литературы времен Орденского правления является знаменитый «Сборник Родосских любовных песен»².

Процветающее, независимое от светских князей, признанное уже в 1309 году папой Клементом V, Орденское государство подтвердило свои права в 1448 году, когда папа Николай V признал полную юрисдикцию Ордена над территорией Родоса. Этой буллой, обращенной к Великому Магистру Дьедоннэ де Гозону (1346–1353) была утверждена независимость Ордена от папы в вопросах управления, финансовых вопросах, право обмена посольствами с другими государствами. Госпитальеры получили международно-правовую свободу договоров и действий, право чеканить

¹ Отдельные страницы этого манускрипта, хранящегося в Национальной библиотеке Франции опубликованы в интернете на сайте: <http://gallica.bnf.fr/anthologie/notices/00250.htm>

² *Медведев И. П.* О писце лондонской рукописи «Родосских песен любви» // Византия и Русь / Отв. ред. Вагнер Г. К. М., 1989. С. 108–113.

монету и взимать налоги. Папа также признал Великого Магистра независимым, свободным князем, предоставив ему соответствующие привилегии и почести. Эти права Ордена были еще раз подтверждены папой Пием II (1458–1464 гг.) при Великом Магистре Жаке де Мийи (1454–1461) и папой Иннокентием VIII (1484–1492 гг.) при Великом Магистре Пьере д'Обюссоне (1476–1503).

Владычество над Родосом вновь продемонстрировало двойственную природу Ордена: как религиозного Ордена и одновременно как светского субъекта международного права.

Современный Суверенный Мальтийский Орден (С.М.О.М.) объясняет наличие своего нынешнего суверенитета именно этим фактом, проводя нить наследственности от государства госпитальеров на Родосе до государства Ордена св. Иоанна Иерусалимского на Мальте. По мнению руководства С.М.О.М. именно данный исторический факт «и определяет то особое положение, которое Орден сохранил до сегодняшнего дня. Подчиненный в духовных вопросах Святому Престолу, Орден был, тем не менее, совершенно независим в решении политических и светских вопросов как от Святого Престола, так и от западноевропейских христианских сеньоров»¹. Однако справедливость суждений руководства нынешнего Суверенного Мальтийского Ордена подвергается законному сомнению, поскольку уже свыше 200 лет у Мальтийского Ордена отсутствует хоть какое-то территориальное владение.

Законодательные предписания, регулирующие взаимоотношения Великого Магистра и его Ордена, а также Ордена и местных жителей, были на Родосе уже несколько иными, чем до этого на Кипре, а потом на Мальте. Госпитальеры оставались религиозным Орденом военного направления, деятельность которого подлежала одобрению папой. Его существование опиралось на каноническое церковное право и дарованные папами привилегии. Являя собой, в качестве корпорации, совокупность определенных прав, имуществ и индивидуумов, которые находились в зависимости от католических светских властей, но, по большей части, пользовались у них авторитетом, Орден, в сущности, не был привязан к какой-либо строго определенной территории.

В действительности госпитальеры получили и удерживали Родос путем завоевания, хотя жители острова сдались на условиях, сохраняющих за ними некоторые права, особенно в области религии и вероисповедания. Но с другой стороны булла папы Клементя VI 1307 г. передавала остров

¹ *Annuaire 1998/1999 Orde Souverain Militaire Hospitalier de Saint-Jean de Jérusalem de Rhodes et de Malte*. Roma, 1998. P. IV.

в распоряжение госпитальеров как территорию, формально отторгнутую у раскольников и «неверных», что означало предоставление острова в вечное пользование и освобождение от десятинного налога¹.

В 1454 г. Великий Магистр Жак де Мийи отверг притязания Оттоманской Порты на уплату дани, или на подчинение Родоса, заявив, что остров принадлежит не ему, а находится в ведении папы, который не отдавал распоряжения платить кому бы то ни было дань². Пребывая на Родосе, Магистр имел собственные монеты, отправлял верховное правосудие и осуществлял обмен посланниками, дарил и предоставлял в пользование земли, устанавливал налоги и исполнял другие полномочия, свойственные независимому правителю. Более того, Магистр руководил организационной структурой, которая распространялась намного за пределы островов, — Родоса, а затем Мальты, — на Командорства и братства европейского Запада. В его распоряжении находилась «вотчина», аналогичная, в некоторых отношениях, владениям папы, чьи функции были разными внутри и вне папского государства.

27 мая 1346 года умирает Элион де Вилленев. Существует один весьма любопытный факт, приведенный Лабзиным, который ссылается на что, в Орденской Канцелярии хранилась грамота на пергаменте, датированная 9 июня 1366 года. Она была написана от общества города Замоеры Королевства Кастильского к Великому Магистру «брату Леону Вилланове, которой он извещает, что для избежания бесчеловечных притеснений, каковое претерпевает оное общество от Альвара Мугноса, Министра короля Кастильского, вступило в союз с Португальским королем и просит Великого Магистра, дабы он не верил ничему тому, что упомянутый Министр мог бы написать к нему против Кастильского Приора»³.

А.Ф. Лабзин обращает внимание на тот факт, что в этой грамоте, если она не подложная, содержится ошибка в дате или в тексте, потому, что точно известно, что в июне месяце 1346 года Великого Магистра Элиона де Вилленева уже не было в живых.

Как же существовал Орден госпитальеров, на какие средства? Кроме доходов, получаемых от налогообложения, поступали значительные средства от торговых операций, но все же большую часть составляли респонсии.

¹ Текст опубликован: *Delaville le Roitlx J. Cartulaire Général de l'Ordre de S. Jean de Jérusalem: 1100–1310. Vol. IV. Paris, 1906. № 4751.*

² Цит.: *Luttrell A. T. Malta and Rhodes: Hospitallers and Islanders... P. 275.*

³ *Лабзин А. Ф., Вахрушев А. История Ордена святого Иоанна Иерусалимского. Т. II. СПб., 1799. С. XII—XIII.*

Внутри Ордена существовали колебания в распределении доходов. В течение двух первых десятилетий после 1381 г. респонсии в совокупности с экстраординарными поступлениями образовывали среднегодовой доход, поступающий с Запада, в размере 38 500 флоринов, хотя в реальности цифры значительно колебались из года в год. Прецептория на Кипре направляла приблизительно 10 000 флоринов в год в XIV столетии¹.

Другие налоги собирались непосредственно на Родосе, хотя некоторые из этих поступлений направлялись не в Конвент и его Казну, а Магистру Ордена, чьи доходы, как это видно из сохранившихся архивных документов, были сравнительно невелики, в 1390 г. они составили около 12 000 флоринов².

В 1476 г. доходная часть Конвента составляла около 97 000 флоринов, из которых 84450 флоринов поступили из западных приоратов, а 11 550 флоринов составляли восточные поступления, в составе последних: 5700 флоринов от налога на вино на Родосе, 4500 флоринов с Кипра и 1350 флоринов с острова Кос³.

Великий Магистр обладал огромной властью на Родосских островах, однако внутри Ордена он продолжал быть «конституционной» фигурой, его действия были ограничены подотчетностью только папе, а также обетом соблюдать правила, обычаи и установления Ордена. Он давал обязательства коллегиального обсуждения с высшими членами Ордена, у которых даже имелось право сместить его с поста, а также положением его в качестве представителя Генерального Капитула Ордена, единолично обладавшим прерогативой издавать законодательные Статуты и утверждать главные назначения. Магистр, согласно правилам, занимал подчиненное положение по отношению к Генеральному Собранию, или его Совету в лице «главных равных»⁴.

Великий Магистр, вместе со своим Советом, пользовался на Родосе исключительно широкими полномочиями, хотя за ним числились определенные обязательства действовать в рамках совещательного принципа

¹ *Lutterell A. T. The Hospitallers in Cyprus, Rhodes, Greece and West (1291–1440). London, 1978. P. 168.*

² Хотя данные свидетельства нельзя считать однозначными, но, по-видимому, более четких описаний доходов Великого Магистра Ордена не имеется. См.: *Luttrell A. T. Malta and Rhodes: Hospitallers and Islanders... P. 267.*

³ *Ibid.*

⁴ Юридическое положение Великого Магистра подробно обсуждалось приблизительно в 1317 г. Э. Лутрель ссылается на обнаруженные им в Ватиканских архивах документы 1472 года: См.: *Luttrell A. T. Malta and Rhodes: Hospitallers and Islanders... P. 268.*

по отношению к населению города. В момент серьезной опасности в 1439 г., Глава Ордена вел переговоры с представителями городского самоуправления, греками и католиками, чье согласие на взимание дополнительных налогов требовалось как в соответствии с древним обычаем, так и в соответствии с обещаниями, сделанными тому политическому образованию, которое носило название городского самоуправления. Каждый год члены этого городского правления должны были избирать двух исполнителей — по одному от латинского и греческого населения, чья обязанность заключалась в надзоре за сбором налогов. В сельской местности многие жители все еще были зависимым подневольным сословием, прикрепленным к земле и господину. Однако класс свободных крестьян постепенно рос по мере того, как ширилась практика оформления отпускных грамот, предоставляющих рабам и крепостным свободный статус.

На Родосе госпитальерам, как известно, не пришлось столкнуться ни с автохтонной греческой аристократией, ни с крупными землевладельцами, способными мобилизовать население на выражение недовольства или участие в патриотическом восстании. Хотя на острове присутствовала небольшая прослойка помещиков-латинян, госпитальеры стремились не допустить образования значительного класса латинской аристократии, отказывая в доступе в Орден христианам восточного происхождения, т.е. православным. Таким образом, пресекались предпосылки для возникновения местной наследственной земельной аристократии, связанной родственными или другими узами с членами Ордена¹.

Интересно, что схожую тактику в Пруссии применял Тевтонский Орден. В 1478 г., в принятии в братство было отказано грекам, ввиду того, что это противоречило Статутам Ордена². К 1524 г., однако, была сделана уступка: христиане из знатных западных семей, родившиеся на Родосе, могли быть приняты в Орден, при условии письменного подтверждения гражданства на родине родителей³.

Весной 1481 года был предпринят новый поход на Родос турецкой армии во главе с самим победителем Византии Мехмедом II, которого называли в Европе вторым Александром Македонским, но он прервался из-за смерти турецкого султана.

¹ *Luttrell A. The Hospitallers in Cyprus, item XII; id., Greeks. Latins and Turks, 360.* Под термином «*Greci Nobiles*», упомянутом в Орденских архивах следует считать не греческих дворян, а просто состоятельных жителей города Родос.

² *Бокман Х. Немецкий Орден...* — С. 174–175.

³ Текст в *Negotiations de la France dans le Levant*, ed. E. Charrière, I Paris, 1848, p. 135–6.

«Располагаясь в следующий год с многочисленным войском сам идти к Родосу, — писал А.Ф. Лабзин, — султан делал к сему чрезвычайные приготовления, собрал более 300 тыс. войска, чтоб посадить оное на суда в Вифинии, куда и сам отправился, но не дошед, умер от колики»¹.

После того, как госпитальеры, переместившись на Родос, укрепили свою власть над островом в политическом и в военном отношении, они, подобно другим державам Восточного Средиземноморья, направили свои усилия на обеспечение безопасности своих опорных пунктов в Малой Азии и на Среднем Востоке, а также контроля над торговыми путями между Востоком и Западом. С этой целью рыцари Родоса заключили военный союз с Ватиканом, Францией, Венецией и Кипром.

Итак, на Родосе госпитальеры создали первоклассный во всех отношениях военный флот, переняв лучшие достижения военных моряков всего тогдашнего мира. Основу военно-морских сил рыцарей Родоса составляли большие, обшитые броней галеры с 50 гребцами, сидевшими с каждого борта в 2 ряда. Кроме гребцов, на борту каждой из этих Орденских галер находилось несколько братьев-рыцарей, 50 матросов и 200 солдат. Рыцари Родоса с успехом применяли в морских сражениях перенятый ими у византийцев «греческий огонь». Крупнейший военный корабль рыцарей Родоса — «Санта Анна» — по праву мог бы считаться первым европейским броненосцем.

Находясь на Родосе, госпитальеры значительно укрепили свой военный флот, переняв лучшие достижения моряков всего мира. На острове были построены большие галеры с обшивной броней и пятьюдесятью гребцами в двух рядах. На не зависящих от ветра галерах кроме нескольких рыцарей было 50 матросов и 200 солдат. Во время военных действий госпитальеры применяли знаменитый «греческий огонь»². Их самый большой корабль, построенный в XV в. — «Святая Анна» по праву считался первым броненосцем. Госпитальеры стали снова бороться с мамелюками, совершая рейды на сирийское и ливанское побережье.

Численность военного контингента Ордена госпитальеров была небольшой — не более чем несколько сотен рыцарей и военных командиров на всей территории Востока, находящихся на действительной военной

¹ Лабзин А. Ф., Вахрушев А. История Ордена святого Иоанна Иерусалимского. Т. II. С. 165. Осады на Родосе в 1480 и 1522 гг. подробно описаны в книге: Setton K. The Papacy and the Levant: 1204–1571, 4 vols. Philadelphia, 1976–1984. II. P. 346–63; III. P. 203–216; IV. P. 853–81.

² Более подробно о «греческом огне» см.: Захаров В. А. Тмутаракань и «Слово о полку Игореве»... С. 203–221.

службе при Конvente на Родосе или в других местах. Орден, как уже говорилось, также использовал наемников, но это всегда было сопряжено с большими расходами. По подсчетам Э. Лутрелла на Родосе в XIV в. насчитывалось всего 200 или 300 членов братства — рыцарей, включая небольшое количество священников. Интересно, что общее число братьев на Мальте в XVIII веке то же было приблизительно таким же¹. Однако, хорошо информированный византийский император Мануил II Палеолог писал приблизительно в 1409 г.:

Не стоит думать, глядя на несколько галер, пришвартованных на Родосе, что военная сила госпитальеров слаба или незначительна; если они захотят, то сразу могут собрать большое количество воинов со всего мира, по которому они разбросаны².

В 1310 г. флот родосских рыцарей разгромил у острова Аморгоса, находившегося в 150 километрах от Родоса, турецкую флотилию нового Османского государства, образованного в 1299 г. Осман-беем и Орхан-беем. Через восемь лет флот госпитальеров повторил свой успех, выиграв у острова Хиос свое очередное морское сражение у турецкого флота, состоявшего из восьмидесяти судов. Еще через год, в 1320 г., турецкий десант на 80-ти кораблях попытался высадиться на Родосе, но на подходе к острову 30 кораблей родосских рыцарей разгромили и рассеяли турок.

6 сентября 1332 г., по инициативе Венеции и с благословения папы Иоанна XXII, была подписана «конференция», или «политическая уния», между Венецией, родосскими госпитальерами и Византией о совместной борьбе с турками, рвущимися на запад³.

В сентябре 1344 года флот родосских рыцарей участвовал во взятии объединенным флотом союзников сильной крепости Смирны, принадлежавшей турецкому эмиру Умур-паше.

В 1334 году к договору присоединились Кипр, Франция и Папская область, но дальше дело не пошло — в декабре 1344 года альянс распался. Флот госпитальеров же в 1347 г. разгромил при острове Имроз турецкий флот из 100 судов, а в 1360 г. был образован новый союз родосских рыцарей с Венецией и Кипром против турок.

¹ *Luttrell A. T. Malta and Rhodes: Hospitallers and Islanders...* P. 271.

² Приводится в: *Luttrell A. The Hospitallers of Rhodes, 1306–1421 // A History of the Crusades. Ed. By K. Setton. Vol. 3. Madison — London, 1975. P. 99.*

³ *Гаген С. Я. Альянсы против турок в 1332–1344 гг. и проблема унии греческой и латинской церквей // Россия — Крым — Балканы: диалог культур. Научные доклады международной конференции (Севастополь, 6–10 сентября 2004 г.). Екатеринбург: НПМП «Волот», 2004. С. 137–140.*

Однако усиление османской мощи в Средиземноморье заставляет многие прибрежные государства Италии искать в лиге госпитальеров союзников. 24 марта 1362 г. венецианскому послу в Константинополе было отправлено письмо, в котором на него возлагалось поручение объединить трапезундского императора Алексея III, болгарского царя Ивана Срацимира Шишмановича, короля Кипра и Великого Магистра госпитальеров Роже де Пэна в большую военную коалицию которая смогла бы противостоять османской агрессии¹. И хотя заключить этот союз не удалось, в лице Ордена турки увидели серьезного противника, который начал планомерную борьбу с очень воинственным соседом, мечтавшим о полном господстве на всем Средиземном море.

В 1365 году госпитальеры принимали участие в локальном крестовом походе кипрского короля Пьера де Лузиньяна против Египта, — 10 октября их флот участвовал в разгроме египетского флота и во взятии города Александрии. Госпитальеры постоянно участвовали в набегах на города Леванта, Малой Азии и Египта, постоянно усиливая свою военную мощь. В 1386 году Орден госпитальеров купил за 20 000 флоринов Ахейское княжество на Пелопонесском полуострове, который госпитальеры вынуждены были покинуть через двадцать лет, в 1405 г.

Вся вторая половина XIV в. прошла под знаком ожесточенной борьбы христиан с мусульманами в Восточном Средиземноморье. Рыцари Родоса участвовали почти во всех военных предприятиях в ходе этой борьбы.

В конце XIV в. турецкий султан Баязид начал войну с венгерским королем Сигизмундом. Еще в начале своего правления, Баязид надменно объявил итальянским послам, что после покорения Венгрии, он завоюет Рим и накормит своего коня овсом на алтаре храма святого Павла. Агрессивные намерения по отношению к христианам у него время от времени воплощались в жизнь. Венгерский король обратился к христианскому миру с просьбой организовать крестовый поход и изгнать турок из Европы. Помощь от европейских государств поступила довольно быстро. К Сигизмунду отправились и госпитальеры во главе с Великим Магистром Филибером де Найяком (или Найлаком). Под знамена венгерского короля собралось десятитысячное войско. Значительную часть армии крестоносцев составляли французы (тысяча рыцарей и оруженосцев, а вместе со слугами — не менее 2500 человек). Остальную часть войска Сигизмунда составляли венгры, хорваты, валахи, поляки, германцы, итальянцы, англичане и даже датчане. К лету 1396 г. в Буде собралась

¹ Карпов С. П. Трапезундская империя и западноевропейские государства в XIII–XV вв. М.: изд-во Моск. ун-та, 1981. С. 57.

огромная армия, имевшая дополнительную поддержку со стороны Черного моря, где в устье Дуная собрались военные суда госпитальеров, венецианцев и генуэзцев.

Однако планы по заманиваю Баязида в венгерские земли не удались, поскольку султан был занят осадой Константинополя. В то же время в стан крестоносцев приходили сведения о турецких войсках одни фантастичнее других. Решив, что Баязид где-то очень далеко под Иерусалимом, крестоносцы решили спуститься по Дунаю и совершить ряд боевых подвигов. Сопровождавшая их транспортная флотилия везла по реке продовольствие. Крестоносцы без сопротивления овладели болгарским г. Видином и после пятидневной осады взяли штурмом г. Рахов. Следующим на очереди был Никополь. Узнав о резне населения, учиненной в Рахове крестоносцами Сигизмунда, раздосадованными оказанным им упорным сопротивлением, никопольцы решили защищаться не на жизнь, а на смерть. Отсутствие осадных машин и нежелание начинать сражение заставило войска крестоносцев расположиться лагерем вокруг города. Осада Никополя продолжалась 16 дней.

Больше двух недель крестоносцы провели время в веселье, играх и пьянстве, ожидая, когда в окруженном ими городе закончится еда и жители сдадутся на милость крестоносцам. Появление Баязида с двухсоттысячной армией было полной неожиданностью. Но даже в такой ситуации христианские войска отказались от необходимости иметь согласованный план совместных действий. Тщеславные рыцари, не видевшие всего войска Баязида и не имевшие опыта войны с ним, были настолько опьянены первыми победами, разгромив всего-навсего передовую группу войск, состоящую из необученных новобранцев, что бездумно бросились вперед, оказавшись, таким образом, в ловушке.

Главное турецкое войска под командованием самого султана Баязида Молнии осаждало столицу Византии. Но, узнав о приближении крестоносцев, турки сняли осаду Константинополя и ускоренными маршами двинулись навстречу войску венгерского короля через Адрианополь, Шипку и Тырнов. 24 сентября 1396 г. турецкая армия встала лагерем под Никополем, на холмистой местности, в 6 км от стана крестоносцев. Силы сторон были примерно равны (около 10 000 крестоносцев и около 12 000 турок). Османы заняли позицию на высоте южнее Никополя. На самой высоте, во рвах, за палисадом, расположилась отборная турецкая пехота — янычары («новые войска») — пешие лучники. Кроме лука со стрелами, эти превосходные стрелки были вооружены копьями, саблями и ятаганами. Впереди были рассыпаны турецкие конные лучники, а за высотой укрыта тяжелая турецкая кавалерия («сипахи» или «спаги») под командованием

самого султана Баязида. Османский боевой порядок был рассредоточен в глубину. Его опорой являлась окопавшаяся янычарская пехота.

На созванном королем Сигизмундом военном совете предводители разных частей крестоносного войска долго спорили о том, кому начинать битву. Французы особенно настаивали на первенстве, желая присвоить себе одним славу победы. Один из их вождей, сьер де Кузи, вошел в историю своим знаменитым, преисполненным гордыни заявлением: «Даже если небо вздумает упасть на нас, одних только французских копий хватит для того, чтобы его удержать!». Крестоносцы разошлись, так ни о чем и не договорившись. Наутро французский контингент выступил из лагеря на турок, не дожидаясь подхода союзников. Французские рыцари «с фурией» атаковали турецких конных лучников. Последние обратились в притворное бегство. Увлечшись их преследованием, французы попали под град стрел окопавшихся на своей хорошо укрепленной позиции пеших янычар. Одновременно «сипахи» вышли из-за правого фланга турецкой пехоты, охватили левый фланг французских рыцарей, окружили и уничтожили их. Туркам удалось уничтожить крестоносцев по частям. Главные силы армии крестоносцев во главе с самим королем Сигизмундом появились на поле боя уже после разгрома французов. Турки повторили свой маневр и разбили остальное крестоносное войско.

Поражение было ужасным. Оставшиеся воины пытались бежать, но были преследуемы свежими силами турок и уничтожены. Королю Сигизмунду удалось спастись, добравшись до своих судов на Дунае вместе с Великим Магистром госпитальеров. Как писали очевидцы, на следующий день Баязид, осматривая поле битвы, и оценивая свои потери, приказал истребить пленных. Он избавил от смерти только графа Неверского, нескольких его соратников и богато одетых рыцарей, рассчитывая получить за них хороший выкуп. Пленников заставили встать за спиной султана, чтобы те видели, как обезглавливали стоящих на коленях, связанных друг с другом их товарищей по оружию¹.

В составе крестоносной армии в битве участвовали, как помним, и рыцари Родоса во главе с Филибером де Найяком, которому едва удалось спастись бегством с горстью рыцарей. Вскоре после своего чудесного спасения от турецких сабель Филибер де Найяк был избран Великим Магистром госпитальеров.

В мае 1402 г. над Османской Турцией разразилась гроза. «Железный Хромец» — среднеазиатский завоеватель монгольского происхождения

¹ *Кинросс Лорд*. Расцвет и упадок Османской империи. М.: «Крон-Пресс», 1999. С. 77–79.

Тамерлан (Тимур-Ленг, именовавшийся русскими летописцами Темир-Аксак-ханом) разгромил турецкую армию в сражении при Анкаре (в этом бою им был пленен сам султан Баязид I). После нескольких кровавых сражений и двухнедельной осады Тимур взял штурмом Смирну, превращенную рыцарями Родоса в мощную крепость. После ухода Тамерлана рыцари Родоса построили поблизости от развалин античного города Галикарнасса крепость, названную ими — в честь Святого Апостола Петра — «Петронио» или «Петруми» (Бодрум). Посредством иоаннитской крепости на о. Кос и расположенной напротив нее на малоазиатском побережье крепости Бодрум рыцари Родоса могли контролировать пролив между о. Кос и материком.

Через год после потери Смирны, в 1403 г., рыцари Родоса подписали с мамелюкским Египтом союзный договор, направленный против Тамерлана. Одним из пунктов договора было дозволение, данное египтянами на восстановление госпитальерами госпиталя в Иерусалиме, что и произошло при магистерстве Филибера де Найяка. Мир с Египтом продолжался почти 20 лет. В 1424 и 1425 гг. флот египетского султана атаковал Кипр, а в 1426 г. остров был захвачен.

Защита удаленных пунктов имела для Ордена пропагандистскую ценность, создавая впечатляющую картину деятельности на нехристианских территориях, что служило одной из возможностей получить папские индульгенции и освобождения от королевских налогов. Именно так, например, сложились обстоятельства в результате военных действий при Бодруме на турецкой материковой части напротив острова Кос, где, около 1407 г., было начато сооружение нового замка взамен потерянной в 1402 г. Смирны¹.

Но в 1424 и 1425 гг. флот египетского султана дважды напал на Кипр (остров был захвачен в 1426 г.). А в 1440 г. мамелюкский флот султана Египта Якмака аз-Захира появился у самого Родоса.

Незадолго до взятия Смирны Тимуром и постройки Бодрума родосскими рыцарями им представилась возможность овладеть землями Морейского деспота — вассала греческого автократора Константинополя, имевшего все меньше реальной власти даже над своими греческими подданными. Госпитальеры, равно как и стоявшие за их спиной западные державы, надеялись, путем захвата Пелопоннеса и основания там мощного в военном отношении Орденского государства, остановить разрастание турецкой державы. В 1399 г. рыцари Родоса начали в морейской столице Мистре переговоры с Феодором Палеологом, деспотом Морей, о принятии им

¹ *Lutrell A. Hospitallers of Rhodes... P. 102–104.*

вассальных обязательств по отношению к Ордену Святого Иоанна. Деспот Морейский, с учетом все нараставшей турецкой угрозы и предложенной ему Орденом немалой суммы денег, проявил готовность стать вассалом Ордена, но переговоры оказались сорваны из-за сопротивления греческого населения Морей (дело дошло до вооруженных столкновений). Предводители восставших греков резко отрицательно отнеслись к любой форме присоединения православной Морей к Орденскому государству католических рыцарей Родоса. Переговоры были прерваны в 1404 г. Более никаких шагов в вышеописанном направлении не предпринималось.

В 1440 г. 18 галер египетского султана Якмака аз-Захира атаковали Родос. Рыцари отбросили египтян.

Султан под видом, что будто бы Родос в древние времена зависел от Египта, положил твердое намерение напасть на оный, для чего вооружив флот, состоящий из восемнадцати галер и под командой египетского адмирала, послал его для завоевания Родоса. Адмирал начал войну сию нападением на принадлежащий Ордену остров Шатору, которым владел, обратился к Родосу, куда и прибыл 25 сентября 1440 г. Кавалеры, возбуждаемые примером великого Магистра, вооружась, сопротивлялись высадке неверных. Маршал же Ордена, командовавший флотом, вышел из гавани, и хотя Орденский флот был гораздо в меньшем количестве, нежели неприятельский, но маршал решился вступить в сражение с неверными, кои принуждены были отступить. Маршал, приблизившись к неверным, сразился с ними. Сражение сие продолжалось целый день, пока ночная темнота принудила всех разделиться. Победоносные кавалеры, потеряв не более 70 человек, возвратились в Родос, неверных же потерялась до 700 человек¹.

По мере прогрессирующего на протяжении всей первой половины XV в. упадка Византийской Империи одна за другой предпринимались все новые попытки объединить христианские державы против турок, неизменно оканчивавшиеся провалом. Между тем, Родос снова и снова подвергался нападениям мусульман. При этом турки проводили как бы «разведку боем», на практике изучали особенности тактики рыцарей Родоса и готовились к решающему удару. Могущественный Египет также стремился избавиться от рыцарей Родоса раз и навсегда, поскольку Орденский флот грабил египетские корабли и тем самым причинял огромный ущерб египетской экономике. В 1440 г. египетский флот, под предлогом того, что «Родос в древние времена зависел от Египта», захватил принад-

¹Лабзин А. Ф., Вахрушев А. История Ордена святого Иоанна Иерусалимского. Т. II. С. 132.

лежавший Ордену о. Каstellоризо. Затем 18 египетских галер атаковали Родос. Маршал Ордена, возглавивший флот родосских рыцарей, вышел из гавани и, хотя Орденский флот значительно уступал египетскому, вступил в сражение с неверными. Морской бой продолжался целый день, пока ночная темнота не принудила флоты противников разделиться. Потери госпитальеров составили не более 70 человек убитыми и ранеными, потери мамелюков — более 700 человек. Египетский флот установил блокаду островов Родос и Кос. Однако рыцарям Родоса удалось прорвать эту блокаду и вынудить египтян отступить. В 1444 г. последовало новое нападение египтян на Родос. Восемнадцатитысячная армия мамелюков осадила столицу Родоса, а египетский флот блокировал гавани госпитальеров, но неоднократные штурмы не принесли удачи египтянам. Осада продолжалась 40 дней. Боевые действия на море шли с переменным успехом, пока в 1445 г. не был заключен мирный договор между Орденем и Египтом и произведен обмен военнопленными.

В 1453 г. турки-османы после продолжительной и кровопролитной осады захватили Константинополь (при этом погиб в бою последний византийский автократор). Родосское государство госпитальеров осталось последним, серьезным противником турок в Восточном Средиземноморье. Теперь и рыцари Родоса окончательно уяснили себе — враг у ворот, и для них началась борьба не на жизнь, а на смерть. Осознание этого госпитальерами выразилось, в частности, в титанических усилиях Великих Магистров, направленных на то, чтобы максимально укрепить фортификационные сооружения столицы и гаваней Родоса, усилить прочие крепости, расположенные как на острове за пределами столицы, так и на других островах, относившихся к числу орденских владений, расширить склады продовольствия, вооружения и боеприпасов. Путем издания соответствующих законов Орден пытался создать, хотя бы в общих чертах, план обороны города и селений. В 1465 г. Великий Магистр П. Р. Закоста разделил крепостные стены столицы Родоса на участки, каждый из которых надлежало оборонять одному из «языков» Ордена. К 1467 г. госпитальеры возвели на Родосе много новых укреплений. Были выкопаны дополнительные рвы и сооружена новая стометровая стена высотой до 10 м. В 1474 г. Джованни Батиста дельи Орсини, а в 1479 г. — Пьер д'Обюссон определили, в каких крепостях надлежит укрыться сельскому населению Родоса в случае вражеского нападения.

В ожидании турецкого нашествия рыцари Родоса предпринимали все возможное для выигрыша времени. В 1455 г. Орден Святого Иоанна отправил посольство к Адрианополь к султану Мехмету II Завоевателю для ведения мирных переговоров. Но Мехмет II в качестве «цены мира»

потребовал от госпитальеров уплаты дани в размере 2000 дукатов ежегодно и признания верховного суверенитета султана над Родосом. Великий Магистр с согласия Совета отвечал ему, что корпус Ордена состоит из воинов-монахов, подчиненных христианскому первосвященнику-папе, что рыцари приобрели остров Родос ценой своей крови, и что все члены Ордена с радостью пожертвуют жизнью для защиты Христианского Закона. В ответ на этот дерзкий, с точки зрения турок, отказ турецкая флотилия из 30 галер в 1456 г. напала на принадлежавшие Ордену Святого Иоанна острова Кос и Сими. В 1457 г. турки внезапно высадились на востоке острова Родос и разграбили селение Архангелос. Госпитальеры контратаковали турок, многих перебили и взяли в плен, а остальных вынудили вернуться на свои корабли и удалиться. Вскоре турецким нападениям подверглись и другие островные владения рыцарей Родоса — Тилос, Нисирос, Лерос и Калигнос. По распоряжению Великого Магистра все жители мелких островов были эвакуированы на Родос, чтобы, с одной стороны, спасти их от угрозы верной смерти или продажи в рабство, а с другой — увеличить за их счет число защитников главного острова архипелага, на который были стянуты все боеспособные силы Додеканеса.

И без того угрожающее положение, в котором оказалось государство рыцарей Родоса, дополнительно усугублялось распрями, вспыхнувшими между Орденом и Венецианской республикой. Отношения между Родосом и Венецией, как двумя крупными средиземноморскими державами, никогда не были особенно дружественными, но до поры-до времени не доходили до вооруженных столкновений. Мало того — обе державы достаточно часто, особенно в XIV в., плечом к плечу сражались на суше и на море против общего врага — мусульман. Но теперь между ними вспыхнула почти открытая война.

Начало этой распря было положено смертью короля Кипрского Жана III де Лузиньяна. После смерти короля на кипрский трон одновременно претендовали его законная дочь Карлотта и его незаконный сын Иаков. Орден рыцарей Родоса встал в этом споре на сторону принцессы Карлотты. Бастарда Иакова поддержал султан Египта. Иаков одержал верх, и Карлотта, потерпев поражение, бежала к иоаннитам на Родос. Иакова поддержала также Венеция (он был женат на венецианской патрицианке Катарине ди Корнаро). Скрытая вражда между Венецией и Орденом госпитальеров приняла форму неприкрытой вооруженной борьбы, когда рыцари Родоса в 1460 г. захватили две венецианские галеры, имевшие на борту египетских купцов, везших в Венецию дорогие товары. Узнав об этом инциденте, венецианский капитан Луиджи Лоредано напал на Родос, разграбил там несколько селений и потребовал от Ордена освободить всех пленников

и вернуть захваченные товары их законным владельцам. После долгих переговоров, проходивших в крайне напряженной обстановке, рыцарям Родоса пришлось удовлетворить все требования венецианцев, чтобы избежать крупномасштабного вооруженного конфликта.

Испортив отношения с Венецией, Орден попытался предпринять новые шаги к примирению с турками. Но последние снова потребовали от Ордена уплаты ежегодной дани. Это требование было снова отклонено рыцарями Родоса как неприемлемое. Обе стороны продолжали готовиться к предстоящему столкновению. Эти приготовления стали еще более интенсивными после захвата турками Митилены.

Госпитальеры находились в тяжелейшем положении. Сельские районы за городом Родосом и территория других островов Додеканеса, подвергавшиеся постоянным нападениям мусульман (а вдобавок к ним — еще и венецианцев!). Деревни были сожжены дотла, угодья опустошены. Разоренные крестьяне больше не могли платить Ордену оброка — ни натурой, ни деньгами. В результате, госпитальеры страдали от отсутствия финансов и продуктов питания. Кроме запасов продовольствия, не хватало вооружения, артиллерийских орудий и боеприпасов к ним. Фортификационные сооружения столицы Родоса и прочих крепостей, в том числе и на других островах архипелага, нуждались в срочном укреплении и ремонте. Но ремонтные работы также требовали больших финансовых вложений. Хотя Орден еще в 1462 г. обложил все импортируемые товары дополнительным двухпроцентным «цепным налогом» (называвшимся так потому, что взимался с торговых кораблей при входе в гавань, перегороденную огромной железной цепью), госпитальерам не хватало денег на покрытие всех расходов — даже текущих! Великий Магистр неустанно требовал материальной и финансовой помощи Родосу от европейских филиалов Ордена. В 1470 г. турки захватили принадлежавший Ордену остров Эвбею. На очереди стояло завоевание ими Родоса! К счастью для родосских рыцарей, султан Мехмет II был отвлечен необходимостью ведения войны в Далмации и Персии. Шах Персидский, увязнув в войне с османами, попросил Орден госпитальеров о военной помощи. И рыцари решили ему эту помощь оказать, хотя он был мусульманином (правда, в отличие от турок и египтян, не суннитом, а шиитом).

Военные приготовления Ордена шли во все убыстряющемся темпе. Великий Магистр Джованни Батиста дельи Орсини, у которого угроза турецкого нападения превратилась в «идею фикс», определил, кому из рыцарей предстоит оборонять башню Святого Николая (иногда именуемый в литературе «фортом Санкт-Николас»), а кому — Мельничный Мол, также усиленный мощной крепостной башней. Он обязал каждый «язык»

Ордена за собственный счет расширить и дополнительно укрепить тот участок крепостной стены, который данному «языку» было поручено оборонять. Общий надзор над фортификационными работами был поручен Пьеру д'Обюссону, обладавшему необходимыми техническими знаниями и навыками. После избрания д'Обюссона Великим Магистром фортификационные работы стали проводиться в еще более усиленном темпе и объеме. Д'Обюссон не только укреплял крепостные стены, увеличивал запасы всего необходимого, усиливал гарнизоны опытными войсками из Западной Европы, но и поддерживал секретные дипломатические отношения с султанами Египта и Туниса, чтобы избежать концентрического окружения Родоса. В 1477 г. Орден заключил торговый договор с египетским, а в 1478 г. — с тунисским султаном.

В 1478 г. Софианос (Суфьян), губернатор расположенной напротив Родоса малоазиатской провинции Османской державы, прибыл на Родос в качестве посланника принца Джема (Джиджима или Зизима), младшего сына турецкого султана Мехмета П. Были начаты переговоры. Однако ни турки, ни рыцари Родоса не верили всерьез в возможность мирного завершения нарастающего конфликта. Обе стороны надеялись лишь выиграть время, чтобы завершить свои военные приготовления.

Первая осада турками Родоса (23 мая – 17 августа 1480 г.)

И вот наступил этот грозный день. 23 мая 1480 г. в Триандский залив на северо-западном побережье о. Родос, в непосредственной близости от Орденской столицы, вошел военный флот османской Турции, состоявший из 170 больших кораблей. На берег Триандского залива сошла турецкая армия — 100 000 отборных бойцов, воодушевленных своей священной миссией «гази» — воинов ислама, и готовых стать «шахидами» — мучениками во имя веры Магомета — в том числе янычаров и сипахов. Турецким десантом командовал Великий Визирь и Капудан-паша Меши, или Месих (именовавшийся ранее Мануилом Палеологом, отрекшийся от христианской веры грек, родственник последнего византийского самодержца Константина XII, героически павшего с мечом в руке, обороняя в 1453 г. свою столицу Константинополь от турок!). Таких ренегатов в то время было немало.

К тому времени жители греческих селений уже укрылись, по приказу Великого Магистра рыцарей Родоса, в сильно укрепленных Орденских крепостях Линдос, Фараклос, Монолитос, Ниокастро (Кастеллос) и Кат-

тавия, в то время, как жители мелких островов Нисироса, Халки и Тилоса своевременно укрылись за стенами города Родос. Защищать главную резиденцию Ордена на Родосе прибыло более 600 рыцарей Святого Иоанна всех восьми «лангов». В ходе боевых действий скоро выяснилось, что тактика Месиха Паши и его военачальников заключалась в том, чтобы отрезать город Родос от моря, откуда осажденные могли получать подкрепления и припасы, а затем взять город штурмом со стороны моря, где он был укреплен недостаточно сильно.

Ключевое значение для обороны двух родосских портов имела башня Святого Николая, построенная госпитальерами в 1464–1467 гг. на крайней оконечности одноименного мола. Поскольку эта башня была выдвинута примерно на 500 м севернее основных фортификационных сооружений Родоса, она могла контролировать как гавань Порто Мандраччо (Эмборио), так и расположенную восточнее Акандийскую бухту. Башня Святого Николая — покровителя моряков — была центром обороны твердыни рыцарей Родоса со стороны моря.

Поэтому захват этой башни стал первоочередной целью турок. После многочасового жестокого обстрела башни из тяжелых осадных орудий турки 9 июля пошли на штурм башни. Но гарнизону башни удалось отразить несколько приступов подряд. На помощь осажденным поспешил сам Великий Магистр Пьер д'Обюссон. После ожесточенного боя турецкий натиск удалось отразить.

Одновременно турки предприняли штурм города — тоже со стороны моря. Восточный участок крепостной стены Родоса, прилегавший к Акандийской бухте, оборонялся рыцарями Итальянского «языка». В этом месте фортификационные сооружения были довольно слабыми. Турецкая тяжелая артиллерия сосредоточенным огнем пробила в стене на участке, оборонявшемся «языком» Италии (за которым находился иудейский квартал Родоса) большую брешь. Но рыцари, при помощи горожан, выкопали за поврежденным участком стены новый глубокий внутренний ров и построили за ним новое укрепление, заняв которое, приготовились к отражению нового штурма. Возобновив артиллерийский обстрел участка Итальянского «языка», турки одновременно начали вторичный штурм башни Святого Николая. Рыцари Родоса вновь проявили максимум решительности и мужества. После новой кровопролитной схватки (по воспоминаниям очевидцев, «море окрасилось кровью убитых и раненых»!), турецкий приступ были вновь отбит с большими потерями.

Последний акт кровавой драмы разыгрался в иудейском квартале города Родоса. На рассвете 27 июля, в день Святого Пантелеймона Целителя, турки начали общий штурм города. Авангард осаждающих, состоявший

из 2500 янычар, сломив ожесточенное сопротивление итальянцев, овладел их бастионом и ворвался в пылающий город, подожженный турецкой артиллерией. Ожесточенный бой продолжался в узких улочках иудейского квартала. Турки накатывались все новыми волнами. Изю всех частей осажденного города на подмогу итальянцам спешили рыцари и сержанты других «языков». Их вел в бой сам Великий Магистр, истекавший кровью из пяти ран, полученных в схватке в проломе стены, не раз с копьём в руке бросавшийся в рукопашную. После трехчасового боя на улицах города турки, утомленные и понесшие тяжелые потери, начали отступать, а затем обратились в беспорядочное бегство, включая их Великого Визиря и Главнокомандующего. Преследуя их, рыцари Родоса выбили турок за пределы городских стен, сделали вылазку и дошли до турецкого лагеря. Разграбив часть лагеря, они, в числе прочих многочисленных трофеев, принесли в город Зеленое знамя Ислама. В этот памятный день турки потеряли от трех до четырех тысяч бойцов только убитыми, не считая раненых и пленных. Последних, рыцари Родоса (хотя позднейшая благочестивая легенда описывает их при осаде Родоса «врачующими раны врагов, как свои собственные») в действительности обезглавили, изрубили на куски, вздернули на виселицу или посадили на кол (о чем свидетельствуют многочисленные описания очевидцев и хронистов, снабженные красочными иллюстрациями). Это была месть туркам за зверское истребление ими пленных госпитальеров и прочих христианских пленников при Никополе и в других местах.

Эта кровопролитная битва, по сути дела, ознаменовала собой окончание первой осады Родоса турками в 1480 г. Родосские рыцари, активно используя брандеры, подожгли немало турецких галер. 17 августа Мехмед Паша Палеолог снял осаду, погрузился с остатками своего войска на корабли и взял курс на гавань Фискоса, откуда он в свое время отплыл завоевывать Родос.

Весной следующего, 1481 г. султан Мехмед II вознамерился лично возглавить новый поход турецкой армии на Родос. Собрав до 300 000 войска (если верить Орденским хроникам), султан направил их в Вифинию, с намерением посадить там на суда и двинуться на завоевание Родоса, но... по пути в Вифинию неожиданно умер «от колики» (?).

Его внезапная кончина дала Ордену госпитальеров желанную передышку.

В том же 1481 г. остатки родосских укреплений, уцелевшие после турецкого обстрела и штурма, были окончательно разрушены сильнейшим землетрясением. Согласно воспоминаниям очевидцев, Родос выглядел ужасно. Укрепления и большинство домов превратились в груды развалин.

Села были разорены и сравнены с землей, оливковые и плодовые деревья срублены, поля вытоптаны, скот угнан. Сильно поредевшее население острова буквально голодало.

Рыцари-монахи отреагировали на это в духе верности своим идеалам. Они служили мессы, постились, издавали указы, направленные против падения нравов. Госпитальеры освободили народ от налогов и податей и бесплатно раздавали населению зерно из орденских запасов. Были приняты меры по восстановлению сельского хозяйства, восстановлению фортификационных сооружений, административных зданий и частных домов.

Пока родосские рыцари пытались восстановить разрушенное во время осады и путем дипломатических переговоров (им удалось заключить союз с губернатором Икония, или Карамани), в Турции вспыхнула война между претендентами на султанский престол.

После смерти Мехмета II его два сына, старший — Баязид и младший — Джем, выступили в качестве претендентов на верховную власть. После жестокой, кровопролитной борьбы верх одержал Баязид, а Джем (поддерживавший связи с рыцарями Родоса еще в свою бытность губернатором Малой Азии) бежал на Родос. Великий Магистр Пьер д'Обюссон принял турецкого принца со всеми подобающими тому почестями, надеясь использовать его как постоянную угрозу для Баязида и гарантию ненападения турок на Орденское государство.

Старший брат принца Джема, Баязид, вошедший в историю как султан Баязид II, имел все основания опасаться, что Магистр госпитальеров и другие христианские государи помогут Джему завладеть тронном. Посланника Баязида явились на Родос и потребовали от рыцарей выдать им беглого принца. Опасаясь за жизнь Джема, госпитальеры в сентябре 1482 г. переправили его с Родоса в Овернь, где и поселили — в качестве знатного заложника и одновременно — постоянной угрозы Баязиду. В том же 1482 г. Ордену удалось заключить с Баязидом мирный договор, взysкав с него вдобавок 40 000 венецианских флоринов «на достойное содержание его царственного брата». Не желая ссориться с д'Обюссоном, султан Баязид II подарил Ордену родосских рыцарей величайшую святыню — десницу (правую руку) небесного покровителя Ордена — Святого Предтечи и Крестителя Господня Иоанна.

В 1489 г. папа Иннокентий VII повелел госпитальерам доставить принца Джема в Рим, намереваясь использовать его для планировавшегося Ватиканом нового Крестового похода, в качестве «законного наследника турецкого престола, которому «франкские» крестоносцы якобы обещали вернуть престол, «незаконно» отнятый у него Баязидом! В свое время

подобная тактика помогла участникам IV Крестового похода, под предлогом восстановления законных прав византийского царевича Алексия, отстраненного от престола собственным дядей, завладеть Константинополем в 1204 г. Но после неожиданной смерти Иннокентия VII новый папа, Александр VI Борджа, больше думавший о подчинении своей власти всей Италии, распорядился взять принца Джема под арест. Когда же папа Александр, честолюбивым планам которого не суждено было осуществиться, несмотря на все военные усилия и ухищрения его сына Цезаря Борджа, был побежден французским королем Карлом VIII, ограничившим светскую власть папы, принц Джем был доставлен ко двору короля Франции, намеревавшимся собственными силами претворить в жизнь идею прежнего папы о Крестовом походе на Константинополь под предлогом «восстановления Джема на прародительском престоле». Но и этому плану тоже не было суждено осуществиться. Турецкий принц внезапно скончался в военном лагере Карла Французского. Причина его смерти осталась неизвестной, хотя поговаривали об отравлении его, вследствие происков султана Баязида II, якобы уплатившего папе Александру Борджа — известному отравителю! — немалую сумму за ликвидацию Джема руками тайных папских агентов, каковых в стане французского короля было немало.

Так или иначе, принц Джем отошел в мир иной, и у его брата-султана теперь были развязаны руки в отношении Родоса. Турки предприняли несколько нападений на острова Додеканесского архипелага и на сам остров Родос, избегая, впрочем, осады крепостей и ограничиваясь опустошением Орденских угодий. Согласно поступавшим на Родос сведениям, Баязид II, следуя примеру своего отца, готовился нанести орденскому островному государству решительный удар.

В 1503 г. скончался Великий Магистр рыцарей Родоса и победитель турок Пьер д'Обюссон, за свои заслуги в борьбе с врагами христианства отмеченный папой титулом «Кардинала и Легата Азии». Его преемником стал Эмери д'Амбуаз, отпрыск знатного французского рода.

В то время, как Орденские дипломаты прилагали все усилия к объединению сил правителей Европы против общего врага османов. Корабли госпитальеров захватывали все новые мусульманские суда и регулярно наносили удары по вражескому побережью. Наиболее успешными оказались две операции госпитальеров, пришедшиеся на 1507 и на 1510 гг. Первой из них был захват госпитальерами в 1507 г. крупнейшего корабля и гордости египетского флота — «Моргабины», имевшего на борту множество знатных пассажиров и дорогих товаров, вскоре после отплытия мамелюкского судна с Крита. Захватив «Моргабину», рыцари Родоса перестроили ее и переименовали в «Санта Марию». Она стала крупнейшим

кораблем госпитальерских военно-морских сил, вошедшим в историю как «Большая Каракка». Второй операцией было неожиданное нападение двух Орденских эскадр, одной из которых командовал Филипп Вилье де л'Иль-Адан, а другой — Андре д' Амараль, на порт Александретту, где стояло несколько десятков египетских судов, груженных дровами. Госпитальеры захватили 10 больших египетских торговых судов и 4 военные галеры и благополучно вернулись на Родос с захваченными кораблями, грузами и большим количеством пленных.

В 1512 г. умер Эмери д'Амбуаз. Великим Магистром был избран Ги де Бланшфор. Впрочем, новый гроссмейстер, находившийся в момент своего избрания во французских владениях Ордена, умер по пути из Франции на Родос от неизвестной болезни, так и не вступив в должность. Вместо него был избран итальянец Фабрицио дель Каретто. В период его правления на Родосе турки стали сильны, как никогда. Их султаном стал Селим I, сын Баязида II. В 1514 г. Селим победил шаха Персии, а в 1516 г. турки завладели всей Сирией.

Штурм Родоса

В апреле 1517 г. войска турецкого султана Селима I взяли столицу Египта Каир и оккупировали всю страну. Через три года, прибывший на Родос из Италии по приглашению Великого Магистра Фабрицио дель Каретто знаменитый фортификатор Б. делла Скала обновил все укрепления на острове. На Родос было завезено большое количество продовольствия и оружия из Сицилии. Гарнизон острова состоял из 300 рыцарей и 7500 итальянских моряков, критских лучников и местных жителей — родосцев.

Свыше двух веков продолжалась жизнь Ордена на Родосе. За это время госпитальеры не только переняли, но и усовершенствовали лучшие достижения родосцев, прекрасных кораблестроителей и моряков. Мощный флот и прекрасное вооружение давали возможность постоянно отбивать многочисленные турецкие нападения.

Гроза вокруг Родоса все собиралась. Фабрицио дель Каретто форсировал фортификационные работы на острове. Одновременно он направил в Европу, в качестве своего полномочного дипломатического представителя, Филиппа Вилье де л'Иль-Адана. Несмотря на все настоятельные просьбы орденского дипломата о помощи, папа и доблестный французский «король-рыцарь» Франциск I, занятые борьбой с Императором Карлом V Габсбургом в Италии, смогли предоставить рыцарям Родоса лишь незначительную помощь людьми и военными материалами. Селим, наряду со своим султанским титулом принявший духовный титул «Халифа Ислама» (духовного главы всех мусульман), в 1519 г. подчинил свой власти весь

Аравийский полуостров. Казалось, что для Родоса настал последний час. Однако Селим скончался в 1520 г. На престол в Стамбуле взошел его сын, Сулейман, прозванный Великолепным, или Кануни (Законодатель), в период правления которого Османская империя достигла наибольшего территориального расширения и военно-политического могущества. Он начал вести активную завоевательную политику, лично руководил тринадцатью походами (австро-турецкие, венециано-турецкие, ирано-турецкие войны). Через год умер и Фабрицио дель Каретто. Великим Магистром был избран Филипп Вилье де л'Иль-Адан.

Прежде чем начать новый поход против Венгрии, Сулейман поставил себе задачей ликвидировать большую опасность в тылу, которую для него представлял остров Родос, принадлежавший тогда рыцарям-госпитальерам. Рыцари располагали сильным флотом, который нападал на турецкие суда, чрезвычайно затрудняя связь столицы с арабскими владениями Турции.

А. Д. Новичев, изучавший военные действия Турции против христианских государств, заметил: «Захват Венгрии открывал султану дорогу в Центральную Европу, делал его хозяином одной из главнейших магистралей Европы — Дуная, обеспечивал ему положение крупнейшего монарха Европы»¹.

Начало было положено походом Сулеймана в 1521 году. 29 августа 1521 г. Сулейман овладел Белградом — «вратами в Среднюю Европу» — и обратил свои взоры на Родос, поскольку гарнизон и флот рыцарей Ордена госпитальеров преграждали туркам беспрепятственное морское сообщение с Сирией и Египтом. Сложившаяся к тому времени международная военно-политическая обстановка в Западной Европе была как никогда неблагоприятной для госпитальеров. Император Карл V Габсбург и Франциск I Французский намертво вцепились друг в друга в смертельной схватке, в которую были вовлечены и более мелкие властители европейских государств. Эта война не только делала невозможным присылку с Запада военной помощи на Родос, но и не позволяла большинству членов Ордена прибыть из Европы на остров, чтобы принять участие в его обороне. Венеция не желала портить сложившиеся у нее с турками мирные отношения, приносившие ей огромные доходы от торговли с Востоком.

Тяжелая ситуация, в которой оказался Орден родосских рыцарей, разумеется, не была секретом для турок. Они решили воспользоваться представившейся им возможностью и напасть на Родос, коль скоро он оказался в одиночестве, лишенным всякой помощи со стороны. Сведения, поступающие к Великому Магистру, были самыми неутешительными.

¹ Новичев А. Д. История Турции. Л., 1963. С. 137.

В конце 1521 г. Марко Миньо, венецианский посланник при дворе падишаха в Константинополе, докладывал о крупномасштабных военных приготовлениях турок. На султанских верфях ремонтировались и строились новые военные корабли, нанимались матросы и солдаты. Согласно предположениям одних информаторов, турецкий флот должен был напасть на Кипр, согласно предположениям других — на о. Керкиру (Корфу), или даже на Италию. Мало кто говорил об опасности, могущей угрожать Родосу. Тем не менее, беспокойство госпитальеров все возрастало, и они принимали все новые меры к укреплению обороны острова. Родосцы углубляли рвы, наращивали крепостные стены и конкретизировали планы на случай осады, определяя пост на стене для каждого бойца каждого Орденского «языка». По мнению многих историков, главная крепость Родоса была на тот момент самой современной и неприступной из всех, существовавших на тот момента в Западном мире. Гарнизон острова состоял из 300 рыцарей госпитальеров, 7500 итальянских наемных воинов и моряков, критских лучников (известных своей меткостью еще с античных времен) и родосских ополченцев. Специальным комитетам при важнейших должностных лицах Ордена были поручены организация снабжения съестными припасами и военными материалами и надзор над соответствующими работами.

Уже весной 1522 г. новая огромная армия турок под началом Сулеймана на 400 кораблях прибыла к Родосу. К концу июля на острове было около 200 000 турок. Завоевание Родоса было невысказимо без сильного флота. Сулейман и его везиры поставили себе целью добиться превосходства на море. К лету 1522 г. было закончено строительство большого флота, а также подготовка большой сухопутной армии для операции против Родоса. В июне турецкий флот в составе 300 парусных судов, имея на борту 10 000 солдат морской пехоты, оказался в виду острова. Одновременно вдоль малоазиатского побережья двигалась стотысячная армия при 100 пушках во главе с самим Сулейманом. В конце июля султан высадился на остров Родос и приступил к осаде одноименной крепости. Рыцари защищались с большим упорством. В обороне участвовали и женщины. Несколько штурмов было отбито с большими потерями для турок.

Вторая осада и уход госпитальеров с Родоса (с 26 июня 1522 г. по 2 января 1523 г.)

26 июня 1522 г. на Родос высадилось турецкое войско. Верховным главнокомандующим турок был Мустафа-паша, зять султана и второй визирь. Его сопровождал и первый (Великий) визирь, Пири Мехмет-паша. Под сте-

нами г. Родоса снова засверкали турецкие бунчуки, увенчанные серебряными полумесяцами. Сухопутные силы турок состояли из 100 000 бойцов, включая 10 000 янычар и более 60 000 саперов, специально обученных искусству минных работ и разрушения фортификационных сооружений. На первом этапе осады Родос был блокирован с моря 280 турецкими кораблями разной величины. По мере продвижения турецких осадных работ, количество османских кораблей постепенно увеличилось до 400. Гарнизон города Родоса состоял из 290 госпитальеров и (по разным источникам) от 6000 до 7500 сержантов и наемных солдат¹. Сельское греческое население, для которого не нашлось место в орденских крепостях Линдос, Фараклос и Монолитос, с семьями и домашней скотиной укрылось за стенами Родоса. Во время осады крестьяне-греки привлекались госпитальерами к вспомогательным работам.

По сравнению с осадой 1480 г. турки изменили свою тактику. Теперь их главные удары были направлены на орденские укрепления не со стороны моря, значительно усиленные родосскими рыцарями за прошедшие со времен прежней осады десятилетия, а со стороны суши. Со стороны моря османы ограничились блокадой обоих орденских портов силами своего гигантского флота.

Турецкая тяжелая осадная артиллерия подвергла жесточайшей бомбардировке крепостные бастионы, оборонявшиеся госпитальерами «языков» Испании, Англии и Прованса. В промежутках между обстрелами турецкие сухопутные силы нескончаемыми волнами атаковал город. Но рыцарям Родоса удавалось отбивать один турецкий приступ за другим. Турки несли огромные потери от смертоносного артиллерийского и аркебузного огня защитников города и в рукопашных боях с гарнизоном Родоса, совершавшим постоянные вылазки. Турецкое войско, славившееся до сих пор своей высокой боеспособностью и образцовой воинской дисциплиной, стало проявлять первые признаки упадка боевого духа и разложения².

С учетом сложившегося положения, первый визирь, Пири Мехмет-паша, отправил султану донесение об обстановке с настоятельной просьбой ускорить свое личное прибытие в лагерь осаждающих. 28 июля Сулейман высадился на острове во главе дополнительного стотысячного турецкого контингента, что подняло боевой дух турецкого воинства. Бои шли днем и ночью, обе стороны сражались, проявляя чудеса воинской доблести. В ходе второй осады Родоса важнейшую роль играли артиллерия и минные работы. Турки постоянно рыли подкопы с целью проникновения в

¹ *Кинросса, лорд*. Расцвет и упадок Османской империи... С. 193–195.

² *Luttrell A.* The Hospitallers of Rhodes, 1306–1421... 3 79–83.

осажденный город или же подрыва стен, расчистив тем самым путь в город колоннам штурмующих. Однако госпитальерам почти во всех случаях удавалось при помощи контрмин срывать турецкие попытки.

Генеральный штурм турками бастиона, оборонявшегося Английским «языком», вылился в форменное избиение османов, потерявших за один день более 2000 человек только убитыми. Наряду с атаками сухопутных сил, турки продолжали артиллерийский обстрел орденовой столицы. Турецкой артиллерией были разрушены башня Святого Николая и колокольня родосского собора Святого Иоанна. При второй попытке штурмом овладеть бастионом Английского «языка» турки потеряли еще 3000 человек. Тем временем стены участка, оборонявшегося Итальянским «языком», были обращены огнем пушек Пири Паши в бесформенную груду камней.

Чем дольше длилась осада, тем больше осажденные страдали от недостатка продовольствия и, в еще большей степени, от недостатка боеприпасов. Горожане, а в особенности — укрывшееся за городскими стенами местное население совсем пало духом. В начале сентября в лагерь Сулейма неожиданно явилась депутация жителей Нисирова и Тилоса, передавших туркам ключи от своих крепостей.

Воодушевленные этим успехом, турки 24 сентября пошли на штурм бастионов, оборонявшихся «языками» Испании (в который на время осады была сведена воедино часть рыцарей Кастилии и Арагона, хотя имелись и отдельные бастионы Арагона и Кастилии), Англии, Прованса и Италии. Один приступ следовал за другим. Бастион испанского «языка» за один день дважды переходил из рук в руки. Рыцари Родоса овладели 40 турецкими штандартами. Вокруг бастиона громоздились горы трупов. Как и при осаде Родоса войском регената Мануила Палеолога в 1480 г., море перед бастионом итальянского «языка» окрасилось кровью убитых и раненых. Турки потеряли от пятнадцати до двадцати тысяч человек, а христиане — всего 200 человек убитыми и около 500 ранеными. В отражении этого приступа принимали участие не только госпитальеры и наемники, но и все жители города — вплоть до женщин, детей и стариков. И приступ, наконец, был отражен.

Эта неудача настолько потрясла султана, что он стал помышлять о снятии осады и отплытии с Родоса. Но сообщение перебежчика-арнаута (так тогда называли албанцев) о тяжелом положении осажденных и измена Великого канцлера родосских рыцарей — Андре д'Амарала — заставили падишаха османлисов изменить свои планы. И тот, и другой, подтвердили огромный недостаток, испытываемый защитниками Родоса в съестных припасах, военных материалах, но самое главное — в живой силе.

Укрепления госпитальеров были превращены в груды развалин, и не хватало рук для проведения восстановительных работ. Хотя, по приказанию Великого Магистра, гарнизон Родоса был усилен за счет переброски части гарнизонов других крепостей, расположенных на островах Родос и Кос и даже из малоазиатского Бодрума, живая сила катастрофически таяла. 27 октября открылась измена Великого канцлера д'Амаралья. Был схвачен его слуга Диас (или Диец), пускавший в турецкий лагерь стрелы с привязанными к ним записками, содержащими сообщения его господина туркам о положении в осажденном городе. На допросе «с пристрастием» выяснилось, что изменник намеревался 1 ноября, в День Всех Святых, открыть туркам тайную дверцу в стене и впустить их в город. Именно проникнув в подобную дверцу, турки в 1453 г. овладели Константинополем. 5 ноября предатели д'Амараль и Диас были казнены. Их изрешетили стрелами, на манер Святого Себастиана.

В конце ноября турки вновь пошли на штурм бастионов «лангов» Испании и Италии. И снова приступ удалось отразить. На стенах и под стенами остались лежать 3000 турецких трупов.

Хотя положение защитников Родоса все больше осложнялось, не многим лучше было и положение осаждающих. Осада длилась уже более четырех месяцев. Ряды турецкой армии редели, да и воины, остававшиеся в строю, были крайне изнурены. Приближалась зима, ощущалась нехватка съестных припасов, да и вести, поступавшие с Запада, были неутешительными для турок. Намечалось заключение договоренности между Императором Карлом V и папой с целью оказания помощи рыцарям Родоса.

И тогда турки решили пойти на хитрость. Они, в обход Орденского руководства, обратились напрямую к жителям Родоса. Зная о падении духа населения вследствие голода, болезней, непрерывной канонады и страха смерти, турки осыпали город градом стрел с записками, в которых призывали жителей сдать город, обещая им в этом случае жизнь, мир, свободу, возможность беспрепятственного отправления культа и т. д. В случае отказа они угрожали родосцам всеми ужасами штурма, резни, грабежей и поголовной продажи всех уцелевших жителей в рабство.

Поначалу рыцари Родоса не желали и думать о капитуляции. Но под давлением греческого населения, направившего к Филиппу Вилье де л'Иль-Адану депутацию во главе с православным Митрополитом Родоса Климом (Климисом), госпитальеры были вынуждены вступить с османами в переговоры. Было объявлено трехдневное перемирие (с 11 по 13 декабря), но родосцы требовали гарантий, что им будет сохранена жизнь. Разъяренный их дерзостью султан приказал возобновить бомбардировку и штурм города. 17 декабря туркам удалось захватить бастион

испанского «языка». Штурм шел, не прекращаясь, три дня подряд. Турки захватили весь т. н. Внешний Город. Остатки гарнизона отчаянно защищались в полуразрушенной турецкой артиллерией внутренней цитадели, но их силы были уже на исходе. Родосу угрожал окончательный захват турками, что означало бы поголовную резню и обращение в рабство всех уцелевших.

22 декабря осажденные направили в лагерь султана Сулеймана депутацию, состоявшую из «латинян» и греков, объявившую о согласии принять предложенные турками условия капитуляции. Согласно этим условиям, госпитальерам предоставлялся двенадцатидневный срок на то, чтобы покинуть остров, с сохранением оружия, включая все орденские знамена и пушки (которые дозволялось использовать для вооружения галер). Им разрешалось забрать мощи святых и священные сосуды из родосского собора Святого Иоанна, личное имущество (хотя рыцари-монахи, по идее, такового не должны были иметь, по Уставу их Ордена). Греческим и «франкским» жителям Родоса, не являвшимся членами Ордена госпитальеров и желавшим покинуть Родос, предоставлялась возможность сделать это в течение трех лет. Турки обещали сохранить христианские церкви непоруганными, дозволяли христианам свободно отправлять богослужение и не принуждать христиан к принятию ислама. Кроме того, султан на пять лет освободил жителей Родоса от всех налогов и податей и обещал в течение пять лет не забирать христианских мальчиков в янычары, а девочек — в турецкие гаремы. Но, несмотря на заключение мирного договора, дело не обошлось без грабежей и насилия со стороны вошедших в город турецких войск¹.

Перед почетной капитуляцией решением Совета Ордена и Великого Магистра Фульке де Виллье де л'Иль-Адама все церкви на острове были взорваны. Госпитальеры увезли с собой все знамена и пушки. В условиях сдачи Родоса, принятых турецким султаном, говорилось:

«чтоб позволено было кавалерам пробыть на острове 12 дней, пока перенесут они на суда мощи Святых, священные сосуды из церкви святого Иоанна, всякие Орденские редкости и их собственное имущество;

чтоб находившиеся на острове церкви не были поруганы, а Орденские пушки отданы кавалерам на вооружение галер;

жителям, желающим удалиться с острова, султан дал бы позволение, а оставшихся на острове освободил бы на 5 лет от всякой подати и позволил бы свободно отправлять их вере богослужение;

¹ *Кинросса, лорд.* Расцвет и упадок Османской империи... С. 195–196.

за что кавалеры со своей стороны уступают Порте как Родос, так и принадлежавшие ему острова»¹.

После официального подписания акта о капитуляции и обмена визитами вежливости между Великим Магистром родосских рыцарей и султаном, 180 уцелевших после осады госпитальеров, в сопровождении 5000 жителей Родоса и греческого митрополита Клима погрузились на корабли «Санта Мария», «Санта Катарина» и «Сан Джованни», а также на 30 более мелких судов и 1 января 1523 г. отплыли на остров Кандию (Крит), принадлежавший в то время Венецианской республике.

Император Карл V, сам в это время воевавший с Францией, узнав о турецком нашествии на госпитальеров, сказал: «Ни одна битва не была проиграна так достойно, как битва за Родос».

Впоследствии на могиле Великого Магистра Виллье де л'Иль Адама высекали надпись: «Здесь покоится Доблесть — победительница счастья».

Итак, после жестоких сражений, в коих неописанную храбрость прославились кавалеры, — писали Лабзин и Вахрушев, — приобрет славу от всей Европы, Родос достался Солиману 23 декабря 1522 года. Орден владел им более двух веков и достохвальными своими деяниями обратил на себя внимание и удивление всего света².

Итак, 25 декабря 1522 года Сулейман добился цели и овладел Родосом, но потерял при этом пятьдесят тысяч солдат убитыми и столько же умершими от ран и болезней. Эти потери, восстания в Египте, янычарский мятеж в Стамбуле в 1524 году на несколько лет задержали новый поход Сулеймана на Венгрию»³.

Все острова Додеканесского архипелага, не завоеванные к этому времени турками, сдались им один за другим. Это военное столкновение, ставшее сильнейшим испытанием боеспособности и силы духа христианских и мусульманских воинов, в общем, вылилось в кровавую мясорубку. Согласно сообщению оставшегося анонимным западного европейца, бывшего свидетелем осады, записанному 7 ноября 1522 г., турки потеряли до 50 000, а христиане — до 2000 человек убитыми.

У этой истории был своеобразный эпилог. Турецкий наместник в Египте, Ахмет-паша, подавив восстание египтян, не смог удержаться

¹ Лабзин А. Ф., Вахрушев А. История Ордена святого Иоанна... Т. II. С. 325.

² Там же.

³ Новичев А. Д. Истории Турции... С. 89. Сулейман Кануни умер в городе Сигетвар, во время похода в Венгрию.

от соблазна сделаться независимым правителем. Он составил заговор против султана Сулеймана. Эмиссары Ахмата Паши предложили папе и госпитальерам помощь в деле возвращения Ордену Родоса. Назначенный султаном турецкий губернатор Родоса, Ибрагим Ага, друг и союзник Ахмета Паши, присоединился к заговору и проявил готовность при определенных условиях сдать Родос госпитальерам. Родосские купцы также сообщали Великому Магистру госпитальеров о возможности без особого труда вновь завладеть Родосом. Орден тайно направил на Родос своего посланника Антонио Бозио, вступившего в секретные переговоры с православным митрополитом Евфимием, представителями греческой знати и турецким губернатором Ибрагимом Агой. Император Карл V, папа, и король Англии Генрих VIII Тюдор также обещали Великому Магистру поддержку при отвоевании Родоса. Между тем в Египте был убит отложившийся от султана Ахмет-паша. Ибрагим-ага и родосские участники заговора стали также опасаться за собственную жизнь. Антонио Бозио еще несколько раз посещал с секретной миссией Родос, пока сторонники султана среди турок не раскрыли заговор. Они заменили охрану и арестовали Ибрагима Агу, митрополита Евфимия и целый ряд других вовлеченных в заговор именитых мусульман и греков. По повелению султана они были казнены в 1529 г. Так госпитальеры лишились последней надежды возвратить себе остров Родос.

А Родос, на протяжении 213 лет остававшийся форпостом западной политики, стал частью исламского мира. Додеканесский архипелаг воссоединился с жизненно важной для него Малой Азией. Снова православная греко-византийская культура столкнулась чуждой и потому более-менее враждебной ей культурой. Впрочем, справедливости ради следует признать, что и западная культура, насаждавшаяся рыцарями Ордена Святого Иоанна на Родосе, также всегда воспринималась простым народом Родоса как чуждая и враждебная. Не следует забывать, что простые православные греки никогда не признавали ни попыток унии с римским католицизмом, ни западной идеологии. Даже в середине XV в., то есть в эпоху наибольшего взаимопроникновения двух основных культур родосских горожан, то и дело происходили волнения среди сельского греческого населения. Не случайно Дж. Бозио сообщал, что масса простого люда — в отличие от греков-горожан (*cittadini di Rodi, de piu scelti e principali*) почти не принимала участие в обороне Родоса в 1522 г. Простые сельские жители и «перизки» почти ничего не теряли от смены власти. Кроме непосредственной угрозы погибнуть в бою или быть проданными турками в рабство вместе

со своими семьями в первые дни после завоевания Родоса, им, в сущности, ничего не угрожало.

Бывшие рыцари Родоса переехали на о. Крит, а оттуда — в Италию. Там они еще некоторое время переезжали из города в город. После продолжительных споров о месте новой Орденской резиденции, госпитальеры решили испросить у Императора Карла V дозволения обосноваться на о. Мальта, что и было им дозволено в 1530 г. С тех пор иоанниты-госпитальеры стали именоваться также «рыцарями Мальты» или «мальтийскими рыцарями».

Глава 16

Орден госпитальеров после сдачи Родоса

Итак, госпитальеры покидали Родос, который приютил их на два столетия. Их уход с Родоса весь христианский мир воспринял как самый большой и болезненный удар. Как заметил известный английский писатель и историк, занимающийся вопросами турецкой истории, Патрик Бальфур, более известный под именем лорда Кинросса: «Ничто теперь не представляло серьезной угрозы для турецких военно-морских сил в Эгейском море и в Восточном Средиземноморье»¹.

Орденский флот, состоявший из 50 судов, держал путь к острову Кандия (Крит). Великий Магистр де л'Иль Адан и старшие Командоры находились на самом большом судне. Однако поднявшийся шторм разбросал орденские суда, часть из них прибило к разным небольшим островкам, а некоторые, оказавшиеся перегруженными потерпели кораблекрушение, их поглотила морская пучина.

Когда буря утихла, корабль магистра достиг города Семин, где дождался оставшие суда. Здесь была проведена их полная ревизия. На берег сошло около пяти тысяч человек, большая часть из них оказалась ранеными и больными. Де л'Иль Адан отдал приказ приступить к ремонту всех судов, а тем временем оправил к губернатору острова своего посланника, с извещением о своем прибытии. Его торжественно встретили в главном городе острова и разместили в доме местного епископа. Вскоре в Кандию прибыл с Родоса митрополит Ленард Балестрин с множеством жителей, изгнанных Сулейманом с острова. Он привез и печальное известие о казни турецкого князя Амурата, так много помогавшего госпитальерам на Родосе. Его долго допрашивали и пытали, а, узнав, что он еще и тайный христианин, убили вместе с детьми.

¹ *Кинросс Лорд*. Расцвет и упадок Османской империи / Под ред М. С. Мейера. М.: «Крон-Пресс», 1999. С. 196.

Великий Магистр назначил митрополита Ленарда Приором Орденской церкви. К этому времени закончился ремонт флота, и рыцари смогли вновь отправиться в путь.

В то же время де л'Иль Адан отправил посольства ко всем христианским правителям Европы с известием о потере Орденом Родоса, и с укором, что ни от кого не получил помощи. Великий Магистр видел, что в Ордене происходит нестроение, начался ропот, недовольство главой Ордена, а кое-кто, как только оказался на берегу, покинул ряды братьев. Де л'Иль Адан вынужден был обратиться к папе, в отправленном вскоре письме он просил его издать особую буллу, в которой бы папа повелел всем рыцарям, под страхом лишения орденского одеяния, во всем повиноваться Великому Магистру. Такая булла, исходившая от главы Церкви, была крайне необходима Великому Магистру именно в это время. Он не только понимал, в каком состоянии подавленности находятся многие рыцари, но и видел, что их перестают волновать и интересовать проблемы Ордена госпитальеров. Из уважения к столь бедственному положению Ордена папа прислал присимую буллу.

Тем временем морское странствие пришлось прервать из-за огромного количества больных на флоте. Часть судов пристала к ближайшей гавани Галиполи, несколько, под командованием Командора Остона отправилась в Мессину. Здесь Командор увидел множество судов под орденским флагом, Приоров, Командоров и рыцарей из всех стран Европы. Оказалось, что все они собирались выступить в помощь госпитальерам и готовились в путь к Родосу. Узнав от Остона о падении Родоса, все были весьма опечалены.

Через месяц в Мессину прибыл Великий Магистр, которого встречали с большим торжеством. Однако самому де л'Иль Адану было не до торжеств. Он приказал устроить строжайшее следствие для выяснения причин «опоздания» рыцарей. И хотя выяснилось, что эта задержка не имела под собой никаких дурных и антиорденских намерений, многие Приоры и Командоры были недовольны допросами. В то же время следствие установило, что задержки оказались вполне оправданными. Рыцари английского языка, например, которыми командовал морской капитан Ниопорт, вышли в море без опоздания, но разразившаяся буря потопила несколько кораблей. Другие суда были перехвачены алжирскими пиратами, и лишь небольшой части флота удалось достичь Мессины. Здесь рыцари решили собрать большой флот, чтобы потом вместе отправиться в плавание, на помощь родосцам, но события развивались столь стремительно, что помощь европейских рыцарей оказалась уже ненужной.

После окончания следствия Великий Магистр собрал Большой Совет, на котором он объяснил предпринятые им шаги, а обиженным рыцарям

сказал: «надлежало, чтобы для чести ордена и собственной Вашей, произвел я это следствие, которое может вас оправдать не только перед нынешними владетелями, но и перед потомством»¹.

Тем не менее, многие так и остались недовольными и даже решили вернуться в свои Приорства. Вот тогда-то и помогла папская булла, которая была торжественно зачитана на Совете. Кроме того, де л'Иль Адан убедил рыцарей, что подобным своим поведением они лишь помогут сделать то, что не удалось до конца Сулейману, уничтожить орден. Поняв свои ошибки, рыцари успокоились, и стали совместно создавать планы дальнейшего устройства Ордена.

Естественно, что заботы эти легли в первую очередь на Великого Магистра, который понимал, что ему нужна помощь, прежде всего от понтифика. Однако, собравшись на переговоры с папой, он вынужден был отложить задуманную поездку, поскольку в Мессине вспыхнула чума. Эта была новая беда, унесшая многих уцелевших защитников Родоса. Множество рыцарей умерло, и де л'Иль Адан вынужден был покинуть сушу, и пуститься на судах в плавание у берегов Неаполитанского королевства, пока не было найдено пустынное место недалеко от развалин города Кум. Там построили шалаши и казармы, все окружили рвами. Переживая эпидемию, орденский флот прибыл в Чивитавеккью, откуда Великий Магистр отправился к папе. Однако встреча с понтификом была отложена, но буквально через несколько дней тяжелая болезнь заставила папу срочно пригласить л'Иль Адана на аудиенцию. Тысячи римлян встречали прославленного героя Родоса, убежденного сединами старца, на всем пути следования по улицам Великого Города.

После традиционного целования папской туфли л'Иль Адан был посажен папой между кардиналов, и в их присутствии он услышал много лестных слов о себе. При этом папа назвал его «ратником, мучеником христовым и щитом католической веры»². А еще через несколько дней, 14 сентября 1523 г. папа Адриан VI скончался. Собравшиеся на выборы нового понтифика кардиналы выбрали именно л'Иль Адана главой стражи Конклава. Имя нового папы Клементя VII, которым стал кардинал Джулио Медичи, он узнал первым из не членов конклава, и первым поцеловал его туфлю. В молодости папа был рыцарем Ордена госпитальеров, и до своего избрания он был еще и Приором Капуйским. Видимо поэтому первая аудиенция Клементом VII, была дана л'Иль Адану, а после рассказа Великого Магистра о том, как 600 рыцарей держали осаду двухсоттысячной турецкой армии Сулеймана Великолепного, даже прослезился.

¹ Черенков И. История державного ордена святого Иоанна Иерусалимского. Т. II. Воронеж, 1803. С. 12.

² Там же.

Папа, понимая бедственное состояние Ордена, передал госпитальерам город Витербо до тех пор, пока рыцари не найдут себе более подходящего места. Орденскому флоту было разрешено стоять в гавани Читавеккьи. Кроме того, де л'Иль Адан получил и особую милость Клементя VII, занимать место по правую руку папы¹.

Конечно, все это время Великий Магистр искал для ордена пристанище, обращаясь ко всем коронованным особам Европы. К этому времени он уже знал от своих испанских рыцарей, что император Священной Римской Империи германской нации Карл V готов предоставить госпитальерам острова в Средиземном море: Мальту, Гоццо и Камино. Но л'Иль Адан не спешил получать эти новые территории, поскольку надеялся вернуться на Родос. Дело в том, что в течение почти семи лет Великий Магистр посылал своих доверенных рыцарей, в одежде купцов, на Родос. Они довольно успешно собирали агентурные сведения и находили недовольных Сулейманом лиц в среде военачальников, с которыми разрабатывались планы возможного переворота.

В XVI–XVII вв. Испания вела активную борьбу за Северную Африку. Исследования американского историка К. Сеттона² доказали, что борьба эта действительно была настоящим крестовым походом³, с которым оказалась тесно связана вся последующая история создания на Мальте государства рыцарей госпитальеров. В 1530 г. папа Клемент VII, обратился к Императору Священной Римской Империи Карлу V с просьбой оказать помощь Ордену, даровав ему постоянную резиденцию на Мальте.

Несмотря на свои планы по возвращению на Родос, Великий Магистр, все-таки отправил к императору послов. Ими были Приор Кастилии Мартинага, Командор Бозио и орденский Капеллан, которые, прибыв в Мадрид, просили Карла V передать в вечное владение Ордену госпитальеров острова Мальту Гоццо и Камино.

Карл V понимал, что ему дается прекрасная возможность стать, по сути, вторым основателем прославленного в веках Ордена. Это было весьма лестно для его самолюбия, тем более что ему лично такое дарение практически ничего не стоило. Император согласился и даже добавил, что желает включить в данное соглашение еще и находящийся в Африке город Триполи.

Вернувшись в Витербо, послы рассказали о результатах своей миссии. Де л'Иль Адан решил отправить для осмотра предлагавшихся островов

¹ *Galea Michael*. Grand Master Philippe Villiers de l'Isle Adam. Malta Publishers Enterprises Group, 1998. P. 24.

² *Setton K.M.* The Papacy and the Levant (1204–1571). 4 vol. Philadelphia, 1976–1984.

³ *Райли-Смит Джонотан*. Изучение крестовых походов // История крестовых походов / Под ред. Дж. Райли-Смита... С.21.

небольшую комиссию. Она выполнила возложенную задачу весьма успешно. Правда, особо радостных вестей рыцари с собой не привезли.

Как обнаружила выездная комиссия госпитальеров, Мальта значительно отличалась от Родоса. Последний представлял собой крупный остров, длиной около 80 км, ландшафт которого включал горы, леса, реки, и который был расположен на расстоянии видимости от континентального побережья. Родос имел укрепленную гавань, где вели торговые операции представители космополитического сословия латинских и греческих купцов; он был расположен на пути следования важных морских путей, торговых и паломнических; имел городской гарнизон, а значительную часть населения внутренних районов острова составляли греческие крестьяне.

Земля покрывала остров лишь частично на 3–4 фута и была совершенно не пригодна к возделыванию хлеба, хотя на острове произрастало много дынь, смокв и других плодов. На острове не было ни одной речки, ни одного колодца, но было несколько водоемов.

Местные жители, которых проживало не более 12 тысяч человек, занимались торговлей медом, тмином, выращивали хлопок, из которого ткали хорошего качества ткань, все это давало им возможность покупать или выменивать хлеб.

Интересно, что и само название острова — Мальта, имеет несколько вариантов происхождения. Одни считают, что оно имеет финикийские корни. Слово «малат» — переводится как убежище, тихая гавань. Другие, что оно образовалось от латинского «мелита» — «медовый». По преданию некогда на острове жили особые пчелы, приносившие особый, необыкновенно ароматный мед, который высоко ценился среди окружающих народов. Существует еще и третья версия происхождения названия острова. «Мальта» по-арабски означает «непокрытая». И действительно большая часть острова представляет собой голое каменистое (известняк) пространство, и лишь небольшие его участки выстланы плодородной привозной почвой¹.

Существует еще одно весьма интересное свидетельство. Оно принадлежит Григорию Краевскому, первому русскому путешественнику XVIII в., который составил топографическое и историческое описание Мальты. Ему удалось собрать на месте немало интересных сведений о всех трех островах. Краевский подтвердил, что даже в его время остров славился своим медом, который считался самым лучшим в те времена. Интересно, что и само название острова — Мальта, многие производят от греческого слова μέλιται — пчелы. В древние времена остров назывался Мелитою,

¹ Алексеев В. В., Протанская Е. С. Мальта: путеводитель с картой. СПб.: «Фрегат», 2002. С. 13–14.

Огигиею¹. Г. Краевский сообщил, что африканцы называют остров Малтеа, а жители Сицилии — Маута².

На Мальте до этого проживало небольшое количество аборигенного населения — мальтийцев, которые считали себя выходцами из Ливана — потомками мореходов-финикийцев. Но финикийские колонии появились только в XIII в. до н. э., в то время как археологические раскопки свидетельствуют, что первые поселения на Мальте появились свыше 5 тысяч лет до н. э. После финикийцев островом владели греки, затем римляне, византийцы, которых сменили арабы. Будучи мусульманами, эти последние по времени правители Мальты терпимо относились к коренным жителям, исповедующим христианство. Ведь по преданию они получили крещение от самого апостола Павла, корабль, на котором ему везли, потерпел крушение недалеко от острова³.

В «Деяниях Апостолов» повествуется о том, как апостол Павел был отправлен на суд императора в Рим. Его посадили на судно, вместе с ним отправилось в плавание свыше семидесяти человек, среди которых так же везли нескольких узников. Их сопровождал офицер и несколько солдат. Это описание путешествия апостола Павла в Рим считается одним из самых ярких древних изображений морского плавания. Корабль был застигнут бурей, они пытались пристать к южному побережью Крита, но северо-восточный ветер, дувший с берега, уносил их обратно в море, где было труднее бороться с большими волнами. Поднявшийся сильный ветер четырнадцать дней и ночей носил судно по морю, пока, наконец, не попали на какую-то косу «и корабль сел на мель. Нос увяз и остался недвижим, а корма разбивалась силою волн. Воины согласились было умертвить узников, чтобы кто-нибудь, выплыв не убежал. Но сотник, желая спасти Павла, удержал их от сего намерения, и велел умеющим плавать, первым броситься и выйти на землю. Прочим же спастись, кому на досках, а кому на чем-нибудь от корабля; и таким образом все спаслись, добравшись до земли. Спасшись же, бывшие с Павлом узнали, что остров называется Мелит» (Ап. 27, 42–44; 28, 1).

На острове с Павлом произошло событие, которое сохранилось в тексте «Деяний апостолов». Местные жители приютили спасшихся людей, но поскольку шел дождь, все собрались в пещере, где разложили костер. «Когда же Павел набрал множество хвороста и клал на огонь, тогда ехидна, вышедши от жара, повисла на руке его... Но он стряхнув змею в огонь, не потерпел никакого вреда» (Ап. 28, 3, 5). Это занимательное

¹ Краевский Г. Краткое топографическое, историческое и политическое описание острова Мальты и Державного Ордена святого Иоанна Иерусалимского. СПб., 1800. С. 2.

² Там же.

³ Алексеев В. В., Протанская Е. С. Мальта... С. 20–22.

свидетельство до сих бытует на Мальте, где показывают пещеру св. Павла и объясняют туристам, что именно по этой причине змеи на Мальте не ядовитые.

В 1090 г. Мальта была завоевана графом Роже Норманским, обосновавшимся до этого в Сицилии. Он освободил местное население от арабов, но не изменил систему правления, организованную ранее. Только в 1127 году, после повторного завоевания, на Мальту был назначен норманнский наместник и размещены военные гарнизоны. Последний норманнский король умер бездетным, и на Мальте последовательно правили династии: Швабская (1194 г.), Анжуйская (1268 г.), Арагонская (1283 г.) и Кастильская (1410 г.). Этот последний период характеризуется ростом и расцветом мальтийского дворянства, тесно связанного с Сицилией, особенно после присоединения к Сицилийскому королевству¹.

Несмотря на многовековую свободу от арабов, именно они оставили Мальте язык². Впоследствии в нем оказалось много заимствований из итальянского, а после XVIII века и из английского языка.

Наконец, 24 марта 1530 года Карл V подписал в Кагель де Франко дарственную грамоту о передаче ордену на правах суверенного лена новых территорий. Полный текст этой грамоты публикуется впервые после более чем 200-летней ее неизвестности:

Жалованная грамота императора Карла V Ордену святого Иоанна Иерусалимского на владение островом Мальтой

Божиею милостию Мы, Карл V, Император Римский, всегда августейший, Иоанна, мать его, и оный же Карл, Божией Милостию Король и Королева Кастильские, Арагонские, обеих Сицилий, Иерусалимские, Леонские, Наварские, Гренадские, Толедские, Валенцские, Галлицские, Майоркские, Севильские, Сардинские, Кордуанские, Индийских, твердой земли и Океана, Эрцгерцог австрийский, герцог Бургундский, Брабантский и пр., Герцог Афинский, Неопатрийский, граф Русильонский и Серданский, Маркиз Орипонский, Гочианский благородным рыцарям святого Иоанна Иерусалимского наше благоволение и дружелюбие.

В поправление и восстановление монастыря, гостиницы и ордена Св. Иоанна Иерусалимского, и дабы почтеннейший великий Магистр и возлюбленные сыны Наши Приоры, Бальи, Командоры и Кавалеры помянутого Ордена, по потере Родоса, быв выгнаны из оного силою турецкою

¹ Мальта, Гозо, Комино. Путеводитель. Paris; Luxembourg; Москва, 1999. С. 41.

² Юсманов Н. Арабский язык латинскими буквами // Культура Востока. Кн. 7. Баку, 1930. С. 72–88.

после страшной осады, и ныне странствуя многие годы, могли утвердить постоянно себе жилище, спокойно отправлять службу звания своего на общую пользу Христианской республики, и употреблять силы свои и оружие противу вероломных врагов святой веры, из особенного Нашего благоволения к сему ордену восхотели Мы добровольно дать им убежище, где бы они могли обрести постоянное себе пребывание и не были бы принуждены скитаться из одной страны в другую.

Того ради силою и властью настоящей грамоты Нашей, с ведома Нашего и с Нашей Королевской воли данной, по зрелом рассуждении и по собственному Нашему побуждению, уступили Мы и добровольно даровали за Себя и за Своих преемников и наследников Королевств наших, на вечные времена помянутому честнейшему великому Магистру того ордена и помянутому ордену Св. Иоанна Иерусалимского в ленное благородное, вольное и свободное владение город Триполь и острова Мальту и Гоццо с замками, местечками и со всеми землями ведомства их, со всеми правами собственности, господствия и владычества во отправление верховного суда, с правом жизни и смерти над жителями мужеска и женска пола, ныне обретающими, или кои впредь обитать там будут, на вечные времена, какого бы чина, звания и состояния они не были, со всеми прочими обстоятельствами, принадлежностями, изъятиями, привилегиями, доходами и другими правами и вольностями.

С условием однако ж, чтобы они и впредь признавали сии владения за ленные короны Нашей Сицилийской, и преемников наших в сем Королевстве, сколько оных будет, не обязуясь ни к какой другой повинности, кроме присылки в день всех Святых сокола, которого должны они чрез поверенных своих с добрым препоручительством представлять ежегодно Вицерию¹, или Президенту, или кто тогда управлять сим королевством будет, в знак признания их сих островов за ленные Наши. По учинении чего они пребудут свободны от всякой Нам службы военной и другой, какую ленные владельцы повинны главным владетелям. С условием также, чтобы при каждой перемене Короля, они присылали послов к преемнику его, для требования и получения от него на помянутые острова инвеституры, как-то обычай есть в таковых случаях.

Тот, кто будет тогда великим Магистром, обязан также при получении инвеституры дать от своего имени и от имени всего Ордена присягу в том, что они не попустят в помянутых городах, замках, местечках и островах приключиться какому-либо вреду, ущербу или оскорблению нас, наших владений, королевств и государств, ни наших и преемников наших подданных, как на море, так и на сухом пути. Напротив того, будут подавать помощь противу всех, кто бы причинил, или кто бы захотел причинить им

¹ вице-королю.

вред. Есть ли же кто из подданных Королевства Сицилийского убежит на который либо из помянутых жалуемых островов, то по первому требованию Вицероя, Президента или первого гражданского чиновника того Королевства должны они выслать таких беглецов; а тех, кои обвиняемы будут в оскорблении Величества, или в преступлениях еретических, выдать по требованию Вицероя в его руки.

Сверх сего соизволяем Мы, чтобы право постановления в Мальтийские епископы оставалось, как и ныне, на вечные времена принадлежащим наследникам Нашим в Королевстве Сицилийском так, что по смерти Преосвященного Балтазара Валткирхена, Императорского Канцлера, поставленного нами на помянутое епископство, или в других случаях опорожнения сего епископского престола впредь, Великий Магистр и братья помянутого ордена должны представить Вицерою Сицилийскому трех способных и достойных сего звания кандидатов, из коих, по крайне мере, один должен быть из подданных наших, или наследников наших, из которых Мы, и наследники наши после нас, должны избрать одного, который, по избрании и поставлении его и по принятии помянутого епископства, должен получить от Великого Магистра большой Крест и право заседать во всех Советах, как Приоры и Бальи. Чтобы адмирал орденский был из языка и народа Итальянского, и чтоб в отсутствии его командующий вместо его был из того же языка и народа, или, по крайней мере, способный к сей должности и никому не подозрительный. Чтобы все предыдущие пункты обращены были в законы и непременные уставы ордена по обычаю с одобрения и утверждения папы и Св. Престола, и чтоб Великий Магистр ордена, как нынешний, так и впредь будущие его приемники, торжественно присягали в точном наблюдении сих пунктов, кои на вечные времена должны храниться в сем ордене.

Когда орден, если то Богу угодно будет, возвратит себе остров Родос, и по сей, или другой причине должен будет оставить сии острова и местечки, то он не может отдать или сделать передачу сих островов и местечек никому без особенного согласия и дозволения того владетеля, от которого он имеет оные, яко ленное владение и если б он то учинил без его согласия, то помянутые острова и местечки должны возвратиться к Нам или преемникам нашим.

Орден может пользоваться в продолжение трех лет артиллерией и военною амунициею, ныне в замке Трипольском находящимися, на таком условии, что он сделает всему опись и объявит, что имеет оные для защиты токмо сего города и под образом ссуды, обязуясь по истечении трех лет возвратить оное обратно, разве Мы по благоволению Нашему и из особенной милости за благо признаем продлить срок сей.

Напоследок все жалованья наши и милости, дарованные нами каким либо людям в тех местах на время, или в вечное и потомственное владение,

в награду за какую-либо услугу, или по какой другой причине, останутся неизменны и ненарушима, и Орден за полезное усмотрит учредить в том какую перемену, и тогда должны они заменить законным владельцам владеемое или другим чем либо равного достоинства. А для избежания всяких споров соизволяем Мы, чтобы в таковых случаях избирались два посредника, один бы избран был Нашим Вицереом Сицилийским, другой великим Магистром, которые по выслушании обеих сторон, будут иметь полную мочь (возможность. — *Авт.*) решить спор. Если же сии посредники не согласятся между собою, то обе стороны выберут третьего для окончательного решения. До сего же окончательного решения владельцы помянутых даров Наших, доходов, достоинств и почестей, будут спокойно пользоваться оными.

Под сими токмо выше изъясненными и определенными условиями, а не инако, уступаем Мы и отдаем помянутые острова и местечки в ленное владение великому Магистру и ордену, самым выгоднейшим и торжественным образом, как только представить можно, и соизволяем, чтобы они имели оные, владели оными и пользовались всеми правами власти беспрепятственно на вечные времена. И тако Мы отдаем, уступаем и вручаем великому Магистру и ордену на помянутых условиях все принадлежности, наименования, права имения и лица в том же образе, в каком Мы доньше владели оными без всякого прекосновения.

Соизволяем, наконец, чтобы они могли предъявлять уступаемые Нами принадлежности и права во всяких делах, в просьбах и ответах, в суде и не в суде, так как Мы то делали, поставляя их совершенно на место Наше, не оставляя Себе, ни приемникам Нашим ничего, кроме права на лены.

На сей конец сим повелеваем и силою власти Нашей предписуем всяким людям обоого пола, какого бы звания и состояния они не были, ныне в помянутых городах, островах, землях и замках обитающим, или впредь обитать имеющим, признавать оного великого Магистра и орден св. Иоанна Иерусалимского за точных и полновластных своих Государей, за законных владетелей помянутых островов, городов и замков, и по сему оказывать им всякое повиновение, каковым верные подданные обязаны своему Государю, так как и давать присягу в верности, по обычаю в таковых случаях. И для тог, как скоро они учинят ордену присягу в верности, то Мы чрез сие освобождаем их от присяги, данной Нам и от их повинности Нам и Нашим преемникам в Королевстве Сицилий, кроме присяги в верности, должной Нам от приемлющих от Нас сии владения в лену.

Сего ради объявляем Мы Пресветлейшему Принцу Австрийскому, возлюбленному старшему сыну Нашему, долженствующему, ежели Бог благоволит, быть преемником и наследником всех Наших Королевств. В случае смерти Нашей (от чего Боже сохрани) дая ему отеческое Наше благословение, что таково есть истинное Наше соизволение.

Повелеваем сверх того, и силою власти и могущества Нашего предписываем всем Нашим именитым, благородным, верным и любезным советникам, Вицерою и генерал-капитану дальней Сицилии, великому Юстициарию и его наместнику, всем судебным местам Королевства Нашего, казначейникам и интендантам, казначею, блюстителю королевского наследия Нашего, фискалу, всем комендантам крепостей, начальникам над портами, секретарям и вообще всем Нашим чиновникам и подданным помянутого Королевства Нашего, и особенно помянутых островов и города и замки Триполи, настоящим и впредь будущим повиноваться сей добровольной жалованной и поступной Нашей грамоте во всех ее пунктах под опасением гнева Нашего и под штрафом десяти тысяч унций серебра в казну Нашу.

Паче же уполномочиваем Вицероя Нашего, отправиться лично в помянутые места, или отправить туда одного или нескольких Комиссаров, как-то он учинить за благо рассудит по власти, даруемой ему Нами силою сея грамоты Нашей, для исполнения всего содержащегося в оной и учреждения всего, что нужно будет на пользу помянутого Великого Магистра и ордена, дабы ввести их в действительное владение всего вышеписанного, даруя ему на сей конец потребную в таковых случаях мочь, для опорожнения и немедленной сдачи мест оных Великому Магистру и ордену, или поверенным их. И по доставления им отчета во всех произведениях, приходах и податях и во всех других правах, Нами им уступаемых и даруемых вышереченным образом в вечное ленное владение.

Для лучшего же и удобнейшего исполнения всего вышесказанного сим объявляем, что Мы опровергаем, поколику то нужно будет, все недостатки формальных обрядов, упущения и пропуски, какие в сей Нашей грамоте повстречаться могли бы, и хотя она исполнена была, не взирая ни на какие противоречия, какие бы можно было предположить, и которые Мы опровергаем полною Нашею силою и властью Королевскою. В уверение и во свидетельство сего Мы сию грамоту дать и обыкновенною печатью Королевства Нашего Нижней Сицилии укрепить повелели.

Дана в Кастиль Франко 24 марта, Индикта III,
в лето от Рождества Христова 1530,
Императорского избрания Нашего 10-е,
Царствования же Нашего в Королевствах
Кастильском, Леонском и других, 27-е.

Карл¹.

¹Лабзин А. Ф., Вахрушев А. История ордена... Ч. III. С. 340–355. См.: Грамота Карла V от 24 марта 1530г. Ордену Св. Иоанна и присяга госпитальеров вице-королю Сицилийскому / Публикация и комментарий В. А. Захарова // Сборник Русского исторического общества. Т. 9 (157). Мальтийский орден и Россия. М.: «Русская панорама», 2003. С. 62–68.

Этот дар имел свой большой подтекст. Основание на Мальте военного укрепления, рассматривалось Карлом V как форпост на морском пути из Константинополя в Северную Африку. Рыцари должны были защищать суда императора от турок и алжирских пиратов и не должны были позволить туркам открыть военные базы в Триполи. В качестве символической платы за этот дар Орден госпитальеров должен был ежегодно отправлять Карлу V одного охотничьего сокола, в знак своей вечной признательности. Тогда же было оговорено, что Орден должен оставаться нейтральным в войнах между христианскими государствами.

Так госпитальеры получили острова Мальта, Гоццо и Комино, и, на северном побережье Африки, занимавший важную в стратегическом плане роль, город Триполи. Грамота была передана Командору Бозио для вручения Великому Магистру. Но по дороге карета с Командором перевернулась, Бозио получил тяжелые травмы. Умирая, он успел передать грамоту родоскому дворянину Стратигопулу, который и привез ее де л'Иль Адану.

Великий Магистр, своим распоряжением назначил первого губернатора Мальты. Им стал Командор Аврелий Ботигелла, Кавалер Августин де Вентиовиль его лейтенантом. Командор Петр Титон — губернатором замка св. Ангела (сан Анджело). Губернатором Триполи был назначен Командор Сангвес.

25 апреля 1530 года грамоту Карла V утвердил римский папа. Верховная власть госпитальеров на Мальте была вскоре признана всеми христианскими странами, поддерживавшими с орденом дипломатические отношения.

Поскольку ленные отношения — условное подчинение вице-королю Сицилии, необходимо было окончательно оформить, Великий Магистр для завершения всех формальностей отправил специальную делегацию, состоящую из самых именитых и почетных членов ордена на Сицилию. Им были даны специальные полномочия принести присягу от имени всего ордена и всех его членов вице-королю. 29 мая 1530 года после завершения всех формальностей был составлен специальный документ — акт присяги, подтверждающий совершенное делегацией действие:

Мы, брат Гугон де Канон, знаменосец и генерал-капитан над галерами святого Ордена Иерусалимского, и брат Иоанн Вонифатий, Бальи Монастырский и Генерал-Казначей помянутого ордена, Поверенные и Послы пресветлейшего и всечестнейшего господина брата Филиппа Вильера де Лилль-Адана, Великого Магистра священного дома Гостиницы святого Иоанна Иерусалимского и всего Орденского Капитула, как за него, так и за всех преемников достоинства его, за весь Орден и за самих себя.

Превосходительнейший господин дон Гектор Пиньятелло, герцог Монтелеонский, Вицерой и Генерал-Капитан здешнего Королевства дальней Сицилии и прилежащих к ней островов, яко представляющий особу Его

Императорского и Католического Величества Карла, и королевы Иоанны, матери Его, Светлейших Короля и Королевы Сицилийских! Мы клянемся пред вами и даем вам обыкновенную присягу в верности, и обещаем перед Богом, крестом Спасителя нашего Иисуса Христа, и возлага руки на Евангелие Его, именем пославших нас и нашим собственным, соблюдать и признавать согласно с условиями, содержащимися в жалованной грамоте, пожалованные ныне помянутому Великому Магистру острова Мальту и Гоццо и город, и замок Триполь за ленные, благородные, вольные и свободные владения Его Императорского Величества и светлейших Королей и преемников после них в помянутых королевствах, и наблюдать и хранить все то, что пространно упомянуто в оной жалованной грамоте и привилегиях. Учинено в присутствии господина Франциска Дельбоска, барона де Балида, королевского наместника в звании великого Юстициария сего Королевства, благородных дон Антонио де Болонья, Джиролама ди Фамиа, членов Верховного Суда, Иакова Бонанно, казначея, Иеронима де ла Рокка, королевского наместника в казначействе и многих других.

Писал акт сей, по повелению именитейшего и превосходительнейшего господина Вицерыя, я Людовик Санхес собственною моею рукою»¹.

А госпитальеры, тем временем, собирали все, что могло пригодиться на новом месте. Нагрузив галеры и посадив на них рыцарей, большой караван отправился в путь к своему новому месту пребывания. Плавание закончилось благополучно 26 октября 1530 г. Великий Магистр и члены Совета прибыли на остров.

Прибыв на Мальту 26 октября 1530 года, Великий Магистр с Советом и главнейшими командорами, по вступлении на берег, пошли прямо в церковь святого Лаврентия, где отслужили благодарственную службу; потом пустились искать себе пристойные жилища. При замке Святого Ангела, который составлял единственное укрепление на сем острове, было селение, состоявшее частью из рыбацких шалашей. В сих хижинах должны были поместиться командоры и кавалеры, — записали историки Ордена. — Через несколько дней, Великий Магистр принял во владение и столичный город, называемый по имени острова — Мальтою ж. Сей город, имел в окружности 1300 шагов².

Госпитальеры считали, что нахождение на Мальте будет недолгим. Де л'Иль Адан надеялся еще вернуться на Родос. И через два месяца собрав флот и наняв войско, отправил его на 6 галерах, под командованием Римского Приора Сальвияти и Маносского Бальи Бонифация к городу Модоне. Попытка взять его штурмом, не совсем удалась, поскольку

¹ Лабзин А. Ф., Вахрушев А. История ордена... Т. III. С. 356–358.

² Там же. С. 365.

турецкий губернатор укрылся в замке. Рыцари поступили ничуть не лучше, чем это делали перед ними турки. Все закончилось грабежом местных жителей и взятием в плен около тысячи человек. Однако подошедшее вскоре подкрепление из соседних населенных пунктов, заставило Сальвиати вернуться на Мальту. Хотя он и привез с собой большую добычу, она вовсе не обрадовала Великого Магистра. После этой неудачи де л'Иль Адан навсегда расстался с мыслью вернуться на Родос¹.

Пришлось всерьез заняться обустройством на Мальте. Но де л'Иль Адан не стал занимать старую столицу острова Мдину, хотя в ней имелись монументальные дворцы, размещался городской совет, стоял собор, в городе проживало духовенство и большое число местной знати. Но Орден должен был осуществлять оборону гавани и путей сообщения с Сицилией, поэтому де л'Иль Адан решил устроить свою резиденцию и разместить рыцарей в небольшой рыбацкой деревушке Биргу, которая располагалась около прекрасной гавани, недалеко от форта Сан-Анджело. Орден занял порт и замок в Биргу. Вскоре деревушка превратилась в большой город, который на протяжении длительного периода сохранял особый статус и юрисдикцию, в нем размещался иностранный гарнизон и управление королевского кастильяна (владельца замка). В десятилетия, предшествующие 1520 г., представители семейства де Нава (De Nava) пользовались, как кастильяны, большим влиянием, и проводили на Мальте жесткую политику².

Известно, что кроме членов ордена, на Мальту прибыло значительное число жителей Родоса, ушедших с госпитальерами после сдачи острова войскам Сулеймана Великолепного. В составе этой группы родосцев были торговцы, профессиональные мореходы, священники, ювелиры, лекари, нотариусы, чиновники и представители других профессий. Они поселились в Биргу, где уже в 1530 г. находившиеся среди них греки были выведены из сферы компетенции мальтийского духовенства по причине того, что они не говорили по-мальтийски. К 1575 г. в Биргу проживало 74 семьи греков, и было три греческих прихода, но не все из них были выходцами с Родоса. Бывших родосцев на Мальте было сравнительно немного, но часть из них уже переняли обычаи и повадки родосцев. Они не только тесно взаимодействовали с госпитальерами, но и сыграли существенную роль в введении на Мальте родосских обычаев и стереотипов, что оказало весомое влияние на мальтийскую историю³.

¹ *Galea Michael*. Grand Master Philippe Villiers de l'Isle Adam... P. 86.

² Большой материал на эту тему опубликован Г. Бреском в сборнике Энтони Лутреля: *Bresc H. The Secrezia and the Royal Patrimony in Malta: 1240–1450 // Studies on Malta before the Knights*. London, 1975. P. 126–162.

³ Об этом см. исследование Дж. Лупи: *Lupi G. Il Rito Greco a Malta. // La Chiesa Greca in Italia dall VIII al XVI Secolo*. Padua, 1973.

Не все греческие семьи были богатыми, не все беженцы оказались на Мальте, но Орден их не забывал, в течение многих десятилетий оказывал им существенную поддержку. Так, например, известно, что даже в 1587 г. Орден продолжал тратить 833 скудо в год на поддержание бедных греков родосского происхождения, проживающих на Сицилии в Мессине и в Сиракузе.

В 1533 г. госпитальерами был введен свод законов, разработанный до этого для применения в Кастелянии, так называли общественный трибунал. На Мальте Кастеляния занималась рассмотрением дел, связанным с деятельностью не только Ордена, но и рассматривала обращения городских советов Мальты и Гоццо. Родосская законодательная практика была перенесена в Биргу и другие части Мальты с небольшими изменениями, для использования на Мальте были сделаны копии, озаглавленные Родосское обычное право (*Pragmaticae Rhodiae*). Кроме того, в Биргу госпитальерами были созданы новые суды и юридические учреждения, позднее переведенные в Валлетту, которые сокращали полномочия городского совета в Мдине.

Городская планировка в Биргу была приведена в соответствие с отличительными чертами планировки на Родосе: окруженный стеной анклав, который, предположительно, соответствовал границам города византийской эпохи в 1306 г. Эта территория предназначалась, согласно предписаниям Великого Магистра, но не реальной практике, исключительно для проживания рыцарей ордена (братьев или как их еще называли кавалеров). В одном из его концов размещался греческий замок, который был превращен во дворец Великого Магистра¹.

В Биргу на Мальте Великий Магистр первоначально занимал дом Кастеляна, который располагался в замковом комплексе на оконечности полуострова. Больница, и церковь Конвента разместились на территории, известной как коллахуим, хотя она была ограждена не стенами, а, скорее, специальными каменными барьерами. В Валлетте после 1566 г. отдельный коллахуим для братьев значился в законодательных постановлениях, однако он оставался лишь на бумаге, в действительности отделения жилища

¹ *Gabriel A.* La Cité de Rhodes: 1310–1522. Vol. I. Paris, 1921. P. 6–7; *Kollias E.* The City of Rhodes and the Palace of the Great Master. Rhodes, 1988. P. 68–71 и приложения в конце книги. Авторы по истории Мальты пишут, что данное правило строго соблюдалось на Родосе, однако, по мнению Энтони Лутрелла, создается впечатление, что внутри этого коллахуима имелись дома греков и латинов, не принадлежащих к братству госпитальеров. Согласно Статутам 1357 г. даже позволяло каждому жителю этого района иметь в качестве прислуги одного турецкого раба. См.: *Luttrell A. T.* *Luttrell A.* Latin Greece, the Hospitallers and the Crusade: 1291–1440. London, 1986, item VI.

рыцарей от помещений, где проживали остальные члены мальтийского общества, не существовало.

На Мальте, небольшом по сравнению с Родосом, острове, госпитальеры оказались в несколько других обстоятельствах, более стесненных. В случае нападения на них они не могли дать открытый бой, а были обречены, при значительном количественном превосходстве противника находится в состоянии обороны. Это заставляло их тратить огромные средства на возведение больших каменных крепостей. При их строительстве использовался труд захваченных в плен «варваров». Крепости оборонялись небольшими, и поэтому сравнительно дешевыми по содержанию, гарнизонами. Такая оборонительная тактика включала постоянные инспекции, расширение фортификации и финансовые затраты, это также стало источником особого престижа для создававших укрепления Великих магистров¹.

Если вспомним более ранний период существования Ордена, то можно вспомнить несколько самых мощных и грандиозных для своего времени крепостей, построенных госпитальерами на пространстве от Крак-де-Шевалье в Сирии, до Родоса и Валлетты на Мальте. Многие из этих твердынь выдерживали длительную оборону на нехристианских побережьях: оборона Акры, которая была прорвана только в 1291 г. Можно вспомнить и оборону городов Смирны (уступлена в 1402 г.) и Триполи (уступлен в 1551 г.).

В то же время госпитальеры должны были защищать крупные и малые острова от повторяющихся набегов и опустошений со стороны турок. В XV в. частым нападениям подвергались острова Додеканес, а в 1551 г. был опустошен остров Гоццо. Мощные оборонительные форпосты служили преградой для продвижения противника, а также надежным плацдармом для собственных наступательных действий, однако все это еще больше усиливало предпочтения в пользу оборонительной стратегии внутри ордена, что порою приобретало почти навязчивый характер.

Оказавшись на Мальте, госпитальеры снова приступили к освоению и обустройству достаточно изолированного острова. Мальта, по сравнению с Родосом, была гораздо меньше по размеру и равниннее, располагаясь гораздо дальше в море от континентального побережья. Здесь почти не было леса; расстояние до примыкающего к Мальте острова Гоццо было намного меньше по сравнению с расстоянием между Родосом и Косом или Леросом. Столица, имеющая фортификационные сооружения, находилась в глубине,

¹ О фортификационном искусстве госпитальеров имеется великолепное исследование: *Hoppen A. The Fortification of Malta by the Order of St. John. Edinburgh, 1979.*

на отдалении от морских берегов. Остров слишком зависел от импорта продовольствия и, в то же время, не являлся часто посещаемым портом, располагаясь в стороне от основных морских путей.

На Мальте госпитальеры встретили глубоко христианизированное общество и, таким образом, столкнулись с определенными проблемами, с которыми они не привыкли иметь дело. Жители Родоса заключили в 1309–1310 гг. соглашение с Орденом, по которому они признавали верховный авторитет римского папы. За ними оставалось право отправления службы по греческому обычаю на собственном языке, часть доходов и владений оставалась в распоряжении греческого митрополита. Великий Магистр облакался правом назначения или отрешения от должности греческих священнослужителей и отчуждения греческих монастырей, церквей и нотариальных учреждений.

Таким образом, на Родосе было два главы церкви, два главных собора и два корпуса священнослужителей: греческий и римский (латинский). Согласно новому установлению, принятому в 1474 г., Великий Магистр должен был выбрать нового митрополита из двух или трех кандидатов, предлагаемых греческим сообществом. Мальтийский архиепископ утверждал эту кандидатуру, затем новый митрополит, в качестве его викарного епископа, приносил клятву верности римской церкви, и вводился в сан греческим духовенством. В религиозном отношении греки оказались подчинены госпитальерам, однако они сохраняли свои традиции церковной службы, а в сельской местности греческие священники часто играли ведущую роль в жизни местных общин¹.

Прибытие госпитальеров сравнительно не изменило сложившийся на Мальте порядок — мир провинциальной политики, светской религиозности, сельских часовен, сложившихся братств, приходских священников, доминирующих в общественной жизни. До 1530 г. глава церкви фактически не находился на острове, а после 1530 г. это, как правило, был житель острова, являющийся, однако иностранцем и госпитальером. Соглашение 1530 г. постановляло, что глава местной церкви должен избираться королем Сицилии из числа кандидатов, представленных магистром. После 1574 г. на острове появилась еще одна важная духовная личность — инквизитор, он был тоже иностранец, не мальтиец, но не принадлежащий к членам Ордена госпитальеров и действовал в качестве отдельного папского представителя с собственной юрисдикцией.

Обычно архиепископ тяготел к союзу с высшими чинами духовенства в Мдине, представляя местные мальтийские интересы в противовес иностранцам и их свите. Братство госпитальеров представляло собой

¹ *Luttrell A. T. Malta and Rhodes: Hospitallers and Islanders... P. 273.*

отдельное привилегированное религиозное сообщество, которое располагало собственным духовенством, имело свою Конвентуальную церковь в Биргу, а позднее в Валлетте, и на которое не распространялась юрисдикция местного архиепископа и судов. Мальтийцы, как и родосцы, говорили на собственном не романском языке, не понятном для большинства госпитальеров, однако, очевидно, что на Мальте Орден имел гораздо больше проблем с римским духовенством, вступая с ним в постоянные и разнообразные конфликты, по сравнению с греками на Родосе.

Один из таких конфликтов произошел вскоре после обоснования госпитальеров на Мальте. Умирает мальтийский епископ Валткирк. Как и полагалось по соглашению с Карлом V де л'Иль Адан представил на выбор императору трех кандидатов: рыцаря овернского языка Понтуса Лоренсиса, Вице-канцлера итальянского языка Томаса Бозио и подданного императора, рыцаря арагонского языка Доминика Кубеля. Тогда же л'Иль Адан написал письмо Клементу VII, в котором просил папу, чтобы он просил Императора дать согласие на избрание Томаса Бозио¹.

Вскоре пришло сообщение, что выбор Великого Магистра подтвержден и Бозио был отправлен в Рим для посвящения. Но, прибыв в Рим, он узнает, что папа передумал, и уже назначил епископом Мальты Кардинала Гинуцци. Началась новая переписка, но к счастью Великого Магистра неожиданно умирает Клемент VII, и папой становится Павел III, который, разобравшись во всех перипетиях этого дела, совершает посвящение Томаса Бозио в епископы, и назначает его на Мальту.

Все эти интриги, происходившие вдали от Мальты, были ничтожными по сравнению с теми событиями, которые разыгрались на острове во время заседания Великого Капулула летом 1534 г.

Во время дуэли флорентийский дворянин из свиты Великого Приора Римского убил одного молодого рыцаря из прованского языка. Дядя убитого, собрав друзей, устроил целое побоище, при этом пораженные вынуждены были спасаться бегством и укрываться в доме самого Приора. Тогда свита Приора вышли на улицу города и стали нападать на всех французов. Все это было доведено до такой степени напряженности и воинственности, что началась настоящая война между языками французским и итальянским, к которому потом, пристали языки арагонский и кастильский. Дело дошло до того, что в ход были пущены даже пушки. Никакие увещания Великого Магистра не возымело действия. Чтобы не подвергать Великого Магистра дальнейшей опасности, Совет уговорил его остаться во дворце, а к мятежникам отправили почтенного и всеми уважаемого старца Бальи Моносского.

¹ Лабзин А. Ф., Вахрушев А. История ордена... Т. III. С. 368–369.

После установления временного спокойствия, Великий Магистр велел строго наказывать участников мятежа, 12 из них были лишены орденских одеяний, а самые главные подстрекавшие на новое кровопролитие, были брошены в море¹.

В конце июля 1534 г. на Мальту пришло тревожное сообщение из Англии. Король Генрих VIII, не получив от папы согласия на развод со своей женой Екатериной Арагонской, уничтожил власть папы в Англии. В изданном «Акте верховенства (Act of Supremacy)» Генрих VIII был объявлен верховным главою англиканской церкви. Под горячую руку короля попал и Орден госпитальеров. Генрих VIII отдал приказ о конфискации всех орденских имений, а Кавалеров принудил бежать из Англии².

Это известие нанесло смертельный удар по больному Великому Магистру. 21 августа 1534 г. де л'Иль Адан умер, на его гробнице была высечена эпитафия: «Здесь почивает добродетель, победительница злосчастия»³.

Конец правления де л'Иль Адана был опечален еще одним известием. Сулейман Великолепный договорился с морским пиратом Мором, который отныне не обходил вниманием папские и орденские галеры. К нему вскоре прибавились два брата Барбаросса Урудж (Горук) и Каир-ад-дин, которые стали угрожать орденскому владению в Африке⁴.

Новый Великий Магистр Пьер дель Понте вынужден был послать значительные подкрепления. Урудж Барбаросса тем временем воспользовался междоусобицей алжирского князя и его брата и объявил себя сторонником князя. Но, оказавшись в городе со своими людьми, он убивает князя, захватывает город и объявляет себя королем Алжира и данником Сулеймана. Однако вскоре он был убит во время одного из сражений с испанцами, но его место тут же занял его младший брат. В его свите особенно свирепствовали два корсара. Одного так же звали Каир-ад-дин, по прозвищу «Чертово пугало». Второй был еврей, которого турки называли Синам. Эти три человека стали практически владельцами Средиземного моря и вскоре подчинили своей власти большую часть побережья Африки, Алжир и Тунис.

В 1534 году на помощь Мулей-Гасану прибыл Карл V, который двинул войска в глубь страны. Каир-ад-дин отправился за помощью в Константинополь, где получил назначение султана главным адмиралом турецкого флота. Мальтийские рыцари вернулись после сражения из Туниса на Мальту и застали Великого Магистра тяжело больным. Пьер дель

¹ Черенков И. История державного ордена... С. 14.

² Galea Michael. Grand Master Philippe Villiers de l'Isle Adam... P. 107.

³ Ibid. P. 112.

⁴ Новичева А. Д. История Турции. М., 1963. С. 90–95.

Понте вскоре умирает, не правив и одного года. Новым Великим Магистром становится Тулузский Приор Дидье де Сен-Жиль, прославившийся еще при защите Родоса.

После одержанной победы мальтийские рыцари стали наводить страх на морских пиратов. Многие из рыцарей большую часть своей жизни проводили на море. Особенно прославился генерал орденских галер Пизанский Приор Ботиджелло, от которого не уходило ни одно судно корсаров.

Такое укрепление морского могущества Ордена было весьма своевременно и не по нраву Турции. Вооружив дополнительно Каир-ад-дина, Сулейман отправил его на захват орденского города Триполи. Комендант крепости Великий Байли Германский Георг Шилинг вместе с 40 рыцарями смогли удержать город в своих руках.

По решению Совета Ордена госпитальеров и для предупреждения вторичного штурма Триполи Ботиджелло выступил с войском и уничтожил укрепление вблизи Триполи, и, оставив в крепости гарнизон, вернулся на Мальту, где был встречен с большим триумфом.

В это же время пришло известие о смерти 12 октября 1537 года Великого Магистра Дидье де Сен-Жайлья, который умер в Марселе по дороге из Приорства Тулузского на Мальту. Несмотря на то, что все рыцари были уверены, что новым Великим магистром станет герой Триполи, но зависть некоторых рыцарей и интриги рыцаря Гарсии Кортеса — главы выборщиков, привели к тому, что новым Великим Магистром стал Балъи Каспский из арагонского языка Хуан де Хомедес (1536–1553). Это был весьма храбрый воин, потерявший один глаз при защите Родоса, но в то же время он отличался от своих предшественников большим корыстолюбием. Он тут же отстранил Ботигелло от командования галерами, назначив на его место молодого Леона Строцци, родственника Екатерины Медичи — королевы Франции, которому папа Клемент VII приходился дядей, и который отдал ему свое Капуйское Приорство. Юный Приор столь неожиданно ставший генералом прежде, чем по законам ордена он должен был пробить простым воином, отправился в свой первый поход, под командованием адмирала Карла V Дория.

Морские сражения, в которых участвовали мальтийские рыцари, заслуживают более тщательного и детального описания.

Встретив турецкий флот, везший войска в Долмацию на 12 галерах, Дория вступил с ними в бой. Несмотря на превосходство сил противника (у Дории были 34 галеры и у Строцция — 4 орденских), турки вступили в сражение. 2 турецких корабля одновременно атаковали мальтийскую галеру, и Строцци пришлось драться на два фронта. Ему удалось даже пленить одну галеру, не взяв, правда, в плен ни одного турка.

После сражения адмирал Дория узнав, что из Марселя вышли 10 французских галер, на которых ехал посол короля Франца I, отправился к мысу Пасаро для перехвата. Строцци, соблюдая нейтралитет, возвратился на Мальту, захватив по дороге еще два больших турецких судна, на которых находилось свыше 400 христианских невольников.

Вскоре на Мальту пришли известия из Флоренции, которые заставили Строцци покинуть Мальту и даже поступить на французскую службу.

Тем временем Карл V покинул Африку, и как только турки об это узнали, они возобновили свои нападения на Тунисские берега. Великий Магистр Хуан де Хомедес вооружил 14 галер с большим количеством рыцарей наемных солдат. Высадившись на африканском берегу, командование сухопутными войсками взял на себя молодой маркиз Терр-Ниов. Однако неопытность этого сицилийца чуть не привела к поражению орденской армии.

Неудачей окончился поход Карла V и в Алжир. И отходя только к 25 ноября, он смог добраться до Карфагена, где находились три поврежденных в Алжире орденских судна. Из Карфагена побитый и помятый Карл V вернулся в Испанию. После ремонта судов, Великий Бальи и Вице-король немедленно отправился к Мальте, оказавшейся во время военных действий в Африке, почти без флота. Этим воспользовались корсары и турки, безнаказанно возобновившие грабеж островов Мальты и Гоцци. Турки вообще никак не могли смириться с новым появлением мальтийских рыцарей, ставших их заклятыми врагами.

В это время в Константинополе умирает последний Барбаросса и на его место Сулейман назначает Драгута (Торгута), который еще при жизни своего друга Барбароссы был им назначен заместителем и командиром эскадры из 12 галер. Нападая на населенные пункты африканского побережья, Драгута ежегодно опустошал еще и берега Сицилии и Неаполя, наводя страх на всех жителей прибрежных государств Средиземноморья. Его морское могущество стало столь грозным, что ни одно судно не могло отправиться из Италии в Испанию, чтобы не оказаться у него в руках.

Неоднократно мальтийские рыцари вступали с ним в сражения. Победа и взятие мальтийцами крепости Мегедин, которая не раз переходила из рук в руки, заставила Драгута перенести свое внимание на сражения в море. Одновременно он отправил к султану предложение совместными силами выгнать рыцарей из Мальты и Триполи. Сулейман согласился и приказал подготовить и вооружить большой флот. Это известие пришло на Мальту и в Неаполь в тот самый момент, когда флот под командованием адмирала Дории выполнял поручение Карла V, охраняя поездку сына императора из Италии в Испанию, а обратно должен был доставить племянника императора в Германию. Соединенный Неаполитано-Сицилийский флот,

был настолько слаб, что они потребовали от Великого Магистра присылки для их поддержки дополнительных галер. Но Хуан де Хомедес, будучи испанцем, несколько заискивал перед испанским Двором, что и здесь решил выслужиться. Он собрал орденские галеры, назначил командовать ими генерала Пье де Фера¹, и оправил их для охраны флота Карла V. Прибыв в Мессину, Пид де Фер узнает, что турецкий флот уже движется к Мальте и Триполи.

Дошло это известие и до Мальты. Немедленно был созван Орденский Совет, который потребовал от Великого Магистра обратить самое серьезное внимание на подготовку к обороне Мальты и отправки дополнительно воинского контингента для поддержки Триполи, поскольку там вообще находились только больные Рыцари и старики. Тогда же предложили немедленно срыть старый замок на острове Гоццо, а жителей перевезти на Сицилию.

Однако Хуан де Хомедес попросту проигнорировал эти требования. Как отметил Лабзин, он считал излишним любые оборонительные приготовления, поскольку «всякая издежка, не клонившаяся к обогащению его фамилии, казались ему потерей»². Больше того, он нашел поддержку своему поведению со стороны Рыцарей испанского и итальянского языка.

Шли дни, а на острове все продолжали находиться в полной бездеятельности. Хуан де Хомедес правда отправил в Триполи 200 местных жителей, из которых ни один никогда не держал в руках оружие, в провожатые дал им 25 рыцарей, перед этим отбывавших наказание в орденской тюрьме за всякие провинности. Беспечность Великого Магистра дошла до того, что он даже отменил существовавший в таких случаях обязательный призыв ко всем рыцарям немедленно собираться на Мальту, для отражения неприятеля.

Подло и низко он поступил и с жителями острова Гоццо, которые прислали своих жен и детей в город, под прикрытые крепостных стен. Хуан де Хомедес приказал их выгнать назад «чтобы содержание их не было ему в тягость» и не истощала его личный кошелек. Но прошло всего два дня, и все увидели приближающийся на всех парусах турецкий флот. Он был огромен: 112 галер, два больших галеаса, множество бригантин, транспортных и других судов. На них находилось 12 тысячное войско, состоявшее из янычар, у которых в помощниках было множество людей. Возглавлял флот паша Синам, а Драгут и еще один пират были у него поручиками. Вся эта движущаяся масса простиралась на морской глади до горизонта.

¹ Pied de fer — железная нога (франц.)

² Лабзин А. Ф., Вахрушев А. История ордена... Т. IV. С. 89.

При виде такой страшной приближающейся силы на Мальте началась паника. Большинство, захватив кое-какие вещи, бросились в город, который, к сожалению, был еще совершенно не приспособлен к появлению в его пределах такого количества лиц. Отсутствие жилья, воды и пропитания, все это делало невозможным выдержать длительную осаду. Рыцари понимали, что выгнать этих людей из города, означало отдать их в рабство или быть убитыми.

А. Ф. Лабзин писал весьма восторженно о дальнейших действиях рыцарей: «Кавалеры, с одной стороны по человеколюбию, а с другой стороны по своей храбрости, были [на это. — *Авт.*] неспособны. И в сем случае оказали они в себе тот же геройский дух, который оживлял их предков, и доказали, что имена их только переменялись, а свойства остались с ними те же»¹.

Не ожидая приказанья Великого Магистра, рыцари сами стали готовить оборону, которую возглавили английский командор Упсон с 30 рыцарями и 400 мальтийскими жителями. Они приняли на себя оборону со стороны замка, а испанский Командор Гимеран, 100 рыцарей и 300 стрелков заняли каменный утес Шебарасс у главного порта. Оттуда они были невидимы со стороны неприятеля.

Когда турецкий адмирал, подойдя с несколькими галерами увидел, что берег со стороны замка защищен пушками, повернул к Шебарассу, но как только подошли к мысу на близкое расстояние, Гимеран со своими храбрецами сделал столь сильный залп, что привел турок в смятение, а сам со своими людьми незаметно отошел за городские стены. Пока турки собрались вновь и получили приказ на высадку, ни одного из стрелявших уже не смогли найти.

Высадившись на берег, Синам увидел, что город хорошо укреплен, и взять его с одного штурма он вряд ли сможет. Но турецкого адмирала волновало другое. Он имел приказ султана: во-первых, не задерживаться на Мальте, поскольку его главной задачей было захват Триполи. Во-вторых, зная большой опыт Драгута, султан приказал, чтобы Синам «не принимал ничего важного без его совета»², и Драгут посоветовал осадить Мальту.

Ночью Комендант города Бальи Георг Адорн отправил нарочного к Великому Магистру с просьбой прислать дополнительно солдат и кавалера Вильганьона. Но Хуан де Хомедес уже был озабочен только своим личным спасением. Солдат он не дал, а вот Вильганьона с шестью рыцарями под прикрытием темноты в город отправил. Подъехав ночью и подав условленный сигнал, они по брошенным веревкам взобрались в город, не быв замечены неприятелем.

¹ Лабзин А. Ф., Вахрушев А. История ордена... Т. IV. С. 96–97.

² Там же. С. 99.

На утро, когда по городу разнеслось известие о прибытии Вильганьона и рыцарей, жители устроили на радостях стрельбу.

Вильганьон немедленно приступил к осмотру крепостных стен, и когда ему стало ясно, что выдержать турецкое нашествие они вряд ли смогут, тут же приступил к их ремонту и дополнительному укреплению. Своим примером он так заразил всех, что мужчины, женщины и дети бросились ему помогать.

А в стане неприятеля тем временем, происходили следующие события. Стрельба и крики горожан, конечно же, были услышаны, а когда еще нашли у крепостной стены шесть оставленных лошадей, поняли, что подошло какое-то подкрепление. Однако о точном количестве не знали ни жители, ни, тем более, турки. От жителей скрыли, что ждать больше некого, чтобы не охлаждать их боевой дух.

Этой же ночью турки перехватили человека с письмом, посланным из Мессины собирателем орденских доходов. Оно было адресовано Великому Магистру. В письме сообщалось, что адмирал Дория, прибыв из Испании в Мессину, уже разослал повсюду распоряжение о сборе всего флота, и собирается уже идти к Мальте. Никто кроме Вильганьона не знал, что это письмо — всего-навсего ловко придуманная им хитрость. Но письму поверили турки, и Синам срочно собрал военный Совет, на котором он изложил следующую точку зрения. Поскольку Дория прибудет к Мальте с подкреплением, то турецкие войска могут надолго задержаться, воюя с госпитальерами, поэтому есть смысл как можно быстрее отправляться к Триполи, ведь именно эту крепость ему поручил взять султан.

Совет постановил — не теряя больше времени отправить все войска к африканскому берегу. Осада Мальты была снята. По пути турки осадили старую крепость на острове Гоццо и обманом принудили ее коменданта к капитуляции. Однако никаких обещаний Синам не выполнил, наоборот взял около 7 тысяч жителей и небольшой гарнизон в плен, а коменданта Галатиана де Сесса заставил самому грузить личное имущество на турецкие суда, а затем, заковав в кандалы бросил к другим пленникам. Когда де Сесс стал говорить Синаму, что он обещал освободить 40 человек, турецкий военачальник публично дал свободу 40 дряхлым старикам¹.

На Мальте, когда рыцари узнали о случившемся, стали требовать суда над де Сессом, но Великий Магистр Хуан де Хомедес запретил это делать, заявляя, что тот находится в плену. Аббат Верто в своей книге об ордене госпитальеров писал, что между Хомедесом и де Сессом была большая дружба и поэтому магистр всеми силами защищал провинившегося коменданта. Однако это утверждение Верто несколько преувеличено,

¹ Там же. С. 15–109.

так как после возвращения из плена де Сесс полностью был оправдан орденским трибуналом.

Тем временем опасность возникла вокруг орденского владения — Триполи. Великий Магистр был настолько жаден, что не захотел тратить средства на оборону, а уж тем более на наем солдат и отправления войск к Триполи. Он предпочел обратиться к приехавшему буквально через несколько дней после снятия блокады, французскому послу Габриэлю д'Арамону, который остановился на Мальте по дороге в Константинополь.

Д'Арамон знал Синама лично и поэтому немедленно отправился след турецкой эскадре. Но Синам уже высадился на берег у небольшого населенного пункта Тахиору, и оттуда отправил к крепости парламентаря с письмом, в котором писал: «Предайтесь на милость великого султана, повелевшего мне привести сей город в его подданство. Я даю вам свободу выйти отсюда, куда вы хотите, со всем вашим имуществом, в противном случае меч мой не пощадит никого. Синам-паша»¹.

Командовавший войсками маршал овернского языка Гаспар Вальтер отказался сдать. К этому времени прибыл французский посол и стал уговаривать Синама, отменить штурм, и даже порывался уехать в Константинополь, просить султана об этом. Но его никуда не выпустили, а огонь артиллерии был направлен на самые уязвимые и слабые места крепости. После нескончаемой стрельбы, туркам удалось разбить крепостную стену.

Триполи пали в основном из-за предательства защитников, перешедших на сторону турок и указавших слабые, уязвимые места крепости. Когда об этом дошло известие до Мальты Хуан де Хомедес был попросту в шоке. Он понял и свою оплошность, и недоработку по укреплению крепостных сооружений, что ему постоянно советовали делать. Аббат Верто писал, что все это произошло «единственно по злобе и умыслу Великого Магистра и его приспешников»². Падение Триполи привело в недовольство всех рыцарей на острове. Но выражали это свое несогласие они ссорами, которые все чаще стали возникать между рыцарями разных лангов. Они и стали требовать у магистра организации похода для возвращения Триполи. Хоменес назначает Леона Строци, прибывшего на Мальту из Франции, где он решил оставить свою службу королю. Вместе с ним отбыл и Ла Валет, уже прославившийся среди госпитальеров своей храбростью.

Все дальнейшие перипетии были не простыми. Только чудом Ла Валетту удалось избежать плена. К новому губернатору Триполи Мураду Аги

¹ Лабзин А. Ф., Вахрушев А. История ордена... Т. IV. С. 112.

² Там же. С. 129.

попало немало рыцарей и служащих братьев, а его войска, объединившись с местными жителями разгромили все мальтийские вооруженные силы, которые занялись, войдя в город, грабить местное население.

Небольшому остатку госпитальеров удалось вернуться на Мальту, залечивать раны.

Как мы помним, Мальта территориально намного уступала Родосу, на острове круглый год ощущался недостаток продовольствия, что требовало еще более инициативной и энергичной экономической политики. Госпитальеры и здесь приложили усилия для развития сельского хозяйства, применив свои познания и опыт, полученный на Родосе. Малопродуктивные земли были отданы местным крестьянам, пожелавшим их обрабатывать, на участках почвы на скалистых террасах были возделаны поля, были посажены деревья, основаны большие сельские поселения, проведен отличный водопровод к городу Валлетте, и, кроме всего прочего, обеспечены регулярные поставки сицилийского зерна. В сельской местности и деревнях возникла стабильная прослойка среднего класса, включающая крестьян, арендующих или возделывающих собственные участки земли, и проживающих в каменных жилых домах. Верфь, порты, галеры и корсо служили источником работы по найму, к XVIII столетию некоторые выходцы из среднего класса на Мальте достигли необычайно высокого уровня благосостояния¹.

Инвестиции Ордена госпитальеров сыграли далеко не последнюю роль при создании условий для такого накопления. Масштабы возделывания хлопка были увеличены, что способствовало стабильному уровню доходов выращивающих его крестьян, а также разнородной группы населения, состоящей из прядильщиков, сборщиков акцизов и экспортеров. Хотя значительная часть постоянных доходов ордена расходовалась в Сицилии и других местах вне Мальты,

Оказавшись на Мальте, госпитальеры снова приступили к освоению и обустройству достаточно изолированного острова. Мальта, по сравнению с Родосом, была гораздо меньше по размеру и равниннее, располагаясь гораздо дальше в море от континентального побережья. Здесь почти не было леса; расстояние до примыкающего к Мальте острова Гоццо было намного меньше по сравнению с расстоянием между Родосом и Косом или Леросом. Столица, имеющая фортификационные сооружения, находилась в глубине, на отдалении от морских берегов. Остров слишком зависел от импорта продовольствия и, в то же время, не являлся часто посещаемым портом, располагаясь в стороне от основных морских путей.

¹ *Blouet B. The Story of Malta. 2nd. London, 1972. P. 86–158.*

Появление госпитальеров на Мальте дало ей новое стратегическое положение. Преимуществ Мальты перед Родосом было мало, но одно было весьма важным — наличие прекрасной гавани. Кроме того, здесь проживало немало местного населения, которое исчислялось ко времени появления на острове ордена 20 тысячами человек. Существовала уже достаточно ценная отрасль производства — возделывание хлопка. На Мальте культивировался еще и тмин, ставший источником экспорта.

В конечном итоге госпитальерам удалось достичь процветания острова, о чем ясно свидетельствовал демографический прирост, выражавшийся в увеличении населения Мальты к концу XVIII века примерно до 90 тыс. человек.

На Мальте до 1530 г. существовали отдельные примеры самоорганизации, например, совместные действия мужчин сельских поселений в 1436 г., выступивших как орган местного самоуправления¹. После 1530 г. имело место вмешательство госпитальеров, особенно в сбор налогов и военную службу местного населения, что нашло отражение в назначении должностных лиц из числа местных жителей в больших деревнях. Однако, по мнению Энтони Лутрелла, вероятно, воздействие госпитальеров на местные сельские обычаи было незначительным.

Очевидно, что к исчезновению, примерно к началу XVIII в. таких мелких поселений как, например, Гал Милиери привели общие тенденции экономического развития, но, одновременно, такие поселения, будучи, как правило, управляемы местными представителями правящего класса или священниками, испытывали незначительное прямое вмешательство со стороны госпитальеров, изредка в их делах принимал участие и архиепископ².

В то же время в мальтийских деревнях, где главой селения, мог быть и священник, существовали собрания влиятельных греков, на которых решались местные дела или выносились резолюции протеста, направляемые правительству. На примыкающих к Мальте островах госпитальеры проявляли уважение к местным старшинам и представителям населения, обсуждая с ними вопросы управления их сообществами. Они признавали местные обычаи и старинные привилегии и используя снижение налогов для того, чтобы местные жители располагали финансами, позволяющими оплатить фортификацию. Орден избегал открытой конфронтации с жителями острова, и проявлял гибкость, оказывая давление на собст-

¹ См.: *Luttrell A. T. A Maltese Casale, 1436.// Melita Historica. Vol. VI, № 3. 1974. P. 148.*

² См.: *Luttrell A. T. Malta and Rhodes: Hospitallers and Islanders... P. 275.*

венных военных командиров и чиновников, склонных к притеснению населения¹.

Конституция Ордена и процедуры управления островами претерпевали постоянные изменения, однако волнения 1522 г., вплоть до 1530 г., не привели к какой-либо кардинальной перемене. На Мальте и Гоццо официальное положение госпитальеров было несколько иным, по сравнению с Родосом, поскольку здесь не происходило завоевание или папское дарение. Орден управлял островами, а до 1551 г. и городом Триполи, на правах лена, полученного от Сицилийского короля, который резервировал за собой определенные полномочия, особенно при назначении архиепископов. Магистр также приносил клятву сохранять права мальтийцев и их общественного Совет.

Связи с Сицилией были жизненно необходимы для обеспечения необходимого запаса продовольствия, и именно они спасли Мальту от турецкого завоевания в 1565 г. Обязательства Магистра по отношению к жителям острова нарушались введением новых налогов, законов и судов, и даже самим учреждением нового общественного Совета. На Мальте Магистры Ордена существенно расширили свои полномочия и увеличили притязания, претендуя на независимый и даже «суверенный» статус правителей острова и соответствующие атрибуты власти². Более того, Магистр и Совет, на который Магистр мог оказывать воздействие путем контроля над его членством, образовали особый олигархический слой, доминирующий в Ордене; между 1631 и 1776 гг. не было созвано ни одного Генерального Собрания.

Ни Родос, ни Мальта не были в точном смысле слова колониями. Родос не подвергался эксплуатации с целью извлечения прибыли для какой-нибудь иностранной державы, а также не управлялся как иностранная территория от лица удаленной метрополии. Он представлял собой аванпост европейского влияния, однако правительство и военное управление базировались на самом острове, здесь же обычно проходили Генеральные Собрания ордена госпитальеров. На языке госпитальеров понятие «*заграничный*» относилось к Западу. В то время как во многих отношениях «колониями» Родоса можно было считать европейские Приорства, чьи ресурсы активно использовались для поддержания метрополии, на Родосе, а затем на Мальте. Немаловажным был и тот факт, что вне главного города Родоса только небольшая группа иностранных поселенцев могла рассматриваться как получающая доходы от труда подневольного крестьянства. Остров контролировался иностранными правителями, и члены ордена имели здесь поместья, но они не образовывали землевладельческий класс,

¹ *Luttrell A. T. Malta and Rhodes: Hospitallers and Islanders... P. 275.*

² Формы суверенности Ордена после 1798 г. — это уже другой вопрос.

не имея детей, которым можно было бы передать наследство, и, соответственно, не имея долгосрочных интересов, связанных с наследственными земельными владениями. Последние обычно переходили обратно к Ордену после смерти хозяина. Отсутствие династического иностранного землевладельческого сословия продолжалось достаточно долго, что сдерживало недовольство греков¹.

Ситуация на Мальте не имела кардинальных отличий. В течение не одного столетия мальтийцы получали немалую выгоду от экстраординарной военной организации, обеспечивающей оборону и материальное благополучие. Лишь немногие выражали протест или пытались использовать ограничения в юрисдикции госпитальеров, обращаясь к Сицилийскому королю как феодальному владельцу Мальты или к папе, как обладателю высшей духовной власти².

Мальтийцам было давно обещано не отчуждать острова Мальту, Гоццо и Камино от Сицилийских владений; в 1451 г., когда король предложил передать Мальту валенсийскому военному ордену Монтеза, островитяне успешно противостояли, угрожая вооруженным сопротивлением. Но, как бы ни был сравнительно высок уровень их материального благосостояния и как бы ни были милостивы к ним их «деспоты», в XVII и XVIII столетиях мальтийцы жили в условиях векового режима, утвердившегося в большинстве мест западной Европы, подразумевавшего существование территорий, население которых подвергалось жесткому иностранному угнетению. Однако это был не колониализм в современном понятии этого слова³.

Вступив на Мальту, госпитальеры немедленно признали существующие наследственные права на ряд мальтийских ленов, однако попытались уменьшить влияние аристократии и выкупить или каким-либо другим образом установить контроль над феодальными землями; новые земельные пожалования делались крайне редко. Некоторые из жителей, включая представителей земельной аристократии, фактически покинули остров. Убавление политического веса аристократии более естественно объяснялось приходом нового правительства, чем оппозицией аристократического ордена и местной знати. Кроме нескольких случаев, мальтийским аристократам отказывали в приеме в Орден, за исключением, после XVI века, должности капеллана Конвента⁴. Как и на Родосе, Орден предотвращал

¹ *Luttrell A. T. Malta and Rhodes: Hospitallers and Islanders... P. 275.*

² *Ibid.*

³ *Ibid. P. 278–279.*

⁴ *Montalto J. The Nobles of Malta 1530–1800. Malta, 1979. P. 26–34, 61–69, 87–95, 261–264 и др.*

развитие каких-либо связей, при помощи которых наследственная земельная аристократия могла бы завоевать политическое влияние внутри Ордена, используя собратьев среди госпитальеров.

Без сомнения, в числе мальтийцев были люди, относящиеся без особого сожаления к обузданию деспотичной знати, и Орден мог снискать общественную поддержку различными способами.

Но при порой многолетней спокойной жизни, госпитальерам приходилось быть в постоянной готовности.

В XV веке Мальта располагала небольшим гарнизоном в Биргу численностью примерно в 50 человек. В 1492 г. на острове базировались шесть корсарских кораблей, мальтийские пираты действовали из Триполи в Эгейском море в 1525 и 1526 гг.

После вступления на Мальту в 1530 г., госпитальеры укомплектовывали свои суда рабами, заключенными, а также наемными мальтийскими моряками и, нередко, в числе других, иностранцами, применяя систему, которая предоставляла возможность пойти на морскую службу, чтобы расплатиться с долгами.

В 1620 г. в магистерском дворце в Валлетте были написаны несколько фресок, посвященных прошлой истории Ордена на Сирии и Родосе, имя художника, выполнившего их, до сих пор не установлено. На фресках были изображены потеря Акры в 1291 г., осада Родоса в 1480 г. и портрет младшего сына султана Сулеймана Великолепного принца Джема, который был известен как большой любитель искусства и даже прославился как поэт¹. На фресках были изображены различные батальные сцены, оставление госпитальерами в 1523 г. Родоса. В XVII и XVIII вв. среди рыцарей Ордена оказалось несколько художников, среди которых особенно прославились Маттиа Прети (Fra Mattia Preti), Антуан де Феврей (Fra Antoine de Favray), которые в своем творчестве продолжили традицию изображать сцены из прошлой, дородосской истории Ордена госпитальеров.

За период с 1310 по 1798 гг. Орден не претерпел каких-либо глубоких изменений внутренних порядков. Время от времени дополнялся новыми Статутами свод законов Ордена, который изредка рекодифицировался, как, например, в 1493 г., но в целом организация Ордена никогда не подвергалась фундаментальному пересмотру. В XVIII веке жалобы были в основном те же, что и в XIV: роскошный образ жизни, любовное сожительство, неуплата респонсий, неповиновение, непроживание по месту назначения, и так далее². Существенными чертами эволюции Ордена были

¹ *Кинросс лорд*. Расцвет и упадок Османской империи. М.: «Крон-Пресс», 1999. С. 177.

² *Lutterell A. T.* The Hospitallers in Cyprus, Rhodes, Greece and West (1291–1440). London, 1978. P. 12–14, 17–18.

все более замкнутый и аристократический военный состав госпитальеров, растущее доминирование рыцарства, увеличивающиеся требования доказательств знатности. К XVIII столетию скандалы в приоратах, вызванные королевским вмешательством, например, в форме назначения низших канцелярских чиновников, непотизм, совместительство и геронтократический эффект системы замещения руководящих должностей имели явную тенденцию к усилению.

Военная ситуация на Мальте имела существенные отличия от положения на Родосе, где главной целью госпитальеров было сдерживать натиск со стороны моря, идущий от эмиратов Анатолийского побережья и позднее, примерно начиная с 1370 г., противостоять Оттоманским военным силам. Между 1310 и 1440 гг. Родос не подвергался тяжелым нападениям; после атак на остров в 1440 и 1444 гг. и даже после падения Константинополя в 1453 г. госпитальеры все больше занимали оборонительную позицию. Как и Крит и Кипр, Родос был европейским военным аванпостом, и госпитальеры, опираясь на свои ограниченные ресурсы, эффективно осуществляли оборону острова вплоть до 1523 г. Высокая стоимость и маневренность галерного флота означали, что возможности его участия в наступательных операциях, выдающимися примерами которых служили операции в Александрии (1365), Никополисе (1396), Модоне (1523) и Лепанто (1571), были достаточно ограничены. По сравнению с Родосом, Мальта находилась ближе к Западной Европе, была меньше по размеру и компактнее по конфигурации, что облегчало военный контроль над островом. Родос, занимающий географическое положение непосредственно вблизи континентального побережья, к 1522 г. оказался фактически окружен турками. В то же время Мальта, несмотря на то, что первоначально она была связана и с Триполи, обладала значительной обороноспособностью, являясь дополнительным оборонительным анклавом Сицилии.

Выполнение военных задач Ордена на Родосе и Мальте в 1310–1798 гг. находилось в прямой зависимости от расположения к ним местных жителей. Госпитальеры привлекли на оба острова значительные материальные ресурсы, которыми они обладали; их управление отличалось сравнительной мягкостью. В отличие от других островов в Эгейском море, на которые распространялось латинское влияние, например, венецианского Крита, где неоднократно вспыхивали восстания, обстановка на Родосе во время правления госпитальеров оставалась относительно спокойной, хотя на более мелких островах имели место волнения греческого населения (как, например, на Леросе, где в 1319 г. греками был перебит госпитальерский гарнизон, или на Нисиросе, где в 1347 г.

произошел мятеж жителей против гнета клана европейских землевладельцев Ассанти из Искии)¹.

По всей вероятности, были и другие случаи недовольства, например, массовые волнения на самом Родосе в 1477 г.² Но все же население не испытывало недостатка в продовольствии и находилось под военной защитой, его торговая деятельность поощрялась, его религиозные предпочтения воспринимались с уважением. Позитивное отношение родосских греков к своему положению наглядно проявилось во время осады острова в 1480 г. и затем в 1522 г., их помощь носила мужественный и добровольный характер³.

Мальтийцы, несмотря на сохранение некоторого недоверия в отношении к госпитальерам, также оказывали поддержку в борьбе с турками, и без колебаний приняли участие в обороне Биргу и Мдины в 1565 г. Настроения недовольства Орденом возросли позднее, особенно в XVIII веке. Нежелание жителей Мальты принимать участие в сопротивлении было одной из причин неудач госпитальеров в противостоянии с Наполеоном в 1798 г.

Как и родосцы, мальтийцы проявляли при отражении турецкого натиска мужество и верность. Жители Мальты уже находились в условиях иностранного господства до 1530 г.; политика госпитальеров, включающая уменьшение полномочий городского самоуправления, новые трудовые повинности и налоги, не отчуждала их от Ордена полностью. В 1561 г. Жозе Каллус был повешен после подачи жалоб на Орден испанскому королю. Но примерно в 1633 г. Филиппо Борг из Биркиркары был рад тому, что прибытие госпитальеров поставило на место представителей знати. Фра Жан Франческо Абеда и другие ученые с тщательностью фиксировали обычаи, традиции и историю местных жителей, нередко одобряя достоинства их языка и патриотизм, и создавая тем самым элемент прото-национализма, основанного на растущем осознании собственных культурных и языковых отличий. Однако главную приверженность мальтийцев все еще составляли их религиозные представления и христианская вера, разделяемая с теми, кто принес им безопасность и относительное материальное благополучие. Жизнь крестьян была скудной почти во всех регионах Средиземноморья. Развитие экономического потенциала Островов было в собственных интересах ордена, им обеспечивался достаточно высокий уровень системы правосудия, образования, медицины и других услуг, связанных с качеством жизни населения. Этот

¹ *Luttrell A. The Hospitallers in Cyprus... P. 288–289.*

² *Luttrell A. T. Malta and Rhodes: Hospitallers and Islanders... P. 279.*

³ *Ibid.*

патерналистский подход не мог полностью нейтрализовать недовольство наиболее образованных представителей общества, занятых оплачиваемым профессиональным трудом. Время от времени происходили беспорядки, публичное выражение протеста против ущемляющих жителей налогов, а в 1775 г. — даже мятеж среди священнослужителей. Но все это не перерастало в массовые восстания¹.

Отношение мальтийского населения к Ордену в XVIII веке было очень похоже на то, о чем сказали пожилые родосцы греческому историку Никифору Григоре примерно в 1351 г.: хотя они оплакивают утраченную независимость (которая, как им казалось, у них была до 1306 г.), но они находятся под надежной военной защитой, имеют эффективный порядок управления, получают большие выгоды от пользования прекрасной гаванью и располагают импортом большого количества продовольствия, что убергает от материальных трудностей. Григора отмечал, что и богатые, и бедные жили на острове в достатке².

¹ *Luttrell A. T. Eighteenth-Century Malta: Prosperity and Problems // Hyphen [Malta], III, 2. 1982. P. 47–51.*

² Цит.: *Luttrell A. T. Malta and Rhodes: Hospitallers and Islanders... P. 284.*

Заключение

Все мы настолько привыкли к словосочетанию «Мальтийский Орден» применительно лишь к нынешнему католическому Суверенному Мальтийскому Ордену, что думаем, что так было всегда. Мы уже писали, что в начале своего существования эта структура называлась Орденом госпитальеров или иоаннитов, затем к ней прибавлялись географические названия территорий, которыми владел Орден: Орденом Кипра, родоскими рыцарями или Орденом Родоса. Мальтийским же он пробыл несколько больше 200 лет. Даже после бесславной сдачи Мальты в 1798 г., не имея территории, он старался сохранить именно это свое последнее наименование, хотя до сих пор сохраняются и два прежних.

В публичной политике партий, групп и объединений, даже отдельных лиц, достигших или добывающихся легитимной и формализованной институциональной власти, в «теневой» параполитике тайных обществ и орденских структур — везде и всегда «миф о себе» и «миф о других» оказываются одним из важнейших и эффективнейших слагаемых политического действия. Мифы, трансформирующие реальность, реальность, контролируемая мифами, заговоры, опирающиеся на мифы, и мифы о заговорах как средства дискредитации властных или оппозиционных оппонентов — таковы в действительности существеннейшие механизмы практической мировой политики. Характерным образцом в этой политической борьбе является Орден госпитальеров, с 1834 г. имеющий штаб-квартиру в Риме, в доме на улице Кондотти, который принадлежал когда-то послу Ордена при папском дворе, небезызвестному графу Калиостро.

Историю Ордена госпитальеров-иоаннитов никак нельзя рассматривать саму по себе. Орден был пусть небольшой по численности, но весьма значимой структурой западного мира вначале на Востоке, затем в Средиземноморье и Европе. Его существование было неразрывно связано со всей цивилизацией средневекового европейско-азиатского региона, с правителями Европы, с историей христианской Церкви. В то же время,

по справедливому мнению известного австрийского историка Хервига Эбнера, первоначально организация госпитальеров-иоаннитов была основана не в качестве рыцарского Ордена — и этим отличается от других аналогичных военно-духовных орденов. Госпитальеры были не Орденом с точки зрения церковного, или канонического, права, и являлись изначально не сословным дворянско-рыцарским учреждением, а благотворительным обществом, открытым для представителей всех социальных слоев. Лишь в ходе длительного процесса развития это сообщество трансформировалось в учреждение, выполняющее как благотворительные, так и военные задачи, причем последние лишь постепенно, преодолевая внутреннее сопротивление, вышли на первый план. Начиная с 30–40-х годов XII в., военно-рыцарский элемент стал получать перевес над братьями-госпитальерами «буржуазного» происхождения. Милитаризация Ордена, происходившая прежде всего в Средиземноморье, подтверждается конкретными историческими фактами¹.

Говоря о средневековой истории Ордена госпитальеров-иоаннитов, мы не могли пройти мимо его противников. Кроме мусульман, к их числу относились и различные структуры и силы христианского мира, по разным причинам враждебные Ордену. Нельзя не упомянуть распри между иерусалимским госпиталем Св. Иоанна и патриархом Иерусалимским. Хотя Орден госпитальеров с 1154 г. пользовался экзекуцией и был почти полностью выделен из местной епархиальной организации, в реальной жизни ему приходилось мириться с разного рода ограничением многих дарованных ему теоретически прав. Папским судьям, в качестве арбитров, нередко приходилось улаживать, споры между епархиальными епископами и Орденом, как это было, например, в Сицилийском королевстве. Существовали также противоречия между госпитальерами и тамплиерами, оспаривавшими друг у друга власть и земельные владения. Эти противоречия нередко выливались в кровавые вооруженные конфликты и уличные схватки (как это случилось в Акконе в 1256 г.). Одна из важнейших причин этих противоречий заключалась в различие представлений этих орденов касательно отношений с соседними мусульманскими государствами, на которые оказывали немалое влияние и европейские державы. Эти отношения доходили иной раз до абсурда. В то время, как госпитальеры, по материальным соображениям, выступали за союз с Египтом, тамплиеры предпочитали союз с Дамаском. Около 1240 г. сторонником иоаннитско-египетского альянса стал римско-германский

¹ *Ebner Herwig. Von der Gründung des Johanniterordens bis zum Ende des Ordensstaates auf Rhodos 1522 // Der Souveräne Malteser-Ritter-Orden in Österreich. Graz, 1999. S. 47–48.*

Император Фридрих II. В то же время настроенная против Императора, местная баронская олигархия нашла себе поддержку в лице тамплиеров. Антагонизм между Императором и папой также сыграл немаловажную роль на политику обоих рыцарских Орденов в области заключения союзов в Святой Земле.

Все более существенную роль играло и политическое влияние «латинян»-итальянцев. Гвельфская партия местных баронов, представленная итальянцами, сотрудничала с правителями Антиохии. Она нашла поддержку также у морских городов-республик Венеции и Пизы, и у Ордена тамплиеров. Ударной силой гибеллинской партии, возглавлявшейся Генуей, являлись мелкие итальянские и каталанские общины, а также местные братства и госпитальеры. Эти партии стремились, прежде всего, к утверждению или сохранению интересов различных итальянских торговых городов-республик. В борьбу между ними оказались втянутыми тамплиеры и госпитальеры; однако, они постоянно стремились стать посредниками и гармонизировать противоположные интересы. Королевство Иерусалимское, от которого в XIII в. осталось не больше одной пятой его первоначальной территории, которой оно владело в начале XII в., почти не в состоянии было вмешиваться в эти конфликты с целью восстановления закона и порядка. Тем временем христианская знать, утратив большую часть своих земельных владений в Палестине, лишилась и большей части своих доходов. Свои уцелевшие владения она предпочитала продавать рыцарским Орденам. Вследствие этого ситуация с земельной собственностью в Палестине изменилась в пользу рыцарских орденов. С тех пор крестоносной аристократии угрожало полное финансовое банкротство.

Конфликтовали госпитальеры также и с Немецким (Тевтонским) Орденом — например, из-за права на владение Иерусалимским госпиталем, а также из-за того, что в Германии Тевтонскому Ордену, начиная с XIII в., отдавалось заметное предпочтение по сравнению с Орденом госпитальеров, носившим преимущественно романский (в первую очередь — французский) характер. Это соперничество проявлялось и в ходе колонизации немцами Востока, и нередко госпитальерам приходилось уступать свои позиции в области заботы о бедных и ухода за больными Тевтонскому Ордену. Право на назначение священников служило поводом для споров между епископами и городскими коммунарами, зачастую отдававшими предпочтение нищенствующим орденам. Политические и военные причины давали повод к сильной напряженности между Орденом госпитальеров и светскими властителями, в особенности на Пиренейском полуострове, в Юго-Восточной Европе и Англии, а с XV в. — и в отношениях с Императорской властью. В Англии, куда госпитальеры были призваны еще в 1110 г.,

после чего они расселились, главным образом, в Южной и Центральной Англии, Орден, к 1300 г. имевший там 36 комменд (командорств), никогда не достигал большого значения. Слишком сильна была его зависимость от королевской власти, госпитальерам приходилось приносить королю вассальную клятву. Комменды, получавшие основную часть своих доходов от овцеводства, обязаны были выплачивать пенсии придворным чиновникам. Во многих коммендах проживали жертвователи, которых Орден был обязан содержать пожизненно. В 1338 г. в Великом приорате Англии проживало 34 рыцаря, 57 служащих братьев и 59 братьев-священников, заботам которых, при поддержке 126 неорденских клириков, были поручены 118 церквей, часовен и братств. Орден госпитальеров разделился и в Германии. Бальяж Бранденбургский, отделившийся в 1382 г. от Великого Приорства Германского, еще в 1312 г. получил многочисленные отнятые у тамплиеров комменды, но тогда же попал в сильную зависимость от светских государей — маркграфов Бранденбургских. Глава бранденбургских иоаннитов — «герренмейстер» был с тех пор обязан приносить вассальную присягу маркграфу.

Экономические, торгово-политические и в особенности территориальные споры, привели в XIV в. Орденское государство на Родосе к конфликту с итальянскими морскими городами, в первую очередь с Венецианской республикой. Из-за многочисленных антагонизмов госпитальерам нередко приходилось просить о защите у Императоров, королей и пап, а это лишний раз принижало значимость суверенной власти Великого Магистра

Зачастую активность Ордена оказывалась парализованной и вследствие внутренних конфликтов. Например, во второй половине XII в., когда вследствие политики чрезмерной экспансии при правившем автократически, не советуясь с Капитулом, Великом Магистре Гильберт (Жильбер) де Ассальи, Орден влез в большие долги. Причины этого тяжелого положения усматривались поддерживаемой папством консервативной группой в милитаризации, приобретении все большего числа замков и неудачном походе в Египет. Вследствие этого в Ордене, вероятно, произошел раскол и появление второго главы Ордена. До наших дней дошла печать антимагистра. Папа Александр III, в 1180 г. призывавший госпитальеров не носить оружия, кроме как во время крестового похода, в конце концов подтвердил отставку Гильберта. С тех пор Великий Магистр в важных вопросах (например, покупки замков) был обязан прислушиваться к мнению Капитула.

Несколько замечаний необходимо сделать на тему «женщины в Ордене госпитальеров». В госпитальерское братство в Иерусалиме с самого начала, во всяком случае, не позднее 1113 г., входили как мужчины, так

и женщины, которые совместно с духовенством и мирянами воплощали в жизнь идеи церковной реформы. Женщины, в качестве сестер, ухаживали за больными женщинами и женщинами-паломницами. Первоначально эти женщины оставались мирянками. Лишь после 1180 г. и по правилам августинцев стало допускаться существование монастырских общин монахинь-иоанниток, осуществлявших уход за больными и бедными. В 1216–1219 гг. в Акконе засвидетельствовано существование женского Дома Ордена (посвященного Святой Марии Магдалине), однако не известно, занимались ли проживавшие в нем сестры госпитальерской деятельностью. Старейшим женским конвентом в Европе был конвент, основанный в 1170 г. в Бакленде (Англия). В нем проживало около 50 монахинь. В коммунде госпитальеров Абрен (Тулуза) в 1271 г. проживало 3 служащих брата и 3 сестры. Особенно многочисленными были женские монастыри Ордена госпитальеров в XIV в. в Испании (в особенности в Арагоне), Португалии, Италии (в особенности во Флоренции, Ризе и Вероне), в Нидерландах (например, коммунда Керкенферве с 12 монахинями), в Швейцарии и в Праге. В Великом Приорстве Германском, например, в графстве Ольденбургском, существовало два женских конвента, в одном из которых имелось восемь, а в другом — шесть монахинь. Сестры-иоаннитки нередко происходили из более знатных и благородных родов, чем братья, но им реже поручали госпитальерскую деятельность. В орденских домах также работали женщины, трудившиеся совместно с служащими братьями, мужчинами-донатами и крестьянами-мусульманами. Среди 12 святых Ордена три женщины¹.

Большие земельные владения Ордена госпитальеров в Святой Земле, где он одно время владел 431 населенным пунктом, на островах Восточного Средиземноморья и в Европе, являлись базой и стовым хребтом могущества Ордена, поэтому основные усилия были направлены на защиту этих владений. Не зирая на все обещания привилегий и защиты, этим владениям, однако, нередко угрожала опасность. Поэтому со временем появилась необходимость в собственных юристах, обучение которых, с разрешения папы Иннокентия IV, было налажено в Парижском университете. Эти правоведы должны были защищать законные интересы Ордена госпитальеров не только перед папской курией, где, начиная с XIV в., имелось дипломатическое представительство Ордена, но и при дворах других правителей. Это же было необходимо делать и в судебных палатах владык многих территорий.

¹ См.: *Dimech J. The Saints and Blessed of the Sovereign Military Order of Malta.* P. 18–23; 36–38.

Госпиталь в Иерусалиме вскоре после 1099 г., еще будучи нераздельным с Храмом Святого Гроба Господня, стал принимать земельные участки в дар от паломников или благочестивых братств. Большинство благородных жертвователей XII и XIII в. составляли участники Крестовых походов или же пилигримы, пользовавшиеся гостеприимством Иерусалимского госпиталя. Земельные дарения, расположенные в Европе, подчинялись Великому Магистру госпитальеров, пребывавшему в Иерусалиме; на первых порах они были свободны от подчинения каким-либо феодалам. Эти владения располагались, главным образом, в нормандских областях Северной Франции, в Провансе, в Англии и на Пиренейском полуострове. Они были в Германии (в особенности в Западной и Южной Германии, а также в Фрисландии). Имена Ордена находились в Австрии и Скандинавии (Дании и Южной Швеции), в Италии и на о. Сицилии, равно как и в Венгрии и Седмиградье (Трансильвании). Вот лишь несколько примеров того, как проходил процесс приобретения земельных владений. В 1131 г. король Альфонс I Арагонский завещал свои королевские владения «госпиталю бедняков, что в Иерусалиме», Святому Гробу и тамплиерам. В 1312 г. арагонское королевство было совсем не обрадовано планами объединения владений госпитальеров и тамплиеров, поскольку это означало дальнейшее ослабление королевской власти над, и без того привилегированными госпитальерами. Королевская жалоба, поданная в Римскую курию, оказалась успешной.

В булле от 16 мая 1312 г. владения тамплиеров в Испании были исключены из числа их владений, подлежавших передаче госпитальерам. В королевстве Валенсия они были вынуждены отказаться от всех владений в пользу одного из испанских рыцарских Орденов. Сходная ситуация сложилась в начале XIII в. и в Кастилии. Постепенно Орден госпитальеров утратил в эпоху Средневековья не только свои владения, отошедшие, главным образом, к местным рыцарским орденам, но и свои военные функции. Во Франции, начиная с 1230–1240 гг., также стало уменьшаться число земельных дарений госпитальерам. Лишь вступление госпитальеров во владение отчужденными землями тамплиеров в 1317 г., за которые французский король получил от госпитальеров немалую сумму денег, позволило вновь начать увеличивать орденские владения. Король Венгерский Бела III перед началом своего паломничества в Святую Землю распорядился купить землю, которую Орден госпитальеров должен был получить после возвращения короля из Святой земли в Венгрию. Король Венгерский Андраш (Андрей) II также, еще до своего венчания на царство, даровал Ордену земли на трансильванской границе в обмен на обязательство охранять ее от куманов (половцев), и дозволил ему поселить крестьян в Северинском банате. Позднее он призвал госпитальеров в свои

земли близ Штульвайсенбурга и Офена. Король Бела IV в 1247 г. поручил госпитальерам оборонять южную границу Венгрии от татаро-монголов.

Но не всегда владения приобретались благодаря щедрости добродетельных дарителей. Часто Орден покупал земли в Святой Земле и в Европе, основывая на них новые комменды. В эпоху своего расцвета орден госпитальеров владел примерно 600 коммендами. Увеличение числа земельных владений часто требовало изменения административной структуры. Так, около 1157 г. Испания была отделена в административном отношении от Сент-Жилля (Прованса), ставшего в 1113 г. первым центром Ордена госпитальеров в Западной Европе; отсюда осуществлялось управление первоначально быстро увеличивавшимися земельными владениями во Франции, Испании, Нижней Лотарингии и Англии. Около 1178 г. было учреждено (Великое) Приорство Французское с центром в Париже. В период 1315–1330 гг. произошло объединение орденских владений в территориально ограниченные административные единицы.

Нам известно все еще очень мало о личном и имущественном положении крестьянского населения на орденских землях в эпоху Средневековья. Но в нем имелись четкие территориальные различия. В благоприятном положении находились поселенные в качестве военных колонистов в орденских поселениях Южной Палестины и в осваиваемых путем сведения лесов и распашки территориях Южной Франции. Когда Орден госпитальеров получил в начале XIII в. дозволение поселять колонистов в своих моравских владениях, он гарантировал новым поселенцам различные свободы и выгодные условия владения имуществом. Поселенные в 1230–1240-х гг. в Новой Кастилии 1500 колонистов получили обещание, что на протяжении трех лет с них не будут взиматься подати. Тем поселенцам, которым Орден поручил колонизацию области Сьерра де лос Ма-негрос, земля была передана в полное наследственное владение. Существует множество подтверждений того, что Орден долгое время предпочитал пользоваться услугами собственных людей.

Если посмотреть ретроспективно, на своем начальном этапе Орден госпитальеров прошел общий, характерный для всех духовно-рыцарских орденов, путь, который был тесно переплетен с общеисторическими процессами. Распространение христианства в Европе, установление его в качестве государственной религии практически во всех европейских государствах стало основой, на которой создавалась идеология средневекового общества. Однако главе Западной Церкви — Папе — в это время было не до дел, которые творились на Святой Земле. Вот почему данная работа построена на сопоставлении и исследовании общеевропейской политической ситуации, когда в Европе стали образовываться крупные феодальные государственные объединения, в чем папы играли далеко

не последнюю роль. Так или иначе, эти события оказывали влияние на духовно-рыцарские ордены, возникшие в далекой Палестине.

* * *

В IX–X вв. в Европе рушится государство, созданное Каролингами. На европейском континенте Италия представляла собой самую раздробленную в политическом отношении страну, и эта раздробленность на протяжении тысячелетия служила фоном, на котором действовал глава Западной Церкви. Народ относился к последним представителям династии Каролингов с нескрываемым пренебрежением и повернулся в сторону герцогов, которые фактически ограждали его от набегов врагов и варваров, которые проходили непрерывной чередой. В IX в. папский престол стал конечной целью всех честолюбивых интриганов. Постоянная смена пап, некоторые из которых не правили и года, убийства, отравления, разврат... вот что происходило на папском престоле.

К началу первого тысячелетия существования христианства утихло так называемое великое переселение народов. Осевшие племена сформировали самостоятельные государства: Францию, Германию, Италию, Византию, государства скандинавских и западных славян, Киевскую Русь. Им противостоял Арабский халифат, который тоже насчитывал несколько отдельных государств — халифаты — Багдадский, Кордовский и Египетский.

Тем временем к началу X в. мусульмане уже завоевали большую часть Малой Азии, дотоле принадлежавшую крупнейшей державе восточного христианства — Восточно-Римской империи, и попытались, используя свое военное превосходство на море, покорить также средиземноморские христианские страны Запада. Эта череда мусульманских завоеваний в VII, VIII и особенно XI вв. поставила христианскую церковь на грань катастрофы, лишив ее больше половины земель, причем наиболее процветающих, богатых и культурных. А вот римскому первосвященнику было не до этих забот, он продолжал вести борьбу с королевством тевтонов (т.е. немцев), не отвлекаясь на дела далекой Палестины. Однако пресечение рода Каролингов в Германии и Франции привело к власти новую династию, основателем которой стал вождь саксов Генрих. В результате шестилетней борьбы он создал Германию и стал основателем Саксонской династии.

Как считает венгерский историк церкви Ё. Гергей, из анархии X века папству помогла выйти именно возвышающаяся германо-римская имперская власть. Во второй половине X в. германскому королю Оттону I Великому (936–973) удалось, опираясь на зависимых от него представителей высшего духовенства, преодолеть феодальную анархию, инспирируемую

герцогами, и укрепить центральную государственную власть. Высшее духовенство оказывало ему помощь потому, что получало от короля крупные вассальные владения и взамен вассальной клятвы ожидало от государства защиты своих владений от посягательств светских властителей. Но германского короля избирали герцоги, и его титул не был наследственным. Для того чтобы укрепить свою власть, королю необходимо было стать императором, а путь к этому шел через церковь, Рим и Италию¹.

Германский король мог бы и впредь властвовать над феодальной анархией и подпавшим под его влияние высшим духовенством лишь в том случае, если и глава Церкви, Папа, окажется под его влиянием. Однако для этого было необходимо ввести в рамки местную итальянскую феодальную аристократию, которая по своей структуре поддерживала только анархию. Этим устремлениям короля пошел навстречу и сам папа, чтобы от далекого императора получить защиту против местных феодалов. В середине X в. папа находился в таком же стесненном положении, как и во время вторжения франков. Существовала угроза нападения со стороны итальянского короля Беренгара II. В борьбе против него папа Иоанн XII обратился за вооруженной помощью к германскому королю Оттону I. Оттон после быстрого завоевания Северной Италии в 962 г. вступил в Рим, где в благодарность был коронован папой в качестве римского императора. Оттонова грамота о привилегиях для римской церкви (*Ottonianum*), основываясь на Каролинговой дарственной грамоте, регулировала отношения между папой и ожившей империей.

Вначале в грамоте перечисляются те территории, которые являются частями Папского государства или же на которые распространяется папская юрисдикция (Римское герцогство, Равеннский экзархат, Романья и Пентаполь). Дарственная грамота признавала Сицилию и Южную Италию вассалами папы. Император гарантировал папе поступление налогов из герцогств Тоскана и Сполето, но сохранил за собой верховную власть над ними. (В пакте папа выдвинул претензии на Венецию, Истрию, а также на Корсику.) Оттон в соответствии с грамотой Лотаря (*Lotharianum*) от 824 г. обеспечил за собой преимущественные права над Римом и Папским государством. Избранного папу не могли интронизировать до тех пор, пока император не утвердит результаты выборов, а сам папа не принесет присягу на верность императору. Были возобновлены также имперские торжественные ритуалы.

Оттон на время освободил папу от влияния аристократии, но одновременно вынудил его подчиниться своей власти. Совершился почти такой же процесс, как и при Карле Великом. Вопреки своему обещанию Оттон

¹ Гергей Е. История папства... С. 83–85.

так и не вернул папе отнятые у того в ходе борьбы противоборствующих партий в начале X в., а теперь отвоеванные императором области Романья и Пентаполия. Этими территориями папам удалось вновь овладеть лишь в XI в.

Идея политического универсализма в ограниченных рамках вновь появилась и обрела смысл с 962 г. в германо-римской империи, которую лишь намного позднее назвали «Священной Римской империей германской нации» (Heiliges Römisches Reich Deutscher Nation). Вновь созданная империя не предпринимала попыток подчинить своей реальной власти существовавший в то время христианский мир. Титул императора, обусловивший его первенство среди христианских правителей, означал и его политическое господство над Италией, и, прежде всего, на нем лежала обязанность защиты Римской Церкви¹. Уже с середины XI в. во главе церкви последовательно стояли немецкие папы, пользовавшиеся доверием императора, проводившие умеренную реформу церкви. Император уменьшил влияние римских династий на папство, но и не открыл путь чересчур широким реформам. Уже Генрих III понимал, что чрезмерное укрепление папской власти не отвечает его интересам, ибо папа также может восстать против императора. Однако это был объективный процесс: экономические и политические условия светско-державных устремлений папства формировались в рамках феодальных отношений, в условиях все возрастающих церковных землевладений, что, следовательно, находило отражение и в политической консолидации. В то же время королевские владения все более сокращались, и это вело к ослаблению центральной власти.

Развернувшееся еще в первой половине XI в. церковное (монастырское) движение за реформы нельзя считать непосредственным предшественником григорианского папства, но несомненно, что движение за реформы политически и идеологически подготовило почву внутри и вне церкви для папства нового типа, стремящегося к светской власти, что и достигло своей цели при папе Григории VII (1073-1085) Гильдебранте. Но в это время норманы захватывают Бари, последний оплот Византии. В 1072 г. папа Григорий VII дарует пирату-норману Роберту Гвискару титул герцога Апулийского и Калабрийского, а позднее его брат Роджер завоевывает Сицилию и становится графом Сицилийским². А на востоке новый опасный враг — турки-сельджуки, приближается к границам Европы. Даже византийский император Алексей Комнин вынужден был обратиться за помощью к папе Урбану II с просьбой помочь освободить Святую Землю.

¹ Там же. С.86–88.

² *Сергеев А. Г. Правители государств и отцы церкви Европы за 2000 лет. Владимир: «Посад», 1997. С. 204.*

Надо отдать должное Западной Церкви, она умело воспользовалась создавшейся ситуацией. Собор, созданный в ноябре 1095 г. в Клермоне (Франция), явился важным событием в истории папства. Именно здесь папа Урбан II провозгласил первый крестовый поход. Из идеи григорианского папства следовало, что папа считает себя также главным лицом в деле дальнейшего распространения христианства. Не случайно Григорий VII в свое время выдвинул идею крестовой войны против неверных, это произошло после того, как в 1071 г. Иерусалим, которым владела Византия, попал в руки сельджуков.

Поскольку в Европе все народы стали христианскими, то завоевания, связанные с христианской миссией, обратились в сторону новых территорий, что означало борьбу с внутренними и внешними врагами христианства. Внутренними врагами явились принимавшие все более широкие масштабы еретические движения, против которых папы вели настоящие войны на истребление. Внешними врагами были арабские и турецкие завоеватели. Папа Урбан, опираясь на Францию, осуществил идею Григория VII, призвав христианских государей и народы отвоевать Палестину от неверных: формальной причиной было восстановление безопасности паломников, стремящихся на Святую Землю. Однако причины возвращения святых мест в действительности были намного прозаичнее. Наиболее заинтересованными в этом с материальной точки зрения были торговые города Италии, которые за большие деньги брались оснастить войско и перевезти его по морю. В ходе завоеваний они намеревались создать для себя и новые торговые базы, поскольку турецкая экспансия все больше и больше стала угрожать их восточным торговым интересам.

По призыву папы сотни тысяч обездоленных людей, собранные в вооруженные отряды крестоносцев¹, в период 1096–1291 гг., в так называемую эпоху крестовых походов, отвоевали и долго удерживали перед лицом превосходящих сил ислама Сирию и Палестину — Святую Землю, с главнейшими святынями христианского мира. Крестоносцы (называвшие себя пилигримами, то есть паломниками в Святую Землю) во главе с рыцарями, то есть конными ратниками, шли на брань под знаменем креста, с боевым кличем «Deus vult!» («Так хочет Бог!»).

Больше всех от этих походов выиграли итальянские купцы, чьи расчеты оправдались довольно быстро. Торговые пути на Восток стали более надежными, строились новые поселения. Купцы находились под защитой крестоносцев, полувоенное государство которых — Иерусалимское коро-

¹ Повторимся, по-латыни «militia armata», ибо латинское слово «miles» — «воин», «ратник» к тому времени стало означать исключительно конного рыцаря — «кавалера», т. е., в первоначальном значении этого слова — «конник», «кавалерист».

левство, создало своеобразные организации, так называемые рыцарские ордена. Эти монашеские корпорации, находившиеся под покровительством Рима, хотя и были предназначены в первую очередь для ухода за больными паломниками и рыцарями, защиты пилигримов, но осуществляли другие церковные функции, в частности следили за внедрением католических идей и пресечения ересей. Из этих монашеских общин к XII в. сложились военно-монашеские или духовно-рыцарские ордена. Первыми членами орденов тамплиеров, госпитальеров и немецкого (тевтонского) рыцарского ордена стали рыцари, давшие монашеский обет.

Как видим, появившиеся первоначально стихийно, для оказания помощи паломникам в Палестине, небольшие группы лиц, объединившиеся в общины, вскоре стали необходимы политическим, но особенно религиозным деятелям. В ходе «священной войны» крестоносцам удалось преодолеть противоречие между религиозной и ратной службой. Поэтому, повторимся, возникшие в эпоху Крестовых походов рыцарские ордены (или военно-духовные союзы, или братства) были вскоре полностью уравнены в правах с возникшими несколько ранее чисто монашескими орденами. Отныне рыцари, сражавшиеся с мечом в руке, могли одновременно принять монашеский постриг и носить поверх брони рясу с изображением креста. Так возникло новое «*militia Christi*» («Христово воинство», в буквальном смысле слова), признававшее над собой только власть главы Римской Церкви — папы.

Как указывает Ё. Гергей, после окончательного разрыва с Восточной (православной) Церковью, в Католической Церкви было достигнуто догматическое единство; длительное время народные ереси, направленные против церковной иерархии, основывались на различных течениях, отклонившихся от официальной церковной доктрины. Укрепление единства церкви — это не религиозный вопрос, а церковно-административная проблема. Гарантом единства католической церкви становится римский папа. Ссылаясь на высшую власть учения, обусловленного догматами, папа хотел обеспечить также исключительность своего верховенства и в церковно-административной области. Целью его было создание централизованного абсолютистского церковного правления, которому препятствовала государственно-церковная партикулярная раздробленность европейских феодальных государств, укрепившихся к XI в., их отрыв от центрального (римского) управления.

Духовно-рыцарские ордены, возникшие в Святой Земле, становятся крайне нужны папам в их борьбе за власть. Дарование им привилегий, нарушающих подчинение как гражданской, так и церковной власти ставит их в большую зависимость от Рима. Ордены становятся верным отрядом пап. Среди многих самым верным и преданным становится орден

госпитальеров, организационно созданный к 1099 г. как монашеский орден он был позднее преобразован в рыцарский орден. Госпитальеры помимо тройственного обета приняли четвертый — уход за больными. Их устав сходен с уставом тамплиеров, он был утвержден папами Евгением III и Луцием II. Члены носили особую одежду — плащи черного цвета с белым крестом и красные супервесты (одеваемые во время военных действий). Вскоре госпитальеры стали фактически вооруженными защитниками Святой Земли и вплоть до падения Акры упорно сражались с турками. Этот рыцарский орден, как и орден тамплиеров, был организован и руководим французами.

На первом этапе своей истории орден госпитальеров прошел общий характерный для всех духовно рыцарских орденов путь. Распространение христианства в Европе, установление его в качестве государственной религии практически во всех европейских государствах, стало основой, на которой создавалась идеология средневекового общества. А в рамках теократической папской власти обе функции братства госпитальеров были объединены и взаимообусловлены.

Как уже отмечалось, Западная Церковь быстро поняла значение этого братства, и с соблюдением всех необходимых канонических формальностей оно было преобразовано папой Пасхалием II 15 февраля 1113 г. в орден, освобожденный от зависимости от каких бы то ни было светских властей¹. Такое решение полностью соответствовало идее распространения с одной стороны церковно-административной верховной власти папы вовнутрь (внутри церкви), а это означало, что национальные церкви подчиняются Риму, иерархи церкви зависят от папы, таким образом, реализуется принцип церковного универсализма. С другой стороны, осуществление примата наружу, в отношении к светской власти, означало, что единство церкви можно защитить лишь путем борьбы с партикулярными интересами светских государств; первейшим средством для достижения этой цели была передача Риму права назначать высших чинов церкви.

Надобность в наличие такой структуры понимали и последующие папы, которые подтверждали привилегии госпитальеров и предоставляли им новые дополнительные привилегии, вплоть до изъятия Ордена из подчинения местных церковных и даже светских властей.

В X в. члены братства занимались только так называемой госпитальерской деятельностью. Но уже в XI в. у ордена появляются дополнительные обязательства по обороне своей собственности в государстве крестоносцев. Госпитальеры наряду с помощью больным активно участвуют в

¹ *Pierredone M. Histoire politique de l'Ordre souverain des hospitaliers de Saint Jean de Jérusalem. Vol. 1. Paris, 1956. P. XXII.*

расширении и укреплении границ Иерусалимского королевства. С течением времени, благодаря вступлению в его ряды знатных лиц, щедрым пожертвованиям от коронованных властителей Европы, орден становится владельцем обширных территорий, приносящих большой доход.

Однако церковные реформы папы Григория VII довели идею церковно-административной верховной власти папы до логического конца. Святой Престол попытался распространить примат папы и на область политики. Примат Святого Престола в области догматов уже на протяжении многих веков никто не подвергал сомнению. И в церковной иерархической администрации, хотя и не без сопротивления, верховенство папы было принято. Григорий VII и его преемники путем переосмысления прежнего дуализма в органичном единстве с церковным универсализмом, а также под руководством папы хотели осуществить и политический универсализм. Для реализации этой концепции во главе христианского сообщества должен находиться папа, который занимает и место императора¹.

Почвой и питательной средой для эффектного политического мифа всегда оказывается массовая (общепринятая) нормативность. Это чаще всего нормативность представлений о должном и о справедливости. И тогда «справедливость» претензий к власти оказывается главным мотором революций. Вот тогда «справедливость» заявления о высшей ценности «слезинки ребенка» может заблокировать любую политику власти, всегда стоящей перед практическим выбором из плохого и самого худшего. И тогда «справедливость» утверждения о невозможности сотрудничества с врагом лишает легитимности оппозицию, заподозренную в подобном сотрудничестве. А «справедливость» тезиса о необходимости защиты и лечения паломников, направляющихся в святые места, оказывается главным мотивом создания и существования большинства (имеющих очень слабое отношение к гуманитарности и справедливости) рыцарских орденов.

В конце XIII в. внимание пап было обращено на страны, лежащие за пределами Италии. Рим оказывал серьезную поддержку восточным завоеваниям Немецкого рыцарского ордена, осевшего в Пруссии. В то же время отчасти в результате распрей между рыцарскими орденами тамплиеров и госпитальеров, а в первую очередь в результате освободительной борьбы балканских народов византийский император, заключивший союз с Генуей против Венеции, в 1261 г. восстановил свою власть на территории Латинской империи. Внутри церкви папы на стороне нищенствующих орденов вмешивались в дискуссии — в первую очередь в Парижском

¹ Гергей Е. История папства... С. 108.

университете — о понятии «бедность». Но за внешним различием взглядов стоял антагонизм между богатым высшим духовенством и нищенствующими орденами. В Европе возникает недовольство богатыми орденами тамплиеров и госпитальеров. Действительно у этих привеллежированных орденов материальные заботы стали настолько превалировать над духовными, что даже папа Григорий IX стал упрекать госпитальеров, что они «не защищают Палестину, а мешают тому, предаваясь раздорам из-за какой-то мельницы».

При понтификате папы Николая IV пали последние крепости, находившиеся в руках христиан в Палестине и Сирии: в 1289 г. — Триполи, а в 1291 г. — Акра. Падение Иерусалимского королевства, созданного крестовыми походами, заставило орден госпитальеров отступить вначале на Кипр, а затем захватить Родос. Здесь создается государство, занятое не только обороной собственных владений, но и борьбой с мамлюками, а с XIV в. — с османами. При этом госпитальеры нередко сами совершали пиратские набеги на своих врагов. На Родосе полностью сложилась организационная структура ордена.

Однако события с папской властью определенным образом отражаются и на Ордене родосских рыцарей. В 1305 г. по желанию французского короля папой был избран кардинал, архиепископ Бордоский, взявший имя Климента V (1305–1314). Он происходил из мелкой дворянской гасконской семьи. Новый папа, сославшись на анархию, царившую в Церковном государстве и в Риме, отклонил просьбу кардиналов приехать в Рим для интронизации. Он предпочел пригласить кардиналов в Лион. Папа Клемент V так никогда и не увидел Италию; с 1309 г. он окончательно переместил папскую курию в Авиньон. Авиньон в то время представлял собой небольшой город на реке Рона на юге Франции, в котором находилась резиденция местного епископа. Вместе с графством Авиньон он был владением Германно-Римской империи, переданным императором в лен неаполитанскому королю. Но так как неаполитанский король одновременно был и вассалом папы, то, таким образом, Авиньон оказался подходящим местом для папской курии, ибо формально он не был частью Французского королевства.

К этому времени противостояние двух орденов — госпитальеров и храмовников (тамплиеров) — все более обостряется. И здесь помощь оказал папа Климент V не только ордену госпитальеров, но и французскому королю Филиппу Красивому в уничтожении рыцарского ордена тамплиеров. В 1307 г. по приказу короля французские рыцари-тамплиеры были арестованы, их руководителей заточили в тюрьму крепости Тамплъ, которую когда-то построили сами тамплиеры. Инквизиционный процесс,

длившийся почти семь лет, сопровождался пытками и допросами. По настоянию короля папа Климент V призвал и других монархов распустить Орден тамплиеров.

Почему же все-таки была проведена акция против тамплиеров? Центром ордена, после того как рыцари оказались вытесненными со Святой Земли, с 1291 г. стал Кипр, а затем с 1310 г. — Франция, точнее, Париж. Между тем тамплиеры благодаря банковским операциям и торговой деятельности приобрели огромные богатства; они были первыми кредиторами королей и пап. В то же время орден умело конспирировал свою банковскую сеть. На Востоке, как считается, члены ордена переняли определенные культовые ритуалы, обряды посвящений, не характерные для христианских религий. (Позже эти обряды ожили в тайных ритуалах франкмасонских лож). Орден тамплиеров приобрел не только финансовое, но и политическое влияние. Он успешно противостоял абсолютистской власти Филиппа IV, задолжавшему Ордену огромные деньги. Вот почему король стремился заполучить в свои руки имущество рыцарей, а также ликвидировать их политическое влияние.

В 1307 г. тамплиеры предстали перед инквизицией по обвинению в богохульстве, ереси и разврате (содомия). Законы того времени рассматривали гомосексуализм наказуемым деянием. Однако обвинения, по всей вероятности, не были в достаточной степени обоснованы, в еще меньшей степени инквизиция могла располагать доказательствами вины. Инквизиция бросила в тюрьмы около 15 тыс. французских рыцарей-тамплиеров и какую-то часть из них уничтожила. Для полной расправы с Орденом тамплиеров светская власть нуждалась в помощи со стороны папы. Именно поэтому Климент V созвал в октябре 1311 г. Вьеннский вселенский собор. Собор, подчинившись вооруженной силе французского короля, объявил в марте 1312 г. о роспуске рыцарского ордена тамплиеров, а выдвинутые против него обвинения признал обоснованными. В булле «*Vox clamantis*», в которой сообщалось о принятом решении, папа передавал имущество тамплиеров ордену госпитальеров. Однако на самом деле большая его часть была поделена между французским королем и герцогами.

После церковного осуждения уже не существовало никаких препятствий для казни иерархической верхушки тамплиеров. 18 марта 1314 г. в Париже были сожжены на костре Великий Магистр Ордена Жак де Моле и его ближайшие сподвижники. А родосский Орден госпитальеров получил немало земельных владений своих противников в различных государствах Европы. Однако последующее двухсотлетнее противостояние Ордена госпитальеров и Османской империи привело к отступлению госпитальеров. В течение всего времени Орден госпитальеров, хотя и являлся сувереном Родоса, но находился в постоянной связи с папской властью.

Получив в 1530 г., не без помощи папы Климента VII, бывшего когда-то рыцарем-госпитальером, остров Мальту от Императора Священной Римской империи германской нации Карла V, Орден стал с тех пор именоваться еще и Мальтийским: А вскоре стал полноправным феодальным государством Западной Европы.

Более чем двухсотлетний период владения Мальтой рисуется зарубежными исследователями как период процветания Ордена, новый этап в проведении благотворительных мероприятий, которыми госпитальеры прославились в прошлом. Однако на деле это было обыкновенное феодальное государство, мало чем отличающееся от подобных государств Западной Европы. Такой же жесткий контроль и закабаление местного населения со стороны правящей верхушки. И даже победы над Османской империей, о которых было написано немало восторженных книг в тот период времени, на деле одерживались с помощью местного населения, наемных войск, руководимых мальтийскими рыцарями, при поддержке венецианского и испанского флотов.

Хотя дальнейшая история ордена госпитальеров выходит за рамки нашего исследования, необходимо в самых общих чертах сказать, что к XVIII в. сложился весьма устойчивый миф о великодушии, благородстве, высокой нравственности мальтийских рыцарей, что приводило к желанию многих стать членами столь прославленного ордена. Но внутренние противоречия, о которых было мало известно, привели к краху Мальтийского Ордена, сделали его зависимым от многих суверенов Европы. Толчок к падению Ордена дала Французская революция 1789–1794 гг. Тогда-то орденская верхушка бросилась искать надежную опору, которую нашла в лице России. Русский император по просьбе Ордена стал его Протектором. Но последовавшая вскоре капитуляция Мальты привела к ликвидации Мальтийского Ордена. И хотя император Павел I, став Великим Магистром Ордена Св. Иоанна, сделал все возможное для восстановления его государственности, завершить это дело до конца ему не удалось. Территориальное расположение острова Мальты делало ее лакомым куском в борьбе многих европейских государств, владеть ею стали сильнейшие, вначале Франция, а затем более чем на столетие Англия. Амьенский договор, по которому Мальту должны были вернуть Ордену, был не выполнен. Развитие Мальты пошло своим путем, вначале как колонии Англии, и только с 1964 г. — как самостоятельного средиземноморского государства. На Мальту Орден госпитальеров больше не вернулся. И если до последних лет госпитальеры надеялись обосноваться на острове, то после вступления Мальты в ЕС этот вопрос окончательно снят с повестки дня.

До сих пор во многих странах сохраняется большой интерес к членству в Ордене госпитальеров, в чем-то этот интерес носит завесу таинственности, секретности, как многие думают. Кое-кто считает, что мальтийские рыцари, получая посвящение, получают и некие таинственные, мистические знания, которые якобы передаются из века в век. На деле же это фантастические легенды, ничем не подкрепленные, вера в которые, постоянно поддерживается на страницах мировой желтой прессы, и Россия в этом не исключение.

Да, сегодня орден госпитальеров, больше известный как Мальтийский Орден, действительно занимает самое престижное место среди международных элитных клубов, а в состоятельных кругах многих стран сохраняется стремление войти в его члены. Однако в свой круг госпитальеры не очень-то кому позволяют вступить. Мы не должны забывать, что современное западное общество, его истеблишмент, представляет собой структуру, которую можно определить как «клубная система». И не важно, сколь большие средства имеет человек: если он не в рядах членов таких клубов, то дверь в высший свет для него закрыта. Таких клубов много, и далеко не все они состоят из масонов, как это пытаются внушить нам в нашей стране современные «религиозные публицисты». Для них так легче найти врагов, есть, кого обвинить в своих собственных недостатках и просчетах. Так вот в современном западном обществе в большой моде остаются ордены, которые так или иначе называются *«мальтийские»*, *«святого Иоанна»*, *«госпитальеров»*.

Современный католический Мальтийский Орден считает их всех фальшивыми, называет самозванными и т. п. Но запретить их существование у Мальтийского Ордена нет возможностей. Устанавливаемые нынешними госпитальерами дипломатические отношения больше дань традиции, которые пытается сохранять это государствовподобное образование, не имеющее ни одного гражданина. В то же время одно остается несомненным, в существующем виде «Суверенный Рыцарский Орден Госпитальеров Святого Иоанна Иерусалимского, рыцарей Родоса и Мальты» — европейская реальность, хотя и воспринимаемая как исторический рудимент.

Приложения

Приложение 1

Великие магистры Ордена госпитальеров

Магистры, избранные в Иерусалиме

1. Брат Жерар (Герард) де Торн	† 3.9.1120
2. Раймонд дю Пюи	1120 – 1158/60
3. Оже де Бальбен	1158/60 – 1162/63
4. Арно де Комп	1162/63
5. Жильбер д'Ассайи	1163 – 169/70
6. Гастон де Моруа	1170 (?) – 1172 (?)
7. Жибер (Гвиберт)	1172 (?) – 1177
8. Роже де Мулэн	1177 – 1187
9. Эрменгард д'Апс	1188 – 1189/90
10. Гарнье де Наплус	1189/90 – 1192

Магистры, избранные в Маргате и Птоломаиде

11. Жоффруа (Готфрид) де Донжон	1193 – 1202
12. Альфонс Португальский	1203 – 1206
13. Жоффруа ле Ра	1206 – 1207
14. Гарэн де Монтегю	1207 – 1227/28
15. Бертран Тесси	1228 – 1231
16. Герэн	1231 – 1236
17. Бертран де Ком	1236 – 1239/40
18. Пьер де Вьей-Брид	1239/40 – 1242
19. Гийом де Шатонеф	1242 – 1258
20. Гуго де Ревель	1258 – 1277
21. Никола Лорнь	1277/8 – 1284
22. Жак де Вилье	1284/5 – 1293/4

Магистры, избранные на Кипре

23. Одон де Пэн	1294 – 1296
24. Гийом де Вилларе	1296 – 1305
25. Фуке де Вилларе	1305 – 1319

Магистры, избранные на Родосе

26. Элион де Вилленев	1319 – 1346
27. Дьедоннэ де Гозон	1346 – 1353
28. Пьер де Корнейан	1353 – 1355
29. Роже де Пэн	1355 – 1365
30. Раймон Беранже	1365 – 1374
31. Робер де Жюийяк	1374 – 1376
32. Хуан Фернандес де Эредиа	1376 – 1383
33. Ришар Карратело	1383 – 1396
34. Филибер де Найяк	1396 – 1421
35. Антуан Флювиан де ля Ривер	1421 – 1437
36. Жан де Ластик	1437 – 1454
37. Жак де Мийи	1454 – 1461
38. Пьер Раймонд де Закоста	1461 – 1467
39. Джованни Батиста Орсини	1467 – 1476
40. Пьер д'Обюссон	1476 – 1503
41. Эмери д'Амбуаз	1503 – 1512
42. Ги де Бланшефор	1512 – 1513
43. Фабрицио дель Каретто	1513 – 1521
44. Филипп Вилье де л'Иль Адан	1521 – 1534

Магистры, избранные на Мальте

45. Пьер дель Понте	1534 – 1535
46. Дидье де Сен-Жайль	1535 – 1536
47. Хуан де Хомедес	1536 – 1553
48. Клод де ля Сенгль	1553 – 1557
49. Жан Паризо де ля Валетт	1557 – 1568

Приложение 2

Правители Латино-Иерусалимского королевства

Период правления	Правитель
1099 – 1100	Годбрид Бульонский (Годфрау)
1100 – 1118	Балдуин I
1118 – 1123	Балдуин II
1123 – 1224	Евстахий Гранье, Гильом де Бюр и Гормон де Пикиньи (регентство)

1124 – 1131	Балдуин II
1131 – 1143	Фульк и Мелисанда
1143 – 1150	Мелисанда (регенство)
1150 – 1162	Балдуин III
1162 – 1174	Амори I

В 1171 г. Амори I в Константинополе объявил себя вассалом императора Мануила I Комнина

1174 – 1174	Милон (Миль) де Планси (регенство)
1174 – 1175	Раймунд III, граф Триполи (регенство)
1175 – 1176	Филипп I, граф Фландрии (регенство)
1176 – 1176	Рено де Шатилон, синьор Трансиордании (регентство)
1176 – 1180	Балдуин IV
1180 – 1184	Ги де Лузиньян (регенство)
1184 – 1186	Раймунд III, граф Триполи (регенство)
1186 – 1192	Ги де Лузиньян

2 октября 1187г. Салах ад-Дин взял Иерусалим

1187 – 1192	Ги де Лузиньян и Конрад де Монферрат, синьор Тира
1192 – 1197	Генрих I
1197 – 1205	Амори II
1205 – 1210	Жан д'Ибелен (регенство)
1210 – 1225	Иоанн I (Жан)
1225 – 1228	Изабелла II
1229 – 1246	Алиса (регенство)
1247 – 1259	Генрих де Лузиньян (регенство)
1259 – 1268	Конрад II
1269 – 1277	Гуго I
1278 – 1285	Карл Анжуйский
1285 – 1291	Генрих II

В 1291 г. Мамлюк захватил Палестину

Приложение 3

Правители королевства Кипр (1192–1324)

Ниже представлен список правителей королевства Кипр. Под правителями подразумеваются лица, непосредственно занимающиеся управлением королевства.

Период правления	Правитель
1192 – 1194	Ги де (Гвидо) Лузиньян (сеньор)
1194 – 1205	Амори I
1205 – 1218	Гуго I
1225 – 1227	Филипп I (регентство)
1227 – 1253	Генрих I
1253 – 1267	Гуго II
1267 – 1284	Гуго III
1284 – 1285	Иоанн I (Жан)
1285 – 1306	Генрих II
1306 – 1310	Амори (губернатор)
1310 – 1324	Генрих II

Приложение 4

Патриархи Иерусалима

Патриархи Иерусалимской Православной Церкви (эпоха ордена Храма)¹

1084–1106	Симеон II
...	Савва
1106–1156	Иоанн VIII
...	Николай
1156–1166	Иоанн IX
1166–1170	Никифор II
1170–1190	Леонтий II
1191	Досифей I
1191	Марк II
до 1223	Евфимий II
1224–1236	Афанасий II
1236	Софроний III
1298	Григорий I
1298	Фаддей

¹ http://www.holyfire.org/history_JerPatriarhi.htm

Патриархи Иерусалимской Римско-католической Церкви (эпоха ордена Храма)¹

август — декабрь 1099	Арнульф де Роол (<i>Arnoul</i>)
1100 — сентябрь 1102	Даимберт Пизанский (<i>Daimbert</i>)
1102–1108	Эвремар (<i>Evremer</i>)
1108–1112	Гибелин де Сабран (<i>Gibelin</i>)
1112–1118	Арнульф де Роол (<i>Arnoul</i>)
1118–1128	Гормон де Пикиньи (<i>Garmond de Picquigny</i>)
1128–1130	Эд Шартский
1130–1145	Гильом Мессинский
1146–1157	Фульхерий Ангулемский (<i>Foucher</i>)
1157–1180	Амори де Нель (<i>Amaury</i>)
1180–1191	Иракий (<i>Heraclius</i>)
1191–1194	Рауль (<i>Raoul</i>)
1194–1202	Эймар Монах (<i>Aymar the Monk</i>)
1202–1205	два папских легата управляли патриархатом
? 1205–1214	Альберт Авогадро (<i>Albert Avogadro</i>)
1214–1225	Рауль де Меранкур (<i>Raoul de Merencourt</i>)
1225	Томас Капуа (<i>Thomas of Capua</i>) (избран, не утвержден)
1225–1238	Джеральд Лозанны (<i>Gerald of Lausanne</i>)
1238–1240	свободно
1240–1254	Роберт Нанта (<i>Robert of Nantes</i>)
1254	Оризо, патриарх Антиохии (избран, не утвержден)
1255–1261	Жак Панталеон (<i>Jacques Pantaleon</i>) (папа римский Урбан IV)
1261–1270	Гильом Эген (<i>William of Agen</i>)
1271–1277	Томас Агни (<i>Thomas Agni of Cosenza</i>)
1278–1279	Джон Эйглир (<i>John Ayglier</i>)
1279–1287	Элидж (<i>Elijah</i>)
1288–1291	Николас (<i>Nicholas of Hanapes</i>)

¹ Ришар Ж. Латино-Иерусалимское королевство / Пер. с фр. А. Ю. Карачинского СПб.: Евразия, 2002.

Содержание

Введение.....	5
Глава 1. Возникновение духовно-рыцарских орденов.....	16
Глава 2. Орден госпитальеров в отечественной и зарубежной историографии.....	30
Глава 3. Предыстория Палестины. Братство госпиталя св. Иоанна до начала Крестовых походов.....	37
Глава 4. Орден госпитальеров в период первых Крестовых походов.....	88
Глава 5. Орден госпитальеров и другие духовно-рыцарские ордены в Палестине.....	123
Глава 6. Госпитальеры в Святой Земле.....	131
Превращение странноприимного братства госпитальеров в рыцарский орден.....	144
Госпитальеры в Киликийском армянском царстве.....	164
Глава 7. Орден госпитальеров и «разделение» церквей.....	181
Глава 8. Константинопольский приорат Ордена госпитальеров.....	200
Глава 9. Падение Иерусалима в 1187 г. Королевство Акры.....	205
Битва при Хаттине.....	205
Глава 10. Орден госпитальеров в начале XIII века.....	225
Четвертый (1202–1204 гг.) Крестовый поход против христиан.....	225
Крестовый поход императора Фридриха II (1228–1229 гг.).....	240
Глава 11. Орден госпитальеров в середине XIII века.....	250
Первая битва в секторе Газа.....	250
Вторая битва в секторе Газа.....	251
Крестовый поход короля Людовика IX Святого (1248–1254 гг.).....	253
Глава 12. Последние годы пребывания духовно-рыцарских орденов на Святой Земле.....	262
Татаро-монголы в Палестине.....	262
Великий Магистр госпитальеров Гуго де Ревель (1258–1277).....	283
Попытка реформирования рыцарских Орденов на Лионском Соборе.....	285
Последние десятилетия христиан в Святой Земле.....	288
Борьба за Акру.....	292
Глава 13. Орден госпитальеров на Кипре.....	302
Глава 14. Орден госпитальеров и процесс над тамплиерами.....	320

Глава 15. Орден госпитальеров на Родосе.	341
Первая осада турками Родоса (23 мая – 17 августа 1480 г.).....	391
Штурм Родоса	396
Вторая осада и уход госпитальеров с Родоса (с 26 июня 1522 г. по 2 января 1523 г.)	398
Глава 16. Орден госпитальеров после сдачи Родоса.	406
Жалованная грамота императора Карла V Ордену святого Иоанна Иерусалимского на владение островом Мальтой.....	412
Глава 17. Заключение.	439
Приложения.	457
1. Великие магистры Ордена госпитальеров.....	457
2. Правители Латино-Иерусалимского королевства.....	458
3. Правители королевства Кипр (1192–1324)	459
4. Патриархи Иерусалима	460

Владимир Александрович Захаров
Владимир Николаевич Чибисов

Орден госпитальеров

Научное издание

Главный редактор издательства *И. А. Савкин*
Дизайн обложки *И. Н. Граве*
Редактор *Р. А. Гимадеев*
Оригинал-макет *Ж. О. Григорьева*

ИД № 04372 от 26.03.2001 г.
Издательство «Алетейя»,
192171, Санкт-Петербург, ул. Бабушкина, д. 53.
Тел./факс: (812) 560-89-47
E-mail: office@aletheia.spb.ru (*отдел реализации*),
aletheia@peterstar.ru (*редакция*)
www.aletheia.spb.ru

Фирменные магазины «Историческая книга»:

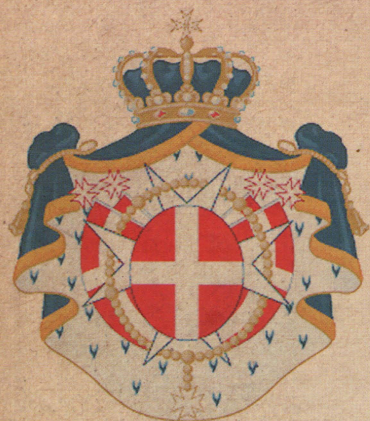
Москва, м. «Китай-город», Старосадский пер., 9. Тел. (495) 921-48-95
Санкт-Петербург, м. «Чернышевская», ул. Чайковского, 55.
Тел. (812) 327-26-37

*Книги издательства «Алетейя» в Москве
можно приобрести в следующих магазинах:*

«Библио-Глобус», ул. Мясницкая, 6. www.biblio-globus.ru
Дом книги «Москва», ул. Тверская, 8. Тел. (495) 629-64-83
Магазин «Русское зарубежье», ул. Нижняя Радищевская, 2.
Тел. (495) 915-27-97
Магазин «Гилея», Нахимовский пр., д. 56/26. Тел. (495) 332-47-28
Магазин «Фаланстер», Малый Гнездииковский пер., 12/27.
Тел. (495) 749-57-21, 629-88-21
Магазин издательства «Совпадение».
Тел. (495) 915-31-00, 915-32-84

Подписано в печать 26.05.2009. Формат 60x88 1/16.
Усл. печ. л. 29. Печать офсетная. Тираж 1000 экз.
Заказ № 17681.

Отпечатано по технологии CtP
в ОАО «Печатный двор» им. А. М. Горького
197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15

В книге впервые в комплексе исследуется история одного из древнейших духовно-рыцарских орденов Католической церкви — Ордена госпитальеров или иоаннитов. Ныне он широко известен под именем Мальтийского Ордена. Его судьба сплелась не только с историей Палестины, Византийской Империи, многих государств Западной Европы, но в конце XVIII века и с судьбой Российской Империи, когда всероссийский император Павел I стал 72-м Великим Магистром Державного Ордена св. Иоанна Иерусалимского. И хотя совсем недавно в Европе прошли торжества, посвященные 900-летнему юбилею ордена госпитальеров, тем не менее, он имеет более древнюю историю. В отечественной исторической литературе эта тема поднимается впервые.